

Глава 1

Откуда взялся этот Мирзаянов?

Когда я задумываюсь о том, что в начале 90-х годов заставило меня выступить со статьями о российском химическом оружии и секретах военно-промышленного комплекса, перевернувшими всю мою жизнь, то неизбежно прихожу к выводу, что ничего случайного в этом не было. Хотя, многие, наверное, задавались вопросом: "Что было нужно этому ученому-химику, который, наверное, не так уж плохо жил в этой стране и при этой власти?" Было ли то, что я сделал, эмоциональной вспышкой, безрассудством? Нет, не было. Я прокручиваю всю свою жизнь как киноленту и вижу, что сделать вызов лжи, в которой погрязло это государство, меня побудила целая цепь событий в судьбе страны и моего народа...

Происхожу из семьи сельского учителя. Мой отец родился в 1902 году в семье сельского муллы Мирзаяна из рода Казаковых. Его дед и прадед, согласно сохранившимся архивным документам, были муллами. По преданиям, Казаковы происходят из оренбургских татар. Часть этого рода занималась торговлей, а другие стали мусульманскими священнослужителями. Известно, что в Казани одним из Казаковых была построена мечеть, которая в советское время была превращена в склад и практически разрушена.

Хотя мусульмане до революции не носили фамилии, но "кушамат" Казак (своеобразное прозвище, по обычаю, бытующему в татарских селах, добавляемое к имени) закрепился за ними после того, как они участвовали в восстании оренбургского казака Емельяна Пугачева против царя.

Дед мой умер после возвращения из паломничества в Мекку, в возрасте 30 с небольшим лет, когда отцу было около года. Моя бабушка, Минъямал, осталась вдовой, имея пятерых несовершеннолетних детей, старшему из которых тогда шел всего восьмой год... Тем не менее, происхождение отца было на всю его жизнь черным пятном и стало тормозом для его учебы и продвижения. К тому же он в дореволюционное время и несколько лет после революции учился в медресе – мусульманской духовной школе, готовясь стать по семейной традиции муллой.

С родителями. 1969 г.

Полагаю, что в дальнейшем многие поступки отца объяснялись тем, что он стремился доказать: его происхождение ничего не значит в вопросе лояльности новому режиму и он готов служить ему всей верой и правдой. Отец стал убежденным коммунистом. Не хочу ни обвинять, ни оправдывать его, поскольку другого выбора у него не было. Поскольку по всем статьям того времени он был глубоко враждебным элементом, выжить иным способом он бы не смог.

Тогда ровным счетом ничего не значило, что мой отец вырос сиротой, практически в нищете. В 1916 году на германском фронте погиб его старший брат Фазлиахмет, которому шел всего двадцать третий год...

Но родовые корни все равно делали отца классово чуждым элементом. Даже его мать, моя бабушка, происходила из рода Валитовых, которых в народе звали дворянами. Дело в том, что Валитовы наравне с русскими дворянами пользовались всеми правами на землевладение и имущество. За это они должны были проходить службу в царской гвардии, идя туда со своим конем и обмундированием.

Известно, что во время бесконечных войн в Европе царские полководцы бросали на атаку первыми башкирских конников, что приводило часто к перелому в сражениях в пользу русских. Но при этом многие гибли и мужская часть населения Башкортостана таяла на глазах. Есть все основания полагать, что это была продуманная политика царской администрации, которая сознательно обескровливала своих извечных соперников татар и башкир. Те, разумеется, понимали отчаянность своего положения и регулярно восставали против царя. Но всякий раз терпели поражение – слишком неравны были силы. Я не собираюсь здесь спорить на исторические темы, не в этом цель этой книги. Однако, для понимания моего пути к истине, без некоторого экскурса в историю все же не обойтись. А ведь в наши дни есть те, кто идеализирует царское самодержавие, испытывая ностальгию по тем временам, когда великорусский шовинизм был, по сути, государственной политикой. Но исторические факты – вещь упрямая и они полностью развенчивают любую попытку обелить русскую экспансию, которая стоила огромных жертв и стала тормозом в развитии нерусских народов, к своему несчастью, исторически обреченных на соседство с русскими. Судите сами: перед взятием Казани Иваном Грозным в 1552 году, численность татар и башкир была равна численности русских. И тех, и других было примерно по 7 миллионов. Через четыреста лет число русских превышало 160 миллионов, в то время как численность татар и башкир осталась практически на прежнем уровне. Читатель сам может делать выводы насчет масштабов ассимиляции и целенаправленного геноцида тюркоязычного населения России. Наши народы были низведены до рабского

состояния. Русские цари едва не вернули татарский и башкирский народы в каменный век, запретив им заниматься ремеслами, связанными с обработкой железа, чтобы порабощенные народы не могли вооружить себя и восстать против угнетателей. Мало того, татарам и башкирам запрещали вступать в браки друг с другом, чтобы эти два родственные народа не стали единым и сильным организмом, способным бороться с общим врагом в лице российского империализма. Эти запреты были отменены лишь после февральской революции 1917 года, но отголоски тех колониальных порядков мы сполна ощущаем на себе и сейчас.

Некоторые пытаются доказывать, что большевики были интернационалистами, полностью отвергающими великорусский шовинизм и уравнили в правах все народы, населяющие Российскую империю. К сожалению, в этих утверждениях очень мало правды, если не сказать, что ее нет совсем. Я думаю, правда здесь заключается в том, что большевизм трансформировал царский великорусский шовинизм в коммунистическую демагогию, придав ему более изощренный, гибельный для малочисленных народов характер. Факты говорят сами для себя.

В 1927 году советская власть наложила запрет на использование татарами и башкирами арабского алфавита, на котором они писали и читали более 1000 лет. Тем самым большевики отрезали эти народы от их многовековой истории и культуры. Этот запрет имеет фатальные последствия для поколений, рожденных после большевистского путча 1917 года. Они в буквальном смысле стали поколениями без рода и племени, не знающими своего прошлого. К примеру, я, как и миллионы других татар, не знаю арабского алфавита и поэтому не знаком с литературой моего народа, созданной до 1917 года.

Другой классический пример большевистской политики – создание национальной карты большевистской империи. Границы национальных республик скроили так, чтобы вызвать вечную непреодолимую вражду между народами. В 1918 году появилась первая в большевистской России автономная республика – Башкортостан. Но основные земли с преобладающим башкирским населением на Урале и Зауралье не были включены в состав республики. Так была заложена мина замедленного действия, которая по сей день отравляет жизнь русского, татарского и башкирского народов. Подобные мины сегодня взорвались на Кавказе, вызвав неразрешимые кровавые конфликты.

Но как бы там было, когда началась большевистская революция, то царский режим не нашел себе поддержки со стороны "инородцев". Этим, по-видимому, во многом объясняется поражение Белой Армии, поскольку нерусские народы не видели ничего хорошего в сохранении прежнего ненавистного режима. К тому же, большевистская демагогия, обещая подлинное равноправие, сыграла свою немалую роль. Хотя скоро многим стала понятной истинная суть красных. По рассказам моих односельчан я знаю о том, что группа молодых парней, в числе которых был и мой дядя Ахметзия, в 1918 году были насильно угнаны в большевистскую армию на гражданскую войну.

Однако, оказавшись в районном центре Дюртюли, в первую же ночь они сбежали к себе деревню, переплыв реку Белую. Как не сбежишь, если власть большевиков началась в Дюртюлях с массовых грабежей и бесчинств. Разгромив прекрасный дом богатого купца, красные выкатили на улицу из подвала дома множество бочек с медом и стали мазать им оси своих телег. Не было и в помине, чтобы его раздавать мед бедным, о которых большевики якобы заботились в первую очередь.

Мой отец стал одним из первых коммунистов в деревне и вместе с моим дядей по матери Миркасимом Камаловым в 1928 году организовал колхоз в деревне. Но самым ужасным было то, что он вместе с другими коммунистами участвовал в раскулачивании и ссылке в Байка (отдаленный район Башкортостана) зажиточных крестьян. Среди них были его дядя Миркасим мулла, двоюродный брат Гулим Казаков и другие близкие родственники...

Гулим, вынужденный жить в поселении всю оставшуюся жизнь, несколько раз в 50-ые годы приезжал в деревню и посещал отца. Он рассказывал моему отцу обо всех ужасах, которых он вынужден был пережить со всей семьей в лесах башкирского Урала.

– Знаешь, Султан, я выжил исключительно благодаря своему трудолюбию и физической силе, – говорил Гулим. – Для того, чтобы получить дополнительный паек, я в день

заготавливал вручную более 10 кубометров древесины, для чего работал по 18 часов в сутки... Эх, Султан, зачем все это вы устроили? Смотри, как ты живешь. Хотя ты и директор школы, пребываешь практически в нищете. Я теперь имею более 30 ульев пчел, четыре коровы, лошадь и большой дом – все, что государство разрешило иметь для поселенцев. Могу сказать, что теперь я намного богаче, чем был до вашего раскулачивания. И дети пристроены, кто женился, кто вышел замуж, все выучились грамоте и живут неплохо. Но счастлив ли я на чужбине? Нет и нет, ведь мои корни здесь, но я даже сейчас не имею права появляться в своей родной деревне... Я этот рассказ подслушал невольно. Мне тогда было всего 13 лет, но я понял, что кулак, деревенский бай вовсе не был эксплуататором-кровопийцей, как это расписывали в книгах, которых к тому времени я прочитал множество. Это был труженик, который при всех обстоятельствах старается создать какие-то блага. Другим "подвигом" моего отца стало его активное участие в так называемой культурной революции, имеющей своей целью приобщение "отсталых масс" к коммунистической культуре. Все, что не содействовало этому, объявлялось враждебным и подлежало уничтожению. Поэтому коммунисты культурную революцию начали с того, что спилили минарет мечети и превратили ее в клуб для устройства своих многочисленных собраний и художественной самодеятельности, которая, в основном, высмеивала все прошлое народа и клеймила "эксплуататоров". Одним из шагов культурной революции были новоизобретенные имена, которые присваивали детям "сознательных" людей. Так мне было присвоено имя Вил, произведенное от инициалов Владимира Ильича Ленина.

Но даже это не спасло отца и его детей от презрительного прозвища "ишан" со стороны деревенских бездельников. Слышать это было очень больно, и я пытался убеждать своих оскорбителей, что мой отец был совсем маленьким, когда его отец-мулла умер и он вырос сиротой в нужде, а теперь совсем отрекся "от старого мира". Это ничуть не помогало.

Мой прадед Нажметдин в свое время заслужил звание "ишан", которое присваивал глава всех мусульман России муфтий выдающимся поборникам ислама, отличившимся в просвещении народа и воспитании ревностных служителей учения пророка Магомета. На высоком берегу реки Белой можно было увидеть белую каменную верхушку могилы-склепа, построенной ишаном своими руками. Он завещал похоронить себя там, однако этого не сделали, мотивировав тем, что, мол, склеп находится на противоположной стороне от кладбища и поэтому-де желающие люди не смогут молиться за его душу. Старики потом объясняли мне, что этого не сделали из простой зависти... Такое поведение части моих односельчан, не знавших своих корней, по-видимому, не было случайным эпизодом деревенской жизни. В какой-то степени оно отражало укоренившееся благодаря большевикам классовое сознание так называемых "низов" по отношению к "верхам".

Уже во время моей учебы в аспирантуре института нефтехимического синтеза Академии Наук, я всегда приезжал в отпуск в свою деревню, к родителям. В один из приездов сидевший на крыльце деревенского магазина в компании подвыпивших, как он и сам, мой не очень дальний родственник по линии матери дядя Салих окликнул меня: "Мирзаянов, я должен с тобой поговорить!" Вид его был решительный и агрессивный, как будто он собирался отомстить за только что нанесенное ему оскорбление. Он был инвалидом войны, без правой руки, да и на левой руке имелось лишь три изувеченных пальца. Жил он, как и многие, в нищете и день выдачи небольшой своей инвалидской пенсии "праздновал" в деревенском магазине. Покупал он обычно четвертинку водки, которую держал во внутреннем нагрудном кармане ветхого серого пиджака, который он не снимал ни при какой погоде. Время от времени он из этого кармана нежно доставал бутылочку и с огромным удовольствием делал маленький глоток, при этом всем своим видом напоминая дегустатора на апробации тонких французских вин XVIII века. После этого бутылочка отправлялась на своё место. Пьянел Салих быстро, после чего мнил себя щедрым богачом, который готов был угостить любого, кто в этот счастливый миг удостоивался его внимания. "Эй, ты, Гаделжан, иди сюда!" – строго, но по-своему вежливо он обращался он к какому-нибудь мужику. "Я решил тебя угостить, не брезгуй, твою мать. Ты

видишь, кто перед тобой. Так, ты и гордись, что это я лично тебя, суккина сына приметил и пригласил. А мог этого не делать, ты сам, сука, это не хуже меня знаешь..." Произнес свой стандартный незлобивый монолог, Салих доставал из кармана своими скрюченными пальцами бутылочку и, держа её почти вертикально, чтобы угощаемый, не дай бог, сделал хотя бы один глоток, подносил ко рту своего гостя. Все мужики в деревне привыкли к такой манере угощения Салиха, все понимали, что это лишь игра, вызванная воображаемым гостеприимством инвалида, и поэтому никто и не думал обижаться. Но, помню, (магазин был напротив моего дома, рядом со школой и я, как и другие мальчики, любил наблюдать за взрослыми мужиками и подслушивать их разговоры), как один из не особенно порядочных парней решил пошутить над Салихом и, усыпив бдительность бывшего фронтовика, сделал несколько глотков из предложенной ему бутылки, практически полностью опустошив ее.

Что тут началось! Возмущению и брани бедного Салиха не было предела. Он ни в какую не соглашался на предложенную ему компенсацию со стороны обидевшего его юнца. Слезы текли из глаз старика и он воистину был несчастен. То было время, когда водку завозили в деревню раз в три месяца и ее едва хватало на неделю-другую. Большую ее часть закупали бедные старики и старухи, чтобы затем перепродать по более дорогой цене. Да и им самим приходилось ее использовать для своих нужд, как то: привезти дрова, сено или что-либо починить в доме или сарае. Без водки эти мероприятия в деревне становились почти невыполнимыми. Она имела силу валюты и была тогдашним аналогом американского доллара.

Поэтому когда Салих мне объявил о своем желании поговорить, то это не было неожиданностью, поскольку он часто обращался подобным образом, когда хотел кого-либо "угостить". Так оно и вышло.

– Москвич, хочешь выпить со мной немножечко или брезгуешь, твою мать?! – произнес он, как обычно.

Это было в жаркий июльский день, да и честно говоря, при всем народе мне вовсе не хотелось демонстрировать положительное отношение к такого рода предложениям. Я отказался, вызвав гневную тираду Салиха, состоящую как всегда из смеси русских и татарских ругательств. Однако он сегодня против обыкновения быстро успокоился и сурово произнес:

– Будешь говорить честно? Я имею разговор к тебе, – сообщил он. Я пообещал быть честным.

– Вот ты, говорят, все учишься в Москве, так? – спросил Салих для начала. Я ответил, что это действительно так.

– И кем ты будешь потом, когда закончишь свою учебу? – иронически продолжил он свой допрос. Я объяснил: если мне удастся выполнить план своей диссертационной работы, то стану кандидатом химических наук. Такое объяснение не произвело на Салиха положительного впечатления. Я догадался, что он попросту не понял мой ответ. Действительно, тут же последовало его ядовитое замечание о том, чтобы я не морочил ему голову, поскольку и он сам, когда надо, может туманно и научно выражаться не хуже всякого там проходимца-уполномоченного из района, которого в каждую весну присылают в деревню для выполнения задания на трудовом фронте. Искалеченный Салих одним из первых приехал с фронта, вернее, из госпиталя, в деревню в 1942 году, когда в ней не осталось почти никого из мужиков, кроме председателя колхоза хромого Героя, и вечного сторожа колхозного имущества хромого Шайхутдина. Остальные были глубокими стариками. В это время население деревни состояло из одних женщин и детей, которые и пахали, и сеяли, косили сено, убирали урожай. Сено и зерно возили на телегах, на которые запрягали коров, поскольку все лошади были мобилизованы в Красную Армию... Грозный хромым Гереем постоянно красными от непрерывного пьянства глазами навывате, с завязанным по лбу влажным белым платком головой утром появлялся во дворе колхозной канцелярии, которая располагалась по соседству с нашим домом. Отдыхавшись, он всякий раз начинал кричать на собравшихся там женщин. Я запомнил только одну его часто повторявшуюся фразу, которая приводила в трепет бедных колхозниц: "Ты, что думаешь, я приехал из Японии?" В то время мало кто слышал об этой далёкой

заморской стране, если он ней и знали, то как о враге СССР, которому красные полководцы дали прикурить около озера Хасан в 1939 году. Поэтому такое обращение почти насмерть пугало бедных женщин и всегда какая-нибудь старушка униженно начинала успокаивать разбушевавшегося хозяина деревни : "Милый и дорогой Ахметгерей-жан, прости нас, темных и несмышленных!"

Хромой Герей однажды сильно напугал и меня. В один из зимних дней (мне было восемь лет) я на улице собирал солому, которая рассыпалась при её перевозке на скотный двор. Я не заметил, как со мной сровнялась кошёвка (легкая повозка) Герея, но чуть не упал со страху, когда услышал его громовой бас: "Ты, ублюдок ишана, думаешь, что твой отец оставил эту солому для тебя?"

Отец мой в то время был на фронте (шел 1943 год), заступиться за меня было некому. Парализованный страхом, я не смог ни двинуться, ни сказать что-либо в свое оправдание. Однако, увидев, что поднятый на меня короткий и свистящий в воздухе бич председателя, сплетенный из кожаных полосок, опустился обратно в повозку. Видимо, на этот раз Герей решил обойтись словесным выговором. Лишившись всяких сил, я едва поплелся домой.

В отсутствие других достойных кадров, инвалид Салих сразу был назначен заместителем председателя колхоза. Он быстро усвоил метод хромой Герея и по любому случаю кричал матом на беззащитных детей и женщин. Более 200 ульев колхозной пасеки давали достаточно мёда, чтобы брага-медовуха ни на один день не исчезала со стола у начальства. В конце концов бабай-пчеловод вынужден был израсходовать и тот мёд, который был оставлен на зимний прокорм пчел. Это означало конец пасеки, но не пьянства председателя и его зама. Они перешли на самогон, который варили для них в соседних русских деревнях в обмен на зерно. Конец войны поставил крест на карьере Салиха, поскольку в деревню вернулись с фронта более молодые мужики, которые, в свою очередь, захотели тех же благ, которыми пользовались хромой Герей и инвалид Салих.

...Салих стоял передо мной искалеченный и опустошенный, но силился доказать, что он всё ещё на плаву.

– Ты мне скажи, – шептал он, перекладывая кончиком языка самокрутку из махорки и обрезка газеты с одного угла своего пенистого рта в другой. – Что ты будешь делать в своей науке?

Я объяснил, что буду изобретать или разрабатывать новое.

– И ты будешь ученым ?! – то ли он спросил, то ли проконстатировал Салих с негодованием. Я согласился, поскольку он был довольно близок к истине. (Хотя для себя я имел и имею другое мнение, поскольку по российским понятиям, ученый это высокое звание, которое скорее является признанием твоего реального положения в науке, а не профессия, как это принято, например, в Соединенных Штатах.) По лицу моего деревенского следователя прошла дрожь и он, не пытаясь сдерживать себя, произнес:

– Как? Вы, опять вы? Будьте прокляты! Зачем же нужна была эта революция?

Вырывали, вырывали вас с корнем и после этого ты опять будешь наверху, когда наши дети, какими все они были, такими и должны оставаться? Скажи ты, ишаново отродье, прав я?

Мне не оставалось ничего, кроме как философски промолчать и ретироваться под громогласные потоки матерщины, извергаемые моим родственником.

Господь Бог создает нас неравными, но, к сожалению, многие люди воспринимают это как злой умысел так называемых избранных.

Не так все просто. Даже в моей маленькой деревне было достаточно такого, что отвращало многих людей от прежнего уклада жизни. Те сельчане, кто был склонен к размышлениям о своей жизни, искали способы, как ее можно изменить к лучшему.

Мы привыкли идеализировать прежнюю жизнь и отрицать все, что связано со свержением самодержавия и революций 1917 года в России. Мне кажется, что было бы большой ошибкой считать, что все это произошло лишь благодаря злой воле большевиков. Если бы это было только так! Однако, многие верили в предстоящие изменения и делали все для того, чтобы они произошли как можно быстрее. И мой отец, и мой дядя Миркасим ни могли примириться с дикостью нравов и пошли с теми,

кто обещал "исправить мир". Тем более, в жизни деревни были вопиющие случаи, которые, конечно же, не могли не побудить их, молодых людей, к решительным действиям.

Как известно, в 1921 году в России разразился страшный голод, во многом связанный с деятельностью большевиков. Жертвы голода тогда исчислялись миллионами. Нередки были случаи каннибализма. Голод сильно затронул и мою деревню и сочетался с жестокостью нравов, царивших тогда в деревенской общине. Не выдержав голодных страданий, соседка моей матери, которую дети звали Ак эби, поймала чужого гуся, забредшего на свою голову в её огород, зарезала его и сварила суп. Разумеется, в деревне такой проступок не мог остаться незамеченным. Придя в себя, несчастная женщина попыталась искупить свою вину, отдав соседу все ценное, что она имела, в том числе имеющую немалую цену и в наши дни кашемировую шаль. Сосед не отказался от такого сокровища, но в то же время решил действовать в соответствии с самыми дикими обычаями деревни. Он и еще несколько агрессивно настроенных мужиков быстро организовали самосуд над несчастной старушкой. Привязав жертву к толстому канату-аркану, они провели ее по всем улицам деревни. При этом каждый житель деревни должен был бить её кнутом или палкой. Никто не мог уклониться от участия в этой страшной экзекуции, поскольку каждый мог быть привязан к этому же канату за отклонение от выполнения от своих обязанностей перед "шариатом". Несчастная Ак-эби, босая, в лохмотьях, в которые превратилось ее белое домотканное платье, с распущенными грязными длинными волосами и черным от сажи, которой ее специально вымазали, и от бесконечного горя лицом, не имея более сил выговорить и слова, лишь иногда поднимала повисшую голову в отчаянной надежде, что хоть кто-нибудь да пожалеет ее, не ударяя так нещадно. Но пощады ждать было невозможно. Таков был жестокий обычай.

На утро следующего дня Ак-эби скончалась, так и не приходя в сознание, на холодном полу неотопливаемого маленького дома-деревенской тюрьмы, специально сооруженного для такого рода дел.

Разгоряченная самосудом толпа жестоко расправилась и с её четырнадцатилетним сыном. Мальчик забаррикадировался было в доме своего родственника, заперев дверь изнутри. Но распившие мужики вытащили несмышленища через окно, подцепив баграми. Жестоко искалеченного сироту при свете дня так и никто не подобрал. Известно только то, что он исчез и более его никто так и не видел. Все это произошло ранней весной, когда еще снег не полностью сошел с улиц и дворов моего родного Старого Кангыша...

Другая драма произошла в жаркое лето того же голодного 1921 года.

Рядом с домом моей матери жила вдова с тремя сыновьями: двое взрослых, которые уже вовсю пахали и сеяли, делая всю обычную крестьянскую работу, и маленький, которому тогда шел тринадцатый год. Семья, как многие, голодала. Мать варила каждое утро большой котел супа, состоящего, в основном, из смеси трав, лебеды и небольшого количества отрубей. Поев немного этого варева, мать и взрослые сыновья отправлялись на сенокос и на другие полевые работы, строго приказав мальчику не трогать драгоценной еды. Младший брат каждый день терпеливо ждал прихода вечером взрослых, чтобы вместе с ними утолить мучивший его голод, за весь день так и не взглянув на невыносимо соблазнительный "суп". Но в один из томительных голодных дней мальчик не выдержал и решил проглотить хотя бы немного спасительной еды. К своему несчастью, он так и не смог остановиться, пока не съел все содержимое котла.

Пришедшие вечером братья первым делом взглянули в котел и буквально взвыли от отчаяния, которое скоро обратило их на жестокую расправу над родным братом. Били они его сначала кулаками, но потом, окончательно озверев, молотили всем, что попадало под руку. Остановились они лишь после того, когда уже не дышавшего, но все ещё живого мальчика закопали в конце своего огорода под навозом. Затем и сами упали в бессилии на землю рядом с могилой своей жертвы.

В деревне не нашлось никого, кто смог бы остановить это безумие. Лишь дети из соседних домов, глядя на это ужасное зрелище, громко рыдали.

Спустя некоторое время в деревне появился представитель советской власти, который приказал прибыть старшему из братьев к нему, в волостной центр Джурткли. Тот так и сделал.

Вернулся он из Джурткли в неплохом настроении. Сказал, что начальник тамошний ничего ему плохого не сделал и даже попросил его доставить пакет в кантонный центр Борай, находившийся в тридцати километрах от Старого Кангыша. На другой же день мужик отправился выполнять поручение. Что случилось с ним затем, неизвестно, поскольку больше его никто не видел.

Мне кажется, что отец женился на моей матери Вазиге, молодой красавице, когда ей было всего 16 с лишним лет, по любви. Однако, здесь, возможно, был и расчет, поскольку она происходила из простых крестьян и к тому же была круглой сиротой, что было свидетельством принадлежности к классу бедняков, от имени которых якобы действовала теперь власть. Когда её отца Минкамала угнали на германский фронт в 1914 году, матери на свете еще не было, а самому старшему ее брату шел всего семнадцатый год. Если учесть, что детей на руках моей бабушки осталось шестеро, можно представить, какие испытания пришлось пережить им. Да, к тому же дед Минкамал так и не вернулся с войны. Он вместе с другими молодыми деревенскими мужиками, поспешно одетыми в солдатскую форму, попал в плен к немцам. Те, в свою очередь, всех пленных российских мусульман направляли в Турцию, чтобы та использовала их в войне против России. Но произошедшая в России революция перепутала все планы Германии и ее союзников. Турция согласилась вернуть российских пленных. Но часть из них, в том числе мой дед, находясь в Багдаде (который в то время входил в состав Османской Империи) решила совершить паломничество в Мекку – святое место для мусульман. Деду удалось посетить мусульманскую святыню и совершить все, что полагается там мусульманам-паломникам. Однако он заболел сильной формой дизентерии и умер в Багдаде, вернувшись из хаджа. По словам его земляков, он был похоронен в кладбище шахидов (мучеников, павших в деле борьбы за ислам). Через три года умерла и моя бабушка. Старший брат матери Миркасим оказался во главе семьи в возрасте всего 20 с небольшим лет. Лозунги большевиков и их обещания оказали немалое влияние на этого смышленного парня, и он стал первым коммунистом в деревне. Он же был организатором колхоза. Чтобы люди не укоряли его за то, что организовал колхоз, ничего сам не внося в его хозяйство, он продал большой дом своей семьи и на вырученные деньги купил лошадь, с которой и вошел в коллективное хозяйство, и крошечную хатенку.

К началу второй мировой войны Миркасим стал секретарем райкома коммунистической партии и добровольно ушел на фронт. Он погиб зимой 1943 года на Дону, недалеко от Новочеркасска. Помню, поздно ночью летом 1942 года он заехал к нам. Мой отец в это время был на фронте и я с восхищением слушал рассказ дяди о войне, притворяясь спящим. Уходя, он меня поцеловал, но поскольку я "спал", то не мог открыто посмотреть на него, что, конечно, было очень глупо. Однако перед этим через щель в дощатой перегородке, отделяющей детскую от взрослой половины, я наблюдал за этим сильным и красивым мужчиной. Я и теперь ношу в себе восторг перед ним. В новой красивой форме политрука и уверенный в победе над фашистами, он произвел на меня впечатление непобедимого командира-героя. Несмотря на отчаянную борьбу с прошлым своих предков, отец в конце 30-х годов едва остался на свободе, отделавшись исключением из партии, как враждебный элемент, обманом проникший в ряды большевиков. Отец тяжело переживал свое падение. В 1941 году, уже на фронте он вновь вступил в партию. По-видимому, элемент фанатической веры в коммунизм, присущий многим рядовым членам партии, существовал и в сознании моего отца. Уже будучи в преклонных годах, он уверял меня в том, что многие наши беды и нищета людей, связаны с существованием двух мировых лагерей. Ну, вот, мол, когда останется лишь один (а какой – ему было яснее ясного), то все наши проблемы легко решатся...

Ленин, Сталин и другие гении мирового коммунизма для него были святыми.

Разумеется, все это автоматически передавалось всем нам. Сразу после войны моя мать с ужасом рассказывала отцу, как секретарь партийной организации Хабел

Кагарманов на ее вопрос, по какой причине Ленин стал на путь марксизма и борьбы против царя ответил, что вождь пролетариата мстил за своего брата, повешенного за подготовку убийства царя и сам захотел стать царем. Как ни странно, отец не был потрясен этим сообщением, лишь посоветовав матери больше никому не передавать слова Хабела. Насколько я знаю, Хабел отличался острым мужицким умом, но каким образом у него в то время возникли такие крамольные мысли, мне так и осталось неизвестным. Поговаривали, что он состоял в свое время во фракции троцкистов-бухаринцев, соперников Сталина. Но какие троцкисты могли быть в глухой деревне Старый Кангыш? Кто знает, может быть глубоко запрятанный в передовых людях чувство ненависти к строю большевиков время от времени давало свои всходы. Не этим ли объясняется тот факт, что в 1942 году, когда немецкие войска полным ходом шли на восток, в моей деревне некоторыми людьми был составлен список лиц, подлежащих к уничтожению немцами. Об этом мне неоднократно рассказывала по большому секрету моя мама, всякий раз подчеркивая, что в этом списке была и она. Как и отец, моя мама была учительницей.

До четвертого класса я учился у нее. Учеба всегда давалась мне легко, хотя порой возникали проблемы во взаимоотношениях с учителями. Я уже тогда очень много читал, в основном художественную литературу, по этой причине у меня непрерывно возникали вопросы, на которые мои учителя не всегда могли найти ответ.

Зато взаимоотношения с другими моими сверстниками складывалась без особых проблем. Мое детство прошло в голодные военные и послевоенные годы, когда каждый кусок хлеба и каждая картофелина были на счету. О сладостях, мороженом мы, деревенские дети, и не знали. Но у нас были другие радости – мы росли в очень красивой местности, летом целыми днями пропадали на реке Белой. Зимой катались на санках и на лыжах с высоких холмов, которых было великое множество около деревни. По-видимому, именно это обстоятельство во многом обусловило мою постоянную тягу к спорту. Ее я сохраняю до сих пор.

Годы войны оставили во мне глубокое впечатление. Хотя она шла в тысячах километров от нас, мы чувствовали ее дыхание. Тогда мы, дети, с ужасом наблюдали, как по Белой буксирные пароходы тащили вверх, против течения, по-видимому, в Уфу, разбомбленные, полусторевшие и черные от копоти останки барж, пароходов. Мы понимали, что они – из осажденного Сталинграда. К сожалению, тогда в деревне не было радио и новости о войне привозили люди, ездившие в районный центр Джуртюли, который находился в 15 километрах от нас.

Мы, мальчишки, всегда ходили провожать людей, которых отправляли на фронт. Молодые мужчины и совсем еще юные парни рассаживались на повозках и в последний раз с песнями разъезжали по всем четырем улицам деревни. Песни под гармошку были печальными до слез: новобранцы прощались навсегда и просили простить, если кто-то когда-то нечаянно обидели...

Особенно мне запомнились проводы 17-летних ребят, которые за свою жизнь успели побывать только в Джуртюлях и никогда не видели ни города, ни железной дороги, автомобилей или тракторов. Они тоже пели и одновременно плакали. Никто из них домой не вернулся – все погибли.

Когда я приезжаю в Старый Кангыш, то иду в сельский клуб, где висит мемориальная доска с именами погибших на войне. Там их более 200. Это список жертв очередной мировой бойни из деревни, которая в те времена насчитывала едва ли более 150 дворов...

Да, как же не быть этим страшным жертвам, когда Сталин и его приспешники бросали в бой совершенно неподготовленных, а то и безоружных молодых ребят. Теперь в России немало новоявленных "патриотов", которые, пытаясь переписать историю войны, отрицают подобные факты. Но свидетельства людей и их память, они, к счастью, переписать не в состоянии.

Мой ныне покойный родственник Габбас Нугуманов, прослуживший всю войну в железнодорожных войсках, рассказывал мне, как он в 1942 году на подмосковной станции Клин встретил своих земляков из Старого Кангыша, когда железнодорожный эшелон, в котором их везли на фронт, остановился там. Из Клина было всего лишь несколько часов езды до передовых линий. Односельчане рассказали Габбасу, что им

на семерых дали лишь две винтовки. Они не были уверены, что им дадут еще оружие после того, как их выгрузят...Увы, их сомнения подтвердились: и так было ясно, что около окопов не бывает складов с оружием.

Война обошлась с ними сурово: они погибли все, едва эшелон успел разгрузиться. Они были без оружия.

Помню, никак не смог удовлетворить свое любопытство – меня очень волновало, сколько наши солдаты убили фашистов. Те в ответ начинали смеяться и говорили, что они знают лишь то, что их самих не убили немцы. А вот, мол, убивать им самим не приходилось. Меня такие ответы совершенно сбивали с толку и тогда я расспрашивал на эту тему отца, когда он бывал немного выпивши и потому более разговорчив. Наконец, он мне разъяснил, что солдат обычно стреляет туда, куда приказывают команда. Если кто-то из немцев погибал, то невозможно установить, кто именно это сделал. Да об этом никто и не думал. Отец говорил, что солдат подобен автомату. Скомандовали бежать – все бегут. Скомандовали ползти – все ползут. Все мысли заняты вопросами выживания: поесть, поспать и помыться. Такие отцовские рассказы глубоко разочаровали меня, поскольку из книг и просмотренных к тому времени кинокартин я знал о великих подвигах героев, толпами уничтоживших немецких солдат. Но отец "успокоил" меня тем, что люди, поставившие картины и написавшие книги, просто врут, поскольку никто из них не был на войне. Я возражал: а как же такие известные писатели, как Константин Симонов, Александр Фадеев, Михаил Шолохов – ведь они были на фронте, выпускали газеты, писали очерки? Да, конечно, говорил он, это так. Но все дело в том, что редакция даже дивизионной газеты располагалась в 40-70 километрах от линии фронта. Редакции же армии или фронта располагались и того дальше.

Думаю, что так и было, поскольку ни один из наших "великих" писателей за всю войну так и ни разу не получил даже царапины. Хотя, разумеется, были случаи, когда рядовые писатели погибали и попадали в плен. В этой связи не могу здесь не упомянуть о великом татарском поэте Мусе Джалиле. Мой троюродный дядя Фазил Нугуманов, по-видимому, был одним из последних, кто видел поэта перед тем, как он попал в плен. Дядя и сам совершенно случайно не оказался в плену в составе остатков армии "великого полководца", любимца И.Сталина, генерал-полковника Власова. По его рассказу Муса, пришел в его землянку поздно вечером весны 1942 года и отрекомендовался газетчиком. Мой дядя понял, что он татарин и они разговорились. Муса сказал, что дела обстоят весьма тревожно. Так оно и было. Армия в то время попала в окружение и не было никаких надежд на прорыв. Войска противника методично, с немецкой аккуратностью уничтожали с помощью артиллерии остатки армии, призывая через радиорупоры всех сдаться в плен.

Мой дядя, ротный старшина, накормил Мусу и уложил в свою постель спать. Рано утром поэт ушел, горячо поблагодарив дядю Фазила.

На том участке фронта, где находился мой дядя, ему и немногим другим посчастливилось прорваться через сплошной заградительный минометный огонь немцев.

Спившийся, опустившийся генерал Власов с остатками своей армии сдался в плен немцам. В числе пленных был и поэт Муса Джалиль. Уже находясь на территории Германии, он развернул активную работу по агитации среди пленных солдат с призывом не воевать против СССР в составе армии генерала-предателя, перешедшего на сторону немцев. Джалиля выдали и он попал в печально знаменитую берлинскую тюрьму Моабит. Приговоренный к смерти через отсечение головы и ожидая казни, поэт написал свои бессмертные "Моабитские тетради" – стихи, наполненные любовью к своему народу. Сосед Мусы по камере бельгиец Тиммерманс, которому посчастливилось выжить, выполнил просьбу поэта и вынес из тюрьмы эти стихи. Когда бываю в Казани, я с бесконечной болью смотрю на прекрасно выполненный памятник поэту и мне приходят в голову мысли о величии моего народа, который, несмотря на все угнетения и невзгоды, сохранил себя и выпестовал таких героев, как Муса, которым гордится весь просвещенный мир... Пусть он был коммунистом и на многие вещи смотрел через призму партийной философии, но его беззаветная

преданность своему народу, любовь к людям являются примером подлинного героизма, который помог выстоять и победить в неравной борьбе с фашизмом. Кроме книг, которые мой отец привозил из районного центра, окном в мир для меня стало радио.

В 1947 году мой отец купил первый в деревне радиоприемник, работающий на батареях. Мы всей семьей любили слушать концерты татарской и башкирской музыки. Иногда вечерами я любил крутить ручку настройки приемника и слушать голоса на разных языках. В то время мое знание русского языка было весьма слабым и я упорно изучал его, но однажды сквозь постоянный шум и треск услышал нечто необычное и кое-что понял. Тревожным тоном диктор говорил о рабстве в СССР, о безысходном положении крестьян-колхозников и о мучениях бывших советских военнопленных в многочисленных концентрационных лагерях. Стало страшно от моего открытия, но я не рассказал о нем даже моим родителям, которые и не догадывались о новом занятии своего сына. Иногда только они мне делали замечание, приговаривая, что, мол, ты находишь хорошего, слушая такой шум и треск.

Очень скоро я уже знал, что называется это радио "Голос Америки". Мне, конечно, в то время еще ни разу не бывавшему в городе и не видевшему даже железной дороги, трудно было поверить всему тому, о чем вещало американское радио. Но вот насчет нищего и бесправного крестьянства кое-что было, даже с моей детской точки зрения, правдой. Видимо, тогда в моей душе и появились те зерна, которые потом, в начале 90-х годов, дали такие всходы.

Действительно, я сам видел, когда старика, потерявшего всех своих сыновей на войне, заставляли подписаться на заем на страшно большую для него сумму. Он с отчаянием спрашивал, откуда возьмет столько денег, когда в колхозе ничего не платят и жить ему и его старухе не на что. Через открытое окно сельсовета, расположенного по соседству с нашим домом, я слышал грозный окрик уполномоченного из районного центра: "Ах, твою мать, ты смеешь клеветать на партию, на советский строй! Твое счастье, что сыновья у тебя погибли, иначе не миновать тебе тебе срока. Но радуйся, что партия добра и я тебя отправляю лишь в чулан, чтобы ты, сука, подумал за ночь о своем преступлении. Может быть, я еще удовлетворюсь только твоей подпиской на предложенную тебе сумму".

Прав был "Голос Америки" и насчет бесчисленных налогов, которые были просто непосильны для людей в деревне. Помню, в один день все дворы деревни как по уговору остались без фруктовых деревьев. Крестьяне их срубили, чтобы не платить налог за каждое дерево. Для сурового континентального климата Башкортостана каждая яблоня, пусть даже она была просто дичком с мелкими яблоками, была практически единственным источником витаминов. К сожалению, в то время татары и башкиры в деревнях практически не выращивали овощей, да и картошку по-настоящему стали выращивать лишь после войны. Зерна для пропитания было достать не на что, а в качестве оплаты за так называемый трудодень (единица измерения труда в те годы) колхозникам выделяли несколько сот граммов ржи. Вот в соседней деревне Миниште раз, помню, выделили целый килограмм! Но это была поистине сенсация, в которую трудно было даже поверить. Молоко личной коровы каждого колхозника полностью шло государству, а теленок, едва появившись на свет, изымался в качестве налога по мясу. Куры тоже были на учете и колхозник был обязан сдавать все их яйца.

В то время особенно свирепствовали сборщики налогов, так называемые налоговики. Особой лютостью отличался агент с вечно мутными от пьянства глазами. Он носил русскую фамилию Муров, хотя и был татарин. Он заходил в дом, где семья не могла платить налогов и записывал все находившиеся там вещи для конфискации, отбирал овец, коз.

Однажды он зашел к нашей соседке-вдове. Дома в это время были только два сына Мадихат 16 лет и Фаварис 7 лет, а сама Канифа-апа выполняла в колхозе так называемый трудоминимум, согласно которому каждый взрослый человек должен был набрать определенное количество трудодней. Если по какой-либо причине человек этого сделать не смог, то его неминуемо ждали исправительные работы на заготовках леса в горных районах Башкортостана.

Муров, ругаясь матом, стал собирать вещи в доме и когда ему всего этого показалось слишком мало (что было взять в бедных крестьянских избах того времени?), он схватил топор и пригрозил мальчикам: мол, убью, если не скажете, где спрятано добро. Сердце бедного Мадихата не выдержало и он упал в глубокий обморок. Спасать мальчишку сбежалась вся деревня, в том числе и моя мама. Врачей в то время в ближайшей округе не было и впомяне. Парня удалось выводить и он выжил.

Мы, дети учителей (нас в то время было в семье четверо, кроме бабушки) испытывали точно такие же лишения, часто находясь в полуголодном положении. Зарплаты родителей после вычетов многочисленных налогов и государственного займа, который составлял иногда половину годового заработка, не хватало даже на питание, не говоря уже о приобретении какой-либо сносной одежды. После занятий в школе я и младшая сестра Лиза каждый день терли два больших ведра картошки на самодельной терке из полуржавого куска железного листа. Наши руки постоянно были в сплошных ранах от этого сатанинского труда. Но что можно было делать, если муки у нас не было и картошка имитировала хлеб?

То, что сообщал "Голос Америки" о судьбах военнопленных, производило на меня ужасающее впечатление. Мой отец, делясь пережитым в во время войны, говорил, что никогда не расходовал весь запас патронов, поскольку в случае окружения и опасности попасть в плен, берег последнюю пулю для себя. Он знал, что человек, попавший в плен, считался изменником Родины со всеми вытекающими последствиями. В то время в деревню вернулся бывший солдат, побывавший в плену. Он рассказывал об ужасах фашистского плена, но предпочитал молчать о не меньших ужасах в наших лагерях. Каждый месяц он ездил в районный центр отмечаться, что пребывает в своей родной деревне и никуда не уехал. Таково было условие его освобождения из советского лагеря военнопленных. Несколько мужиков из моей деревни, отбыв десятилетний срок принудительных работ на шахтах Донбасса, остались навсегда там. Их вина перед Родиной заключалась в том, что из фашистских лагерей их освободили войска англо-американских союзников, передавшие их затем в руки НКВД. Как потом выяснилось – для отправки в сибирские лагеря.

Не могу не отметить постыдную роль во всем этом Уинстона Черчилля, который в 1945 году предал миллионы советских военнопленных, приказав силой отправить их в Восточную зону Германии, оккупированную советскими войсками.

Один знакомый татарин, проживающий в Нью-Йорке, который в те годы сам был в немецком плену и знал, что его ожидает на Родине, рассказывал, как многие, чтобы не попасть в сталинские лагеря, покончили самоубийством и изувечили себя, отрубая себе кисти рук, а то и руки полностью. По его словам, на Западе, в частности, в США в 1945-47 годах поднялся по этому поводу шум, который помог некоторым счастливчикам избежать отправки в СССР.

Скоро я нашел для себя собеседника в лице бухгалтера детского дома, директором которого тогда начал работать мой отец. Отец купил радиоприемник для детдома и бухгалтер тоже, оказывается, послушивал "Голос Америки" по ночам. Бухгалтер меня очень серьезно предупредил, чтобы об этом занятии никому не рассказывал, поскольку оно грозило тюрьмой и суровыми карами для родителей.

Слово свое я сдержал. Я пишу об этом впервые, когда моего собеседника нет уже в живых, да и "Голос Америки", кажется, по недоброму замыслу некоторых американских политиков начинает свой отходной марш. Но не слишком ли рано списывать коммунизм, когда ещё миллионы сторонников этой разновидности фашизма открыто работают на реванш не только в России, но и в других странах, объявивших о своей приверженности к свободному рынку и плюрализму?

Мое открытие Америки не сделало меня ни антисоветчиком, ни сторонником Запада. Я верил своим мальчишеским умом, что все это непременно исправят, но для этого необходимо идти по ленинскому пути. Думал, что это враги советской власти специально вредят для того, чтобы настроить народ против партии и вернуть в темное прошлое. Но, тем не менее, на долгие годы что-то осталось в моей душе от общения с "Голосом Америки". Думаю, что оно сыграло немалую роль, когда я, ещё будучи учеником последнего класса средней школы, был вызван в районное

отделение КГБ. Мне тогда предложили идти учиться в училище чекистов, но я отказался. Трудно сказать, что меня тогда больше всего подтолкнуло к этому решению, но думаю, что не обошлось без "вражеского" влияния, как это называлось по лексикону аппаратчиков, "Голоса Америки".

Мой отказ был для районного главы КГБ подполковника Насирова полной неожиданностью. Как же так? Ведь в то время я был первым учеником не только в своей школе, но среди всех средних школ района. Да, к тому же еще и являлся секретарем комсомольского комитета школы и членом бюро райкома комсомола. Но Насиров не подал вида, только попросил о нашей беседе никому не рассказывать. Подполковник сидел под портретом своего вождя Лаврентия Берия и сурово предупреждал о возможных последствиях в случае моего послушания. Добавил, что впервые встречает человека, который отказывается от предложенной чести служить партии в рядах славного ЧК.

Случилось это в середине марта 1953 года, вскоре после смерти Сталина...

Глава 2

Я учусь

Доведет ли русский язык до Киева?

Прежде чем в моей жизни произошел этот первый контакт с КГБ, я ещё три года проучился в Джуртюлинской татарской средней школе № 1. Я глубоко горжусь своей школой и храню в своей памяти имена всех своих учителей. Я уверен, что они были по-настоящему высокопрофессиональными педагогами и полностью отдавали себя воспитанию учеников, приехавших за знаниями из деревень в те нелегкие времена, когда ещё каждый кусок хлеба, не говоря о сахаре и мясе, был на вес золота. Хотя я предпочтение отдавал математике, которую преподавал выпускник казанского университета Гали Зилиев, однако и другие предметы были мне совсем не в тягость. В этом, думаю, в первую очередь была заслуга преподавателей этих дисциплин. Когда я сидел на уроках татарской литературы Сагъдат Аглямовой, которая мастерски читала стихи Габдуллы Тукая, Хади Такташа и других татарских поэтов, то я даже себя ловил на мысли, что хочу стать писателем.

Не менее захватывающими были и стихи Пушкина и Лермонтова и других известных русских поэтов на уроках русской литературы, которые вела Мария Григорьевна Филиппова! Демократичная, красивая девушка из Уфы была кумиром всех ребят, многие были попросту в неё влюблены. К сожалению, большинству не давались сочинения на чужом для нас русском языке, но это никого не отталкивало от блестящих уроков Марии Григорьевны. Я благодарен ей за то, что она пробудила во мне интерес к классической музыке, призывая меня слушать концерты, которые передавались по радио. К сожалению, в то время у меня не было ни проигрывателя, ни пластинок и радиорепродуктор местной трансляционной сети был единственным источником таких познаний.

Когда я во всемирно известном театре Нью-Йорка "Метрополитен-Опера" слушаю шедевры оперного искусства в исполнении прославленных певцов Лучано Паворотти, Пласидо Доминго, Николая Гяурова, то всегда с благодарностью вспоминаю мою учительницу, которая воспитала во мне такое же преклонение перед музыкой, какое испытывала она сама.

Другие мои учителя также были талантливыми педагогами, которым я, как и многие другие выпускники моей школы, многим обязан. Однако, мне хочется особо отметить заведующую учебной частью школы Гайшагар Габбасовну, которая по-матерински (хотя она была ещё очень молодой), опекала меня, оберегая от многих неприятностей, которые могли приключиться со мной, когда я время от времени начинал страдать "звездной болезнью" от своих успехов.

Нашей заботливой классной руководительницей долгое время была Фаина Львовна Левина, эвакуированная из осажденного Ленинграда. Она сделало немало, чтобы мы,

деревенские парни, пообтесались и получили приличное воспитание. Фаина Львовна так и не вернулась в свой родной Ленинград после окончания войны, навсегда оставшись в глухих Дюртюлях.

Я долгое время поддерживал связь со школой, бывал в ней во время своих отпусков и посылал различные письма по многим поводам. Однако, со временем эта связь несколько ослабла, но, к счастью, не оборвалась, хотя в моей родной школе уже сменилось не одно поколение учителей.

Что касается моего обещания шефу районного КГБ не разглашать тайну сделанного мне предложения, то слово свое я сдержал и пишу об этом впервые. Но тогда подполковник Насиров решил отомстить мне за недостаточное уважение к его "фирме". Когда в том же 1953 году я закончил школу с серебряной медалью, которая давала возможность поступать в любое вуз без вступительных экзаменов, я почти месяц не смог получить открепительный талон в райвоенкомате. Районный комиссар настаивал, чтобы я дал согласие направить меня на учебу в Оренбургское артиллерийское училище. Я упрямился.

Каждый июльское утро 1953 года я приходил из деревни в военкомат и каждый день отправлялся пешком домой, поскольку тогда никакого транспорта между деревней и райцентром не было. И все без результата. Многие мои одноклассники уже успели подать свои документы в различные институты, а я продолжал обивать порог двери кабинета военкома.

В конце концов, просидев целый день у его кабинета, я заявил, что не выйду из здания и останусь там на ночь. Был конец рабочего дня, сотрудники военкомата смотрели на меня как на сумасшедшего. Мой решительный вид им совсем не понравился и они пригрозили вызвать милицию. В то же время они успели понять, что меня уже не остановят никакие угрозы. В этот момент из своего кабинета вышел военком майор Безруков и брезгливо рапорядился выдать "этому молокососу" открепительный талон. Я был счастлив! Переправившись через реку Белую, на радостях я пробежал всю дорогу до дома без единой остановки.

Дома объявил, что еду учиться в Москву. Родители не возражали, хотя предстоящий мой отъезд стоил для них больших денег. Я получил деньги на дорогу и ещё приблизительно на месяц жизни в столице. Предполагалось, что зетем я буду жить на стипендию и при этом смогу подрабатывать, чтобы покупать одежду и другие необходимые вещи.

Задержка с моим откреплением с военного учета сделало свое дело. Со всеми мытарствами, свойственными дорогам того времени, я смог добраться в Москву лишь 26 июля, в субботний день. Ехал четвертым классом в переполненном вагоне, где пассажиры спали прямо на полу. Поездка заняла двое суток и даже для меня, молодого и сильного парня, она была просто мучительной.

Мои мытарства на этом не закончились. Я не успел попасть в приемную комиссию Московского высшего технического училища им.Баумана, куда я собирался поступать по специальности "оптические приборы". Следовательно, не смог получить место в общежитии и хотя бы немного поспать. Решил вернуться на Казанский вокзал, где в камере хранения лежал чемодан с моими пожитками.

Москву я не знал и плохо ориентировался в метро. Как ни искал Казанский вокзал, почему-то всегда попадал на Киевский. Возможно сказывалось также и недостаточная практика разговора на русском, поскольку учился в средней школе на татарском языке и соответственно все мое общение с другими ребятами как в классе, так и вне школы происходило на нем же.

К тому времени я успел испытать немало мучений из-за своей слабой русской речи. Думаю, что мое поражение в первой юношеской любви произошло во многом из-за этого недостатка.

Однажды, проходя мимо районного фотоателье, я увидел на стенде портрет прекрасной юной девушки в школьной форме. Она поразила меня своими большими задумчивыми глазами и удивительно красивым овалом лица. Длинные и толстые косы делали её похожей на кинозвезду. Я воспринял этот портрет как нечто сюрреальное. Но каково было мое изумление, когда я увидел именно эту девушку на улице!

В те годы и еще долгое время потом, я был чрезвычайно стеснительным и заговорить с какой-либо девушкой стоило мне невероятных усилий. Поэтому я даже и не мог мечтать, чтобы вот так запросто подойти и познакомиться с красавицей. Я стал томиться от непонятной и непреодолимой тоски к моей незнакомке. Вскоре я узнал, что она учится в русской школе, хотя я не сомневался в том, что она не русская, а скорее, татарка или башкирка.

В те годы среди местных партийных и советских функционеров было модно отдавать своих детей в русские школы. А дети, которые приезжали учиться из деревень, как правило, поступали в татарскую среднюю школу. Разумеется, все это в определенной степени отражало социальное расслоение общества того времени.

Через несколько месяцев я познакомился с моим сверстником из русской школы Ришатом Муратовым, хорошим и добрым мальчиком, который говорил по-татарски попеременно с русскими словами. Его отец был вторым секретарем райкома КПСС. Скоро я установил, что моя незнакомка живет в соседней квартире дома, в котором живет мой новый друг. Ришат объяснил, что ее соседку зовут Ирина и ее отец Байназаров является председателем районного совета народных депутатов.

Все эти новости сделали меня вконец несчастным, поскольку между моим положением и ее жизнью не было абсолютно ничего общего. Мне оставалось лишь иногда тайно, украдкой любоваться Ириной, когда она по какой-либо причине заходила к Ришату. Но я так и не смог выговорить при ней даже слова. Да, к тому же они всегда разговаривали по-русски, который на уровне разговорной речи тогда, да и долгие годы потом не был мне доступен.

Тогда я жил на квартире у русской хозяйки и стараясь овладеть этим проклятым языком, говорил с ней по-русски. Она, по моей просьбе исправляла мои ошибки. Но о том, чтобы заговорить с такой красавицей, при одном лишь виде которой я лишался способности что-либо соображать, не могло быть даже речи. Я откровенно завидовал моему другу, который общался с Ирой так свободно и непринужденно, как если бы она была его сестрой. Я тем временем проклинал свою стеснительность и был твердо убежден, что мне никогда ее не преодолеть. Единственное, что мне оставалось – сделать себя таким, чтобы Ирина узнала обо мне как об отличном ученике и спортсмене.

Я старался вовсю и поскольку для всего этого у меня был серьезнейший стимул, что-то стало получаться. К зиме я стал первым учеником среди восьмиклассников и меня стали выбирать во всевозможные школьные и комсомольские комитеты. Было даже удивительно, что меня шестнадцатилетнего, выбрали секретарем комсомольского комитета школы, что было высшим признанием моего нового положения. Хотя в десятом классе у нас учились и восемнадцатилетние парни.

Когда заболела учительница физики (она была единственной в нашей школе, кто преподавал предмет на русском языке), уроки стал вести учитель из русской школы. Через Ришата мне стало известно, что этот учитель высоко отзывался обо мне, возвращаясь в свою русскую школу. Со слов Ришата, мои сверстники в этой этой школе были заинтригованы. Возможно, это известие от моего друга и подтолкнуло меня к отчаянному поступку. Собравшись духом, я написал письмо на русском языке предмету моих мучений. Эту записку с объяснением в любви и предложением дружить передал девушке Ришат. Скоро я получил ответ, в котором Ирина написала, что она весьма наслышана обо мне и даже сомневается в том, что достойна дружбы со мной. Радости моей не было предела, когда она в ответ на мое второе письмо назначила свидание.

Мы должны были встретиться поздно вечером в конце одной из центральных улиц поселка.

В морозный февральский вечер я и Ирина прошли по улице. Она рассказывала о себе и подругах, я понимал все, но, к сожалению, ужасно туго соображал для того, чтобы поддерживать разговор на русском языке. Конечно, я мог бы читать ей стихи на татарском, рассказывать о книгах, которых к тому времени успел прочесть великое множество (большинство из них были на русском языке), но на мой язык словно кто-то повесил тяжелые гири. Я что-то пытался мямлить, но ничего путного не выходило. Я с ужасом понимал, что произвожу не особенно приятное

впечатление. Смущение, охватившее меня в тот момент, даже не позволяло мне смотреть на Ирину, но в то же самое время я был безгранично счастлив от того, что такая красивая и умная девушка идет рядом и разговаривает со мной... Мы ещё несколько раз встретились, но я все так же был будто парализован, хотя понимал, что нужно объясниться в любви, обнять и поцеловать Иру. Все это было выше моих сил.

Наивысшим счастьем для меня был эпизод, связанный с моим выступлением на первенство района по лыжам. Я не смог участвовать в гонке на 15 километров, поскольку сломал лыжи. Другие хорошие лыжи были только у учителя по физкультуры, который почему-то без всякой тренировки решил участвовать в гонке. Мне было очень жаль, поскольку я тогда был в хорошей форме и уже занял первое место в гонке на 10 километров. Но вскоре неожиданно представилась возможность отличиться – мой учитель сошел с дистанции после первого круга и судьи разрешили мне начать гонку на его лыжах. Но тут разразилась пурга, лыжни практически не было видно и все участники гонки прекратили бег. Но я был неумолим и продолжал гонку, ибо знал, что в числе немногочисленных зрителей находится Ира. Я закончил гонку в одиночестве и стал чемпионом, но счастлив был не по этому поводу. Тут же мой Ришат вручил записку от Иры со словами восхищения и приглашением на свидание.

Это свидание стало последним. Возможно, мое мычание и невнятное бормотание на ломаном русском языке охладило энтузиазм девушки. К тому же, я был тогда ужасный теленок и не смог ни поддерживать нашу рождающуюся дружбу и перенаправить ее в русло любви. В конце концов, нам было всего 16 лет, и тогда в комсомольских газетах вовсю шли дебаты: можно ли любить в таком юном возрасте. Ответ, разумеется, всегда был отрицательным. Согласно комсомольским установкам, любовь в таком возрасте отвлекала юношей и девушек и мешала учиться.

Мы ещё встречались с Ирой при различных обстоятельствах, но свиданий больше не было. После окончания 9 класса летом мы оба работали водителями в пионерском лагере. Хотя там и были все возможности для встреч наедине, я так и не решился поговорить с девушкой. Она тоже молчала. Тем не менее, было чрезвычайно радостно находиться рядом с ней.

С годами мое чувство превратилось в непреходящую боль. Хотя любви, как это принято считать, и не было, образ Ирины преследовал меня еще долго, омрачая все мои дальнейшие увлечения женщинами. Бывали моменты, когда я проклинал ее за это и пытался ненавидеть, но это было выше моих сил.

Больше мы никогда так и не виделись. Я навсегда запомнил ее такой, какой она была на своем фотопортрете, вывешенном на дверях фотоателье.

В Москве

...Проблема русского языка, начала преследовать меня и в Москве. В конце концов, первую ночь в столице я провел на Киевском вокзале. Милиционеры выгоняли из переполненного зала ожидания на улицу каждого, кто вызывал у них подозрение. Думаю, мой вид не вызывал особой приязни у милиции, поскольку я одет был в лыжный костюм – в те времена он выглядел как рабочий комбинезон, а ногах у меня были старые истоптанные ботинки. Москва в то время была полна внутренних войск и милиции для борьбы с преступниками, которых по амнистии после смерти Сталина выпустили из тюрьм. Практически все они ринулись в большие города, начав терроризировать их население.

Москва еще не оправилась от шока, вызванного вводом в город армейских частей, включая танки, для предотвращения путча, подготовленного Берия и последовавшего за этим ареста всесильного главы КГБ. Ещё один день и одну ночь мне пришлось провести около Киевского вокзала. К счастью, тогда ночи были сравнительно теплыми.

В понедельник рано утром я уже был в приемной МВТУ им Баумана. Секретарь приемной комиссии меня выслушал и объяснил, что прием медалистов в их училище

закончен, а допускать меня, медалиста, к приемным экзаменам на общих основаниях он не имеет права.

Студент МИТХТ им. Ломоносова. 1956 г.

Что и говорить, я был глубоко разочарован, поскольку надеялся, что меня примут и дадут место в общежитии. Я безумно хотел спать и, едва стоя на ногах, мало что соображал. Однако, во мне начал работать инстинкт самосохранения. Попросив у одного абитуриента справочник по высшим учебным заведениям Москвы, я начал звонить по телефону. Третьим институтом, куда я обратился, был Московский институт тонкой химической технологии имени Ломоносова (МИТХТ). Там на мой вопрос, могу ли я приехать сейчас же и получить общежитие, ответили положительно. Это и решило мою судьбу на долгие годы.

Я тотчас отправился на Малую Пироговскую, 1. Как во сне, сдал документы, плохо понимая, на какой факультет и специальность мне написать заявление. Справился с этой задачей интуитивно и не ошибся. Я просил зачислить меня на факультет органического синтеза по специальности "искусственный газ и жидкое топливо", где платили наибольшую по институту стипендию. Могу и сегодня сказать твердо, что ни тогда, ни позже не жалел о сделанном в тот день выборе.

Учеба в институте и жизнь в общежитии сочетались с постоянной борьбой за выживание, поскольку мои родители помочь мне материально не могли абсолютно. Все мои доходы состояли из стипендии, которой едва хватало на скудное питание и плату за место в общежитии. Часто приходилось подрабатывать на все том же Киевском вокзале, разгружая вагоны. Но и такая работа, к сожалению, подворачивалась не всегда. Временами мне, как и некоторым моим однокашникам, удавалось наниматься на работу в ночную смену на Дорогомиловском химическом заводе.

Работа там была тяжелой и вредной, поскольку техника безопасности была организована на весьма примитивном уровне. Учась уже на четвертом курсе, я получил выгодную работу по развозке бутылей с дистиллированной водой по лабораториям института, то я стал почти обеспеченным студентом. У меня даже появилась возможность приличнее одеться и купить первые в своей жизни теплые ботинки.

С огромным трудом мне удавалось из своей скудной стипендии выкраивать деньги для покупки билетов в Большой театр. Билеты были, конечно же, самые дешевые – на верхний ярус театра. Но и для этого необходимо было приехать вечером накануне дня продажи билетов к Большому, занять очередь среди таких же, как я, нищих любителей оперной музыки, костяк которых составляли студенты, и провести холодную зимнюю ночь на улице.

Непрерывно проводились переключки стоящих в очереди и опоздавший безжалостно вычеркивался из списка. Попавшие в первые две сотни списка при открытии касс в 10 часов утра имели лучшие шансы приобрести билеты на следующую декаду месяца. Было холодно, страшно хотелось спать и попить что-либо горячего, но все это не могло остановить меня. Холодные ночи в очередях стали для меня своеобразной музыкальной школой. Среди студентов были большие знатоки оперной музыки, делившиеся всеми известными им подробностями со своими благодарными слушателями. Для меня, парня из глухой деревни, до этого никогда не слушавшего живого певца на сцене, все это было удивительным и чарующим. Скоро моими любимыми операми стали "Аида" Верди, "Пиковая дама" Чайковского и "Демон" А.Рубинштейна. В те времена нашей всеобщей любовью пользовались певцы Нэлепп, Лисициан, Иванов. Помню, как будто прослушал вчера "Аиду" в исполнении Г.Нэлеппа (Радамес), И.Архипову (Амнерис) и Вишневскую (Аида). Блестяще дирижировал Мелик-Пашаев. К тому времени известные певцы Козловский и Лемешев уже закончили свои выступления на сцене Большого и мне не пришлось наслаждаться красотой их голоса. Зато я хорошо помню дебют Майи Плисецкой в "Вальпургиевой ночи" и в "Фаусте". Конечно же это было потрясающим зрелищем, чего стоили одни только великолепно поставленные танцы кордебалета в шабаше ведьм!

...Я совершенно не ожидал, что учеба в институте является процессом, состоящим, в основном, из прохождения каких-то повинностей. Там так было мало увлекательного, чтобы зажечь молодые умы. Практически все было, к сожалению, обычной тягостной обязаловкой.

От первых годов учебы у меня осталось впечатление, что преподаватели глубоко не доверяли студентам, считая их ленивыми и старающимися лишь их обмануть. Большинство лекторов были совершенно не в состоянии толково объяснить материал и бедные студенты, несмотря ни на какие угрозы с их стороны, не могли заставить себя их слушать. К примеру, идет лекция по основам органической химии известного академика И.Назарова. Он монотонным и скучным голосом пытается объяснить очень нужный нам предмет. Вроде бы и демонстрационный материал интересен, да и мы сами понимаем, что перед нами крупный ученый, но вот лекции как таковой нет, она явно не получается. Уже через минут 15 после начала лекции академик начинает прибегать к санкциям. "Третий ряд сзади, студент в очках, будьте любезны, покиньте аудиторию! – командует он и добавляет: – Это относится и к вам, молодой человек со второго ряда слева. Вы, девушка рядом, тоже уходите. Все после лекции приходите в мой кабинет для объяснения".

После лекции у дверей академика выстраивалась очередь из 15-20 человек. Удаленные хотя бы раз с лекции должны были сдавать экзамен самому Ивану Николаевичу. Шансов справиться с таким испытанием было очень мало и многие студенты были отчислены по причине неуспеваемости по органической химии. К сожалению, неумение читать лекции известными учеными не воспринималось как их недостаток, наоборот, возникающие в связи с этим проблемы рассматривались исключительно как неприлежание со стороны студентов. Доходило до довольно странных ситуаций. Известный физико-химик Сыркин также плохо читал лекции. Наконец, расстроенный непониманием со стороны студентов, он демонстративно ушел с одной из лекций и никогда более не возвратился в аудиторию. Мне он запомнился также таким курьезным случаем. Тогда было много слухов о том, что американцами создана или скоро будет создана термоядерная бомба. Один студент спросил член-корреспондента Академии Наук СССР (позднее он стал академиком), возможно ли такое оружие. Ученый безапелляционно ответил, что даже теоретически это невозможно. Но каково же было наше разочарование, когда буквально через полгода СССР объявил об успешном испытании водородной бомбы. Я впервые понял, что даже члены-корреспонденты и академики могут ошибаться. Лишь намного позднее я узнаю, что членство в Академии Наук СССР в большинстве случаев не зависит от таланта ученого, а определяется, в основном, его связями и преданностью какому-либо клану в этой организации. Отцы этих кланов обычно заключают между собой соглашение о том, кто будет "избран" в качестве академика или члена-корреспондента в этот год, а кто отодвинется до следующего года.

Большое количество академиков и член-корреспондентов "проходили" по прямому указанию ЦК КПСС, который, как "руководящая сила" страны, подкармливала нужных людей от науки, искусственно обеспечивая их всеми благами, недоступными для рядовых ученых, которые на самом деле трудились беззаветно и обеспечивали карьеру своих начальников-псевдоученых.

Последнее мое замечание никоим образом не относится к светлой памяти Сыркина, безусловно крупного ученого, внесшего вклад в теорию строения молекул.

Не стану более развивать тему неудачных лекторов – в МИТХТ они составляли абсолютное большинство. Но одновременно хочу добрым словом вспомнить о таких выдающихся мастерах своего дела, как профессор высшей математики О.Н.Цубербиллер и заведующий кафедрой "Процессы и аппараты" профессор Н.И.Гельперин, слушать лекции которых приходили студенты других курсов, преподаватели и просто желающие. Эти лекторы читали свои лекции увлекательно и удивительно доступно.

К сожалению, интересные лекции и занятия занимали в общем расписании студента незначительное время. Зато в изобилии были предметы, которые буквально высасывали душу студента, отравляя его лучшие годы. Уверен, что приблизительно 70 процентов учебного времени в первые три года мы потратили впустую.

Почти каждый день были лекции и занятия по истории КПСС, которые затем переходили в так называемые основы марксизма-ленинизма и философию. С такой же частотой было поставлено "Военное дело". В институте работала военная кафедра, состоящая из пожилых полковников и подполковников-выпускников Военно-химической Академии им.Ворошилова. Эти служаки, тепло устроившись в столице, находили особое наслаждение в глумлении над студентами. Они считали, что студенты должны отработать привелегию непрохождения службы в Армии своим прилежанием на их бессмысленных занятиях.

Было нечто грустное и одновременно смешное в марше пешего строя девушек и парней в гражданских одеждах по набережной Москвы-реки. Некоторым ребятам никак не удавался рапорт, который необходимо было произносить, когда полковник вызывал их из строя. Они то забывали и путали порядок слов, то отдавали честь левой рукой, как немецкий солдат из кинофильма... Полковникам доставляло особое удовольствие, когда эту процедуру выполнял студент К., у которого отсутствовала традиционная координация рук и ног при маршировании. Поэтому этот студент числился в злостных неуспевающих по военному делу, имея большие неприятности.

Занятия по противохимической защите были сплошным начетничеством. Студент должен был запоминать все физико-химические константы (температуры кипения и плавления, давление паров, вязкость и др.), а также химические и физиологические свойства всех известных отравляющих веществ. Не дай бог, если ты при рассказе об этих свойствах что-либо выразил своими словами, выйдя за рамки ответа из учебника. Это считалось непростительной ошибкой.

– Ну-ка, скажи, как называется отличительное действие азотистого иприта по сравнению с действием обычного иприта? – вопрошала подполковник Ксения Князева. Я объяснял, что это отличие заключается в том, что отравление проявляется не сразу, а спустя некоторое время.

– Ну и неправильно! – торжествовала она. – Это свойство называется к у м у л я т и в н ы м. Наставления надо читать, молодой человек!

Мне тогда было не до смеха, поскольку получив по всем предметам пятерки и рассчитывая на получение повышенной стипендии, я в одночасье лишился этой возможности из-за любимого слова миловидной дамы в военной форме.

В другой раз я, кажется, взял реванш на зачете полковника А.Шварца. Он был большой хвастун, любящий рассказывать небылицы о своем участии в войне. Хотя, по свидетельствам его коллег, Шварц всю войну прошёл в подразделениях по задымлению и участия в боях не принимал, он являл собой классический пример пунктуалиста. В основном он учил нас... штопать противогазовую сумку и заодно объяснял, почему противогазовый фильтр задерживает пары отравляющих веществ. Затем следовала проверка усвоенного.

– Скажи-ка за счет каких сил фильтр противогаса задерживает пары ОВ! – спрашивал полковник. Каждый студент объяснял, в сущности, правильно, по-своему излагая

адсорбцию молекул на поверхности активированного угля. Но полковник был неумолим и прогонял их, как недобросовестно усвоивших учебный материал. Настала и моя очередь пытки."

– Ну, какие все-таки силы держат молекулы ОВ на фильтре? – повторял он свой вопрос.

Меня что-то просветило в этот момент, я торжественно и медленно произнес:

– К о г е з и о н н ы е силы.

От радости полковник подпрыгнул и чуть не поцеловал меня – настолько он был счастлив от того, что студент помнит его любимое слово. Он даже простил всех неудачников и всем поставил зачет по своему предмету.

С каждым годом наша учеба на военной кафедре становилась все сложнее и сложнее. Надо было учить многочисленные машины дегазации военной техники, военного обмундирования, включая одежду и противогазы. Запоминать их производительность и другие характеристики не было никакой возможности. Эти машины были совершенно бесполезны, поскольку после обработки дегазаторами из них выгружалось полностью испорченное обмундирование. В этом приходилось неоднократно убеждаться в военных лагерях.

После второго курса летом нас повезли в военные лагеря во Флоричи, что недалеко от Нижнего Новгорода (тогда он назывался Горький). Местность была сильно болотистой, вперемежку с сосновым лесом и песком. Жили мы в палатках – в каждой одно отделение. Были одеты в ужасно неудобную солдатскую форму и носили кирзовые сапоги с портянками. Стояла 30-ти градусная жара и наши ноги вспухали.

Командование нами поручили молодым солдатам, только что закончившим полковую школу, готовившую сержантов и ефрейторов. Министром обороны тогда был маршал Жуков, отличавшийся солдафонством и жестокостью. За малейшую провинность солдат наказывался заточением в гауптвахту, а то и отправкой в штрафбат. Причем время, которое затрачивалось на пребывание в этих "учреждениях" не входило в срок службы солдата. Если солдат потерял или у него украли что-либо из обмундирования, то он должен был заплатить за потерю. Где он должен был взять деньги, никого не интересовало. Обычно обворованный солдат компенсировал потерю обкрадыванием других, в особенности, вновь прибывших.

Скоро мне самому пришлось испытать на себе последствия такой дисциплины в славной Советской Армии.

Зайдя в солдатский сортир, где одновременно справляют нужду 8-10 человек, я снял и повесил на гвоздь на стене свой ремень и присел. Когда я поднял голову, к моему ужасу, ремня на гвозде уже не было. Положение было жуткое и я сразу доложил о случившемся своему командиру отделения, парню с тупым лихачьим лицом и бессмысленными голубыми глазами. Он приказал мне заплатить и после чего обещал выдать новый ремень. Моих денег едва хватило на этот штраф и я остался на целый месяц без средств на покупку сигарет и каких-либо сладостей, поскольку в столовой на чай давали всего два крошечных куска сахара.

Палочную дисциплину с особой изощренностью применяли по отношению к нам, студентам. Сержанты не скрывали ненависти к парням, решившим учиться в высшей школе и при каждом удобном случае демонстрировали прямо-таки звериную жестокость, добиваясь, чтобы студенты навсегда запомнили свое ничтожество. Не успевали мы сесть за столы в столовой, куда нас водили строем и с обязательной песней, как сержант Корытко уже командовал: "Заканчивай !" – почему-то произнося букву "к" с хрипом. Уж на что я считал себя скорым в еде, но здесь не успевал справиться даже с супом и лихорадочно, уже на ходу, глотал пшеничную кашу с куском жирной свинины. Два куска черного хлеба мы клали в карманы еще тогда, когда садились за стол. Они спасали нас от постоянного чувства голода, которое мы начинали испытывать почти сразу же после ухода из столовой.

Ко всем моим потрясениям, полученным от близкого знакомства с нашей "славной и непобедимой", добавилось еще одно шоковое впечатление, виновником которого стал командир нашего отделения.

Рядом с нашими палатками располагались палатки бывших солдат, взятых на переподготовку. Сержант в очередной раз заставлял нас маршировать нас около этих

палаток. "Запевай!" – командовал он. Петь нам не захотелось. Тогда он скомандовал: "Бегом, марш!" Мы побежали, какое-то время вперед и затем, по команде, повернули назад. "Шагом марш!" – последовала следующая команда. Тут же туполицый коротыш опять дал команду: "Запевай!" Один из наблюдавших за нами солдат не выдержал и бросил: "Ну, сука же!" Не знаю, как это произошло, но я машинально среагировал: "Ещё какая!". Тут же мы вздрогнули от отчаянного окрика: "Стой-и-и!!!" Коротыш был бледен, его лицо дрожало от неопишуемого гнева. Позабыв распустить нас, он помчался к офицерскому домику жаловаться. Мы все поняли, что может за этим последовать, но никто не выражал мне сочувствия. Каждый был рад лишь тому, что это произошло не с ним.

Скоро пришел командир взвода, молодой лейтенант. Он торжественно перед строем вызвал меня и объявил о чрезвычайном происшествии, которое доселе их славной части ещё не доводилось переживать. Оскорбление командира в Советской Армии, объяснял он, может повлечь собой до двух лет штрафных работ. Но, учитывая молодость и недостаточную политическую и моральную подготовленность курсанта Мирзаянова, заявил он, командир батальона решил ограничиться наказанием в виде внеочередного наряда в столовой и мытья полов в ленинской комнате.

Я все это, разумеется, беспрекословно выполнил. Но это было лишь начало. В сильную жару, когда было более 30 градусов по Цельсию, нам приказали одеться в резиновые комбинезоны, сапоги и противогаз. Предстояло дегазировать "местность", зараженную ипритом. Для этого требовалось перекопать почву и перемешать ее с хлорной известью. На все это было дано определенное время. Мы все выполнили досрочно и с довольным видом переворачивали сапоги, чтобы вылить сконденсировавшийся в них пот. Тут мне вместо благодарности, объявленной всем другим, крикнули: "Мирзаянов, к командиру!"

Я побежал. Когда прибежал к командирскому пункту, там стоял наш заведующий военной кафедрой генерал Хандожко. Прислали его в МИТХТ из главного политического управления Советской Армии, где он прошел "школу" в помощниках у самого Мехлиса, уничтожившего вместе с Берия больше красных генералов, чем вся фашистская армия. Небольшого роста, круглолицый, с черными усами, он чем-то напоминал нашего "дорогого" Иосифа Виссарионовича. Он открыто подражал вождю манерой держаться важно и величаво, даже говорил с некоторым кавказским акцентом, несмотря на то, что был русским.

Резким голосом Хандожко стал говорить о пятне на всех курсантах, которое, якобы, появилось по моей вине и страшал меня военным трибуналом, отчислением из института и другими карами. Как ни странно, я почему-то при этом никакого страха не испытывал.

Должен сказать, что не все так остро переживали нашу лагерную жизнь. Некоторым ребятам даже нравилась бессмысленная муштра и они к концу нашего пребывания стали помощниками командиров взводов, командуя нами не хуже сержантов. Да и в последующей жизни, окончив институт, они достигли довольно выгодных высот на советской административно-хозяйственной лестнице.

...Второе пребывание в военных лагерях, сразу после окончания института, ничем особым не запомнилось. Летом 1958 года нас послали в химический батальон в город Йыхви в Эстонии. Там практически никто нами не интересовался и мы проводили время, играя в карты, шахматы и скучая по Москве.

...Другим пожирателем драгоценного учебного времени у студентов в МИТХТ были многочисленные дисциплины по марксизму-ленинизму. Лекции по ним читали бывшие партийные боссы или "ученые" по этому хлебному тогда делу. Эти занятия были потрясающе скучными. Но если ты мог пропустить без особого наказания лекции по другим предметам, то здесь велся строгий учет посещения и пропуск трех лекций по "неуважительной" причине мог привести к исключению из института. Так что шутки с партией были более чем опасными. Ничего не оставалось, кроме как заучивать наизусть все даты бесконечных съездов и конференций большевиков, их повестки дня, что там говорил Ленин, как он боролся с ненавистными меньшевиками и т.п. Не было решительно никакой гарантии, что ты не перепутаешь всю эту ересь и поэтому студенты делали нехитрые шпаргалки.

Все же в этом темном царстве коммунистического мракобесия появился один человекоподобный. Это был Рем Белоусов, перешедший к нам из МГУ. Говорили, что он был там секретарем комсомольского комитета и смещен за несовместимые с линией партии взгляды.

Мы скоро узнали об этих взглядах Белоусова. Прежде всего он сообщил, что ни одна сталинская пятилетка (так назывался пятилетний план развития хозяйства страны) не была выполнена. Это произвело на нас потрясающее впечатление. Ещё ужаснее было его сообщение о том, что план партии, согласно призыву Ленина, иметь 100 тысяч тракторов, которые обеспечат победу социализма, так и не был выполнен.

"Как же так?" – вопрошали мы с разочарованием. Рем Александрович объяснил просто. Ведь во всех сообщениях по выполнению плана говорилось о сотнях тысяч выпущенных тракторов "в переводе на 15-ти сильный трактор". Так каждый 60-ти сильный трактор считался за 4 трактора, несмотря на то, что он не мог работать за четыре машины. Все эти вещи были для нас новыми и необычными. Хотя взгляды нового доцента были весьма передовыми для этого времени, его цель не шла дальше того, чтобы "вернуться к заветам Ленина".

После его лекций мы ещё долго шутили, увидев на улице трактор. Один студент спрашивал другого, сколько тот видит тракторов. Тот отвечал, что видит один.

"Нет, дорогой друг, ты против линии партии. Тракторов там четыре, а не один. Историю партии надо учить!" – следовала реплика шутника.

Внимание партии к институту было очень пристальным. Ведь в нашем институте то ли год, то ли целых два, проучилась Екатерина Фурцева, бывшая ткачиха, ставшая затем членом Политбюро ЦК КПСС. Я видел её в 1955 году. Мне она запомнилась волевым, не лишенным привлекательности лицом, рыжими волосами, сплетенными на затылке и энергичной походкой, выбивавшей дробь на мраморном полу площадки второго этажа, которую студенты называли по традиции "дыркой" из-за простирающего над ним стеклянного купола. За вождем коммунистов Москвы (Фурцева тогда была первым секретарем Московского горкома КПСС) еле поспевал на своих коротких ногах тучный коротыш, директор института Мышко. Он долгое время служил на "ответственных постах советского аппарата", в том числе, заместителем председателя Моссовета. Но там его понизили до директора МИТХТ. Он нам запомнился тем, что в своих выступлениях читал Сергея Есенина, тогда считавшегося официальной пропагандой буржуазным и поэтому запрещенным для печатания поэтом.

Однако есенинский романтизм сочетался в Мышко с далекими от поэзии жульническими повадками. В частности, для оформления кабинетов марксизма-ленинизма, для чего спускались крупные для того времени суммы, он нанимал своего зятя. На самом деле работу за мизерную плату делали профессиональные художники, а деньги тесть и зять делили между собой. До поры до времени шалости советского бонзы не имели особых последствий.

Буря грянула, когда выяснилось, что Мышко перезанимал крупные суммы денег у старых профессоров и ни в какую не хотел их отдавать обратно, рассчитывая, что кредиторы скоро отойдут в мир, где деньги не нужны. Но жена одного из стариков оказалась достаточно смелой и подняла такой скандал, что Мышко был согласен даже перевестись на кафедру, чтобы сделать докторскую работу. Но это для него было чрезмерно тяжелым трудом. Вопрос решился просто: Мышко перевели на очередную "ответственную работу в советских органах". В конце концов, нельзя было бросать тень на "чистое лицо коммуниста".

В соблюдении "лица" выделялась подруга Фурцевой, бессменный секретарь партийного комитета института доцент Хохлова.

Когда следующий директор института профессор Ксензенко разошелся с женой и – о ужас! – женился на студентке последнего курса, секретарь организовала крестовый поход "за чистоту морали коммуниста", который закончился сначала отставкой Ксензенко с поста директора, а затем – изгнанием из института. После таких потрясений ученый безнадежно заболел и скончался.

Другим "крупным партийным руководителем", работавшим во время моей учебы в институте, был доцент А.Смирнов. Не знаю по какой причине, но, будучи

начальником сектора отдела химии и химической промышленности ЦК КПСС, он продолжал приходить на кафедру "Искусственный газ и жидкое топливо" и руководил нашей группой. На занятиях просто молча стоял, пока мы делали опыты по синтезу органических соединений или проводили фракционную перегонку тяжелых остатков пиролиза смол. Его не вывело из такого состояния даже случай, когда я по ошибке устроил короткое замыкание электрической сети и вся лаборатория на какое-то время погрузилась в темноту. Думаю, что Смирнов просто манило ученое звание. Он пытался вечерами работать в лаборатории А.Башкирова в институте нефтехимического синтеза Академии Наук СССР. Попытки Смирнова, впрочем, закончились неудачно. Он собрал в одной из лабораторных комнат экспериментальную установку для синтеза на основе оксида углерода (как известно сильного ядовитого газа) и водорода. То ли он позабыл, что отходящие из реактора газы необходимо направить для выброса под вытяжной шкаф, то ли сорвался резиновый шланг, служащий для этих целей – дело чуть не кончилось катастрофой. Случайно зашедший в комнату сотрудник обнаружил Алесандра Сергеевича на полу без памяти и немедленно вынес его на улицу. Собравшиеся по тревоге люди с трудом спасли исследователя-неудачника.

Все это не помешало ему со временем стать заведующим отделом химии и химической промышленности ЦК КПСС. От него зависели судьбы от шести до восьми министров СССР, так или иначе связанных с химией. Он же управлял через свой отдел проблемами химического оружия и неоднократно бывал в Государственном Союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии (ГСИИОХТ) – основном разработчике боевых отравляющих веществ в стране, где мне пришлось проработать 26 лет. Его зять Г.Каждан также работал в этом институте, и, не будучи специалистом, тем не менее, занимал заметный пост.

Смирнов, в конце концов, удовлетворил свои амбиции и стал-таки "известным ученым". Он и бывший парторг института нефтехимического синтеза академии Наук СССР В.Грязнов все же запатентовали одно весьма сомнительное открытие.

Вспоминая о моих институтских годах, не могу не отметить и другие бессмысленные предметы, которыми заставляли заниматься студентов. Это, например, теория машин и механизмов, теплотехника, строительное дело и пр. Мы иногда спрашивали преподавателей, зачем химику нужно пытаться проектировать и рассчитывать тепловые котлы для получения пара и электрической энергии, когда электроэнергия давно уже подавалась по проводам с крупных электростанций. В конце концов, там работали инженеры-механики – специалисты в этой области. Детали и машины проектировали и производили тоже специалисты, машиностроители. Для этого в Москве были другие институты, которые в больших количествах выпускали инженеров этого профиля. Ответа на наш вопрос мы не слышали. Боюсь, то же самое продолжается и в настоящее время, и сейчас студенту совершенно некогда заниматься своим любимым предметом, ради которого он, собственно, и пришел в высшее учебное заведение. Руководители каждой кафедры считали, что именно она и есть профилирующая и самая главная. Даже на кафедре физкультуры большинство преподавателей буквально терроризировали студента, если по какой-либо причине он не смог прыгнуть установленную норму или пробежать дистанцию. Было неважно, что ты, скажем, хорошо бегаешь на лыжах или мастерски играешь в волейбол – тучную Викторию Наумовну волнует только ее зачет.

На втором курсе мне и моим товарищам-спортсменам, показывавшим тогда неплохие результаты на различных городских соревнованиях, отказали поставить зачет по физкультуре, поскольку мы не сдали идиотский комплекс упражнений ГТО ("Готов к труду и обороне"), куда входило также такое довольно странное упражнение как стояние на голове.

Через два дня начиналась экзаменационная сессия. Пришлось целую ночь тренироваться, чтобы научиться стоять на голове. На другой день я сдавал эту самую ненавистную норму, имея открытую рану на лбу, поскольку всю ночь тренировался... Подготовиться к экзамену времени не осталось. Но это совершенно не интересовало дам с кафедры физкультуры и спорта. Наши тренеры, тоже преподаватели, ничем не могли помочь и пойти против установок, спущенных сверху.

Все же жизнь студента в МИТХТ после третьего курса становилась веселее. Кроме марксизма и военного дела, практически все лишние предметы оставались уже позади и можно было больше уделять времени занятиям по своему профилю. Преподаватели, и профессора по профильным дисциплинам не были такими осатанелыми и ненавидящими студента. Многие студенты так и не дошли до этой ступени, не выдержав бессмысленной муштры.

Студенческая практика на действующих заводах была первым знакомством с производством химических продуктов. К сожалению, они были похожи скорее на экскурсии, хотя может быть более направленные и специализированные. Может быть, именно по этой причине они дали нам мало в плане приобретения навыков инженера-технолога.

Наибольшее впечатление на меня произвела практика на Новочеркасском химическом комбинате. В то время это был огромный завод по производству искусственного топлива. Здесь по трофейной немецкой технологии из каменного угля получали оксид углерода. Кроме этого, на комбинате было налажено производство водорода. Затем из этих газов в реакторах с кобальт-ториевым катализатором производился синтез жирных углеводородов. Их, в свою очередь, подвергали перегонке для получения бензина и различных масел. Завод был убыточным и сидел на дотациях, поскольку получаемый бензин был низкого качества и не годился для заправки даже заводского транспорта. Немцы во время войны выходили из положения тем, что применяли добавки, в частности, тетраэтилсвинец, для повышения октанового числа бензина. Но эта добавка, которая, кроме всего прочего, является сильным ядовитым веществом, производилась тогда у нас в небольших количествах и поэтому продукция завода практически была малополезной. В точности также обстояло дело ещё с двумя крупными заводами, вывезенными из Германии, которые располагались в Салавате (Башкортостан) и Ангарске. Но к тому времени СССР начал разрабатывать богатые месторождения башкирской и татарской нефти, из которой получался гораздо лучший бензин.

Спустя некоторое время жирные углеводороды, получаемые из оксида углерода и водорода, все же нашли более достойное применение благодаря работам коллектива ученых во главе с заведующим нашей кафедрой Андреем Николаевичем Башкировым. Дело в том, что в те годы СССР содержал крупнейший китобойный флот в мире, который буквально изводил с лица земли китов в Антарктике. Из туш этих гигантских животных извлекались жиры. Затем их отправляли на химические комбинаты, в частности, казанский, где из них производились высшие жирные спирты. Их перерабатывали в синтетический стиральный порошок "Новость". Но ещё тогда было ясно, что этому безумию все же придет конец. Башкиров предложил метод окисления продукта новочеркасского комбината под названием "Синтин" в присутствии борной кислоты в высшие жирные спирты. Это было революционное решение проблемы и мы, студенты, очень гордились своим руководителем.

Когда доцент Гиляровская предложила мне, студенту 4 курса, воспроизвести опыты по исследованию процесса окисления синтина, я с радостью согласился, хотя до этого почти не мечтал об ученой карьере, полагая, что мне лучше работать где-нибудь на заводе на поприще инженерной технологии. Однако скоро понял, что мое место в исследовательской лаборатории. В ней ты практически один остаешься с неизвестным и лишь от тебя зависит, будет ли сотворено новое и неизведанное. Я ещё более убедился в этом на 5 курсе, когда обывал на практике на Шебекинском химическом комбинате недалеко от Белгорода. Здесь впервые осваивали промышленную технологию получения высших жирных спиртов и мы, несколько студентов с нашей кафедры, изучали работу будущего цеха на примере опытно-промышленной установки. Работа этой установки была динамичной и полной неожиданностей, но мне она показалась ужасно скучной и рутинной, повторяющейся изо дня в день. Несколько ночных смен, проведенных мной на установке, окончательно и бесповоротно убедили меня в том, что, кроме монотонности технологического процесса, в работе сменного инженера ничего увлекательного нет. Она изматывающе тяжела и не компенсируется творческим удовлетворением.

...К тому времени я был серьезно увлечен своей однокурсницей Ритой Скибко, отвечающей мне взаимностью и целеустремленно работающей на кафедре синтеза и технологии витаминов и лекарственных веществ, возглавляемой известным ученым Преображенским.

Скоро мы и поженились, мечтая о семейной ученой карьере.

Башкиров предложил мне делать дипломную работу в его лаборатории и я был очень вдохновлен этим.

Скоро я был представлен к моим руководителям – старшему научному сотруднику Юлию Борисовичу Кагану и аспиранту Николаю Морозову. Поскольку Каган вместе с Башкировым отправился в длительную творческую командировку в Китай, то моим фактическим руководителем стал Морозов. Мы с ним изучали роль предполагаемых комплексов углерода с железным катализатором при синтезе на нем различных соединений на основе монооксида углерода и водорода.

Николай был отзывчивым человеком и делал все для того, чтобы я мог чувствовать себя раскрепощенным и весь отдавался работе. Практически все опыты мы делали вместе и я, конечно, всецело доверялся ему. Я быстро освоил всю технику эксперимента и с любовью делал так называемые кинетические опыты, когда отбирая пробы газа в адсорбционные трубки и взвешивая их, непрерывно в течение нескольких часов, пробегаешь буквально километры, носясь из лабораторного помещения в весовую комнату и обратно.

К сожалению, долгое время наша работа шла вхолостую – нам не удавалось добиться воспроизводимых данных опытов. Все время получались неподдающиеся никакому логическому объяснению различные результаты. Временами бывали и курьёзные "открытия", когда испытываемый нами катализатор показывал более чем стопроцентную конверсию монооксида углерода. Затем выяснилось, что мы при очередной чистке реактора попросту оставили там несколько ворсинок от куска протирочной материи...

Мы уже не знали, что и делать. Время с катастрофической скоростью двигалось к началу защиты дипломных работ, а путных воспроизводимых результатов все не было. Как бы чувствуя, что наши дела плохи, Каган написал нам из Китая, но, конечно же, находясь там, он помочь ничем не мог.

Тут на наше счастье, раньше времени из Китая возвратился Башкиров. Хотя он не был детально знаком с нашей работой, но, думаю, и мне, и Морозову, начинающим свой путь в науке, он преподавал неоценимый урок. Хорошенько поматерив нас, после того, как выслушал Николая, Башкиров потребовал, чтобы мы с максимальной возможной точностью повторяли все операции при проведении экспериментов, вплоть до соблюдения интервалов между отбором пробы и взвешиванием. Действительно, дела после этого пошли очень легко, и я успел сделать работу в срок.

Глава 3

Я становлюсь человеком из "ящика"

Ещё до начала дипломных работ мы, будущие выпускники 1958 года, были распределены по различным научно-исследовательским институтам и заводам. Мне предложили работать в "почтовом ящике" 4019, располагавшемся на шоссе Энтузиастов. Я согласился, хотя не имел никакого представления ни об этом предприятии, ни о будущей работе. Институт был секретным и имел оборонное значение, и в результате мое будущее представлялось романтическим и увлекательным. На работу мне предстояло явиться в начале сентября, после прохождения военных лагерей и поездки вместе с Ритой к моим родителям в Старый Кангыш.

Я приехал на работу к назначенному времени, но мне так и не удалось ее начать, поскольку у меня не было допуска к секретным документам. Их оформление заняло месяц с небольшим. Затем выяснилось, что я должен работать на опытной установке цеха 17 по разработке технологий получения бороводородов. Эти в высшей степени взрывопасные и ядовитые соединения считались перспективным ракетным топливом.

Сдав экзамен по технике безопасности, я пришел на установку, которая представляла собой сплошной ряд приборов и вентилей под застекленным шкафом, продуваемым мощным потоком вентиляционного воздуха.

Как и все работники, прежде чем войти в цех, я должен был переодеться в рабочий комбинезон из хлопчатобумажной ткани. Из-за многократных стирок с хлорной известью он имел беловато-синий цвет и висел на мне словно старый мешок из-под картошки...

Кроме того, мне выдали противогаз, который полагалось носить с собой все время пребывания на установке. На голову мы надели белые шапки из той же хлопчатобумажной ткани. Вид наш, прямо скажу, был ужасно непривлекательным, одежда не имела даже малейшего намека на какой-то эстетический вкус у ее создателя. В довершение наши ноги, обернутые в солдатские портянки, были обуты в тяжелые ботинки из грубо выделанной кожи. Это окончательно делало нас похожими на заключенных из кинокартин того времени.

На установке, несмотря на мощную вентиляцию, которая едва не срывала шапки с головы, стоял резкий и неприятный запах. Он буквально доканывал, медленно, но настойчиво пропитывая насквозь весь организм. Скоро я почувствовал, что меня тошнит. Я спросил моего будущего помощника мастера Ефимыча, как долго будет сохраняться этот запах. Тот в ответ улыбнулся, обнажив беззубый рот, и сообщил, что это будет всегда так. Глаза Ефимыча почему-то неестественно блестели, и ходил он вразвалочку, волоча ноги, словно боцман на корабле в штормовую погоду...

Скоро я успешно завершил изучение установки и начал работать в качестве сменного инженера. Временами работа была очень напряженной и опасной. Дело в том, что испытываемый реактор для получения диборана то и дело давал течь, поскольку прохудился из-за агрессивной среды и высокой температуры выбрасываемой в воздух смеси ядовитых и взрывоопасных газов. Вовремя обнаружить эту течь и заменить реактор, дело было весьма трудоемким и опасным. Если такое дело случалось в ночную смену, то нагрузка на людей возрастала вдвойне и они, конечно, сильно отравлялись. Рабочие, в том числе и я, по часу находились в насыщенной ядовитыми газами камере реактора, занятые заменой этого зловещего узла.

Хотя мы были в так называемых шланговых противогазах и дышали уличным воздухом, наша одежда за время пребывания в камере успевала поглотить значительное количество ядовитого диборана. Закончив работу, мы выходили из камеры, затем шли через коридор, где у пультов управления стояли другие работники смены, но без противогазов, и отправлялись в душевую, чтобы помыться и сменить рабочую одежду. По пути мы дышали повышенной концентрацией диборана, выделяемого нашей одеждой, и заставляли вдыхать этот газ им стоящих в коридоре управления людей.

В моей смене работали люди различной квалификации и подготовки. Большинство имели хороший опыт работы и помогли мне освоиться в этой опасной профессии. Через несколько месяцев между мной и рабочими установились хорошие отношения, они практически не подводили меня ни в чем. Хотя в то же время без чрезвычайных происшествий, запомнившихся на всю жизнь, тоже не обошлось.

Каждую смену я под расписку получал около 30 литров этилового спирта с сильным запахом толуола – для промывки аппаратов и узлов, подлежащих ремонту. С этой жидкостью обращались осторожно, но не так, чтобы очень уж строго. Все привыкли, что она не ядовита, а и некоторые даже попивали её без заметных последствий. В одну из ночных смен я поручил промыть узел щелочного гидролиза этим спиртом двум молодым рабочим Косте Джавадову и Диме Эминову. Наблюдать за этой операцией я не стал, поскольку она была слишком тривиальна. Но скоро я услышал пронзительный крик Димы и вместе с другими рабочими побежал к месту работы. Молодой человек, схватившись обеими руками за лицо, стонал от боли. Мы потащили его к крану с водой и стали промывать глаза и лицо. Затем сделал все, что предусматривали инструкции техники безопасности при оказании помощи получившим ожог глаз щелочным раствором. Я вызвал скорую медицинскую помощь, которая прибыла на место немедленно и увезла парня в одну из больниц Москвы.

Моя вина в этом происшествии была большой, поскольку по инструкции считалось, что за все происходящее в смене непосредственную ответственность несет ее начальник. Сам я недоумевал: как могло произойти это ЧП, если в промываемом узле не было никакой щелочи?

Уже потом, в ходе расследования, выяснилось, что парни после выполнения порученного задания попросту стали баловаться, поливая друг друга спиртом и этот спирт попал в глаза Эминова. К счастью, ожог не был сильным, и скоро Эминов уже работал на своем привычном месте. Я, разумеется, был наказан за халатность, лишившись квартальной премии.

Через много лет, в 1994 году на международном конгрессе о роли средств массовой информации в демократизации общества я неожиданно встретил Диму. Я был очень рад его увидеть, как никак мы не виделись 30 лет. Он мне дал свою визитную карточку, в которой было написано, что Эминов Владимир Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии МЮИ (Московский юридический институт). Я вспомнил, что почему-то он предпочитал, чтобы его называли Димой, хотя на самом деле был Владимиром.

Но еще большим было мое удивление, когда, представляя меня одному из своих знакомых, Эминов сказал, что мы вместе учились в Московском химико-технологическом институте имени Менделеева. Да да вот он, Владимир, все же пошел затем в юриспруденцию... Я тут понял, что профессор юриспруденции ужасно стесняется своего рабочего прошлого...

Другой чрезвычайный случай, произошедший в моей смене, буквально потряс меня. Это случилось также в ночную смену. В моей смене работал молодой человек, который заочно учился на факультете журналистики МГУ и был по этому поводу весьма горд и высокомерен. Он имел самый высокий рабочий разряд и проводил ответственную технологическую операцию по низкотемпературной разгонке диборана. От четкой работы оператора зависела чистота получаемого продукта. Если же качество конечного диборана было ниже стандарта, то разгонку необходимо было проводить повторно, и останавливать для этого работу реакторного узла. Я стал замечать, что будущий журналист часто приходит на работу не совсем трезвый. Согласно всех правил, я должен был немедленно отстранить его от работы и направить в поликлинику для медицинского освидетельствования. Однако, я решил ограничиться лишь внушениями, чтобы не создавать излишний шум. Это повторялось несколько раз. Мне искренне было жаль парня, поскольку в случае отстранения его сразу же уволили бы с работы.

В одну из ночных смен мой "журналист" в очередной раз пришел нетрезвым. Хотя он заверил меня, что все будет в порядке, я все же решил стоять вместе с ним и совместно проводить разгонку продукта. Так происходило почти до середины ночи. Но потом меня позвали к другому аппарату и я вынужден был отлучиться буквально на несколько минут. Но этого было достаточно для того, чтобы произошло ЧП. Я услышал испуганные крики женщин, работающих недалеко на осушительном аппарате и побежал обратно. Из стены вырывался сноп пламени. Я мгновенно понял, что "журналист" открыл продувочный вентиль, которым нельзя было пользоваться ни в коем случае, пока все газовые магистрали не были продуты инертным газом-азотом. Вентиль должен был быть заглушен, но, как всегда, этого не сделали. Время шло на секунды. Пламя касалось трубопроводов с дибораном и водородом и это грозило мощным взрывом. В нескольких шагах от бушующего огня, за дверью на площадке были подвешены два больших резервуара с чистым дибораном. Взорвись они – и от нашего "почтового ящика" вместе со всем его персоналом осталась бы груда пепла, да и целому кварталу Москвы мог быть нанесен огромный урон. Ситуация была ужасающей. В эти минуты я действовал я как автомат: схватил висящий на противоположной стене рулон асбестового полотна и, не успев его полностью развернуть, кинулся на вентиль. Накрыв его полотном, быстро стал его закрывать. Сделать это мне, к счастью, удалось быстро. Огонь погас и я, довольно быстро придя в себя, почувствовал лишь легкий озноб. И только тогда заметил, что рядом со мной никого из работающих уже не было. Все сбежали в испуге.

Скоро все вернулись на свои места и работа продолжилась. Я написал докладную о произошедшем. Я чувствовал себя уверенно, поскольку мне удалось сделать все, что было необходимо в таких случаях. Внутренне я был доволен, что в критической ситуации могу действовать без паники. Однако, мои переживания на этом не закончились. Один из рабочих доложил, что "журналиста" нигде не могут найти, он как сквозь землю провалился. Поскольку из цеха без моего письменного разрешения охрана никого выпустить не могла, я решил, что мой работяга должен находиться где-то здесь. Стали искать, но его нигде не было. Здесь меня осенило, и я решил проверить свое предположение. На установке имелась камера дегазации, которая использовалась для дегазации аппаратов и узлов из-под ядовитых веществ. Туда категорически запрещалось заходить без одетого шлангового противогаза. И когда мы, надев эти самые противогазы, вошли в эту камеру, то перед нами предстала картина: на полу лежал наш "журналист", спящий мертвецким сном.

К счастью, оказалось, что он не отравился и здоров. Но этот случай мне послужил уроком на всю жизнь и дальше в подобных случаях я действовал с точки зрения здравого смысла, стараясь не руководствоваться одним лишь чувством жалости.

...Работа в "почтовом ящике" сильно меня утомляла. Особенно трудно было в ночные смены, поскольку после прихода домой мне практически не удавалось выспаться.

Жили мы тогда с родителями Риты в одной комнате, а когда родилась моя дочь Лена, там негде было даже повернуться. Скоро я понял, что работа сменного инженера не требует практически никакой инициативы или элементов творчества – это был самый настоящий тупик. Поэтому, несмотря на все трудности, я начал готовиться к поступлению в аспирантуру. Это был единственный способ покинуть мою работу, поскольку я был обязан отработать на месте своего распределения ровно три года, вне зависимости от желания. Для поступления в аспирантуру требовалось два года трудового стажа.

Сильная нагрузка в сочетании с плохими бытовыми условиями сказались на моем здоровье. На очередном медосмотре врачи рекомендовали немедленно начать лечиться, предупредив, что могут вовсе и отправить в больницу. Затем мое состояние улучшилось, тем более, что наши жилищные условия к этому времени изменились к лучшему.

Учиться я хотел в аспирантуре знакомого мне института нефтехимического синтеза Академии Наук. Но к началу сдачи документов мне не хватало очень важной бумаги: характеристики с места работы, подписанной директором института, председателем профсоюзного комитета и секретарем партийного комитета. Я быстро собрал подписи директора и профсоюзов, но с секретарем парткома Сорокиным были проблемы. С его слов, партия считала, что молодые кадры нужны именно здесь, на важном участке производства и, если я хочу учиться, то это я должен делать здесь. Я едва не заплакал от чувства обиды, и глубокого разочарования. Однако, я решил, что приду к секретарю дней через десять – быть может, тогда он смягчится и отступит. Но партийный босс через десять дней не смягчился. Наоборот, отчитал меня как злого лодыря, отлынивающего от выполнения своего долга перед партией и народом, которые-де меня учили и воспитывали, да вот, видать, не так успешно. Когда я пришел расстроенный на работу в вечернюю смену, то не мог скрыть своих чувств. Рабочие, естественно, поинтересовались, что со мной произошло... Я рассказал. Тогда "Дима", тот самый будущий профессор юриспруденции Владимир Эминов, сказал: "Дайте бумагу мне!". Я отдал и с удивлением увидел, как Дима совершенно спокойно ставит на месте подписи секретаря "ума и чести нашей эпохи" свою подпись и говорит, что я буду дураком, если остановлюсь "из-за этого идиота Сорокина".

Пришлось согласиться с таким сомнительным методом, поскольку иного выбора не было. Я и сейчас уверен, что никто тогда так и не прочитал эту бумагу, являвшуюся простой формальностью. В конце концов, я шел учиться, теряя половину заработной платы, на свой риск и страх, а не собирался получать какую-либо правительственную награду или повышение по службе.

Наверное, я вовремя ушел из "почтового ящика" 4019, который теперь имеет открытое название – Институт технологии кремнеорганических соединений и находится почти рядом с ГСНИИОХТ, где мне пришлось проработать 26 лет... Дело в том, что в 1959 году по проекту нашего ящика в поселке Редькино, что находится между Клином и Тверью, был построен крупный завод по выпуску боранов (диборан, пентаборан, декаборан и др.).

Я вместе с моими начальниками побывал на этом заводе для оценки готовности его к пуску. Мы нашли существенные недостатки в монтаже газопроводных магистралей и расположении аппаратуры, и доложили об этом главному инженеру Ростунову, энергичному и решительному на вид мужчине средних лет.

Через 20 лет я с ним встречаюсь на Новочебоксарском химическом комбинате по выпуску боевого отравляющего вещества "33" – аналога известного газа VX. Ростунов к тому времени будет главным инженером управления министерства химической промышленности СССР, командовавшего производством химического оружия. Наряду с другими начальниками он за пуск Новочебоксарского комбината он получит Ленинскую премию, а также другие почести и регалии советского времени. Он достиг бы и большего, но дальнейшему развитию карьеры этого способного инженера помешало его чрезмерное увлечение алкоголем.

Во время командировки в Редькино я встретил там своих однокурсников, которые были "распределены" на этот завод, где, кстати, скоро был организован филиал нашего почтового ящика. Они были довольны тем, что запускаемый завод имеет такую важность и там есть все предпосылки для продвижения по служебной лестнице. Затем, через много лет, я узнаю, что многие, работавшие там, отравились боранами: кто-то умер, кто-то на всю жизнь стал беспомощным инвалидом. Так произошло и с моим однокурсником Юрием Буйницким. Это был высокий парень с красивыми чертами слегка смугловатого лица и с нежным подбородком, который выдавал его доброту. По-видимому, он сам немного стеснялся этой своей черты, поскольку был поставлен начальником цеха и под его руководством работало более 200 человек.

Затем я как-то встретил его в Государственной библиотеке имени Ленина в Москве с его стройной миловидной женой. Я искренне порадовался тогда за Юрия, подумав, что они с женой – очень красивая пара. Но ещё через несколько лет я узнал, что Юра был сильно отравлен. Лечение в различных клиниках ему не помогло и он стал полностью парализованным. Жена его бросила. К счастью, одна из женщин, такая же инвалидка, которой удалось начать ходить, взяла Юру под свое крыло и через несколько лет он стал немного двигаться.

Отравление боранами несло с собой страшные последствия. Помимо непосредственного их действия на центральную нервную систему, они обладают сильным остаточным воздействием, поскольку продукт их разложения – нерастворяющаяся в воде борная кислота – откладывается в кровеносных сосудах головного мозга и не может быть оттуда извлечена.

В Редькино жили и работали мои однокурсники-друзья Юрий Ермаков и Гена Коловертнов, которые были женаты на подружках-венгерках из нашей группы. Скоро Юра и Гена начали учиться в аспирантуре физико-химического института имени Карпова и по окончании учебы вместе с семьями поехали работать в новосибирском академгородке. Оба друга были талантливыми учеными, успевшими сказать свое слово в катализе. Я помню, как во время защиты докторской диссертации в ГСНИИОХТ в 1976 году выступавшие специалисты ссылались на работы Геннадия Коловертнова. К тому времени его самого уже не было в живых. Он погиб на Тихом Океане во время своего любимого подводного плавания. Без необходимой адаптации к здешнему климату, после долгого перелета он одел акваланг и нырнул в воду. К сожалению, тогда еще не знали, что отсутствие акклиматизации может мгновенно погубить человека. Юрий Ермаков очень быстро сделал научную карьеру. Ему не было ещё и 35 лет, а он уже защитил докторскую диссертацию, затем стал первым заместителем директора Института катализа Новосибирского отделения Академии Наук. Он активно участвовал на международных конгрессах по катализу и был сопредседателем организационного комитета одного из них, на котором ему самому так и не пришлось участвовать. Юра

покончил жизнь самоубийством, не выдержав издевательств партийных комитетов своего института и новосибирского отделения АН. Партократы устроили травлю, будучи недовольны тем, что у Юры были взаимоотношения с молодой научной сотрудницей, в которую, к своему несчастью, он влюбился.

Глава 4

Химическая карьера

Осенью 1960 года, успешно сдав вступительные экзамены, я поступил в аспирантуру нефтехимического синтеза АН СССР. Правда, пришлось пережить критический момент во время экзамена по истории КПСС. Я ошибся, отвечая на вопрос о повестке дня какого-то большевистского съезда. Экзаменующий меня щедушный доцент из всех сил задавал мне наводящие вопросы, но я так и не смог вспомнить, о чем же вели речь большевики. Оскорбленный таким неприлежанием, начётчик гневно вклеил мне тройку. Я уже решил было, что из-за тройки по такому "важному" предмету меня не примут в аспирантуру и мне придется вернуться ещё на один год к своим "боранам". Но в институте к моей отметке отнеслись довольно миролюбиво. Видимо, к тому времени многие уже понимали никчемность самого экзамена по марксизму-ленинизму для начинающего химика. Но через год мне еще предстояло сдавать заново, предварительно проходя умопомрачительно скучные еженедельные семинары в Академии общественных наук, которая располагалась напротив бассейна "Москва" (теперь там вновь построили Храм Христа Спасителя).

Аспирант Института нефтехимического синтеза АН СССР. 1963 г.

В первые два года моей аспирантуры сложились не совсем удачно. Я был направлен в лабораторию профессора В. Соколова по анализу и разделению углеводородных газов, располагавшуюся в двух тесных маленьких комнатах. Пожилой профессор, встретив меня весьма дружелюбно, не предложил, однако же, ни темы для исследования, ни даже рабочего места. Правда, пообещал, что по окончании строительства нового корпуса института, что-нибудь да будет. А это должно было случиться лишь через два года. Но учиться то я должен был всего три... Оставалось лишь упорно изучать научную литературу, чтобы самому попытаться найти тему для исследования. Для себя я уже определил основное направление для разработки темы. Это должно было быть связано с хроматографическим анализом. Тогда он был относительно новой областью науки и усилиями А. Жуховицкого и Н. Туркельтауба бурно прогрессировал в нашей стране.

Я перечитал практически всю имевшуюся тогда научную литературу на эту тему, и у меня появились свои идеи для моей будущей работы. Но без приборов и рабочей площади говорить было не о чем. Но эти проблемы моего научного руководителя абсолютно не интересовали. Он в то время упорно пробивал в высших сферах идею создания нового института под названием "Всесоюзный научно-исследовательский институт ядерной геофизики и геохимии" (ВНИИЯГГ), где он должен был стать заместителем директора.

Действительно, такой институт в скором времени был создан и Соколов, как и хотел, стал там замом.

На второй Всесоюзной научной конференции по хроматографии я познакомился с Н.Туркельтаубом и рассказал о своих делах. Он пригласил меня к себе в лабораторию, которая к тому времени из другого института перешла во ВНИИЯГГ. Он предложил мне тему для диссертационной работы и пообещал познакомить меня с А.Жуховицким. К тому времени я с грехом пополам собрал свой хроматограф и мне дали рабочую площадь в новом корпусе института нефтехимического синтеза.

Скоро я встретился с Жуховицким, и он согласился руководить моей работой.

Встреча с Александром Абрамовичем Жуховицким и Ниссоном Мотелевичем

Туркельтаубом произвела на меня неизгладимое впечатление. Они поистине были большими учеными-пионерами в области хроматографии. Я с благодарностью вспоминаю, как они помогали мне и многим другим начинающим свой путь в науке, не жалея ни сил, ни времени.

К сожалению, Н.Туркельтауб рано умер от сердечного приступа, не дожив даже до 45 лет. Думаю, что причиной ранней смерти было слишком большое количество драм в его жизни. Будучи студентом Варшавского политехнического института, в 1939 году он был мобилизован в армию и брошен на фронт с Советами. Попал в плен и оказался в лагере военнопленных под Саратовом.

Во время второй мировой войны лаборатория В.Соколова по газовому каротажу была эвакуирована в Саратов и продолжала свою работу в полевых экспедициях. Метод газового каротажа заключался в том, что геохимики, анализируя углеводородные газы в пробах воздуха, отобранных из скважин, пробуренных на небольшую глубину, пытались предсказать месторождения нефти.

Метод в начале 30-х годов был предложен В.Соколовым и показался многообещающим, поскольку не требовал для открытия нефтяных месторождений дорогих буровых работ. Да и в стране в то время было всего две полуразрушенные буровые установки.

Положение в этой отрасли было таким, что комиссар тяжелой промышленности С.Орджоникидзе даже пообещал подарить свои "последние штаны" тому, кто предложит альтернативное решение проблемы. Такой человек скоро нашелся в лице В.Соколова. Нарком сдержал свое слово, правда, подарил изобретателю не штаны, а дачу под Москвой и автомобиль, который в то время имели всего несколько человек в стране. Правда, ни одно нефтяное месторождение в стране так и не было открыто этим путем. Но главным для советской системы было вовремя сделать так называемый почин или принять на себя высокие социалистические обязательства. И скоро Соколов без всякой защиты диссертации стал доктором наук и профессором. А первые свои научные экспедиции (конечно же, за государственный счет) профессор стал проводить на подаренной ему подмосковной даче...

Однажды экспедиция геохимиков работала недалеко от лагеря польских военнопленных. Здесь одна из участниц экспедиции заметила, что один из пленных, молодой симпатичный брюнет, внимательно наблюдает за их работой. Скоро они познакомились, благо, охрана не обращала особого внимания на работников экспедиции, к присутствию которых около лагеря она уже успела привыкнуть. Военнопленный рассказал женщине о себе. Выяснилось, что он, Туркельтауб Ниссон, студент Краковского университета и прекрасно понимает, чем здесь занимаются ученые, поскольку у себя в университете он работал с аналогичными приборами. В результате скоро Туркельтауб стал работать как рабочий вместе с участниками экспедиции, возвращаясь при этом на ночь в свой лагерь. Незаурядный талант и трудолюбие молодого пленного заставили начальника экспедиции обратиться к высокому начальству, чтобы Туркельтауба выпустили из лагеря под его личную

ответственность. Как ни странно для того ужасного времени, по отношению к Туркельтаубу проявили снисхождение и "пошли навстречу" просьбе начальника экспедиции. Думаю, в этом деле сыграло искусство В.Соколова красиво и неотразимо аргументировать свои просьбы. Это он умел делать отлично.

После войны Туркельтауб закончил Саратовский университет и быстро сделал блестящую научную карьеру, став любимцем всех хроматографистов страны. В этом сыграла большую роль его совместная работа с выдающимся российским ученым А.Жуховицким.

Жуховицкий был всемирно известным ученым, внесшим крупный вклад в науку в области строения молекул, адсорбции, диффузии и хроматографии. За достижения в области хроматографии Жуховицкий был награжден редкой международной наградой – золотой медалью имени М.С.Цвета – основоположника хроматографии. Жуховицкий ещё в 27 лет стал доктором химических наук, что для химиков является весьма редким достижением в любой стране. В своей докторской диссертации он, не боясь, покушался на авторитет официального "хозяина" этой науки в СССР М.Дубинина, отметив, что его так называемая объёмная теория адсорбции является ничем иным как повторением известной в науке теории Поляни. За это Жуховицкому пришлось перезащищать свою диссертацию в Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК). Здесь официальным оппонентом молодого учёного был сам Дубинин. Несмотря даже на это, ВАК пришлось утвердить работу молодого таланта.

Дубинин, академик, генерал-лейтенант, завкафедрой адсорбции Военно-химической Академии имени Ворошилова, затем взял реванш тем, что воспрепятствовал избранию Жуховицкого в члены АН СССР. Более того, в 1948 году, во время кампании по борьбе с "космополитизмом", Дубинин опубликовал "разгромную" статью в "Докладах АН СССР" о Жуховицком, работавшем тогда первым заместителем директора физико-химического института имени Карпова. К своему несчастью, Жуховицкий к тому времени опубликовал совместно с известными английскими учёными Гейтлером и Лондоном в английском журнале статью по проблеме строения молекул. Это считалось в те времена проявлением "космополитизма" и статья Дубинина в этой ситуации стала прямым призывом к расправе КГБ над талантливым учёным. Жуховицкому чудом удалось избежать печальной судьбы многих русских учёных, отправленных в многочисленные лагеря ГУЛАГа. Возможно, помогло то, что во время войны и после неё он весьма плодотворно работал для военных нужд. В частности, он многие годы занимался вопросами адсорбционной защиты от боевых отравляющих веществ в Центральном научно-исследовательском военно-техническом институте (ЦНИИВТИ). Спустя почти 50 лет после публикации упомянутой статьи Дубинина я держал в руках эти самые "Доклады АН СССР" в нью-йоркской публичной библиотеке. До чего же было всё гнусно, господа!

Я лишь однажды встретился с академиком Дубининым и был поражён его "гибкостью". Дело в том, что по ходу выполнения моей докторской диссертации мне пришлось изучать динамику адсорбции зомана и зарина на углеродных адсорбентах. Для анализа я использовал газохроматографический метод, который позволил исключить ошибку в расчете равновесной концентрации. Отбирая пробы из потока газа из адсорбционной трубки и определяя концентрацию в них зомана или зарина, я получил так называемые адсорбционные фронты. Эти же результаты я затем попытался обрабатывать с использованием уравнения Дубинина со всеми предложенными им поправками. Всё было отлично и мои данные укладывались в это уравнение. Но полученные константы были намного больше, чем было предложено автором. К кому я не обращался, никто не смог мне объяснить, в чем же дело. Тогда я решился спросить об этом самого Дубинина. В один из дней, когда он заседал на учёном Совете ГСНИОХТ, я попросил его уделить мне некоторое время. Академик согласился и я вкратце изложил мои затруднения. В ответ ничего путного он мне не предложил, лишь мудро отметив, что иногда эксперимент стоит многих теорий. Присутствовавший при разговоре профессор Академии химической защиты Николаев поспешил на помощь к своему шефу. С его слов, я работал с малыми концентрациями веществ, а уравнение создано для больших концентраций – только и всего.

В действительности, я работал в широком диапазоне, начиная с больших и кончая микроконцентрациями. Но спор не имел смысла, поскольку мне предстояла защита моей многострадальной докторской диссертации и я решил не обзаводиться недоброжелателем в лице академика.

Не так-то просто оказалось мне расстаться с моим прежним руководителем профессором В.Соколовым. Вопрос о смене руководителя научной работы не оказался трудным делом, поскольку, как мне показалось, дирекция института хорошо понимала создавшееся положение. А.Башкиров, к тому времени член-корреспондент АН СССР, пользовавшийся большим авторитетом среди учёных, прямо посоветовал: "Пока не поздно, беги от Соколова".

Однако моя юношеская экзальтированность, которая почему-то всегда сказывалась не совсем благоприятно на решающие для меня моменты жизни, чуть было не загубила мою учёную карьеру ещё в её зародыше.

Дело в том, что во время длительных литературных сидений в библиотеке я добросовестно изучал также и труды Соколова. Должен сказать, что их было достаточно много. Одних только книг им было написано более десятка.

Однако, чем больше я читал, тем сильнее чувствовал, что всё это уже где-то видел. Наконец, обнаружил в библиотечной книге Бэррета "Диффузия в твердых и пористых телах" целые страницы с указанием Соколова машинистке перепечатывать без всяких изменений. Иногда рукой профессора было надписано над словом "допустим" оригинального текста "предположим" или над словом "следовательно" – "таким образом" и дальше давалось указание перепечатать "от" и "до", чтобы остановиться и перепечатывать уже из другой книги без ссылки на автора. Так обстояло дело с каждой книгой моего руководителя.

Я был потрясён и глубоко несчастен моим открытием, поскольку знал, что не смогу молча перенести такой вопиющий факт плагиата и это обязательно отразится на моей "спокойной" жизни. Несколько человек, с которыми поделился со своим открытием, настоятельно посоветовали мне хранить полное молчание, дабы, как они выразились, не погубить себя же.

С фотокопиями моих "открытий" я поехал в редакцию газеты "Известия", в то время эпизодически публикующей критические статьи о такого рода делах. После долгого ожидания в приемной редакции газеты меня принял дежурный редактор. Выслушав, он рассмеялся и объяснил, что подобных случаев настолько много, что, печатая обо всем этом, газета превратится в хронику плагиата в науке.

В то же время редактор пообещал переслать мои бумаги по месту работы плагиатора для принятия мер, как он выразился, "на месте".

Меры "приняли" – скоро против меня началось развёрнутое наступление. В институт приезжали известные учёные, друзья Соколова и "беседовали" со мной. Кто-то уговаривал отказаться от моего заявления, иные прямо угрожали тем, что для меня будут закрыты все дороги в науке, если я не откажусь от заявления.

Однажды я был вызван к учёному секретарю института, где мне вручили письмо из министерства геологии СССР, подписанное заместителем министра и направленное мне через дирекцию института. Там было написано, что я приглашаюсь в министерство для участия в разборе моей жалобы на профессора В.Соколова. Письмо имело явно провокационный характер, поскольку я не жаловался на кого-либо. Тот факт, что письмо было адресовано не прямо мне, а директору института, свидетельствовал о том, что авторы письма хотели выставить меня перед ним в качестве жалобщика-кляузника. Вручая мне письмо, заведующая аспирантурой М.И.Хотимская выразила официальное недовольство моим поведением и добавила, что Николай Сергеевич Наметкин (заместитель директора) очень мной недоволен.

Но я все же решил идти до конца, тем более, что после моей исповеди меня поддержал Жуховицкий, глубоко посочувствовав мне. Я поехал в министерство геологии, хотя для меня было ясно, что авторы письма не ставили целью что-либо обсуждать со мной. Их цель была другая – им надо было дискредитировать меня перед руководством института.

Меня принял начальник управления кадрами министерства, долго восхвалял Соколова и после посоветовал забрать заявление назад. В ответ я предложил, чтобы

министерство заявило официально, что Мирзаянов неправ. "Это уж решит сам министр!" – высокомерно парировал чиновник. Но, видимо, министр-академик на это не согласился.

Как бы там ни было, все преграды для назначения моего нового научного руководителя были сняты, и я стал работать в лаборатории сутки напролет, тем более что одновременно у меня появился необходимый прибор для проведения экспериментов.

Приходил я на работу к 9 утра и уходил не раньше 11 ночи, чтобы только успеть на станцию метро до его закрытия. В те годы нам, аспирантам, разрешалось работать в лаборатории столько, сколько мы сами выдерживали. Обычно в 9 часов вечера приходил дежурный электрик и предупреждал, что может обесточить всё здание. На этот случай я всегда имел 100 миллилитров этилового спирта. Это вполне устраивало электрика и он разрешал работать хоть до полуночи.

Разумеется, работа в полном одиночестве поздно ночью была против правил, но обстоятельства и юношеский пыл заставляли идти на их нарушение.

К счастью, не было случая, когда эти нарушения привели бы к каким-либо чрезвычайным ситуациям. Хотя мелкие происшествия все же были. По ходу экспериментов я должен был в стальном баллоне готовить газовые смеси водорода с примесями различных компонентов, как то: метан, монооксид углерода, кислород, азот, метан и др. Эту смесь затем я передавливал в дозирующую ёмкость для дальнейших опытов.

И вот в один из вечеров, когда я уже порядком устал и решил провести последний на этот день опыт, на соединении вентиля с моим баллоном появилась течь. Я решил ее устранить, плотнее завернув соединительную гайку на вентиле. Не знаю уж почему, возможно, от усталости, но я повернул эту гайку слева направо, тогда как на водородных баллонах это необходимо делать наоборот. Результат был ужасающий. Из баллона с шипением вырвался сноп огня, к счастью, направленный не на меня, а на стену, покрытую метлахской плиткой. Но я огромным усилием заставил себя не бросить зловещий баллон. Этим же ключом, которым я "сотворил пламя", я повернул вентиль налево и огонь погас. Помню, как затем я, даже не разбавив водой, выпил залпом тот спирт, что берёг для электрика, и немедленно ушел из лаборатории.

В другой раз мой ангел-хранитель спас меня от не меньшей неприятности, угрожающей моей жизни. Во время моей ночной работы я пользовался охлаждающей жидкостью, залитой в сосуд Дьюара.

Концентрирующая примеси в этилене адсорбционная колонка после регенерации при высокотемпературной продувке гелием, закрытая с обеих концов вентилями, помещалась в эту жидкость для быстрого охлаждения и соответствующего вакуумирования. У меня за спиной к этому времени были уже сотни таких опытов, и все мои движения были практически автоматическими. Но в ту ночь, в результате моего неловкого движения горячая стальная колонка соприкоснулась со стеклянной стенкой сосуда Дьюара. Раздался оглушительный взрыв, и меня обдало осколками стекла. К счастью, они не попали в мои глаза, лишь в нескольких местах порезав моё лицо. Мне просто повезло – на мне не было ни защитных очков, ни специальной маски, как то предписывали правила техники безопасности.

...Экспериментальную часть диссертации я завершил к сроку. Оставалось лишь работу написать.

Здесь большую помощь мне оказал Жуховицкий. По его рекомендации я устроился на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт комплексной автоматизации нефтяной промышленности (ВНИКАНефтегаз) старшим научным сотрудником. В ближайшее время Туркельтауб со своей лабораторией также должен был перейти сюда. Планировалось создать нечто подобное центру хроматографических исследований со своими конструкторской и опытно-промышленной базами для создания современных хроматографических приборов.

Но, к сожалению, этим планам не суждено было реализоваться и во ВНИКАНефтегазе продолжал существовать лишь отдел хроматографии с конструкторским уклоном. В этих условиях для меня, как специалиста в области разработки методов

хроматографического анализа, было мало перспектив для дальнейшей работы. К концу 1964 года я закончил все дела, связанные с оформлением диссертации и сдал ее на защиту, с нетерпением ожидая своей очереди.

Однако, судьба решила проверить меня ещё раз на прочность. Увы, на этот раз я не выдержал испытания. Когда рассказываю об этом случае моим друзьям, то они в один голос утверждают, что я поступил разумно, поскольку у меня не было выбора. Но сам я думаю, что это не так.

Защита моей диссертации была назначена на конец мая 1965 года. Накануне заседания Ученого совета, закончив все технические работы, я собирался было пораньше покинуть институт нефтехимического синтеза. Но в коридоре института неожиданно встретился с В.Соколовым. Мы поздоровались. Профессор своим скрипучим голосом сказал, что знает о моей защите, и даже прочитал автореферат диссертации. Затем Соколов даже добавил, что моя работа производит хорошее впечатление и он готов выступить на заседании Учёного совета в мою защиту.

Я был потрясён великодушием и щедростью моего бывшего руководителя, которому я доставил немало неприятностей. Но Соколов тут же вернул меня из мира небесного в реальный, попросив подписать всего лишь одну бумагу. Профессор достал из своего портфеля несколько листов. Напечатанный там текст гласил, что Мирзаянов Вил Султанович, в свое время по неопытности и малой осведомленности в научной литературе написал неправильно об использовании источников автором многочисленных крупных монографий профессором В.А.Соколовым, о чём теперь глубоко сожалеет и просит считать эти утверждения не соответствующими действительности.

Заявление было адресовано министру геологии. Я посмотрел на шантажиста, прикинув, как бы мне ударить его так, чтобы не искалечить. Но мне всё же удалось овладеть собой и даже идиотски спросить, всё ли это. "Да, да, конечно. Вы знаете, Николай Сергеевич не любит скандалов, а это я могу устроить завтра, если вы не проявите благоразумие", – заключил он.

Перед моими глазами мгновенно прошла вся моя жизнь, те огромные трудности, которые я преодолевал, чтобы дойти до одного из решающих моментов моей научной карьеры. К этому времени я разошёлся с женой и потерял семью. Кто немного знаком с советской системой науки, тот хорошо представляет, что для любого исследователя, пусть даже самого талантливого, без официальной учёной степени дорога в науку была закрыта. Обычно учёные советы, на которых идёт защита диссертации, судят о качестве работы лишь по официальным отзывам специально назначенных оппонентов и выступающих по обсуждаемой теме. В ученом совете могло оказаться от силы лишь три-четыре специалиста по существу диссертации, остальные же полагались на собственную интуицию или на какие-то внешние факторы. При этом любой отрицательный отзыв или выступление могли провоцировать неблагоприятный результат тайного голосования. Если диссертант не смог набрать требуемых двух третей голосов присутствующих на заседании совета его членов, то есть "заваливал" диссертацию, то это лишало его возможности затем защищать свою работу повторно. К такому человеку навсегда прилеплялся ярлык, свидетельствующий о его "малой" квалификации, и избавиться от него можно было лишь благодаря крупному везению.

...Я проявил "благоразумие" и подписал два экземпляра заявления, и почувствовал себя в этот миг обмазанным с головы до ног несмываемой грязью. Это чувство я не смог перебороть ни во время самой защиты, ни после неё. Выступление профессора Соколова, поддержавшего мою работу, произвело сенсацию...

После объявления результатов голосования я рассказал моим руководителям о своем падении. Они всячески успокаивали меня, но в душе я себя проклинал и дал клятву никогда и ни в коем случае не идти на сделку с совестью.

Глава 5

Рядом с оружием дьявола

"Несуществующие" ученые

Обстоятельства сложились так, что я не мог продолжать свою работу во ВНИКАНефтегаз и начал поиски новой работы. Здесь неожиданно для меня мой соруководитель кандидатской работы профессор В.Берёзкин предложил свою помощь. Ничего особенно не объясняя, он попросил меня встретиться с представителем одного "почтового ящика". С этим человеком он когда-то вместе работал. Я согласился, но тут же вспомнил, как мой приятель Володя Шахрай рассказывал, что Берёзкин, окончив МГУ, работал в центральном научно-исследовательском военнотехническом институте (ЦНИИВТИ). Там Березкин, занимаясь исследованием отравляющих веществ, получил сильное отравление. Через несколько дней я встретился с человеком, который отрекомендовался начальником аналитического отдела почтового ящика 702 А.Бересневым. Он попросил меня подъехать на предприятие и заполнить необходимые документы для того, чтобы получить доступ к работе с секретными документами. Я так и сделал, приехав по указанному Бересневым адресу. По дороге вспомнил мрачные и ужасно старые здания на шоссе Энтузиастов, которые были видны с моста по пути на мой почтовый ящик 4019. Во время работы в нем я несколько раз ездил в ночной дом отдыха – профилакторий в посёлке Тарасовка, находящейся в получасе езды по Северной железной дороге. Этот профилакторий посещали также работники другого почтового ящика, который, судя по слухам, занимался синтезом и производством боевых отравляющих веществ. Я с ужасом думал о людях, работа которых была связана с таким кошмаром. Но судьба сыронизировала надо мной: теперь я сам должен был пойти на такую работу, поскольку там платили неплохие деньги. Мне они были нужны для того, чтобы купить кооперативную квартиру, поскольку после развода мне негде было жить. Я так и объяснил причину моего предстоящего увольнения начальству ВНИКАНефтегаз. Как раз именно эта мотивировка и привела в ярость секретаря парткома, который отказался визировать моё заявление на увольнение. Он обвинил меня в эгоизме и поручил "проработать" меня одному из старых членов партии, работающему токарем. Токарь в течение нескольких часов убеждал меня, что заработок вовсе не должен являться основным мотивом для члена партии. Главное, считал токарь – выполнение партийного долга. А каким должен быть этот долг – определяет сама партия в лице партийного комитета института. Однако, тогда я жил в одной комнате с уже бывшей женой, переубедить меня было невозможно. И мне ещё предстояло пройти через заседание парткома, желавшего "разобраться" со своим строптивым товарищем. "Разборка" состоялась, но члены парткома так и не решились объявить мне партийное взыскание. Я решил пойти ва-банк и по совету моего знакомого юриста попросту отказался выходить на работу. Согласно трудовому кодексу, администрация ВНИКАНефтегаз должна была полностью оплачивать мой вынужденный прогул. "Ах, вы, значит, хотите жить по законам, а не по уставу партии Ленина!" – возмущался токарь...

Через несколько дней я отправился к прокурору района, где рассказал о возникшей проблеме. И все решилось вмиг – прокурор позвонил в институт и проблема моего увольнения была разрешена.

Сразу после этого я начал оформление на новую работу. Мне пришлось заполнить специальные формы анкет, где содержались прямо-таки ошеломляющие вопросы: например, где живут ваши родители и, если они умерли, то где похоронены... Эти анкеты затем для продолжения доступа к секретным документам нужно было заполнять каждые пять лет. Не знаю, могли все эти сведения полностью проверить "органы" или нет, но помню, что первая проверка заняла около трех месяцев. Лишь после я прошел медкомиссию.

30 ноября 1965 года я впервые прошёл через строго охраняемую проходную в предприятие "почтовый ящик 702" и явился в аналитический отдел, находящийся в главном лабораторном корпусе (ГЛК). Здесь вход также тщательно охранялся, и я вновь должен был предъявить свой пропуск.

Старые грязные здания, мимо которых я прошел, были построены по меньшей мере в прошлом веке и вид их способен был привести в ужас кого угодно. Даже проработав много лет в ГСНИИОХТ, я никак не смог избавиться от неприятного ощущения, возникавшего при виде этих мрачных строений. Многие из них затам, к началу 90-х годов уже были наполовину уже были разрушены и вместо них кое-где появились новые безликие здания. Правда, новый девятиэтажный административный корпус, выходящий фасадом на Шоссе Энтузиастов, не был лишен определённой архитектурной привлекательности, но он, служа фасадом "почтового ящика", лишь частично прикрывал отталкивающий вид всё ещё существующих зданий бывшей тюрьмы для политзаключённых.

Административное здание ГосНИИОХТ. 2002 г.

ГЛК представляет собой Г-образное трёхэтажное кирпичное здание, построенное в 1961 году. Здание длинной своей частью примыкало к железной дороге, по которой то и дело проносились поезда, создавая в здании шум и вибрацию, доставлявшие массу неприятностей тем, кто работал с физико-химическими приборами.

ГЛК на уровне второго этажа был соединён через переходную галерею с другим трёхэтажным зданием старой постройки. Галерея, круто свернув налево, соединялась с ещё одним старым трёхэтажным зданием, выходящим своим фасадом на Шоссе Энтузиастов. Последнее вплотную подходило к мосту с чугунными перилами, переброшенному через железную дорогу. С этого моста хорошо просматривалась часть территории ГСНИИОХТ со зданиями, на крыше которых находились многочисленные вентиляционные трубы, свидетельствующие о том, что в этих зданиях действуют сильные вентиляционные системы – признак работы химических лабораторий. Начальник отдела А.Береснев, он же начальник хроматографической лаборатории 25, кратко объяснил цель работы отдела и лаборатории. Она, в основном, заключалась в разработке аналитических методик для проведения серийных анализов на действующих опытно-промышленных и лабораторных установках по получению боевых отравляющих веществ и их полупродуктов (прекурсоров).

Прежде чем приступить к работе, я должен был пройти многочисленные инструктажи по противопожарной и противогазовой технике и подписаться на бумагах. Но прежде всего я должен был ознакомиться с системой производства записей в секретных рабочих журналах.

В ГЛК также, как и в других научно-исследовательских и опытных корпусах, был расположен местный филиал второго отдела, ведающего всей системой бумагопроизводства, включая получение и отправку секретных писем, печатание отчётов, методик, инструкций и различных диссертаций.

Каждый работник, приходя на работу, должен сдать в окошко филиала второго отдела свой красный сертификат. Взамен он получал хранящийся здесь портфель или чемоданчик с тетрадами для записей и отчётов. В них находилась инструкция о порядке работы с секретными документами. Все страницы тетрадей были пронумерованы и защищены жгутом, конец которого на последнем листе был залит сургучом для печати.

Для учёта тетрадей в портфеле имелся журнал учёта, в котором в специальной таблице указывались инвентарный номер тетради, количество листов, дата заведения тетради, даты проверок и уничтожения тетради после её полного использования или печати её текста машинисткой.

Если тетрадь по какой-либо надобности направлялась в другой отдел или начальнику, то это непременно фиксировалось в соответствующей графе учёта. Чрезвычайно трудно было уговорить работников отдела оставить рабочую тетрадь после её полного заполнения на хранение, поскольку имевшиеся там результаты могли понадобиться в дальнейшем. Если материал тетради использовался для написания отчёта или методики, то такие уговоры были бесполезным занятием. Разумеется, в результате возникали большие трудности в работе, поскольку каждый учёный при написании отчёта или научной статьи сильно сокращал все подробности и детали исследовательского процесса, приводя зачастую лишь конечные результаты. Существующая в ГСНИИОХТ система создает большие трудности также и для использования научных отчётов и методик самим автором. Эти материалы после печатания и утверждения заместителем директора по научной работе хранятся в специальной библиотеке. "Свой" отчёт автор может взять лишь на весьма ограниченный срок. А вот с чужим отчётом вовсе невозможно знакомиться без специального разрешения, которое дается исключительно по письменной просьбе, завизированной начальником отдела. Разрешение подписывается начальником первого отдела после того, как он проверит наличие соответствующего допуска к теме отчёта в специальном списке исполнителей этой темы.

Рядовой научный сотрудник практически ничего не знает о состоянии какой-либо проблемы, поскольку он не допущен к картотеке материалов, хранящихся в специальной библиотеке. Доступ к ней имеют лишь считанные лица. Я получил доступ к ней уже будучи начальником отдела противодействия иностранным техническим разведкам. Но никогда не использовал это право для ознакомления с материалами, не лежащими в пределах моих профессиональных интересов. Я руководствовался здравым смыслом, поскольку знал, что работники спецбиблиотеки обязательно докладывают обо всём, что происходит в их хозяйстве, непосредственно заместителю директора по режиму. Так что вызвать подозрение со стороны КГБ было совсем нетрудно.

Во время работы рабочая тетрадь должна находиться на письменном столе, а другие тетради, журнал учёта и инструкция по порядку хранения помещались в личный сейф исполнителя, находящегося в рабочей комнате.

Во время обеда в столовой все тетради запирался в этом же сейфе, а дополнительный ключ от которого находился в сейфе начальника отдела.

Вечером, после окончания рабочего дня, научный сотрудник обязан был положить обратно все свои тетради в чемодан, опечатать его своей личной печатью, на которой были выгравированы буквы "ГСНИИОХТ" и пятиконечная звезда. Вся эта процедура создавала большие трудности для каждого работника и вряд ли компенсировалась 15-ти процентной надбавкой к заработной плате "за секретность". Нередко бывали случаи, когда научный сотрудник уходил домой, не сдав в 1-ый отдел свой чемодан. Поскольку начальник отдела или его заместитель были ответственны за всю эту процедуру, то они находились на работе, пока институт не покидал последний работник. Когда дежурный работник 1-го отдела оповещал начальника о том, что кто-то из его работников ушёл домой, не сдав чемодан, объявлялась тревога.

Начальник срывал печать с двери комнаты, отпирал её своим запасным ключом, после чего также запасным ключом открывал сейф неаккуратного работника, вынимал оттуда всё содержимое и под расписку сдавал его в 1-ый отдел. Как правило, виновник

происшествия вспоминал о своём промахе дома и, конечно же, проводил в переживаниях бессонную ночь...

Утром на работе его ожидала специально составленная по этому случаю комиссия, которая занималась расследованием "дела", заставив проштрафившегося писать объяснительную записку.

Минимальное наказание за этот "проступок" представляло собой выговор по институту и лишение квартальной премии. Это иногда составляло до четверти заработной платы. Поэтому злосчастные чемоданчики нередко снились работникам ГСНИИОХТ, и они периодически просыпались ночью в холодном поту, лихорадочно вспоминая, сдали ли они их куда положено.

Суровое наказание предусматривалось и за утерю печати.

Ну, что казалось бы, особенного в этом латунном диске с надписью "ГСНИИОХТ"? Но такая потеря тоже стоит денег и, главное, нервотрёпки по меньшей мере в течение месяца. На собраниях работников отдела начальник всячески склонял провинившегося до тех самых пор, пока кто-либо другой не проштрафится точно таким же образом. Со временем эту систему всё же видоизменили в лучшую сторону, исключив возможность ухода домой без сдачи чемодана. Утром каждый работник, забирая чемодан, одновременно сдавал и свой пропуск, без которого он не мог миновать проходную института.

Система также строго следила за порядком производства записей.

Строго запрещалось делать какие-либо записи на клочках бумаги. В кабинетах научных сотрудников работники отдела режима секретности периодически проводили проверки и если вдруг находили в какую-либо бумагу с записями, тот, кто ее написал, мог лишиться значительной части зарплаты. До чего же мерзко было смотреть на этих работников, которые были рекрутированы из рядов слесарей, токарей и прочих представителей рабочего класса для того, чтобы рыться в мусорных ведрах! Если научный сотрудник нечаянно писал на бумаге какую-либо химическую формулу, безразлично, относится ли она к просто к какому-либо пестициду или даже к воде, в любом случае он становился практически преступником.

Думаю, что весь этот режим проистекал из общей концепции КГБ, согласно которой все люди считаются потенциальными предателями. Иначе невозможно объяснить, например, правило для печатания научно-исследовательских отчётов.

Согласно ему, в тексте отчёта исполнитель не имел права писать не только химическую формулу отравляющего вещества или его прекурсора, но не мог делать этого и по отношению к условному шифру этих веществ. А шифров этих было несколько для каждого соединения. Существовал внутренний шифр для того, чтобы писать в рабочей тетрадке. Второй шифр был для научно-исследовательского отчёта. А третий предназначен для писем. Например, вещество "33" – аналог известного на Западе VX-газа в ГСНИИОХТ в рабочих тетрадках должен быть указан как М-01 (допускается также тривиальное название "смешанный эфир"), но уже в письмах или отчётах необходимо указывать "вещество Р-33".

Зоман и зарин можно написать в тетрадках как ордоваль-1 и ордоваль-2 соответственно. Можно также писать как вещество М-02 и М-03. Но в отчётах и письмах необходимо было называть эти вещества Р-35 и Р-55.

Слезоточивые агенты, известные на Западе, как CS и CR, в рабочих тетрадках указывались как вещество 65 и вещество 74. Но они же в письмах должны были быть обозначены как вещество К-410 и К-444.

Машинистка, печатающая отчёт, не должна была видеть никаких формул и шифров химических соединений, поэтому на месте названия формул или шифров в скобках оставлялся пробел для определённого количества символов, которые затем вручную заполнялись самим автором отчёта.

Не дай бог, если это дело научный сотрудник поручал другому лицу, например, лаборантке. Это считалось форменным преступлением! Отдел режима практически в каждой комнате имел своих доносителей и факт нарушения инструкции скрыть было практически невозможно. Так, в 1983 году старший научный сотрудник физико-химического отдела Евгений Богомазов имел несчастье поручить эту работу своей

лаборантке. Некто донёс об этом в отдел режима и Е. Богомазов едва не был изгнан из института. Ему этот поступок обошелся в 30 процентов заработной платы, и это считалось проявлением большого великодушия со стороны "компетентных органов". Но при такой суровости, при оформлении диссертационных работ химические формулы вполне можно было писать...

Другой важной работой научного сотрудника является ежедневная процедура приёма и сдачи своей рабочей комнаты. Из каждой комнаты назначается ответственный, который в конце рабочего дня должен опечатать комнату и сдавал ключи дежурному по отделу. Утром следующего дня ответственный должен проверить целостность печати на дверях комнаты и открывать её. Работники отдела режима часто специально нарушают печать на дверях или перепечатывают другой печатью. Если такое "нарушение внутреннего режима" остается незамеченным ответственным по комнате, то на его голову сыпятся санкции.

Партия – наш рулевой

В первый же день моего пребывания на новой работе я буквально был потрясён строгостью режима и понял, каково будет мне здесь.

На газовой станции я прошёл проверку на герметичность и работоспособность моего противогаза в атмосфере со слезоточивым агентом. Поскольку эту операцию я проходил ещё в военных лагерях во время моей учёбы в МИТХТ, такая проверка мне не показалась опасной. Разумеется, неприятно, когда твой противогаз недостаточно герметичен и не подходит тебе по размеру. В этот момент ты вынужден "хватануть" порцию слезоточивого газа и немедленно выбежать из помещения, на ходу срывая лицевую маску.

Но главное было сдать экзамен по технике безопасности, который принимал заместитель директора по научной работе, возглавляющий соответствующее направление работ.

Таких направлений было несколько. Работы, связанные с синтезом новых веществ, физико-химическими, медико-биологическими исследованиями и их аналитическим обеспечением проводились в специализированных отделах, подчинённых заместителю директора А. Щекотихину. Он, по словам некоторых старших научных сотрудников, буквально "зверствовал" на экзамене по технике безопасности.

Но на то у него были свои причины. Будучи еще старшим научным сотрудником ЦНИИВТИ, полковник Щекотихин сильно пострадал от взрыва колбы, в которой шла реакция.

Когда я пришёл на экзамен, меня сильно поразил его вид, не соответствующий статусу заместителя директора. Щекотихин был инвалидом: на его правой руке полностью отсутствовала кисть и вместо неё блестел протез, а на левой не хватало трех пальцев. Тем не менее, выражение его лица было надменным и саркастическим. На лице Щекотихина было написано, что исключительно от его воли зависит, как дальше сложится жизнь экзаменуемого. Его явно воодушевляла возможность поставить неудовлетворительную оценку докторам наук и профессорам. Щекотихин, не лишённый определённых способностей, был не в состоянии заниматься наукой, и ему ничего не оставалось как превратиться во флюгер, беспрестанно заглядывавший в рот своему патрону – директору института А. Мартынову.

С нескрываемым наслаждением председательствуя на совещаниях и заседаниях Учёного Совета, Щекотихин обильно расточал свои заранее приготовленные остроты и упражнялся в сатирических уколах в адрес тех, кто был или скоро должен был стать кандидатом на понижение или падение в опалу.

Не знаю, быть может, для чиновника от науки и требуется непременно такая квалификация, но что касается Щекотихина, то он ею обладал в более чем достаточной степени. Он мог в определенном кругу людей брякнуть по поводу учёных "известной" национальности: "Превратили институт в синагогу, понимаешь!". Но это не спасало самого Александра Иосифовича от едких сплетен местных антисемитов о том, что он сам-то наполовину еврей, да и жена его тоже еврейка...

Щекотихин был искренне убеждён в гениальности Сталина и не скрывал восхищения им до самых последних дней службы в ГСНИИОХТ. Он любил показывать журнал "Известия АН СССР" серии "Химическая" от марта 1953 года, где был напечатан большой некролог с портретом Сталина. В этом же номере журнала была напечатана статья самого А.И.Щекотихина, в ту пору адъюнкта (аспиранта) генерал-лейтенанта И.Кнуныянца.

К сожалению, многие начальники отделов и лабораторий, с которыми мне удалось в скором времени познакомиться, имели квалификацию не выше, чем их заместитель директора по науке. В основном, как выражались многие из них, они занимались "политикой", заключающейся в выбивании новых помещений, лабораторного оборудования, приборов, увеличения штата и премий. Для этого, разумеется, необходимо было стать нужным директору института человеком. А директор А.В.Мартынов, о котором речь пойдёт ниже, к тому времени стал настоящим гурманом в выборе такого рода исполнителей.

Практически каждый новый будущий начальник должен был пройти через членство в партийном комитете и не жалея "живота своего", служить в нём. Посему борьба за место в составе парткома была здесь довольно жёсткой. Мало того, что директор стремился посадить туда как можно больше нужных людей, так ещё и начальники отделов, в свою очередь, изо всех сил проталкивали в партком своих подручных. Учёных-начальников, которые бы не участвовали в этой кампании, можно было пересчитать по пальцам. Она давала им возможность быть в курсе всех закулисных интриг, затеваемых вокруг новых назначений, распределения премий. Место в парткоме давало возможность сводить счёты с соперниками, глубоко вникать в интимные дела своих будущих жертв и от имени партии расправляться с ними. Но даже среди всей этой публики были прямо-таки виртуозы игры на этой коммунистической балалайке. Это профессор В.Зорян, ставший начальником отдела медико-биологических исследований (отдел МБ), начальник лаборатории в отделе МБ В.Добрянский, начальник лаборатории того же отдела В.Шульга, начальник отдела В.Шелученко, В.Фокин, ставший благодаря своему нечистоплотному отцу-академику начальником лаборатории, а также начальники лабораторий М.Федячкин и М.Энглин. Каждый из названных обладал недюжинным талантом в области демагогии, при этом не особенно преуспевая в своих научных делах. В частности, Энглин, нисколько не смущаясь, держал в руках инфракрасный спектр соединений верхом вниз... Помимо своих прямых обязанностей, он являлся председателем комиссии по разрешению научных статей к публикации в открытой печати. Хотя заключение этой комиссии не было окончательным и оно должно было пройти ещё утверждение в главке министерства, конечное решение обычно зависело все же от неё. Много моих статей, посвященных чисто хроматографическим вопросам, загубила эта комиссия.

Аргументация профессора была всегда примитивной, но не подлежащей апелляции. Скажем, я принёс статью под названием "Новый хроматографический метод разделения углеводородных газов" для рассмотрения на этой комиссии. "Статья о газах? – спрашивал учёный-чекист. – Ну, нет, такое дело не пойдёт, поскольку вы раскрываете характер работ нашего предприятия. Например, моя лаборатория занимается синтезом газов", – категорически "срезал" он меня.

Когда я через три месяца (с такой частотой заседала комиссия Энглина) принёс переделанную статью с названием "Новый хроматографический метод разделения низших углеводородов", то бдительный Э.Энглин опять отклонил работу, сказав на этот раз: "Ага, значит новый метод. Тогда вы должны взять на него авторское свидетельство и только после этого придёте ко мне, понятно?"

Было бесполезно попытаться переубедить его, поскольку он твердо знал, что только благодаря такому рвению держится на должности. Одновременно он ещё был "главным химиком" по проблеме синтеза отравляющих веществ, способных пробить фильтр противогАЗа.

К его несчастью, дифторметиламин был его единственным "изобретением", увы, неспособным пробить шихту противогАЗа и способным лишь мгновенно сгорать на

воздухе. Тем не менее, он и обеспечил Энглина степенью доктора наук и званием профессора.

В.Шелученко по части научных изысканий также не пошёл дальше Энглина. Мне неоднократно приходилось сталкиваться с ним на обсуждении газохроматографических методик анализа отравляющих веществ. Мой приход в "почтовый ящик 702" совпал с периодом становления хроматографии как метода анализа. Если по всей стране уже широко применяли этот прогрессивный метод, то, к моему удивлению, здесь хроматография была лишь в зачаточном состоянии.

Отчасти такое положение могло быть объяснено трудностями, связанными с защитой хроматографических приборов. Во время анализов на них токсичных соединений становились объектами повышенной опасности. Любая возможная негерметичность, возможный пролив пробы, поломка дозирующего пробу микрошприца и др. могли доставить массу неприятностей оператору, не исключая и тяжелое отравление. Лабораторные шкафы и конструкция самих хроматографических приборов были таковы, что не было решительно никакой возможности для исключения такого рода случайностей.

Несмотря на эти трудности, я хотел скорее разработать методы обнаружения микроконцентраций отравляющих веществ в различных средах.

Для этого обычно пользовались методами индикации, в основе которых лежали химические реакции с получением окрашенного продукта. По цвету и его интенсивности судили о природе и концентрации отравляющего вещества. В почтовом ящике существовала (да и сейчас существует) большая лаборатория по разработке этих методов. Её тогдашний начальник Бровкин и упомянутый уже Шелученко что было сил боролись за своё монопольное положение. Тот, кто отважился предложить альтернативный метод, непременно становился их личным врагом и они сражались с ним любыми им доступными средствами до победного конца.

Об этом меня предупредил мой начальник, когда я предложил разработать хроматографическую методику определения зомана и зарина в воздухе и воде. Получив согласие на такую работу, я относительно быстро с моими сотрудниками выполнил ее и написал отчёт, который должен был утвердить А.И.Щекотихин. Он, хитрый и бывалый служака, не хотел быть вовлечённым в спор с Бровкиным и его покровительствующим приятелем, другим заместителем директора К.Гуськовым. По этой причине он мой отчёт передал для утверждения К.А.Гуськову.

Тот созвал совещание для решения этого вопроса. Мой начальник А.Береснев побоялся пойти туда и прислал своего заместителя В.Лысенко, старавшегося одновременно угодить всем.

В течение целого часа мне пришлось объяснять начальникам азы хроматографического метода. Но я видел, что они слушали меня без всякого доверия, будто я пытался им навязать им какой-то хитрый трюк.

К тому времени я приобрёл немалый опыт в области чтения лекций по газовой хроматографии. У меня за спиной было чтение в течение трех лет лекций хроматографии на курсах по повышению квалификации инженеров и руководящих работников министерства химической промышленности. Немного сокращённый курс я успел прочитать для желающих на своём почтовом ящике, поскольку старался всячески пропагандировать полюбившийся мне раздел физической химии.

Но здесь все мои усилия были напрасными. Я видел, что меня просто не хотят понимать. Все было как в том анекдоте: в начале 30-х годов в одну из деревень приезжает лектор и рассказывает о тракторе, как он устроен и как он хорошо пашет. В конце своей лекции докладчик спрашивает мужиков, всё ли понятно. Один из них в ответ говорит: "Конечно, понятно, товарищ хороший. Только непонятно, куда же всё-таки запрягают лошадь?"

Моя ситуация отличалась тем, что присутствующие были достаточно грамотны и, возможно, даже понимали, о чём идёт речь. Однако условия закрытого "почтового ящика" им давали возможность безнаказанно отвергать любую новую работу, если им это было невыгодно.

– Ага, вот и поймал вас, Вил Султанович! Вы не знаете физико-химические свойства зарина. К вашему сведению, зарин разлагается уже при 150 градусах по Цельсию, а у

вас в испарителе пробы были даже все 180 градусов!" – радостно восклицал Шелученко.

– Как же вы могли применять пламенно-ионизационный детектор для регистрации зарина, когда он там должен совсем стореть?" – вопрошал он дальше.

Не буду утомлять читателя существом моих ответов, они просты и очевидны для специалиста, как клавиатура компьютера для американского школьника. Я даже попытался было сослаться на закрытый источник об использовании американцами газохроматографического метода на заводе по производству зарина.

Но не тут-то было.

– Вы знаете, Вил Султанович, к вашему сведению, это типичный случай дезинформации, которую так хорошо используют империалисты! – торжествовал Шелученко.

В обстановке такого мракобесия мне осталось только молчать и согласиться со своим поражением.

Только было жаль, что моя работа не могла быть использована и ее, в конце концов, направили в специальную библиотеку, но без подписи К.А.Гуськова.

По своему я был доволен и таким исходом.

"И то хорошо, могли вовсе и уничтожить", – вздохнул я тогда.

Сегодня В.Шелученко является главным специалистом по вопросам уничтожения химического оружия в России. "Главный" ни одного дня не работал в лаборатории по разработке методов уничтожения. Вместо этого он стал начальником всех, кто там работает.

Если в России человек каким-то образом становится начальником, то автоматически приобретает звание "умного". Недаром здесь жизнь течёт по твёрдо установившемуся принципу: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак.

Кажется, не было пределов для фантазии тех, кто мечтал заседать в парткоме, быть в каждую неделю рядом с директором и другими начальниками и таким путем потихонечку приближаться к заветному корыту. Они изобретали все мыслимые и немыслимые способы, чтобы приобщиться к "работе" парткома.

Вторыгин, долгие годы проработав старшим научным сотрудником и не видя для себя в этом никакой перспективы, наконец, пришёл к секретарю и сказал, что хочет писать протоколы заседаний парткома или просто даже переписывать их. До сих пор эту работу делала девочка, пришедшая на работу в "почтовый ящик" после 10 класса. Но Сергею Михайловичу удалось – таки убедить секретаря парткома, что для выполнения этой важной работы требуется именно он, кандидат химических наук. После года упорного переписывания протоколов вожденная мечта Сергея Михайловича осуществилась, он стал ответственным членом парткома и, конечно же, начальником лаборатории. Надо было видеть счастливого Сергея Михайловича, восседающего в своем отдельном кабинете! На его огромном столе находилось целых три телефонных аппарата, да ещё селектор с громкоговорителем для непосредственного сношения со своими подчиненными.

До этого я как-то с недоверием прочитал в книге американского генерала Гровера "Ярче тысяч солнц" эпизод, где он рассказывает о том, как всемирно известным физикам (лауреатам Нобелевских премий!) присвоили воинские звания. Это так обрадовало их, что они с удовольствием примеряли перед зеркалами свои армейские мундиры и любовались собой...

Разница, разумеется, здесь большая, поскольку я пишу о совершенно бесталанных людях, паразитирующих на науке.

Секретарем парткома, как правило, выбирали по "рекомендации" директора какого-либо инженера опытного завода. Как правило, инженер этот должен был являть собой типаж тупого исполнителя, не помышлявшего о научной карьере и глубоко презирающего ученых. Так реализовывалась "генеральная линия" партии – опоры на рабочий класс.

Хотя директор института имел во всех делах безусловный приоритет, но по партийной линии его судьба в значительной степени зависела от того, как он был представлен в райкоме, горкоме секретарём парткома института.

Последний, независимо от желания директора, имел собственный канал выхода к партийным органам и вождям. Кроме того, институт курировал специальный представитель ЦК КПСС, который, в первую очередь, осуществлял так называемое партийное руководство через того же секретаря. Всем было ясно, что решающее слово всегда оставалось за партийными органами и от того, как относились эти самые органы к директору, зависела судьба целого института.

Директор института Мартынов в начале 70-х годов имел "неодобрительное" отношение со стороны министерства и несколько раз институт отмечался в числе "отстающих" в социалистическом соревновании. Это означало, что директора могли и вовсе сместить с его поста. Однако, в этой ситуации "партийный канал" не только защитил его от возможной отставки, но в скором времени ГСНИИОХТ даже приобрёл статус передового предприятия. Институту были выделены большие денежные средства в валюте, что позволило закупить на Западе крупную партию современных приборов. Мы знали, что эти приборы числятся в списке запрещённых для продажи СССР товаров, но щедрость наших торговых агентов на Западе (сделки заключались через посреднические фирмы, организованные КГБ), позволила легко обойти барьеры. Поскольку представители западных фирм по пуску и наладке приборов не могли быть допущены в ГСНИИОХТ, эти работы проводились в открытых институтах. В частности, лаборатория 25 хроматографических приборов фирм Microtec (Техас) и Varian осваивала в институте синтетических спиртов. Здесь мы вместе с английскими инженерами работали по налаживанию хроматографов.

Обновление оборудования ГСНИИОХТ не могло не сказаться положительно на результате проводимых работ. Полученные хроматографы в значительной степени продвинули также и мои работы, поскольку новые приборы дали возможность избирательного определения фосфорорганических отравляющих веществ и их полупродуктов.

Дольше всех на секретарем парткома ГСНИИОХТ был Юрий Мочалов. Я с ним познакомился в бригаде, запускавшей производство окиси этилена на Казанском заводе органического синтеза. Главным его качеством была слепая вера в коммунизм, не знавшая и тени сомнений. Он выразил ее однажды на собрании партийной группы установки тем, что во время своего выступления с клятвой в верности идеалам Ильича порвал на груди рубашку.

Говорил и излагал он свои мысли удивительно бездарно, но при этом понимал дефект своего развития и пытался его замаскировать. В конце концов его заметили и выдвинули в секретари парткома. Мочалов до самого конца своего секретарства так и не научился произносить членораздельные речи. Однако это не мешало ему поучать с трибуны партийного собрания какого-либо профессора: "Это значит, Николай Александрович, понимаешь, партия не может оставаться безразличной, значит, вашим, понимаешь, постельным, значит, делам. Нам, понимаешь, придётся ваши простыни, понимаешь, потрясти, значит".

Мочалов оказался невероятно честолюбивым и даже закончил высшую партийную школу при московском горкоме КПСС. Более того, он был избран в состав этого комитета. Но его подвело-таки это же честолюбие. Когда он в очередной раз напившись до потери сознания, валялся на улице, его подобрала милиция и доставила в вытрезвитель. Секретарь решил напугать тамошних работников своим удостоверением члена высокого органа. По-видимому, привыкший и к более высокопоставленным клиентам начальник вытрезвителя сообщил, "куда надо".

В скором времени нашему секретарю пришлось сменить партийную карьеру на профсоюзную, где он так и не смог оправиться от понесённого поражения. Он вернулся в своей родной "почтовый ящик" дослуживать остававшийся до пенсии срок в качестве рядового инженера.

Секретарь парткома Николай Голосов, сменивший Мочалова, был таким же бесцветным, но это не помешало ему пробиться в аппарат отдела химии ЦК КПСС.

Типичным примером продвижения по партийной линии была карьера заместителя директора К.Гуськова.

Окончив аспирантуру в московском химико-технологическом институте, он пришел работать в "почтовый ящик" 702 в качестве начальника опытной установки. Для начала он поставил себе целью пройти в члены парткома. И прошёл. Более того, стал его освобожденным секретарём, что автоматически обеспечивало ему возможность, согласно положению ЦК КПСС, более высокую должность. В скором времени Гуськов стал заместителем директора. Справедливости ради должен сказать, что он был довольно способным инженером, умевшим быстро схватывать существо проблемы и не боявшимся принимать решения, которые требовали ответственности. В этом мне пришлось убедиться довольно быстро после начала моей работы в "почтовом ящике".

Ещё в начале 30-х годов на предприятии был разработан метод получения окиси этилена, являющейся сырьем для производства иприта. Из неё также можно легко получить этиленсульфид для производства аминамеркаптана – компонента (прекурсора) для производства боевого отравляющего вещества "33" – аналога известного на Западе под названием "агент VX".

В ГСНИИОХТ существовал специальный отдел тяжелого органического синтеза (ТОС), задачей которого была разработка технологий таких соединений, носящих название "веществ двойного назначения".

Попытки освоить производство окиси этилена по рецепту "почтового ящика 702" были безуспешными, включая неудачный пуск цеха в горде Салават (Башкортостан).

К тому времени, когда улучшенную технологию должны были освоить на Казанском заводе органического синтеза, в 1967 году, производство окиси этилена в мире достигло 60 тысяч тонн ежегодно.

Участвовать в пуске цеха в Казани пришлось и мне. Государственную комиссию по пуску возглавлял начальник отдела ТОС О.Дымент, пришедший незадолго до этого из министерства химической промышленности, где он долгое время был главным инженером Главного управления ТОС, которому непосредственно подчинялся наш "почтовый ящик". В состав комиссии входил в качестве её рядового члена К.Гуськов. Он явно страдал от того, что не был её председателем.

По ходу работы выяснилось, что выход целевого вещества сильно колеблется, показывая тенденцию к его постоянному падению. Причину этого обстоятельства Гуськов решил искать с помощью анализа постоянно регистрируемых показателей процесса. В качестве помощника он выбрал меня. Мы работали по 15 часов в сутки, разматывая диаграммные ленты длиной в несколько сотен метров и строя различные графики. В конце концов, нам удалось найти причину падения эффективности. Реакторов для синтеза окиси углерода было три, и они были загружены чистом серебром по 10 тонн в каждом. Когда подошло время запуска третьего реактора, утром пускового дня была обнаружена большая трещина на его крышке. Выяснилось, что крышка была изготовлена из простой стали-3. Она является чем-то средним между чугуном и простым железом, пригодным разве что для выпуска тракторов, которые ломались на колхозных полях, даже не начав пахать.

Кто-то в конструкторском бюро решил "сэкономить" на материале крышки, хотя весь его корпус был запроектирован и изготовлен из качественной нержавеющей стали. Для советской системы планирования и изготовления это означало потерю половины года для исправления допущенного промаха. Хотя речь шла об освоении "оборонной" продукции!

Тем не менее, наша бригада справилась с пуском производства полупродукта производства вещества "33". Но и Гуськов извлёк из этой истории урок: не уступать место начальника в пусковых комиссиях, и тем самым гарантировать себе будущие награды.

Порой приходилось удивляться тому, что К.А.Гуськов при всей своей сильной приверженности к алкоголю всё же относительно неплохо справлялся со своими обязанностями. Порой он пил даже на работе и пил, как говорят, "по-чёрному". Нередко можно было видеть, как собутыльники вытаскивали пьяного зама через проходную.

Гуськов обычно не отличался жестокостью, однако, легко ее проявлял в случае, когда кто-либо его раздражал. В 1978 году санитарный врач ГСНИИОХТ Ю.Баранов,

который подчинялся только начальнику 3-го Управления Министерства здравоохранения СССР, решил за крупные нарушения техники безопасности закрыть одну из опытных установок. Тут Гуськов собрал совещание, на котором проинструктировал должностных лиц опытного завода: "Что вы там, не можете справиться с этим хулиганом? Суньте ему в карман пузырёк спирта и предупредите часового на проходной. Он будет пойман и немедленно лишён пропуска на работу..."

Мне пришлось участвовать и в пуске производства диэтиламиномеркаптана на Новочебоксарском химическом комбинате, поскольку там были задействованы мои методики газохроматографического анализа реакционных смесей и конечного продукта.

Цех просто потрясал своими огромными зданиями и аппаратами. Ещё бы, он должен был обеспечить производительность конечного продукта – вещества "33" в количестве 20 тысяч тонн в год! Вот так мы осуществляли на деле "политику разрядки".

Все технологические рецепты по процессу производства Новочебоксарского комплекса были выполнены в отделе "Т", который возглавлял обладатель всевозможных сталинских и ленинских премий профессор Семён Львович Варшавский.

Талантливый учёный, Семён Львович сочетал в себе высококвалифицированного инженера и удачливого организатора, умевшего использовать скрытые пружины партийной машины для организации в СССР массового производства химического оружия. Производства зарина, зомана, вещества "33" были организованы непосредственно под его научным руководством.

Однако, ко времени пуска Новочебоксарского комбината невооружённым глазом было видно, что верхушка ГСНИИОХТ всячески стремится ограничить Варшавского.

На то были свои, достаточно простые причины. Во-первых, Варшавский уже имел все награды и начальство считало, что его пора бы и остановить. Во-вторых, учёный имел в пресловутом пятому пункте личной анкеты весьма уязвимую запись. Нельзя сказать, впрочем, что в институте была откровенная травля евреев. Много талантливых специалистов работало на командных постах, но не на таких, где они могли бы составить какой-либо намёк на конкуренцию с директором и его заместителями. Мой начальник Береснев, убежденный антисемит, любил цитировать начальника отдела кадров главка в министерстве Сябро, который, показывая на свой нос, произносил: "Не тот профиль".

Новочебоксарская фабрика смерти

Отдел "Т", возглавляемый Варшавским, состоял тогда из двух крупных лабораторий. Начальником одной из них был сам профессор, а другую лабораторию возглавлял энергичный И.Сергиевский, скоропостижно скончавшийся после пуска Новочебоксарского комбината. Думаю, что было исключительно его заслугой применение впервые в промышленном масштабе реакции роданистого калия с окисью этилена для получения этиленсульфида – исходного продукта для производства диэтиламиноэтилмеркаптана.

Основные работы по технологии вещества "33" были выполнены Ю.Привезенцевым, В.Сергиевским и В.Патрикеевой.

Одним из заместителей Варшавского являлся Ю.Баранов, нынешний заместитель директора ГСНИИОХТ. Ярый антисемит и патологически подобоострастный, готовый по любому поводу облизать своего шефа, он сделал всё возможное, чтобы того спровадить на пенсию после пуска Новочебоксарского комбината.

Варшавский был исключён из состава Учёного Совета ГСНИИОХТ за то, что написал прошение о разрешить посетить свою дочь в Израиле. К тому времени профессор был уже довольно пожилым человеком и, естественно, на всякий случай хотел повидать дочь. Ему, конечно же, отказали, после чего с учёным случился сердечный приступ. Но места для него в привелегированной больнице, которой он и другие ведущие учёные ГСНИИОХТ пользовались, не нашлось. Его положили в холодный коридор переполненной районной больницы, где он скоро получил воспаление лёгких и через несколько дней скончался.

Я благодарен ученому за его помощь. В трудные для меня времена, когда из-за обструкции Береснева я не мог утвердить даже тему своей уже готовой докторской диссертации, Варшавский организовал семинар в своём отделе с моим докладом. Заслушав мой доклад, семинар под его председательством вынес весьма хвалебное решение, которое затем сыграло положительную роль в моей научной карьере. Тем временем наступили золотые дни по случаю удачного пуска новочебоксарского комбината. Директор института Мартынов стал Героем социалистического труда, а его первый заместитель Гуськов получил Ленинскую премию. Этой же премии после долгих мытарств смог добиться и подлинный автор технологии Юрий Привезенцев. Директор института долгое время "уговаривал" его ограничиться орденом Ленина. На вопрос, какую награду он предпочёл бы, "самую высшую награду Родины – орден Ленина или просто Ленинскую премию", Юрий ответил скромно: "Предпочёл бы иметь обе".

В результате он был исключён из списка кандидатов на награждение. Задним числом Мартынов со своими прислужниками сумел получить авторское свидетельство на технологию, которая уже действовала на Новочебоксарском комбинате. Было сделано всё откровенно и цинично в надежде на то, что из соображений секретности Привезенцеву просто не дадут возможности куда-либо жаловаться. Но к тому времени, благодаря успеху своей технологии, ставшей известной тогдашнему министру химической промышленности Костандову, Юрий смог добиться у него аудиенции. Эта встреча решила судьбу награды в пользу автора технологии. Когда список кандидатов на Ленинскую премию повезли на визирование президенту Академии Наук СССР Келдышу, тот очень удивился, не обнаружив там какого-либо академика. Тут же категорически добавил, что не верит, что ГСНИИОХТ в таком деле смог обойтись без Академии Наук.

И тогда срочно пришлось включить в список академика Кабачника из института элементоорганических соединений АН СССР, не имеющего никакого отношения к данной работе.

Кто ковал меч империи?

За успешный пуск Новочебоксарского комбината подлинный автор вещества "33" профессор Сергей Зотович Ивин и впервые его синтезировавший кандидат химических наук Ия Даниловна Шелакова получили лишь малозначащие награды.

Это было демонстрацией особой "любви" со стороны директора Мартынова к Ивину. Директору не нравилось, что его подчиненный был столь талантлив и военные специалисты единогласно признавали его авторство вещества "33".

Ивин утверждал, что он планировал обследование так называемых тиохолиновых эфиров ещё до известной публикации шведского учёного Таммелина, на основе которой и было создано отравляющее вещество под названием VX-газ.

После публикации о высокой токсичности тиохолинов в СССР в приказном порядке были развёрнуты работы по синтезу соединений этого ряда сразу в четырёх местах: ЦНИВТИ (С.Ивин и И.Шелакова), ГСНИИОХТ (ответственный исполнитель Б.Гладштейн, который значительно отставал от Ивина), Военная Академия химической защиты (И.Кнуньянц, считавший, что тиохолины являются ошибкой) и Институт элементоорганических соединений АН СССР (Кабачник и Годовиков). Последние в своей работе не достигли никаких положительных результатов. Подтверждением слов Ивина о его независимом планировании исследования тиохолиновых эфиров является тот факт, что профессор за короткий срок сумел получить и обследовать до сотни соединений этого ряда. Работа была выполнена, несмотря на обструкцию генерала Кнуньянца и ЦНИВТИ.

И все же выбор вещества "33" был неудачным.

По сочетанию физико-химических (низкая летучесть, высокая гигроскопичность), химических, токсических свойств (малоустойчиво при хранении и быстро теряет своё активное начало), вещество "33" сильно проигрывает VX. К тому же, технология производства не позволяла получать продукт с так называемым действующим началом выше 90 процентов. Поэтому в технических условиях для получения вещества "33" на

Новочебоксарском химическом комбинате была заложена цифра 87 процентов, что в значительной мере и предопределило его низкую устойчивость к длительному хранению.

Впервые на эти факты обратил внимание в конце 80-х годов Г.Дрозд с сотрудниками, которые длительное время занимались исследованием различных способов получения вещества "33" и сравнением его свойств со свойствами VX.

На фоне показателей вещества VX данные вещества "33" выглядели весьма неутешительными. Например, первое могло храниться без заметных изменений на уровне первоначального действующего начала более 20 лет.

Когда результаты исследований Дрозда были оформлены в виде соответствующего научного отчёта и с ним познакомились Гуськов и военный представитель при ГСНИИОХТ, началась в буквальном смысле паника. Георгию Ивановичу при этом строго-настрого запретили заниматься этой проблемой. Проверить тревожные данные поручили доктору химических наук Ревельскому. Он подтвердил резкое изменение состава вещества "33" и падение действующего начала при хранении.

Но судьба научного отчета Игоря Александровича была такой же как и участь работы Дрозда. Он не был утвержден.

Действовала типичная советская научная система, когда факты научного исследования приносились в жертву корыстным интересам верхушки военно-химического комплекса.

Как ни странно, такое, по-видимому, может иметь место даже в США.

По оценке Г.Дрозда, американские специалисты в принципе крупно ошиблись, пытаясь использовать последнюю стадию технологии получения вещества VX также и для получения бинарного оружия.

Так, согласно данным кинетических исследований старшего научного сотрудника ГСНИИОХТ Лебедева, образующееся в результате смешения QL с серой вещество VX должно разложиться в течение 10-15 секунд, поскольку в бинарном изделии-реакторе во время реакции между двумя компонентами развивается температура порядка 300 градусов по Цельсию. Именно по этой причине американские военные химики после 15-летних безуспешных усилий, потратив на проект десятки миллионов долларов, вынуждены были на корпусах своих бинарных изделий Blue-8 OV сделать "отстреливаемые" отверстия, которые вскрывались специальными взрывательными устройствами спустя 10-11 секунд после запуска механической мешалки и начала реакции между QL и порошкообразной серой. Кроме того, было весьма сомнительно, чтобы эта сера могла храниться в изделии в течение длительного времени, не превратившись в комки и не слежавшись. А в этом случае она не могла быть эффективно использована.

А вот с гаубичным изделием XM/736 дело завершилось провалом, поскольку бинарное изделие находится в полёте в течение десятков секунд и за это время в снаряде развивается температура, достаточная для полного разложения образовавшегося VX. Ивин возглавлял большую по численности лабораторию ГСНИИОХТ по синтезу новых перспективных отравляющих веществ. Мне неизвестно, кто первым выдвинул идею создания бинарного химического оружия. Но первое целевое исследование в этой области было выполнено в ГСНИИОХТ в лаборатории Ивина в 1971-72 годах, как для так называемых тиоловых эфиров (вещество "33" и другие из этого ряда), так и для фторэфиров (зоман, зарин и др.).

Как и следовало ожидать, наиболее привлекательной выглядела простая система для получения зарина. Здесь определённых успехов добился аспирант Ф.И.Пономаренко. Его результаты стали известны специалистам из управления начальника химических войск (УНХВ), которые совместно с химиками из войсковой части 61469 из Шихан быстренько оформили авторское свидетельство на чужое изобретение. Разумеется, дело обстряпали без Ивина и Пономаренко.

Создалась скандальная ситуация, поскольку Пономаренко уже включил результаты своего исследования в диссертацию, судьба которой в значительной мере зависела от отзыва УНХВ. Однако, военные бюрократы пошли на "компромисс". Они не отказались от "своего" изобретения, но в тоже время дали положительный отзыв на диссертацию Пономаренко, и он благополучно её защитил.

Тут же этой многообещающей темой занялся заместитель директора Гуськов. Теме присвоили шифр "Хорёк" с различными индексами. Но попытки применить выдвинутую идею для получения зомана, предпринятые под руководством Гуськова в Волгоградском филиале ГСНИИОХТ, ни к чему хорошему не привели. Сказался известный шаблон в работе, для преодоления которого так и не нашёлся талант. Здесь я должен признаться, что участвовал в испытаниях первого варианта советской бинарной бомбы. В один из зимних дней 1977 года мне позвонил Гуськов и пригласил к себе для срочного разговора. Он сообщил, что в Шиханах будет испытываться бинарное оружие и он лично просит меня помочь с проведением анализов полевых проб. Поскольку я к тому времени разработал газохроматографические методики анализа, которые подходили и для этого случая, то для меня не было ничего сложного в том, чтобы провести анализ полевых проб в Шиханах. Я согласился поехать и принять участие в испытаниях. Испытывался промежуточный безвредный вариант бинарной бомбы. В качестве одного из компонентов был выбран циановый эфир О-изобутилметилфосфоновой кислоты, а в качестве другого – диэтиламиноэтиловый спирт. В результате реакции должен был получиться безвредный кислородный аналог вещества "33". Реакция между исходными веществами происходит практически мгновенно и поэтому успех не вызывал сомнений. В назначенный день мы поехали на полигон. Там мы остановились у одного из укрытий, откуда можно было наблюдать за полигоном и стали ждать появления самолёта. Ждали недолго – военный аэродром находится всего в 15 км от полигона. Мы видели, как самолёт поднимается в воздух и затем, набирая высоту, направляется к нам. Сопровождавшим нас солдатам приказали спуститься вниз, чтобы они не могли наблюдать предстоящий эксперимент. Тут я увидел над нами на небольшой высоте транспортный самолёт. Чуть ниже его фюзеляжа что-то хлопнуло, показался белый дымок, который затем окрасился в красный цвет. Я знал, что для наглядности в реакционную смесь должны были добавить краску. На поле были развёрнуты контрольные площадки, расположенные в определенном порядке. На них были разложены металлические кюветы с полосками фильтровальной бумаги, они должны были улавливать капли химического агента от взорвавшейся бомбы. Интенсивность красок на них должна была свидетельствовать об эффективности испытываемой бомбы. Специально обученные солдаты собирали кюветы и затем их доставляли в аналитическую лабораторию. Здесь полоски фильтровальной бумаги подвергались экстракции растворителем. После этого пробы экстрактов я со своим помощником Борисом Дубиным должен был анализировать на газовом хроматографе. Анализы показали низкую эффективность бомбы. Выход целевого вещества находился на уровне всего лишь 7 процентов. Это, разумеется, было разочарующе мало. Но никто не пытался усомниться в результатах проведенных нами анализов. Да и без них было видно, что на полосках бумаги было очень мало красных пятен. От взрыва второй имевшейся бомбы отказались. ...Поскольку тема "Хорёк" после этих испытаний не сулила ничего хорошего, и у начальников всех уровней интерес к ней угас. На всякий пожарный случай тему передали Дрозду. Вот в такой обстановке обозначилось отрицательное отношение к теме разработки бинарного оружия со стороны конструкторских бюро, военно-промышленной комиссии ЦК КПСС и руководства армии. Межведомственная комиссия под председательством тогдашнего министра химической промышленности В.Листова вынесла решение о том, что "армии не нужны менее эффективные изделия, чем моновариант". Под моновариантом понимается отравляющее вещество в чистом виде. После такого решения тема бинарного оружия существовала лишь благодаря энтузиазму отдельных исследователей. И всё же она казалась заманчивой. С.Ивин сделал многое для становления синтетических лабораторий в Вольском (Шиханы) и Волгоградском филиалах. Полагаю, что появление в Шиханах такого талантливого учёного как Пётр Кирпичёв – автора нового высокоэффективного

отравляющего вещества – во многом было обусловлено плодотворной деятельностью Ивина.

Проф. С.З. Ивин со своей лабораторией. 1966 г (?).

На фото справа первый Петр Кирпичев.

В центре в халате – Ия Шелакова, на последнем ряду в халате Г. Дрозд. После его безвременной смерти в конце 80-х годов его лаборатория перешла под руководство лишённого всяких способностей сына академика Фокина, а часть её возглавил сам директор института, поскольку ему нужно было стать членом-корреспондентом АН СССР, а без формального ведения научной работы (без лаборатории) этого невозможно было сделать. Правда, позднее Фокин должен был часть своей лаборатории отдать Юрию Кондратьеву. Кондратьев довольно долго проработал в Шиханском филиале ГСНИИОХТ, где с помощью Ивина смог защитить докторскую диссертацию. Благодаря своим родственным связям с одним из членов тогдашнего Политбюро ЦК КПСС Ю. Кондратьев после этого стал директором крупного научного учреждения – Всесоюзного научно-исследовательского института средств химической защиты растений (ВНИИСХЗР) в Москве.

Не имеющий никаких способностей организаторской работы и удивительно косноязычный выдвиженец из Шихан быстро развалил работу попавшего под его начало института. После этого его перебросили в ГСНИИОХТ, где он пребывает и по сей день, поскольку здесь, в секретной обстановке его бесталанность и ужасающий любого консерватизм, как нигде, пришлись ко двору.

Наиболее талантливый ученик Ивина, Гололобов был вытеснен из ГСНИИОХТ Мартыновым, поскольку тот из-за зависти не хотел иметь с ним никакого дела.

...Когда в конце мая 1994 года я встречался с помощником президента России по национальной безопасности с Юрием Батуриным, то настоятельно рекомендовал назначить на место председателя конвенционального комитета по биологическому и химическому оружию генерала Кунцевича именно Гололобова. Он, как настоящий учёный, имеющий к тому же опыт организаторской работы и пользующийся заслуженным авторитетом среди военных и гражданских специалистов, мог бы успешно справиться с проблемами безопасного уничтожения запасов химического оружия в России.

Точно также я рекомендовал его председателю комитета по вопросам обороны Государственной Думы С.Юшенкову во время моей встречи с ним в октябре 1994 года. К сожалению, власти в России не прислушались к моим советам и комитет ныне возглавляет совершенно бесцветный и малоспособный к такому труду П.Сюткин из военных. Трудно ожидать, что кто-либо на Западе рискнул бы оказать помощь организации, возглавляемой военным, поскольку никто не уверен в том, что средства, предназначенные для уничтожения запасов химического оружия, не пойдут одновременно и на дальнейшую разработку химического оружия в России. Даже сам генерал А.Кунцевич не исключал такой возможности. (J.R.Adams. Russia's Toxic Threat. The Wall Street Journal. April 30, 1996).

Другую крупную лабораторию ГСНИИОХТ по синтезу новых отравляющих веществ долгое время возглавлял профессор Б.Гладштейн. Некоторые мои коллеги неоднократно намекали на то, что профессор имеет более чем тесные связи с КГБ. Каких-либо заметных успехов эта лаборатория так и не смогла добиться, хотя в её составе работали весьма способные учёные.

Гладштейн использовал все свои способности для проталкивания так называемых веществ 100 и 100-Б, которые являлись аналогами вещества "33". Разница состоит лишь в том, что в них вместо изобутилового радикала используются циклопентил и метилциклопентиловые радикалы. Считалось, что автором этих соединений является крупный военный химик А.Брукер.

При энергичной поддержке директора ГСНИИОХТ Мартынова вещества 100-А и 100-Б прошли обширные испытания, результаты которых легли в основу докторской диссертации начальника отдела медико-биологических исследований, будущего директора ГСНИИОХТ Г.Патрушева.

Потратив огромные средства на создание и изучение этих соединений, ГСНИИОХТ так ничего и не добился. В конце концов, тема была закрыта, лаборатория расформирована и сам Борис Моисеевич отправлен на пенсию.

Есть все основания полагать, что тема была специально подброшена генералу Главного Разведывательного Управления (ГРУ) М.Данилину американским двойным агентом по кличке Кассиди, имевшим легенду служащего Эджвудского арсенала (David Wise. Cassidy's run. The secret spy war over nerve gas. Random House. New York. 2000)

В составе лаборатории Б.Гладштейна работал также профессор Л.Соборовский. Считается, что он является одним из авторов реакции окислительного фосфорилирования.

Но и сама реакция, и основанная на ней технология производства дихлорангидрида метилфосфоновой кислоты на самом деле были вывезены из фашистской Германии... Лабораторию по синтезу и исследованию так называемых психотропных соединений возглавлял профессор Николай Николаевич Яровенко, который пришел в ГСНИИОХТ вместе с Ивиным из ЦНИВТИ. Профессор был известен в научной литературе как автор алгоритма вычисления температур кипения галоидорганических соединений. За ним также было авторство метода получения фторалканов из спиртов действием полифторалкиламинов.

Психотропные соединения (аналогичны известному на Западе ВЗ) на основе хинуклидиновых эфиров являются сильными агентами, действующими на психику человека. Как мне объяснил в своё время Яровенко, если в организм солдата попадет такое вещество, то он будет счастливо улыбаться и созерцать красивые сны, отложив в сторону своё оружие. Подробно о таких галлюцинациях профессор рассказывал, вернувшись из Ленинграда, где несколько курсантов Военно-медицинской Академии добровольно испытали на себе этот препарат.

Деятельность этой лаборатории считалась весьма успешной, поскольку ВЗ под названием "вещество 78" прошёл успешные испытания и его опытно-промышленное производство было освоено в Вольском филиале ГСНИИОХТ.

Однако, работа, на которую были затрачены огромные средства, не оправдала надежд, возлагавшихся на нее экспертами по химическому оружию. В самом деле, лишь воспаленное воображение могло нарисовать картину, как продукт 78 будет принимать вовнутрь (не меньше, как пить его раствор!) вражеский солдат.

По-видимому, и эта тема также была подброшена американцами, чтобы отвлечь усилия советских химиков на бесполезную работу.

Но, кроме этого, были и другие, не менее чудные разработки. После смерти Н.Яровенко в начале 80-х годов его заменил полковник в отставке, бывший профессор Военной Академии химической защиты В.Комаров. Он долго и серьезно разрабатывал вещество, вызывающее тошноту и рвоту. Считалось, что попав в организм солдата, вещество вызовет у солдата нестерпимое чувство рвоты и тогда солдат волей-неволей сорвет с себя противогазовую маску. Вот тогда-то его и должны были убить уже настоящим отравляющим веществом. Скажете, бред? Но что поделаешь, если работа американского двойного агента Кассиди была столь удачной! Комаров через несколько лет был заменён на более способного доморожденного Сергея Бортника, который и по сей день пребывает на этой должности.

Поиском природных соединений, способных умерщвлять людей, занималась также крупная лаборатория имевшая в штате 80 человек и возглавляемая профессором В.Гинзбургом. Она успешно справилась с проблемой выделения из семян клещевины и очистки сильного природного ядовитого белка-рицина.

Насколько я знаю, большой объём работ здесь по изучению аминокислотного состава белка, по очистке сырца и др. был выполнен Н.Мерзабековой. Тема была завершена разработкой технологии для опытной установки. Автором технологии был мой хороший приятель и сосед по дому Е.Чижов, который работал в тесном контакте Н.Мирзабековой и В.Демидюком.

Демидюк защитил кандидатскую диссертацию по теме хроматографического выделения чистого рицина. Я был официальным оппонентом его диссертации и дал положительный отзыв, хотя работа страдала погрешностями. Ее автор был удивительным пройдохой, являя в то же время собой образец ортодоксального коммуниста. Эти качества в совокупности, стали основной причиной его назначения на должность главного консультанта нового журнала под громким названием "Химическое оружие и проблемы его уничтожения", выпускаемого на средства американских фондов.

Под руководством Е.Чижова в начале 70-х годов в Вольском филиале ГСНИИОХТ была открыта опытная установка по получению рицина в количествах, необходимых для полевых испытаний.

Рицин является сильнейшим ядом и превосходит по токсичности все фосфорорганические ОВ, при этом не оставляет следов в организме жертвы. Но он имеет ряд непреодолимых недостатков. Уже при температуре около 50 по Цельсию рицин полностью теряет свои токсические свойства. Чтобы отравить человека, нужно ввести рицин с помощью инъекции или каким-либо другим образом.

Есть все основания полагать, что именно этим ядом, полученным в ГСНИИОХТ, агенты КГБ попытались убить А.Солженицына, но, к счастью, удача им не сопутствовала. По свидетельству генерала О.Калугина, болгарская спецслужба, обученная инструкторами КГБ, этим же ядом умертвила известного диссидента Г.Маркова в Лондоне в 1973 году.

Пожалуй, это "подвиг" и стал единственным результатом сизифова труда огромного коллектива, создававшего рицин. После 15 лет исследований и огромных затрат тема

была закрыта, лаборатория расформирована, а сам В.Гинзбург переведен в старшие научные сотрудники.

Не сомневаюсь, что и эту тему в числе других подбросил все тот же Кассиди. (Davis Wise. Cassidy's run. The secret spy war over nerve gas. Random House. New York. 2000)

О лаборатории Энглина я уже рассказывал выше. Здесь могу добавить лишь то, что она в высшей степени непрофессионально пыталась изучать динамику адсорбции ряда фторсодержащих ядовитых веществ на фильтре противогаса. Кроме того, лаборатория занялась поиском слезоточивых агентов, используя при этом сведения, почерпнутые из зарубежных источников. Каких, я думаю, читатель уже догадывается.

Но и здесь были лишь одни разочарования. Одной из разработок лаборатории долгое время пришлось заниматься и мне. Для проведения медико-биологических испытаний в камере с белыми крысами я разработал газохроматографическую методику анализа воздуха из этой камеры. Затем много раз участвовал в этих опытах, анализируя воздух камеры с животными.

Результаты были плачевные, поскольку испытываемый агент был неустойчивым и слабым раздражителем. Но профессор не сдавался и даже обвинял меня в плохом качестве моей методики. Она якобы давала заниженные результаты. Энглин верил данным ГРУ больше, чем моим! Тем не менее анализы показывали, что животные реагируют на раздражитель лишь при больших, "лошадиных" дозах.

Энглин не был оригинален – каждый неудачливый разработчик нового агента или технологии всегда обвинял во всех грехах автора аналитических методик. В этом он неизбежно находил поддержку со стороны заместителя директора по научной части. Тот, также не сомневавшийся в непогрешимости данных ГРУ, устраивал "совещание" с приглашением недоброжелателей автора методики и, как правило, подвергал его обструкции.

Для меня была подготовлена аналогичная процедура. В качестве моих оппонентов были приглашены люди из лаборатории индикации, возглавляемой упомянутым выше Бровкиным и Шелученко. Но они не имели даже элементарного понятия о хроматографии. Его им заменяла святая вера в информацию ГРУ. Сказать им было особо нечего, но время от времени они восклицали: "Ага, ваши анализы показывали такого-то числа присутствие в камере малой концентрации, а животные, судя по прибору, измеряющему частоту дыхания, сильно реагировали!"

Ясно было, что меня пытаются втянуть в спор в область, которая находится вне пределов моей компетенции. Щекотихин ехидно спрашивал меня, что, мол, ты на это ответишь.

Пробивной Энглин (в институте шутили, что если вместо ОВ применить Мишу, то он обязательно пробил бы фильтр противогаса), однако, добился, чтобы были проведены полевые испытания вещества на военном полигоне в Шиханах. А до этого нам еще предстояло услышать на совещании в УНХВ восторженные отзывы представителей киевского института токсикологии о том, какое же это замечательное вещество и как оно хорошо действует.

Мне и Рудольфу Набережных, старшему научному сотруднику отдела "Б", занимавшегося проведением полевых испытаний, пришлось ехать в Шиханы на военный полигон.

К тому времени (была осень 1979 года) в Шиханах-2, где расположены военно-химический институт и полигон, я успел уже стать своим человеком, поскольку часто приезжал сюда в командировки.

Начальником всего этого комплекса вместе с батальоном противохимической защиты под общим названием войсковая часть 61469, долгое время был генерал-майор А.Кунцевич, а заместителем по научной работе полковник И.Евстафьев, одновременно возглавлявший отдел по полевым испытаниям.

До этой поездки я в основном общался с военными, работающими в физико-химическом отделе, где проводились анализы проб, отобранных во время испытаний.

Начальником отдела долгое время был полковник, кандидат химических наук Юрий Аркадьевич Горбунов, мягкий и доброжелательный человек с приятной внешностью. Он несколько лет провёл в служебной командировке на Кубе. Видимо, дела у военных

химиков нашлись и на этом "форпосте" коммунизма под самым боком Соединённых Штатов – "цитадели мирового империализма".

С 1966 года я ездил сюда и всячески помогал осваивать хроматографические методы анализа. До 1973 года в отделе были лишь отечественные низкокачественные хроматографические приборы. Но через год здесь появилась самая современная американская аппаратура.

Всё это сумел наладить старший лейтенант Сергей Пичхидзе. Удивительно ловкий и тонкий психолог, он смог задействовать всевозможные каналы в Москве и добиться выделения крупных сумм в валюте для массовой закупки лабораторного оборудования на Западе.

Я поинтересовался, как всё это он проделывает. Он объяснил, что все достаточно просто. Необходимо купить две-три коробки шоколада и поехать во Внешторг на Смоленской набережной. Затем заходишь туда и обращаешься к даме, которая ведает покупкой импортных приборов. Сначала спрашиваешь о том, каков порядок закупки приборов, то-сё. Затем благодаришь и вручаешь коробку шоколадных конфет за ценную консультацию. После этого нечаянно интересуешься, не имеются ли остатки валютных средств, сэкономленные при покупке приборов.

Действительно, когда закупались импортные приборы, часто возникала разница между суммой валюты, выделенной для какой-то организации, и реальными затратами. Эти деньги, разумеется, должны были возвращаться заказчику. Так это и делалось, но не в валюте, а в советских рублях. В то время валютное выражение рубля было абсолютно нереальным: один доллар равнялся 70 копейкам. Таким образом, при определенном старании всегда можно было сэкономить при покупках валюту объединить и вновь приобретать приборы, но уже для другого лица, например, для приятного молодого старшего лейтенанта Сергея Пичхидзе. Конечно, при этом войсковая часть 61469 должна была платить в рублях. Как видите, при этом не совершалось никакого мошенничества, а была лишь ловкость рук.

Помню, как-то Пичхидзе полусерьёзно спрашивал, не хочу ли я приобрести французскую мебель с баром. Уточнять детали я не стал, поскольку по своей природе не мог что-либо захотеть за счет государства. Не могу сказать определенно, предлагал ли он это для моей квартиры или рабочей комнаты в ГСНИИОХТ.

Однако, думаю, что Пичхидзе шутил. В те времена подобные дела могли кончиться весьма неприятно. Одного такого шустреца, Владимира Помазанова, работавшем тогда в Институте микробиологии, связанном с разработкой биологического оружия, ждал именно такой невеселый финал.

Помазанов, специалист в области хроматографии, отличался не столько своими способностями на ниве науки, сколько талантом повсюду безошибочно выходить начальников, которые могли бы способствовать достижению его целей. Удивительно общительный и подвижный, он легко передвигался по крупным городам СССР, работая в самых престижных научно-исследовательских институтах и печатаясь в научных журналах вместе с известными академиками.

Начав работать в названном институте в Москве, Помазанов быстро подружился с руководителями таинственного 3-го Главного Управления Министерства здравоохранения, а также завёл немалые связи в Комитете по микробиологии. Он вскоре стал действующим директором института, хотя формально на этой должности числился другой. Однако, без распоряжений Помазанова здесь ничего не делалось.

За свою бурную деятельность наш герой отмечался многочисленными благодарностями и правительственными наградами. Для полного счастья в его жизни не хватало лишь научной степени доктора наук. Но для него и по этой линии не существовало особых проблем. Докторская диссертация была написана и представлена на защиту. Чтобы полностью обезопасить себя от случайностей, Помазанов одаривал своих будущих официальных оппонентов современной импортной аудиоаппаратурой. На этом он и поскользнулся. Один из его подчинённых донес в КГБ о том, что его начальник все эти магнитофоны получает по импорту как часть сложной аналитической

аппаратуры. Поскольку заказ и покупка иностранных приборов шли по специальному каналу КГБ, то делом занялись чекисты.

Помазанов был арестован и осуждён на несколько лет тюремного заключения. но и тут ему повезло! Шёл 1977 год, и 60-ая годовщина большевистского переворота в России. По этому случаю была объявлена амнистия для лиц, имеющих правительственные награды не ниже ордена Дружбы народов. Такой орден В.Помазанов среди множества своих наград имел, а поэтому на законных основаниях был освобождён из мест не столь отдаленных.

Сегодня доктор химических наук В.Помазанов преуспевает на новом поприще – он член конвенционального комитета по биологическому и химическому оружию при президенте России.

...Старлей Пичхидзе иногда напоминал своими похождениями гоголевского Хлестакова. В один из дней 1988 года он со своим приятелем появился в автомагазине Куйбышевского военного округа, куда входит также и войсковая часть 61469.

Кто хотя бы немного слышал о системе торговле автомобилями в СССР, знает, что для приобретения машины необходимо было встать в очередь по месту работы и потом уже, если повезёт, через 5-8 лет "получить" её. Машину при этом "давали" (применялись именно такие термины) устаревшей модели. Хорошие автомобили шли для удовлетворения спроса советской бюрократии. Для них и очередь была своя, покорооче, и машины "давали" помоднее.

Зайдя в магазин, С.Пичхидзе небрежно бросил директору: "Я от генерала Разуванова".

Разумеется, директор магазина, полковник, знал войсковую часть, где командиром числился вышеназванный генерал. Но он среагировал на доклад С.Пичхидзе своеобразно, поняв, что тот приехал "получить" машину лично для командира войсковой части 61469.

"Только сегодня мы получили автомобили "Жигули-люкс" и вы можете забрать машину генерала", – ответил полковник. Пичхидзе спросил, что требуется для этого. Директор ответил: "Ничего, кроме подтверждения войсковой части, что вы там служите". Сергей скоро принёс директору заверенную телеграмму из канцелярии командира о том, что такой-то Пичхидзе служит в в/ч 61469.

"Платите и забирайте свою красавицу", – последовало в ответ.

Вечером долгого июньского дня военные, возвращаясь домой со службы, с нескрываемой завистью наблюдали продвигающуюся на малой скорости по главной улице посёлка Шиханы-2 автомашины "Жигули-люкс", за рулём которой гордо восседал сияющий Пичхидзе. Такой машины не было даже у самого генерала!

Разумеется, уязвленный генерал Разуванов решил проверить, почему не он первый "получил" "Жигули-люкс". На звонок генерала директор магазина в Куйбышеве ответил, что уже отправил ему машину.

В посёлке Шиханы -2 разразился грандиознейший скандал. Но, несмотря на все странствия помощников командира части, формально придаться было не к чему. Все документы были оформлены на имя Пичхидзе и он являлся законным владельцем автомобиля.

В одно время в части было даже слишком много импортных физико-химических приборов для того, чтобы всем им можно было найти применение.

Не скрою, часть весьма дефицитных детекторов и других деталей была по-дружески выделено и мне, что оказала существенную помощь в выполнении моей докторской диссертации.

Приобретённое неутомимым Пичхидзе оборудование (в основном, американское) помогло поднять на новый уровень полигонные испытания. Появилась возможность анализировать полигонные пробы тех соединений, которые до этого практически невозможно было подвергнуть анализу. Проведение даже анализов проб с фосфоорганическими отравляющими веществами по холиноэстеразной методике теперь было ускорено в несколько раз и был значительно сокращен ручной труд, требующий привлечения многочисленного персонала.

Приехавший вместе со мной в Шиханы-2 Рудольф Набережных как, впрочем, большинство работников отдела "Б" ГСНИИОХТ, был давно своим человеком в отделе, возглавляемом Евстафьевым. Поэтому нас встретили весьма доброжелательно и пообещали помощь. Только вот само проведение наших испытаний было осложнено многими преградами. То вся войсковая часть готовилась к какому-то смотру, то проводилась санитарная очистка полигона, то все офицеры и их жены участвовали в репетициях самодеятельного хора...

Но все же главным препятствием был американский спутник-шпион. В определённые дни месяца он появлялся в зоне обзора полигона и, естественно, все должны были ждать, когда он уйдёт.

Наконец, в один из сентябрьских дней мы со всеми предосторожностями повезли несколько килограммов вещества Энглина на полигон.

Обачившись в полную защитную одежду и противогазы, руками, одетыми в толстые резиновые перчатки, достали из контейнера порошкообразный препарат и рассыпали на площадке. Стали непрерывно отбирать пробы воздуха. Закончив все операции, мы поодаль от площадки разделись, чтобы сменить одежду. Меня почему-то потянуло ближе к площадке, хотелось реально учуять запах испытываемого препарата. Я этого не боялся. Работая по разработке методик анализа других раздражителей, как CS и CR, я уже успел познакомиться в какой-то мере с их действием. Это, к сожалению, практически неизбежно, поскольку лабораторное оборудование весьма уязвимо и не даёт полной гарантии против утечки испытываемых химических соединений. Когда я снимал перчатки (без противогаза), то заметил, что от них не исходит никакого раздражающего запаха. Было удивительно и то, что по мере приближения к площадке, где всё ещё дымились остатки вещества, я также не чувствовал запаха.

Когда я уже вплотную подошёл к площадке, результат был таким же. Не было запаха и тогда, когда я практически нюхал воздух над препаратом.

Я был потрясён и позвал Рудольфа. Он тоже убедился, что никакого запаха нет. Стало обидно, что нам так долго морочили голову Энглин, Щекотихин и другие чиновники, подвергая оскорблениям и всяческим поношениям. Что поделаешь, эти люди были мелкими сошками в игре американских разведчиков. Теперь-то я знаю точно, кого должен "благодарить" за мои мучения в те времена.

О результатах наших опытов заместитель командира войсковой части Евстафьев узнал от своих подчинённых, участвовавших в испытаниях. Он был очень доволен – военные химики всегда были счастливы, когда гражданские специалисты терпели поражение. Они считали, что только военные могут сделать что-то путное, недаром же они ходят строем...

Вскоре после этого испытания Энглин был заменён на полковника в отставке, профессора Военной Академии химической защиты Георгия Александровича Сокольского. Но на самом деле шило обменивали на мыло – Сокольский, как и Энглин, был весьма далёк в своих знаниях от области, в которой работал.

Зато отставной полковник любил рассказывать, как работал в качестве эксперта советской делегации на переговорах по химическому оружию и как хорошо было в Женеве...

Я не уверен, что способен придумать "порох" и заменивший его Сергей Малейкин. Разве что появится ещё один Кассиди...

Одним из талантливых учёных, работавшем в ГСНИИОХТ был безусловно профессор Георгий Дрозд – ученик Ивина.

Выпускник Военной Академии химической защиты, Г.Дрозд, несколько лет прослужив в Армии, пришёл работать в ГСНИИОХТ. Он быстро защитил кандидатскую диссертацию, а затем, в 1972 году и докторскую.

Она была посвящена поиску газообразных генераторов энергии для лазеров. В этой области он долго и успешно работал в сотрудничестве с Физическим институтом АН СССР. Тогда СССР, соревнуясь с США в создании космической системы противоракетной обороны, пытался создать сверхмощные лазеры для поражения с земли самолетов и боеголовок ракет. В конце концов было учеными пришли к выводу, что даже фантастическая лазерная пушка диаметром 1-1,5 м и длиной в десятки

метров при взрывной накачке одиночным импульсом (от атомного заряда) не способна пробить атмосферный слой и сохранить при этом мощность, достаточную для поражения цели.

Поначалу дирекция института никак не могла найти Георгию Ивановичу достойного применения. Директору института было невыгодно выделять ему людей и помещение, для того, чтобы ученый мог заниматься синтезом новых веществ. Неизвестно, сколько еще Дрозд так пребывал бы в этом неопределённом положении, если бы ему не помог заместитель директора по режиму полковник Л.Соколов. Когда потребовался учёный-эрудит для цензуры диссертационных работ на предмет их соответствия грифу секретности, выбор пал на Г.Дрозда, который и возглавил соответствующую комиссию в институте.

Гриф секретности и название проблемы, которая рассматривалась в диссертации, порой имели решающее значение для её дальнейшей судьбы. Если, например, диссертация была выполнена по проблеме "Фолиант" (обозначалась как "Ф"), то наряду с секретностью это было и указанием для её обсуждения в ограниченном кругу специалистов. "Фолиант" обозначал проблему поиска новых химических отравляющих веществ в соответствии со специальным постановлением ЦК КПСС. Если даже человек имел так называемую вторую форму допуска к секретным работам, то это вовсе не означало, что он может быть допущен к ознакомлению с материалами данной темы. Для этого требовалось специальное разрешение, подписанное заместителем директора по режиму и директором института, согласно которому "лицо" допускалось к нужным бумагам.

Но даже при всей этой строгости внутри проблемы "Фолиант" все равно имелись отдельные темы, допуск к которым был еще более сужен. Всё это строго контролировалось работниками первого отдела.

Учёный Совет ГСНИОХТ для обсуждения диссертации по этой теме собирался в узком составе.

Он ещё более сужался при обсуждении диссертаций по специальным подразделам проблемы "Фолиант", таким как, например, "Хорек", "Новичок" и др.

Г.Дрозд пригодился и для помощи в выполнении диссертационных работ офицерам из специального подразделения КГБ, занятого обеспечением безопасного питания людей в самом Кремле. Он даже был их научным руководителем.

Под руководством Г.Дрозда была выполнена очень важная работа по исследованию метаболитов (продуктов превращения) фосфорорганических отравляющих веществ в живом организме с помощью "меченых" атомов. Дрозд и его коллеги выяснили, что в случае отравления зоманом или заринном в моче наряду с метилфосфоновой кислотой присутствуют соответствующие изопропиловые или пинаколиловые кислые эфиры метилфосфоновых кислот. А в случае отравления веществом "33" (аналог VX) – тиохолиновый кислый эфир. Таким образом, определение этих метаболитов дает возможность четко ответить на вопрос, каким ОВ был отравлен человек.

К сожалению, японские специалисты после газовой атаки террористами в метро Токио в конце марта 1994 года не провели хроматомасс-спектральное исследование мочи или крови жертв для точного определения вида ОВ для получения прямой улики.

Со временем Г.Дрозду дали возможность создать свою лабораторию. Половину ее работы составляли исследования по поиску новых отравляющих веществ, другую часть – выделением чистых образцов различных химических соединений. При этом он использовал также и хроматографические методы как для препаративного выделения, так и для анализа получаемых продуктов. Молодёжь тянулась для работы с этим учёным и работала с энтузиазмом, стойшим порой слишком дорого не только самому профессору, но и многим другим. В спешке некоторые сотрудники грубо нарушали правила противопожарной техники и, естественно, рисковали. Однажды это даже привело к пожару – в одном из помещений лаборатории всё оборудование сгорело дотла. Во второй раз происшествие было еще более серьезным – не только сгорело оборудование, но при этом еще и "пропало" что-то около 800 г вещества "33", помещенного в термостат. Электрическое замыкание в этом приборе и послужило причиной пожара. Пожар произошёл ночью и его заметили пассажиры трамвая, который

проезжал через мост на Шоссе Энтузиастов. Люди тут же позвонили в городскую пожарную охрану.

ГСНИИОХТ имел свою военизированную пожарную команду, но она откровенно проспала этот пожар. Когда городская пожарная команда приехала в институт, то охрана "почтового ящика" пыталась не пустить её на территорию. Но пожарники – люди самоотверженные. Они силой сломили сопротивление охранников, проехали к ГЛК и довольно быстро справились с огнем в здании.

Приехав на другой день на работу, я увидел, что ГЛК оцеплен охраной и пожарными. Мой начальник Береснев все же добился, чтобы меня пустили в кабинеты для проведения анализов воды, пролитой при тушении пожара. К этому времени уже было известно, что при пожаре то ли сторело, то ли вылилось всё хранившееся в термостате количество вещества "33".

Я не обнаружил остатков вещества "33" в пробах воды. Впрочем, достигнутая мной чувствительность определения была не особенно высокой, да и не было достаточного времени на проведение предварительного селективного концентрирования. Поэтому я до сих пор не уверен, что в пробах на самом деле отсутствовало вещество "33". Оставалось предполагать, что вещество при пожаре полностью сторело или испарилось, разлагаясь.

В последнем случае часть вещества с дымом пожара неизбежно была бы унесена в воздух Москвы. Об этом позднее я писал в статье "Отравленная политика", опубликованной в еженедельнике "Московские новости" от 16 сентября 1992 года. После каждого пожара Г.Дрозд понижался в должности и лишался лаборатории. Чтобы вернуть утраченное, с его стороны требовались невероятные усилия. И в конце концов Дрозду всякий раз удавалось вернуть утраченные были позиции. Он был членом парткома, и это обеспечивало ему надежную "крышу".

А однажды Дрозда сильно подвел его же собственный язык. Он несколько раз позволил себе непочтительно отозваться о Патрушеве, сменившем на посту директора института всесильного Мартынова. Слово не воробей и дело пошло по уже накатанному пути. Начальник отдела Ю.Кондратьев созвал партийное собрание для обсуждения состояния воспитательной работы в коллективе Г.Дрозда.

Собрание, разумеется, нашло состояние этого вопроса неудовлетворительным и рекомендовало дирекции рассмотреть вопрос о смещении Г.Дрозда с должности. Дирекция пошла навстречу "пожеланиям трудящихся" и Дрозд был снят со своей должности. А его лаборатория в очередной раз подлежала к расформированию. Но проштрафившемуся Дрозду улыбнулась

удача: лабораторию преобразовали в сектор. Конечно, статус сектора был куда ниже статуса лаборатории, но тем не менее это был пусть небольшой, но все же коллектив научных сотрудников, да и зарплата начальника сектора была не ниже чем у начальника лаборатории.

В 1981 году Дрозду поручили заняться проблемой создания бинарного оружия. Насколько я помню, он попытался воспроизвести схему американского варианта. Но при этом он слишком критично относился к американскому изобретению, и поэтому в итоге он отказался от этой идеи и продолжил свои старые работы по поиску новых перспективных соединений и выделению чистых веществ.

Всё время работы в ГСНИИОХТ я находился в приятельских отношениях с Г.Дроздом. Когда создавались непростые ситуации вокруг моей докторской диссертации, он пытался всячески поддерживать меня. Когда я попросил его стать моим официальным оппонентом по диссертации, то Георгий сразу согласился, несмотря на то, что ему предстояло вникать в области науки, которая лежала не совсем в русле его научных интересов. Он, однако, написал весьма хороший отзыв и тем самым помог мне благополучно защититься. Тем не менее, при всем моем положительном отношении к Дрозду не могу не отметить его неразборчивость по отношению к людям.

Меня всегда удивляло, что он был в приятельских отношениях с такими сотрудниками, как Юрий Баранов или Юрий Скрипкин. Для них существовала лишь одна цель – во чтобы то ни стало сделаться начальниками.

В 1987 году, когда было принято решение более интенсивно заняться бинарным химическим оружием, то возглавить это направление поручили Г.Дрозду. Он взял к

себе в помощники старшего научного сотрудника Васильева, которому помог защитить его многострадальную докторскую диссертацию.

Однако, когда в этом деле наметился успех, Васильев быстро перебежал под крыло директора, который и стал руководителем всей работы. В последние годы своей работы в "почтовом ящике" я практически не общался с Г.Дроздом. Возможно, причиной тому была моя политическая ориентация и участие в движении "Демократическая Россия".

В самом начале демократизации, предпринятой Горбачёвым, я и некоторые мои коллеги из ГСНИИОХТ попытались выдвинуть в качестве кандидата в народные депутаты Г.Дрозда. Потратили немало сил, чтобы написать хорошую предвыборную программу. Однако, нам не удалось создать хорошо работающий штаб для предвыборной кампании. У нас не было ни средств, ни опыта в подобных делах. В результате мы потерпели неудачу. А Дрозд отказался сотрудничать со сторонниками движения "Демократическая Россия".

Когда я буду арестован и окажусь в печально знаменитой Лефортовской тюрьме, следователь покажет мне заключение постоянно действующей технической комиссии ГСНИИОХТ, установившей, что моя статья "Отравленная политика" в "Московских новостях", представляет собой разглашение государственной тайны. Среди подписавших членов этой комиссии не было фамилии Г.Дрозда. Но ведь он был одним из ключевых фигур комиссии!

Каюсь, грешным делом, я подумал, что Георгий Иванович ухитрился отклониться от этого дела под благовидным предлогом, как это он иногда практиковал.

Я счастлив, что ошибся.

Тайны "ящика" изнутри

Важное место при разработке технологии производства занимал инженерный отдел, который был одним из крупнейших в институте. В задачу отдела входила максимальная автоматизация производства отравляющих веществ, разработка и испытание аппаратуры.

По последней проблеме я тесно сотрудничал с соответствующей лабораторией отдела. С ее сотрудниками мне часто приходилось ездить в командировки. Ещё в 1967 году я вместе с начальником лаборатории Л.Е.Вишневым внедрял хроматографические методы анализа проб на казанском заводе "Оргсинтез" при пуске цеха по производству окиси этилена.

В целом отдел был весьма сильным. По моему мнению, это было являлась заслугой известного учёного Н.Богаткова-Корсакова.

Однако его очень неровный и независимый характер часто приводил к конфликтам с дирекцией. Однажды Мартынов с удовольствием воспользовался случаем и избавился от Богаткова-Корсакова, удовлетворил сторяча написанное заявление профессора об увольнении по собственному желанию. Свято место пусто не бывает. На освободившуюся вакансию Мартынов незамедлительно пристроил Г.Каждана – зятя упомянутого выше заведующего отделом химии ЦК КПСС А.Смирнова.

Каждан был полным профаном в том вопросе, которым ему предстояло заниматься. Он запомнился мне лишь двумя скандалами, один из которых чуть не привёл его на скамейку подсудимых.

Как член семьи советской верхушки, Каждый имел доступ к закрытым магазинам с импортными товарами. Пользуясь своими возможностями, он решил привлечь внимание женского населения своего отдела доставкой им дефицитных дамских бюстгалтеров и трусов. Всё это он проносил через тщательно охраняемую проходную института в своём портфеле. И тут ему помогало особое положение – носить с собой такие портфели разрешалось лишь начальникам отделов и лабораторий, да и то, лишь по особому распоряжению заместителя директора по режиму.

По-видимому, кто-то донёс о бизнесе Каждана охране, после чего его портфель был обыскан и там было найдено внушительное количество женских трусов и бюстгалтеров. Но цеховский тыл снабженца дамского белья позволил ему остаться на своей должности.

Другой скандал с Кажданом произошёл уже после смерти его высокопоставленного тестя, и на этот раз Генриху Оскаровичу пришлось очень туго. Имея хорошо оборудованную мастерскую, квалифицированных токарей и слесарей, начальник отдела организовал подпольный выпуск прецизионных деревообрабатывающих станков, превосходящих по своему качеству даже японские.

Мне неизвестно, продавал он их. Но Генрих Оскарович подарил их заместителям директора по научной работе Гуськову, Курочкину и другим. Группа работников отдела, узнав о новом промысле Каждана, написала жалобу в прокуратуру. Опытные следователи вынудили признаться Генриха Оскаровича в том, что он действительно произвел нескольких станков. Несмотря на то, что дело вела специальная прокуратура, его не довели до суда. Чем глубже копало следствие, тем больше оно угрожало уже более высокопоставленным персонам. Справедливости ради замечу, что такая "предпринимательская" деятельность начальника не очень сильно отражалась на деятельности отдела.

Дело в том, что он состоял преимущественно из сильных исполнителей, подчиненные Каждану начальники лабораторий тоже были очень опытными инженерами. Среди них можно отметить Н.Годжелло, В.Гончарова и М.Степанского.

Кандидат химических наук Наталья Михайловна Годжелло является ветераном в области разработки и производства химического оружия в СССР. Я жил с ней по соседству и нередко общался с ней даже в то время, когда меня начал преследовать КГБ. Хотя Годжелло и была тогда уже на пенсии, но мое общение с ней вызвало большой интерес и у чекистов, и у директора ГСНИИОХТ.

Наталья Михайловна происходила из семьи инженера-химика, который был начальником одного из первых полигонов Красной Армии в Кузьминках (теперь это густонаселённый район Москвы).

Жили они рядом с полигоном, на котором испытывалось химическое оружие. В случае необходимости там же его и уничтожали. Полигон прекратил своё существование лишь в начале 60-х годов, когда его хозяин – ЦНИВТИ – по распоряжению Н.С.Хрущёва был переведён в Шиханы.

Окончив химический факультет МГУ, Годжелло попала по рпспределению на завод в Чапаевске. Там выпускали иприт и лъкозит.

По её словам, когда работающие в цехе по производству иприта снимали противогазы, то их лица казались загорелыми. То же было и с их руками. "Загар" возникал из-за поражения кожи парами иприта. К сожалению, тогда еще не знали, что пары иприта в воздухе проникают через резину. В артиллерийские снаряды недостающую часть иприта доливали из обычного чайника...

Разумеется, на таком производстве было много жертв. Их количество достигло катастрофических масштабов во время войны, когда работы по выпуску химического оружия были усилены, а технологии и уровень техники безопасности оставались прежними. Рабочих не хватало и на завод были призваны узбеки, не имеющие никакого представления о химической технологии. Практически все они стали жертвами этого производства. Москва вынуждена была как-то среагировать на это положение и прислала комиссию. Но, как всегда, все ограничилось лишь сменой начальства...

В ГСНИИОХТ существовала также большая лаборатория по разработке технологии получения слезоточивых агентов (ирритантов), возглавляемая А.Грибовым, которого сменил затем профессор С.Смирнов. С этой лабораторией мне пришлось сотрудничать довольно долго. Я и мои сотрудники Б. Дубин и О.Голубева разработали методики определения микроконцентраций веществ CS и CR в различных средах, включая и методики определения в воздухе и воде, которые обеспечили успешный пуск опытно-промышленных установок для получения этих агентов. Мы разработали также и методики анализа прекурсоров указанных ирритантов.

Грибов был неплохим организатором, но не был исследователем. Тем не менее, он умел использовать хорошие способности своих подчинённых, среди которых особо выделялся С.Смирнов, специализировавшийся в области отработки технологий нитрильных производных ряда органических соединений.

Начав с разработки технологии получения цианистого аллила – мономера для получения высокопрочных резин, Смирнов в дальнейшем разработал также технологию получения малонодинитрила – одного из основных прекурсоров орто-хлорбензиледенмалонодинитрила, который известен как химический агент CS.

На территории института целых пять лет работала опытная установка по разработки технологии получения вещества CS. Затем аналогичная установка была открыта на опытном заводе Вольского филиала ГСНИИОХТ. Несмотря на большие усилия, освоение технологии производства малонодинитрила там шло с большим трудом.

Шёл 1978 год, приближался срок пуска крупного цеха по производству вещества CS на Новочебоксарском химическом комбинате. Однако к этому времени в филиале не было произведено нужного для этого количества малонодинитрила. Причинами этого были недостаточная квалификация персонала установки и отсутствие соответствующего оборудования. Если орто-хлорбензальдегид, другой прекурсор вещества CS, произведенный во Франции, был куплен в Турции, то проблема с малонодинитрилом повисла в воздухе.

Директор филиала ГСНИИОХТ, Петрунин решил эту сложную задачу просто. Он приказал остановить на несколько месяцев все научно-исследовательские лаборатории, и всем научным сотрудникам немедленно синтезировать в стеклянных колбах злостный прекурсор. Конечно, в условиях дешёвого человеческого труда такой "выход" из положения был неоригинальным, но действенным. Так что к моменту пуска цеха в Новочебоксарске малонодинитрил туда был доставлен своевременно.

Пуском цеха руководили заместитель директора по научной работе Костикин и заместитель начальника управления "Оргсинтез" Габов.

Хотя я со своими сотрудниками не имел никаких проблем при анализе воздушных проб в рабочих помещениях, дело не обошлось без горячих споров по результатам анализа воздуха в незащищенных местах.

Когда мы обнаружили значительные концентрации в коридоре, ведущем из цеха в его аналитическую лабораторию, наша находка вызвала неудовольствие всех начальников. Дело в том, что эти помещения уже не считались находящимися под воздействием конечного продукта. "Этого не может быть!" – восклицали мои оппоненты. Такая ситуация была для меня не нова. Во время работы установки по разработке технологии получения вещества CS в ГСНИИОХТ мне приходилось не раз крупно спорить по этому поводу с главным инженером опытного завода Жаковым.

В Новочебоксарске мне удалось экспериментально доказать, что причиной отравления коридора цеха было транспортировка вещества CS на одежде людей, посетивших аппаратные помещения цеха.

...Смирнов, который был автором технологии цеха в Новочебоксарске, отличался весьма непривлекательными чертами характера, среди которых "стукачество" было не самым худшим.

Если среди научных сотрудников он мог это проделывать безнаказанно, то, когда он стал начальником важного научно-технического отдела, подобная практика привела к его быстрому изгнанию с этого поста.

Долгое время в ГСНИИОХТ существовал специальный отдел РП, занимающийся радиационной химией и переработкой радиоактивных отходов. Отдел явно находился в диссонансе с основной тематикой института. Но его начальник Богданов, пользуясь поддержкой известных в стране физиков-атомщиков, добился практически автономного положения и демонстративно ездил на международные конференции, что было для закрытого "почтового ящика" нонсенсом. И совсем ошеломляющим стало известие о том, что Богданов стал лауреатом Ленинской премии за разработку и внедрение в промышленность метода остеклования радиоактивных отходов.

Кандидаты технических наук О.Плющ и В.Дмитриев, проработавшие долгое время с Богдановым, рассказали мне, как тот сделался обладателем такой престижной премии.

Сотрудники отдела РП и его начальник проводили совместные работы с предприятиями минатомы, расположенными на Урале. В одну из командировок на атомном предприятии местные специалисты рассказали москвичам о своих разработках и пожаловались на то, что они не могут их реализовать. Ушлый Богданов понял сразу, что перед ним

неплохой улов. Он тут же предложил свою помощь, пообещав организовать получение Ленинской премии в обмен на включение своей фамилии в список кандидатов. Уральцам деваться было некуда и они согласились. Благодаря своим связям, Богданов "пробил" Ленинскую премию без большого труда.

После скоропостижной смерти Н.Богданова в 1973 году директор института Мартынов добился расформирования отдела. А его сотрудников перевели на разработку методов полигонных испытаний перспективных отравляющих веществ и собственно проведение этих испытаний. Начальником нового отдела под шифром "Р" был назначен бывший заместитель директора по научной работе Михаил Куликов, курировавший до этого филиалы ГСНИИОХТ.

На своём прежнем посту Куликов отличался весьма оригинальной манерой руководства.

К примеру, его любимым занятием при посещении Вольского филиала было проведение учений по тушению пожара. По всему филиалу и посёлку объявлялась тревога и люди целый день тушили пожар.

М.Куликов был заместителем директора и во время Второй мировой войны. В кругу сопровождавших его в командировке людей он любил рассказывать различные истории из своей богатой на события жизни.

"Вы знаете, я облапошил самого Берия ", – начинал всякий раз он свой рассказ. ГСНИИОХТ в годы войны выполнял важное правительственное задание по разработке органического стекла для бронеколпака самолёта. Выпускавшийся по технологии института бронеколпак оказался непрочным и его легко пробивали пулеметы немецких истребителей.

Скоро весь институт затрепетал – пришло сообщение, что для "беседы" с руководством института приезжает сам Берия. В специальном помещении тотчас выставили все образцы бронеколпаков, включая американские и немецкие. В назначенный день в институт прибыл Берия и тут устроил испытание этих изделий. Сопровождавший его офицер достал из кобуры пистолет и стал расстреливать все выставленные образцы. Немецкий и американский образцы остались неповреждёнными, в то время как наши были изрешечены насквозь.

"Сколько времени вам нужно, чтобы исправить брак?" – грозно спросил шеф НКВД. Куликов ответил, что через полгода институт исправит положение.

"Буду здесь ровно через три месяца!" – сказал в ответ Л.Берия.

Последствия следующего визита Берии были предсказуемы: все, кто имеет отношение к этой проблеме, неминуемо будут расстреляны, поскольку за три месяца разработать что-либо серьёзное вряд ли удастся. Куликов пошёл на отчаянный шаг. Действительно, через три месяца, точно день в день, как и обещал, Берия снова прибыл в институт и отправился в помещение с образцами стекла. Повторилась знакомая картина "испытания". Но результаты были поразительными: все образцы, включая институтские, были пуленепробиваемыми. Берия не проявил никакой реакции и лишь спросил, сколько времени необходимо для начала производства этих образцов. Куликов ответил, что для этого достаточно шести месяцев. Берия дал на все про все четыре месяца и все почувствовали, что гроза миновала.

Но никто и не догадывался, что Куликов на самом деле просто выставил для испытания оамериканские образцы стекла, предварительно сняв с них товарные знаки.

А дальше дело пошло вовсе легко. Скоро поставки американского стекла были налажены в масштабах, достаточных для покрытия нужд самолётостроения. Положение с производством прочного стекла на советском заводе тоже стало поправляться, но только спустя год. Однако смекалка Куликова сохранила жизни и ему самому, и многим другим.

Надо отдать должное Куликову – он в кратчайшие сроки сумел найти нужных людей и организовать работу в новом отделе. Для начала он пригласил на переобучение людей крупного специалиста профессора Военной Академии химической защиты генерала Баранаева. Этот генерал отличался своими глубокими проработками в области массо-переноса веществ в атмосфере под воздействием различных факторов. Ещё в тридцатые годы он разработал методы математического моделирования этих

процессов, применив так называемые критерии подобия. Я неоднократно пользовался выведенными им формулами для расчёта концентрации паров отравляющих веществ во время обдува их потоками воздуха при различных скоростях, температуре, влажности.

Не было случая, когда мои экспериментальные результаты не согласовались бы с теоретическими, полученными по методам Баранаева.

Удивительно скромный и доступный, генерал легко мог объяснить практически все затруднения, которые возникали при физико-химических исследованиях. О нём в ГСНИИОХТ ходила легенда, что ещё в 30-ые годы, когда за малейшее подозрение в политической неблагонадёжности старые специалисты отовсюду изгонялись, Баранаев не скрывал, что верит в бога и даже продолжал посещать церковь. Думаю, что яркий талант и удивительные личные качества генерала заставляли начальников всячески беречь его, поскольку он действительно был незаменим.

Начальник лаборатории этого отдела, полковник в отставке Костенко был реалистом с заметной долей критичности ко всей отрасли военной химии. Он знал всю подноготную военно-химического комплекса и не скрывал своего пессимистического отношения к его перспективам. Геннадий Иванович был первым человеком, который заставил меня впервые критически взглянуть на проблему разработки и испытания отравляющих веществ в СССР.

Мы вместе с ним часто ездили в командировки на Шиханский полигон. Обычно добирались поездом до Саратова, затем плыли по Волге до Вольска на пароходе или катере на подводных крыльях. Времени у нас было много и в долгих наших разговорах Костенко постепенно раскрывал мне "секреты" химического вооружения в СССР.

Летом 1978 года мы в очередной раз плыли на старом пароходе "Азин" (один из героев гражданской войны). Под шум гребного колеса тяжело пыхтящего парохода Геннадий Иванович терпеливо объяснял мне, что химическое оружие является абсолютным анахронизмом в военном деле. Он подтвердил слова Дрозда о том, что это оружие не применялось на учениях даже в масштабах корпуса. Не был отработан ни один конкретный вопрос его практического применения. Про медицинскую сторону проблемы не приходится и говорить, поскольку для лечения от возможного поражения химическим оружием нет ни специализированных госпиталей, ни врачей-специалистов. Потрясённый услышанным, я спросил: "Зачем тогда всё это делается? Ведь мы тратим огромные средства на разработку, испытания и производства химического оружия. Знают ли обо всём этом высшие военные чины СССР?"

"Конечно, знают. И презирают военных химиков", – таков был ответ Геннадия Ивановича. Он рассказал, как много суетился начальник химических войск генерал-полковник Пикалов, чтобы ему присвоили звание маршала химических войск. В ответ высшие военные чины с усмешкой отвечали, что они могли бы сделать Пикалова маршалом, да где же взять эти самые химические войска? Действительно, самым крупным военным формированием был отдельный химический батальон или, как исключение, полк. А вот так нужного генералу корпуса не существовало, и о его создании не было даже речи.

"Химическое оружие и его проблема в СССР – это большая кормушка для военных и гражданских генералов", – заключил мой собеседник.

Тем не менее, Костенко, как ни в чем не бывало, продолжал, так же как и я, старательно выполнять свои обязанности. У Геннадия Ивановича были широкие связи среди бывших сослуживцев и он легко решал любые организационные вопросы, связанные с предстоящим испытанием очередной разработки ГСНИИОХТ. Здесь же ему было знакомо настолько, что он даже во время отпуска продолжал ездить в Шиханы, чтобы собирать грибы в окрестных лесах и рыбачить на Волге. В Шиханах он и скончался. В один из отпусков Геннадий Иванович поранил руку, рана воспалилась. Он обратился в Шиханский военный госпиталь, но то ли он пришел к медикам слишком поздно, то ли они оказались недостаточно профессиональными... Рана перешла в гангрену и Костенко в течение нескольких дней скончался.

В 1984 году отдел возглавил Н. Кузнецов, ведущий конструктор НПО "Базальт". Это научно-производственное объединение было в СССР основным проектантом боеприпасов

с боевыми химическими отравляющими веществами. Приглашавшие его на работу бывший директор ГСНИИОХТ Патрушев и его первый заместитель Гуськов намеревались придать работе отдела более целенаправленный характер, а также занять в институте человека, который бы мог бы лоббировать разработки института в НПО "Базальт". Но Кузнецов их ожиданий не оправдал, поскольку являл собой образец технического бюрократа, весьма слабо владеющего знаниями, которые необходимы для работы в таком отделе. Сотрудники его отдела утверждали, что их начальник ничего не смыслит в химии, возможно, даже не знает формулу бензола... Но зато он мог, когда нужно, с помощью своих чисто авторитарных методов руководства, выжать из каждого своего подчинённого все соки для получения необходимого результата. По-видимому, именно из-за этого новый директор ГСНИИОХТ Петрунин скоро назначил Кузнецова своим заместителем.

В 1991 году ГСНИИОХТ с его Вольским филиалом, взяв за основу старую идею, в своё время не реализованную коллективом во главе с Гуськовым, успешно завершили испытания бинарного оружия. В этом была немалая заслуга людей из отдела Кузнецова. Они поняли, что неудача Гуськова была в том, что бинарный вариант испытывался тогда на примере авиационной бомбы, сбрасываемой с небольшой высоты. Такой способ доставки ОВ оставлял слишком мало времени для полного перемешивания обоих компонентов бинара. Следовательно, необходимо было интенсифицировать процесс. Для этого вариант со снарядом или ракетой подходил гораздо больше. Но сказать легче, чем сделать. Но связи с военными конструкторами сделали свое дело. Куйбышевское специальное конструкторское бюро помогли достигнуть положительных результатов.

Зелье А-230

Особое место в ГСНИИОХТ занимает отдел медико-биологических исследований МБ, который по своей численности и занимаемой площади представляет собой практически самостоятельный научно-исследовательский институт.

Расцвет отдела пришёлся на то время, когда им стал руководить выпускник Военно-медицинской Академии, полковник в отставке Патрушев. Этот человек обладал исключительной целеустремлённостью и доходившей до самоотверженности старательностью. Он как никто другой умел подбирать для своей работы кадры. В отделе МБ в основном проводились испытания всех вновь синтезированных отравляющих веществ на подопытных животных – собаках, белых мышках и кроликах. Испытываемое вещество для определения его активности в различных количествах вводилось в организм животного. Для определения так называемой ингаляционной токсичности в камерах с животными создавались концентрации испытываемого вещества в паровом или аэрозольном состоянии. Изучалось также распределение отравляющих веществ в организме животного.

Все эти работы были связаны с риском для работающих, поскольку они оперировали большими концентрациями отравляющих веществ, в особенности, при изучении ингаляционной токсичности.

Старательный Патрушев добился, что новое большое здание для его отдела построили в первую очередь. Это не могло произойти без особой поддержки со стороны крупного начальства на уровне ЦК КПСС. Поэтому многие завидовали ему черной завистью, но Патрушев оставался неуязвимым и казалось, что он со своим отделом вот-вот выделится из ГСНИИОХТ. Но не всем его проектам было суждено сбыться. В 1979 году Патрушев неожиданно стал директором ГСНИИОХТ, и отдел МБ имел тогда уже три самостоятельных подразделения: две лаборатории и сектор.

Поскольку уход Мартынова с поста директора после получения им практически всех наград и чинов, какие только в то время существовали, представлялся естественным ходом событий, то и борьба за директорское кресло развивалась заблаговременно и протекала в весьма острой форме. Естественным, первым кандидатом на этот пост был Гуськов, который имел хорошую поддержку в лице заместителя министра Голубкова, курировавшего в то время проблему химического оружия в министерстве. Но

Патрушева поддерживали силы в могущественном ЦК КПСС и это предопределило исход борьбы.

Все недоумевали, поскольку никто не замечал за Патрушевым таких мощных связей. Но стремительный взлёт в развитии отдела МБ и строительство крупного здания для него не могли произойти сами по себе. Уже потом некоторые осведомлённые люди рассказывали, что жена Патрушева, которая была хорошим врачом, состояла в родственных связях с членом Политбюро ЦК КПСС и первым секретарём Московского комитета коммунистической партии Гришиным.

Не могу однозначно оценивать работу Григория Афанасьевича на должности директора. Не исключено, что положительного в ней было больше, чем отрицательного.

Но как он изменился на этой должности! Уже через год Патрушев стал раздражительным и нетерпеливым администратором. Возможно, причиной этому была негласная оппозиция всех химиков, относящихся с долей пренебрежения к Патрушеву, врачу по профессии. Большинство начальников отдела симпатизировали Гуськову, и его поражение в борьбе за пост директора воспринимало как тревожный симптом для своей карьеры. Но лично мне приход Патрушева на директорский пост был по душе. Во-первых, я знал его как крупного специалиста, во-вторых, он с сочувствием относился к моей затянувшейся борьбе за свою докторскую работу, которую я не мог даже вынести на обсуждение из-за обструкции, устроенной моим начальником. Однако, когда я пришёл к нему за разрешением для перехода в одну из синтетических лабораторий, Григорий Афанасьевич отказал мне, мотивируя отказ тем, что там я могу "затеряться". Разумеется, я и не ожидал, что, став директором, он тут же будет решать все мои проблемы. В конце концов, как директор, он мог проявлять известную доли жёсткости.

Но в любом случае я благодарен ему за то, что когда искренне сочувствующие мне профессора Владимир Константинович Курочкин и Семён Соломонович Дубов пригласили меня к себе в физико-химический отдел, то он легко дал разрешение на переход. Здесь мне пришлось выполнять ответственное задание директора – проводить анализы проб межведомственных испытаний нового отравляющего вещества А-230. Хотя это вещество, разработанное Пётром Кирпичёвым в Вольском филиале, показал себя с весьма перспективной стороны, но военные не пропускали его для дальнейших проработок.

Поскольку дальнейшая судьба А-230 практически всецело зависела от военных, Патрушев добился, чтобы в 1981 году были проведены окончательные лабораторные медико-биологические испытания в присутствии межведомственной комиссии, состоящей из представителей Военной Академии химической защиты, войсковой части 61469, УНХВ и ГСНИИОХТ.

Испытания проходили в отделе МБ. Пробы растворителей, через которые пропускался определённый объём воздуха из камер с животными, доставлялись в присутствии сопровождающего военного из Шихан в мою комнату. Здесь я вместе с моим помощником их анализировал на американском хроматографе Varian 3700 с термоионным детектором. Через две недели напряжённой работы испытания закончились с положительным для ГСНИИОХТ результатом.

Патрушев, при всех своих положительных чертах, слепо верил в идеалы коммунизма. Кроме того, он порой бывал слишком мелочным и, если ему кто-либо не нравился, то Патрушев не мог остановиться перед искушением преследовать его по самым жестоким правилам советской бюрократии.

Неуравновешенность Патрушева во многом была вызвана его неуверенностью в своем положении. К нему крайне холодно относился заместитель министра химической промышленности Голубков, вопреки желанию которого Патрушев возглавил институт. Если представлялась возможность каким-то образом уязвить директора, замминистра никогда не упускал случая. Поэтому Патрушеву приходилось делать всё, чтобы не вызывать лишний раз недовольство капризного сановника. Но настоящая опасность грозила ему совсем с другой стороны. Патрушев в конце концов стал жертвой неуважительного отношения к себе.

В конце 1983 года он заболел свирепствовавшим тогда в Москве гриппом. Несмотря на то, что у него была температура, Патрушев поехал на одно из многочисленных совещаний, устраиваемых Голубковым. В результате директор ГСНИИОХТ получил сильное осложнение своей болезни, которое закончилось воспалением лимфатической железы. Оно, в свою очередь, перешло в скором времени в злокачественную опухоль. Интенсивное лечение Патрушеву уже не помогло и он скончался в 1984 году. На место начальника отдела МБ был назначен В.Зорян, который был постоянным председателем комиссии парткома по характеристикам. При любой переаттестации и защите диссертаций, при назначении на должность, требовалась характеристика, которая должна была быть подписана секретарём парткома. При этом не имело значения, является характеризующим членом КПСС или нет. Этим ответственным делом с превеликим удовольствием занимался профессор Зорян. Он же был членом постоянно действующей технической комиссии и в конце концов оказался среди тех, кто подписал заключение о моей виновности в разглашении государственной тайны. Ни на минуту не сомневаюсь, что он мог бы с такой же услужливостью подписать и смертный приговор любому своему коллеге, который попал бы в жернова чекистской машины.

Значительное место в масштабе работ ГСНИИОХТ занимал отдел Д, разрабатывающий методы дегазации отравляющих веществ. Согласно правилам, все инструкции по техники безопасности должны были пересматриваться и утверждаться заново каждые пять лет. Инструкции, кроме правил безопасной работы и мер первой помощи пострадавшим, содержали методы дегазации отравляющих веществ и проверки полноты дегазации.

Как и все сотрудники, я верил, что методы дегазации, приведённые в этих инструкциях не подлежат сомнению. Но однажды я все-таки усомнился и во внеплановом порядке стал исследовать их дееспособность. Потом пожалел, что сделал это слишком поздно...

Ещё в середине 70-х годов отдел "Д" был реорганизован. Его работе хотели придать большую целеустремлённость и результативность. Начальником отдела и одной из его лабораторий стал подполковник в отставке, бывший страший научный сотрудник ЦНИВТИ Г.Дрель. Начальником другой лаборатории стал мой хороший знакомый полковник в отставке И.Ямалеев.

Я сотрудничал с лабораторией Г.Дреля в области освоения хроматографических методов анализа. По моему совету для этой лаборатории приобрели хорошую американскую аппаратуру. К сожалению, она так и не смогла дать ожидаемой отдачи из-за косности начальника отдела. Дрель отличался жестокостью по отношению к своим сотрудникам, и считал, что они всегда норовят как-нибудь нарушить правила техники безопасности. А потому виноваты во всех авариях, которые нередко случались в его отделе.

От Дреля при этом его отношении к людям можно было ожидать чего угодно. Сам он, как ни парадоксально, отличался крайне легкомысленным отношением к технике безопасности. По свидетельству старшего научного сотрудника Сергея Давыдова, Дрель даже заставлял людей работать с ипритом без защиты и нюхать его пары для того, чтобы они запомнили этот запах...

На мой взгляд, наиболее способным учёным в отделе Д был кандидат технических наук Николай Остапчук. Он впервые в институте организовал исследования и вполне успешно для того времени разработал ряд методов уничтожения запасов химического оружия.

Остапчук предложил двуступенчатые методы уничтожения вещества "33", зомана и зарина. Эти методы страдали рядом недостатков, но при правильной организации технологического процесса, в особенности на стадии сжигания, они вполне могли быть основой для более совершенной и безопасной технологии уничтожения запасов химического оружия. Главное при этой технологии – резкое снижение общей токсичности и перевод отравляющего вещества в небоевое состояние на первой стадии. Вещество "33" по этому методу разрушается путем смешения с избыточным количеством ортофосфорной кислоты в этиленгликоле и выдерживается в течение нескольких часов при повышенной температуре.

Для нейтрализации зомана и зарина на первой стадии используется этаноламин в этилцеллозольве. Оба процесса позволяют снизить концентрации отравляющих веществ до сотых процентов. Однако, было большой ошибкой считать, что первая стадия может дать безопасный продукт дегазации, как первоначально полагали авторы метода, среди которых, кроме Остапчука был еще и Гуськов.

К сожалению, Остапчук скоропостижно скончался ещё задолго до начала реализации его технологии. Пришедший на его место В.Шелученко не был специалистом в этой области и поэтому он ничего существенного не внёс в развитие технологии уничтожения ОВ. Хотя он немного поработал по строительству и пуску завода по уничтожению запасов химического оружия в Чапаевске, но та техническая политика, которая была заложена в основу всего процесса, не позволила ни ему, ни его начальникам отстоять завод для его пуска перед протестующими жителями города в 1989 году.

Слишком безответственной была деятельность военно-химического комплекса в этом городе. По вине ВХК практически каждый коренной житель Чапаевска потерял кого-либо из своих близких за то время, что здесь работал завод по выпуску иприта и льюизита.

На первых порах на Чапаевском заводе не было предусмотрено окончательное сжигание продуктов нейтрализации отравляющих веществ. Такой цех собирались построить и запустить на второй стадии пуска. Поэтому вся технология сводилась к нейтрализации отравляющих веществ до уровня токсичности, классифицируемой как обычные ядовитые вещества, используемые в химической промышленности. Затем продукты нейтрализации предполагалось смешение с дизельным топливом и перевозка по железной дороге в Вольский филиал, где работала очень примитивная установка для сжигания. Там никаких фильтров для улавливания продуктов сжигания не было и в помине.

Но это никого не волновало – на перевозку и сжигание было получено согласие 3-го Управления министерства здравоохранения, ведающего вопросами классификации токсичности химических продуктов в СССР.

С уверенностью пишу об этом потому, что в 1988 году ко мне, как к начальнику отдела противодействия иностранным техническим разведкам, пришёл бывший главный инженер ГСНИИОХТ В.Жаков. Он в то время работал старшим научным сотрудником в инженерном отделе. Жаков просил моего согласия на перевозку продуктов дегазации из Чапаевска в Вольск по железной дороге. Перевозка должна была осуществляться на так называемых литерных поездах со специальной охраной. Естественно, это вызывало дополнительные расходы. К тому же, требовались серьезные гарантии безопасной транспортировки, что, естественно, зависело от технического состояния железной дороги.

Я завизировал документ, принесенный Жаковым. Но реализация этого проекта задержалась из-за позиции упомянутого 3-го Управления, которое требовало, чтобы уровень остаточного содержания отравляющих веществ после нейтрализации был не выше одной десятитысячной миллиграмма на миллилитр. Это требование, хотя и было значительной уступкой разработчикам процесса, но все же создавало большие трудности. Поэтому были срочно организованы работы по улучшению показателей процесса.

Для этого требовался надёжный газохроматографический анализ и К.Гуськов обратился за помощью ко мне. В это время в моём отделе, кроме меня, специалистов по хроматографии практически не было. Да и располагал я лишь одним современным газовым хроматографом Varian 3700. Заместитель директора пообещал, что постарается удовлетворить любую мою просьбу по усилению отдела квалифицированными кадрами.

Все мои просьбы действительно были удовлетворены. Я, откровенно говоря, потом немало жалел, что поскромничал – мог попросить гораздо больше. Но я был рад, что вновь начал сотрудничать с моим хорошим помощником, квалифицированным и опытным специалистом Ольгой Дмитриевной Голубевой (Кульбеда). С ней я проработал в общей сложности более 18 лет.

Первые же пробы продуктов нейтрализации вещества "33" показали повышенное содержание остаточных количеств. В дальнейшем его так и не удалось снизить путем изменения параметров процесса. Разумеется, при таких показателях 3-е Управление не могло разрешить провоз дегазата из Чапевска в Вольск.

...Здесь я хотел бы несколько отвлечься и рассказать о Чапаевском заводе с точки зрения возможности заражения им окружающей среды.

В то время совершенно не была решена задача очистки воздуха, выбрасываемого в атмосферу через вентиляцию из производственных помещений. Я не уверен, что эта задача решена сегодня. Для очистки этого воздуха не может быть использован активный уголь, поскольку он является горючим материалом. К каким последствиям может привести пожар на таком заводе, не стоит и говорить.

Именно по этой причине вытяжная вентиляция ГСНИИОХТ не была обеспечена фильтрующими устройствами и воздух из производственных и лабораторных помещений выбрасывался в атмосферу без всякой очистки. Эту проблему не раз пытались решить, применяя неорганические адсорбенты. В частности, с идеей использования для этой цели оксида алюминия долгое время носился старший научный сотрудник отдела Д.Аборкин. Он имел весьма туманные представления об основах адсорбции, но все же сумел привлечь к своей идее внимание К.Гуськова и заместителя министра химической промышленности С.Голубкова. С присущей ему настырностью он начал реализовать свой проект адсорбера в цехе 34 Волгоградского производственного объединения "Химпром", производившего зоман.

Когда в 1984 году я посетил этот цех, мне показали валявшийся на улице большой адсорбер, в котором оксид алюминия превратился в монолит, совершенно не пропускающий воздух. Это был наглядный урок по основам адсорбции для незадачливых рационализаторов. Но Аборкин к тому времени уже успел получить крупное денежное вознаграждение за свое "изобретение".

Вернувшись в Москву, я решил проверить этот адсорбент более основательно. В результате выяснилось, что в нём зоман после адсорбции может существовать в неразрушенном виде неопределённо долгое время...

Бывая в командировках в Волгоградском филиале и Волгоградском институте токсикологии и профпатологии, здания которых в свое время находились на территории ВПО "Химпром", я не раз вместе с сотрудниками этих учреждений подвергался хлорным атакам. В помещениях порой трудно было видеть друг друга, настолько была сильной загазованность. Спасал лишь противогаз, который здесь выдавался каждому приезжему, чтобы тот носил его постоянно при себе, сдавая лишь при уходе из территории объединения. Газовый атаки этого завода чувствовались даже на довольно большом расстоянии. Помню, в один из моих первых приездов в Волгоград нас поселили в рабочем посёлке Бекетовка, находящемся в 7 километрах от ВПО "Химпром". Среди ночи (дело было летом) мы проснулись от удушья и сразу поняли по запаху, что нас травят хлором. Нам пришлось закрыть все окна и завесить их увлажненными простынями и одеялами.

Жители посёлка и других населенных пунктов, находящихся по соседству с заводом, могли более или менее нормально дышать лишь при смене ветра. Но если ветер дул с Волги, где находился завод, то это становилось подлинным бедствием. Даже в те застойные времена жители устраивали массовые акции протеста по этому поводу, но ощутимых результатов они так и не принесли. Разве что время от времени партийные руководители находили очередного козла отпущения, ничего существенного не меняя в действующей технологии...

Рассказывая о ГСНИИОХТ, не могу не сказать о лаборатории профессора А.Томилова, которая занималась вопросами электросинтеза органических соединений. Кроме технологического процесса получения пинаколилового спирта, необходимого для производства зомана, Томилов разработал оригинальные методы получения тетраэтилсвинца, адиподинитрила и других веществ. За первую работу профессор был награжден Ленинской премией.

Моя группа долгое время сотрудничала с этой лабораторией, разрабатывая для нее различные газохроматографические методы анализа.

Томилов – один из талантливых учёных, фанатически преданных науке. При встречах с ним у меня создавалось впечатление, что его мало интересует любые вопросы, не касающиеся непосредственно его исследований. Добрый и благожелательный, он был всегда готов помочь любому желающему трудиться на ниве науки. Ко мне Томилов всегда относился с симпатией, и я искренне благодарен ему за дружескую поддержку в ходе подготовки и защиты моей докторской диссертации.

Однако дирекция ГСНИИОХТ всегда воспринимала Томилова как некое чужеродное тело. при каждом удобном случае профессора притесняли. Кажется, Томилова все эти уколы мало трогали и он, как ни в чём не бывало, продолжал свои исследования. Он написал множество монографий и учебников по проблемам электрохимического синтеза органических соединений.

Когда это потребовалось, Андрей Петрович создал оригинальный метод электрохимического получения мышьяка высокой чистоты из окислов мышьяка – продуктов щелочного гидролиза льюизита. До его опытов научные данные свидетельствовали о том, что электрохимические процессы разложения органических соединений элементов пятой группы периодической таблицы должны идти в другом направлении. Недостаточная безопасность первой стадии (щелочной гидролиз льюизита) была спорной, но мне все же кажется, что здесь российские химики во главе с Томиловым могли бы рассчитывать на большую доброжелательность со стороны западных специалистов для поддержки прогрессивных веяний в военно-химическом комплексе.

Особое место в ГСНИИОХТ занимал один из его крупных подразделений – отдел Б, занятый проектированием и испытанием промышленных установок для наполнения боевых снарядов, мин, бомб и ракет отравляющими веществами. Насколько мне известно, отдел успешно справлялся с этой задачей и обеспечивал все действующие промышленные и опытно-промышленные установки соответствующим оборудованием. Долгое время отдел возглавлял Фомичёв, который мне запомнился как высокий, тощий и ужасно бледный седой мужчина, непрерывно курящий папиросу за папиросой, прикуривая свежую от только что сторевшей.

После его смерти начальником стал бывший заместитель Николай Звёздкин, но он проработал на своей должности недолго и скоропостижно скончался после того, как его сына-милиционера застрелили бандиты.

Работники этого отдела не могли получать надбавку к зарплате за вредность и поэтому им приходилось ездить в долгосрочные командировки на заводы, выпускающие химическое оружие – только таким образом они могли решить материальный вопрос. Вообще, вокруг надбавки за вредность в институте были возникали проблемы. Человек, постоянно работающий с конечными веществами, то он получал надбавку в размере 55 процентов от оклада. Но если с научными сотрудниками, занятыми синтезом новых видов отравляющих веществ, или их медико-биологическими исследованием вопрос о надбавке был ясен, то когда дело касалось людей, занятых вспомогательными работами, например, аналитиков и физико-химиков, возникали большие трения. Эти люди, как правило, получали надбавку за вредность в размере не выше 33 процентов, да и то, если были лаборантами или младшими научными сотрудниками. А для старших научных сотрудников и выше начинала действовать шкала поправочных коэффициентов, снижающая первоначальный размер надбавки. Чтобы получить надбавку, каждый работник должен был набрать определенное количество дней, когда он работал с отравляющими веществами. Все то должно было фиксироваться в рабочих журналах.

Время от времени специальная комиссия проверяла отделы на этот предмет и громогласно наказывала их начальников за упущения. А тех, кто, по мнению комиссии, получал надбавку незаслуженно, ее лишали. Таким образом, дело в основном сводилось к ведению формальных записей. Часто в институте можно было наблюдать научных сотрудников, лихорадочно, задним числом, заполняющих рабочие журналы накануне прихода упомянутой комиссии. Надбавка за вредность была предметом манипуляций со стороны дирекции и начальников отделов и лабораторий. Этот вопрос позволял им держать своих подчиненных в постоянном страхе.

Работники ГСНИИОХТ, занятые на работах с отравляющими веществами, имели льготное право ухода на пенсию по старости: женщины, достигшие 45 лет и проработавшие к этому моменту на вредных участках не менее 8 лет. Мужчины могли становиться пенсионерами после 50 лет, имея "вредный стаж" не менее 10 лет. Каждый получающий вредность работник имел ежегодный оплачиваемый отпуск в размере 36 рабочих дней. Практически все желающие могли поехать отдыхать бесплатно во ведомственный санаторий в Ялту на Чёрном море. Нередко этими льготами пользовались нужные директору и его заместителям люди, их родственники. Среди них была и сноха заместителя министра химической промышленности Голубкова.

"Супермен" Мартынов

Мой рассказ о ГСНИИОХТ был бы неполным, если бы я не остановился на работе его опытного завода. Он играл существенную роль в разработке и испытании технологий получения многих видов боевых отравляющих веществ. Здесь были испытаны буквально все процессы производства этих соединений, включая и их прекурсоры. Если до Второй мировой войны и еще несколько лет после окончания здесь производили в промышленных масштабах иприт и льюизит, то затем завод перешёл на отработку технологий.

Когда я впервые пришёл на работу в ГСНИИОХТ, на этом заводе работали опытные установки по получению окиси этилена, окиси пропилена, этиленсульфида, диэтиламиномеркаптана, вещества "33", фторированных жидкостей и др. Через несколько лет установку по получению вещества "33" закрыли, но вместо неё начали работать установки по производству веществ CS и CR.

В штате опытного завода насчитывалось более 800 работников, и он имел своего главного инженера, подчинявшегося директору ГСНИИОХТ.

Опытные установки располагались в мрачных зданиях постройки XIX века и производили угнетающее впечатление. Над грязными крышами этих зданий, покрытых чёрным битумом, постоянно висел белый пар. А свистящий звук вырывающегося из многочисленных труб сжатого воздуха и какого-то неизвестного газа сопровождался отвратительным запахом, распространяемым из открытых дверей и полуразбитых окон. Внутри помещений и около дверей можно было заметить людей, одетых в грязные комбинезоны. На головах у них были белые колпаки. Относительно неплохая заработная плата и льготы все же привлекали людей на опытный завод, даже несмотря на тяжёлые условия труда. Эти же люди ездили на длительные командировки и участвовали в работах по пуску производств отравляющих веществ и их прекурсоров.

К опытному заводу относились многочисленные вспомогательные подразделения ГСНИИОХТ, включая склады химикатов и ОВ. Показатели работы опытного завода были чрезвычайно важны для дирекции и её многочисленных служб. Они получали ежеквартальную премию по заводу, а она была в несколько раз выше, чем в институте.

Кроме того, наличие в институте своего рабочего класса обеспечивало привилегированное положение директору в партийных комитетах. Он представлял этот класс, избираясь членом бюро райкома и участвуя на важных партийных конференциях. Одно время было принято демагогическое постановление ЦК КПСС, согласно которому интеллигент мог быть принят в партию только в случае, если его туда рекомендовали два представителя класса-гегемона.

Все попытки причислить лаборантов института к рабочему классу потерпели фиаско. Но без пролетариев никак нельзя было обойтись – иначе как стать членом партии для продвижения по служебной лестнице? Но если человек работал в лаборатории и занимал должность мастера, то он, будучи зачисленным в ряды рабочих, легко проходил в партию без всякой посторонней помощи.

Перед заседанием бюро райкома, на котором принимали в партию, специальная комиссия устраивала экзамен по истории партии и часто "заваливала" бедных

интеллигентов разными каверзными вопросами. Например, спрашивали, кто является генеральным секретарём коммунистической партии США или Франции. Но если там появлялся рабочий, пусть даже пьяница и лодырь, отношение к нему было куда более лояльным. Правда, когда одного нашего рабочего с опытного завода начали спрашивать, кто такие Карл Маркс, Фридрих Энгельс и другие вожди мирового коммунизма, пролетарий быстро пресек любопытство партийного служаки. "Что ты пристаёшь ко мне со своими друзьями? Ты лучше спроси меня про моих друзей!" – ничтоже сумняшеся посоветовал он.

Практически всё время моей работы в ГСНИИОХТ я имел дело с его опытными установками и аналитической лабораторией, поэтому был хорошо знаком с работой этих подразделений.

Долгое время главным инженером завода был отличающийся своей исключительной "красностью" Жаков. Но когда директором института стал Патрушев, то Жаков быстро был смещён со своего поста и заменён начальником проектно-конструкторского отдела завода В.Блиновым. Но и он недолго продержался на своем месте – его, в свою очередь, сменил Н.Власов, выпускник Военной Академии химической защиты, энергичный и агрессивный служака.

По сути дела, ГСНИИОХТ был научно-производственным комплексом, во главе которого стоял директор – доверенное лицо ЦК КПСС и начальника химических войск СССР. Мне кажется, что расцвет этого комплекса пришёлся на время директорства полковника в отставке, выпускника Военной Академии химической защиты Ивана Васильевича Мартынова.

Участия в войне Мартынов избежал весьма своеобразно – счастливым образом попал под лошадь в своей войсковой части и получил соответствующую справку о том, что для фронта он более не годен. Несмотря на такой "боевой" послужный список, его помощники представляли директора как заслуженного ветерана Великой Отечественной войны.

Травма, нанесенная лошадью, однако, не стала помехой для поступления Мартынова в Военную Академию. Окончив учёбу там, Мартынов служил в УНХВ, курируя работу ГСНИИОХТ. Это обстоятельство и стало решающим для карьеры тщеславного "вояки". Дело в том, что основным заказчиком работ ГСНИИОХТ выступало УНХВ. Оно формулировало технические задания на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. На основании этих заданий институту выделялись деньги. Для контроля за выполнением этих заданий в УНХВ существовал отдел военных научных специалистов и Учёный Совет во главе с заместителем начальника химических войск по научной работе. По-видимому, работа в качестве куратора Мартынова неплохо оценивалась в глазах этого отдела и он успешно мастерил свою служебную карьеру. Пользуясь поддержкой профессоров Л.Соборовского и С.Ивина, Мартынов защитил кандидатскую диссертацию. Вскоре после этого он вышел в отставку и пришёл работать в ГСНИИОХТ в качестве заместителя директора по научной работе.

Недолго поработав на этой должности, он был назначен директором вместо Д.Кутепова, который ушел на повышение, став заместителем министра химической промышленности.

Должности директора научно-исследовательского института и его заместителей были номенклатурными, которые должны были утверждаться ЦК КПСС. Сам институт находился под бдительным контролем Военно-промышленной комиссии (ВПК), возглавляемой одним из секретарей ЦК КПСС.

Энергичный, напористый и обладающий всеми качествами, необходимыми для руководства в командно-бюрократическом стиле, не терпящий малейшего проявления самостоятельности со стороны своих подчинённых, новый директор за короткое время перепрофилировал ГСНИИОХТ из многотемного института в монопрофильный, нацеленный исключительно на разработку и испытание новых видов химического оружия. Он добился ликвидации Дзержинского и Бориславского (Западная Украина) филиалов института, как не соответствующих направлению основных работ. Зато период организации и становления Вольского филиала (Шиханы) пришёлся на время директорства Мартынова.

То, что этот филиал со временем превратился в мощный центр по разработке химического оружия – безусловно, заслуга Мартынова. Вольский филиал ежегодно пополнялся выпускниками высших учебных заведений из Москвы, Ленинграда, Саратова, Волгограда и других городов.

Для этого филиала Мартынов добился обеспечения промышленными и продовольственными товарами прямо из Москвы. Неплохо было поставлено дело с предоставлением работникам квартир, что, в сочетании с относительно высоким заработком, привлекало на работу способную молодёжь.

Мартынов заставил работать практически весь ГСНИИОХТ на пуск и становление Новочебоксарского комбината по производству вещества "33" и CS. Правда, это совпало по времени с полным прекращением промышленного производства в США химического оружия. Но таково было типичное проявление двуличной политики КПСС. Мало того, в 1984 году всякое упоминание о разработке производстве химического оружия в СССР было изъято даже из тайных перечней государственных секретов. Получалось, что ГСНИИОХТ и другие учреждения военно-химического комплекса пребывали и пребывают вне закона.

Для Мартынова какие-либо моральные аспекты всегда значили очень мало. Среднего роста, немного смуглый, с темными волосами и решительным подбородком, выделяющимся на волевом лице, он напоминал мне киношных "прославленных" полководцев, которые выполняли гениальные указания Сталина по разгрому немецких армий. Мартынов явно подражал им без всякого стеснения. Да и сама дирекция напоминала тогда своими нравами военный штаб. Многие помощники Мартынова были вчерашними военными и с нескрываемым удовольствием выполняли роль штатских служаков. Когда кто-либо из учёных проявлял обычную "гражданскую" нечёткость или неловкость, директор без всякого стеснения его "громил", невзирая на присутствие при этом публики. Чувство юмора не было свойственно Мартынову, и он всё и всегда воспринимал слишком серьёзно и по-военному прямолинейно. Поэтому многие в своих целях старались настроить его на соответствующий лад. И если кто-то мог его в чём-то убедить, то переубедить его было уже почти невозможно. Как говорил профессор В.Курочкин, надо было попасть к директору на прием первым и настроить его соответствующим образом. Успех сопутствовал тому, кто раньше других прибегал к всеильному вельможе. "Супермен" – так характеризовал его мой однокурсник профессор Юрий Зейфман.

Мартынов по-барски тепло относился к людям из своего ближайшего окружения. Если кто-то однажды имел счастье "приблизиться" к нему, то он мог быть уверен в своей карьере. Директор обладал особым чутьем относительно новых веяний в работе синтетических лабораторий и немедленно создавал им "зелёный свет", если перед ними маячил успех. Этим, по видимому, объясняется то, что он поддерживал работы группы Кирпичёва в Вольском филиале ГСНИИОХТ.

Как только Мартынову стало известно об этих работах и их предварительных результатах (шёл 1973 год), он немедленно распорядился придать им высший статус секретности.

По свидетельству старшего инженера этой группы Владимира Углева (интервью еженедельнику "Новое время", № 6 за 1993 год) коллектив по распоряжению И.В.Мартынова обеспечили первоклассным оборудованием и обязали все отчёты немедленно отправлять в Москву в виде написанных от руки документов. В этом, оказалось, был дальний прицел директора не только из-за государственной важности работ, но и по причине личной заинтересованности.

Удивительно самолюбивый, Мартынов всячески завидовал любому из своих подчинённых, если тот, не дай бог, проявлял самостоятельность или был независим от него в своих контактах с высоким начальством из министерства или УНХВ. Все отношения и связи должны были устанавливаться и поддерживаться только через него. Поэтому такие специалисты, как Н.Богатков – Корсаков, А.Томилов, О.Дымонт, С.Варшавский с их известностью в высоких кругах были для него неприятными людьми и он не смог скрывать своего отрицательного к ним отношения.

Когда Мартынов за пуск Новочебоксарского комбината получил самую высшую награду СССР – звание Героя социалистического труда, он решил замахнуться на получение

звания академика. Благо, Совет Министров СССР к очередным выборам в АН СССР организовал для него специальную вакансию. Однако, несмотря на официальную поддержку, он не был избран. "Ни х... не организованная эта масса, эти академики, члены-корреспонденты", – сетовал его первый подручный, начальник научно-технического отдела полковник в отставке Ф.Горелов на "несознательность" выборщиков..

Фома, почти год занимавшийся проталкиванием своего шефа, сильно переживал неудачу хозяина. Видимо, он сильно промахнулся, посчитав, что поддержки в верхах верхов будет достаточно. Тем более, что Академия Наук, как правило, без особых проблем принимала в свои ряды правительственных кандидатов-директоров оборонных институтов. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Зато на следующих выборах Мартынов прошёл в члены-корреспонденты. Но для этого, конечно, его подручные поработали уже с учетом прежних ошибок. Часто можно было видеть, как к гостинице ГСНИИОХТ подкатывали на "Волгах" различные академики и члены-корреспонденты, чтобы принять участие в дружеских обедах с коньяком и икрой. Таким образом они убеждались в научных достоинствах директора...

Важным фактором для получения Мартыновым высокого научного звания было решение правительства о создании в АН СССР института для фундаментальных исследований в области химического оружия. В соответствии с используемым в системе ВХК для прикрытия термина "отравляющие вещества" шифром "физиологически активные вещества" (ФАВ), его называли институтом физиологически активных соединений (ИФАВ). Директором института был назначен Мартынов.

Но в новом институте, вопреки ожиданиям, он был несчастен от того, что в отличие от ГСНИИОХТ, где он был буквально монархом, здесь людей невозможно было заставить признать его величие. Научная молодёжь просто презирала своего директора за его "темноту", устроив негласный бойкот. Видя, что Мартынов совершенно не тянет свой новый воз, вице-президент АН СССР Ю.Овчинников устроил "крупный разговор" с ним, после чего наш герой быстро пошёл вниз и был заменен академиком Н.Зефировым.

Когда умер директор ГСНИИОХТ Патрушев, Мартынов попытался возвратиться в свое "родное" кресло. Но было уже слишком поздно.

Я ни в коей мере не злорадствую, просто испытываю удовлетворения от того, что Мартынов не смог превратить институт физиологически-активных соединений АН СССР в подобие ГСНИИОХТ. Причиной провала Мартынова была не только его научная бездарность, но и отвращение научной молодёжи к предложенным им "спецтемам". Люди там были привержены демократическим идеалам – об этом говорит реакция ряда известных ученых на просьбу моего адвоката стать экспертами по моему "делу" после того, как московский городской суд в 1994 году отправил его на дополнительное расследование. Среди тех, кто дал согласие участвовать в возможной экспертизе, были директор ИФАВ РАН академик Н.Зефиров и вице-президент РАН О.Нефёдов.

Волга – великая химическая река

В 1966 году я впервые побывал в Волгоградском и Вольском филиалах ГСНИИОХТ. Волгоградский филиал тогда размещался на территории химического завода имени Кирова (затем переименованного в научно-производственное объединение НПО "Химпром"), и имел весьма жалкий вид. Он обслуживал тогда цех 34 завода и мало что делал самостоятельно. Отсутствие квалифицированных кадров тормозило становление этого научного учреждения. К тому же, его директорами становились часто меняющиеся креатуры местных партийных органов, имеющие весьма слабое представление о специфике научно-исследовательского института.

А Вольский филиал, несмотря на то, что размещался в ту пору в бывших военных казармах, благодаря энтузиазму молодых способных кадров стремительно прогрессировал. Было приятно видеть одержимых наукой ребят, которые вынашивали

самые смелые планы. Там я познакомился с ещё совсем молодым заместителем директора по научной работе Виктором Петруниным.

Он быстро понял, что его карьера во многом зависит от того, как он будет встречать своих начальников из Москвы. И Петрунин трудился вовсю, всячески ублажая гостей, устраивая им поездки на Волгу, где в бывшем имении графа Шереметьева можно было хорошо порезвиться. Такие мероприятия и самого Петрунина тянули подобно магниту, поскольку он всегда любил крепко выпить и при этом ублажать слух гостей своим пением. Правда, на одном из таких пикников гостям пришлось изрядно поволноваться за жизнь своего хозяина. После бесчисленных тостов в адрес своих "дорогих гостей" и сольного исполнения русских романсов, "Витюша" внезапно исчез. Но москвичи были пьяны, а лирическая ночь с ярко сияющими звёздами на небе и огромный костёр, вокруг которого были расставлены столы с красной рыбой, икрой и разными другими дефицитными яствами, никак не навели на мрачные мысли. Певца никто искать не стал, хотя и потребность в народном творчестве, можно сказать, достигла своего апогея.

Как обычно случалось, наутро никто не помнил, чем вечер завершился. Тем не менее все обнаружили себя лежащими в уютных постелях. Однако, хозяина по прежнему не было.

Вдруг один из гостей, внизу, под обрывом, который вплотную подходил к имению, увидел нечто, напоминающее человеческое тело, и в испуге отчаянно закричал. Всем стало ясно, что тело могло принадлежать только Виктору Петрунину. Поспешно спустившись по лестнице, гости, едва волоча ноги от испуга и ещё невылеченного похмелья, побежали к несчастному "Витюше".

Было на сто процентов ясно, что он погиб глупо и нелепо, поскольку крутизна и высота обрыва не оставляли никаких шансов. Поэтому никто из бежавших не понял, почему так громко и весело хохочет один из гостей, который уже добежал до тела, распластившегося в высокой траве. Подбежавшие гости установили, что тело это действительно принадлежит дорогому "Витюше", но оно попросту крепко спит. Причем так крепко, что радостные крики перевозбуждённых гостей никак не могли его разбудить. Но на предложение пропустить рюмочку "Витюша" прореагировал молниеносно, и, как ни в чём не бывало, вскочил на ноги. Правда, когда он взглянул на обрыв, по его лицу пробежала легкая дрожь. Только в этот момент до него дошло, что с ним приключилось этой ночью.

Один из предусмотрительных гостей прихватил початую бутылку коньяка, тут же протянул полный стакан "Витюше".

Скоро все радостно заговорили и принялись восхищаться подвигом и крепостью духа и тела Петрунина.

К чести "Витюши", он сохранил самообладание и продолжил ублажать столичных гостей. До самого своего звездного часа, когда его назначили директором ГСНИИОХТ, он весело встречал и провожал своих гостей. Петрунин хорошо понимал, что только таким путем он сможет покинуть эту тьмутаракань и попасть в столицу. Но до этого ещё пришлось ему побыть под многими директорами, оставаясь на должности заместителя директора по научной работе.

Директоров здесь также, как и в Волгограде назначали по совету обкома КПСС. Пожалуй, дольше всех директорствовал в Шиханах-1 присланный из Саратова В.Удовенко, до этого с трудом одолевший курс загадочного заочного ВУЗа, не имеющего к химии никакого отношения. Отличительными чертами Удовенко были его трезвость и абсолютная непробиваемость как для многочисленных просьб со стороны подчиненных, так и частых укулов со стороны начальства из Москвы за те или другие недочёты. Ну не мог он пить с гостями как Петрунин, поскольку незадолго до своего назначения, удачно излечился от алкоголизма. Зато директор филиала хорошо ладил с местными партийными и административными органами. В пугающих его химических формулах он ровным счётом ничего не смыслил, но, к его чести, не так уж сильно он имитировал обратное. Спустя годы ему всё же написали кандидатскую диссертацию и он её успешно "защитил", с трудом читая готовые тексты доклада и ответов на вопросы. После этого В.Удовенко был повышен по служебной лестнице, став начальником отдела противодействия иностранным техническим

разведкам главка "Союзоргсинтез". Остаётся загадкой, каким образом вскоре после этого он стал директором Всесоюзного научно-исследовательского института химической защиты растений (ВНИИСХЗР).

К моменту ухода Удовенко на повышение Петрунин уже хорошо "поработал" с Саратовском обкомом КПСС. И его без труда назначили директором Вольского филиала ГСНИИОХТ. Но до этого ещё пройдёт почти пять лет, Петрунин успеет сделать докторскую диссертацию и успешно её защитить. После смерти Патрушева Петрунин неожиданно для всех станет директором ГСНИИОХТ.

Эта была суперсенсация! Ведь все чиновники прочили на освободившееся место Гуськова, который был стопроцентным кандидатом благодаря поддержке всесильного первого заместителя министра химической промышленности Голубкова.

На заседании коллегии министерства даже ожидалось формальное утверждение Гуськова. В ГСНИИОХТ были накрыты столы, чтобы торжественно обмыть назначение нового директора, многоуважаемого Константина Алексеевича. Правда, до этого прошли слухи, что на это пост может быть назначен "Витюша" Петрунин из Шихан. Но в них никто не верил.

Но Петрунин, как ни странно, был вызван из Шихан на заседание коллегии. Когда началось обсуждение кадровых вопросов, министра срочно вызвали по телефону из Совета Министров СССР. Сразу же после этого звонка министр объявил, что директором ГСНИИОХТ он назначает В.Петрунина. Последовала сцена, напоминавшая последний акт из гоголевского "Ревизора"...

Моя первая поездка в наши филиалы и войсковую часть 61469 не произвела на меня хорошего впечатления. Повсюду была какая-то отсталость и примитивность, свидетельствующие о слабости материальной базы и неопределённых перспективах в этой области. Жизнь в отдалённом от большого города степном районе Саратовской области была очень унылой. Молодые научные сотрудники из филиала ГСНИИОХТ и офицеры часто ездили в Саратов, чтобы расслабиться, но это мало чем им помогало – ведь потом надо было возвращаться обратно. Летом здесь, правда, были свои прелести – в 10 километрах от Шихан была Волга, а неподалеку располагался большой лесной массив. Они представляли собой неплохое место для отдыха с рыбалкой и туристических поездок.

Многие офицеры жили надеждой, что перед отставкой их переведут в Москву или какой-либо другой крупный город. Но надежды сбывались далеко не у всех – часть отставников оседала на месте бывшей службы, обзаводясь подсобным хозяйством и домашним скотом.

В Шиханах мне тогда показали старика-портного, который в 20-х годах сшил мундир будущему генералу фашистской армии Гудериану. В те времена немецкие офицеры тренировались на местном танкодроме в обход Версальского договора, запрещавшего военное развитие побеждённой в первой мировой войне Германии, носившей тогда название Веймарской республики.

Это предательское сотрудничество Сталина с германской военщиной дорого обошлось затем стране. Опустошительные рейды танковой армии гитлеровского генерала Гудериана в тылы Красной Армии неоднократно решали судьбу многих сражений в пользу немецко-фашистских войск, сея смерть для сотен тысяч плохо вооружённых красноармейцев и мирных граждан.

Причем одними лишь танками сотрудничество в 20-е годы не ограничивалось.

Благодаря противозаконному сотрудничеству большевистской России с Германией, в 1923 году в Шиханах немецкие специалисты создали военный полигон для испытаний химического оружия.

Надо сказать, что задолго до этого немцы рекомендовали себя в Поволжье с самой лучшей стороны.

Приглашённые Екатериной II в середине 18 века немецкие поселенцы со временем превратили этот степной край в цветущую провинцию России. После революции большевики создали здесь немецкую автономную республику. Но она во время второй мировой войны была упразднена, а немецкое население было депортировано в степные районы Казахстана.

В первый приезд в Шиханы мне показывали котлованы, напоминающие останки подвалов домов. Это были места, где стояли добротные каменные немецкие дома. Их взорвали, как взрывают на войне долгосрочные огневые точки врага.

"Открытие" Богомазова

В первые годы работы в ГСНИИОХТ я ещё не был окончательно лишён возможности научного общения со своими коллегами из других институтов и даже имел возможность участвовать в научных конференциях. Изредка, с большими трудностями, иногда печатал статьи в научных журналах. Однако, со временем я лишился и этой "форточки", и практически никаких связей с научным миром у меня не стало.

В то же время в институте работал Учёный Совет, регулярно обсуждавший диссертации, были свои аспиранты и изредка защищались докторские диссертации. В этой области институтом вскоре была достигнута полная автономность.

Если до 1977 года защищённые в ГСНИИОХТ диссертации направлялись для дальнейшего утверждения в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК), то после этого при институте была создана экспертная комиссия для рассмотрения всех диссертаций, связанных с темой "Фолиант". Естественно, это в значительной степени облегчало жизнь диссертантам, но в то же время приводило ко всё большей изоляции института.

Главное, создавала возможность проталкивать "нужных" людей в "учёные", поскольку сужался круг оппонентов и людей, принимавших решение. В основном, судьбу диссертации решало общественное мнение, которое создавалось дирекцией и приближёнными к ней начальников.

У меня были честолюбивые стремления сделать научную карьеру и я усиленно работал в этом направлении. Тема моей научно-исследовательской работы в основном была связана с разработкой хроматографических методов определения малых концентраций отравляющих веществ и их прекурсоров в различных средах.

Разработанные методы можно было применять не только для анализа как отравляющих, так и обычных соединений. Это меня в значительной степени успокаивало, поскольку в такой ситуации я вполне мог причислить себя к числу исследователей, разрабатывающих проблемы общенаучного значения.

После разговоров с моими приятелями Г.Костенко, Г.Дроздом и другими военными специалистами, я стал сильно сомневаться в полезности нашей работы и поэтому старался решать принципиальные проблемы.

В частности, до моих разработок в ГСНИИОХТ и вообще ВХК для определения концентраций фосфорорганических отравляющих веществ (ФОВ) применялся лишь холиноэстеразный метод, использующий биохимический субстрат, извлекаемый из лошадиной крови. Причём лошади для этого выращивались в специфических условиях – в их кормах полностью исключалось присутствие следов каких-либо химических препаратов. Этот метод считался универсальным и действовал официально для оценки концентраций ФОВ повсеместно в ВХК. Тем не менее, обладая относительно хорошей чувствительностью, он был крайне неизбирательным. Присутствие многих сельскохозяйственных препаратов в анализируемых смесях приводило к грубым ошибкам анализа.

Я со своими сотрудниками Тамарой Береговой и Валерием Дужевым-Мальцевым разработал целый ряд методов газохроматографического определения ФОВ на уровне малых концентраций, которые полностью могли заменить холиноэстеразный. Эти методы, в отличие от последнего, были избирательными и обеспечивали получение объективных аналитических данных. К тому же, стоимость проводимого анализа снижалась не менее чем в десять раз.

Одновременно мы разработали методы газохроматографического анализа микроконцентраций веществ CS (ортохлорбензилденмалонитрил) и CR (дибенз-b,f-оксидиазепин) в различных средах. В конце концов, мои успехи стали причиной недружелюбного отношения ко мне начальника. Он по-своему истолковал их, видя в них угрозу к своему положению.

Но меня никогда не манила административная работа, поскольку я считал, что она убивает в человеке ученого. Я и не скрывал от окружающих этих мыслей и всячески

пытался объяснять людям моё отношение к должности начальника. Но оказалось, что дирекция института составила негласный список кандидатов на замещение должностей начальников подразделений на тот случай, если они вдруг надумают уйти с этих должностей. И как-то раз Береснев рассказал мне, что он совершенно случайно узнал, что в этот список, оказывается, попал и я.

Поскольку списки имели исключительно формальный характер, я не придавал этому известию особого значения и уж тем более не стал успокаивать моего начальника, что мол, вовсе не собираюсь его подсиживать.

И зря. С этого дня он стал считать меня соим соперником и начал открыто демонстрировать свою неприязнь. В итоге он стал откровенно вставлять палки в колеса и даже защита диссертаций моих аспирантов стала трудноразрешимой проблемой. Дело в том, что согласно правилам ВАК, каждая диссертация перед её защитой на Учёном Совете должна была пройти обсуждение в ведущей лаборатории по данной специальности. Начальник лаборатории полностью определял список людей, имеющих право присутствовать на расширенном научном семинаре по обсуждению диссертационной работы. Семинар затем выносил решение о соответствии диссертации сформулированным в специальной инструкции ВАК требованиям. Тот же начальник предварительно должен был знакомиться с диссертацией и решить вопрос о созыве расширенного семинара. Вот здесь-то Береснев, служивший во время войны в качестве лейтенанта специальных заградительных отрядов, проявил все свои карательские способности и таланты. Он строил преграды при любом удобном случае. Его изобретательности не было предела, но мне всё же в конечном счёте с потерей огромных сил и времени удавалось преодолеть эти преграды. Тем более, что заступаться и просить за других, гораздо легче, чем за себя.

К счастью, научный авторитет нашего начальника был низок и он не пользовался поддержкой среди ведущих учёных ГСНИИОХТ. И если бы они не присутствовали на на семинарах по обсуждению диссертаций наших аспирантов, то неуемная фантазия начальника привела бы к полному произволу.

Было ясно, что Береснев пользовался поддержкой служб КГБ и мы были уверены в том, что даже сам директор Патрушев на всякий случай относился к нему с опаской. К примеру, в 1979 году на защите диссертации моего аспиранта В.Дюжева-Мальцева на Учёном Совете была такая ситуация. Несмотря на все попытки Береснева выбить обсуждение из нормального делового русла, защита проходила весьма успешно.

Диссертант докладывал и отвечал на все вопросы обстоятельно, демонстрируя глубокое знание проблемы.

Затем следовали положительные отзывы различных институтов и организаций ВХК о проделанной работе и её полезности. Учёные также единодушно одобряют диссертацию. После этого предстоял процесс тайного голосования. Согласно правилам ВАК, для этого необходим определённый кворум. Однако, в тот раз перед самым началом голосования вдруг выяснилось, что если перед началом заседания кворум был, да еще и с запасом, то к началу голосования почему-то не хватало одного из членов Ученого Совета. Член Совета, он же заместитель директора по научной работе Гуськов во время защиты был срочно вызван в миистерство. Обычно в таких случаях отъезжавший, расписавшись в получении бюллетеня, опускал его в опечатанную урну для голосования. На этот раз поступили так же. Но председательствующий на заседании Учёного Совета директор института Патрушев, зная, на что способен мой начальник, принял решение дожидаться возвращения своего заместителя из министерства с тем, чтобы всю процедуру повторить ещё раз. Он сухо заметил, что я знаю лучше, почему следует поступить таким образом. После обеденного перерыва пришлось ещё в течение трех часов повторять уже проделанную процедуру. Хотя все члены Учёного Совета проголосовали положительно, у всех на душе остался тяжёлый осадок от вынужденного повтора процедуры.

...С большими трудностями, практически не имея на это времени, я в 1975 году написал свою докторскую диссертацию. Для этого мне пришлось практически каждый вечер оставаться в специальной комнате превого отдела ГСНИИОХТ и выполнять свою работу.

Узнав, что я готовлю докторскую, Береснев вызвал меня к себе в кабинет "посоветоваться" и спросил, может ли и он претендовать на учёную степень доктора химических наук по хроматографии. Я ответил, что это маловероятно, поскольку Береснев не специалист в этой области. Этим своим ответом я сжёг последние мосты в отношениях с ним. В результате он организовал мою работу так, чтобы она давала лишь практические результаты. Какие-либо более глубокие и детальные исследования я проводить уже не мог. Приходилось выполнять теоретическую часть работы нелегально. Но дело с внутренней публикацией, то есть написанием отчётов по дополнительным исследованиям, обстояло совсем туго. Начальник попросту их не пропускал, пользуясь тем, что ни один секретный документ не мог быть напечатан без его визы. Если даже это иногда удавалось, то Береснев исправлял "промах" любой ценой.

В этом ему активно помогал заместитель директора по научной работе Леонид Костикин.

До предела скользкий и беспринципный, он на все смотрел через призму приспособленчества. По принципу "рыбак рыбака видит издалека", он быстро нашёл общий язык с Бересневым и стал очередным начальником, курирующим аналитический отдел. причем самым худшим из тех, кто когда-либо был на этом посту.

Однажды он вызывал меня и Береснева и объявил, что по рекомендации моего начальника он не может утвердить мой крупный научный отчёт. Работа де написана вне годового плана лаборатории.

Тут меня охватило некое дерзкое чувство и я захотел во что бы то ни стало посрамить интригана. Я невинным видом спросил, имеются ли у заместителя директора какие-либо другие возражения относительно моей работы: может быть, материал недостаточно проработан или плохо изложен? Или, может быть, он небрежно оформлен?

– Что вы, Вил Султанович, никаких замечаний нет и не может быть, поскольку в этом отношении все обстоит просто прекрасно! – воскликнул Л.Костикин. – Проблема лишь в том, что я не могу пропустить в научно-техническую библиотеку отчёт, выполненный не по тематике вашего отдела, – добавил он уже извинительным тоном.

– А если бы мой отчёт был запланирован в годовом плане, то вы пропустили бы его? – вопрошал я, продолжая прикидываться наивным простачком.

– Без всяких сомнений! – категорически заключил зам.

– Можете дать честное слово? – настаивал я.

– Если хотите, конечно, да, – великодушно согласился он.

– Тогда я бы попросил вас распорядиться, чтобы сюда принесли годовой план лаборатории из дела, хранящегося в первом отделе, – сказал я.

К моему удивлению, Костикин тут же позвонил в научно-технический отдел (НТО) института. Через несколько минут куратор нашего отдела в НТО Антонина Витченко принесла дело отдела, где должны были быть необходимые бумаги. Я тут же нашёл нужный пункт в годовом плане, где чёрным по белому была написана тема будущей работы и стояла отметка о том, что работа должна закончиться выдачей научно-технического отчёта. В кабинете на несколько минут воцарилась тишина. Костикин расплылся в бессмысленной улыбке, не соображая, что же ему теперь сочинить.

– Леонид Иванович, знаете, Вил Султанович несколько лет тому назад собирался выходить из партии, – поспешил ему на помощь заградотрядчик Береснев. Позабыв убрать со своего лица улыбку, Костикин попытался изобразить возмущение:

– Ну да?! Вот дела-то!

Действительно, в 1973 году такой разговор с моей стороны был. Я остро переживал неудовлетворённость, поняв к тому времени, что наша деятельность не влечет за собой ничего кроме разве что траты огромного количества денег. К тому же и обстановка в стране в то время ухудшалась – вовсю началось преследование инакомыслящих. Тогда-то на банкете в ресторане по поводу защиты кем-то диссертации, я сказал о своём желании. Дело дальше разговора не пошло, поскольку по тем временам это был все же слишком отчаянный шаг. Но Береснев эти слова, выходит, хорошо зафиксировал в своей памяти. Но я не испугался – всерьёз

выдвигать мне такое обвинение никто бы не стал. Это сыграло бы против самого же руководства института.

Представьте, что было бы, если бы "диссидента" разоблачили в секретном институте? Тогда бы из партии, возможно, вылетели бы они сами. Поэтому я демонстративно возмутился и потребовал вынести разговор на заседание парткома. Костикин, конечно же, этого не хотел. Он тут же придумал "выход" из создавшегося положения, предложив передать мой отчёт в секретную библиотеку без подписи моего начальника и его самого.

– В случае вашего несогласия я сейчас же звоню Леониду Александровичу Соколову (заместитель директора по режиму) для уничтожения отчёта, – добавил он. Я согласился, поскольку ничего другого мне не оставалось.

Кроме того, Костикин придумал безотказно действующую систему, которая не допускала меня к защите диссертации. Согласно инструкции ВАК, человек, претендующий на степень доктора или кандидата наук, должен иметь положительную характеристику, подписанную треугольником института – директором, председателем профкома и секретарем парткома. Чтобы получить такую характеристику, работник института должен был предварительно получить визы от соответствующих лиц на уровне отдела. А это можно было сделать только в том случае, если у просителя не было никаких административных или партийных взысканий. И вот на меня начали "вешать" эти самые взыскания по любому мельчайшему поводу. Пошёл, допустим, после работы мой младший научный сотрудник Борис Дубин на дежурство в народную дружину и, напившись, с кем-то там подрался.

"Виноват Вил Мирзаянов!" – решало партийное собрание отдела. Конечно же, по настоятельной рекомендации Костикина. Мне выносили партийное взыскание с формулировкой "поставить на вид за слабую воспитательную работу". Но этого было достаточно для того, чтобы в течение как минимум полугода (таков был срок действия взыскания) положительная характеристика мне не могла быть подписана. Наказания следовали одно за другим и конца им не было видно. Наконец, я громогласно объявил, что никогда и ни при каких обстоятельствах не намереваюсь защищать диссертацию. Это немного успокоило моего преследователя. Но, чтобы заставить меня распрощаться с самой мыслью о диссертации, Костикин решил лишить меня моей группы и всех приборов.

И вот тут помощь пришла со стороны давно уже симпатизирующих мне людей. Это были начальник физико-химического отдела профессор С.Дубов и профессор В.Курочкин, начальник лаборатории, входившей в состав этого же отдела. Дубов легко ладил с любым начальством и обеспечивал свой отдел хорошим оборудованием. Он как-то признался мне, что порой больше озабочен своевременным проведением в коллективе профсоюзного, партийного и многих других собраний, которые считались важными элементами тоталитарного оболванивания всего населения страны.

"За всё время моей работы в ГСНИИОХТ не помню случая, чтобы какой-нибудь начальник лаборатории был наказан за упущение в научно-исследовательской работе, но за недооценку воспитательной работы наказаний было сколько угодно", – говорил мне Дубов.

Вдвоем с Курочкиным они были способны решить в дирекции любой вопрос. К тому же, членство Курочкина в парткоме было для него хорошим щитом.

Но, разумеется, когда они приглашали меня в свой отдел, ими двигали не одни лишь альтруистические соображения.

Незадолго до этого перешедший в физико-химический отдел старший научный сотрудник Евгений Богомазов развернул здесь исследования по проблеме поиска химических отравляющих веществ, способных проходить через защитный фильтр противогАЗа. Выпускник, а затем и аспирант Военной Академии химической защиты (ВАКХЗ), выполнивший свою диссертацию на кафедре М.Дубинина, Евгений заключал в себе весь комплекс качеств, свойственных питомцам этого учебного заведения.

Знаю по своему опыту, что большинство из них отличается авантюрно лёгким отношением к решению любых задач. И когда они относятся так к научным проблемам, это часто заканчивается большим курьёзом. В основном, они всеми силами

пробиваются на командные посты, идя при этом на любые низости: подхалимаж, лицемерие и предательство своих вчерашних друзей. Я бы порекомендовал всем, кто имеет дело с выпускниками данной академии, десять раз проверить их предложения или полученные ими результаты, прежде чем принять их за истину.

Тем не менее, я не утверждаю, что Евгений Богомазов был лишён каких-либо способностей. Его отличало стремление придать всему, что он делает, широкий размах и рекламу. Поначалу он поработал в лаборатории М.Энглина. Естественно, Богомазов не смог долго продержаться в такой унылой обстановке и перешёл в физико-химический отдел. Здесь он за короткий срок смог увлечь своими проектами начальника отдела. Очень скоро Е.Богомазов и работавшие под его руководством Д.Залепугин и А.Дмитриев (выпускники ВАХХЗ) совершили то, что могло только присниться военным химикам всего мира. Они установили, что войсковой противогаз начинает пропускать через свой фильтр тионовые аналоги зомана и зарина. Эти сравнительно малотоксичные соединения, по утверждению Богомазова и его товарищей, за противогазовым фильтром переходили в свои кислородные аналоги – боевые отравляющие вещества.

То же самое, согласно их результатам, происходило с тионовым аналогом неопентилового эфира метилфосфоновой кислоты. А его кислородный аналог имеет точно такие же токсические свойства, как и зоман.

Это было сенсационным открытием. Но о нем, к великому сожалению честолюбивого Богомазова, нельзя было протрубить на весь мир. Об открытии Богомазова немедленно узнали министерство, УНХВ и ЦК КПСС. Для этих учреждений он стал одним из крупных ученых страны, совершившим переворот в оборонной науке.

Воодушевленный Богомазов со свойственным ему размахом развернул свои исследования, рассчитывая привлечь к своему открытию большие силы. Сразу несколько подразделений института начали работать под его научным руководством. В инженерном отделе была создана специальная группа под руководством конструктора А.Яковлева для создания автоматической установки для изучения адсорбционных характеристик вновь синтезированных соединений, которые должны были идти не иначе как потоком из двух групп химиков-синтетиков.

В самом физико-химическом отделе были развернуты широкомасштабные исследования, имевшие своей целью более глубокое понимание адсорбционных процессов, обуславливающих проскок вышеуказанных ОВ через противогазовый фильтр.

В группе рентгеноструктурного анализа, возглавляемой доктором химических наук Е.Гальпериным, аспирант Саша Ключков начал свою диссертационную работу по изучению адсорбции тионных аналогов. Другой аспирант, Валерий Беликов в группе по определению физико-химических констант обнаружил огромное различие в тепловых эффектах адсорбции соединений, проскакивающих через адсорбционный фильтр, по сравнению с теми, которые необратимо адсорбируются там.

Словом, началась форменная научная лихорадка, в ходе которой рождались всё более интересные открытия. Любимец С.Дубова, аспирант А.Тарасов нашел дефлегматор против самопроизвольного возгорания на воздухе этих самых тионных аналогов ОВ. Он же установил оптимальную концентрацию дефлегматора, обеспечивающую сохранение боевой концентрации вещества в воздухе.

Обо всём этом я узнал лишь после перехода в физико-химический отдел. Правда, до этого некоторые мои знакомые, указывая в сторону высокого и грузного молодого блондина с синими глазами на белом пухлом лице, говорили шепотом, что это и есть автор потрясающего открытия.

В это время, опустошенный тяжелой и, как выяснилось, бесполезной работой по написанию диссертации, я истосковался по истинно научному коллективу. Как я полагал, физико-химический отдел был именно таким. В итоге я пришёл в кабинет Дубова. Там были также Курочкин и Богомазов.

Начальник отдела кратко рассказал об огромной важности проводимой в группе Е.Богомазова работы не только для института, но и проблемы "Фолиант" в целом. Предлагавшаяся мне роль сводилась при этом к красивому научному обоснованию совершенного им открытия.

Услышав о достигнутых результатах, я буквально был ошеломлен. Открытие делало беззащитным любого, будь то солдат или простой гражданин империалистической державы. Когда спустя некоторое время мы пошли на обед, я не выдержал и спросил Евгения, как бы он чувствовал себя, если бы его открытия были использованы против мирных граждан. Он ответил, что понимает, что подобно обвиняемым на Нюрнбергском процессе, в принципе, может быть подсудимым в международном трибунале. Но при этом Евгений заметил, что он "всего лишь учёный", которому крупно повезло.

В этот миг я заметил на его пухлом лице трудноскрываемое самодовольство, вызванное, возможно, присутствием симпатичной молодой лаборантки Галины Белецкой.

Шла зима 1982 года и к тому времени я уже окончательно понял бесполезность химического оружия для защиты страны. Более того, был убеждён, что это оружие направлено прежде всего против беззащитного мирного населения. По сообщениям печати я знал, что в Женеве идут переговоры о заключении конвенции по запрету разработки и производства химического оружия. Но то, чем мы начинали заниматься, означало новый виток в гонке химических вооружений...

Планы развития исследований по поиску методов преодоления фильтра противогАЗа были очень серьезными. В ВХК был даже создан специальный межведомственный совет по обсуждению и научной координации таких работ. Возглавил этот совет известный военный химик, академик, генерал-лейтенант Кнунянц.

Мне пришлось побывать на одном из заседаний этого совета. По уровню представленных там сообщений и выступлений я понял, что вопрос обсуждается на откровенно дилетантском уровне. Я поделился своим мнением с Богомазовым. В результате меня перестали приглашать на заседания этого совета...

Занимаясь пуском приборов и монтажом динамической установки, я видел как самоотверженно трудились Залепугин и Дмитриев. Они без устали испытывали всё новые и новые соединения, которые им приносили из синтетических лабораторий. Они скоро установили, что селеновые аналоги зомана и зарина, синтезированные в группе Е. Гринштейна, тоже обладают свойствами проскока через фильтр противогАЗа. Дело шло к тому, что скоро можно было говорить о том, что требование УНХВ, чтобы начальная концентрация ОВ, распыляемого на местности поражения, была не больше нескольких сотых миллиграмма на литр воздуха, было практически выполнено. Военные считали, что только в таком случае будет экономически "выгодно" применять ОВ.

Между тем я по просьбе самого Богомазова занялся изучением всех стадий эксперимента по исследованию этого самого "проскока". Зная по своему опыту, что технологи часто недооценивают значение правильного выбора аналитических методов и квалификацию персонала, я решил более детально посмотреть, как здесь осуществляется контроль процесса. На первый взгляд, всё делалось достаточно удовлетворительно. Газовые пробы отбирали специальным шприцем на выходе из адсорбционной трубки, моделирующей фильтр противогАЗа, затем их анализировали на хроматогафе "Цвет-110" с пламенно-ионизационным детектором. На хроматограмме, записываемой самопишущим прибором, получались ряд пиков, соответствующих определённым соединениям. Расстояние каждого такого пика от начала хроматограммы является характеристическим параметром для каждого вещества, выходящего из прибора. Замерив один раз это расстояние для какого-то вещества, скажем, зомана, взятого в чистом виде (или разбавленного инертным газом), мы затем можем пользоваться им для идентификации пиков, полученных при анализе неизвестной смеси. Это в теории. Но на практике всё обстоит гораздо сложнее. Часто в анализируемой пробе присутствуют другие соединения, которые на хроматограмме могут дать такое же или близкое расстояние. В случае, когда хроматографический анализ проводят с использованием неселективного (неизбирательного) пламенно-ионизационного детектора, то вероятность ошибки за счет наложения хроматографических пиков различных соединений друг на друга достаточно высока. К тому же, опытные специалисты практически не пользуются этими расстояниями, поскольку отечественные самопишущие приборы (потенциометры) перемещают бумажную

ленту для записи хроматограмм весьма неравномерно. Вместо этого они измеряют секундомером время выхода вершин (максимумов) хроматографических пиков, что намного точнее и надёжнее. Я уже не пишу о современных приборах, где всё это делается автоматически и с большой точностью.

И вот при проведении одного из опытов я предложил Саше Дмитриеву пользоваться секундомером. В результате мы получили хроматограммы анализа проб с динамической установки, на которых все времена выхода вершин пиков были зафиксированы. Затем, для сравнения, на этом же хроматографе мы получили хроматограмму анализа смеси азота и тионного аналога зомана, время выхода вершины пика которого также регистрировали секундомером.

Тут выяснилось, что времена выхода пика вещества из динамической установки, которые Саша принимал за пик тионного аналога, и пика, полученного в результате анализа этого же вещества в азоте, не совпадают. Причем несовпадение было слишком существенным, чтобы сомневаться в правильности вывода о том, что эти пики принадлежат к различным соединениям.

Для меня стало ясно, что здесь имеет место элементарная экспериментальная ошибка. Тем не менее моё открытие не произвело никакого впечатления на выпускника ВАХХЗ.

Не знаю, доложил ли он об этом своему руководителю или нет, но я начал готовиться к анализу все эти пробы на хроматографе Perkin Elmer с пламенно-фотометрическим детектором. Внутренне я уже был убеждён, что всех авторов сенсационного открытия ждёт большое разочарование. Мое "разоблачение" могло весьма отрицательно сказаться на дальнейшей моей карьере и еще больше осложнить ситуацию с моей докторской диссертацией. Но то, что страшная потенциальная угроза для людей при этом исчезала, приносило мне огромное удовлетворение. Внешне казалось, что ничего не произошло. Я продолжал готовиться к предстоящим экспериментам и одновременно начал проводить свои исследования по сравнительной оценке кинетических характеристик углеродных и иных адсорбентов, используемых для концентрирования примесей с целью их дальнейшего хроматографического анализа. Попутно те же характеристики изучал и для катализаторных адсорбентов, используемых в современных противогазах. Полученные данные были по своему уникальны для понимания процессов, происходящих в концентрирующих колонках, и давали возможность осуществить правильный выбор адсорбента для этих устройств. Столь же интересными были результаты исследования кинетических свойств противогазных фильтров. Это был первый случай получения адсорбционных фронтов для отравляющих веществ на шихте действующего в Советской Армии противогаза. Выполняя все эти работы, я попутно изобрел ряд способов концентрирования малых содержаний ОВ в воздухе и в жидкостях и получил на них авторские свидетельства. В это время я понял, что не смогу теперь защищать написанную ранее диссертацию. Я должен был её переработать и написать заново.

Труд предстоял огромный, но он меня не пугал. Я начал писать работу заново... в своей квартире, будучи научен предыдущим опытом, когда мне всячески препятствовали на работе. Я даже специально изобрёл собственную систему шифров всех ОВ, о которых шла речь в работе. А теоретические выкладки, диаграммы и графики сами по себе не содержали секретной информации. Так что никакого секретного режима я не нарушал. Зато мог писать по ночам и по выходным дням, не прибегая к помощи первого отдела и не запрашивая разрешения на работу по вечерам.

Подошло время для более тщательной проверки результатов проскока через фильтр противогаза тионовых аналогов зомана и зарина.

К великому сожалению авторов изобретения и к моей великой радости, опыты, проведенные при анализе проб на моём хроматографе с селективным детектором выдали неожиданный результат. Оказалось, что в течение 10 минут после того, как через этот фильтр начинали пропускать воздух, содержащий тионные аналоги зомана и зарина, никакого проскока не происходило. И это повторялось всегда и при следующих проверках.

К середине лета 1983 года Богомазов окончательно убедился в своей ошибке, но всё ещё продолжал играть роль великого изобретателя, ссылаясь на то, что я, возможно, допустил экспериментальную ошибку. Но ошибки не было.

Но не могу не дать должное пробивным качествам Богомазова. В короткий срок он сумел установить хорошие связи с другими научными учреждениями, занятыми проблемой "Фолиант" и разработкой средств индивидуальной защиты. В частности, я впервые вместе с ним посетил Электростальский научно-исследовательский технологический институт (ЭНИТИ) – ведущее научное учреждение по созданию проивогазов и фильтрующих установок как для боевой техники, так и различных помещений (командные пункты, бомбоубежища и др.).

Его директор В.Смирнов произвёл на меня хорошее впечатление своей компетентностью в самых различных областях адсорбционных процессов, хроматографии и технологии получения адсорбционных материалов. Когда в 1985 году я попросил его быть моим официальным оппонентом по докторской диссертации, то он сразу согласился. Его отзыв тогда был положительным и имел большое значение для моей успешной защиты.

Хотя открытие Дубова и Богомазова постигло фиаско, они вышли из этой неприятной ситуации не так уж плохо. Они запросили УНХВ снизить требования к первоначальной концентрации используемого ОВ, на что, естественно, получили отказ. При этом создалось впечатление, будто ГСНИИОХТ действительно разработал способ преодоления фильтра противогАЗа, но пока не может удовлетворить требования капризных военных.

На самом деле даже начальная концентрация, в 10 раз превышающая требуемую военными, все равно не создавала необходимого проскока. Но об этом никто и не пытался даже заикнуться. С присущим ему блеском Дубов обосновал постановку более детальных исследований адсорбционных процессов, происходящих при прохождении через фильтр противогАЗа воздуха с парами ОВ.

Но эта работа, в конце концов, не была бесполезной. Она помогла установить многие вещи, которые до этого не были известны. В частности, было обнаружено, что пары ОВ после адсорбции на адсорбенте-катализаторе продолжают пребывать там в течение долгого времени в неразрушенном состоянии. С точки зрения защиты человеческого организма это обстоятельство ничего хорошего не сулит, ибо кто-то может попытаться разработать способ вытеснения адсорбированного ОВ в поток воздуха, поступающего в легкие. В то же время возникала проблема с уничтожением самого противогАЗа после его использования, о которой до этого момента никто не думал. И каков же был юридический статус этого противогАЗа? Следовало ли считать его носителем пусть малых, но потенциально опасных для здоровья человека количеств ОВ? Я не исключаю даже, что фильтры противогАЗов можно было использовать для целей разведки и промышленного шпионажа.

В сложившейся ситуации было очень любопытно наблюдать за упомянутым аспирантом Валерием Беликовым, который "открыл" особый тепловой эффект на активном угле, наблюдаемый при адсорбции ОВ, якобы способного преодолевать фильтр противогАЗа. Разумеется, это была чистейшей воды подтасовка, поскольку, как я однозначно доказал, никакого проскока не происходило ни с одним из предложенных соединений. Но Беликов без тени смущения продолжал своё дело и защитил кандидатскую диссертацию. До сих пор сожалею, что я тогда не решился об этом сказать открыто во время предварительной защиты диссертации. Мне ужасно не хотелось вступать в конфликт с моими новыми руководителями, которые, конечно же, обо всем этом уже знали.

Именно Беликов стал последним секретарём партийного комитета ГСНИИОХТ. В это время партия уже полностью развалилась и в ней остались лишь начальники отделов да директор Петрунин...

Несмотря на все перипетии, связанные с несостоявшимся открытием, Богомазов сумел извлечь максимальную пользу от совместной со мной работы. Наблюдая за моей работой на американском газовом хроматографе Varian 3700, он не мог не заметить с какой осторожностью и бережливостью я отношусь к специальной головке термоионного детектора, заполненного сульфатом рубидия. Эти головки поставлялись

фирмой вместе с прибором в весьма ограниченных количествах и, когда они заканчивались, их было очень сложно приобрести. В то время я имел весьма ограниченный запас этих головок, которыми меня по дружески снабжал Сергей Пичхидзе из Шихан.

С валютой, как всегда, было туго, и если бы головки закончились, наша работа на этом приборе встала бы. Мы даже пытались ремонтировать эти детали, прессую в их корпус мелкоизмельченный порошок сульфата рублия, но такая самодеятельность не привела к положительному результату.

В начале 80-х годов Дзержинский филиал Особого конструкторского бюро (ОКБ) начал выпускать неплохие газовые хроматографы с множеством детекторов, среди которых был также и термоионный с головкой из сульфата рублия. К сожалению, этот детектор был нестабильным в работе, постоянно меняя свои характеристики. Это делало его практически бесполезным для количественного анализа фосфорсодержащих соединений. И вот однажды Богомазов попросил меня отдать ему одну из моих вышедших из строя головок термоионного детектора. Я видел, что он манипулирует с этой головкой посредством какого-то раствора, но отнёсся к его занятию довольно скептически.

На другой день Богомазов вернул мне эту головку. Она выглядела как свежая, почти также, как и первоначальный американский образец. Я был заинтригован и, несмотря на то, что рабочий день уже заканчивался, мы с Богомазовым остались в институте, чтобы испытать восстановленную деталь.

Результаты опытов были блестящими. Детектор показывал стабильный нулевой фон и давал высокую чувствительность, которая была ничуть не хуже той, что гарантировала фирма Varian.

Богомазов на этом не остановился, поскольку любил во всем размах. Он решил на основе своего успеха переделать термоионный детектор газового хроматографа "Цвет-110".

После переделки по проекту Е.Богомазова отечественный термоионный детектор имел практически те же характеристики, что и американский, как по чувствительности и избирательности, так и по стабильности показаний. Но Богомазов не был бы самим собой, если бы на этом успокоился. Его отличало прежде всего качество выжать максимальную выгоду из любого своего выигрыша, хотя имеено это и приводило его порой к горьким разочарованиям.

Окончательно осознав, что на пути поиска ОВ, пробивающих противогазовый фильтр, никакой карьеры не сделать не удастся, он решил полностью переключиться на термоионную головку.

В те годы сводный брат Богомазова работал директором большой московской фабрики по обработке драгоценных камней. Фабрика была среди прочего известна тем, что ее часто посещала дочь Брежнева, которая любила заполнять здесь свой ридикюль изделиями из алмазов.

Через своего брата Е.Богомазов нашел доступ к тем, кто находился на службе у власть имущих. Он познакомился с директором НПО "Химавтоматика" Юрием Лужковым, будущим мэром Москвы. Лужков тогда пользовался большим доверием у тогдашнего министра химической промышленности Костандова, выполняя его поручения личного характера.

НПО "Химавтоматика" по своему профилю также участвовало в программе "Фолиант". В частности, оно выполняло проект автоматической линии по отбору проб вещества "33" и их доставки в цеховую лабораторию на Чебоксарском химическом комбинате. Лужкову подчинялся также Дзержинский филиал его научно-производственного объединения и будущий столичный мэр был непосредственно заинтересован в повышении качества хроматографов серии "Цвет-110".

Вот тут-то и пришелся ко двору Богомазов со своей рационализацией. Юрий Лужков предоставил рационализатору помещение и приборы. Богомазов стал там работать по вечерам и выходным дням, монтируя в готовые хроматографы термоионные головки. Как истинный выпускник ВАХХЗ, Богомазов без труда устроил так, что вновь назначенный директор ГСНИИОХТ Петрунин заехал в "Химавтоматику" и в сопровождении Юрия Лужкова посетил помещение, где в это время трудился наш герой

со своей помощницей. Лужков рассказал Петрунину о Богомазове и его работе, отметив при этом, что тому приходится здесь работать по вечерам, поскольку по основному месту работы он, по-видимому, не сумел найти достаточного внимания. На другой день Петрунин вызвал к себе рационализатора и объявил, что назначает его начальником новой лаборатории по анализу полевых проб. Так настал звёздный час Богомазова. На этой работе он крупно помог ГСНИИОХТ пробить свое новое вещество А-230 в качестве вооружения Советской Армии.

Проходившие в то время на Нукусском полигоне (Кара-Калпакия, Узбекистан) испытания этого вещества не давали особых надежд на успех. Возможно, причиной были невысокая квалификация кадров на этом новом полигоне, начавшем работать в 1983 году, и его плохая техническая оснащённость. Для анализа полевых проб здесь использовали старый холиноэстеразный метод. Поэтому не исключено, что именно анализы были причиной неуспеха. Однако, нельзя было исключить также и сознательное противодействие со стороны военных в продвижении вещества А-230. До этого я уже знал о ряде "корректировок" военными результатов полевых анализов. Химики в погонах специально ухудшали показатели. Такие факты были установлены сотрудниками ГСНИИОХТ и на Нукусском полигоне.

Но стоило появиться здесь в 1986 году Богомазову, и картина резко изменилась к лучшему. Богомазов был назначен на пост руководителя всех испытательных работ ГСНИИОХТ на Нукусском полигоне и стал работать там на постоянной основе. Со свойственной ему энергией он добился для полигона всех необходимых приборов и оборудования. Туда были направлены все лучшие специалисты по аналитическому контролю, которые впервые в таком широком масштабе использовали хроматографические методики для анализа проб, число которых порой доходило до нескольких тысяч. Командированным в Нукус специалистам ГСНИИОХТ и его филиалов стали платить повышенную зарплату. Кроме того, Богомазов быстро нашёл общий язык с военными, многие из которых были ему знакомы ещё по временам совместной учёбы в ВАХХЗ. Теперь Богомазов уже сам был в состоянии "корректировать" показатели в сторону их улучшения. Но судьбу испытаний определяли соображения более прагматического порядка. ВХВ в условиях перестройки, объявленной Горбачевым, начинал испытывать некоторый застой. Стимул к развитию исчезал. В этих обстоятельствах требовался какой-нибудь шумный успех, достигнутый в ВХК. Это могло произойти лишь при полном сотрудничестве гражданских и военных руководителей ВХК.

В 1987 году на одном из партийных собраний Петрунин заявил, что институтом достигнут такой успех, который случается не чаще чем раз в 40 лет. Он добавил, что несколько не переувеличивает, называя это достижение эпохальным. Сияющий от счастья Богомазов восседал в президиуме собрания и от переполнявших его чувств даже закрывал глаза, словно не верил в то, что торжество происходит не во сне. Все, кто был на собрании, поняли, что речь идёт об успешном завершении испытаний нового вещества А-230. Но немало было и таких, кто уже тогда задавал себе вопрос: зачем всё это, когда страна во всём испытывает недостаток и всё идёт под откос?

Оказавшись на вершины своего успеха, неуемный Богомазов не мог остановиться на достигнутом. Но успех имел и свою обратную сторону в виде большого количества завистников. Среди них прежде всего был его начальник Кузнецов. Потихоньку Богомазова отстранили от других более перспективных тем, в том числе от испытаний нового бинарного оружия.

В это время в стране, судя по сообщениям печати, начинали появляться первые совместные с иностранными фирмами предприятия (скорее на бумаге, чем на самом деле) по разработке различного рода совместных проектов для решения экологических проблем, создания аналитических приборов и т.д. И вот с одной из таких фирм взялся сотрудничать Е. Богомазов.

К тому времени он настолько уверовал в свою незаменимость, что начал пинком открывать дверь в директорский кабинет. Словом, он окончательно потерял ориентировку. Однажды, придя на работу, он с гордостью продемонстрировал своё удостоверение, часть которого была выполнена на английском языке. Кара

последовала незамедлительно. Богомазова сняли с должности начальника лаборатории и назначили младшим научным сотрудником. Униженный и оскорблённый, Богомазов уволился из ГСНИИОХТ, и окончательно ушел в частный бизнес. Но там, судя по слухам, его ждали одни лишь неудачи. Наконец, в 1994 году его сразил инсульт, после которого Богомазов превратился в беспомощного инвалида. В возрасте сорока с лишним лет его покинули все, включая жену. Немного оправившись, Богомазов решил вернуться в ГСНИИОХТ. Но дни его были сочтены и он скончался, будучи рядовым сотрудником института.

К счастью, разочарование, постигшее моих новых начальников в связи моим "закрытием" открытия Богомазова, никак не отразилось на моей работе и я продолжал её вплоть до успешного написания диссертации с названием "Разработка и исследование новых методов фронтальной и элюэнтной хроматографии для определения микроконцентраций веществ".

К началу 1985 года я её представил на Учёный Совет для защиты. С выбором официальных оппонентов особых проблем не было, хотя этот вопрос традиционно был всегда очень проблемным для диссертантов из-за того, что круг людей и учреждений, куда можно было обратиться с просьбой о рецензии работы, был очень и очень узок.

Ещё задолго до того, как Петрунин был назначен директором ГСНИИОХТ, у меня с ним была достигнута договорённость о том, что он будет моим официальным оппонентом в случае защиты диссертации. Думаю, что он на это согласился потому, что убедился в моей неплохой работе во благо возглавляемого им тогда Вольского филиала. Я оказывал всяческую помощь физико-химическому отделу филиала и руководил его аспирантами. Под моим научным руководством стали кандидатами химических наук талантливые учёные Валерий Джжев-Мальцев и Надежда Стекленёва.

Стать официальными опонентами согласились также Дрозд и Смирнов. Их отзывы были положительными, как и отзывы нескольких заинтересованных научных учреждений, куда были направлены тексты моей диссертации и её автореферат. В числе этих учреждений был также и отдел УНХВ.

Защита диссертации в июне 1985 года прошла весьма успешно. Все присутствовавшие там члены Учёного Совета проголосовали "за". Лишь один Шелученко пытался умалить полученные мною результаты. Когда ему дали слово, он заявил, что все доложенное здесь является результатом лишь экспериментальной работы, поставленной в лаборатории. По мнению Шелученко, на практике не всё ещё полностью доказано, несмотря на всю перспективность полученных закономерностей. Сидевший в первом ряду бывший директор ГСНИИОХТ Мартынов тут же бросил фразу: "Вот и прекрасно, что работа открывает новые перспективы, которые должны отличать докторские диссертации!" Шелученко осекся и понял, что брошенные им семена сомнения, попали сегодня на неблагоприятную почву. Ему не оставалось ничего, кроме как завершить свою речь словами: "Но несмотря на моё замечание, я считаю, что работа соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям".

Глава 6

Борцы со шпионами

Женевские переговоры

Еще в конце 70-х годов в ГСНИИОХТ появилось подразделение с интригующим названием "сектор противодействия иностранным техническим разведкам". Его первым начальником стал плутоватой наружности И.Сорочкин, пришедший в институт из учреждения, связанного с деятельностью КГБ. В глаза бросалась его неуловимость и скользкость в манерах. Тайна его миссии немного стала проясняться, когда он в сопровождении пожилого человека с красными прожилками на мрачном лице и худого

брюнета средних лет появлялся в лабораторных комнатах и начинал рыться в мусорном ведре. Они что-то искали и, найдя обрывки бумаг, складывали их в полиэтиленовые мешки, после чего с довольным видом удалялись.

Затем я познакомился и с самим Иваном Сорочкиным. Он проявил интерес к моим методикам анализа микроконцентраций ОВ в различных средах. Оказалось, что он подполковник в отставке, имеет научную степень кандидата химических наук и два других его сотрудника тоже являются военными пенсионерами. Всё своё время они проводили за письменным столом в небольшой комнате и что-то бесконечно писали. Как потом я узнал, они писали отчёты об аналитической работе, которую никогда и не пытались вести. Они просто переписывали отрывки из готовых работ, создавая видимость, что они были выполнены по их заказу и с их участием.

К тому времени я уже был знаком с возможностями раскрытия производств ОВ. В ГСНИИОХТ появились труды финских специалистов по изучению проблем, связанных с техническим контролем конвенции по запрету химического оружия. В этих трудах не было ничего такого, что могло бы меня удивить. Но зато там были сведения, которые в какой-то мере позволяли понять уровень западных стран в области идентификации ОВ. А это, по моему мнению, как раз и соответствовало возможностям технических разведок.

Сектор противодействия иностранным техническим разведкам (ПД ИТР) института был далек от современного уровня и не занимался разработкой технических методов определения следовых количеств ОВ. Он лишь вел паразитический образ жизни, по-советски имитируя свою деятельность. Как специалисту в области определения микроконцентраций ОВ и их прекурсоров, мне было обидно, что Сорочкин и его подчинённые пользовались моими разработками для прикрытия своего безделья. Ещё в 1984 году я обратил внимание В.Курочкина на такую "специфику" деятельности ПД ИТР и он пообещал мне поговорить с Г.Патрушевым, тогдашним директором ГСНИИОХТ, для того, чтобы мои знания и опыт были использованы для создания экспериментальной базы этой службы. Но результата от этого разговора я не увидел. Но на этот раз были возможны серьёзные перемены.

Тщеславный Сорочкин настолько втерся в доверие к Патрушеву, что стал практически главным его советником при решении многих важных вопросов. В компании с новым заместителем директора по режиму, он сумел направить усилия директора на притеснение отдельных специалистов. Скоро Сорочкин стал начальником одного из ключевых подразделений института – научно-технического отдела (НТО). Но, начав интриговать против первого заместителя директора Гуськова, Сорочкин явно не рассчитал свои силы.

Согласно положения о руководящих кадрах, должность начальника отдела является конкурсной и должна проходить утверждение путём тайного голосования на Учёном Совете института. Обычно такая процедура является простой формальностью, поскольку представление на должность делает директор института и мало кто может решиться голосовать против хозяина. Но в жизни не бывает без исключений.

Действительно, всё произошло по необычному пути и в конце концов Сорочкин с треском был провален на процедуре утверждения на должность. После этого он решил более не испытывать судьбу и быстренько уволился из института.

Начальником отдела ПД ИТР (к тому времени эта служба в институте приобрела статус отдела) был назначен пожилой полковник в отставке, до этого работавший в министерстве. Новый начальник ПД ИТР ГСНИИОХТ привёл с собой ещё троих людей, также отставных военных, работавших до этого в технических подразделениях КГБ. Это событие совпало с заменой директора по режиму Дука молодым майором КГБ Мартыновым, который в свое время, закончив Московский химико-технологический институт, был направлен на работу в ГСНИИОХТ. Но здесь будущий офицер КГБ долго не задержался и был направлен на учёбу в Академию КГБ для того, чтобы уже легально служить в чекистских рядах.

И вот в такой обстановке мне в голову пришла идея... возглавить отдел ПД ИТР. С этой идеей я отправился к своему другу начальнику планово-экономического управления министерства минеральных удобрений СССР Николаю Маслову, который долгое время работал также в МХП на руководящих должностях. В одно время он был

заместителем начальника главного управления "Оргсинтез", которому подчинялся ГСНИИОХТ, и поэтому неплохо знал отрасль и деятельность институт. Иногда мы по случаю праздников встречались с Николаем в обществе его сослуживцев, среди которых был и А.Иванов, со временем оказавшийся на работе в сектор отдела химии ЦК КПСС, отвечающем за ВХК. После увольнения генерала Кунцевича в 1994 году он в течение года возглавлял комитет по конвенциональным проблемам биологического и химического разоружения при Президенте России.

Моя идея понравилась Николаю и он тут же по высокочастотной связи позвонил А.С.Иванову. Тот быстро понял, чего мы хотим, и пообещал переговорить с директором ГСНИИОХТ Петруниным. Это означало, что вопрос решён. Через несколько дней Петрунин вызвал меня и сообщил, что решил назначить меня на важный и ответственный пост начальника отдела противодействия иностранным техническим разведкам. Добавил, что для этого требуется формальное согласие министерства химической промышленности, которое, как он надеется, будет получено.

Я почувствовал, что Гуськов и заместитель директора института по режиму Мартынов недовольны новостью о моем назначении. Тем не менее, майор КГБ всячески уверял, что поможет мне и поддержит, когда это потребуется.

На следующий день меня вызвали в МХП. Оказалось, что ПД ИТР – составная часть 3-го Управления министерства, возглавляемого генерал-лейтенантом КГБ М.Милютиним. Ему меня представил начальник отдела ПД ИТР И.Ткаченко, бывший командир дивизии, обслуживающей Семипалатинский полигон.

Генерал КГБ оказался седым несколько согбенным пожилым мужчиной со слегка смуглым лицом, не лишённым черт интеллигентности. Он был одет в гражданское. От генерала веяло каким-то духом разочарования, которое усиливалось на фоне его огромного мрачного кабинета. На одном из столов его кабинета были расставлены макеты кораблей, танков и какого-то ещё вооружения. Это были подарки – на макетах были серебряные пластины с гравировкой.

Усадив меня за стол, генерал сел напротив и "по-дружески" спросил: "Как настроение?". Я сказал, что оно улучшится, если я смогу найти поддержку моим планам по оснащению отдела современным научным оборудованием, которое считаю необходимым для выполнения поставленной задачи.

Я кратко изложил моё понимание нашей работы. Генерал ответил, что Ткаченко и Крашенинников мне помогут. На прощание Милютин попросил, не стесняться обращаться к нему напрямую, если у меня возникнут трудности.

Вслед за этим я познакомился с В.Крашенинниковым, симпатичным молодым человеком с седыми волосами, доброе лицо которого никак не вязалось с его обязанностями. Он занимал должность заместителя начальника 3-го Управления, но, в свою очередь, подчинялся другому заместителю начальника этого же управления Е.Батовой, женщине далеко за 50 лет.

Мягкие интеллигентные манеры Виктора Ивановича располагали к нему людей, и трудно было представить, что он может кого-либо обидеть или подвести. Он мне сразу понравился и это впечатление сохранилось надолго – я ни разу не обманулся в Крашенинникове. Думаю, что среди чиновников такого одиозного управления он был счастливым исключением. До самого конца моей работы я не мог представить себе круг его обязанностей. Кроме курирования ПД ИТР министерства, он также руководил работами по устройству различных промышленных выставок. Но самыми важными для меня тогда были его обязанности, связанные с оформлением и обсуждением заявок на импортное оборудование.

Научно-исследовательские институты могли приобрести новое зарубежное научное оборудование для того, чтобы оценить его возможности. Лишь на этой основе можно было делать рекомендации для закупки в больших масштабах. Эти заявки собирала в институтах одна милого вида дама, которая после их обсуждения с Крашенинниковым решала, могут ли они быть представлены на утверждение на очередном заседании военно-промышленной Комиссии ЦК КПСС.

Крашенинников был достаточно проницателен для того, чтобы понять мою главную цель в новой должности. Меня интересовала прежде всего научная деятельность, а

ПД ИТР имело лишь подчинённое значение. И тем не менее, он сделал для содействия моим планам все, что мог.

Мы вместе с работниками отдела ПД ИТР МХП наметили план работы на год и на перспективу. Он сводился в оценке объектов отрасли, занятых темой "Фолиант" с точки зрения их уязвимости для иностранных технических разведок. Следующим шагом должна была стать разработка плана мероприятий для устранения выявленных узких мест в этой области. Но для этого было необходимо обеспечить отдел ПД ИТР технической базой, поскольку я знал, что надеяться на другие подразделения ГСНИИОХТ в этом деле бесполезно.

Логика моих рассуждений Крашенинникову понравилась и он пообещал помочь. Намеченная на ноябрь 1986 года отраслевая научно-техническая конференция как нельзя лучше вписывалась в наши планы. Я был чрезвычайно благодарен моему предшественнику С.Строганову за те усилия, которые он потратил на её организацию. Через год мне будет по-человечески жаль предлагать ему уволиться с работы. К сожалению, он оказался совершенно не у дел, когда мы переходили к реальной работе по ПД ИТР. Бывший фронтовик, долго прослуживший на Семипалатинском полигоне, полковник в отставке Строганов по своей квалификации решительно не подходил для работы в лаборатории. Даже писал он с трудом из-за того, что его руки очень сильно тряслись.

В объёмистой инструкции общего назначения, утверждённой военно-промышленной комиссией ЦК КПСС и имеющей гриф "совершенно секретно", были расписаны цели и задачи ПД ИТР, права и обязанности его служб. Одной из основных задач была разработка методов и проведение постоянного контроля деятельности оборонных организаций и предприятий для целей противодействия иностранным техническим разведкам. Это давало широкие права для изучения всей научно-технической документации и планов научных учреждений. Все плановые технические задания на проведение научно-технических и проектных работ должны были содержать раздел по ПД ИТР и подписываться в том числе начальником отдела ПД ИТР. Это заставляло выполнять большой объём бумажной работы, но я нашёл хороший выход из положения. В отделе был ещё старший научный сотрудник, подполковник в отставке С.Соколов. Он после окончания МГУ работал в научно-исследовательском институте КГБ, руководил там физико-химической лабораторией, и неплохо ориентировался в научных вопросах. Интеллигентный, обладавший мягкими манерами Святослав Сергеевич, как никто другой подходил для общения с начальниками научно-исследовательских подразделений ГСНИИОХТ.

К сожалению, его лучшие годы были уже далеко позади и он, несмотря на все старания, не смог работать в лаборатории отдела, которую я скоро организовал. Там требовались рабочие руки и способности специалистов. Тем не менее, Соколов долгое время выручал меня, присутствуя вместо начальника отдела ПД ИТР на многочисленных комиссиях и проверках бумажной документации.

...На шестом этаже нового современного административного здания ГСНИИОХТ (фотоснимок здания затем печатался во многих статьях, посвященных моему "делу") рядом с моим кабинетом находилась комната, где был сосредоточен центр прослушивания. Сюда были выведены все телефонные линии, включая и внутриинститутские. С помощью коммутатора можно было незаметно для говорящих по телефону подслушивать их разговоры. Здесь были установлены магнитофоны для записи разговоров.

За пультом сидел наш сотрудник и выполнял эту грязную работу. До своего назначения начальником отдела я мимоходом слышал, что такая служба существует в институте, но до конца верить в реальность услышанного как-то не хотелось. Я решил во чтобы то не стало избавиться от этой неприятной ноши. Изученные мной инструкции не говорили о таких обязанностях ПД ИТР. За более точными пояснениями я отправился в МХП к Крашенинникову и Ткаченко. Они подтвердили, что прослушивание телефонных разговоров не входит в наши обязанности и проводится по указанию местных служб КГБ. Присутствовавший при этом начальник отдела ПД ИТР Редькинского филиала НПО "Химавтоматика" рассказал, что он добился перевода этой службы из своего отдела куда-то в первый отдел.

Зато в обязанности ПД ИТР входила техническая защита телефонов от возможности прослушивания иностранными разведками. Но это было уже другим делом и мы им занимались серьёзно, помогая даже центральному аппарату МХП. Мы должны были разрабатывать мероприятия против подслушивания разговоров, совещаний и научных конференций, а также заседаний учёных советов и их секций. По рекомендациям отдела двери начальников подразделений были обеспечены акустической защитой. Кроме того, большое место в нашей работе занимала защита вычислительного центра ГСНИИОХТ и компьютеров от электромагнитных излучений, которые могли быть источником информации для иностранных разведок. Если утечку информации через электрический кабель можно было устранить путём установки специального трансформатора, то защита от внешнего излучения была весьма сложным делом, требующим значительных денежных затрат. Стены вычислительного центра ГСНИИОХТ (это двухэтажное здание общей площадью несколько сот квадратных метров) были обложены изнутри мелкой стальной сеткой, которая, соединяясь с аналогичной защитой окон и дверей, составляла единое целое.

Отдел ПД ИТР периодически проверял эффективность этой защиты специальными приборами, но для измерения утечки излучений на определённых частотах мы не располагали необходимым оборудованием и поэтому эту работу делала специальная служба отдела ПД ИТР Редькинского филиала НПО "Химвавтоматика". Только она в системе министерства химической промышленности имела право аттестовать помещения с электронно-вычислительной аппаратурой.

Такая серьёзная защита потребовалась после того, как стали известны случаи съёма информации с компьютеров иностранного производства специально вмонтированными там "жучками", которые было практически невозможно обнаружить.

Рассказывали, что в 80-х годах на мощном компьютере японского производства, установленном в Госплане СССР, после какой-то незначительной поломки наши специалисты случайно обнаружили "жучок", который в течение нескольких лет передавал информацию иностранным разведкам, "выстреливая" на спутник-шпион по определённому расписанию накопленные в нём данные.

В принципе, можно было обходиться и без "жучка", просто записывая соответствующей аппаратурой на достаточном удалении электромагнитное излучение компьютера. Поэтому защите уделялось большое внимание. Никому не хотелось попасть в число недостаточно бдительных работников.

Для целей защиты можно было использовать так называемые глушители – генераторы помех, которые должны были исключить возможность использования электромагнитного излучения компьютера для добывания информации. Такие генераторы выпускались нашей промышленностью, но создаваемый ими "шум" делал работу иностранных компьютеров невозможной из-за возникающих помех. Но если вы работали с примитивным компьютером типа "Роботрон" производства ГДР, то он выдерживал этот "шум" глушителя и на нём можно было работать с секретной информацией в любом специально оборудованном помещении.

По иронии судьбы, когда после ареста в октябре 1992 года меня доставили в кабинет следователя КГБ В.Шкарина, на его рабочем столе я увидел как раз компьютер "Роботрон". Он был без глушителя. Кабинет, как я успел заметить, не имел специальной защиты и более того, время от времени следователь открывал окно, чтобы выветрить сигаретный дым из тесного кабинета.

Я тогда шутливо заметил, что он нарушает правила ПД ИТР, поскольку работает с моим делом, на котором, как я тоже успел заметить, стоит штамп "Совершенно секретно". Капитан был слишком серьёзен и, кажется, не оценил мой юмор. Вопрос с защитой компьютеров в ГСНИИОХТ стоял весьма серьёзно, поскольку ряд приобретённых по импорту приборов не могли работать с полным циклом обработки полученной информации. В частности, дело обстояло так в физико-химическом отделе, где не могли пользоваться компьютерами на приборе ядерно-магнитного резонанса и хроматомасс-спектрометре для идентификации химических соединений. Но это было уже вне здравого смысла и я немедленно разрешил эту задачу. Благо, для этого нашёлся хороший повод: в инструкции было сказано, что специальная защита не требуется в случае, если секретная информация не превышает 15% от общего объёма

обрабатываемой информации. Но кто мог точно проверить, какой процент составляет секретная информация на таких приборах, как, например, хроматомасс-спектрометр? Вопрос с узлом прослушивания телефонных разговоров оказался непростым для решения, поскольку эту работу выполняли здесь по поручению заместителя директора по режиму и, как я успел заметить, с огромным энтузиазмом. Как же, это давало возможность сидящему на этом узле оператору ежедневно ходить с докладом к самому майору КГБ Мартынову, да еще и быть в курсе всех интимных дел сотрудников института!

Я поторопился к Мартынову, чтобы обсудить судьбу узла прослушивания в отделе ПД ИТР. Я привел доводы против пребывания этого узла в моем подчинении и попросил майора перевести его в отдел режима, где бывший слесарь аналитического отдела Борис Чурков вполне мог бы справиться с такой работой. А мы можем оказать техническую помощь в содержании аппаратуры на должном уровне и даже приобрести более автоматизированную систему для записи, если это потребуется, внушал я ему. Мой собеседник густо покраснел от гнева и произнёс: "Так, вы начинаете свою новую работу с развала нашей?".

Он уже привык к тому, что отдел ПД ИТР практически полностью находился в его руках, хотя формально подчинялся непосредственно первому заместителю директора Гуськову. Однако, к моменту нашего разговора я уже знал, что оператор узла прослушивания следит и за разговорами первого зама, а в случае необходимости может подслушивать и самого директора, за исключением, разумеется, его высокочастотной связи. Я несколько раз заметил, как Гуськов несколько раз сидел около своего кабинета и беседовал с пришедшими к нему людьми. Стало быть, он понимал, что прослушиваются не только его телефоны, но и все разговоры в его кабинете. Установить "жучки" людям Мартынова, числящимся номинально у меня в отделе, было чрезвычайно легко. Ведь они обеспечивали защиту информации в служебных кабинетах, периодически проверяя их телефоны и двери. Это было смешно и немного грустно, поскольку люди, призванные оберегать хозяев этих кабинетов, фактически работали против них же. К сожалению, таковы были правила игры КГБ. А я тут вдруг взялся идти против течения!

Я объяснил с трудом сдерживавшему ярость Мартынову, что дополнительная работа, не предусмотренная положением по организации ПД ИТР, может дорого обойтись не только мне, но и ему, как заместителю директора по режиму. Ведь прослушка отвлекает нас от основной работы, а ее значение накануне возможного заключения конвенции по химическому оружию остро возрастает.

В ГСНИИОХТ ни у кого не было сомнения в том, что переговоры по заключению конвенции – одно, а работа ВХК – совсем другое.

Мы должны были любой ценой скрыть наши новые разработки. Майор КГБ, конечно же, понимал, что мои доводы – сплошная демагогия. Однако, против моей логики он не мог открыто возражать, тем более что я при этом ссылаясь на мнение людей из 3-его Управления МХП СССР. В результате Мартынов обещал подумать...

Борьба за перевод узла прослушивания увенчалась успехом лишь в 1988 году, когда я все ключи от комнаты и оборудование в ней вручил под расписку Борису Чуркову из отдела режима. Но это обстоятельство не мешает нынешнему директору ГСНИИОХТ Виктору Петрунину в его интервью различным корреспондентам подчёркивать, что в мои обязанности входило прослушивание телефонных разговоров сотрудников института, а также проверка их бумаг.

Что касается проверки бумаг, могу твёрдо сказать, что с первых же дней моего пребывания на должности начальника отдела ПД ИТР ГСНИИОХТ и отрасли я запретил заниматься этим бесполезным и оскорбляющим достоинство человека делом. Ибо цель отдела, как мне понималось, была другой, и я, насколько мог, старался делать это квалифицированно.

...Научно-техническая конференция по проблемам ПД ИТР отрасли состоялась в ноябре 1986 года в Волгоградском НПО "Химпром". На нём участвовали представители из Новочебоксарска, Вольского и Волгоградского филиалов ГСНИИОХТ, Редькинского филиала НПО "Химавтоматика" и представители из МХП СССР. Здесь же

были Крашенинников, Ткаченко и представитель нашего главка "Оргсинтез" Кочетков, с которым я жил в одном номере привилегированной гостиницы обкома КПСС. А.Кочетков через несколько лет будет членом экспертной комиссии, назначенной по моему делу следователем КГБ и подпишет заключение о моей виновности. В последнее время он пошёл на повышение по служебной лестнице и является членом конвенционального комитета по биологическому и химическому оружию при президенте России. Впрочем, я его не собираюсь обвинять, поскольку знаю, что он так долго и медленно взбирался по служебной лестнице, что ужасно дрожит за своё место. На конференции главной темой была необходимость технического перевооружения службы ПД ИТР отрасли для того. Мне кажется, что все собравшиеся это осознали. Кроме того, я договорился с руководством цеха 34 о внедрении моих разработок для выявления выбросов производства зомана и зарина в сточных водах и вентиляционном воздухе. Наметились хорошие перспективы для приобретения более совершенного лабораторного оборудования. К имеющимся в отделе трём хроматографам фирмы Varian я смог заказать ещё новый Varian 3600 для капиллярной хроматографии и хроматомасс-спектрометр фирмы Finnigan. Когда я составлял заявки, Крашенинников напутствовал: "Пишите так, чтобы читатели могли прослезиться от жалости, что такое необходимое оборудование так долго могло отсутствовать у вас". Я постарался и скоро пришло сообщение о том, что химическая секция военно-промышленной комиссии ЦК КПСС одобрила заявку. Возглавив отдел, я одновременно стал членом Учёного Совета и многочисленных его секций. Кроме того, меня включили в многочисленные комиссии, работающие по линии отдела режима и первого отдела. Несмотря на натянутые отношения, сложившиеся между мной и заместителем директора по режиму, он был вынужден меня терпеть и по возможности сотрудничать. Помню, он как-то даже пригласил в институт более десятка людей из КГБ для того, чтобы те прослушали мою лекцию, посвящённую основам организации ПД ИТР. Мне пришлось уступить напору коллектива, и я был избран секретарём первичной партийной организации, куда входили коммунисты моего отдела, отдела режима, первого отдела и отдела специальной связи. Эта должность отнимала много времени, поскольку бесконечные заседания парткома и его комиссий по поводу и без него сильно осложняли работу. Я нашёл хороший выход из положения, добившись, чтобы заместителем был избран С.Соколов, который к тому же был назначен моим заместителем по отделу ПД ИТР. В обязанности секретаря входил также ежемесячный сбор членских взносов, для чего члены партии должны были представить данные по своей заработной плате. Так я узнал, что заместитель директора по режиму является майором КГБ и заработную плату получает на Лубянке. Из личного дела ещё двух членов моей организации я установил, что один из них, Иван Суринский, подполковник в отставке, был начальником тюрьмы в Сибири, а другой-заместителем начальника по политической работе тюрьмы в Алтае. Всё это создавало во мне отрицательное настроение. Я начинал чувствовать, что моя попытка получить приборы, помещения и людей для развёртывания научно-исследовательской работы постепенно втягивала меня в круг каких-то тёмных, страшных людей, которых я никогда не уважал. Я довольно эмоциональный человек и мне порой трудно сдерживать свои чувства. Не могу сказать, что мне свойственна грубость, но со временем я часто обнаруживаю, что моя антипатия становится явной. Я постепенно начал размышлять о своей роли в окружении этих, к сожалению, в большинстве своём, не лучших людей, о месте ГСНИИОХТ и политике, которая вырабатывалась в связи с ведением переговоров в Женеве. ГСНИИОХТ участвовал в этом процессе, командировав в Женеву своих экспертов, подбор которых полностью осуществлялся двумя людьми – директором и Мартыновым. Какими критериями они при этом пользовались, было большой загадкой. Так, экспертами стали начальник аналитической лаборатории Скрипкин и начальник технологической лаборатории Кузнецов. В 1993 году Кузнецов тоже станет членом экспертной комиссии, назначенной по моему делу следователем КГБ и подпишет обвинительное заключение. Кроме того, он

же выступит на стороне обвинения на судебном процессе против меня в январе-феврале 1994 года.

Но в 1988 году Кузнецов, весьма ограниченный человек, каждый раз, возвратившись с очередной поездки в Женеву, будет прибегать в мой кабинет и, захлебываясь, рассказывать о своей новой работе.

На более высоком уровне за подбор экспертов из ГСНИИОХТ и МХП для женевских переговоров отвечал И.Габов, который в то время был разжалован в старшие инженеры главка "Союзоргсинтез", но поддерживался друзьями на плаву. Он тоже через несколько лет будет экспертом по моему делу и будет рьяно доказывать, что я виновен в разглашении государственных секретов...

В то время большой проблемой в переговорах была проверка соблюдения будущей конвенции. Большинство делегаций, включая и США, и СССР склонялись к проведению инспекций, не прибегая к непосредственному посещению заводов, которые подлежали проверке. В связи с этим большое значение приобретали анализы сточных вод предприятий и вентиляционного воздуха, а также других отходов. Поэтому высокочувствительные и точные методы анализа химических соединений приобретали решающее значение. В основном, упор делался на поиск фосфорорганических соединений, имеющих непосредственную химическую связь между углеродным и фосфорными атомами (C-P-связь). Но обойти эту проверку не составляло большого труда, - достаточно было на заводе, занятом выпуском фосфоорганических ОВ, начать производство каких-либо химических продуктов гражданского применения, имеющих такую же связь. Так, в ГСНИИОХТ и его филиалах начали работать установки, производящие фосполиолы с C-P-связью, используемые в качестве экстрагентов.

Позднее в Женеве всё же возобладал здравый смысл, и в тексте подписанной в начале 1993 года конвенции проверка на местах уже считалась нормальной практикой процесса контроля.

Однако разработка нового более токсичного ОВ А-232, которое имеет связь углеродного атома с атомом фосфора через кислородный атом (C-O-P), значительно усложнила процесс контроля. Дело в том, что точно такую связь имеют в своей основе многие сельскохозяйственные препараты, выпускаемые на обычных химических заводах.

В этой связи мне вспоминается докторская диссертация старшего научного сотрудника Ю.Ринка по исследованию возможности замены прекурсоров - исходных соединений для синтеза ОВ, которые подлежали проверке. Я не знакомился с этой диссертацией, но помню, что автор её защитил. Я далёк от мысли, что он выполнял чей-то заказ. Но у нас было немало специалистов, которые, подобно разработчикам компьютерных вирусов, готовили своих "паразитов" для подкопа под будущую конвенцию.

Как ни странно, их извращённое мышление работало именно тогда, когда назревал так называемый социальный заказ. Таким заказом была всеобщая вера всех специалистов, что конвенция не будет выполняться. Многие рассчитывали, что она поможет избавиться от старого хлама, а новые разработки будут сохранены втайне и станут основой нового витка соревнований в области химических вооружений. Никто не сомневался, что в точности так же поступят и США.

Могу с большой вероятностью утверждать, что вся политика, стратегия переговоров в Женеве разрабатывалась в УНХВ и руководил этим процессом никто иной, как генерал А.Кунцевич. И никого не должно вводить в заблуждение то, что он непосредственно не участвовал в переговорах.

В основе игры лежат вещества двойного назначения, которые, будучи прекурсорами рядовых сельскохозяйственных или других гражданских препаратов, могут быть в то же время и прекурсорами для получения ОВ. Все теперь сводится к тому, чтобы наряду с разработкой нового ОВ, разрабатывать также и новый препарат гражданского назначения, например, пестицид.

В связи с разработкой бинарного оружия вовсе отпадает необходимость организации опасных производств ОВ, таких как Новочебоксарский комбинат. Значительно облегчаются проблемы снаряжения боеголовок, их хранения и транспортировки.

Главное, потенциальный нарушитель конвенции может для своих замыслов использовать продукцию заводов, которые могут даже не подозревать, что они производят прекурсоры для смертоносного бинарного оружия.

Такие мысли мне пришли в голову после того, как на стенде, вывешенном на стене напротив дирекции, я увидел формулу нового пестицида, сходную с формулой вещества А-232. Стоящий рядом Борис Мартынов, хвастливо объяснил, что так он обеспечивает "прикрытие" своего продукта. Стенд с формулами пестицидов, разработанных в ГСНИИОХТ и других институтах, был предназначен для широкой рекламы продукции института, и одновременно для того, чтобы специалисты "привыкали" к ним, как к гражданской продукции.

И тут я совершенно случайно узнал об одном странном деле, смысл которого мне стал ясен далеко не сразу.

Подготовленный нашим отделом отчет по проблемам ПД ИТР не приняли в машбюро, где печатали секретные материалы. Объяснили тем, что машбюро срочно перепечатывает всю технологическую документацию Новочебоксарского комбината, выпускающего вещество "33".

Выяснилось, что её переделывают под выпуск VX-газа. Это было смешно и грустно – я не представлял, как можно будет затем заморочить головы международным контролёрам. Ведь они должны были прибыть на место уничтожения и удостовериться, что уничтожается именно определённое ОВ, а не какой-то абстрактный газ. Но, видимо, в стратегии ведения переговоров было предусмотрено нечто позволяющее надеяться на эффективность такой уловки. Основную цель этой затеи я тогда не понял, но позднее, когда я выйду из лефортовской тюрьмы КГБ после первого моего ареста и позвоню моему другу, ныне покойному Леониду Липасову, он мне скажет об ошибке, допущенной в моей статье "Отравленная политика" ("Московские новости" от 16 сентября 1992 года). Только тогда я пойму, насколько дальновидными оказались хозяева ВХК. Я в статье утверждал, что генерал А.Кунцевич и другие получили в 1991 году Ленинские премии за разработку бинарного оружия, основанного на новом веществе. Нет, они, оказывается, получили премию за бинарное оружие на основе давно нам известного Новочебоксарского вещества "33"! Подтасовка документации Новочебоксарского комбината как раз и была частью этой операции.

Было бы наивно думать, что генералы от ВХК сделали всё это исключительно для того, чтобы получить премию. В том-то и дело, что всё делалось по заранее разработанному плану, который согласовывался со стратегией проведения переговоров по конвенции. Летом 1995 года, когда я готовил статью для сборника Симпсонского центра с утверждением, что согласно Вайомингского меморандума, стороны должны были обменяться формулами своих ОВ, подлежащих к уничтожению на втором этапе действия этого документа, американский профессор Мезельсон упрекнул меня в неточности. На самом деле стороны должны были ещё за три месяца до подписания конвенции обменяться такой информацией. Но Россия не предоставила такие данные.

Но формула вещества "33" была опубликована Львом Федоровым в декабрьском номере журнала "Химия и жизнь" от 1993 года. Он выудил её у В.Углева, бывшего сотрудника Вольского филиала ГСНИИОХТ, поставив своего неосторожного собеседника в опасное положение. Углев вполне мог быть обвинён, и не без основания, в разглашении государственной тайны.

...Задача отдела ПД ИТР предельно была конкретизирована. Теперь требовалось обеспечить прежде всего сохранность секретов новых разработок. Для этого мы должны были срочно разработать более чувствительные методики определения следов веществ в сточных водах и воздухе.

В 1989 году эти работы потребовали форсировать. Ведь уже скоро американские специалисты должны были посетить ряд химических объектов, связанных с разработкой и производством ОВ. Для подготовки такого мероприятия была создана комиссия во главе Гуськовым, в которую входил и я.

Методики предстояло разработать в авральном режиме в течение каких-то двух месяцев. Я заявил, что невозможно разработать методики с чувствительностью, большей чем существующие, в 100 раз, причем в столь краткие сроки. Почему такая

спешка должна предшествовать приезду специалистов, если они не будут отбирать пробы воды и воздуха – недоумевал я. Гуськов с вполне серьезным видом объяснил, что иностранные специалисты, войдя в помещения, могут носовым платком взять "мазок" с поверхности стены или пола, а затем у себя дома "расшифровать" наши новые соединения.

Я с трудом заставил себя не расхохотаться. Таковы были представления наших начальников об иностранных технических разведках! Не могла и не может пока наука таким фантастическим путем раскрывать секреты.

В соответствии с "мудрым" планом наших начальников, из всех комнат, куда должны были пригласить американцев, надо было непременно убрать все импортные приборы. Но это было, пожалуй, всё, что мы могли сделать для намечаемой встречи.

Кроме того, как мне объяснил всё тот же Гуськов, американцы должны были прибыть также и в цех 34 Волгоградского НПО "Химпром", производивший до 1987 года зоман и зарин. Я не понял, почему должен заботиться о том, чтобы в воздухе около этого цеха не было вещества А-230. Заместитель директора сказал, что за забором цеха 34 находится установка опытного завода Волгоградского филиала ГСНИИОХТ по производству этого вещества...

Глава 7

Муки прозрения

Наша деятельность по защите новых разработок ГСНИИОХТ никак не вязалась с изменениями, которые в то время происходили в нашей стране и в ее внешней политике, ставившей своей целью обеспечение безопасного мира. Выходило, что я, как и сотни других ученых, участвовал в заговоре против будущей конвенции по химическому оружию, повторяя участь ученых-невольников из сталинского прошлого. Руководство ГСНИИОХТ в сентябре 1994 года подает на меня иск в суд в размере 33-х миллионов рублей, обвинив в том, что я своими публичными выступлениями нанес ему моральный и материальный ущерб. В частности, дирекция института обвинила меня в том, что я называл ГСНИИОХТ "шарашкой". Не знаю, чего здесь больше: незнания истории ГСНИИОХТ или простого лицемерия. Ведь во время войны и еще довольно продолжительное время после на территории института находилась тюрьма для политических заключенных-химиков. Из тюремных камер ученых конвойные приводили в лаборатории и на опытные установки, где они работали, порой самоотверженно и талантливо.

Термин "шарашка" был введен в литературу А.Солженицыным и означал тюрьму-научно-исследовательский институт.

В такой химической "шарашке" и работали выдающиеся ученые Р.Удрис, П.Сергеев, М.Немцов и Кружалов, которые еще в 1946 году впервые в мире разработали гидроперекисный процесс получения фенола и ацетона.

Но стоило П.Сергееву освободиться из этой "шарашки", как сюда угодил его сын, также химик. Он отбывал здесь срок по клеветническому обвинению в антисоветской агитации. Я его

знал лично. Это был высокоэрудированный, знающий несколько языков ученый. После того, как его уволили якобы "по сокращению штатов", он в августе 1992 года опубликовал в "Известиях" статью о своем участии в затоплении больших количеств отравляющих веществ в Тихом океане.

В более поздние годы ученые ГСНИИОХТ как бы продолжали печальную традицию труда самоотверженных исследователей в условиях, весьма далеких от безопасных. Говоря о "шарашке", я всегда имел и имею в виду сами условия труда и режим в этом институте, а вовсе не ученых, среди которых были и есть сегодня выдающиеся специалисты, такие, например, как профессор Андрей Томилов. Если Петр Кирпичев

не был автором страшного вещества А-230, известного теперь как "Новичок", то и его я также поставил бы рядом с выдающимися учеными.

В то же время необъяснимым с точки зрения здравого смысла было то, что все занятые в области химических вооружений в СССР находились вне закона. Их как бы не существовало. Когда кто-либо заводил, например, разговор о повышении заработной платы или пенсий до уровня по крайней мере шахтеров или других опасных профессий, то администрация отвечала буквально следующим образом: поймите, мол, для государства мы не существуем, оно никогда не признавало и не признает, что у нас разрабатывается и производится химическое оружие. Следовательно, заключали начальники, по этим вопросам и обращаться невозможно. Позднее я убедился, что правящая верхушка СССР отличалась небывалым лицемерием по проблеме химического оружия. Ведь в перечнях сведений, составляющих государственную тайну, на основании которых позже было сострепано мое "дело", не оказалось даже намека на отечественное химическое оружие. То есть оно было секретнее, чем самые главные секреты СССР. Режим секретности в военно-химическом комплексе был организован именно в расчете на то, чтобы скрывать все это лицемерие и обман. Благо, режим "шарашки" позволял это делать безбоязненно.

Но система ВХК явно начинала загнивать. Вопреки всякой логике строился крупномасштабный комбинат по промышленному производству вещества "33" в Новочебоксарске и в 1978 году он был полностью введен в действие. Сотни миллионов рублей были ухлопаны на выпуск этого даже с точки зрения военных специалистов некачественного оружия, в то время, когда Соединенные Штаты полностью прекратили производство химического оружия.

В это время на передовую часть ученых-химиков, начинавших приобретать элементы политического сознания, не могли не оказать влияние выступления А.Сахарова, А.Солженицына и других выдающихся деятелей науки и литературы, о содержании которых мы могли судить разве что по западным "радиоголосам".

Порой ученые за рубежом проявляли подлинный гражданский героизм, отстаивая правду во имя сохранения мира. На многих в СССР тогда произвели неизгладимое впечатление поступки Д.Эллесберга в США и М.Вануну в Израиле.

Первый из этих людей в 1971 году опубликовал секретные документы Пентагона о применении опасных химических препаратов во Вьетнаме. Советские газеты представили это событие таким образом, что часть американских разведчиков будто бы решила выступить против своих начальников в борьбе за власть в стране. Однако, каждый, кто привык читать наши газеты с поправкой на пропагандистские издержки, легко мог догадаться, что же произошло на самом деле. Я понял, что Эллесберг совершил свой поступок во имя правды, чтобы американский народ сам смог судить об истинном лице тогдашней администрации президента Никсона.

Д.Эллесберг жертвовал собой ради гражданской правды. Ему, согласно американским законам, грозило более 99 лет тюремного заключения. Никсон приказал использовать всевозможные тайные незаконные каналы для расследования дела Д.Эллесберга.

Однако, судьба распорядилась все же справедливо. Судья, после того, как к нему поступило уголовное дело, убедился, что оно выполнено в нарушение норм Конституции США и поэтому немедленно решил прекратить его. Президент Никсон скоро был смещен со своего поста за обман и нечестные методы ведения предвыборной кампании. В качестве одного из доводов при импичменте Никсона фигурировало дело Д.Эллесберга.

Мордехай Вануну, о котором наша пресса писала в 1986-87 годах, опубликовал в английских газетах сведения о секретном производстве атомного оружия в Израиле. Хотя и до этого многие писали об этом, мало кто верил в достоверность этой информации, поскольку она была основана на косвенных свидетельствах. Но когда об этом заговорил человек, который сам работал в израильском атомном центре, и дополнил свою информацию фотоснимками, сделанными им там же, то ему поверили все. Дело приняло драматический оборот. М.Вануну был выкраден израильской разведкой и доставлен в Израиль, где его тайно осудили на двадцать лет заключения в одиночной камере.

Я был потрясен действиями этого отважного человека, решившего посвятить мир в безумные планы израильской военщины. Ни тогда, не теперь не верю тем, кто обвинял Вануну в предательстве своей Родины. Многие из тех, кто поддерживал такое обвинение, находились под пропагандистским гипнозом, точно также, как это практиковалось в СССР при сталинском режиме.

Поступок Вануну оказал на меня большое влияние, возможно, подсознательно отражаясь впоследствии и на моих действиях.

Для меня постепенно становилось ясным, что гонка химических вооружений – это важный элемент холодной войны и ничего общего с повышением обороноспособности страны не имеет. Становилось также очевидным, что в ней был заинтересован лишь узкий круг военных и гражданских генералов, извлекающих из этого безумия свои блага. Трудно даже представить, в какой еще сфере они могли бы их получить, используя для этого рабский, малооплачиваемый труд ученых, постоянно работающих в опасных и вредных условиях!

Особая роль во всем этом принадлежала КГБ, представитель которого с 1972 года стал заместителем директора по режиму. С этого момента проход в институт и лаборатории был еще более ужесточен. Если до этого везде стояли гражданские охранники, часто пожилые женщины, не умеющие толком обращаться с оружием, то теперь все они были заменены военными профессионалами из полка, переброшенного со сверхсекретного объекта в Сибири. Вот вам и политика разрядки, о которой советская пропаганда тогда трубила на страницах печати! Рассказывая о деятельности КГБ в институте, следует остановиться о проблеме сохранения государственной тайны, для чего, собственно, и нужны были здесь чекисты.

Существовало целых четыре секретных отдела с многочисленным штатом, но в самом лучшем случае они могли обеспечить сохранность и движение секретных бумаг, но никак не отравляющих веществ – ни новых, ни старых. Мне думается, что они скорее имели символическое значение, так же как и пугало западных разведок. Действительно, за все время моей работы в ГСНИИОХТ я не разу не слышал о том, чтобы "вражеские разведки каким-либо образом пытались раздобыть что-либо на объектах военно-химического комплекса. Об этом мне не стало известно и в годы работы начальником отдела противодействия иностранным техническим разведкам. Противодействовать было практически некому.

Нельзя сказать, что при этом КГБ терял "бдительность", его представители периодически проводили так называемые закрытые партийные собрания, где какой-либо генерал делал доклад о кознях иностранных разведок, которые всеми силами стараются раздобыть наши оборонные секреты.

Но примеры, приводимые ими, тут же опровергали их собственные утверждения. Так, заместитель начальника управления КГБ рассказывал об истории с заместителем директора научно-исследовательского института хлорной промышленности (ГИПРОХЛОР). Тот, якобы, запутавшись со своими долгами и с женщинами, решил подзаработать на "государственных секретах". Когда этих "секретов" у него накопилось довольно много, он начал искать покупателя. Наконец, ему удалось познакомиться с одним шведским журналистом и даже договориться о сделке. Но, как в лучших советских фильмах, при передаче секретов он был пойман славными чекистами и разоблачен, как враг нашего социалистического строя. Докладчик с гордостью сообщал, что "шведский журналист" был нашим агентом.

Чего же можно было ожидать от чекистов, основным занятием которых является провокация? Я в свое время работал с одним из бывших сотрудников КГБ, который рассказывал, как на Дальнем Востоке СССР были организованы специальные войсковые части НКВД, имитирующие немецкие войска. Прошедших курс обучения новоиспеченных советских агентов сбрасывали с самолетов вблизи расположения этих частей. Агенты быстро попадали в руки чекистов, переодетых в форму немецких офицеров. Под пытками некоторые из этих агентов соглашались работать на немцев, что означало для них немедленную смерть без всякого суда и следствия.

А вот когда требовалось по-настоящему проявить бдительность и находчивость, работники КГБ были беззаботны.

В этой связи я всегда вспоминаю случай с покойным начальником отдела Д Николаем Остапчуком.

Ученый очень уж любил выпивать, в том числе и на работе. То ли по причине воздействия алкоголя, то ли от чрезмерного желания поработать с секретными документами Николай обращался как с обычными бумагами,нося их в своем портфеле. Несмотря на то, что он несколько раз в пьяном виде падал и спал где-то на улице, даже в подземном переходе недалеко от ГСНИИОХТ, КГБ никаких мер не принимало. Зато, когда после внезапной смерти Остапчука а ГСНИИОХТ пришла его жена и принесла в целости и сохранности сверхсекретные бумаги в отдел режима, это вызвала неудовольствие многих отвечавших за секретный режим. Складывалось впечатление, что для них лучше было бы, если эти бумаги просто бесследно исчезли. Тогда можно дело можно было бы замять без всяких последствий. Но вдова даже не стала прибегать к помощи друзей из дирекции, чтобы попытаться загладить промах покойного, таким образом отомстив собутыльникам мужа.

Контроль за сохранностью отравляющих веществ был организован абсолютно формально.

Во-первых, его осуществляли сотрудники отдела режима, не имеющие даже приблизительного представления о химии. Контингент этого отдела обычно формировался из представителей рабочего класса типа Бориса Чуркова и Вячеслава Малашкина, так или иначе в свое время втянутых в круг осведомителей КГБ. Во-вторых, контроль проводился по балансу полученного и израсходованного количеств вещества. Расход вещества по дням фиксировался исключительно самим исполнителем работ. В принципе, он мог вещество вовсе и не расходовать и распоряжаться с ним по своему усмотрению: была бы лишь какая-нибудь запись в журнале. К тому же для получения дополнительной оплаты за вредность исполнитель должен был отчитываться за рабочие дни по работе с ОВ. Все это часто приводило тому, что многие научные сотрудники по тем или иным причинам не набравшие этих дней, просто делали в своих рабочих журналах липовые записи о якобы проведенных работах и чтобы закрепить этот обман, попросту уничтожали за один приём всё полученное для опытов вещество.

Контролеры из отдела режима в результате могли лишь заставить научных сотрудников взвешивать в своем присутствии ампулы с ОВ. Но что в этих ампулах находилось, для них не имело решительно никакого значения. Так что потенциальный злоумышленник мог делать с веществом все, что ему вздумается. К сожалению, и сегодня дела с контролем в институте обстоят по-прежнему плохо. Дай бог, чтобы и в дальнейшем здесь не случилось здесь ничего ужасного. К сожалению, в этом деле, кроме воли Всевышнего, полагаться больше не на что.

Наверное, мало кому из работавших в ГСНИИОХТ прапорщики из военизированной охраны института не предлагали свои услуги. Лично я знал нескольких таких ребят, которые за несколько сотен миллилитров спирта брались вывезти из территории ГСНИИОХТ всё, что угодно. Они свои обещания выполняли весьма "добросовестно", вывозя различные строительные материалы, краску, железные прутья и прочие предметы для строительства садовых домиков под Москвой. Этих ребят совершенно не интересовало, что вывозилось при их прямом участии, хотя они знали, что вывозимое украдено. Впрочем, в СССР кража государственного или колхозного имущества не считалась криминалом. Не крал только тот, кто не имел на своей работе предмета кражи. В то же время как-то трудно было квалифицировать это как кражу, поскольку государство большевиков обкрадывало и грабило население на протяжении нескольких поколений постоянно и делало почти невозможным само выживание людей без кражи. Поэтому практически никто не возмущался и не доносил властям. В этом смысле советский народ стал единым, всецело связанным круговой порукой.

Однажды, когда мне потребовалось несколько десятков болтов для забора на моём садовом участке и я потратил массу времени на их поиски в магазинах, я обратился к одному из начальников цехов, чтобы он помог мне найти эти железяки. Затем я намеревался пойти в бухгалтерию института и оплатить стоимость необходимых мне

деталей. Начальник цеха направил меня к начальнику своего склада, женщине пенсионного возраста.

Выслушав меня, она решительно отказала, объяснив, что для лаборатории столь большого количества болтов ей просто жалко. Когда я более чётко разъяснил суть своей просьбы, женщина буквально засияла и воскликнула: "Я-то думала, это тебе нужно для работы! Но для дома ничего не жалко, бери сколько хочешь и никакого оформления не надо!"

...Что касается иностранных разведок, то теперь я уверен, что им всегда было наплевать на какие-то химические секреты ГСНИИОХТ. В начале декабря 1993 года писатель Дэвид Вайс по моей просьбе прислал всю информацию о советском химическом оружии, находившуюся в библиотеке Конгресса США.

Бог ты мой! Там было все, но ничего похожего на реальность!

...Вот в такой обстановке приходилось работать, творить ученым-энтузиастам. Многие, не в силах противостоять этой лжи и беспросветности, попросту спивались, опускались, поскольку

все прелести "шарашки" здесь усиливались еще всепроникающим партийным вмешательством в личную жизнь ученых.

Партийный комитет института активно проводил так называемую воспитательную работу, которая сводилась к элементарной травле и сведению личных счетов. Вряд ли кто из ветеранов ГСНИИОХТ забудет трагическую судьбу молодого физико-химика Бориса Медведева, загнанного травлей парткома, открыто и беспардонно вмешавшегося в его отношения с молодой научной сотрудницей. Не выдержав издевательств, молодой ученый принял в себя вещество "33", став добровольной жертвой этого смертоносного оружия.

Предсмертные страдания Медведева не поддаются описанию. Помочь ему никто не мог, это было опасно, ибо такая же участь грозила каждому, кто попытался бы к нему прикоснуться.

Еще в предвоенные годы в ГСНИИОХТ от ОВ гибли люди. Тогда здоровые молодые деревенские парни, убегая из сел, подвергнутых тотальной коллективизации, устремлялись в города, в том числе и в Москву. По свидетельству одного из ветеранов, эти бедолаги были готовы идти на любую работу, в том числе и в химических "шарашках". Наиболее крепким и здоровым из них предлагали участвовать в испытаниях воздействия отравляющих веществ. За несколько десятков рублей несмышленные крепыши соглашались стать подопытными кроликами, даже не подозревая, какие мучения их ждут перед тем, как они отправятся в мир иной или станут безнадежными калеками во имя безумных замыслов верхушки военно-химического комплекса.

В институте регулярно происходили отравления ученых, пожары и прочие несчастные случаи. Эти происшествия расследовались комиссиями, у которых была всегда одна цель – оправдать дирекцию.

Конечно, бывало и берассудное легкомыслие. Как сегодня, помню случай, произошедший более десяти лет назад, когда я занимался анализом проб, связанных с переводом в устойчивое аэрозольное состояние вещества "33".

Пробы обычно из других лабораторий доставлялись в пробирках, помещенных в переносные стальные контейнеры, на дне которых был засыпан активный уголь. По внутреннему телефону мне сообщили, что сейчас принесут пробу на анализ. И очень скоро в моей комнате появилась красивая научная сотрудница О.Глаговская, но без контейнера. В ответ на мой немой вопрос она голыми руками из своего кармана достала три пробирки и спокойно поставила под вытяжной шкаф. Ну, что тут скажешь?

До сих пор корю себя за то, что не отругал ее тогда за легкомыслие. Кто знает, если бы я так сделал, то, может быть, она не скончалась бы от рака в самом расцвете сил.

Но подавляющее большинство сотрудников соблюдали абсолютно все инструкции и правила, но несчастные случаи не прекращались.

Дело отчасти было в том, что никто и никогда не подвергал сомнению сами эти инструкции. Они время от времени по определенному графику переписывались и

переутверждались, практически не меняя своего содержания. Инструкции по дегазации, например, зомана в течение десятков лет оставались неизменными. Я уже и не говорю о том, что дегазационные растворы своевременно не исследовались с помощью высокочувствительных точных методов. Независимо от состава анализируемой смеси и природы отравляющего вещества по всему военно-химическому комплексу был установлен один аналитический метод – холиноэстеразный. На его основе судили о полноте дегазации всех фосфорорганических отравляющих веществ, будь то зоман, зарин, вещество "33" или "Новичок". Хотя давно уже было установлено, что в присутствии других химических соединений, например, солей, органических кислот, серу-и кислородсодержащих веществ этот метод дает большую погрешность.

Однажды генерал Кунцевич хвастливо заявил, что он давно и успешно занимается вопросами уничтожения ХО. В своей докторской диссертации генерал предложил метод дегазации боевой техники после поражения зарином или зоманом, заключающийся в обработке металлической поверхности смесью этаноламина и этилцеллозольва. Я даже не говорю о том, насколько ущербна сама идея использования однажды зараженной техники солдатами. Об этом могут рассуждать лишь генералы в стране, где человеческая жизнь ничего не стоит. Тем не менее диссертация генерала прошла защиту на "ура".

Естественно, отдел дегазации ГСНИИОХТ во главе с упомянутым Н.Остапчуком решил использовать генеральскую идею. Мне поручили выполнение анализов на полноту проведенной дегазации. Первые же газохроматографические анализы показали несостоятельность предложенного Кунцевичем метода. Уровень остаточного содержания отравляющего вещества на несколько порядков превышал предельно-допускаемую концентрацию (ПДК).

Или другой пример. В 1984 году я и мои сотрудники разработали новый высокочувствительный и селективный метод газохроматографического определения зомана в воздухе и сточных водах. В 1986 году я решил внедрить этот метод в практику анализа на Волгоградском химическом комбинате. До этого там использовались приборы на основе холиноэстеразного метода. Они все время показывали, что содержание зомана в выбрасываемом в атмосферу воздухе не превышает принятых норм. Завод работал по циклическому графику – скажем, после месяца работы могло следовать два месяца профилактических работ и так далее. Когда я впервые приехал со своими сотрудниками, чтобы провести анализы выбрасываемого в атмосферу воздуха, завод уже полтора месяца находился на профилактике.

Вот мои записи с результатами некоторых анализов. Дата проведения анализов: 10 февраля 1987 года.

Объект анализа: Воздух, выбрасываемый через трубу N 606 А.

1-ая проба	-	10 предельно-допустимой концентрации (ПДК)
2-ая проба	-	50 ПДК
3-я проба	-	57 ПДК
4-ая проба	-	80 ПДК

Таким образом, уже после остановки завода из его цеха в атмосферу выбрасывался воздух, в котором было повышенное содержание отравляющего вещества. А каковы же тогда были атмосферные выбросы во время рабочего цикла цеха?

Еще большее разочарование постигло нас, когда мы приступили к исследованию проб из накопителя сточных вод. Вода после дегазации выдерживалась в этом накопителе в течение определенного времени в среде избыточной щелочи для полного уничтожения ОВ. Затем содержимое накопителя смешивалось со сточными водами из производства сельскохозяйственных препаратов и выбрасывалось за пределы комбината. Первые же результаты анализов дали ошеломляющую картину: во всех пробах превышение допустимых норм составляло от 100 до 1000 раз!

Прежде чем доложить по инстанции, мы повторили свои анализы в Москве, используя хроматомассспектрометрию. Увы, картина была столь же жуткой. Стало ясно: завод по производству ХО в Волгограде работал в течение десятилетий не столько на

защиту страны от "империалистов", а напротив, постоянно отравлял собственную страну! Ведь сточные воды завода сливались в так называемое Белое море – озеро, непосредственно примыкающее к жилым кварталам города!

Я в это время уже понял, что моя работа по противодействию иностранным техническим разведкам является фикцией и одной из разновидностей советского очковтирательства, ибо только ленивый мог бы не обнаружить зоман около завода. Правда, если бы захотел.

О проделанной работе я доложил директору ГСНИИОХТ Петрунину. Его реакция была удивительной. Петрунин нисколько не был встревожен моим сообщением. "Вы знаете, что главным инженером на Волгоградском заводе работал Сергей Голубков, заместитель министра химической промышленности, – начал разъяснять мне директор. – Теперь он наш непосредственный начальник, и если мы доложим о ваших находках в министерство, то меня и вас он попросту снимет с работы. Я уверен, что если вы продолжите свои работы на Чебоксарском комбинате, то и там обнаружите не меньше недостатков, но это ничего, кроме неприятностей на наши головы не даст", – заключил Петрунин.

Но я решил идти до конца и добился, чтобы мой доклад был заслушан на совете министерства по противодействию иностранным разведкам. Его возглавлял все тот же С.Голубков.

Результат моего доклада оказался потрясающим. Присутствовавший на совете заместитель директора ГСНИИОХТ К.Гуськов тут же от всего откrestился и заявил, что исследования Мирзаянова носят чисто инициативный (!) характер и поэтому его выводы дирекция института не поддерживает. С.Голубков многозначительно добавил, что следует хорошенько разобраться, кто санкционировал эти работы.

Мой хороший знакомый после окончания заседания успокаивал меня: радуйся, мол, что идет "перестройка", иначе ты сегодня уже не возвратился бы домой.

Так я окончательно убедился, что верхушка ВХК шла и идет на любые преступления против человечности для достижения своих узкокорыстных целей. Начавшаяся в стране перестройка нисколько не умерила ее пыл. Элита ВХК была уверена, что сумеет быстро адаптироваться к ней. "Не такие потрясения пережила наша система!" – так комментировал перестройку заместитель директора ГСНИИОХТ профессор В.Курочкин.

А Петрунин на одном из установочных заседаний поучал ученых-несмышлennyшек: "Любая перестройка – это чисто внутреннее дело страны. Ни на минуту нельзя забывать, что природа капитализма не изменилась и империализм по-прежнему наш злейший враг. Поэтому наше дело – крепить оборонную мощь страны. Любые другие настроения льют воду на мельницу врага и являются преступными".

Шел 1988 год – третий год горбачевской перестройки. К тому времени в ГСНИИОХТ было уже немало демократически настроенных ученых и инженеров. Часть из них создала организацию по поддержке демократов во главе с Б.Ельцином, регулярно участвовала в митингах и демонстрациях против КПСС и противников перестройки. Я стал одним из организаторов этих выступлений, вызывая тем самым огромное неудовольствие со стороны дирекции. Хотя возглавляемый мной отдел и я сам непосредственно не подчинялись КГБ, но в известной мере считались его вотчиной. Поэтому мое поведение было вызывающим для чекистов. Отдельные доброжелатели из дирекции упрекали меня в излишнем идеализме и непрактичности. Однако я уже принял для себя решение бороться против господствующей системы, против военно-химического комплекса, разумеется, совершенно не допуская даже самой мысли о пренебрежении к режиму секретности института и к своим обязанностям.

К этому времени мне удалось оснастить отдел современным импортным лабораторным оборудованием.

Были и кое-какие научные успехи. Тем не менее я четко ощущал возникшее ко мне недоверие, хотя и продолжал с рвением выполнять плановые работы. В их числе была подготовка объектов военно-химического комплекса и ГСНИИОХТ к возможному визиту американских специалистов.

Порой недоверие ко мне выражалось в весьма нелепых формах. В частности, мой отдел должен был контролировать возможную утечку через воздух и сточные воды

соединений типа "Новичок". В то же время я демонстративно не был включен в список лиц, допущенных к работе по разработке бинарного оружия на его основе. Незадолго до этого случилось тяжелейшее отравление моего хорошего знакомого инженера Андрея Железнякова веществом А-232. Он лишь чудом остался в живых, но так и не оправился до конца. Андрей скончался в 1993 году. Нас с Андреем связывали добрые человеческие отношения и он был первым, кто в 1992 году, когда началось преследование меня со стороны КГБ, смело выступил в мою защиту, дав интервью газете "Балтимор сан" и журналу "Новое время". Благодаря ему мир узнал о программе "Новичок" и работах по созданию бинарного оружия. Так уж случилось, что после моего заключения в Лефортово мы с ним больше не виделись, хотя и не раз говорили по телефону, который, как мы оба знали, прослушивался чекистами.

Андрей Железняков в редакции журнала «Новое Время». 1993 год.

Андрей был большой весельчак и балагур. Он обладал несомненным талантом художника и резчика по дереву. Его работы за бесценок приобретало начальство ГСНИИОХТ. Несколько крупных художников приглашали Андрея поработать в их студиях, но что-то у них не сходилось. А после отравления он уже не выдерживал напряжения творчества.

Андрей мог бы еще многое сделать для человечества. Жаль, что журналисты, имевшие с ним дело, подошли к нему шаблонно и безучастно. Андрей после этого замкнулся в себе, его трудно было разыскать по телефону. Он, будучи беспредельно честным человеком, даже не мог допустить мысли, что кто-то просто хочет получить от него информацию для прессы и при этом не попытается предпринять что-то конкретное для уничтожения монстра, который превратил его, Андрея Железнякова, в живой труп. Почему никто из тех, кто на словах так рьяно отстаивает гуманизм, не попытался спасти его хотя бы с целью научиться лечению от страшного изобретения человека? Я был уверен: когда люди узнают о самом факте поражения человека совершенно неизвестным грозным химическим оружием, врачи-гуманисты из западных стран заинтересуются этим случаем и предложат Андрею свою помощь. Будь она оказана вовремя, был бы спасен не только Андрей. Это был бы хороший повод окончательно разобраться с так называемым синдромом ветеранов войны на Персидском заливе. Уже находясь в Соединенных Штатах, я не раз отвечал на вопросы корреспондентов по этому поводу. Многие ветераны этой войны в настоящее время больны неизвестной болезнью, сопровождаемой симптомами отравления ОВ. Официально утверждается, что Ирак не применял против американской армии ХО, которое он имел в своем

распоряжении. В то же время известно, что Ирак имел опыт применения ХО в войне против Ирана, а также против курдского населения незадолго до событий в Персидском заливе. У меня нет оснований не доверять этой версии, поскольку открытое применение ХО против хорошо оснащенной американской армии не могло пройти незаметно. Многочисленные проверки ООН на территории побеждённого Ирака показали, что там нет более ХО. Оно, как утверждается, было полностью уничтожено ещё до начала американского вмешательства в Кувейте и вторжения в Ирак. Однако, Ирак не обладал какими-либо установками по безопасному уничтожению ХО. Поэтому, если верить этой версии, то ХО могло быть уничтожено путём его подрыва на открытом воздухе в районе, близком к Кувейту, то есть в непосредственной близости к американской армии. Такой варварский метод уничтожения ХО отличается очень низкой эффективностью и значительная часть ОВ при этом остается неразложившейся. Смешивание ее с твердыми частицами (пыль, песок, продукты стгорания веществ) приводит к сильному заражению местности. Адсорбированные ОВ на поверхности твердых частиц могут "жить", не изменяя своего химического состава, неопределённо долгое время. Я выше уже писал об этом феномене в связи с заражением заводской трубы Волгоградского завода по выпуску зомана и зарина. Учитывая климатические особенности Иракского залива с его сухим воздухом, изобилием песка и пыли, которые могут быть унесены ветром на большие расстояния, можно предположить, что остатки уничтоженных ОВ могли "увезти" с собой и солдаты американской армии. Мне хочется в качестве наглядного примера привести результаты работы в 1993 году экспедиции американской организации по контролю за вооружениями в курдское село, где иракским режимом был применен зарин против мирного населения. Через два года после применения и почти через год после взятия образцов пробы из могилы жертв было доказано присутствие в них остатков зарина. Впервые в мировой практике научных исследований было продемонстрировано, что даже такое относительно неустойчивое химическое соединение, как О-изопропилметилфторфосфонат (зарин), может сохраняться столь долгое время под землёй.

Определить ОВ в адсорбированном состоянии чрезвычайно сложно, это требует специального лабораторного исследования. Мне неизвестно, проводились ли такие анализы в полевых химических лабораториях американской армии и каковы были их результаты. Если ставка была сделана на спектрометр по ионной подвижности, который является основным полевым прибором американской армии, то есть вероятность, что ОВ, содержащиеся в твердых микрочастицах, не были обнаружены. Этот прибор рассчитан на определение ОВ в воздухе в парообразном состоянии. Он имеет относительно низкую чувствительность и не может фиксировать низкие концентрации, которые не могут убить человека, но ущерб его здоровью все же наносят.

Кроме того, прибор отличается чрезвычайно низкой селективностью, то есть трудно определять какое же вещество в конечном счёте он регистрирует. Поэтому он должен быть предварительно настроен на регистрацию уже известных веществ, которые в случае их присутствия в анализируемом воздухе проявляются через определённое время после начала работы прибора. Иначе говоря, каждое вещество имеет свое характеристическое время проявления. Если прибор даёт сигнал с характеристическим временем, не совпадающим с тем, на которое он был настроен, то этот сигнал отбрасывают, как не имеющую значения помеху.

Думаю, что в случае конфликта на Персидском заливе эти спектрометры были настроены на обнаружение иприта, зарина и VX-газа, поскольку имелись данные, что Ирак обладает именно этими видами ХО. К сожалению, американская разведка не учла, что Ирак не мог производить американское отравляющее вещество VX, если, конечно, сами американцы не продали его в свое время Саддаму Хусейну. С большой вероятностью Ирак мог обладать советским веществом "33", которое, будучи аналогом VX-газа, по своим физико-химическим свойствам отличается от него и, конечно же, имеет другое характеристическое время проявления на спектрометре по ионной подвижности. Отсюда следует, что если по какой-либо причине вещество "33" могло быть экспонировано на американских солдатах, то оно не могло быть

зафиксировано в воздухе химической разведкой. Я не могу с полной уверенностью утверждать, что Ирак имел вещество "33". Но мне известно, что в 80-е годы на Ближний Восток было доставлено современное советское ХО. Об этом мне рассказывал участник этой операции, полковник в отставке. Нетрудно догадаться, куда могло пойти это оружие, если учесть, с кем тогда дружил Советский Союз в этом регионе. В способностях американской разведки заставляет сомневаться и то, что до публикации Л.Фёдоровым в №7 от 1993 года российского журнала "Химия и жизнь", в США не знали одной простой вещи. А именно: СССР долгое время производил не VX-газ, а вещество "33".

При этом не могу высказать своего отрицательного отношения к предложениям функционеров от комитета по конвенциональным пролемам при президенте России. Они настаивают на том, чтобы использовать здания и аппаратуру бывших объектов по выпуску ХО в мирных целях. Но ведь ОВ и их опасные для жизни метаболиты могут быть адсорбированы на поверхностях зданий, трубопроводов и других систем!

Сегодня нет ни методов определения таких малых концентраций, ни методов дегазации для того, чтобы гарантировать безопасность работающих там людей.

Другая важная проблема – возможность отложенного действия ОВ на солдат американской армии, побывавших на Ближнем Востоке. Дело в том, что при низких концентрациях эти вещества не проявляют своего действия так, чтобы это можно было обнаружить во время непосредственной экспозиции: в это время характерные для относительно больших концентраций симптомы отсутствуют. Но это действие может быть проявлено позднее. По данным профессора Валентина Тарасова из института генетики Российской Академии Наук, достаточно даже несколько молекул вещества-мутагена для того, чтобы действие могло проявиться через несколько поколений. По этой причине, разумеется, чрезвычайно важно проведение полномасштабных исследований всех ОВ на предмет их мутагенной активности.

...Случай с А.Железняковым был, к сожалению, одним из рядовых в нашем деле и поэтому не мог повлиять каким-либо образом на общий ход событий. Разве что его шеф, профессор И.Васильев, действительно виновный в этой трагедии, был переведен на малооплачиваемую работу, да и то лишь на несколько месяцев.

Тем временем верхушка военно-химического комплекса постоянно подгоняла ученых, отчего создавалось впечатление, будто сегодня-завтра должна разразиться химическая война. Чем успешнее шли переговоры в Женеве, тем интенсивнее проводились испытания нового оружия на полигоне около Нукуса.

В результате, как я же писал выше, "Новичок" был принят на вооружение Советской Армии. Это означало, что Советский Союз впервые в истории гонки химических вооружений овладел собственным, а не заимствованным у вероятного противника ХО. Если учесть то обстоятельство, что к этому времени были уже определены основные параметры конвенции и, естественно, "Новичок" в список запрещенных и контролируемых веществ не попадал, то можно понять хвастливое заявление В.Петрунина об "эпохальном успехе".

Как специалист, я не могу разделить его восторг, поскольку знаю и недостатки этого оружия, которые вряд ли можно было игнорировать. Ещё в середине 80-х годов военные химики из войсковой части 61469 не могли извлечь вещество А-230 из металлического контейнера, в котором оно хранилось. Дело было зимой, оказалось, что вещество "замерзло", то есть перекристаллизовалось. Вот тогда в срочном порядке физико-химики бросились изучать более детально это вещество с тем, чтобы найти способ для преодоления этого недостатка. Дело кончилось тем, что чистое вещество А-230 пришлось разбавлять диметилформамидом, а это значительно снижало общую токсичность. Тем не менее, это вещество дало толчок для развития целого направления на основе бинарного оружия, практически сводя на нет его недостатки. Следовательно, можно констатировать, что неприятный для Запада прорыв был налицо.

Вот в такой обстановке мне следовало окончательно определиться относительно моего будущего.

И я сделал решительный шаг...

Глава 8

Партбилет – на стол

4 мая 1990 года я отнес в партийный комитет заявление о своем выходе из КПСС. В нем я написал, что КПСС, как преступное формирование, не имеет право на реорганизацию, и заявил о разрыве с ним всяких отношений. Это было первое заявление такого рода в истории ГСНИИОХТ.

События после этого разворачивались стремительно. 7 июня 1990 года был издан приказ о преобразовании отдела ПД ИТР в сектор ПД ИТР, имеющий меньшую численность. Я был переведён в лабораторию элементного анализа на должность ведущего научного сотрудника и моим непосредственным начальником стал Ю.Скрипкин, который время от времени появлялся в институте, всё больше пребывая в Женеве на переговорах.

Выше я уже попытался объяснить, кого из себя представляет этот ограниченный подхалим. Петрунин прекрасно знал моё отношение к этому субъекту и перевел меня в его подразделение специально, для того, чтобы окончательно рассчитаться со мной за мою политическую деятельность.

К тому времени я стал одним из сопредседателей организации движения "Демократическая Россия" (ДДР) в ГСНИИОХТ. Практически ежедневно мы выпускали наши агитационные листы и вывешивали их на видных местах для того, чтобы люди знали о правде, о событиях, которые в то время происходили в СССР. Часто сторонники ДДР прямо из ГСНИИОХТ организованно направлялись под нашим руководством на различного рода митинги, демонстрации в поддержку ДДР и Б.Ельцина, пользовавшегося тогда нашей всеобщей любовью.

В то же время мы развернули борьбу за ликвидацию монополии за власть КПСС и за завоевание большинства в советах трудовых коллективов. Было удивительно наблюдать, как люди смелеют прямо на глазах и не боятся высказывать своё мнение. На одном из общих партийных собраний, проходившем в марте 1990 года вопреки воле парткома и дирекции, председателями были избраны я и другой активист организации ДДР Эдуард Саркисян. Это было первым поражением сторонников коммунистической власти в ГСНИИОХТ. Людям было в диковинку видеть директора ГСНИИОХТ и членов парткома, сидящими в зале, а не в привычном для них президуме. Быть может, сегодня это кажется незначительной деталью, но тогда это свидетельствовало о том, что власть КПСС даёт трещину и с ней можно вполне успешно бороться. Я и Э.Саркисян, председательствуя поочередно, предоставляли слово для выступления сторонникам ДДР, которые произносили разоблачительные речи против КПСС и коррумпированной власти. Однако это была все ещё борьба в рамках самой партии, пребывание в которой все более становилось невыносимым.

После работы я часто отправлялся на постоянно проходящие в Лужниках митинги сторонников демократических преобразований в стране. Там можно было увидеть кого угодно – от новоявленных анархистов с их шокирующими чёрными знамёнами, монархистов разных мастей, до ультрареволюционных демократов и сторонников отделения прибалтийских республик от СССР.

Большой популярностью пользовались известные по всей стране следователи Э.Гдлян и В.Иванов, которые преследовались властями за их чрезмерное рвение в расследование коррупции партийной верхушки Узбекистана. В то время там можно было видеть тех, кто через несколько лет стал властвовать в России. Особой популярностью пользовались руководители ДДР Юрий Афанасьев и Глеб Якунин.

Ежедневно мы могли наблюдать по телевизору баталии между сторонниками власти и демократических преобразований в Верховном Совете СССР и на съездах народных представителей. Повсюду чувствовалось, что страна политизируется и находится на пороге больших перемен. Это не могло не отразиться во внутренней жизни даже таких закрытых "почтовых ящиков", как наш ГСНИИОХТ. Но руководство этих учреждений отличалось своим ультраконсерватизмом. Оно было слишком обязано КПСС и её функционерам, поскольку только благодаря им получило бесконтрольную власть

над учёными и могло ими манипулировать. Никто из дирекции ГСНИИОХТ давно уже не был способен работать как учёный, и потому эти люди как огня боялись всяких изменений. По этой причине сторонники ДДР в институте стали не только идеологическими противниками, а просто личными врагами дирекции.

Начиная свое сотрудничество с ДДР, я чётко представлял себе, какими могут быть его последствия. За мою деятельность меня могли отстранить от моих обязанностей. Но моя гражданская позиция, окончательно выкристаллизовавшаяся к тому времени, не допускала никакого компромисса.

Не скрою, мне нравилось, когда люди в ГСНИИОХТ выражали мне свои симпатии как человеку, пренебрегшему занимаемым положением во имя прогресса и демократизации страны.

После расформирования отдела мало что изменилось. Директор ГСНИИОХТ обещал, что всё оборудование и мои лабораторные помещения останутся за мной и я только формально буду находиться в другом подразделении. Откровенно говоря, я этому мало верил, поскольку знал Петрунина как трусливого человека, легко меняющего своё мнение, когда его положению что-то угрожает хотя бы гипотетически. Но если он слышал команду "свыше", то делал всё, чтобы ее выполнить.

Так оно и вышло. Уже осенью 1989 года мою группу раз за разом пытались растерзать. Было много желающих перевести мою группу в свои подразделения. Больше всего таких охотников интересовало наше оборудование, ведь мы тогда обладали самыми современными хроматогафами, хроматомасс-спектрометром и другими приборами физико-химического анализа. Ради сохранения своей группы я даже согласился на предложение директора о моем переводе в новое предприятие с коллективной собственностью, созданное под патронажем дирекции бывшим секретарём парткома Игорем Прониным. Тогда такие предприятия только начали появляться. Хотя моё отношение к секретарям парткомов было общеизвестно, Пронин быстро согласился сотрудничать со мной, поскольку хорошо знал о наших возможностях и разработках аналитических методов по вопросам экологии, в области которой он и намеревался работать со своим новым предприятием. Скоро мы с ним завязали связи с комитетом по экологии Москвы и получили многочисленные предложения на выполнение заказов по исследованию экологической обстановки в районах города. В это время часть моей группы уже работала по теме народного хозяйства. Мы заключили договоры на выполнение научно-исследовательской работы по разработке метода определения начала процесса заплесневения зерна в зернохранилищах. Идея заключалась в использовании ключевых компонентов газообразований плесневых культур. Для этого как нельзя хорошо подходили методы капиллярной газовой хроматографии. Эта работа со временем получила большое развитие. Совместно с коллективом учёных, возглавляемых профессором Г.Закладным из Института зерна, нами была разработана методика эксперимента и идентифицированы все летучие компоненты нескольких плесневых культур, выращенных на зерне.

К сожалению, работу так и не удалось завершить конкретными рекомендациями, так как возникли проблемы с моей группой. Петрунин по совету Скрипкина и заместителя директора Полякова не согласился передать наше оборудование вместе с нами во вновь организованное предприятие Пронина. На первый взгляд, было удивительно, что директор не может решить такой простой вопрос. Однако, здесь скрывалась интрига партийных и хозяйственных функционеров. Они не могли простить мне моё "отступничество" и хотели преподать наглядный "урок".

Я делал отчаянные усилия, чтобы спасти группу и оборудование, которое мне с такими усилиями удалось приобрести. Но компании моих недоброжелателей в лице Скрипкина, Полякова, начальника научно-технического отдела Богданова (сына одиозного начальника отдела РП) и главного инженера Власова удавалось блокировать любое наше предложение. Недаром все они во время учёбы в ВАКХЗ были в одном отделении. А сегодня эти люди управляют ГСНИИОХТ, практически полностью вытеснив номинального директора Петрунина.

Глубоко уверен, что для этих людей понятие чести и порядочности не существует в принципе, и поэтому при общении с ними требовалась особая бдительность, в особенности тем, кто работает по проблемам уничтожения запасов ХО. Ради

сохранения своей власти они могут пойти на любой шаг. В марте 1994 года они "сдали" КГБ своего патрона Петрунина и генерала Кунцевича, организовавших отправку прекурсора ОВ на Средний Восток. В благодарность КГБ расследовал дело, не беспокоя эту тройку.

Генерал-академик был снят со своего поста 4 апреля 1994 года с совершенно непонятной аргументацией. Многие полагали, что это как-то связано с моим, лопнувшим к тому времени "делом". Шеф ФСК В.Степашин заявил, что снятие Кунцевича является заслугой чекистов, но эти слова никто не воспринял всерьёз. В это время я часто посещал городские собрания активистов ДДР. Однако этих посещения все чаще оставляли на сердце тяжелый осадок. На этих собраниях люди спорили по совершенно пустячным вопросам и тратили на это уйму времени. Просто шла торговля, предметом которой были посты в руководстве ДДР. Порой было удивительно убеждаться в том, насколько оторваны были многие в ДДР от жизни и совершенно не знали реальное положение вещей на заводах, в научно-исследовательских институтах – словом, там, где люди трудятся.

В конце июня 1990 года я просидел целый день на так называемой организационной конференции сторонников ДДР, состоявшейся в районном совете Октябрьского района Москвы. Там были известные в то время И.Заславский, А.Мурашёв, Н.Травкин и др. Шла настолько откровенная и циничная борьба за места в руководстве, что я после шестичасового часового присутствия на этих торгах решил уйти.

В перерыве пытался было поговорить с А.Мурашёвым, но это мне не удалось. Я был озабочен тем, что, несмотря на решение Верховного Совета СССР о значительном сокращении военных расходов, ГСНИИОХТ и другие предприятия ВХК продолжали получать бюджетные средства в прежних объёмах. Эти ассигнования шли не по статье затрат на Вооруженные силы, а по линии министерства химической промышленности. Это был опасный трюк. Я в то время не был уверен в том, что даже руководство страны во главе с М.Горбачёвым знало об этом. Написал краткую записку А.Мурашёву с изложением сути дела, просил встретиться и поговорить, поскольку он тогда был популярным депутатом Верховного Совета и сопредседателем так называемой межпарламентской группы, первой в истории СССР оппозиционной фракции. К сожалению, А.Мурашёв так и не нашёл времени на встречу со мной, хотя сидя близко от него, я видел, что он прочитал мою записку и посмотрел по сторонам, чтобы убедиться в присутствии здесь автора. Я указал на записку и на себя, в ответ он мне кивнул.

Когда я буду подвергаться преследованиям со стороны КГБ и мой адвокат попросит Мурашёва засвидетельствовать о моём обращении к нему, как к народному депутату, то он "не вспомнит" о моей просьбе...

Понимая, что моя относительно независимая жизнь в ГСНИИОХТ не может продолжаться вечно, я решил просить заместителя директора Курочкина, чтобы он взял нашу группу к себе, в возглавляемый им отдел фундаментальных исследований. Он согласился и начал "обрабатывать" Петрунина. К чести Курочкина, он не поставил передо мной никаких предварительных условий, касающихся моей активной деятельности в ДДР, хотя сам он до конца полного развала КПСС оставался её членом.

В беседах с ним я откровенно говорил о том, что собираюсь бороться с верхушкой военно-химического комплекса, которая, несмотря на изменения, произошедшие в стране, старается затормозить перевод ВХК на мирные рельсы.

Курочкин находил мои взгляды на полное прекращение научно-исследовательских работ в области разработки ХО слишком радикальными. Я опасался, что научно-исследовательские работы являются трудно контролируемой областью для будущей конвенции, поскольку отсутствует четкое толкование этого процесса и разработки ХО. Последняя, согласно проекту конвенции, должна была быть запрещена. С моей точки зрения, здесь отсутствовало чёткое определение терминов. Мой собеседник соглашался со мной, но утверждал, что здесь невозможно достичь полного решения проблемы. А чтобы быть готовым к подвохам, необходимо продолжать научно-исследовательские работы.

Я ясно представлял, что нечёткостью конвенции прежде всего воспользуется верхушка ВХК.

Мне не терпелось поделиться моими опасениями с широкой публикой в открытой печати. Но возникал вопрос: как? Не было никакого сомнения в том, что все вопросы, касающиеся ХО, строго засекречены. В самом деле, не мог же я пойти к директору ГСНИИОХТ, чтобы тот разрешил публиковать статью о том, что он тормозит процесс конверсии института и продолжает разрабатывать и испытывать новые виды ХО. К сожалению, именно так я должен был поступить, согласно действующим инструкциям, которые запрещали любую переписку от своего имени. Такое право имели лишь директор ГСНИИОХТ и его заместители.

Вопросы конверсии в ГСНИИОХТ составляли предмет особой заботы местной организации ДДР. Мы в своих листовках открыто указывали на формальность ведения процесса перехода ГСНИИОХТ на мирные рельсы и выступали на конференциях трудовых коллективов со своими предложениями. Но по всему было видно, что у директора и его приближённых нет желания двигаться в этом направлении.

Тут произошли события, которые стали в какой-то степени поворотными. В конце февраля 1991 года директор ГСНИИОХТ все же подписал приказ о переводе моей группы в отдел Курочкина. Но приказ не действовал! Его откровенно игнорировали Поляков и Скрипкин, запретив любой перевод людей и лабораторного оборудования. Было странно наблюдать такое открытое неповиновение со стороны помощников директора. В этой ситуации все говорило о том, что истинным хозяином в институте является не директор Петрунин, а его зам. Положение осложнялось тем, что мы уже начали практические работы по экологической оценке ряда местностей под Москвой согласно заключённому договору о сотрудничестве.

Через два месяца директор отменил свой приказ. Я окончательно понял, что моих противники хотят добиться моей полной покорности. Они действовали по указаниям чекиста Мартынова, который имел исчерпывающую информацию о моей деятельности по линии ДДР и позиции по ХО.

...В один из дней в конце апреля 1991 года в ГСНИИОХТ воцарилась праздничная атмосфера. В дирекции были накрыты столы и шумно провозглашались тосты. То же самое происходило и в ряде отделов. Мой приятель В.Дмитриев сообщил, что празднуется присуждение Петрунину, Кунцевичу и другим "ученым" Ленинских премий.

– За что? – поинтересовался я.

– За бинар, – ответил мой собеседник.

Я был весьма удивлён, поскольку проблема была ещё очень далека от решения. Подумал, что Игорь Васильев всё же "везучий", несмотря на его авантюрные качества. Я совсем не удивился тому, что в числе награждённых нет его имени. Это полностью соответствовало советской практике, когда истинному автору лишь подкидывали что-либо с барского стола. Подумал, что так случилось и на этот раз. Но ошибся насчет того, на каком веществе основан так обильно обмываемый бинар.

...В последнем разговоре со мной Курочкин спросил, чего же я все-таки добиваюсь. Я чётко объяснил, что вижу лишь один путь решения проблемы ХО – полный запрет на весь комплекс работ в этой области, включая научные исследования. Я считал, что ГСНИИОХТ должен полностью быть переведён на мирные рельсы и был преисполнен решимости добиваться этого всеми доступными мне средствами.

В ответ мой бывший покровитель только покачал головой. Я понял, что он глубоко не согласен со мной. "Кто-то должен брать на себя инициативу именно внутри этого рассадника смерти", – подбадривал я себя. К сожалению, мое здоровье стало сдавать.

Глава 9

Я нарушаю тишину

С большим трудом в конце июля 1991 года я добился очередного отпуска.

Я отправился в подмосковный посёлок Барановское, где имел небольшой участок, на котором планировал со временем построить домик для летнего отдыха. Работы было достаточно много и она помогла мне немного прийти в себя.

21 августа шофёр самосвала, привёзший бетон для фундамента, рассказал, что по шоссе в сторону Москвы движутся многочисленные танки. Мы побежали к соседнему дому, где были радио и телевизор, и узнали, что в столице происходит антиправительственный путч. Стояла пасмурная дождливая погода, но мы решили довести работу до конца. Мои помощники отговорили меня ехать в Москву. За событиями в столице мы продолжали следить, не выключая радио не на минуту.

К тому времени я стал остывать по отношению к функционерам ДДР. Там не было людей, которые действительно хотели бы решать назревшие проблемы. Всё сводили к тому, что, дескать, сначала надо взять власть, а там всё и решится.

Все еще питая симпатии к Б.Ельцину, я в то же время чувствовал, что в его окружении нет самозабвенных людей из числа учёных, крупных специалистов, которые имели бы свою программу и планы, понятные людям. Это видела номенклатура и потому знала, что её власть непоколебима. В руководстве ДДР были в основном дилетанты, бывшие преподаватели марксизма-ленинизма, представители советской печати и просто проходимцы, все вместе не представлявшие большой опасности для коммунистического режима. Эти демагоги не могли привлечь к себе молодые умы и вырастить из них настоящих мыслящих и честных политиков. У знающих людей не было иллюзий и насчёт экономистов, которые находились в окружении Б.Ельцина. В СССР никогда и не было настоящей экономической науки. Труды "экономистов" в основном были призваны разъяснять с точки зрения марксистско-ленинской "философии" основы социализма и коммунизма.

Если у кого-либо имеется на это счёт сомнения, то я бы рекомендовал им познакомиться с диссертациями этих учёных в Государственной библиотеке имени Ленина.

И вот подобные люди встали во главе движения, на которое многие прогрессивные люди в России возлагали большие надежды.

К великому сожалению, руководители ДДР полностью себя скомпрометировали в глазах народа. Мы, рядовые члены движения, разумеется, несём свою долю ответственности за сокрушительное разочарование народа, поскольку дали кучке прохвостов, состоявших из вчерашних воинствующих коммунистов, дискредитировать веру людей в демократические идеалы.

...Поражение путчистов в августе 1991 года дало некоторый импульс демократическому движению в России, одновременно породив немалые иллюзии.

Пока Б.Ельцин праздновал свою победу и "по-чёрному" пил на Кавказе, реальная власть, находившаяся в руках прежних её хозяев, успела стремительно сменить свою оболочку. Сначала был опубликован Указ Президента о запрете политической деятельности в учреждениях и на предприятиях. Сделано было это под предлогом запрета деятельности КПСС. Но этот документ был не просто глупостью, а настоящим предательством по отношению к рядовым членам ДДР, которые и привели издавших этот Указ персон к власти. Они, конечно, понимали, что сила КПСС не в их формальных организациях. Что было толку в запрете деятельности этих парткомов, если директора и весь управленческий персонал по-прежнему определяли все стороны жизни и работы людей на этих предприятиях. Конечно, как мог обо всём этом знать комсомольский вождь МГУ В.Шахрай, который практически не знал и не знает жизнь людей в стране.

А мы в ГСНИИОХТ лишились последней возможности выступить против противников реформ и демократизации.

Но не все было так плохо – средства массовой информации становились все смелее и газеты могли писать о конкретных проблемах. Я внимательно читал демократическую

прессу, но все же не находил там каких-либо серьезных публикаций о ВХК. В итоге я созрел к тому, чтобы самому открыто сказать о проблемах ВХК – чтобы никто не смог подумать, что я делаю это исподтишка, трусливо, скрываясь за спиной какого-либо журналиста. Мне не давало покоя и невыносимо тяжелое чувство моей личной ответственности за участие в преступной гонке химических вооружений. Эти постоянно мучающие меня мысли в итоге и заставили меня решительно взяться за перо.

Но еще до написания своей первой статьи "Инверсия", напечатанной затем в газете "Куранты", я имел возможность вкратце изложить суть моих тревог тогдашнему мэру Москвы Г.Попову, одному из руководителей движения "Демократическая Россия". На собрании активистов организации в начале сентября 1991 года я передал ему короткую записку. Там было написано о том, какую опасность представляет безрассудная деятельность верхушки военно-химического комплекса для безопасности и жизни москвичей. Я попросил Попова о встрече. Он согласился пообещал позвонить.

Увы, я так и не дождался этого звонка. Позднее, когда Попов по настоянию моего адвоката будет вызван в качестве свидетеля к следователю, он скажет, что затрудняется припомнить факт встречи и передачи мной записки. Не вспомнит он и том, что обещал мне встречу.

Статью я написал за один вечер и, быстро перепечатав на машинке, отвёз в редакцию популярной московской газеты "Куранты".

Там я встретился с молодым и уже достаточно известным журналистом Константином Катаняном. Статья его заинтересовала и он пообещал её опубликовать без внесения каких-либо изменений. Она была опубликована в "Курантах" 10 октября 1991 года. Поскольку эта статья без сомнения является первой попыткой в истории России публично обсудить пролемы ВХК, я привожу здесь ее полный текст.

Инверсия

Когда наша пресса сообщает об успехах конверсии предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) и том, какие великие выгоды она нам сулит, это часто напоминает аналогичные сообщения в недавнем прошлом об успехах на стройках века. Благо, что никто и тогда, и сейчас проверять сие не брался и вряд ли возьмётся. Не допустят просто, и всё.

Кто? Да та же верхушка ВПК, которая отнюдь не обезврежена. Всё ещё во главе многочисленных предприятий и исследовательских институтов царствуют в прямом смысле без всякого контроля с чьей-либо стороны всесильные директора со своими преданными командами. Так же, как и раньше здесь мстят за инициативу, инакомыслие.

Первый, второй, третий отделы, возглавляемые офицерами КГБ, и сегодня непрерывно ведут контроль за работниками. Та же колючая проволока вдоль забора, проходные с прапорщиками, спецпрокуратура, спецмилиция, спецсуд и центр прослушивания телефонных разговоров при ручных профкомах надежно обеспечивают всевластие директоров, которые при любой попытке проявить самостоятельность или инакомыслие всегда найдут нужный компромат для морального уничтожения неугодного работника. А когда его выкинут за ворота, не видать несчастному никакой выгодной работы ни в стране, ни уж тем более за рубежом, не выпустят как знакомого с секретами. С приходом В.Бакатина в КГБ на предприятиях ВПК изменения в положении его работников не произошло и, похоже, вряд ли произойдёт. Это я утверждаю на примере родного "почтового ящика", что расположился почти в центре Москвы и который представляет собой секретный объект скорее для наивных москвичей, не подозревавших в течение десятков лет, что он их губил настоящими отравляющими веществами и представляет смертельную опасность и сегодня. А для Запада... Радиостанция Би-би-си в связи с устройством первой в СССР выставки художников-абстракционистов осенью 1967 года в принадлежащем в то время этому п/я клубе "Дружба" назвала предприятие фабрикой смерти.

На шестом году перестройки, когда практически была готова конвенция о запрещении химического оружия, а США и другие страны прекратили его разработку, в прессе вовсю шумела очередная кампания по конверсии ВПК и наш директор В.Петрунин в конце 1990 года заявил, что "природа капитализма не изменилась, наш потенциальный противник прежний и поэтому наш долг продолжать крепить оборонную мощь".

Я не так наивен, чтобы считать его мнение исключительным. Нет, такие, как он, – народ дисциплинированный, смотрит начальству в рот. Характерный штрих. Рассказывают, когда на прежнем предприятии под его славным руководством никак не получался один полупродукт, он заставил всех сотрудников, включая и кандидатов наук, синтезировать его в лабораторных колбах. Пусть рабы делают. Что же, они за несколько месяцев получили то количество, которое за день-два должна была получить промышленная установка. Зато директор был "на коне". Разве будет разбирать кто-нибудь, каким путём достигнут "успех".

Неудивительно, что он и в Москве старался быть "на коне". Всячески имитировал конверсию, говорил красивые слова о хозрасчёте, самофинансировании, даже организовал учёбу, но крепко помнил "звериную природу капитализма". Тем временем шли переговоры в Женеве, строительство завода для уничтожения химического оружия под Чапаевском (на что государство ухлопало более 300 миллионов рублей), в конце концов закрытого как несоответствующего элементарной безопасности людей после массовых выступлений жителей города.

Ни один волос не упал за этот провал ни с головы нашего директора, ни с головы его вышестоящих руководителей. Да за что? Ведь они неуклонно проводили другую, но основную линию ВПК, направленную на укрощение этой самой "звериной природы". Вовсю шла разработка более совершенного вида химического оружия, шли натурные испытания его на открытом полигоне в одном из самых неблагоприятных в экологическом отношении районов.

Наконец, успех достигнут, и в апреле сего когда директор и его начальники получили Ленинские премии. И героев ВПК практически не волнует, что более 70 тысяч тонн химических ОВ лежат на складах, представляя огромную опасность, и государство просто не в состоянии финансировать их уничтожение из-за своей нищеты. Так что вряд ли они будут ликвидированы в этом веке. Впрочем, есть надежда на Запад. Авось, поможет.

Деятели ВПК теперь стали интенсивно осваивать Запад, не стесняясь своего статуса сверхсекретных особ, поскольку прекрасно знают, что секретный режим – это для рабов, для их устрашения и повиновения. Поэтому они запросто ездят в командировки в США, Англию, ФРГ и другие страны. Сам по себе этот факт ничего бы не стоил, если бы мы не знали истинное лицо ВПК и его представителей. Нет, на Запад едут не специалисты, они, как правило, особым доверием не пользуются, едут директор и его приближённые, которые даже при сильном воображении не тянут на специалистов. Такие же персоны катаются на переговоры в Женеву, в очередной раз делая попытку задурить западных партнёров. Впрочем, думаю, там прекрасно уже разобрались, с кем они имеют дело.

Это сегодня сам директор, который был членом бюро РК КПСС, бессменным членом парткома, вышел из партии. Так ему сегодня выгодно. А ведь буквально месяц-другой назад, собрав вышедших из партии начальников лабораторий, он клеймил их как предателей. Демонстративно и цинично звучал его приказ о договоре с парткомом, где он в обмен на воспитательную работу обязывался бесплатно предоставлять транспорт, помещения и другое.

Изображая себя истинным патриотом, наш директор готов идти на любой подлог. Вот характерный случай, с которым я столкнулся сам в 1988 г. На одном из действующих тогда заводов я обнаружил более чем стократное превышение нормы выброса химических веществ в атмосферу и в сточные воды, которые затем накапливались вблизи густонаселённого района. Так директор запретил мне докладывать об этом вышестоящему начальству.

Спрашивается, зачем же мы в очередной раз морочим голову Западу? Ведь истинная власть ВПК сосредоточена на его предприятиях, которые конверсироваться не

желают, ибо этого не желают их директора с многочисленными своими приближёнными, они скорее ждут своего часа, попросту тянут. В химии есть термин – инверсия. Это когда одно и то же вещество, не изменяя свою химическую формулу, переходит из одной формы в другую. Только с помощью специальных приборов можно обнаружить это явление. Но инверсия может быть иногда обратимой. Так не имеем ли дело с подобным в нашей так называемой конверсии?

Если это, к счастью, не так, то скорее можно предположить, что волынка с конверсией – это прелюдия ползучей приватизации предприятий ВПК его верхушкой. На эту мысль наводит тот факт, что на днях в гараж нашего предприятия Министерство нефтехимической промышленности перегнало 8 новехоньких "Мерседесов", из которых два переданы нашему директору. И всё это происходит, когда в стране не хватает средств для приобретения продовольствия и лекарств, сама химическая промышленность находится в глубоком кризисе из-за дефицита импортного сырья.

Как долго мы будем это терпеть?

В.Мирзаянов,
доктор химических наук.

Когда я писал статью, то знал, что, согласно Вайомингского меморандума, подписанного в 1989 году СССР и США, стороны должны были предъявить друг к другу сведения обо всех соединениях, подпадающих под категорию химического оружия за три месяца до подписания конвенции по запрету химических отравляющих веществ. Мне было ясно, что СССР выполнять честно это обязательство не собирался. Поэтому я и заключил свою статью аллегорическим сравнением действий верхушки военно-химического комплекса с поведением вещества, способного к явлению инверсии, когда оно без изменения своего состава переходит из одной формы в другую.

В момент публикации я был ещё в очередном отпуске. По свидетельству очевидцев, статья призвала ошеломляющее впечатление на дирекцию института. Для ее обсуждения был срочно был созван Учёный Совет, но необходимого решения, которое бы осуждало статью, принять не удалось. Не потому, что было много возражающих, причина была в отсутствии самой идеи решения. Да и как-то было неудобно принимать решение по моей статье без моего присутствия на заседании.

Верхушка института, конечно же, составила бумагу в КГБ, требуя немедленно арестовать автора за дерзость. Но по непонятным тогда причинам уголовное преследование возбуждено не было. Многие, в том числе и я, тогда полагали, что это связано с шоковым состоянием, в котором пребывал КГБ после недавнего провала августовского путча, закончившегося арестом его главарей, в том числе шефа чекистов В.Крючкова. Казалось, что в стране наконец-то наступил век демократии и гласности.

Позднее выяснилось, что мы горько ошибались. Все дело было в том, что в тот момент не оказалось в наличии формального основания для моего преследования и примерного наказания. Еще в ноябре 1989 года комитет конституционного надзора Съезда народных депутатов СССР во главе с С.Алексеевым издал постановление, объявляющее недействующими все нормативные акты, затрагивающие права человека и неопубликованные в течение трех месяцев после вынесения этого постановления в открытой печати. Естественно, никто подобные акты открыто опубликовать не решился. Тем не менее, все перечни сведений, составляющих государственную тайну, юридически просто перестали существовать. Беловежское решение о роспуске СССР подтвердило законность актов Верховного Совета СССР, и, следовательно, постановления комитета конституционного надзора.

Да, моя статья была первой ласточкой и бросала вызов могучему ВХК. Но, к сожалению, она не вызвала отклика со стороны ни нашей, ни мировой общественности. Возможно, ей не придали такого большого значения потому, что тогда происходили драматические события, связанные с распадом СССР, и на этом фоне все остальное померкло. Было обидно, что мой порыв остался безответным. Я

попытался что-либо услышать на тему ВХК и моей статьи в передачах радиостанций "Голос Америки", Би-би-си и "Свобода", но результата это не принесло.

Тем не менее моя статья подтолкнула КГБ к созданию указа об охране государственной тайны, который был подписан Президентом Б.Ельциным 14 января 1992 года Указа об охране государственной тайны. Указ был принят келейно и не публиковался, а потому и не стал общеизвестным. Я узнал о нем лишь через год после его появления, уже сидя в тюрьме.

Указ восстанавливал все нормативные акты-перечни сведений, составляющих государственную тайну. Президент, таким образом, незаконно отменил постановление комитета конституционного надзора.

Чекисты вновь получили в руки одно из своих основных орудий тотального контроля за всеми, кто был причастен по роду своей деятельности к ВПК.

Когда в конце октября 1991 года я вышел на работу, то уже на проходной столкнулся с мстительной реакцией дирекции на мою статью. Мне не выдали мой пропуск, чтобы я мог пройти на территорию института. Дежурный прапорщик показал на пустую ячейку в карусельном устройстве, где содержится пропуск. Тогда я позвонил в отдел режима, который ведаёт этой системой. Там мне объяснили, что мой пропуск изъят по распоряжению заместителя директора по режиму А.Мартынова. Когда я ему позвонил последнему, он, ничего не объясняя, сказал, что мой пропуск сейчас же принесут. Пройдя на территорию института, я отправился в свою рабочую комнату. Она была открыта, но там работали люди из другого отдела. Я понял, что меня лишили рабочего места и всех моих приборов. Стало чрезвычайно неприятно, но, честно говоря, другого я и не ожидал.

Я тогда сказал себе, что это и есть моя первая награда. Второй должна была быть моё увольнение. При этом я не испытывал никакого сожаления или разочарования. Скоро ко мне подошли мои приятели из бывшего координационного комитета движения ДДР и стали предлагать различные рецепты по возвращению того, чего меня лишили. Я отказался, ибо понимал, что всё будет бесполезной тратой времени и нервов. Пошел в институтскую библиотеку, чтобы почитать научные журналы. По пути мне встречались знакомые. Все вели себя по-разному. Одни отворачивались, делая вид, что они не замечают меня. Но попадались и люди, которые молча подходили, жали мне руку и быстро уходили. И от этого мне стало непомерно тепло. Я понял, что многие, кого я уважал и ценил, одобряют моё выступление. Да, они боялись, и это было естественно. Если мне самому понадобились годы тяжких размышлений о моей роли в преступной деятельности по разработке ОВ, то почему другие люди, прочитав мою статью, должны были сразу переосмыслить свою жизнь, свою карьеру?

Кто-то должен быть первым и нести свой крест даже, если при этом ему самому угрожают, подумал я уже после того, как встретил бывшего главного инженера ГСНИИОХТ Виктора Жакова, который буквально прошипел: "Что вы делаете?! Вы оставляете людей без средств на существование! Будьте уверены, вас пропустят через мясорубку и выбросят в канализацию!"

Я знал, что если будет принято решение меня ликвидировать, то этого вряд ли удастся избежать. Но решил ничего не менять в обычном образе своей жизни. Вечерами гулял с детьми на улице и ездил на различные встречи в городской организации ДДР. Продолжал свои пробежки в парке, находящемся недалеко от моего дома. К тому времени я был уже заядлый "джоггер" с более чем 15-ти летним стажем. Бег всегда меня успокаивал, помогая сохранять обычное оптимистическое настроение. Хотя быть оптимистом было все труднее, в стране начинался всеобщий упадок и рассчитывать на нормальную работу учёному было нереально. Моё неопределенное положение без рабочего места и оборудования не могло продолжаться бесконечно. В то время меня выручало лишь то, что в одном из научных кооперативов я по вечерам и в выходные проводил анализу проб окружающей среды и за это получал некоторые деньги. Но и этой работы я вскоре лишился, так как кооператив больше не имел заказов.

Активисты ДДР в ГСНИИОХТ всё ещё не теряли надежды на то, что им удастся изменить положение вещей. Согласно существовавшему тогда положению, конференция трудового коллектива должна была выбрать директора, а совет этого органа -

заключить контракт с ним. И только потом контракт утверждался в министерстве. Петрунин, однако, не стал искушать судьбу, доверяя её решение собранию коллектива. Он просто назначил выборы представителей каждого подразделения с тем, чтобы затем созвать собрание этих самых представителей и решить свои проблемы там. Однако, прошедшие выборы представителей показали, что Петрунин может и не пройти. Тогда он собрал совет старого состава, который в основном состоял из его людей, и тот послушно назначил Петрунина директором.

Возмущённые этим жульничеством, активисты ДДР и много других людей просили меня вмешаться и поехать в министерство промышленности России, чтобы рассказать о трюке Петрунина. Я не мог отказать и согласился ехать туда вместе с кандидатом химических наук Вячеславом Агуреевым.

Но наша поездка не дала, да и не могла дать положительного результата, поскольку в министерстве сидели люди из бывшего минхимпрома, которым для своего выживания был нужен лишь Петрунин.

Следившие за моим каждым шагом подручные директора и его заместителя решили воспользоваться нашей поездкой, и квалифицировали наше отсутствие как прогул. Сразу же устроили по этому поводу собрание коллектива отдела, в котором я в то время числился.

На собрание я пошёл из чистого любопытства – хотелось узнать, как люди будут реагировать в новых условиях на откровенную манипуляцию ими. До этого я читал в книгах и немного слышал от очевидцев, как "простые люди" в 30-ые годы на собраниях трудовых коллективов принимали решения, призывавшие к расправе с теми, с кем они работали и дружили ещё только вчера...

Как я и ожидал, на собрании всё произошло как в те далёкие годы. По этому случаю члены бывшего координационного комитета ДДР выпустили листовку. Кстати, замечу, что тому времени ГСНИИОХТ был переименован в Государственный Российский научно-исследовательский институт (ГРНИИОХТ).

"ОХОТА НА ВЕДЬМ" В ГРНИИОХТ

13 ноября 1991 года в подразделении 45 состоялось собрание, которое постановило: «Ликвидировать должность ведущего научного сотрудника, а доктора химических наук В.С.Мирзаянова, как сотрудника, занимавшего эту должность, направить в распоряжение дирекции для решения вопроса о его трудоустройстве».

Итак, сделан ещё один шаг для избавления от неугодных. Но, обо всём по порядку. Ещё 5 мая 1990 года Вил Султанович, будучи начальником отдела 11, посмел выйти из рядов КПСС, дав в своём заявлении о выходе весьма нелестную оценку её (партии) преступной сущности. Вот тут-то всё и началось. Разве наша администрация, верно служившая тоталитарной системе и себе, могла оставить безнаказанной подобную ересь? Не могла. И вскоре, 28 июня 1990 года, появился приказ N 531 о расформировании отдела, которым руководил Мирзаянов, а 13 августа того же года издан ещё один приказ (N 664) о трудоустройстве крамольного начальника в отдел 45 в качестве и.о. ведущего научного сотрудника. Далее, почему-то, последовал приказ (N 129 от 21.02.91.)

о переводе его в отдел 20. Затем по неизвестным нам обстоятельствам, 30 апреля 1991 г. последний приказ был отменен другим приказом (N332).

В итоге, после долгих мытарств В.С.Мирзаянов был возвращён в подразделение 45, руководитель которого Ю.В.Скрипкин в порядке "трудоустройства" включил его в список сотрудников, подлежащих сокращению. Как бы то ни было, Вил Султанович сокращения избежал.

Думается, что не последнюю роль в этом сыграли августовские события. Но администрация, оправившись от августовского шока, не пожелала оставить безнаказанным своего «любимца», осмелившегося к тому ещё и выступить в средствах массовой информации с критикой в её адрес. Ну, а уж когда он посягнул на самое "святое" – на власть, поехав вместе с В.Г.Агуреевым в Министерство промышленности РСФСР, для того, чтобы получить консультации о правомерности действий администрации по форме перехода предприятия под юрисдикцию России и о

том, действительно ли столь спешный переход спасёт предприятие от финансового краха, чтобы самоназначить себя вновь директором, подписав с собой (в нарушение законов России) очень удобный контракт, то терпение нашего славного руководства лопнуло.

И вот по заданию(?) дирекции проведено вышеуказанное собрание. Разыгран очередной фарс в духе тридцатых годов, фарс "всенародного осуждения". (Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Да живучи традиции, заложенные Вами, и будут, наверное ещё долго жить, пока у руля стоят коммунисты типа В.А.Петрунина и Ю.В.Скрипкина, которых Вы научили прибегать к помощи народа для того, чтобы не своими, а его руками избавляться от неугодных). Вот такая история. И это всё случилось не в 1937 году, а вчера в году 1991, в так называемое посткоммунистическое время.

Причём, заметьте, идёт травля не простого научного сотрудника, а научного сотрудника высочайшей квалификации, специалиста по анализу микроконцентраций (экология), компетентность которого будет совсем нелишней для нашего предприятия.

Итак, господа рабочие и учёные, кто следующий? Будем топтать дальше, или всё же найдутся на нашем предприятии люди, которые сумеют постоять за специалиста-профессионала, за Человека, которые не позволят задушить гласность и поддержат того, кто одним из первых встал на путь борьбы с тоталитарно-мафиозной системой. НАМ ВСЁ ЖЕ, НЕ СМОТЯ НИ НА ЧТО, КАЖЕТСЯ, ЧТО ВАШЕ ВРЕМЯ, ГОСПОДА КОММУНИСТЫ И НОМЕНКЛАТУРА, УШЛО !

Эта листовка была смелым документом для того времени. Разумеется, все знали членов координационного совета и поэтому они рисковали – их тоже могли начать преследовать и примерно наказать вместе со мной.

Так и вышло. Сначала отобрали компьютер у научного сотрудника аналитического отдела Валерия Моргунова за то, что он именно на нем напечатал текст обращения, а затем начались преследования других бывших членов координационного совета. Многие из них вскоре были уволены "по сокращению штатов" – эта форма расправы с неугодными была удобной и практически безотказной.

Сохранив экземпляр листовки, я с трепетом перечитываю её простой текст и каждый раз испытываю огромное чувство благодарности к своим коллегам, которые в такое трудное для меня время решились на настоящий гражданский поступок.

В то время я все еще не оставлял надежды на то, что руководители движения "Демократическая Россия" обратят свое внимание на положение вещей, изложенных в моей статье "Инверсия". Тем более, вскоре мне представился удобный случай, чтобы побеседовать с ними на эту тему.

8 ноября 1992 года я целый день находился в штаб-квартире "Демроссии" (сейчас там располагается Московская городская Дума), составлял комплекты различных бумаг для делегатов 2-го съезда, который должен был через несколько дней. Там мне удалось встретиться со Львом Понамаревым и Глебом Якуниным.

Мою статью в "Курантах" они, к сожалению, не читали. Тогда я кратко объяснил им суть этой публикации и попросил предпринять шаги по устранению опасности для жизни москвичей, которую создает ГСНИИОХТ. В ответ Понамарев немало немного посоветовал мне отбрать около ГСНИИОХТ пробу воздуха и проанализировать её где-либо, чтобы, как следует разоблачить нехороших химиков, имея на руках документальное подтверждение того, что ГСНИИОХТ действительно опасен. Не знаю даже, чем все-таки был этот совет: откровенной глупостью или рядовой провокацией. Если бы попытался последовать "совету" Понамарева, меня немедленно и вполне законных основаниях могли бы арестовать как лицо, подозреваемое в шпионаже. Я попросту был потрясён безумными рекомендациями одного из наших "вождей", к которому я до этого питал тёплые чувства. Мне, незнакомому человеку, он советовал совершить поступок, сама идея которого уже таила в себе преступление. Поэтому я больше и не пытался говорить с Понамаревым на эту тему.

Правда, по настоянию моего адвоката уже в январе 1993 году я все же встретился с Понамаревым, тогда уже депутатом Верховного Совета России. Мы хотели, чтобы он в качестве свидетеля защиты подтвердил следователю факт, что я имел с ним упомянутую встречу в штабе "Демроссии" и пытался обратить внимание этого общественного деятеля на грозящую опасность. В то время мой адвокат А.Аснис искал всевозможные варианты моей нелёгкой защиты. Он надеялся, что ему удастся доказать безрезультатность моих неоднократных попыток обратить внимание общественных деятелей, депутатов и представителей власти на грозящую опасность. В этом случае, согласно Уголовному Кодексу России, я, исчерпав все законные пути решения проблемы, имел законное право на конкретные действия, даже если они и являлись нарушением существующего законодательства. Как одно из таких действий можно было квалифицировать мою статью "Отравленная политика". Аснис и я, придя к Льву Понамареву в комнату 1609 Белого Дома на Краснопресненской набережной, встретили радушный приём. Моё "дело" к тому времени приобрело широкую огласку во всём мире и меня узнавали повсюду, даже на улицах и метро. Многие прохожие приветствовали и благодарили меня за мой поступок.

Но когда Аснис кратко изложил суть нашей просьбы, в комнате воцарилась тишина. Стало ясно, что хозяин комнаты ошарашен и не может найти слов, чтобы по-скорее выйти из создавшего положения. Палочкой-выручалочкой для депутата стал его консультант Максимов. По его словам, Лев Александрович политический деятель и его авторитету может быть нанесен существенный урон, если он будет участвовать в деле в качестве свидетеля свидетельствования. "Ведь следователь обязательно спросит, почему не было ответной реакции и какие действия были предприняты по этому поводу Л.Понамарёвым?", – продолжал он. "Может быть, вы, Вил Султанович, сами были недостаточно настойчивы и повторно не изложили свою просьбу", – настаивал юрист Максимов. "Действительно, Вил Султанович, почему вы не обратились ко мне ещё раз? Я всегда стараюсь помочь людям, когда они обращаются ко мне насчёт предоставления квартиры, по пенсионным и многим другим вопросам. Я бы, наверняка, постарался бы и вам помочь тоже", – радостно ухватился за мысль своего помощника "вождь" ДДР, внук небезызвестного члена сталинского Политбюро ЦК ВКП (б) Понамарева.

Теперь ошарашены были я и адвокат Аснис, который несмотря на свою постоянную невозмутимость и железную выдержку, выглядел глубоко разочарованным и не мог скрывать своих чувств. Тогда, на Краснопресненской набережной я впервые понял, почему в народе подобных политиков давно уже именуют не иначе как "дерьмократами". Но я нашёл в себе силы пролепетать, что, мол, тогда не хотелось вас, отвлекать лишний раз от великих дел.

Мне было непомерно стыдно перед Аснисом за происходящее. Но ни тогда, ни теперь я не верю в тезис о том, что политика – дело грязное и политики тоже грязные люди. Мне кажется, что любое дело может быть чистым и благородным, если его делать честно, профессионально. Разве профессия ассенизатора может быть "грязной" только от того, что он имеет дело с неприятно пахнущими объектами?

Впрочем, неприятного запаха хватало с избытком в работе химиков, хирургов и представителей многих других профессий...

...Однако, пора возвратиться к событиям 1991 года.

Итак, все мосты были сожжены и вопрос о моём увольнении из ГСНИИОХТ был предопределён.

5 января я был вызван в отдел кадров, где мне вручили приказ о моём увольнении – конечно же, "в связи с сокращением штатов". Ко мне подошёл начальник отдела режима Герман Мосякин. Небольшого роста, удивительно неприятный и скользкий человек просил, вернее, умолял о небольшом: всего лишь подписать обязательство неразглашении государственной тайны, ставшей известной мне во время моей работы в ГСНИИОХТ.

Я сказал, что сделаю это с удовольствием, если он мне представит закон России или постановление правительства, где будет содержаться точная формулировка – что же такое государственная тайна в нашей профессии. Я объяснил Мосякину, что

теперь, будучи уволенным из института, я совершенно не хочу жить по правилам, которые сочиняют ему подобные люди. Разумеется, представить такую бумагу, где объяснялись все эти тонкости насчет гостайны, мой собеседник не мог, он лишь подобострастно просил об одолжении, поскольку-де его служба вынуждает. На этом мы и расстались.

...К несчастью, мое увольнение совпало с началом в России гайдаровских реформ, которые в один день лишили всех своих сбережений и превратили меня и мою семью в нищих. Для меня начался период борьбы за выживание, которую не так просто было вести, имея двоих сыновей: пятилетнего Султана и 13-летнего Искандара.

Гайдаровская реформа не была "шоковой терапией" как ее тогда называли, она оказалась лишь очередным революционным наскоком в истории России. Как всегда, правители надеялись одним махом решить веками существовавшие проблемы. В принципе, я был и есть за реформы в России. Но они не должны были проходить таким разрушительным образом. Авторы "реформы" действовали абсолютно бесчеловечно даже по российским меркам.

На что уж Никита Хрущёв был циником и самоуверенным реформатором-большевиком. Даже он, видя, что больше не может выкачивать деньги из народа, заставляя подписываться на займы для "восстановления народного хозяйства", отменил их, прекратив при этом и ежегодные выплаты по ним. Но при этом он пообещал через 15 лет начать приостановленную выплату. Психологически он действовал правильно. А новоявленные реформаторы не захотели пойти даже на это и ничего не обещали ограбленному народу.

Разве нельзя было попытаться разработать хотя бы перспективный план компенсации сбережений людей, используя продажу государственного имущества, природного сырья и других источников? Уверен, что это можно было сделать, если бы "реформаторы" во главе Гайдаром не были бы людьми всё той той же большевистской школы, которая никогда не считалась с народом, рассматривая граждан своей страны как "винтики" огромной государственной машины. То, что они в свое время учились в США, ровным счетом ничего не меняло. Они вернулись из-а океана такими же специалистами по экономике развитого социализма, какими и были до этого.

Сегодня Россия расплачивается за высокомерное чванство этих "специалистов" и судьба демократического развития страны поставлена на карту по их вине.

Но тогда мне было не подобных до размышлений. Я стал работать в коммерческих структурах, занимавшихся внедрением достижений науки и техники, но эти попытки заканчивались неудачами. Все коммерческие фирмы быстро переключились на простые операции купли-продажи, поскольку лишь такая деятельность позволяла им тогда выжить.

Глава 10

Вызов отравленной политике

Реакции общественности на статью "Инверсия" не было и меня покидало чувство неудовлетворенности. Из разговоров со своими коллегами я понял, что испытания химического оружия на Нукусском полигоне все еще продолжаются, несмотря на провозглашение Узбекистаном независимости. Это было полным абсурдом и не укладывалось в голове. Ведь тогда сокращалась армия, катастрофически падало промышленное производство и люди были заняты элементарным выживанием. А верхушка военно-химического комплекса тратила средства на испытания никому не нужного химического оружия. Я был разочарован результатом моего первого публичного выступления и по этой причине не решался на написание второй статьи. Я думал, что в такое суровое время вряд ли кого может заинтересовать проблема химического оружия. Стране было не до того.

Так продолжалось до тех пор, пока я случайно не наткнулся в еженедельнике "Совершенно секретно" на статью Л.Федорова о химическом оружии. Статья была написана на дилетантском уровне и с многочисленными ошибками. Судя по тексту, автор плохо представлял себе суть проблемы, поскольку, как я сразу понял, не был

специалистом в обсуждаемой им области. Но, так или иначе, сама проблема была поднята вновь и мои знакомые звонили мне, спрашивая, что я думаю об этой статье. Я понял, что как специалист и человек, приложивший немало сил для создания этого зла, не имею права отмалчиваться. "Если не я, то кто может выступить на профессиональном уровне, чтобы предотвратить очередной обман?" – спрашивал я себя. В военно-химическом комплексе были и есть ученые, безусловно превосходящие меня по своим способностям и информированности. Но я знал, что никто из них никогда не решится публично выступить по проблеме химического оружия. Они были воспитаны так, что сами стали частью тоталитарной системы.

В редакции "Совершенно секретно" я узнал номер телефона Л.Федорова, позвонил ему и мы договорились встретиться у меня дома. Наша встреча состоялась где-то в середине августа. Л.Федоров, хотя и окончил в свое время Костромское военное химическое училище, но слишком смутно представлял проблемы химического оружия. Уже тогда мне показалось, что мой собеседник не в меру любопытен. Возможно, я рассказал ему кое-что лишнее, например, о принципиальном отличии нового ОВ от тех, которые уже были известны до сих пор. Мы договорились, что каждый из нас готовит свой вариант будущей статьи о проблеме химического оружия в России, и затем, согласовав совместный текст, мы попробуем опубликовать материал в одном из популярных СМИ.

Через два дня я написал статью под названием "Химическая шарашка в Москве ждет американской помощи". На следующий день после этого мы встретились в метро с моим соавтором и я передал ему мой вариант статьи. Однако Федоров, со своей стороны, не принёс своего варианта, что мне не могло не понравиться. Впрочем, я успел понять, что ему просто не о чём писать. Федоров в конце августа и начале сентября должен был участвовать в какой-то конференции в Финляндии. Приехав оттуда, он позвонил и сообщил, что у него есть договоренность пристроить статью в еженедельнике "Московские новости". Вскоре мы опять встретились и я ему передал рукопись уже другой статьи – о экологическом аспекте производства химического оружия на Волгоградском заводе. Это предприятие было, по сути, немецким, состоявшим из оборудования, вывезенного из Германии после второй мировой войны. Его запустили, чтобы было чем травить вчерашних союзников, поскольку СССР готовился к войне уже с ними. На заводе позднее было освоено также и производство зомана. Здесь был открыт филиал ГСНИОХТ с опытно-промышленным производством, выпускавшим сперва выпускали вещество "33", а затем "Новичок" и компоненты бинарного оружия. Завод также долгие годы служил кузницей руководящих кадров для военно-химического комплекса. Обо всем этом я и написал в своей статье. Но она так и не была опубликована в самостоятельном виде. Позднее, выйдя на свободу из Лефортовской тюрьмы, я с удивлением ознакомился с ней в бюллетене социально-экологического союза. В нем она была опубликована в виде интервью, которое якобы я дал совместно с Л.Федоровым. Однако, такого интервью я никогда не давал.

14 сентября 1992 года Федоров организовал мою встречу с корреспондентом американской газеты "Балтимор сан" Уильямом Энглундом в его корпункте. Переводчиком был Андрей Миронов, известный диссидент, отсидевший срок за антисоветскую пропаганду. Я рассказал Энглунду то, что было мной написана в статье для еженедельника "Московские новости". Американец, как мне показалось, обладал острой реакцией и умел быстро вникать в суть проблемы. Меня немного смущало лишь то, что Федоров упорно навязывал Энглунду тему о диоксинах в Уфе и надолго отвлекал нас от основной темы беседы. В конце разговора Энглунд спросил, как он сможет удостовериться в правдивости моего рассказа. Я ответил, что в силу своих убеждений никогда не смогу позволить себе раскрыть какие-либо технические и иные секреты, но могу ему рекомендовать связаться с моим коллегой по работе и активистом движения "Демократическая Россия" Эдуардом Саркисяном. Возможно, он подтвердит мои слова. Хотя я предварительно не договаривался с Эдуардом, но надеялся, что он может согласиться встретиться с американским корреспондентом. Так оно и случилось, о чем мне затем по телефону рассказал сам Саркисян. Он также добавил, что забрал с собой магнитофонную запись разговора с американцем и также

договорился с последним, что тот обязательно покажет материал, прежде чем он будет опубликован.

Накануне публикации этой статьи мне позвонил журналист "Московских новостей" Леонард Никишин и прочитал подготовленный к печати в этой газете текст. Он содержал ряд неточностей и неожиданный для меня объемный выпад против генерала А.Кунцевича. Это обстоятельство было для меня новостью. Я не настолько знал генерала, как личность, чтобы тему статьи строить вокруг него. Женевские переговоры в статье расценивались как "тягомотина" и от этого мне было не по себе. Теперь знаю, что такая "поправка" была сделана моим соавтором Федоровым для того, чтобы продемонстрировать свою осведомленность, поскольку ему, по-видимому, было неудобно ограничиться только моим материалом. Но, в конце концов, я пришел к выводу, что эти недостатки не имеют принципиального значения. Да и времени, чтобы что-то исправить, уже не было. Поэтому я согласился, чтобы статья была напечатана. Потом Никишин ещё раз позвонил мне, чтобы узнать адрес ГСНИИОХТ. Туда должен был отправиться фотограф "Московских новостей".

После интервью журналу «Новое Время». 21 сентября 1992 г.

Статья под названием "Отравленная политика" вышла 16 сентября 1992 года. Текст статьи сопровождался фотоснимком административного здания ГСНИИОХТ. Он является своего рода историческим, поскольку до этого ещё никто и никогда не отваживался публиковать вид "почтового ящика". Прочитав статью, я понял, что на этот раз реакция общественности и властей будет адекватной. Здесь я хотел бы привести полностью текст статьи, которая сыграла большую роль в разоблачениях ВХК.

ОТРАВЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Сейчас уже широко известно: в Москве много десятилетий непрерывно куется химическое оружие (ХО). Правда, иногда эту работу изящно пытаются свести лишь к созданию отравляющих веществ (ОВ), планировавшихся на полях сражений где-то далеко от наших рубежей. Хотим сразу предостеречь: у нас уже произведено немало таких веществ, которые не являются отравляющими, на вооружении состоят, а чаще не состоят (живут по-тихому в опытных партиях) и, тем не менее, особенно опасны. Подтверждено последнее и тем, что в милой сердцу наших выездных начальников многолетней тягомотине под названием "международные переговоры по запрещению ХО" все эти "небоевые" вещества – полноправный объект дискуссий.

Не в укор прошлому стоит напомнить заявление советских учёных от 8 мая 1982 года: "Строго придерживаясь Женевского Протокола 1925 года, СССР никогда и нигде не применял химического оружия и не передавал его другим странам". Применял, только на наших собственных полях сражений. Последний раз это случилось в Тбилиси весной 1989 года, где газ "си-эс" вполне продемонстрировал свою эффективность. Готовились и к окуливанию Белого Дома в августе 1991 года. Впрочем, оружие оружием, а политически мы всегда старались быть чисты. Ещё в апреле 1982 года НЕКТО сделал заявление "Шпигелю": "Советскому Союзу нет необходимости отвечать на эскалацию химического оружия эскалацией в той же области". Это была официальная отповедь американской программе разработки и производства новой разновидности ХО – бинарного. Ну а десятилетием позже НЕКТО после очередной встречи в Женеве заявил, что в 1987 году мы полностью прекратили производство ОВ ("Известия", 27 августа 1992 года). Ну что ж, звучит всё это как гимн гуманизму и здравому смыслу. А теперь обратимся к прозе, без которой при описании нашей грязной действительности не обойтись.

В Государственном союзном НИИ органической химии и технологии (ГСНИИОХТ) было создано новое ОВ. По своему коварству ("боевым характеристикам") оно значительно превзошло известный VX, поражение от него практически неизлечимо. Во всяком случае люди, которые в своё время подверглись воздействию этого ОВ, так и остались нетрудоспособными инвалидами. Ну а на основе нового ОВ было разработано и собственное бинарное оружие. И не только разработано, но и успешно завершено выпуском промышленной партии, после которой и происходят награждение непричастных (наряду с действительными создателями). Было такое увенчание дипломами и значками лауреатов Ленинской премии и наших героев. Сделано это было после выпуска промышленной партии нового ОВ весной 1991 года лично президентом М.Горбачёвым. К тому времени он уже сделал всё для бессмертия – подписал известное соглашение "Буш-Горбачёв" по ХО и был удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира. Напомним имена двух наиболее примечательных получателей той Ленинской премии – директор ГСНИИОХТ В.Петрунин и заместитель начальника химических войск генерал, назовём его тоже НЕКТО (это из числа пристроившихся, об истинных создателях говорить не будем, – всё-таки работа есть работа). Однако и это не было концом. В первом квартале текущего 1992 года завершились и полигонные испытания нового бинарного ОВ. Сделано это было не в "засвеченных" Шиханах (слишком хлопотно стало уворачиваться от американских спутников), а на химическом полигоне на плато Устьюрт около города Нукус. Корреспонденты даже повстречали на том полигоне – совершенно случайно – начальника химических войск генерала С.Петрова и выслушали от местного военачальника приличествующие случаю слова о фосфорных ОВ – зарине, зомане и VX, разумеется, в прошлом, о новом ОВ разговор не заходил ("Труд" 15 апреля 1992 года). И тут не обойтись без размышлений на извечную тему, кто у нас на Руси хозяин. Первую промышленную партию нового ОВ выпустили в Волгограде, а Ленинскую премию присудили в Москве ещё до того, как мы избрали Бориса Ельцина первым президентом. Однако полевые испытания ОВ химические войска произвели после этого избрания и его известного заявления от 29 января 1992 года ("Россия привержена соглашению с США о недопроизводстве и уничтожения химического оружия, подписанному в 1990 году"). Кстати, те испытания были произведены в другом государстве и совсем не факт, что об этом знал президент того государства Ислам Каримов. Такой грустный итог пятилетки, прожитой нами после провозглашения прекращения работ по созданию ХО и до завершения испытаний самой мощной его разновидности. Теперь мы имеем достижение: российский бинар оказался эффективнее американского. И что? Начнём с того, что ГСНИИОХТ в буквальном смысле травит москвичей. Потому как в этом НИИ практически отсутствуют фильтры на вентиляционных выбросах, и все испаряющиеся ОВ прямоком летят в воздух Москвы. Дегазация современных фосфорных ОВ, с которыми в ГСНИИОХТе работают до наших дней, не так эффективна, как о том пишут некоторые соискатели секретных диссертаций. Имеющиеся данные однозначно показывают, что ни новое ОВ, – ни уже известные (зарин, зоман, VX) не удаётся

дегазировать до конца. Но уровне весьма малых, но небезопасных концентраций они неделями, месяцами "живут" в дегазационных растворах. Вот с чем имеют дело москвичи каждый день. Кстати, принятая в ГСНИИОХТе практика утилизации отходов небезопасна как для работающего персонала, так и совершенно непричастных к этому граждан. Они хранятся на открытом воздухе в бочках, затем вывозятся как обычный груз по железной дороге в Шиханы (Саратовская область), где в открытом поле содержимое просто сливают в яму. Нелишне обратиться к ещё более глубинной истории шарашки. Дело в том, что вся огромная территория ГСНИИОХТа в буквальном смысле загажена ОВ типа иприт. Все отходы, да и сами ОВ прямо выливали на землю, закапывали где попало. А ведь эти вещества в почве хранятся неопределённо долго, медленно мигрируя под воздействием атмосферных осадков в грунтовые воды, которые затем смешиваются с более глубинными. С большой долей вероятности можно утверждать, что артезианские воды здесь отравлены. Так, хроматографический анализ водопроводной воды корпуса № 7, питающегося из артезианского колодца на территории института, показал присутствие целого букета серо- и хлорсодержащих соединений, близких по структуре к иприту. Руководство института всё это отлично знает и поэтому земляные работы на территории ведутся на уровне боевых операций, где не пренебрегают и противогазами. Всё это тщательно скрывается. В 1990 году ГСНИИОХТ посетил первый зам. председателя Моссовета, умилился при виде подопытных мышек, пообещал всяческую помощь и слово свое сдержал. Однако остается только удивляться, почему избранник москвичей С.Станкевич, посещая крупнейшую в мире организацию по созданию ХО, не догадался поинтересоваться количеством смертоносных веществ, которые в это время хранились на складе! Обычно их здесь не менее 8-10 килограммов, и на Москву этого количества хватит, случись в институте пожар или другая неприятность. После Чернобыля шёл уже четвертый год...

Несколько лет назад НЕКТО клятвенно заверял жителей Чапаевска, что все газообразные отходы на заводе по уничтожению химического оружия будут проходить через специальные фильтры. Можно только поражаться мужеству, проницательности и инстинкту самосохранения жителей, этому не поверивших. Они оказались правы: ГСНИИОХТ просто не проектировал тех фильтров.

Так бесславно начали мы путь к миру без ХО, обладателями которого мы стали по милости доморожденного ВПК. Вместо уничтожения старого они будут сбиваться на разработку нового оружия, а это получается много лучше. Похоже, настоящие хозяева военно-химической ветви ВПК – генералы и директора – застоя в своих делах не допустят. Соответственно, у россиян нет никаких оснований доверять уничтожение ХО тем, кто его разрабатывал. Тут стоит ещё раз вдуматься в смысл той долларовой помощи, за которой недавно съездил за океан НЕКТО. Зная наше бесславное военно-химическое прошлое, можно говорить, что те 25 млн. долларов, которые США выделили России на первый случай для реализации программы уничтожения ХО, будут потрачены для другого – для сохранения на плаву ВПК, в том числе для продолжения дальнейшей разработки и усовершенствования новых видов ХО. А недавно россиян порадовали назначением – в должность руководителя Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте России был утверждён А.Кунцевич, простой советский человек, Герой труда.

* * * * *

У наших заметок есть герой – генерал, для которого делалось ХО в ГСНИИОХТе, человек, обещавший в 1982 году не отвечать на эскалацию американского бинарного оружия, специалист, заверяющий нас, что с 1987 производство ОВ прекращено, учёный, получивший в 1991 году Ленинскую премию за создание самого мощного в мире бинарного ХО, чиновник, обманувший жителей Чапаевска насчет завода по уничтожению ХО, и наконец, политик, привезший из США доллары на продление химического дела. Так вот, всё это А.Кунцевич. Академик и герой, генерал и лауреат.

Это назначение не ошибка, а реставрация Системы. И надо это всем знать и помнить.

*Виль Мирзаянов,
Лев Фёдоров,
доктора химических наук.*

Затем мне позвонил А.Миронов и сообщил о выходе статьи У.Энглунда в "Балтимор сан" от 16 сентября 1992 года с изложением нашей беседы. На другой день он передал мне факс статьи.

В статье "Бывший советский учёный говорит, что режим Горбачёва разработал новый нервный-паралитический газ" говорится, что в России разработано новое отравляющее вещество, которое 10 раз токсичнее чем известный VX-газ. "Американцы должны знать об этом, сказал доктор Мирзаянов", – подчеркивается в статье.

Это было правдой. Действительно, я так и говорил, поскольку был убеждён тогда и убеждён сегодня, что любое "открытие" в области вооружений не может быть монополией только одного государства, поскольку опасность от него одинаково велика для всех на земле.

В статье шла речь и том, что западные наблюдатели не нашли эти мои утверждения заслуживающими доверия. Более того, в Вашингтоне эксперты по контролю за химическим оружием, как состоящие на службе государства, так и не состоящие, выразили скептицизм и удивление. Большинство из них отказывалось комментировать новость. Однако, Лора Лжмп из Федерации американских учёных все же заявила: "Я бы сказала, что это подозрительно, чтобы нервнoпаралитический агент был бы в 10 раз смертельнее чем VX-газ".

Она говорила совсем как другой авторитет по химическому оружию – И.Кнуньянц, который не верил в высокую токсичность тиохолиновых эфиров, считая, что зоман и есть предельный случай токсичности. Я был оскорблён такими комментариями, от них разило высокомерием. Возможно, сказывалось неприкрытое раздражение тех, кто не смог избобрести аналогичное вещество. Но что было делать, если я по своим убеждениям не мог сообщить формулу нового отравляющего вещества и попросить проверить моё заявление.

К несчастью, и сегодня кое-кто в США страется представить так, будто всё это я делал чуть ли по заданию КГБ. Но, ставя под сомнение мои слова, эти господа старались лишь прикрыть свою импотентность. Возможно, я невольно задел интересы какого-либо заинтересованного авторитета в этой области и теперь он всячески старался дезавуировать меня. Тем не менее, я был уверен, что должен довести начатое дело до конца.

Честно говоря, следить за реакцией прессы на статью у меня тогда не было времени. Меня полностью поглощала моя новая работа. В то время я уже освоил, причем довольно неплохо, продажу обуви и одежды на стихийных рынках Москвы... В осенний дождь и слякоть я стоял на ногах по пять-шесть часов кряду с товаром на руках. Это давало неплохие деньги на жизнь, но не оставляло никаких сил на осмысление происходящих в мире событий. Я понимал лишь, что впереди – большие потрясения.

Совершенно случайно я узнал о статье В.Литовкина, опубликованной в газете "Известия" через 10 дней после появления статьи "Отравленная политика". Она как бы была ответом на нее и имела вызывающее название "Уничтожение химического оружия может обогатить Россию". Литовкин писал, что разработка технологий уничтожения запасов химического оружия у нас продвинулась настолько далеко, что Россию в буквальном смысле ожидает золотой дождь. Но мне, как специалисту, было известно, что дело обстояло с точностью наоборот. Моему отделу, кроме дел, связанных с его профилем, приходилось выполнять работы по анализу реакционных смесей, получающихся при разработке технологии уничтожения зомана, зарина и вещества "33" на Чапаевском заводе. Если по первым двум веществам глубина уничтожения была более или менее перспективной и давала надежду на доводку

процесса, то по дегазации вещества "33" показатели были полностью неудовлетворительны. Несмотря на все усилия, остаточное содержание уничтожаемого вещества в конечной смеси не удалось снизить менее нескольких частей на миллион. Безопасным на производстве самого оружия считается предельно допустимая норма, равная нескольким частям на сто миллиардов. Такое содержание без особых оснований считается безопасным при прямом воздействии раствора ОВ на кожу человека. Но это касается лишь одномоментного воздействия оружия без учета его отложенного действия, которое может проявиться даже через несколько поколений. Даже по официально принятой норме глубина достигнутого уничтожения отравляющего вещества была меньше требуемого в десять тысяч раз! В.Литовкин в своей статье рекламировал эту смесь для пропитки строительных материалов, например, железнодорожных шпал!!!

Я тотчас написал ответную статью и для согласования отдал Л.Федорову. К сожалению, статья так и осталась неопубликованной.

ГЛАВА 11

Мсть и закон

Чекисты готовят компромат

Тем временем вовсю шла подготовка расправы надо мной. Об этом свидетельствовали документы, которые были приобщены к моему уголовному делу.

Сов.секретно

экз.1

Начальнику Управления
экономической
безопасности МБ РФ
т. Целиковскому А.И.

1.10.92 N 1594 сс

В газете "Московские новости" N 38 от 20 сентября 1992 г опубликована статья "Отравленная политика" за подписью докторов химических наук Вилия Мирзаянова и Льва Федорова, в которой приводится информация о проводимых в нашей стране научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) в области химического оружия. По заключению постоянно действующей технической комиссии (ПДТК) ГРНИИОХТ в указанных публикациях содержится ряд сведений, являющихся совершенно секретными и составляющими государственную тайну.

Один из авторов Мирзаянов Вил Султанович, 1935 года рождения, уроженец деревни Старый Кангыш Дюртюлинского района Башкирской АССР, башкир, с высшим образованием, доктор химических наук, с 1965 по январь 1992 г. являлся сотрудником ГСНИИОХТ, с сентября 1986 по август 1990 г. исполнял обязанности начальника отраслевого отдела противодействия иностранным техническим разведкам, имел допуск по первой форме к особой важности, совершенно секретным и секретным работам и документам по проблеме "Фолиант".

По роду своих служебных обязанностей Мирзаянов В.С. был осведомлен о системе организации, направлениях и результатах НИОКР в области химического оружия. Направляю Вам заключение ПДТК института и справку о функциональных обязанностях Мирзаянова В.С., как начальника отдела ПД ИТР, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст.75 УК РСФСР "Разглашение государственной тайны".

Приложение:

1. Заключение ПДТК, мк 1587 сс, экз.1,2

- на 3-х листах каждый, сов.секретно
2. Справка о функциональных обязанностях Мирзаянова В.С., мк 1572 сс, эк.1, 3 на 2-х листах, сов.секретно.

Директор

профессор В.А.Петрунин

1594 сс

2 экз. Мартынов

Вот и само заключение, которое услужливо проштамповали мои бывшие коллеги.

Сов.секретно
эк.1

Заключение
постоянно действующей технической комиссии ГРНИИОХТ
от 25 сентября 1992 г.

Постоянно действующая техническая комиссия Государственного Российского НИИ органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) в составе: заместителя директора, кандидата химических наук Баранова Ю.И. (председатель), начальника отдела, доктора медицинских наук Зоряна В.Г., главного химика кандидата химических наук Скрипкина Ю.В., начальников отделов Лисицыной В.И. и Мосякина Г.М. на основании распоряжения директора предприятия рассмотрела вопрос о степени секретности сведений, изложенных в статье "Отравленная политика", опубликованной в газете "Московские новости" N 38 от 20 сентября 1992 г. При этом комиссия руководствовалась:

-Перечнем главнейших сведений, составляющих государственную тайну (в дальнейшем будет упоминаться как ПГС) и Положения о порядке установления степени секретности категорий сведений и определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях, утвержденными Постановлением Совета Министров СССР от 03 декабря 1980 года N 1121-387;

-Перечнем сведений, подлежащих засекречиванию по министерству химической и нефтехимической промышленности СССР, разработанным в соответствии с Постановлением Совета Министров от 03 декабря 1980 г N 1121-387 и объявленным Приказом Миннефтехимпрома СССР от 27 мая 1991 г N 234-19 (в дальнейшем будет упоминаться, как Перечень Миннефтехимпрома);

-Перечнем сведений, составляющих государственную тайну по проблеме "Фолиант", и других сведений, подлежащих засекречиванию по министерству химической и нефтехимической промышленности СССР, в соответствии с Перечнем Главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и объявленным приказом Миннефтехимпрома СССР от 25 марта 1991 г N 144-13 (в дальнейшем будет упоминаться, как Перечень по проблеме "Фолиант").

Комиссия считает, что в статье "Отравленная политика", опубликованной в газете "Московские новости" N 38 от 20 сентября 1992 г за подписью Виля Мирзаянова и Льва Федорова, содержатся следующие сведения, составляющие государственную тайну.

1. "В Государственном союзнм НИИ органической химии и технологии (ГСНИИОХТ) было создано новое ОВ. По своему коварству ("боевым характеристикам") оно значительно превзошло известный VX, поражение от него практически неизлечимо" (колонка 2, абзац 1).

Эти сведения соответствуют действительности. В ГСНИИОХТ (в настоящее время ГРНИИОХТ) на самом деле синтезирован, изучен и испытан ряд новых химических соединений различных классов, значительно превосходящих VX (вещество, состоящее

на вооружений США) по комплексу боевых характеристик, в том числе по затрудненности лечения. По имеющимся данным, на вооружений армий стран, располагающих химическим оружием, аналогов вышеупомянутых веществ не имеется. Снаряжение этими веществами химических боеприпасов позволяет существенно повысить их эффективность.

Таким образом, раскрыты сведения о новейшем достижении в области науки и техники, позволяющем повысить возможности существующего вооружения (боеприпасов), которые в соответствии с пунктом 83 абзац 2 ПГС и пунктом 5.3 Перечня Миннефтехимпрома, являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

2. "...на основе нового ОВ было разработано и собственное бинарное оружие" (колонка 2, абзац 1)

Эти сведения также соответствуют действительности. В ГРНИИОХТ на самом деле разработано и находится в стадии полигонных испытаний собственное бинарное оружие на основе нового ОВ.

По имеющейся информации, ранее зарубежные государства не располагали данными о разработке в нашей стране собственного бинарного оружия.

Таким образом, разглашены сведения, раскрывающие направленность перспективных проводимых в интересах обороны страны прикладных научно-исследовательских работ, которые в соответствии с пунктом 85 ПГС и пунктом 5.5 Перечня Миннефтехимпрома, являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

3. "В Государственном союзном НИИ органической химии и технологии (ГСНИИОХТ) было создано новое ОВ" (колонка 2, абзац 1)

"Первую партию нового ОВ выпустили в Волгограде..." (колонка 3, абзац 3)

"В первом квартале текущего 1992 года завершились и полигонные испытания нового бинарного ОВ. Сделано это было не в "засвеченных" Шиханах, а на химическом полигоне на плато Устьюрт около города Нукус" (колонка 3, абзац 2)

В приведенной информации раскрыта система организации исследований по разработке ХО. Конкретно указан основной НИИ – разработчик (ГРНИИОХТ), упомянуты места дислокации одной из опытно-промышленных баз (г.Волгоград) и обоих испытательных полигонов (Шиханы, Нукус), т.е. перечислены основные объекты по разработке ХО.

Таким образом, разглашены сводные сведения, раскрывающие связи по кооперации разработчиков и изготовителей одного из видов вооружений, которые в соответствии с пунктом 94 ПГС, пунктом 1.3 Перечня по проблеме "Фолиант", являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

Остальная информация, приведенная в статье В.Мирзаянова и Л.Федорова сведений, составляющих государственную тайну, не содержит.

Баранов Ю.И.
Зорян В.Г.
Скрипкин Ю.В.
Мосякин Г.М.
Лисицына В.И.

Нетрудно убедиться, что сверху был спущен заказ на мой арест и расправу надо мной. Бывшие мои коллеги в ударном темпе справились с заданием. Я убежден, что заключение постоянно действующей технической комиссии не было составлено людьми, которые его подписали. Среди них нет ни одного, кто мог бы знать все перечни секретов и вообще выполнить весь этот анализ. Ясно, что настоящими авторами этого документа являются штатные сотрудники министерства безопасности. Буквально через несколько дней генерал А.Целиковский переправил начатое дело другому генералу – начальнику следственного управления МБ РФ С.Балашову. Ознакомившись с этим письмом, я узнал, что мой телефон постоянно прослушивался.

Сов.секретно
экз. N 1

Министерство безопасности
Российской Федерации

Управление экономической
Управления МБ РФ

Начальнику следственного безопасности
генерал-майору Балашову С.Д.

В отношении Мирзаянова В.С.

В Управление экономической безопасности МБ Российской Федерации поступили материалы из Государственного Российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИИОХТ), где сообщается о факте разглашения государственных секретов в опубликованной 16 сентября 1992 г. в газете "Московские новости" N 38 статье "Отравленная политика".

Указанная статья подписана докторами химических наук Федоровым Л.А. и Мирзаяновым В.С., последний из которых до января 1992 г. работал в ГРНИИОХТ и по роду службы был допущен к сведениям, изложенным в публикации "Московские новости".

В ходе проведения проверки поступивших материалов информация ГРНИИОХТ подтвердилась. Одновременно установлено, что в опубликованной 10 октября 1991 г. газетой "Куранты" статья "Инверсия" Мирзаяновым В.С. также допущено разглашение закрытых сведений.

Кроме того, в результате проведенных оперативно-технических мероприятий, санкционированных Генеральной Прокуратурой Российской Федерации, получены достоверные данные о проводимом Мирзаяновым В.С. и Федоровым Л.А. сборе дополнительных закрытых сведений о военно-химическом потенциале России с целью передачи их корреспондентам американской газеты "Балтимор сан" и подготовки очередной публикации в средствах массовой информации.

Мирзаяновым и Федоровым также осуществляется склонение бывших и настоящих сотрудников ГРНИИОХТ к проведению аналогичной деятельности по передаче известных им закрытых сведений иностранным журналистам.

Так, установлен Саркисян Эдуард Людвигович, 1945 года рождения, уроженец г.Тбилиси, ст.н.сотр. ГРНИИОХТ, ранее гл.врач городской больницы 55, проживает по адресу: г.Москва, Россошанский проезд, д.4, корп.1, кв.111, который 29 сентября 1992 г. дал интервью корреспонденту газеты "Балтимор сан" как лицо, подтвердившее сведения, опубликованные в статье "Отравленная политика".

С учетом изложенного наличия в действиях Мирзаянова Вила Султановича признаков состава преступления по ст.75 УК РСФСР, а также необходимости предотвращения еще большего ущерба для интересов России, направляем материалы ГРНИИОХТ и результаты проверки Мирзаянова для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по факту разглашения им государственной тайны.

Приложение:

1. Письмо ГРНИИОХТ в отношении публикации н/вх N 6045 от 2.10.1992, сов.секретно, на 7 листах.
2. Подписка о неразглашении Мирзаяновым В.С. сведений н/вх N 12290 от 28.01.92 г, несекр.1 лист.

3. 6 кассет с записями телефонных разговоров
Мирзаянова.

Начальник управления
генерал-майор
А.И.Целиковский

В деле отсутствует переписка генерала С.Балашова с Генеральной Прокуратурой РФ. Зато там имеется ордер на мой арест, подписанный заместителем Генерального прокурора И.Землянушиным 22 октября 1992 года.

Аресту предшествовала интенсивная работа чекистов. Из разговора с информированным корреспондентом одной из российских газет я выяснил, что моему аресту предшествовали два события. Во-первых, на оперативном совещании у тогдашнего шефа МБ РФ Баранникова четыре генерала из семи высказались за мой арест. Во-вторых, 18 октября 1992 года МБ РФ посетил Борис Ельцин. Краткая информация об этом появилась в печати – говорилось, что Президент встретился с сотрудниками МБ РФ и эта встреча затем перешла в расширенное заседание коллегии министерства.

Поэтому у меня есть основания полагать, что генералы получили "добро" на мой арест от самого Президента.

Терпение чекистов окончательно лопнуло, когда я по приглашению Л.Фёдорова поехал в редакцию популярного в России журнала давать интервью по проблеме химического оружия.

Это случилось 20 октября 1992 года. Встретившись утром на станции "Пушкинская" с Фёдоровым, мы отправились на встречу с корреспондентом журнала "Новое время" Олегом Вишняковым. В тесной комнате нас встретил молодой симпатичный парень, который, не теряя времени, приступил к своей работе. Мне показалось, что о проблеме химического оружия он знал не так много, но уже во время нашей беседы Вишняков буквально на глазах успешно вникал в суть вопроса, и к концу интервью мы с ним разговаривали уже почти на равных.

Интервью было опубликовано в журнале за № 44 от 27 октября 1992 года под названием "Бинарная бомба взорвалась".

Даю интервью в редакции журнала «Новое Время». 21 октября 1992 г.

Я в это время уже находился в Лефортовской тюрьме. На Олега оказали давление и даже допрашивали в следственном управлении КГБ. Но он не побоялся опубликовать этот материал. Хотя, по расчётам чекистов, оно не должно было увидеть свет, поскольку текст его был изъят и находился среди прочих вещественных доказательств моего "преступления". Но это было уже потом...

За мной пришли...

События разворачивались стремительно. Рано утром 22 октября 1992 года меня разбудил телефонный звонок. Звонил Эдуард Саркисян. Он сообщал, что несколько человек, назвавшись сотрудниками министерства безопасности, позвонили в дверь его квартиры и потребовали открыть дверь. Эдуард выполнить их требование отказался и тотчас позвонил в милицию. Как раз в это время по Москве ходили слухи о том, что некие бандиты, назвавшись милиционерами или сотрудниками спецорганов, заставляли москвичей открывать двери и затем убивали и грабили хозяев. Естественно, мы с Эдуардом, подумали, что и в этом случае произошло нечто подобное. Я был рад, что мой товарищ быстро сообразил со звонком в милицию.

Я собирался поехать на ставший мне привычным стихийный рынок около метро "Сокол". Жена с младшим сыном Султаном уже отправилась в детский сад, а старший сын Искандар ушел в школу. Я уже подошел к двери, чтобы выйти из квартиры, как вдруг раздался резкий звонок. В глазок двери я увидел несколько человек. Спросил, кто звонит. Ответ был потрясающий: "Из министерства безопасности, открывайте!" Я, вспомнив о утреннем звонке Эдуарда, подумал было, что это фатальное совпадение, поэтому крикнул: "Убирайтесь немедленно, я звоню в милицию". Для большей убедительности добавил, что у меня есть топор и я буду защищаться. И, действительно, позвонил в милицию.

Тем временем, я уже догадался, что эти люди действительно из министерства безопасности и пришли, чтобы меня арестовать. Они стучали в дверь все настойчивее, а я набирал телефоны Миронова и Энглунда. Я все же успел им сообщить, что за мной пришли чекисты. Тут за дверью раздался властный крик моей жены. "За что?" – возмущалась она. Мужской голос отвечал отрывисто: "За статью в "Московских новостях!" Жена не унималась: "Да вы что, взбесились? За статью в газете арестовать человека!" Я понял, что ей уже показали ордер на арест. "Помолчи, ты", – поучал чекистский голос, – "Не то выкинем из подъезда!" Скоро я понял, что прибыл и наряд милиции, который с ходу потребовал открыть. Милиционеры угрожали, что сломает дверь, добавляя при этом: "На вашем западе давно бы уже не церемонились с вами!" Моя попытка протянуть время до прибытия корреспондентов явно терпела крах. Уже потом выяснилось, что накануне у Энглунда угнали только что купленную машину и он вынужден был искать такси, что заняло немало времени.

Я все же решил открыть. Было ясно, что мне не дожидаться прессы, а угрозы сломать дверь становились все решительнее. Я подумал, что оставить жену и детей без двери будет не совсем разумно.

...В квартиру сразу ворвалось столько людей, что в ней было нигде повернуться – неудивительно, все-таки мое жилище было невелико – всего 27 квадратных метров. Часть крепких ребят расположилась на кухне. Из бумаги, врученной мне одним из ворвавшихся, явствовало, что я арестован и мою квартиру сейчас обыщут. В этот момент я почувствовал полное спокойствие. И даже сам удивился, как все было просто. Беспокоило лишь очень эмоциональное поведение жены. Она была крайне возбуждена и кричала... на меня. Конечно, все это выглядело ужасно нелепо. Что поделаешь, драма разыгрывалась без всяких репетиций.

"Вот они сейчас все перероят, разворошат, а после этого я должна буду убирать несколько дней! Ты сам и убирай за ними!" – шумела она. Я пытался было остеречь в

ответ: мол, теперь у тебя появится свежая тема для твоего писательского творчества.

Тут раздалась резкая команда: предъявить все, что касается моей статьи в "Московских новостях". Я показал, где лежат мои рукописи, научные статьи и различные бумаги. Понятно, что особого желания облегчить работу этим людям у меня не было – я всего лишь хотел спасти свою квартиру от погрома. Мне искренне было жаль жену и детей, которые могли оказаться среди возможного хаоса. Меня уже совершенно не волновало то, что в ящиках письменного стола (им давно уже пользовался мой старший сын Искандар, сам же освоил для писанины кухонный стол) лежал полный текст моей докторской диссертации. Но там не было формул ни известных, ни каких-либо данных о новых ОВ.

Чекист, бывший за старшего, приказал мне одеться. Через несколько минут мы уже выходили из дома. Два агента впереди, два-сзади и еще двое держали меня за руки. Эта сцена напоминала мне кадры фильма, где полиция арестовывает крупного гангстера. Присущее мне чувство юмора не изменило мне даже в такой ситуации – я сказал чекистам, что не следует меня так крепко держать, иначе я запросто могу всех их отравить. И, действительно, моя шутка подействовала и молодцы не так сурово стали сжимать мои руки. Меня посадили в "Жигули" желтого цвета и машина двинулась по шоссе Энтузиастов. Когда, проехав мимо ГСНИИОХТ, около станции метро "Авиамоторная", машина повернула направо, я понял, что меня везут в печально известную тюрьму Лефортово. Когда машина переезжала через трамвайные линии, заглух мотор. Автомобиль встал прямо перед носом трамвая. Двигатель никак не хотел запускаться вновь. Двум конвоирам даже пришлось вылезти из машины и толкать ее.

"Что же вы, даже к поимке государственного преступника не смогли как следует подготовиться!", – посмеялся я над ними. Старший, майор Волошук, ответил, что, мол, теперь у них времени достаточно, и они все наверстают. «Это ничего, что в последнее время мы немного потеряли форму», – многозначительно добавил он, мечтая, очевидно, о чекистском реванше в стране. Не скрою, но мне как-то было жалко этих ребят, которые из-за меня испытывали всякие неприятности и даже могли попасть под трамвай.

В Лефортово

В Лефортово без всяких проволочек меня провели на 2-ой этаж тщательно охраняемого трехэтажного здания, где располагалось Главное следственное управление. Молодой, высокий, чуть полнеющий блондин с ярко-голубыми глазами, "принял" меня под расписку в одном из кабинетов длинного коридора. Он объявил, что будет вести мое дело и его зовут капитан Виктор Шкарин. Он вкратце объяснил, в чем причина моего задержания и "заботливо" справился, нет ли у меня каких-либо жалоб. Следователь вовсе старался демонстрировать предельную корректность. После коротких формальностей по установлению личности арестованного, я заявил, что решительно отказываюсь что-либо говорить и давать показания без присутствия адвоката. Наверное, это выглядело несколько театрально. Но мне казалось, что действовать я должен был именно так. По крайней мере, в книгах воспоминаний многие наши диссиденты описывали сцены своих арестов именно с такими деталями.

Капитан тотчас начал связываться по телефону с какой-то юридической консультацией. Невооруженным взглядом было видно, что система наката и все у него уже было предусмотрено. Он вежливо заметил мне: "У нас с вами времени хватит на все". Получалось, что мы с ним как бы находимся в одной компании и делаем какое-то общее дело.

Адвоката пришлось ждать довольно долго. Все это время я сидел в небольшом кабинете следователя Шкарина. Мебель здесь состояла из трех стульев, огромного сейфа, платяного шкафа-гардероба, письменного стола со скрипучим компьютером.

Я еще не знал, что меня ждали жестокие испытания. Следствие, вновь аресты и тюремное заключение, закрытый судебный процесс, долгие дни, наполненные горьким разочарованием – все это еще смешается в длительную страшную круговерть... Поборов охватившую было меня апатию, я начал действовать.

Первым делом заявил протест против моего задержания и попросил ручку и бумагу, чтобы написать заявление. Я написал, что объявляю бессрочную и сухую голодовку до момента моего освобождения.

Следователь, прочитав текст, никак на него не отреагировал. Я снова заявил, что отказываюсь отвечать на какие-либо вопросы и участвовать в допросе до предоставления мне адвоката. Но нанять адвоката мне было непросто, поскольку в то время у меня не было никаких средств. Было не по себе от мысли, что в такое тяжёлое время, когда приходится считать буквально каждую копейку, я стану причиной таких огромных затрат семейного бюджета. Было до бесконечности жаль моих сыновей, которых я обрекал на безысходную нищету. В отчаянии я даже подумал, почему всё это не случилось со мной, когда их еще не было и я не был так уязвим. Я мог рассчитывать только на бесплатного казенного адвоката... Для начала следователь быстро оформил так называемый протокол задержания, где были указаны мои права и в чем подозреваюсь. В протоколе было зафиксировано, что мое задержание произведено в 12 час 15 мин 22 октября 1992 года...

Затем следователь Шкарин приступил к оформлению протокола допроса подозреваемого, поскольку уже прибыл седой пожилой человек со старым измятым портфелем. Он отрекомендовался как адвокат юридической консультации № 150 Беломестных Леонид Григорьевич.

Улучив момент, когда следователь вышел, я попросил адвоката позвонить моей жене и передать, что я объявил голодовку. У меня была уверенность (как же я был наивен!): если о моей голодовке адвокат скажет жене, то его можно будет попросить защищать мои интересы и в дальнейшем. Забегая вперед, скажу лишь, что Беломестных не выполнил мою просьбу. Впрочем, не могу его в этом упрекнуть – его нежелание портить отношения с чекистами было вполне понятным и естественным. Адвокат, конечно же, знал, что все разговоры как по телефону, так и в моей квартире прослушиваются. В конце концов, я уверен, что он был как минимум внештатным сотрудником КГБ.

Наконец, мы приступили к процедуре самого допроса. Рискую утомить читателя обилием в книге официальных бумаг, все же приведу здесь текст протокола. Надо ли говорить, что в то время я был не таким хладнокровным, как сегодня, когда так нудно повествую о произошедшем. Скорее, я немного был "заведен" и не в меру ершист.

Совершенно
секретно

П Р О Т О К О Л допроса подозреваемого

Город Москва

22 октября 1992 года

Старший следователь Следственного управления Министерства безопасности Российской Федерации капитан юстиции Шкарин с участием адвоката юридической консультации N 150 Беломестных Леонида Григорьевича, предъявившего ордер N 771 от 22 октября 1992 года, в своем служебном кабинете с соблюдением требований ст.ст.123, 150-152 УПК РСФСР допросил в качестве подозреваемого

Мирзаянова Вила Султановича, 1935
года рождения, уроженца дер. Старый
Кангыш Дюртюлинского района Башкирской
АССР, гражданина Российской Федерации, с

высшим образованием, женатого, работающего в акционерном обществе Регин-Центр-Возрождение начальником научно-технического отдела, не судимого, проживающего по адресу:
г.Москва, ул.Сталеваров, дом 4, корп.4,
кв.586, предъявивший паспорт
ХИ-МЮ N 563326, выданный 9 ноября 1977
года.

Перед началом допроса Мирзаянову В.С.разъяснено, что согласно ст.ст.52, 64, 66, 70, 76, 141-1, 151 и 152 УПК РСФСР подозреваемый имеет право на защиту; знать, в чем он подозревается; давать объяснения; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также с материалами, направленными в суд в подтверждении законности и обоснованности применения к нему заключения под стражу в качестве меры пресечения; заявлять отводы, приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание следователя, прокурора; участвовать при рассмотрении судьей жалоб в порядке, предусмотренном статьей 220-2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР; после дачи показаний написать их собственноручно, просить о применении звукозаписи при допросах, требовать дополнения протокола и внесения в него поправок. Мне также разъяснено, что в соответствии со ст.47 УПК РСФСР защитник допускается к участию в деле с момента применения ко мне меры пресечения.

.....В.С.Мирзаянов

Допрос начат в 12 часов 20 минут.
Допрос окончен в 15 часов 30 минут.

Мирзаянову Вилу Султановичу объявлено, что он подозревается в разглашении государственной тайны, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 Уголовного кодекса РСФСР.

Вопрос: На каком языке вы желаете давать свои показания?

Ответ: Русским языком я владею свободно, в услугах переводчика не нуждаюсь, показания желаю давать на русском языке.

Вопрос: Предварительное следствие по делу поручено мне-старшему следователю Следственного управления Министерства безопасности Российской Федерации капитану юстиции Шкарину. Заявляете ли Вы отвод следователю, принявшему дело к своему производству?

Ответ: Отвода следователю Шкарину, принявшему дело к своему производству, я не заявляю, оснований для отвода у меня нет.

Вопрос: Вам объявлено в совершении какого преступления Вы подозреваетесь, а также разъяснены права подозреваемого. Понятны ли Вам сущность объявленного подозрения и содержание прав подозреваемого?

Ответ: В совершении какого преступления я подозреваюсь, а также права подозреваемого мне понятны. Одновременно я заявляю, что на сегодняшнем допросе желаю присутствия защитника. Своего защитника у меня нет, поэтому я прошу пригласить мне любого адвоката.

Вопрос: Для защиты своих интересов на предварительном следствии Вам предлагается воспользоваться услугами адвоката юридической консультации N 150 Беломестных Леонида Григорьевича, предъявившего ордер N771 от 22 октября 1992 года?

Ответ: Я не возражаю, чтобы мои интересы на сегодняшнем допросе защищал адвокат Беломестных Леонид Григорьевич.

Вопрос: Какие пояснения Вы можете дать в отношении возникшего против Вас подозрения?

Ответ: Статья "Отравленная политика", опубликованная в еженедельной газете "Московские новости" N 38 от 20 сентября 1992 года была подготовлена мною в

соавторстве с доктором химических наук Федоровым Львом Александровичем. Я в этой статье изложил известные мне по работе в Государственном российском научно-исследовательском институте органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) факты продолжения разработки, производства и испытания новых видов отравляющих веществ и создания на их базе бинарного оружия. Я работал в этом институте с 1965 года по январь 1992 года и имел непосредственное отношение к созданию новых видов отравляющих веществ, речь о которых идет в статье, производил их анализ и знакомился с документацией, необходимой для его проведения. То есть, я использовал в статье достоверно известные мне по работе данные. Публикуя эту статью, я преследовал цель разоблачения лицемерности руководителей военно-химического комплекса, которые шли на нарушение соглашения между правительствами СССР и США в области химического оружия, а также на обман в переговорах в Женеве по заключению конвенции о химическом разоружении в части сокрытия компонентов нового оружия в виде невключения в список контролируемых веществ, кроме того я хотел привлечь к этой проблеме общественность. Я понимал, что советская, а затем российская сторона пытается скрыть от участников переговоров в Женеве факты разработки, производства и испытания новых отравляющих веществ и создания на их основе бинарного оружия. Мне было достоверно известно, что в институте тема "Фолиант" по разработке новых отравляющих веществ и созданию на их основе бинарного оружия была закрытой, то есть сведения, которые я привел в своей статье не подлежат оглашению. Однако я пришел к выводу, что сокрытие в настоящее время фактов разработки новых отравляющих веществ и создании бинарного оружия наносит ущерб государственным интересам России и выгодно руководителям военно-химического комплекса для удовлетворения их узкокорыстных интересов. Я считаю, что опубликовав в статье "Отравленная политика" данные о факте создания новых отравляющих веществ и на их основе бинарного оружия, дислокацию института-разработчика, месте производства и испытания новых отравляющих веществ, я не привел никаких конкретных данных, характеризующих состав и свойства новых отравляющих веществ. Поэтому я полагаю, что никакой государственной тайны в указанной статье я не разгласил. Вопрос защитника Беломестных Л.Г.: Осознавали ли Вы, публикуя статью, что приводите в ней данные, не подлежащие опубликованию, и считаете ли Вы, что тем самым разгласили государственную тайну, в чем Вам предъявляют претензии органы следствия?

Ответ: Я привел в статье сведения, которые концептуально касаются строго засекреченной темы разработки, испытания и производства нового отравляющего вещества и создании на его базе бинарного оружия. Ни одна строка из засекреченных документов мною в статье не приведена. Поэтому я считаю, что государственную тайну в статье "Отравленная политика" я не разгласил. Протокол допроса мною прочитан. Показания с моих слов записаны правильно. Поправок и дополнений к протоколу не имею.

Подозреваемый
Защитник

В.С.Мирзаянов
Л.Г.Беломестных

Допросил и протокол составил
старший следователь Следственного
управления МБ РФ
капитан юстиции

В.Шкарин

Протоколы допросов и вообще все материалы следствия я переписал с точностью до запятых. Если здесь имеют место очевидные грамматические и стилистические ошибки, то они являются исключительно заслугой следователя. Капитан из всех сил старался записать протокол так, чтобы из него следовало мое полное признание в разглашении доверенной мне по службе государственной тайны. Признаюсь, его игра иногда мне нравилась, поскольку я её разгадал, но старался не показывать, что догадываюсь об этом. К тому времени я уже понял, что мой

следователь не "сечёт" в сущности своего исследования и поэтому мне как-то даже нравилось его подзадоривать.

Сегодня могу с полным правом сказать, что мне не в чем себя упрекнуть. Мне кажется, что, несмотря на известное мое волнение в более чем экстремальных для меня условиях, на первом допросе я смог отстоять перед следователем позицию. А она по-прежнему заключалась в том, что мои действия были вызваны исключительно соображениями морального порядка, стремлением отвести от мирового сообщества опасность, вызванную лицемерной политикой верхушки военно-химического комплекса. Помню, мне приходилось несколько раз настаивать на записи именно таких формулировок, хотя следователь раз за разом норовил их грубо исказить. Я сразу понял, чего он добивается. Ему хотелось, чтобы из первых же моих показаний непременно следовало: все, что было мной опубликовано в печати, мне стало известно в связи с выполнением моих служебных обязанностей. Но на самом деле далеко не все обстояло так, как желал Шкарин. Например, как я уже писал, я не был допущен к работам по созданию бинарного оружия. Поэтому в статье "Отравленная политика" я и ошибся, написав, что верхушка военно-химического комплекса получила Ленинские премии за создание бинарного оружия на основе нового отравляющего вещества.

Я не мог знать о том, что бинарное оружие на основе давно уже выпускавшегося на Чебоксарском химическом комбинате вещества "33" уже было испытано и принято на вооружение Советской Армии. Но и следователь, и его начальники и тем более его консультанты из ГСНИИОХТ обо всем этом знали прекрасно. Но это нисколько не мешало им вешать на меня заведомо ложное обвинение. Расчет был прост: находясь в тюрьме обвиняемый не сможет достойно защититься. Поэтому следователь твердо придерживался основы обвинения - "Заклучения постоянно действующей технической комиссии" ГСНИИОХТ.

Чуть позднее я понял тактику следователя и внес соответствующую поправку в свои ответы по бинарному оружию. В остальном я и не думал отказываться от того, что писал на основе известных мне по работе в ГСНИИОХТ вещей. Статьи были концептуальными, в них не разглашались технические или другие детали.

Падение Льва Федорова

Мне была чудовищной мысль ради спасения отказаться от содержания опубликованных в печати статей. Теоретически это можно было сделать. Тем более, даже следователь подталкивал меня к тому, чтобы я "перевел стрелки" на моего соавтора Льва Федорова.

Можно было заявить, что основую часть "Отравленной политики" написал именно он. И тогда многое бы решилось - Федоров, в отличие от меня, не работал по секретной теме и поэтому никакой юридической ответственности за это не нес. Но это было неприемлемо для меня прежде всего по моральным соображениям. Но, к сожалению, сам Федоров оказался отнюдь не на высоте, когда предстал в этот же день перед следователем.

Лев Федоров 22 октября 1992 года был привезен в следственное управление МБ РФ. Предварительно в его квартире должен был быть произведен обыск. Однако в протоколе обыска говорится, что Федоров добровольно отдал все интересующие следствие материалы, и обыск чекистам проводить не пришлось. Эти материалы состояли из моих трех рукописей статей. Каких-то других бумаг, принадлежащих самому Федорову, изъято не было.

Вот и сам протокол допроса. Через 10 месяцев, когда я его покажу Миронову и вместе с копией всего дела распространю среди моих друзей, Лев Федоров напишет отказ от своих показаний. Но для меня и для многих так и останется загадкой, почему он этого не сделал на другой день после того, как его отпустили домой? Отпустили его сразу же после допроса.

Совершенно

секретно

П Р О Т О К О Л
допроса свидетеля

г.Москва

22 октября 1992 года

Начальник отделения Следственного управления Министерства безопасности Российской Федерации подполковник юстиции Фанин в своем служебном кабинете Следственного управления МБ РФ с соблюдением требований ст.ст.72-74,157,158 и 160 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР допросил в качестве свидетеля

Федорова Льва Александровича
10 июня 1936 года рождения, уроженца
гор.Москвы, чуваша,
гражданина Российской Федерации, доктора
химических наук,ведущего научного
сотрудника института геохимии и
аналитической химии Российской акаде-
мии наук (раб.тел.137-49-30), женатого,
проживающего по адресу: г.Москва, ул.
Профсоюзная, дом 8, корп.2, кв.83 (дом.
тел.129-05-96), предъявившего паспорт
серии XV-МЮ N 608591, выданный 134 отде-
лением милиции г.Москвы 1 июля 1978 г.

Свидетелю разъяснено, что согласно ст.ст.73 и 74 УПК РСФСР он может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, и обязан дать правдивые показания: сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы. Кроме того мне разъяснено, что в соответствии со ст.ст.141-прим и 160 УПК РСФСР я имею право после дачи показаний написать их собственноручно, ознакомиться с протоколом допроса, требовать дополнения протокола допроса и внесения в него поправок, а также ходатайствовать о применении звукозаписи при допросе.

Об ответственности по статье 180 Уголовного кодекса РСФСР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ст.181 УК РСФСР за дачу заведомо ложных показаний я предупрежден.

.....Федоров Л.А.

Допрос начат в 9 час 45 мин
Допрос окончен в 13 час 50 мин

На предложение рассказать все известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос, свидетель Федоров Л.А. показал:

Русским языком я владею свободно и показания буду давать на этом языке.С Мирзаяновым Вилом Султановичом я познакомился месяца два назад. Он мне позвонил сам, представился Мирзаяновым Вилом Султановичом и спросил, не я ли написал статью в газете "Совершенно секретно". Названия статьи не помню, возможно, "Смерть замедленного действия". В ней говорилось о химическом оружии, о том, как я, доктор химических наук, понимаю эту проблему. Я сказал, что действительно эту статью написал я. Когда Мирзаянов представился мне по телефону, я сразу вспомнил, что он является автором статьи "Инверсия", опубликованной осенью 1991 года в газете "Куранты". Данная статья тогда заинтересовала меня, я запомнил ее автора и поэтому договорился с Мирзаяновым о встрече с ним. Поехал к нему домой. При встрече Мирзаянов выразил интерес к моей статье. Так как он сам работал в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии, то у нас могли быть общие интересы с точки зрения проблем

химического разоружения. Я высказал свое удовлетворение статьей "Инверсия". Из разговора с Мирзаяновым я понял, что сведения, опубликованные в статье "Инверсия", стали известны Мирзаянову по роду его работы в вышеназванном институте. В ходе разговора Мирзаянов подчеркнул, что данные сведения не составляют государственную тайну. Кроме этого, сам факт публикации статьи в "Курантах" свидетельствовал для меня, что изложенные в ней сведения не являются государственной тайной.

Зашла речь о том, чтобы вернуться к этой теме и опубликовать новую статью с позиции негативных последствий для России самого факта производства химического оружия. Кто был инициатором данного предложения, не помню. Договорились, что Мирзаянов напишет черновик, а я посмотрю его. В середине августа 1992 года, созвонившись, мы встретились на одной из линий московского метро, где Мирзаянов передал мне свои рукописные записи. С 23 по 28 августа с.г. я находился в Финляндии на международном конгрессе "Диоксин-92". После возвращения в начале сентября начал работать с записями, полученными от Мирзаянова. Ознакомившись с текстом, я доработал его таким образом, чтобы его можно было передать журналистам для последующего опубликования. Общая конструкция предстоящей статьи была продумана и исполнена мной, а факты, указанные в ней, были представлены мне Мирзаяновым. Возможно, эти данные ему были известны по работе в ГСНИИОХТ. Во время работы со статьей я был убежден, что изложенная в ней информация никакой государственной тайны не составляет. С подготовленной статьей Мирзаянова я не знакомил. Тогда же в сентябре сего года я передал ее знакомому мне корреспонденту "Московские новости" Леонарду Никишину, после чего она была опубликована в этой газете за номером 38 от 20 сентября. Газета "Московские новости" еженедельная и поэтому вышла она в среду 16 сентября. Внес ли Никишин в нее какие-либо изменения со своей стороны, я не знаю, так как второго экземпляра своей статьи у меня не осталось. Если и были внесены какие-то изменения, то небольшие и не по существу. Несмотря на то, что я не знакомил Мирзаянова с подготовленной статьей, она вышла за его и моей подписями, так как с Мирзаяновым была договоренность, что его подпись будет под ней стоять первой.

Никакого гонарара за статью ни я, ни Мирзаянов до настоящего времени не получили. Буквально накануне выхода газеты "Московские новости", то есть, во вторник 15 сентября с.г., я вместе с Мирзаяновым посетил корпункт "Балтимор сан", где мы с ним, зная о выходе 16 сентября газеты с нашей статьей, дали интервью корреспонденту "Балтимор сан" по той же проблеме, которая отражена в статье "Отравленная политика". Мирзаянов, в частности, сказал в интервью, что создано новое отравляющее вещество, превосходящее по своим поражающим свойствам ранее известные, и что вещества создано больше, чем предусмотрено конвенцией. О какой конвенции шла речь, мне не известно. Говорил ли об этом что-либо еще, не помню. Хочу отметить, что я никаким государственным тайнам по роду своей деятельности не допущен, не владею такими секретами и поэтому не мог никому что-либо разгласить подобное (подчеркнуто мной – В.М.) Корреспондента "Балтимор сан" звали, насколько помню, Бил Ингланд. Ранее я с ним не встречался. Идея посещения корпункта "Балтимор сан" возникла за неделю до встречи в связи с диоксиновой проблематикой, а переориентация на статью "Отравленная политика" произошла спонтанно. Я позвонил Мирзаянову, сказал, что у меня предстоит встреча с корреспондентом "Балтимор сан" и предложил ему поехать вместе со мной. Он согласился. Так как на следующий день должна была выйти указанная выше статья, то на встрече и были затронуты изложенные в ней вопросы. Никакого гонарара мы с Мирзаяновым за данное интервью не получали.

Недели две назад мне позвонил незнакомый мужчина, представился Вишняковым Олегом Вольдемаровичем – корреспондентом журнала "Новое время", высказал свой интерес к опубликованной статье "Отравленная политика" и предложил встретиться и поговорить на эту тему. Я встретился с ним в редакции названного журнала и узнал, что он хочет поработать над темой химического оружия и опубликовать статью в журнале. Как его понял, ранее он занимался проблемой ядерного оружия и затем параллельно стал интересоваться и химическим. Его занимала идея

уничтожения химического оружия путем ядерных взрывов. Я согласился оказать ему содействие в написании статьи о химическом оружии. Второй раз он позвонил мне примерно 18 октября с.г. и сообщил, что решил форсировать вопрос с написанием статьи и сделать ее в форме интервью. Договорились, что я вместе с Мирзаяновым подъеду к нему в редакцию и там вместе обсудим эту проблему. Примерно 20 октября мы с Мирзаяновым приехали к нему в редакцию и дали интервью по тем же вопросам, которые были изложены в статье "Отравленная политика". Вишняков записал интервью на магнитную ленту, которая осталась у него (подчеркнуто мной – В.М.). Недавно кто-то из моих знакомых сказал, что статьей "Отравленная политика" заинтересовалась редакция "Аргументов и фактов". В пятницу 16 октября с.г. я позвонил в редакцию Старкову, его там не оказалось и тогда позвонил ему домой 18 октября. Представился и рассказал о себе. Он заинтересовался темой и посоветовал написать статью. Тогда же я начал работать над новой статьей, используя в ней эту информацию, которая содержалась в представленных мне Мирзаяновым рукописях. Ко вторнику она была готова. 20 октября после посещения Вишнякова я показал Мирзаянову эту статью, называвшуюся "Мифы и легенды химического разоружения", он познакомился с ней, кое-что поправил и подписал ее. После этого я принес ее в редакцию газеты "Аргументы и факты", где передал секретарю главного редактора, если не ошибаюсь, Тамаре Васильевне. В данной статье из текста Мирзаянова были использованы данные о создании в нашей стране нового отравляющего вещества. Весь остальной текст являлся моими рассуждениями о негативных последствиях нашего участия в создании химического оружия. Вечером 20 октября с.г. мне позвонил один из сотрудников данной газеты и предложил встретиться для согласования вопроса о сокращении статьи. 21 октября я заехал в редакцию, где с корреспондентом Станишневым Борисом согласовал новый, более короткий текст статьи "Мифы и легенды химического разоружения". Этот текст был подписан мной. В нем остался абзац о создании нового отравляющего вещества. Таким образом в редакции "Аргументы и факты" в настоящее время имеются два варианта названных статей (Не забудьте, товарищи, чекисты! – В.М.).

Вопрос: Вам представляются изъятые сегодня в ходе обыска в вашей квартире рукописная запись, начинающаяся словами: "химическая шарашка..." и заканчивающаяся словами: "Доктора химических наук В.Мирзаянов, Л.Федоров; рукописная запись, начинающаяся словами: "по окончании второй..." и заканчивающаяся словами: "...само выживание человека"; рукописная запись, начинающаяся словами: "Уважаемый редактор..." и заканчивающаяся словами "...всех россиян". Кому принадлежат данные рукописные записи, при каких обстоятельствах они появились у вас?

Ответ: Все эти рукописные записи принадлежат Мирзаянову В. и были представлены им мне для использования при написании статей для прессы. Для статьи "Отравленная политика" были использованы записи, начинающиеся словами "Химическая шарашка..." После этих записей Мирзаянов передал мне остальные, которые планировалось использовать при написании статей, однако до настоящего времени этого сделано не было.

Вопрос: С какой целью Вы с Мирзаяновым опубликовали статью "Отравленная политика" и предпринимали ли меры к дальнейшим публикациям статей подобного содержания ?

Ответ: Моей целью при этом являлось следующее. Я считаю, что сам факт создания и способы создания у нас химического оружия может иметь тяжелые последствия для страны. Кроме этого, система мер по освобождению России от химического оружия, принятая официальными властями, на мой взгляд не отражает ту опасность, которая имеется. В связи с этим я предполагал опубликовать несколько статей, в которых хотел выразить свое отношение к путям решения проблем, связанных с уничтожением химического оружия.

Мирзаянов, если верить его словам (если не верить, то, товарищи чекисты сами знаете – В.М.), преследовал такую же цель. На появление статьи "Отравленная политика" Мирзаянов прореагировал положительно. Он был удовлетворен тем, что она была опубликована.

Вопрос: Уточните, для каких конкретно публикаций Мирзаянов передал вам две остальные из изъятых у вас рукописных записей?

Ответ : Примерно 23 сентября с.г. в ответ на появление статьи "Отравленная политика" в вечернем номере газеты "Известия" была опубликована статья корреспондента Литовкина. В порядке ответа на статью Литовкина мы с Мирзаяновым решили подготовить очередную свою статью. В связи с этим Мирзаянов написал и затем передал мне текст, начинающийся словами: "Уважаемый редактор..." и заканчивающийся словами: "...всех россиян".

В связи с тем, что я не успел литературно обработать текст Мирзаянова, статья нами подготовлена не была и не публиковалась (подчеркнуто мной – В.М.).

Рукописный текст, начинающийся словами: "по окончанию второй..." и заканчивающийся словами: "...выживание человека" был подготовлен Мирзаяновым и планировался нами для публикации в одной из местных газет г.Волгограда, где имеется завод по созданию химического оружия и на котором планируется уничтожение созданного к настоящему времени такого оружия. По нашему мнению, химическое оружие следует уничтожать по месту хранения, а не транспортировать на заводы, где ранее их изготавливали. Однако и эту статью опубликовать не успели. Рукой Федорова написано: Протокол допроса лично мною прочитан, показания с моих слов записаны правильно. Дополнений и поправок не имею.

Подпись.

Допросил:

Начальник отделения следственного
управления МБ РФ
подполковник юстиции

Н.И.Фанин

Итак, из протокола допроса Федорова вытекает, что он отрекся от своей причастности к тем сведениям, которые составляют смысловую основу опубликованных статей. Свою роль в разговоре с чекистами мой соавтор сводит до уровня литературного обработчика материала, предоставленного ему Мирзаяновым.

В довершение всего Лев Фёдоров написал и подписал обязательство о неразглашении всего предмета своего допроса, вступив таким образом в тайное сотрудничество со следствием. Впрочем, есть все основания для сомнения о том, что оно началось лишь в данный момент.

Я могу подтвердить, что своё обязательство Фёдоров выполнил полностью. Он даже не заикнулся о своих признаниях на допросе после того, как я вышел из тюрьмы. Мало того, Лев затем еще долго играл роль героя, который так перенёс преследования чекистов...

К сожалению, я слишком поздно узнал обо всём этом – лишь после того, как моё "дело" было завершено и я смог ознакомиться со всеми его материалами.

Никогда нет гарантии, что к любому благородному делу могут прилипнуть люди, которые слабы духом. Или даже являются агентами нашего доблестного ЧК.

Предупредительная готовность так подробно и уничижительно давать показания свидетельствует о том, что Лев был готов предать всех и вся. Иначе как расценить то, что он сообщил чекистам даже имя и отчество секретаря главного редактора газеты "Аргументы и факты"? Как понять подробное описание встречи со Старковым, Вишняковым и другими людьми? А зачем Федоров рассказал следователю, что в редакции газеты "Аргументы и факты" находится два варианта подготовленной статьи? Все это очень похоже на откровенную наводку. Как же, не дай бог, вдруг чекисты в редакции заберут лишь один экземпляр !

После наводок Льва действительно последовали обыски в редакциях газет "Московские новости", "Аргументы и факты" и "Новое время". Мало того, в Лефортово немедленно был доставлен Олег Вишняков из журнала "Новое время" и допрошен. Любопытно, в протоколе отсутствует запись о времени проведения допроса. Во время ознакомления с делом я спросил следователя Чередилова (допрашивал О.Вишнякова) об этом. Он ответил, что, мол, позабыл это сделать. Более чем странная забывчивость

для следователя по особым делам! Однако, я все же узнал, что допрос Вишнякова состоялся около 16 часов. То есть после того, как с чекистами пообщался Федоров...

...Следующие два дня, 22 и 23 октября, чекисты отрабатывали сведения, полученные при допросе Федорова. Подполковник Чередилов трудился вовсю, считая, что вышел на след.

После успешного улова в редакции "Новое время" он поспешил в редакцию "Аргументы и факты", где, как сказал мой "соавтор", находятся аж целых два варианта статьи о химическом оружии. Следователь в сопровождении уже других штатных работников МБ, выступающих в роли понятых, предъявил постановление о выемке и беспрепятственно (никто и не думал отказать в выдаче статей!), как и в другом месте, получил желаемые бумаги.

Впервые в камере

Прибывший по вызову следователя прапорщик приказал мне встать и следовать за ним, держа руки за спиной. Я повиновался и мы пошли по коридору до двери, которую стражник открыл, получив на свой звонок световой сигнал. Тюрьма особого впечатления на меня не произвела. Здесь пахло свежей краской и было тихо. Кругом не было ни души. Мы спустились на первый этаж и подошли к одной из многочисленных дверей, где нас ожидал другой прапорщик. Он открыл дверь и мы последовали в подвальное помещение. Там была душевая. Мне приказали раздеться и идти мыться.

После душа меня препроводили в одну из камер на первом этаже. Она представляла собой узкую комнату длиной около шести и шириной около 2,5 метров. Напротив двери на высоте около двух метров находилось зарешеченное окошко. Три железных кровати были наглухо прикреплены к полу. На одной из коек лежали матрас, две простыни и стеганое одеяло. В середине камеры к стене была прикреплена раковина, над которой была выведена труба с вентилем для воды. Рядом находился унитаз без сливного бачка или какого-либо аналогичного устройства. Над дверью была железная решетка, из которой торчала ручка радиорепродуктора. По голосу диктора понял, что вещает радиостанция "Маяк". Теперь я был совершенно один и никто не мешал привести свои чувства в порядок от пережитого за целый день. Удивительно, но здесь, в каменном мешке, мне не было грустно. Мне предстоял тяжелый труд – я знал, что мои силы теперь будет отнимать борьба против несправедливости. И я начал строить различные варианты своей защиты. Четко представил, что в тюрьме для меня исключается возможность посоветоваться с кем-либо и поэтому должен полагаться только на самого себя. Начало борьбы уже было положено тем, что объявил сухую голодовку. Когда окошко в двери внезапно открылось и появившая там голова в белом колпаке произнесла "ужин", я вежливо отказался.

Первая ночь в тюрьме прошла без сна. До самого утра ярко светила электрическая лампочка, прикрепленной в середине потолка за железной решеткой. Часов не было и я просто потерял счет времени. А оно тянулось бесконечно. Но, когда в репродукторе зазвучали позывные "Маяка", я понял, что уже 6 часов утра. Почти одновременно прозвучала команда за дверьми: "Подъем!"

Все утро заняло фотографирование и игра на "рояле". На арестантском жаргоне так называется процедура снятия отпечатков пальцев. Всем этим в лефортовской тюрьме занимался один и тот же прапорщик под пристальным надзором "железного Феликса" с портрета, висевшего над его столом.

Тем временем подошло время обеда, от которого, как и от ужина, я также отказался. Скоро окошко в двери опять открылось и раздалась команда:

"Приготовиться к выходу!" Собрался я мгновенно. Одеть свое старое демисезонное пальто, лыжную шапку и зимние ботинки, в которых меня привезли – всего-то и делов.

На этот раз тюремщик повел меня незнакомым путем. По дороге он все время звонко шелкал пальцами, видимо, сигнализируя таким образом, что ведет заключенного.

В знакомом кабинете меня ожидал следователь Шкарин. Он сообщил, что с ним связывалась по телефону моя жена и просила передать, что дома все в порядке и она обещала сделать все, чтобы помочь мне. В том числе супруга обещала решить вопрос с адвокатом. Мне сразу стало легче, когда я на миг представил маленького Султана.

Шкарин вежливо справился о моем самочувствии. Поблагодарив за интерес, я ответил, что продолжаю держать сухую голодовку. Капитан заметил, что не советует этого делать, поскольку в моем возрасте это весьма опасно и поэтому здесь сделают все, чтобы я не умер с голода. Капитан начал допрос. Я не противился, поскольку решил, что в самом крайнем случае смогу обходиться и без адвоката. Было любопытно испытать себя в единоборстве, тем более за ночь решил, что это будет скорее война интеллектов и поэтому опасаться мне какого-либо подвоха не следует. Может быть это было слишком самонадеянно, но я уже чувствовал, что следователь мало что соображает по существу дела.

Чтобы избавить читателя от свободного изложения заинтересованного человека, приведу лучше текст протокола.

Совершенно секретно

П Р О Т О К О Л допроса подозреваемого

г.Москва

23 октября 1992 года

Старший следователь Следственного управления Министерства безопасности Российской Федерации капитан юстиции Шкарин в своем служебном кабинете с соблюдением требований ст.ст.123,150-152 УПК РСФСР допросил в качестве подозреваемого

Мирзаянова Вила Султановича,
9 марта 1935 года рождения,
уроженца дер.Старый Кангыш Дюртю-
линского района Башкирской АССР
(другие данные в деле имеются)

Допрос начат в 14 час 25 мин

Допрос окончен в 16 час 45 мин

Вопрос: Необходимо ли Вам присутствие на сегодняшнем допросе адвоката?

Ответ: На сегодняшнем допросе защитник мне не нужен.

Вопрос: Вам предъявляются изъятые в ходе обыска в квартире Федорова Льва Александровича рукописный текст, начинающийся словами: "Химическая шарашка в Москве ждет американской помощи" и заканчивающийся словами: "доктора химических наук В.Мирзаянов и Л.Федоров", рукописный текст, начинающийся словами: "По окончании второй мировой войны..." и заканчивающийся словами: "...само выживание человека", рукописный текст, начинающийся словами: "Уважаемый редактор..." и заканчивающийся словами: "...всех россиян". Что Вы можете пояснить в отношении этих текстов?

Ответ: Внимательно осмотрев предъявленные мне тексты, я заявляю, что все они исполнены мною в период с конца августа до начала октября 1992 года. Текст, начинающийся словами: "Химическая шарашка в Москве ждет американской помощи" я написал в конце августа 1992 года для опубликования его в средствах массовой информации после того, как в августе этого года прочитал в газете "Совершенно

секретно" статью доктора химических наук Федорова Л.А. о проблемах загрязнения окружающей среды диоксинами и отравляющими веществами. Название этой статьи я вспомнить затрудняюсь. Мне показалось, что вопросы, затронутые Федоровым в этой статье, актуальны и созвучны с моими мыслями. В редакции мне дали номер телефона Федорова. Я позвонил ему и мы договорились о встрече. Через пару дней мы встретились. Ранее я с Федоровым знаком не был. Обменявшись мнением, мы приняли решение написать совместную статью в развитие тем, затронутых мною в статье "Инверсия" в газете "Куранты" от 10 октября 1991 года. Мы договорились, что я напишу статью, а Федоров затем дополнит ее своими материалами и договорится с редакцией какой-либо газеты о публикации. Примерно в течение недели я написал статью под названием "Химическая шарашка в Москве ждет американской помощи" и отнес ее Федорову. Эта статья была опубликована в газете "Московские новости" 20 октября 1992 года под названием "Отравленная политика" с необходимыми добавлениями и сокращениями подготовленного мною варианта. Изменения написанного текста коснулись личностных моментов и технической стороны, связанной с полнотой дегазации отравляющих веществ при их уничтожении. Данные о создании в Государственном НИИ органической химии и технологии нового отравляющего вещества, разработке на его основе бинарного оружия изложены в статье полностью, в том же объеме, что и в рукописном варианте. В таком же объеме я дал информацию о новом отравляющем веществе и бинарном оружии Федорову и в беседе с ним. Никому более того, что говорится в статье "Отравленная политика" о новом отравляющем веществе и бинарном оружии я ни устно, ни письменно не сообщал. Два других текста я передал Федорову в начале октября сего года для дальнейшей работы по публикации в средствах массовой информации. В этих текстах сведений о новом отравляющем веществе и бинарном оружии я не привожу. Протокол допроса мной прочитан. Показания с моих слов записаны правильно. Поправок и дополнений не имею.

В.С.Мирзаянов

Допросил и протокол составил
Старший следователь Следственного
управления МБ РФ
капитан юстиции

В.А.Шкарин

Я понял, что следователь в дальнейшем будет работать исключительно с моими рукописными материалами для того, чтобы исключить возможность ссылки на редакционные или иные поправки. Мне это было безразлично, поскольку я был убежден, что никакой государственной тайны я не выдал ни в своих рукописях, ни тем более в статьях.

Прочитав протокол, я в становящемся уже привычном сопровождении конвоира опять был доставлен в свою камеру. Хотя по закону подозреваемый без предъявления ему обвинения может содержаться под арестом не более трех суток, для меня было сделано исключение. Все объяснялось тем, что выходные дни не входят в этот срок. Можно подумать, что я находился в Доме отдыха. Гениальное изобретение нашего ЧК! Времени у меня было теперь более чем предостаточно. Я все еще продолжал держать голодовку. В условиях, когда сегодня-завтра мировые сверхдержавы должны подписать конвенцию по запрещению химического оружия, все пункты "Заклучения", которое мне успел показать следователь, кроме пункта о бинарном оружии, просто несерьезны для того, чтобы на их основе строить обвинение. Какой, спрашивается, остается смысл обвинять меня в том, что я якобы разгласил места дислокации производства и испытания химического оружия? В Шиханах давно уже побывали иностранные специалисты и корреспонденты, а Нукусский полигон отошел независимому Узбекистану. Я знал, что места производства химического оружия нами объявлены уже после того, как там было прекращено всякое производство. Правда, мне в моей статье пришлось указать место производства нового оружия, но и это, как я думал, в сложившихся политических условиях не

может являться большим криминалом. Следовательно, реально меня могут с сильной натяжкой обвинять лишь в том, что я сказал о новом оружии и бинаре. Но, как уже говорилось выше, к разработке бинарного оружия я не был допущен и доказать обратное следователю вряд ли бы удалось. Оставался вопрос о новом оружии.

Ну, здесь я и не думал отпираться. Это оружие не было новым в буквальном смысле. Всяческие его испытания и отработка технологии его производства шли уже более десяти лет. Я участвовал в разработке, вернее в медико-биологических испытаниях этого оружия. Но в своих статьях я писал о нем без каких-либо подробностей. Точно так же, например, в прессе часто пишут, что в таком-то конструкторском бюро, создан новый боевой самолет, превосходящий по своим летно-техническим характеристикам существующие аналоги.

Вторую ночь я провёл в своей трёхместной камере все так же, без соседей. И в эту ночь я также не сомкнул глаз. Когда заговорило радио и тут же появившаяся в окошке в дверях голова тюремщика скомандовала: "Подъём!", я уже был на ногах.

Через некоторое время после этого опять появилась "голова" и спросила: "Есть будете?" Я ответил, что не буду. "Как хотите", - и окошко закрылось.

Около 10 часов меня опять отвели к Шкарину. Он сообщил, что снова звонила моя жена и просила передать, что дети живы-здоровы, что она будет нанимать мне адвоката. "Шум поднялся в прессе по вашему поводу", - добавил чекист.

Не скрою, мне стало сразу тепло на душе. Но я ни о чем не спрашивал следователя. В конце концов, каждый желающий мог прочесть мою статью и убедиться о том, что вся эта акция КГБ надумана. Однако, капитан вызвал меня вовсе не для того, чтобы обсуждать то, что пишет пресса о Мирзаянове. Шкарин вручил мне постановление о моём аресте (до этого, оказывается, я был только задержан). Арест был санкционирован первым заместителем Генерального прокурора Землянушиным.

Я "переезжаю"

После завершения всех формальностей капитан нажал на свою кнопку и в кабинет вошёл конвоир. Мы отправились по знакомому маршруту в камеру. После обеда, от которого я привычно отказался, дверь камеры открылась и раздалась команда: "Встать! Забрать одеяло, простыню и на выход!" Я понял, что меня переводят в другую камеру. Меня повели на второй этаж. Остановившись у камеры за номером 81, сопровождающие открыли дверь, и мне велели войти. Там стояли два молодых человека. Мне указали на пустующую кровать и я положил туда свои вещи. Один из обитателей камеры тотчас сказал: "Вы, конечно, Вил Мирзаянов. Я Вас вычислил. По

радио передавали, что вы арестованы за государственную измену. Я понял, что вы должны появиться у нас в Лефортово". Этого молодого человека звали Александр Явицкий. Он сидел здесь уже более года по обвинению в незаконных операциях с валютой. Я тут же вспомнил, что недавно по телевидению показывали репортаж из Лефортовской тюрьмы. Корреспондент беседовал именно с Явицким. Тогда он очень неплохо отзывался о здешних условиях. Запомнилось, как Явицкий на вопрос, каким образом ему удалось угодить в такие "комфортабельные" условия, в тон журналисту ответил: "Это надо было заслужить". Вот уж не думал я тогда, что мне доведется оказаться с героем телерепортажа в одной камере тюрьмы КГБ!

Александр рассказал о своём "деле". Оказалось, что он участник нашумевшей тогда истории с кражей трех миллионов долларов из аэропорта "Шереметьево". Деньги эти были заняты правительством России у какого-то американского банка. После того, как мешки с долларами были свалены прямо на лётное поле, они продолжали там лежать почти двое суток, пока рабочие аэропорта не заинтересовались содержанием этих мешков...

В реализации этих долларов участвовал и Александр. По его словам, он скупал их по дешевке за советские деньги у тех, кто так удачно "приручил" мешки с долларами. Часть долларов спрятал на различных дачах, но часть решил вывезти за границу. Но на этом все и закончилось – на западной границе его поймали, найдя доллары в канистрах с бензином. По его словам, он все спрятанные деньги сдал следствию. Но несколько сотен тысяч долларов так и не было найдено, несмотря на то, что Александр сотрудничал со следствием.

Другого моего нового товарища по камере звали Виктор Д. Он спал на кровати у моего изголовья. Причиной его заключения в лефортовскую тюрьму было то, что он при пьяной драке убил своего собутыльника – подполковника КГБ. С обоими соседями у меня установились неплохие отношения. Саша с ходу отговорил меня от продолжения моей голодовки. Он объяснил, что здесь никто так и не узнает о моей акции, но через пять суток мне предстоит насильственное кормление, которое является жестокой и унижительной процедурой.

Что тут можно было противопоставить? Да ничего, поскольку изоляция заключённых в лефортовской тюрьме была практически абсолютной. Никакой связи с внешним миром не было. Никаких свиданий, только продовольственные передачи раз в месяц. Эти передачи тщательно обыскивались и вряд ли кто мог обхитрить тюремщиков Лефортово, чтобы послать весточку о себе или получить известие с воли.

Уже потом, знакомясь с моим "делом", я прочитал донесение одного из тюремщиков, сообщавшего начальству, что в продовольственной посылке было найдено письмо от моего сына Искандара, которое он написал на внутренней стороне обёрточной бумаги туалетного мыла. "Папа, держись, мы тебя любим", – писал Искандар...

Но самое страшное испытание меня ожидало в камере, когда я захотел пойти в туалет. Он был полностью открыт и мне предстояло садиться на унитаз на глазах моих товарищей. Видя, что со мной творится, Саша разрешил проблему просто. "Вил Султанович!" – сказал он, – "Перестаньте стыдиться. Пусть будет стыдно этому режиму, который считает нас скотами!"

Он был прав. Но я в дальнейшем никогда так и не смог привыкнуть к такому бесчеловечному отношению к подсудимым.

Сокамерники-адвокаты

Я благодарен моим товарищам по камере за уроки "жизни". Если бы не они, то я, возможно, так и продолжал бы сидеть в тюрьме, а моя судьба могла сложиться по сценарию КГБ.

Они скоро из моего рассказа уже знали о моем "деле". У них самих ситуация была ничуть не лучше моей, но тем не менее, сокамерники меня всячески поддерживали, стараясь помочь. Хотя следователь дал мне уголовный кодекс с указанием пунктов о моих правах, но я практически не воспринимал то, что пытался вычитать там.

Через несколько месяцев, во время одной из моих многочисленных встреч со следователем, он признался, что обычно подследственный "выкладывает" почти 90 процентов информации о себе в первые три-четыре дня.

В течение всего моего пребывания в лефортовской тюрьме я был, по сути лишен защитника. С самого начала я понимал, что те защитники, которых мне предлагал следователь, не были настоящими адвокатами и мне стоило больших усилий, чтобы не сказать им в лицо то, что о них думаю.

Я честно рассказал моим сокамерникам о своём "деле" и в чём меня обвиняют. Они тут же мне посоветовали написать заявление в районный суд с просьбой освободить, поскольку ни моё "дело", ни я сам не представляли такой опасности, чтобы держать меня под стражей. Но вот как писать – это уже было полностью моим делом, а помощника-юриста у меня не было. Сказано – сделано. Все выходные дни прошли в творчестве. Я пытался обосновать моё освобождение. При этом мои товарищи посоветовали отправить заявление обязательно через администрацию тюрьмы, поскольку, с их слов, доверять следователям ни в одном ответственном деле было нельзя.

Мне было чрезвычайно неудобно поступать таким образом. Ведь следователь меня попросил отдать заявление об освобождении обязательно ему первому, если я вдруг соберусь написать такой документ...

Явицкий, который теперь заменял мне адвоката, весьма мудро посоветовал написать заявление в двух экземплярах. Затем один экземпляр отправить через администрацию тюрьмы в народный суд, а другой – отдать моему следователю, раз уж он так просит. Я так и поступил.

По утрам нас водили на прогулку. Мы проходили во двор тюрьмы через два коридора, на пересечении которых за большим столом с телевизионными экранами сидело несколько охранников. Прогулочная площадка представляла собой большую тюремную камеру, размером 20-30 квадратных метров. От других камер это помещение отличалось только тем, что над головой у нас всё же было небо, хотя и отгороженное колючей проволокой. Над дверью на прогулочную площадку на специальной платформе-дорожке постоянно прохаживался часовой. Иногда с соседней площадки доносились голоса арестантов, но разобрать, что они говорят, было невозможно. Непрерывно транслируемые по радио русские народные песни заглушали их голоса.

Радио в камере было жутко навязчивым. С одной стороны, оно было единственным средством связи с внешним миром. С другой, мне становилось дурно, когда с 9 до 10 вечера, перед отбоем, ежедневно на плохом русском языке радиостанция "Маяк" вещала проповеди главаря японской религиозной секты "Аум синрике" Секо Асахары. Он нёс такую чушь, что я вынужден был просить моих сокамерников позволить мне его приглушить. Но мои молодые товарищи уже привыкли к этому голосу и даже нуждались в этой галиматее. Александр запросто имитировал голос проповедника и читал его проповедь на память в унисон с его голосом. Что ж, это тоже вносило немного разнообразия в тюремную жизнь. Кормили трижды в сутки. Надо сказать, что еда была не такой уж плохой, даже по сравнению с тем, что моя семья имела на столе в то время.

Помню, на четвёртый день моего заключения на обед после мясного борща нам дали гречневую кашу с мясом, что в то время было деликатесом для большинства россиян. Александр отметил, что он такое блюдо ест здесь впервые и уверен, что оно сделано в честь моего пребывания здесь.

Из газет, которые мы по очереди читали, предлагались "Вечерняя Москва", "Советская Россия" и "Известия". В течение нескольких дней нам не давали "Известия" – видимо, там печатались какие-то материалы обо мне. В "Вечерней Москве" от 23 октября 1992 года в заметке под заголовком "Взяли за разглашение несуществующей тайны" говорилось о сообщении, распространенном министерством безопасности. Сотрудниками МБ, писала газета, арестован один из авторов статьи в "Московских новостях" ("Отравленная политика"), обвиняемый в раскрытии государственной тайны. Имя задержанного министерство безопасности не сообщило, но газета, тем не менее, написала, что его зовут Виль Мирзаянов и ему грозит

срок от 2 до 5 лет. Кроме того, газета сообщала, что арестованный содержится в следственном изоляторе в Лефортово. Газета заканчивала своё сообщение замечанием, что согласно международным договорам Россия не производит химическое оружие, и вопрошала: что тут, мол, можно разглашать. Через три дня нам стали приносить уже и другие газеты, которые мы читали от корки до корки, поскольку это хорошо помогало скоротать время. Утром 26 октября, в понедельник, при обходе камер специальной командой администрации тюрьмы, которая собирала всякого рода обращения и письма в судебные инстанции, я сдал своё заявление в народный суд с просьбой об освобождении. Оно было практически копией моего заявления на имя следователя.

Разумеется, заявление было написано юридически некорректно, поскольку должен был просить суд освободить по причине того, что не представляю общественной опасности и моё пребывание под стражей не диктуется интересами беспристрастного следствия и т.д. Вместо этого я излагал дело с моей точки зрения. Что можно было поделаться, если моим крестом тогда был лишь мой сокамерник.

Прошло еще три дня. Следователь хранил молчание и не вызывал больше на допросы. Мои сокамерники объясняли это тактическим ходом следствия. Мол, следователь хочет, чтобы я томился в ожидании и стал вести себя помягче. Однако, как я узнал уже потом, мой ход с заявлением об освобождении застал следствие врасплох, чекисты не ожидали, что я так быстро решусь написать заявление о моём освобождении из-под стражи. Естественно, теперь следствию срочно надо было подготовить документы для предстоящего судебного слушания. Но оно ещё даже не успело предъявить мне официального обвинения. Немного с опозданием, но всё же мои сокамерники попросили стражника принести газету "Известия" за 23 октября 1992 года и я её затем вынес с собой из тюрьмы.

Журналисты Андрей Иллеш и Сергей Мостовщиков в статье под названием "Каждый журналист теперь может стать "предателем Родины" сообщали о том, что через месяц после публикации статьи "Отравленная политика" в редакции "Московских новостей" произведён обыск и изъяты ксерокопии статьи. Кратко изложив суть статьи, авторы анализировали проблему определения государственной тайны, которая в конечном счёте сводится к ведомственной тайне. Они сделали предположение, что экспертиза по статье, по-видимому, сделана была специалистами ГСНИИОХТа, критиковавшегося в публикации. Арест Виля Мирзаянова, по мнению авторов, даёт основания полагать, что он мог открыть оберегаемую от мировой общественности тайну создания в России запасов бинарного оружия, о которой, возможно, не догадывается даже сам Борис Ельцин. Здесь же под подзаголовком "Арест-1992" авторы изложили ход событий, произошедших 22 октября 1992 года в квартире Льва Фёдорова, о чём мой соавтор рассказал в интервью журналистам из "Московских новостей". Лев сообщил журналистам, что около двух десятков сотрудников прибыли на его квартиру и предъявили ордер на обыск. Но, по словам журналистов "МН", это мероприятие было бесполезным, поскольку в квартире Фёдорова МБР обнаружило только огромное количество папок с научными работами, в основном, на английском языке. Далее цитирую из "Известий": "Изъяв в итоге непонятно зачем лишь два номера "Московских новостей" со всё той же скандальной заметкой, эмбэровцы увезли Льва Фёдорова в следственное управление МБР в Лефортово" (конец цитаты).

Кстати, выступая на конференции "КГБ вчера, сегодня и завтра" в феврале 1993 года Фёдоров немало потешил публику своим рассказом о том, как толпа тупых чекистов, пришедших к нему на квартиру с обыском, долго крутили в своих руках непонятные им книги и статьи на английском языке. Но поскольку-де что-то надо было взять, то они с собой увезли два экземпляра статьи "Отравленная политика".

Красочный рассказ борца против КГБ и химического оружия сопровождался непрерывным смехом участников конференции, а полковник МБ Кандауров, присутствующий здесь, то краснел, то бледнел. Видимо, было от чего. Он, в отличие от всех остальных, хорошо знал, что действительность была совершенно противоположной тому, что рисовал оратор-артист.

Документы красноречиво свидетельствовали о том, каким человеком на самом деле оказался Фёдоров.

Вот протокол обыска, подписанный самим борцом против химического оружия. Любопытно, чекисты даже не изменили название своего объединения в бланке протокола.

Комитет Государственной Безопасности СССР

Протокол обыска

Гор. Москва

"22" октября 1992 г

Следователь Следственного управления МБ РФ ст.л-т юстиции
Мартыненко и мл.сл-ль того же управления л-т юстиции Зеньков

----- с
участием сотрудников МБ РФ Светина А.Т., Белянина И.В. (бывший сотрудник ГСНИИОХТ) и Дмитриева А.А. (мой бывший коллега по ГСНИИОХТ, который работал вместе с Богомазовым - В.М.) в присутствии Фёдорова Льва Александровича и понятых:

1.Мосякина Германа Митрофановича (он подписал заключение технической комиссии и написал письмо о моих функциональных обязанностях - В.М.), проживающего по адресу : г.Москва, Ореховый пр-д, д.39, к. 2 кв. 342,и

2.Суринского Иван Ивановича (зам. начальника отдела режима ГСНИИОХТ - В.М.), проживающего по адресу: г.Москва, ул.Саянская, д.2, кв.54 на основании постановления о производстве обыска от "20" октября 1992 года, руководствуясь требованиями статей 169-171 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, произведен обыск в квартире Фёдорова Л.А. по адресу : г.Москва, ул Профсоюзная, д.8, корп.2, кв.83.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявление по поводу тех или иных его действий.Понятым кроме того, разъяснена предусмотренная ст.135 УПК РСФСР их обязанность удостоверить факт, содержание и результаты обыска

(подписи)

Обыск начат в "7" часов "30" мин

Перед началом обыска Федорову Л.А. было предложено добровольно выдать указанные в постановлении на обыск предметы и документы, имеющие отношение к делу. После чего Федоров Л.А. представил два документа с рукописными записями, исполненными красителем синего цвета. В одном документе 7 (семь) листов. В другом 6 (шесть) листов. Также Федоров представил два экземпляра еженедельной газеты "Московские новости" № 38 на русском языке и № 39 - на английском языке. После этого Федоров Л.А. представил ещё один документ на 4 (четырёх) листах с рукописным текстом, исполненным красителем синего цвета.

По пояснению Федорова Л.А. три документа с рукописными записями ему передал Мирзаянов Вил Султанович и на основании которых Федоровым и Мирзаяновым была подготовлена статья в еженедельнике "Московские новости".

После добровольно представленных Федоровым Л.А. документов и газет, обыск в его квартире не проводился (подчеркнуто мной - В.М.).

Три документа упакованы в бумажный конверт и опечатаны печатью № 2 для справок СУ КГБ СССР, которая заверена подписями следователя, Федорова и понятых.

Обыск окончен в "8" часов "-----" мин.Протокол обыска нами _____
прочитан.

Записано правильно.

По поводу обыска и содержания протокола замечаний не имеем-----

Лицо ,у которого произвоился обыск ----- (Федоров)
Подпись

Обыск произвел и протокол составил

Следователь СУ МБРФ ст.л-т юстиции -----С.М.Мартыненко
Мл.следователь СУ МБРФ л-т юстиции ----- И.Е.Зеньков

Копию протокола обыска получил
"22" октября 1992 года

фамилия и подпись лица, которому вручена копия

Федоров на этом документе собственноручно написал свою фамилию и расписался в том, что он такую копию получил. И вряд ли он сможет утверждать, что ему изменила память и он не помнит, что на самом деле произошло с ним 22 октября 1992 года.

...Утром 28 октября я был доставлен следователю. Он мне рассказал в очередной раз, что звонила моя жена и сказала, что дети и она живы-здоровы. Она также сообщила, что "Московские новости" ей наняли адвоката Александра Асниса и взяли на себя оплату расходов на его работу по моему "делу".

Я был доволен. Теперь у меня был защитник и при этом из-за непосильных расходов не страдает моя семья. Однако, следователь добавил, что Аснис не может быть допущен к моему делу, поскольку-де не имеет допуска к секретным работам. Шкарин также уточнил, что Аснису предложили оформить такой допуск, но адвокат отказался. Но я понимал, что он делает правильно, не связывая себя обязательствами, которые будут в дальнейшем ограничивать его свободу. Тут следователь переменял тему разговора и «доверительно» сообщил: "В прессе шум насчёт вас нарастает. Сегодня в "Московских новостях" на первой странице помещены ваш и Федорова портреты».

Я попросил следователя дать мне возможность посмотреть этот номер "Московских новостей". Он ответил, что кому-то его отдал, но как только разыщет, то обязательно покажет. Шкарин не выполнил своего обещания. Этот красочный номер и прекрасные материалы журналистов еженедельника, приводящие меня в немалое волнение и сегодня, я увидел уже после моего освобождения. Затем следователь приступил к допросу, копию протокола которого я привожу без изменений. Она взята из дела № 62, том 1, стр.177-180.

Совершенно
секретно

П Р О Т О К О Л
допроса подозреваемого

г. Москва

28 октября 1992 года

Старший следователь Следственного управления министерства безопасности Российской Федерации капитан юстиции Шкарин в своем служебном кабинете с

соблюдением требований ст.ст.123,150-152 УПК РСФСР допросил в качестве подозреваемого

МИРЗАЯНОВА ВИЛ СУЛТАНОВИЧА 9 марта
1935 года рождения, уроженца дер. Старый
Кангыш Дюртюлинского района Башкирской АССР
(другие данные в деле имеются)

Допрос начат в 10 час.40 мин
Допрос окончен в 12 час.40 мин

Вопрос: Необходимо ли Вам присутствие на сегодняшнем допросе адвоката?

Ответ: Следователем мне разъяснено, что моя жена Мирзаянова Нурия Халитовна заключила соглашение на мою защиту с адвокатом юридической консультации № 10 Аснисом Александром Яковлевичем, которому на основании того, что он не представил справку о допуске к работам с секретными документами отказано участвовать в деле. Других препятствий для участия в деле адвоката Асниса А.Я., насколько понял, не имеется. На сегодняшнем допросе мне адвокат не нужен. От услуг адвоката Беломестных Леонида Григорьевича я отказываюсь.

Вопрос: Передавали ли сведения о разработках химического оружия в России в средства массовой информации, кроме редакции газеты "Московские новости"?

Ответ: О факте разработки нового химического оружия в России я писал в газете "Куранты" от 10 октября 1991 года в статье "Инверсия". Я написал эту статью и передал ее в редакцию газеты по собственной инициативе под впечатлением победы российского народа над путчистами. Я еще тогда предвидел, что верхушка военно-химического комплекса, несмотря на соглашение между правительствами США и СССР, заключенного в том же году об остановке разработки, производства и испытания химического оружия, будет продолжать наперекор национальным интересам России разработку, производство и испытание новых отравляющих веществ, поскольку она, эта верхушка, не верила и не верит в возможность демократизации нашего государства. При этом ВХК преследует свои узкокорыстные цели, находится у власти и кормится по прежнему за счет бесполезных трат народа. Эта верхушка по настоящий день всеми силами старается сохранить прежние структуры в указанных целях. О факте разработки нового химического оружия в России, а именно в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии (ГСНИИОХТ), мне было известно по роду работы в указанном институте по проблеме разработки новых отравляющих веществ. За эту публикацию в отношении меня уголовного дела возбуждено не было и я даже не получил дисциплинарного взыскания. Более того, в это время два сотрудника института, владеющие еще большим объемом информации о новом химическом оружии, эмигрировали в США и Израиль. Из этого следует, что информация о разработках в России нового химического оружия не подлежит защите со стороны компетентных органов и администрации института. В 1991 году в США эмигрировал бывший главный инженер Волгоградского производственного объединения "Химпром", заместитель директора по научной части Волгоградского филиала ГСНИИОХТ Либман Борис Яковлевич. В 1992 году в Израиль эмигрировал бывший ведущий научный сотрудник доктор химических наук Гальперин Ефим Лазаревич. Выдали эти лица иностранным государствам сведения о разработке в России нового химического оружия, мне не известно. 15 сентября 1992 года я дал интервью корреспонденту американской газеты "Балтимор Сан" Уильяму Энглунду, в котором изложил практически в полном объеме содержание подготовленной мною для публикации в газете "Московские новости" статьи "Отравленная политика", то есть я рассказал корреспонденту о факте создания бинарного оружия. В интервью я привел данные о большой эффективности нового химического отравляющего вещества по сравнению с аналогичным американским ОВ. Это интервью я давал вместе с Львом Александровичем Федоровым.

21 октября 1992 года я вместе с Федоровым Л.А. подписал статью для газеты "Аргументы и факты" о вопросах производства и испытаниях химического оружия в России, а также об уничтожении их запасов и связанных с этим проблем экологической безопасности. Эту статью полностью написал Федоров с использованием моего варианта статьи, которого я передал ему в начале сентября 1992 года. В этот же день, то есть 21 октября, мы с Федоровым дали интервью корреспонденту журнала "Новое время" Олегу Вишнякову. В этом интервью я привел мою версию о характере нового отравляющего вещества (ОВ) и версию о создании на его базе бинарного оружия. В частности, я сообщил, что примерно два года назад ученые нашего института создали новое ОВ, которое по своим характеристикам в 5-8 раз превышает наиболее токсичное из ныне существующих ОВ типа VX. Поражение от него даже при попадании на кожу практически неизлечимо. На основе нового ОВ у нас было разработано и собственное бинарное оружие, которое оказалось значительно эффективнее американского бинара. Дело в том, что в отличие от американского бинара, у которого каждый из компонентов по отдельности совершенно безопасен, у нашего оружия один из компонентов является отравляющим веществом. Промышленная партия нового ОВ была выпущена на заводе в Волгограде. Моя версия основана на основе моей собственной интуиции, как ученого, работающего в ГСНИИОХТ в области физико-химического анализа микроконцентраций отравляющих веществ в различных средах. Гонорары за публикацию указанных статей и интервью мне никто не предлагал и я их не получал.

Протокол допроса мною прочитан.

Показания с моих слов записаны правильно. Поправок и дополнений к протоколу не имею.

В.С.Мирзаянов

Допросил и проткол составил:

Старший следователь Следственного

управления МБ РФ

капитан юстиции

В.А.Шкарин

Протокол допроса был составлен таким образом, чтобы подвести меня под обвинение о разглашении сведений, составляющих государственную тайну согласно секретным перечням, о которых я в момент допроса не знал. Я об этом догадывался, но не пытался что-либо изменить, прежде чем подписать протокол. Почему? Да потому, что я не стал отпираться от того, что содержалось в моих статьях. Всё это было более чем очевидным. Так что вовсе не "психологический пряник" следователя в виде сообщения о разворачивающейся в прессе моей поддержки сделал меня «сговорчивым». Просто мне даже в голову не могла приходить сама мысль отрицания очевидных фактов. Следователь несколько раз намекал на то, что, возможно, я захочу поделиться с кем-либо с ответственностью в этом деле. Мне такая мысль была более чем неприемлемой. Нет, я всю ответственность брал на себя, поскольку инициировал и написал свои статьи сознательно с целью, которая изложена (настоял на такой записи) в протоколе допроса.

Тогда я даже и не мог мечтать о том, что когда-нибудь этот протокол перепису и опубликую. Тогда мое будущее рисовалось прежде всего в виде долгих лет тюремного заключения. Внутренне я был готов к такому исходу. Даже сказал следователю с пафосом, что когда-нибудь людям будет известно о моих поступках и уверен в том, что мои сыновья не будут краснеть за своего отца. Признаться, его "психологический пряник" действовал на меня в этом отношении вдохновляюще и я стал задиристым. Шкарин великодушно заносил все это в протокол. В конце концов, он ведь тогда даже в самом своём кошмарном сне не мог представить, что пройдёт немного времени и вся его работа с грифом "Совершенно секретно" будет достоянием общественности.

После того, как я подписал протокол допроса следователь попросил меня ознакомиться с материалами, которые будут отправлены в народный суд для рассмотрения моей жалобы на незаконный арест. В протоколе "ознакомления подозреваемого с материалами, направляемыми в суд" (Дело № 62, том 1, стр.186-187)

всё было мне уже знакомо, кроме письма следственного управления к председателю суда.

Обвинение готово

30 октября я опять был вызван к следователю. В кабинете кроме Шкарина находилось ещё два человека. Один был сравнительно молодым, с интеллигентным лицом, явно смущенный тем, что он, такой вот воспитанный и порядочный, должен явиться в это ужасное место. Он у меня вызывал какую-то симпатию. Следователь отрекомендовал его как прокурора по фамилии Белаш, надзирающего за законностью действий КГБ. Второй являл собой пожилого грузноватого господина с седыми волосами и с красноватыми прожилками на лице, свидетельствующими о нескучно прожитой жизни. Капитан сказал, что он есть адвокат Васильев, который, если я не возражаю, будет присутствовать на сегодняшней процедуре предъявления мне официального обвинения. Адвокат сказал, в свою очередь, что он прослужил всю свою жизнь в войсках, будучи военным прокурором, а теперь практикует в качестве защитника. Скажу прямо, он сразу мне не понравился. Даже внешне он выглядел как строгим блюстителем советских нравов. Но мне было неудобно отказать ему в присутствии на предстоящей процедуре. Человек вот приехал, а я сразу, не зная его, выражу недоверие. К тому же, я знал, что в любом случае его услугами пользоваться не стану. Я уже знал: раз КГБ что-то мне предлагает, то принимать это нельзя, иначе попадешься на очередную чекистскую уловку.

Уже в конце допроса, когда следователь оформлял свой протокол, Васильев вытащил из своего портфеля свежий номер "Правды" и стал её читать. Я окончательно понял, кого мне пытаются подсунуть.

Допуск моего адвоката к делу задерживался, поскольку Аснис наотрез отказывался от подписания обязательства о неразглашении государственной тайны, что является обязательным для ознакомления с секретными документами, каковыми являются материалы моего дела. Шкарин рассказывал об этом обиженным тоном, как бы жалуясь, что Аснис проявляет излишнюю капризность. Пользуясь присутствием молодого прокурора, я в течение 5-7 минут произносил монолог, возмущаясь тем, что здесь разыгрывается крупная провокация против демократических сил страны, а старый отвратительный КГБ всё продолжает господствовать в обществе. Я возмущался тем, что мой арест и содержание в тюрьме совершенно неоправданны. В конце концов во всём можно разобраться, разрешив быть мне на свободе, заявил я.

Думаю, что это было для меня неплохой психологической разрядкой. Адвокат Васильев пытался успокоить меня, сказав, что, мол, со временем я привыкну (!) и мне станет легче. "Ну, и сука же ты!" – произнёс я про себя, сожалея, что не могу высказать эти слова вслух, глядя этому человеку в лицо.

Во время моего монолога прокурор одобрительно кивал головой, как бы поощряя меня ко все более жестким выражениям. Он даже достал из своего большого портфеля блокнот и что-то там записывал. Тут уж он окончательно завоевал мою симпатию.

Но, потом, когда меня обратно приведут в мою камеру и я расскажу о прокуроре моим сокамерникам, Явицкий рассмеется. Он скажет, что я совершенно не разбираюсь в людях, и этот прокурор только потому и служит, что хороший актер. Я был потрясён! Ну и дела! Оказывается, в этих джунглях безвластия, можно располагать людей к себе, не сказав ни слова, "разговаривая" одной лишь мимикой? Да, видимо, Белаш был неплохим мастером своего дела.

...Затем Шкарин сказал, что он сегодня предъявляет мне постановление о привлечении меня к ответственности в качестве обвиняемого. Отныне мой статус "повышался", поскольку до этого времени я считался лишь задержанным в качестве подозреваемого.

Постановление практически слово в слово повторяло текст заключения технической комиссии ГСНИИОХТ, приведенного мною выше.

Это свидетельствовало, что ничего нового со стороны обвинения уже не последует. В самом деле, что же ещё можно было изобрести? Следователь должен был "крутить"

мое "дело" вокруг этого заключения, больше ему ничего не оставалось. Так оно в итоге и вышло. Но пока он делал все формальные процедуры для придания веса своему творчеству. Как поговаривал профессор Курочкин, "делал из г..а конфетку". Привожу выдержку из протокола допроса, следовавшего за процедурой предъявления ко мне обвинения.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: В предъявленном обвинении я виновным себя не признаю полностью. (О том, как Андрей Арнольд «перевел» это предложение на английский для Гейл Колби, я расскажу ниже – В.М.)

Вопрос: Какие пояснения Вы можете дать по предъявленному Вам обвинению?

Ответ: Я квалифицирую предъявленное мне обвинение, как политическое обвинение, призванное запугать всех, кто не согласен с продолжением политики верхушки военно-промышленного комплекса, в частности, военно-химического комплекса, старающегося всеми незаконными силами и даже после подписания соглашения между правительствами СССР и США об остановке разработки, производства и испытания химического оружия с целью кормиться за счет народа путём продолжения своей незаконной, нарушающей соглашения деятельности. Они и сегодня хотели бы делать то же самое, что и вчера, чему помешала моя статья. Я знаю десятки учёных, работающих в этой области, которые полностью согласны с моими доводами, приведенными мною в статье "Отравленная политика", однако вслух об этом заявлять они боятся. Мой арест ещё раз укрепит их в этом страхе. Приведенные мной в статье данные о продолжении незаконной деятельности военно-химического комплекса в области разработки нового химического оружия, по моему мнению, не составляют государственную тайну. В подтверждение этого ссылаюсь на свою статью под названием "Инверсия", опубликованную 10 октября 1991 года в газете "Куранты". В этой статье я предупреждал, что несмотря на победу демократических сил над путчистами, то есть над тоталитарным режимом, ВПК в частности, ВХК, ждут реванша, пытаются сохранить все структуры для продолжения своей антинародной политики. В этой статье я указал на разработку нового химического оружия в нашей стране. За эту статью, будучи сотрудником ГРНИИОХТ, я даже не получил дисциплинарного взыскания. Правда, в начале января 1992 года я был уволен по сокращению штатов. Если 22 октября 1992 года меня арестовали практически за те же сведения, которые я привел в статье в "Курантах" год тому назад, это подтверждает мое предупреждение о попытке реванша верхушки ВХК. И также полностью подтверждает мои доводы на счет политического смысла предъявленного мне сегодня обвинения.

"Повысив в статусе", меня вновь отправили в камеру. Все формальности были выполнены и мне оставалось ждать понедельника – дня суда, который должен был решить мою судьбу. К этому времени я окончательно понял, что если буду оставаться в тюрьме, то моя участь решена. Без своего надёжного адвоката, без поддержки людей рассчитывать было не на что. Поэтому я с волнением считал часы, остававшиеся до суда.

Разного рода тюремные процедуры вроде утренней прогулки, хождения в душ позволяют хоть немного разнообразить изоляцию в четырёх тесных стенах. Конечно, чтение также, казалось, должно отвлечь от мрачной тюремной обстановки, но здесь оно почему-то быстро надоедает.

Душевые в лефортовской тюрьме расположены в подвале. Когда идешь туда, то кажется, будто тебя ведут куда-то, откуда уже нет возврата. Наверное в России мало кто не читал или не слышал о расстрелах которые приобрели широкий размах в Лефортово, в особенности, в 30-ые годы.

Мой сокамерник Явицкий как-то спросил охранника, который вёл нас в душевые: "Скажи, Коля, расстреливали здесь?". Тот слегка кивнул направо от нас, указывая куда-то вниз. По-видимому, расстрельные подвалы были ещё ниже, чем душевые. Мой сокамерник мне рассказал весьма любопытные вещи. Оказалось, что ещё с конца мая в Лефортовской тюрьме был начат капитальный ремонт, который закончился полностью к середине августа 1991 года.

Действительно, на стене висел распорядок дня и правил поведения заключенных, подписанные комендантом тюрьмы 16 августа 1991 года. Так что здесь всё было готово для приёма крупных партий заключённых противников путчистов.

Повернись колесо фортуны немного иначе, в Лефортово теперь сидели бы нынешние хозяева Кремля.

Глава 12.

Крах плана КГБ

Суд освобождает меня из тюрьмы

Из-за предстоящей поездки в народный суд утром 2 октября наша привычная прогулка была отменена. Сразу после завтрака меня вновь отвели к Шкарину. В кабинете кроме него находился уже мне знакомый адвокат Васильев. Шкарин, заметив мое недовольство наличием этого «гостя», поспешил меня успокоить, сказав, что всё остается в силе и я еду в народный суд. Но мне требуется там адвокат и вот он предлагает мне подписать бумагу с моим согласием на использование услуг Васильева.

Тут я не выдержал и буквально взорвался. Я был практически в состоянии аффекта. Но мне всё же удалось сдержать себя от употребления нецензурных слов. Я возмущенно кричал: не позволю, чтобы со мной играли как с неграмотным зеком.

– Если уж вы решили, – продолжал я, – не допускать к моему делу Асниса, то и я не позволю вам дурачить меня подставным адвокатом.

– Ах, зачем вы меня так оскорбляете! Я, бросив свои дела, приехал для вашей же пользы, – картинно сокрушался Васильев. Я ответил, что обязательно извинился бы перед ним, если бы сам пригласил его и вдруг отказался. К сожалению, добавил я, вас навязывают мне вместо адвоката, нанятого моей женой и газетой.

Следователь поспешил «успокоить» меня, сказав:

– Хорошо, хорошо, Вил Султанович. Вот приедете из суда и мы поговорим спокойно обо всём и, может быть, найдем решение вопроса.

Я резко парировал:

– Слушайте, капитан! Неужели вы даже не допускаете мысли, что меня, возможно, освободят по решению суда?!

К чести следователя, он не стал развивать тему, только заметил философски:

– Всё может произойти в наше время.

– Вот видите, – согласился я, немного смягчившись.

Из кабинета следователя мы отправились куда-то по неизвестному мне маршруту. Очень скоро очутились во дворе тюрьмы, где находились несколько чем-то знакомых мне людей. Я вспомнил, что видел их перед редакцией «Нового времени» накануне моего ареста. Стало быть, на всякий случай, им дают запомнить мой «запах».

Скоро во двор тюрьмы въехал «воронка». Открылась задняя дверь, и мне велели подняться на кузов. Там было полно людей. Это были заключённые из московских тюрем, которых сначала собирали, а затем развозили по различным районным судам столицы.

По пути я разговорился с несколькими заключёнными. Оказалось, они слышали обо мне по радио и телевидению. "Зеки" возмущались: почему в тюрьме сижу я, а не те, кто отравляет народ. Не скрою, мне это было приятно, поскольку даже люди, весьма далекие от проблем разоружения, понимали, что идёт обычная расправа с человеком, осмелившимся высказать своё мнение.

...Меня и нескольких заключённых в наручниках повели в темный и грязный подвал старого обветшавшего здания суда. Там было сыро и отвратительно пахло

мочой. Здесь расположились клетки для заключённых, где их держали до вызова в суд. Меня поместили в одну из них. Стены были расписаны непристойностями и проклятиями в адрес судей. Одна из надписей гласила : «Будь ты проклят, судья Щанин!»

Мне казалось, что прошла целая вечность. Наконец, дверь клетки открылась и меня повели куда-то вверх два конвоира. Наконец, мы поднялись на нужный этаж и вошли в вестибюль, где находилось около десятка человек.

Это был одиннадцатый день, как я не видел свободных людей. Был немало удивлён, когда услышал восторженный голос с моим именем и тут же был ослеплён вспышками фотоаппаратов. Меня быстро ввели в одну из комнат с многочисленными скамейками. Я понял, что это и есть зал Калининского нарсуда города Москвы.

Мне приказали сесть на скамейку подсудимого за невысоким деревянным барьером. По бокам за барьером расположились конвоиры. Пока я сидел, дверь пустого зала то и дело открывалась, и корреспонденты (я уже понял, что именно они) лихорадочно снимали меня.

Наконец, дверь закрыли, и я стал ожидать появления судьи. На всякий случай, я готовил себя к отказу от освобождения. Главное не унижаться и не умолять об освобождении. Если уж ты начал такое дело, то нужно уметь сохранить достоинство. Меня немало взбодрило то, что пресса заинтересовалась мной и отныне не могу считать себя забытым и заброшенным.

Ну, вот на возвышении появилась девушка и справилась, прибыл ли арестованный Мирзаянов. Получив удовлетворительный ответ от одного из конвойных, она произнесла: «Встать, суд идёт!»

Я встал и увидел вошедшего на сцену сухощавого бородатого молодого человека с большим лбом. Он был в красивом светло-сером костюме и сильно напоминал физика-атомщика из одного советского кинофильма. Ещё и не начав говорить, он мне сразу понравился, поскольку в нем чувствовался какой-то интеллект, исключающий возможность произносить демагогическую проповедь на темы патриотизма. «Если уж он и делает мне плохо, то это не должно было отравительно», – пришла мне в голову странная мысль.

Звали судью Александр Щанин. Я больше не чувствовал никакого волнения и целиком сосредоточился на происходящем.

Судья осведомился обо мне и спросил, имеется ли у меня адвокат. Я ответил, что следственное управление министерства безопасности лишило меня защиты и поэтому я буду защищать себя сам. Судья прочитал моё заявление и затем предоставил слово мне. Я изложил существо моего дела, инспирированного силами, которые стараются вернуть Россию назад к прошлому. Главным для них было сохранить военно-химический потенциал с тем, чтобы и впредь продолжать опустошительную гонку никому ненужных вооружений лишь потому, что это обеспечивало им все блага. Конвенция по всеобщему запрету химического оружия уже была парафирована и вот-вот ожидалось ее подписание правительством России. Стало быть, терялся всякий смысл в этой бессмысленной трате народных средств. Тем более, в стране не хватало продовольствия, медикаментов и многого другого. Судья спросил о моем отношении к государственной тайне, поинтересовался, признаю ли я необходимость сохранения государственных секретов. Я ответил, что вся моя работа в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии говорит о честном отношении к моему долгу. Я не только не соблюдал долг, но учил также подчиненных делать то же самое. В печати я выступил по принципиально важным вопросам без всякого разглашения государственной тайны. В моих выступлениях, подчеркнул я, нет даже намёка на технологию получения отравляющих веществ, на их химические формулы, в чем может убедиться каждый, прочитав мои статьи.

Затем выступил прокурор Буйволов. Он заявил, что Мирзаянов совершил государственное преступление, а потому не подлежит освобождению из тюрьмы.

Услышав это заявление, я вновь попросил слова, сославшись на то, что благодаря вот этому прокурору я до сей поры не имею своего квалифицированного защитника и вынужден защищать себя сам.

– Оставить меня в тюрьме хотят те, кто инспирировал мое дело, которое не может быть справедливо расследовано в дальнейшем, – сказал я. – Следствие боится гласности и под видом секретности пытается совершить неправый суд надо мной. Секретарь, молодая женщина, объявила, что суд удаляется на совещание. Я остался сидеть на своем месте. Дверь зала время от времени открывали и я снова видел щелкающих камерами фотокорреспондентов. Перерыв в работе суда продолжался что-то около 20 минут. Щанин, вернувшись в зал, зачитал решение суда. Вот его текст.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

2 ноября 1992 года Калининский районный суд г. Москвы в составе: председательствующего судьи Щанина А.С., с участием прокурора Буйволова В.А., при секретаре Лебедевой С.В., рассмотрев в закрытом судебном заседании жалобу на законность и обоснованность ареста Мирзаянова Вила Султановича, родившегося 9 марта 1935 г. в деревне Старый Кангыш Дюртюлинского района Башкирской АССР, проживающего по адресу: г.Москва, ул.Сталеваров д.4, корпус 4 кв.586, работающего начальником научно-технического отдела в Акционерном обществе Регион. Центр. "Возрождение", башкира, с высшим образованием, женатого, имеющего двух детей, не судимого, обвиняемого по ст.75 ч.1 УК РФ,

У С Т А Н О В И Л

Из жалобы заявителя и представленных материалов усматривается, что 22 октября 1992 г. Мирзаянов В.С. был задержан в порядке ст.122 УПК РФ по подозрению в совершении преступления предусмотренного ст.75 ч.1 УК РФ и в этот же день он (Мирзаянов) был заключён под стражу заместителем Генерального прокурора РФ по основаниям ст.ст.90-92, 96 УПК РФ.

Проверив материалы, выслушав заявителя, прокурора, считаю необходимым жалобу Мирзаянова В.С. удовлетворить, поскольку в соответствии со ст.89 УПК РФ в суде не было добыто достаточных оснований полагать, что он скроется от предварительного следствия или суда, воспрепятствует восстановлению истины по уголовному делу или будет заниматься преступной деятельностью. Кроме того, он имеет постоянное место жительства в г.Москве, ранее не привлекался к уголовной ответственности, имеет на иждивении малолетних детей и инкриминируемое ему деяние не относится к составу тяжких преступлений.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст.11,220-1,220-2,331 УПК Российской Федерации,

П О С Т А Н О В И Л

Жалобу Мирзаянова Вила Султановича удовлетворить, из-под стражи его освободить в зале суда. Избрать в отношении Мирзаянова В.С.подписку о невыезде с постоянного места жительства.

Постановление окончательное, обжалованию и опротестованию не подлежит. Подписи судьи и секретаря.

Надо ли говорить, что я чувствовал, когда слушал слова постановления о моём освобождении! Я был просто счастлив!

Даже бывалые люди не помнили, чтобы судья освобождал арестованного из Лефортова. Мне трудно судить, насколько это правда. Но как бы там ни было, решение судьи А.Щанина перепутало все планы чекистов, привыкших вершить свои дела с беззащитными арестованными под покровом секретности. Тут же секретарь суда попросила меня подойти к судье и подписаться в получении копии постановления и дать подписку о невыезде. Двери зала суда отворились и журналисты, многие из которых продолжали непрерывно фотографировать, попросили несколько слов для прессы и телевидения. Я выполнял эти просьбы с удовольствием, поскольку знал,

что в немалой степени я обязан своему освобождению средствам массовой информации, которые с явной симпатией ко мне освещали ход моего дела. Однако, после подписки моего обязательства у судьи я ещё не был освобождён, поскольку предстояло выполнить формальности с конвоем, доставившим меня в суд. И я вновь под конвоем отправился в подвал суда. Здесь начальник конвоя куда-то звонил и выяснял, не привлечен ли я еще к ответственности по другим обвинениям. Выяснив, что проблем такого рода нет, мне дали подписать бумагу о том, что не имею никаких претензий к конвою. После этого я смог покинуть подвал суда и выйти на улицу, где меня ожидала журналистка с телевидения. Я давал интервью как во сне – настолько был рад своему неожиданному освобождению, что даже не верил в случившееся. Журналистка в конце нашей беседы спросила, куда я собираюсь теперь ехать. Я ответил, что еду немедленно домой к детям. И вспомнил, что у меня в кармане нет ни рубля... Увидев моё смущение, журналистка догадалась одолжить мне денег на дорогу.

Через 40 минут я был дома – и там меня тоже меня поджидали журналисты. Они без конца снимали мою встречу с детьми и просили вновь и вновь повторять эту сцену. На другой день беспрерывно звонил телефон и я давал многочисленные интервью российским и иностранным корреспондентам, объясняя суть моего дела. При этом ни на минуту не забывал, что моё дело ещё только находится на начальной стадии и мне предстоит трудная борьба.

КГБ против Асниса

3 ноября ко мне приехал адвокат Александр Аснис и мы договорились о встрече для обсуждения деталей моей защиты. Здесь главным препятствием к ведению дела было требование следствия об оформлении Аснисом допуска к секретным работам. Естественно, на это мой адвокат пойти не мог и настаивал на соблюдении буквы и духа закона. Мне позвонил следователь Шкарина и вызвал к себе. Я ответил ему: – Прибыть на допрос – мой долг, но разговор будет абсолютно бесполезным до тех пор, пока там не будет присутствовать мой адвокат. До его допуска к делу я не буду даже с вами здороваться и тем более подписывать какие-либо протоколы. Следственное управление ФСК и Генеральная прокуратура попали в весьма щекотливое положение, отказывать моему адвокату в допуске к делу на законном основании было невозможно, да ещё печать практически ежедневно освещала ход развернувшейся борьбы. Надо отметить сильный ход моего адвоката по разрешению возникшей проблемы. Он написал заявление в Генеральную прокуратуру с ходатайством о передаче моего дела для расследования туда же, в Генпрокуратуру, что не противоречило закону. Всё это приводило в немалое смущение самих чиновников из прокуратуры и ФСК. Об этом свидетельствует переписка между ними.

Сов.секретно

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
Российской Федерации
30.10.92 № 13/2-1040-92
г.Москва

Министерство безопасности
Российской Федерации
Начальнику
Следственного управления
генерал-майору Балашову С.Д.

В Генеральную прокуратуру Российской Федерации обратился адвокат Аснис А.Я. с жалобой на решение старшего следователя Следственного управления Министерства безопасности России Шкарина В.А., в котором он не допущен в качестве защитника по уголовному делу в отношении Мирзаянова В.С. из-за отсутствия у него допуска к работе с секретными документами. Считаем, что оснований для отказа в допуске Асниса А.Я. в качестве защитника по данному делу не имеется, так как согласно уголовно-процессуальному законодательству в перечне обстоятельств, исключающих участие в деле

определенного защитника, отсутствие допуска работе с секретными документами, как одно из этих обстоятельств, не упоминается.

Вместе с тем для предотвращения разглашения секретных и совершенно секретных сведений принять меры, предусмотренные ст.139 УПК РСФСР.

Начальник управления по надзору
за исполнением законов
о федеральной безопасности и
международных отношениях
государственный советник
юстиции 3 класса Л.М.Сюкасов

Ну, что тут скажешь? Ничем не ограниченная практика следствия чекистов и формальное законодательство, которым в силу сложившихся обстоятельств вынуждено руководствоваться Генеральная прокуратура, в такой форме столкнулись впервые. В КГБ понимали: без секретного покрова "дело" становится совсем безнадёжным, несмотря на все усилия следствия. Поэтому генерал Балашов с подачи следователя Шкарина написал письмо с мольбой не ломать прежнюю практику ведения дел. На том, мол, стоим.

Сов.секретно

Начальнику Управления по
надзору за исполнением законов
о федеральной безопасности
и международных отношениях
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
государственному советнику
юстиции 3 класса Сюкасову Л.М.

4.11.92 6/2753

Уважаемый Леонид Михайлович!

Ваше письмо за № 13/2-1040-92 от 30 октября 1992 года в Следственном управлении МБ РФ рассмотрено. Предложение о допуске адвоката Асниса А.Я. в качестве защитника по делу о разглашении государственной тайны Мирзаяновым В.С. Следственным управлением не может быть поддержано, поскольку противоречит действующему законодательству.

Вопрос о допуске к работе с секретными документами и прежде всего с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, не входит в сферу уголовно-процессуального законодательства, которое лишь определяет порядок производства по уголовным делам. Существующий порядок допуска конкретных лиц к секретам направлен на обеспечение сохранности государственной тайны в интересах государственной безопасности. Поэтому допуск к работе с документами, содержащими государственную тайну, регулируется "Инструкцией по обеспечению режима секретности в Министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР", утвержденной Постановлением Совета Министров СССР от 12 мая 1987 года № 556-126.

Требования указанного постановления обязательны для исполнения в России в соответствии с Постановлением Верховного Совета РСФСР "Ратификация Соглашения о создании независимых государств" от 12 декабря 1991 года № 51 и Указом Президента Российской Федерации "О защите государственных секретов" от 14 января 1992 года № 20. В связи с изложенным адвокат Аснис обязан оформить соответствующий допуск к работе с документами, содержащими государственную тайну. Условия для этого в Московской городской коллегии адвокатов, членом которой он является, имеются.

По нашему мнению, предоставление Аснису возможности участвовать в деле без соблюдения установленных требований фактически ставит следствие в

положение, при котором оно само будет вынуждено разглашать составляющие государственную тайну сведения.

Начальник Управления
генерал-майор С.Д.Балашов

Газета "Известия" продолжала освещать проблему с допуском адвоката к моему делу и 5 ноября 1992 года откликнулась острой статьей "Продажа Родины" под большим секретом", в которой журналисты не оставили никакого сомнения у читателя в незаконности проволочек со стороны КГБ по этому вопросу. Они также указали, что когда следствие по делу ГКЧП (комитет по организации путча в августе 1991 года) потребовало допуска к секретным работам у известного адвоката Генри Резника, защищавшего путчиста Плеханова, то под нажимом общественности оно вынуждено было уступить и допустить защитника к делу без такого документа.

Генералы "промывают мозги"

В этот же день состоялся брифинг в министерстве безопасности, который вёл полковник Кандауров. Отступая от темы, замечу, что скоро этот человек вырастет до генерал-лейтенанта. Ему поручат проводить бездарные и безответственные брифинги, где он будет лгать о событиях в Чечне. Телезрители, наблюдавшие за этим человеком во время событий связанных с освобождением заложников в Дагестане зимой 1996 года, смогли по достоинству оценить дезинформационное "искусство" чекиста. Затем, наконец, его с позором отправили в отставку...

5 ноября 1992 года, полковник Кандауров всячески пытался оправдывать незаконные действия своих сослуживцев, не допускавших моего адвоката к делу. Затем слово было предоставлено начальнику юридической службы ФСК генералу Демину, который выразил недовольство прессой, якобы искажающей ведение моего дела чекистами. Конечно, генерал не рассчитывал на пристальное внимание общественности и прессы к моему делу, поскольку он и возглавляемая им служба привыкли творить свои дела под покровом секретности. Именно он настоятельно убеждал министра Баранникова в целесообразности моего ареста. Поэтому юридический генерал на брифинге вовсе пытался оправдать свой провал, ссылаясь на никогда не публиковавшиеся перечни секретов, которые Мирзаянов якобы разгласил. Было совсем смешно, когда он ссылаясь на законодательство западных стран, касающееся этой проблемы. Всё дело в том, что за рубежом перечни эти самых секретов четко определены и публикуются в открытой печати. Генерал пытался разъяснить несмышлёным телезрителям, что постановление Комитета Конституционного надзора от 1989 года не затрагивает перечни государственных секретов, поскольку-де они не затрагивают права человека. Это иезуитское толкование прав человека не выдерживает никакой критики. Если на основании этих перечней человек может быть арестован, привлечён к уголовной ответственности, не имеет права на свободный выезд из страны, то что же это за документы? Это был настоящий образец абсурда.

На конференции "КГБ вчера, сегодня и завтра", организованной Сергеем Григорьянцем в феврале 1993 года, я спросил Алексеева, бывшего председателя этого Комитета и одного из авторов будущей Конституции России, отменяет ли вынесенное его комитетом постановление упомянутые перечни. В окружении многих журналистов профессор права четко и однозначно ответил: "Да, отменяет, поскольку они не были своевременно опубликованы". Генерал попал в смешное положение, когда корреспондент радиостанции "Возрождение" Алексей Лукьянов, напомнив начальнику юридической службы ФСК его ссылку на американские законы о секретах, спросил об аналогичном случае в США, произошедшем в 1971 году. Тогда Дэниель Элсберг использовал газету "Нью-Йорк Таймс" для раскрытия секретных документов Пентагона по войне во Вьетнаме. Судья установил его невиновность. Этот случай, как известно, тоже был связан с использованием химического оружия. Демин не ожидал такого вопроса и смог лишь неуклюже "объяснить" это различием законов, различием

исторических периодов и пр. Он категорически не соглашался с возможностью допуска адвоката Асниса к делу. Пусть, мол, оформит допуск к секретным документам, тогда и получит право защищать своего клиента. Что касается закона, то генерал признает лишь ведомственные постановления о секретах. Вот и всё. Другой полковник, из химических войск, Горбовский, сын бывшего начальника исследовательского центра в Шиханах и Военной академии химической защиты, представлял на брифинге Комитет по конвенциональным проблемам при Президенте России. В его задачу входила попытка оправдать безответственные действия верхушки военно-химического комплекса. Нет, мол, военные химики ничего не нарушали, они действовали и действуют в соответствии с международными договоренностями. По словам Горбовского выходило, что военные только и занимались избавлением людей от химического оружия. Но, не тут-то и было. Журналист Лиханов оказался не таким простаком. Он поймал Горбовского на его же словах. Полковник заверял, что проект женеvской конвенции по химическому оружию не содержит никаких ловушек и скользких мест. Журналист попросил его объяснить, почему же тогда ни один из компонентов нашего бинарного оружия не входит в перечень контролируемых полупродуктов.

Вот здесь, когда потребовался интеллект и честность, полковник из Комитета спасовал, он промямлил что-то о будущем, о перспективах... Жаль, что в это время СМИ ещё не знали о существовании постановления правительства России № 508-РП от 16 сентября 1992 года о лицензировании прекурсоров химического оружия, подписанного Президентом Ельциным. Постановление было опубликовано в "Российской газете" от 30 сентября 1992 года. Полковник Горбовский, как один из авторов этого документа, конечно же, помнил о нем во время своих тирад на брифинге по поводу приверженности к международным договоренностям. Это постановление, принятое в преддверии подписания Конвенции по запрету химического оружия запрещало вывоз из России полупродуктов (прекурсоров) для получения боевых отравляющих веществ, согласно приведенному здесь списку. В списке перечислены все известные полупродукты для получения ОВ: зоман, зарин, иприт, льюизит и газ VX. Однако, в этом списке отсутствовали прекурсоры веществ А-230 и А-232. Первое, как я писал выше, было успешно испытано и принято на вооружение Советской Армии. Точно так же обстояло дело и с веществом "33". Ведь наша страна никогда не производила ни газ VX, ни его прекурсоры. Спрашивается, почему наш Президент оказался на одной доске со лжецами? Да просто потому, что верхушка военно-химического комплекса была уверена, что никто в стране не посмеет разоблачить ее истинное лицо. Вот почему, как я уже писал, была переписана вся техническая документация Новочебоксарского комбината, выпускавшего вещество "33", а не пресловутый американский газ VX. Генералы радовались тому, что американцы действительно поверили в их "утку" о том, что СССР якобы производил VX-газ, а не другую разработку. Почему же для них был так важен этот обманный ход? Ведь они знали о плохой хранимости вещества "33". Объяснялось все следующим образом. После успешного испытания и принятия в качестве вооружения Советской Армии бинарного оружия на основе вещества "33", была снята проблема хранения, следовательно, связанные с ней недостатки ОВ. Генералы намеревались продолжать обманывать своих американских коллег, добившись во всех международных документах упоминания лишь вещества VX и его прекурсоров. Кое-кто даже в США пытается поставить под сомнение такое предположение, основанное исключительно на фактах. Естественно, американцам стыдно признать в том, что их так легко водили за нос! Я бы хотел им предложить свой вариант толкования Постановления-указа Президента России №508-РП и дать объяснение факта подделки технической документации производства "33" под производство газа VX. Разумеется, при этом я имел в виду и разработку бинарного оружия на основе вещества "33". То, что в этом списке отсутствуют прекурсоры веществ А-230 и А-232 вполне закономерно, поскольку генералы хотели их сохранить на перспективу. В интервью, опубликованном в "Российской газете" 11 октября 1992 года, генерал Кунцевич пытался обвинить меня в том, что моя публикация является попыткой "очернить Россию". Он выразил глубокое удовлетворение тем, что

американцы не поддались на эту "провокацию". Ещё бы они поддались! Они ведь основную информацию получали от самого же Кунцевича! Генерал перестарался с изданием упомянутого Постановления, копию которого он поспешил разослать во все страны, включая США. Даже хваленые секретные службы США проглотили эту наживку. Напомним, что это случилось при президентстве Буша-старшего. Не ожидавший такого подвоха, партнер по постоянным переговорам Кунцевича в США бригадный генерал Билл Ричардсон, ушедший в июле 1993 года в отставку, сказал, что его беспокоит даже не сама по себе угроза создания нового химического оружия. "Меня заботит то, что эти притворные уболюдки ведут дело с нами нечестно. Вопрос в том, в какой ещё мере они лгут", – так, весьма жестко, высказался бывший заместитель помощника министра обороны США по химическому оружию (Michael Satchell. Death rattle of poison gas. U.S. News & World Report/September 13, 1993). Так что не все в США были так благодушно настроены после моей публикации, как это пытался внушить журналистам тогдашний председатель Комитета по конвенциональным проблемам при Президенте России.

Многие москвичи, проходящие мимо здания газеты "Известия", могли видеть огромную фотовитрину на окне редакции, где на снимке фотокорреспондента этой газеты Кунцевич брался с Ричардсоном во время поездки по США... Кажется, я немного забежал вперёд в своем повествовании. Но всё это, за исключением последнего эпизода, более чем странно выглядело в преддверии подписания Конвенции по химическому оружию. Однако я и сегодня не могу избавиться от вопроса, почему же генерал Кунцевич лгал и тем, и другим... А тогда, в ноябре 1992 года генерал авторитетно просвещал корреспондента, говоря "Режим военно-химических работ...имеет особый статус. Каждое ведомство, в недрах которого ведется разработка оружия, создает определенные нормы, охраняющие тайну... Не исключено, что даже простое публичное оповещение о том, что такой-то институт работал над отравляющими веществами, является разглашением государственной тайны".

Что любопытно, генерала при этом неуклонно тянуло к теме распродажи секретов, которую, с его слов, "демократия, даже американская, не предусматривает". Такое утверждение с явным намёком в мою сторону генерал повторит ещё в телевизионном интервью по первому каналу. Эта тема будто преследовала Кунцевича, невольно выдавая что-то, сидящее глубоко в нём. Категоричностью своих суждений, он, видимо пытался внушить всем, что искать продавцов секретов Родины среди "демократов" типа Мирзаянова. В конце концов, я вынужден был ответить на эти намеки в нескольких своих интервью. В отличие от Кунцевича, я не стал говорить полунамеками и прямо заявил, что такая распродажа может быть осуществлена только нашими генералами. При этом я имел в виду, разумеется, генерала Кунцевича. Кажется, я как будто в воду глядел... Не думаю, что только подготовка к тайной продаже прекурсоров вещества "33" другой стране в это время заставляла генерала находиться в состоянии стресса. Определенно, он был под прессом уже совершенного им преступления.

КГБ терпит поражение. Аснис назначен моим адвокатом

После очередного отказа Следственного управления в допуске к моему делу Аснис ещё раз обратился с жалобой на имя Генерального прокурора России. Вот и сама реакция на эту жалобу.

Сов.секретно

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА

Российской
Федерации

Заместителю Министра безопасности
Российской Федерации
генерал-майору Сафонову А.Е.

10.11.92 № 13/2-1040-92
Москва

От руки написанная виза:
т.Балашову С.Д.
пр. подготовить ответ
в Ген.прокуратуру,
прекратить нарушение Закона.
п.п. Сафонов

Уважаемый Анатолий Ефимович!

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело по обвинению Мирзаянова В.С. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР.

В Генеральную прокуратуру Российской Федерации обратился адвокат Аснис А.Я. с жалобой на решение следователя Шкарина В.А., в котором он не допущен в качестве защитника по данному уголовному делу из-за отсутствия у него допуска к работе с секретными документами.

Принятое решение не соответствует уголовно-процессуальному законодательству, так как в перечне обстоятельств, исключающих участие в деле определенного защитника, такого основания для отвода адвоката нет (подчёркнуто Сафоновым – В.М.).

30 октября 1992 года начальником управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации направлено соответствующее письмо начальнику следственного управления Министерства безопасности России, которым, в частности, предложено в целях предотвращения разглашения секретных и совершенно секретных сведений принять меры, предусмотренные ст.139 УПК РСФСР. Следственным работникам также давались устные разъяснения аналогичного характера. Однако, до настоящего времени позиция следствия остается неизменной, что вызывает обоснованные обращения адвоката (подчёркнуто Сафоновым – В.М.) и его подзащитного в различные инстанции и ведет к затягиванию следствия. Прошу Вас незамедлительно рассмотреть вопрос, решить его в соответствии с требованиями закона, о результатах сообщить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Первый заместитель Генерального
прокурора Российской Федерации
государственный советник юстиции
2 класса И.С.Землянушин

Виза от руки: Тов.Шабунину А.А.

Виза : т.Шкарина В.А.

Пр.рассмотреть вопрос в соответствии с УПК

п.п.Балашов 12.11.92 г Пр.организовать и
обеспечить в соответ-
ствии с УПК исполнение
указания Генераль-
ной прокуратуры Р.Ф.
А.Шабунин
13.11.92 г

После "указания" заместителя министра МБ "прекратить нарушение Закона" моему следователю и его начальникам ничего не оставалось, как разрешить допуск А.Асниса к делу. Вот так-то! Что подделаешь, если у Генеральной прокуратуры не осталось более ходов против давления общественности. Она больно уж хотела продемонстрировать, что вместе с чекистами борется за соблюдение законности. И

если уж чекисты промахнулись, то пусть они и расхлебывают своё варево до конца! Чекисты, в свою очередь, согласившись выполнить указания прокуратуры, хотя бы напоследок пытались "перевести стрелки" на нее, дабы прикрыться самим.

Секретно

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное управление
17.10.92 г № 6/ 2801

Первому заместителю
Генерального прокурора
Российской Федерации
государственному советнику
юстиции 2 класса
Землянушину И.С.

Сообщаем, что в соответствии с Вашим указанием адвокат юридической консультации Аснис Александр Яковлевич 16 ноября 1992 года допущен к участию в качестве защитника обвиняемого Мирзаянова Вила Султановича по уголовному делу *без предъявления им справки о допуске к работе с совершенно секретными документами.* (курсив мой – В.М.)

Начальник Управления
генерал- майор

С.Д.Балашов

Верно.Старший следователь Следственного
управления МБ РФ
капитан юстиции

В.А.Шкарин

...Итак, была одержана крупная победа против направленного следствия без помощи квалифицированного защитника. КГБ во второй раз за этот месяц потерпел сокрушительное поражение. На это событие "Известия" откликнулись статьей Руднева "Ученый, "продавший Родину", обрел, наконец, защитника".

Журналист, отметив, что газета пристально следит за делом Мирзаянова, которое, по его мнению, кажется, входит в нормальное юридическое русло, охарактеризовал адвоката Асниса как высококвалифицированного юриста. Руднев писал, что адвокат озабочен подбором квалифицированных экспертов, специалистов в области охраны государственных секретов и химического производства. Окончательную тактику защиты еще предстоит только определить, – полагал Руднев, считая, что мой адвокат может придерживаться версии о применении к поступку Мирзаянова статьи 14 Уголовного Кодекса России ("Крайняя необходимость"), освобождающей обвиняемого от уголовной ответственности.

Я отнесся к этой версии скептически, поскольку для реализации подобной тактики требовалось свидетельство так называемых "ответственных лиц". В конце концов, «ответственные лица» трусливо отмахнулись от меня.

Глава 13

КАПИТАН ШКАРИН "ЛЕПИТ" ДЕЛО

Экспертная комиссия

Первый мой допрос с участием Асниса состоялся 24 ноября 1992 года. Шкарин старался произвести впечатление, что всё теперь зависит от решений квалифицированных специалистов во время экспертизы по моему делу. Естественно, возникли принципиальные вопросы о цели экспертизы, поскольку всё, что я "сотворил", было написано на бумаге и не было никакой необходимости поиска и анализа "содеянного" с точки зрения технических экспертов. В любом случае экспертиза сводилась к юридическому анализу опубликованных статей, то есть к

сравнению текста моих публикаций и черновых вариантов с соответствующими подзаконными актами о режиме секретности, о правилах внутреннего режима и др., которые были совершенно секретными документами и никто их никогда в глаза не видал. Потому, когда Шкарин показал нам постановление о назначении технической экспертизы и её составом, то у нас с Аснисом возникли большие сомнения о возможности объективного проведения этого мероприятия.

Мы сразу написали ходатайство о разрешении познакомить нас с содержанием всех подзаконных актов-перечней секретов, на основании которых должна была работать экспертная комиссия. Естественно, Шкарин в этом нам отказал, поскольку понимал, что, предоставив нам такой перечень, мгновенно срубит сук, на котором сидит. В ответ он соглашался лишь показать отдельные куски из этих актов, которые считал необходимым использовать для проведения экспертизы. Я напомнил следователю, что не могу согласиться на роль неграмотного монаха Варлаама, вынужденного полагаться на самозванца-грамотея в бессмертной драме Пушкина "Борис Годунов". Но даже монах, когда возникла опасность быть арестованным, вдруг вспомнил что-то из грамоты, чтобы понять: речь в царском указе идёт не о нем, а о Гришке Отрепьеве, только что попытавшем одурачить монаха и полицейских-невеж ...

Естественно, решение Шкарина мы обжаловали в Генеральную прокуратуру России. Кроме того, в составе комиссии экспертов были практически одни заинтересованные лица, которые представляли военно-химический комплекс. Более того, некоторые из них имели личную заинтересованность в исходе дела, поскольку в я их жестоко критиковал в своих публикациях. В частности, в рукописи, которую Федоров добровольно сдал чекистам, я упоминал бывшего начальника цеха 34 Волгоградского промышленного объединения ВПО "Химпром И.М.Габова" за его нечистоплотность при исполнении служебных обязанностей. Этот господин был включен в список экспертов и таким образом получал возможность свести счеты со мной, отомстив за критику. Упоминался в моей статье и другой эксперт, Б. Кузнецов.

В "Инверсии" я писал о том, что на переговоры в Женеву по вопросам химического оружия ездят не специалисты, а некие доверенные лица военно-химического комплекса, далеко не всегда понимающие суть вопроса. Из ГСНИИОХТ тогда в Женеву в качестве эксперта советской делегации ездил лишь один Кузнецов. При всей его тупости он не мог не понять, что я пишу именно о нем. Другим экспертом, против которого я написал отвод, был Ю.Кармишин.

Эта темная личность, всю свою сознательную жизнь проведя в первом отделе Вольского филиала ГСНИИОХТ, занималась также и выдачей пропусков. В своих служебных командировках в Шиханы я получал разрешение на пропуски у него. С горем пополам закончив курс какого-то института, он теперь имел право решать экспертные задачи по моему делу. Но ведь он понятия не имел о химии, о нашей специальности! Разве он мог быть при этом экспертом? Поэтому я написал отвод негласному работнику КГБ. Разумеется, мой отвод не был удовлетворен. Зато после "успешной" работы в экспертной комиссии, Ю.Кармишин был назначен заместителем директора по режиму своего института. Это означало, что он был уже не простым "сексотом", а становился официальным служащим КГБ.

Меня несколько удивило наличие в списке экспертов П.Кирпичёва. Но еще более удивительным было то, что он согласился принять участие в этой сомнительной экспертизе. Правда, позднее он напишет отказ от участия в работе комиссии по семейным обстоятельствам, связанным с тяжелой болезнью сына. Сегодня Пётр Кирпичёв вынужден продолжать свою работу в военном институте в Шиханах-2.

...Тем временем следствие и прокуратура энергично занялись добыванием новых "доказательств" моей вины поскольку старые явно были слабы.

экз. № 2

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное управление

5.11.92 № 6/ 02778

Начальнику 3 Главного
Управления ФАПСИ при
Президенте России
генерал-майору
Маркоменко В.Н.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИОХТ) доктора химических наук Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в средствах массовой информации составляющие государственную тайну сведения о проводившихся в России исследовательских работах в области химического оружия. В связи с изложенным просим Вашего указания проверить и сообщить, располагает ли ФАПСИ какими-либо данными о передачах иностранных радиостанций с сообщениями в отношении Мирзаянова и разглашенных им сведений. В утвердительном случае все имеющиеся материалы, а также которые будут поступать по этому вопросу, просим высылать в наш адрес.

Начальник управления
генерал-майор

С.Д.Балашов

ФАПСИ честно выполнит просьбу своего коллеги и пришлёт 35 расшифровок записей передач по теме моего дела радиостанций "Голос Америки", "Свобода", Би-би-си и других на многих языках. У меня попросту не хватило времени для того, чтобы переписать все эти сообщения. Записи были выполнены на профессиональном уровне и тщательно отредактированы. Я не смог там обнаружить ни одной грамматической или стилистической ошибки, что свидетельствует о соответствующем уровне радиомониторинга и занятых в нем специалистов. По-прежнему государство не скупится на тотальный контроль над своими гражданами.

Секретно
экз.1

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКОЙ

Министерство безопасности
Российской Федерации
Следственное управление
начальнику отдела полковнику
Шабунину А.А.

06.11.92 № 13/2-1040-92
Москва

Направляю Вам для проверки и оценки в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении Мирзаянова В.С. ксерокопию статьи "Мы вели химическую войну на собственной территории", опубликованную в "Независимой газете" 30 октября 1992 года.
Приложение: на одном листе.

Старший прокурор управления по надзору
за исполнением законов о федерально
безопасности и международных отношениях
младший советник юстиции В.А.Буйволов

Буйволов будет по привычке "стучать" на меня и в дальнейшем, но, замечу, делал он это ужасно непрофессионально. И поэтому, я уверен, пользы от его стукаческой деятельности было мало.

На мой вопрос об этих письмах младшего советника юстиции следователь Шкарин лишь пожмёт плечами, по-видимому, в знак того, что всё это, по меньшей мере, глупо.

Вот ещё один из этих "шедевров" прокурорского искусства.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

103793 ГСП, Москва, К-9
Пушкинская, 15-а

Министерство безопасности
Российской Федерации

Следственное управление
Старшему следователю
капитану юстиции
Шкарину В.А.

Согласно указанию руководства Генеральной прокуратуры РФ направляются для приобщения к материалам уголовного дела в отношении Мирзаянова В.С. и дальнейшей правовой оценки ксерокопии статьи "Отравы", опубликованной в газете "Труд" от 29.01.93 г., с интервью Мирзаянова В.С.

Старший прокурор управления по надзору
за исполнением законов о федеральной
безопасности и международных отношениях
младший советник юстиции В.А.Буйволов

Я с удовольствием известил господина Буйволова В.А., что "Отравы" никак не могла быть приобщенной к делу. К концу следствия я даже стал замечать открытое пренебрежение следователя усилиями угодливого прокурора. Он так и не включил его «работу» в «дело», хотя, конечно, боролся за его вес в буквальном смысле слова. Чтобы читатель смог самостоятельно убедиться в "крамольности" моего интервью, привожу сказанные мной журналисту Игорю Цареву слова.

– Наши военно-химические генералы давно уже подготовились к химической войне в условиях ее международного запрета. Переименовали управление в Генштабе, занимавшееся планированием химической войны, в экологическое. Провели тренировки на базах, институтах и заводах на случай неожиданного визита международных контролеров. Приготовили организацию такой промышленности, чтобы всегда в ходу были вещества, которые легко трансформировать в высокотоксичные ОВ. Согласитесь, если мы разрабатываем, производим и испытываем новые виды отравляющих веществ, но при этом не включаем их в список подлежащих международному контролю, то делается это отнюдь не из добрых побуждений. Скорее, это попытка обойти конвенцию, что, безусловно, противоречит интересам России и ее граждан. Ведь в этом случае предполагается, что и другие участники конвенции могут поступать аналогичным образом. Но тогда это уже никакая конвенция, а сговор во имя непонятных простому человеку интересов.

...Мне и сегодня нечего добавить к этим утверждениям. Все обстояло и обстоит именно так.

Тем временем мой адвокат продолжал свои активные действия для получения разрешения ознакомиться со всеми перечнями секретов, на основе которых будет работать комиссия экспертов. Я, в свою очередь, был занят написанием ходатайств по существу дела. В частности, я запросил отчет о пожаре в ГСНИИОХТ, когда более почти 800 грамм вещества "33" было "утеряно". А на самом деле либо сгорело, либо было унесено с дымом в атмосферу. Кроме того, были составлены ходатайства о предоставлении копий документов по хранению и расходу отравляющих веществ на

спецскладе института, о случаях отравления сотрудников во время работы в лабораториях и на опытных установках, мой научно-технический отчет по исследованию полноты дегазации ОВ и другие документы.

Экспертиза должна была проводиться в Генеральном штабе Вооруженных Сил. Но мой адвокат сделал отвод Генштабу, основываясь на том, что он не является экспертным учреждением. Но следователь своим постановлением отверг ходатайство А.Асниса, сославшись на приказ министра обороны СССР от 7 августа 1990 года.

Естественно, Аснис попросил показать нам сам текст приказа, но в ответ, как обычно, был получен очередной отказ. Откровенно говоря, я никаких иллюзий насчет работы и выводов экспертной комиссии не питал. Но в то же время меня заботил вопрос о достоверности моих данных. Официальное подтверждение в виде ответов на ходатайства явилось бы лишним доказательством того, что всё, о чем я писал в моей статье, является правдой. Следователь отказал в участии в экспертизе бывшим сотрудникам ГСНИИОХТ Е.Чижову и Г.Дмитриеву под предлогом, что они якобы не обладают достаточной квалификацией. Разумеется, мои хорошие знакомые Евгений Чижов и Герман Дмитриев обладали достаточными знаниями для того, чтобы честно и профессионально разобраться в поставленной задаче. Но КГБ был осведомлен о моих хороших отношениях с ними и, конечно же, не хотел, чтобы они разобрались в деле квалифицированно и объективно.

А вот то, что бывший сотрудник ГСНИИОХТ Борис Космынин заслужил доверие КГБ и был допущен в эксперты, мне было не совсем было понятно. Бориса я знал давно. Мы вместе с ним создавали в ГСНИИОХТ местную организацию "Демократической России". Космынин отличался тем, что всегда призывал не конфликтовать с руководством института, а лишь обращаться к нему с просьбами. Борис не был сторонником каких-либо конкретных действий. И нам, остальным членам координационного комитета "Демроссии", было чрезвычайно трудно что-либо сделать в обстановке, когда Борис практически всегда блокировал наши предложения. Но мы терпеливо спорили и пытались находить консенсус в наших решениях.

Адвокат Аснис предложил включить в состав экспертной группы известных в России демократических деятелей Г.Арбатова, О.Калугина и П.Никулина. Разумеется, он предварительно получил их согласие.

Вокруг кандидатур последних двух разразилась целая баталия, поскольку эти люди были из КГБ и демонстративно шли против продолжения его антинародной деятельности. Это буквально взбесило привыкших ко всевластию руководителей ЧК. Свидетельством этому является переписка между различными звеньями КГБ, часть которой я представляю вниманию читателя.

Секретно
экз.№ 2

Министерство безопасности
Российской Федерации
Следственное управление
10.12.92. № 6/03240

Директору Службы
внешней разведки России
Примакову Е.М.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении бывшего сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в средствах массовой информации сведения о научных исследованиях в области химических вооружений.

Для определения достоверности и степени секретности разглашенных Мирзаяновым сведений по делу назначена экспертиза.

Обвиняемый Мирзаянов заявил ходатайство о включении в состав экспертной комиссии бывшего сотрудника СВР России генерал-майора запаса Калугина Олега Даниловича. В связи с изложенным прошу Вас сообщить, имел ли Калугин О.Д. отношение по роду службы к научным исследованиям в области химических вооружений: является ли он

специалистом в технологии специальных веществ или по защите секретов в области научных исследований по разработке химических вооружений.

Начальник
управления
генерал-майор С.Д.Балашов

А вот и ответ из Службы внешней разведки.

Секретно
экз.№ 1

СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
17.XII 92 № 153/5-13265

Начальнику Следственного
управления Министерства
безопасности России генерал-майору
Балашову С.Д.

на № 6/03240 от 10.12.92 г.

Калугин Олег Данилович, 1934 г.рождения, образование высшее гуманитарное, проходил службу в органах внешней разведки на должностях рядового и начальствующего состава с 1958 г. по 1979 г. Занимался вопросами политической разведки и контрразведывательного обеспечения граждан и учреждений за границей. К научным исследованиям в области химических вооружений по роду службы отношения не имел.

Заместитель директора СВР РФ
генерал-майор В.М.Рожков

“Осторожный” С.Д.Балашов на всякий случай решил потешить и своих коллег из министерства безопасности.

Секретно
экз.№ 2

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное управление
10.12.92 № 6/03238

Начальнику Управления кадров
Министерства безопасности
Российской Федерации
генерал-майору Луконину Ю.Н.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении бывшего сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в средствах массовой информации сведения о научных исследованиях в области химических вооружений. Для определения достоверности и степени секретности разглашенных Мирзаяновым сведений по делу назначена экспертиза. Обвиняемый Мирзаянов заявил ходатайство о включении в состав экспертной комиссии бывшего сотрудника КГБ генерал-майора запаса Калугина О.Д. В связи с изложенным прошу Вас сообщить имел ли Калугин О.Д. отношение

по роду службы к научным исследованиям в области химических вооружений: являлся ли он специалистом в технологии специальных веществ или специалистом по защите государственных секретов в области научных исследований по разработке химических вооружений.

Начальник управления
генерал-майор

С.Д.Балашов

В моем деле почему-то имеются два экземпляра этого произведения КГБ. На первом наложены следующие визы:

Тов.Казакову В.Н.
Тов.Новоселову Ю.В.
Тов.Смирнову Ю.И.

т.Соловьеву Е.Б.
Пр.подготовить ответ
Луконин
11.12.92 г.

Прошу проработать вопрос
с УМБ по г.С-П и ЛО, СВР и
подготовить ответ.

подпись: Луконин
17.12.92 г.

Ильякову А.В.
пр.переговорить.
Соловьев
15.12

Переговорил Ильяков 16.12.92 г.

т.Кувшинову А.

подпись неразборчивая

18/XII

Вот и ответ одних чекистов другим.

Секретно

Начальнику Следственного управления
Министерства безопасности Российской
Федерации
генерал-майору Балашову С.Д.

Сообщаем, что по результатам изучения личного дела генерал-майора запаса Калугина О.Д., хранящегося в военно-мобилизационном отделе Управления МБ России по г.Москвы и Московской области, установлено, что он в 1956 году закончил Ленинградский институт иностранных языков при СМ СССР по специальности референт-переводчик.

Сведений о его причастности за период службы к научным исследованиям в области химических вооружений не имеется. Данная информация подтверждается Управлением МБ России по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области по периоду работы Калугина О.Д. в указанном Управлении.

Заместитель начальника Управления
кадров МБ России
полковник

Е.Соловьев

“29” декабря 1992 года.

Как я уже писал выше, с другим кандидатом в эксперты полковником Никулиным П.С. в конечном счете вышло не так, как задумали чекисты. Они ему отказали, но ровно через год Петр Сергеевич стал заместителем председателя комиссии по реорганизации КГБ и от него в значительной степени зависели судьбы тех, кто подписал такой издевательский ответ. Что подделаешь, иногда судьба нам дарит весьма неожиданные крутые повороты.

Приводя переписку по поводу П.Никулина, замечу, что он сегодня играет значительную роль в выработке политики внутренней безопасности России.

Секретно
экз.№ 1

МИНИСТЕРСТВО
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное управление

Начальнику НИИ проблем
безопасности Российской
Федерации
генерал майору Гурову А.И.

10.12.92 № 6/03239

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении бывшего сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в средствах массовой информации сведения о научных исследованиях в области химических вооружений. Для определения достоверности и степени секретности разглашенных Мирзаяновым сведений по делу назначена экспертиза.

Обвиняемый Мирзаянов заявил ходатайство о включении в состав экспертной комиссии заместителя начальника НИИ проблем безопасности МБ РФ полковника юстиции Никулина Петра Сергеевича.

В связи с изложенным прошу Вас сообщить, имел ли Никулин П.С. отношение по роду службы к научным исследованиям в области химических вооружений : является ли он специалистом в технологии специальных веществ или специалистом по защите государственных секретов в области научных исследований по разработке химических вооружений.

Начальник Управления
генерал-майор

С.Д.Балашов

Чекисты из НИИ шлют ответ, который и нужен Следственному управлению: Никулин П.С. совсем ничего не понимает в вопросах безопасности.

Секретно
экз.№ 1

МИНИСТЕРСТВО
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
научно-исследовательский
институт
проблем безопасности

Начальнику Следственного
управления
Министерства безопасности
Российской Федерации

генерал-майору Балашову С.Д.

16.12.92 г № 5/НИИ/76
Москва

О привлечении к проведению
экспертизы Никулина П.С.
На № 6/03239 от 10 декабря 1992 года

В связи с Вашим запросом сообщаем, что бывший заместитель начальника НИИ проблем безопасности МБ РФ Никулин Петр Сергеевич за период работы в Институте никаких разработок в области химических вооружений не проводил и не являлся специалистом в технологии специальных веществ или специалистом по защите государственных секретов в области научных исследований по созданию химических вооружений. С 24 января с.г. Никулин находится в распоряжении Штаба МБ РФ и в настоящее время ему объявлено об увольнении с действительной военной службы.

Начальник института
генерал-майор

Гуров А.И.

исп.Кнут С.А.
тел.388-91-64
№ 5/НИИ/76

Позднее я несколько раз встречался с Петром Сергеевичем на различных пресс-конференциях. Он произвел на меня сильное впечатление. Было видно, что это интеллигентный, мыслящий человек, глубоко преданный демократическим идеалам. А это было весьма редким качеством для людей из КГБ. Именно из-за этого, по-видимому он стал таким же неудобным для старых чекистов, как и Калугин. Интервью Никулина под названием "Секрет старой шинели", которое он дал в качестве члена рабочей группы Комитета по вопросам обороны и безопасности Верховного Совета России, журналу "Новое время" (№ 46, ноябрь 1992 г) затрагивает фундаментальные вопросы сохранения государственных секретов. Он здесь не оставил камня на камне от старой, изжившей себя системы "хранения" секретов, когда каждое ведомство плодило свои собственные перечни секретов, относя к таковым всё, что ему благорассудится - "от здоровья генсека до пуговицы на солдатской шинели". Эта система оказалась на поверку неэффективной. Более того, содержание такой системы приносило государству существенный убыток, что-то около 60 миллиардов рублей ежегодно. По этой причине по инициативе НИИ проблем безопасности КГБ была разработана программа "Секрет", предусматривающая изменение режима секретности и разработку закона о государственной тайне.

Никулин в интервью напомнил о том, что он 29 ноября 1989 года выступил в качестве эксперта на заседании Комитета конституционного надзора, после решения которого все ведомственные подзаконные акты, как неопубликованные в открытой печати, потеряли свою силу.

Никулин в интервью открыто критиковал указ Б.Ельцина о восстановлении в силе этих актов, поскольку этот документ не учитывал изменений, произошедших в стране. Отмечу, что многие положения Никулина затем лягут в основу закона о государственной тайне, который был принят Верховным Советом незадолго перед своим роспуском в 1993 году.

С генералом Калугиным впоследствии я также имел возможность познакомиться.

Однако, мне так и не удалось пообщаться с ним поближе. Но то, что я знал о нем по выступлениям в печати, по телевидению, произвело на меня глубокое впечатление. Я уверен, что он является выдающимся человеком.

Думаю, что моя решительность в борьбе против лицемерной политики верхушки военно-химического комплекса в немалой степени созрела под впечатлением действий этого отважного и решительного человека. Поступки таких личностей- это те семена, что дают затем всходы в умах мыслящих людей, подвигая их на решительные

действия против старых сил, тормозящих демократическое развитие России и ее приобщение к цивилизованному мировому сообществу.

...Тем временем, не так-то гладко шла работа у самого следствия. КГБ привык вести себя высокомерно, но ситуация в стране менялась и чекисты запросто могли получить щелчок по носу. Например, от Главного Разведывательного Управления Российской Армии (в переписке оно именуется Восьмым управлением). Об этом свидетельствует следующая переписка между КГБ и ГРУ.

Совершенно секретно
экз. № 1

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное Управление

1.12. № 6/003088

Начальнику 8 Управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-лейтенанту
Земляницину В.Н.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело № 62 в отношении Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в средствах массовой информации сведения о проводимых в нашей стране научно-исследовательских разработках в области химических вооружений. Для определения достоверности и степени секретности разглашенных Мирзаяновым сведений по делу назначена экспертиза, производство которой поручено 8 Управлению Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Направляя постановление от 10 ноября 1992 года, прошу Вас поручить производство экспертных исследований.

Приложение : - постановление от 10 ноября 1992 года на 6 листах, не секретно.
- пакет с объектами исследования, сов. секретно.

Начальник Управления
генерал-майор юстиции

С.Д.Балашов

А вот и щелчок по носу следственного управления.

Министерство обороны РФ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Начальнику Следственного Управления
Министерства безопасности РФ
Российской Федерации
генерал-майору юстиции
С.Д.Балашову

Восьмое управление

г.Москва

“8” декабря 1992 г
№ 317/5/836
г.Москва, к-160

На № 6/003088 от 1.12.92 г.

В восьмом управлении Генерального штаба ВС РФ после реорганизации отсутствуют специалисты, имеющие допуск к работам и документам по указанной тематике и способные оценить соответствие действительности сведений, приведенных в представленных материалах, в связи с чем управление не может выступать в качестве экспертного учреждения при проведении экспертизы по данному уголовному делу.

ВРИО НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
полковник

Г.И.Фуныгин

Впрочем, позднее, весной 1993 года полковник Фуныгин всё же оказал услугу КГБ, растолковав пункт перечня секретов, где нет даже упоминания о химическом оружии, как относящиеся к последнему. Как знать, возможно со временем полковнику кто-то объяснил, что не стоит так браво отказывать в помощи чекистам. Недаром ещё в недавние времена ходил такой анекдот.

По традиции перед началом военного парада министр обороны объезжал войска, построенные для парада и обращался к ним с приветствием: "Здравствуй, товарищи танкисты!" Те, в свою очередь, дружно рывкали: "Здравия желаем товарищ Маршал Советского Союза!". Когда министр обороны маршал Гречко остановился около чекистов и обратился к ним с привычным: "Здравствуй, товарищи чекисты!", то те холодно откликнулись: "Здорово, здорово, гражданин Гречко".

Это означало: мы тебе не какие-нибудь там танкисты или артиллеристы, чтобы ты так панибратски к нам обращался. Ты нам просто-напросто гражданин, которого мы в случае чего можем и допросить с пристрастием.

Глава 14

Я не один

Трудностей у Шкарина возникало все больше и больше, но он по-прежнему с чекистским упорством гнул свою линию пытаясь добиться от экспертной комиссия нужного для чекистов заключения. Честно говоря, я на это смотрел не так серьезно, как мой адвокат А.Аснис. Я не верил, что могу быть оправдан судом или следствием. Я чувствовал, что спасение может придти только со стороны общественности, нажим которой может заставить КГБ и власти пойти на попятную. Пресса пристально следила за моим делом и журналисты практически ежедневно брали у меня различные интервью, звонили и спрашивали о ходе следствия. И это внушало мне оптимизм. Вот только некоторые заголовки публикаций того времени, которые я храню и сейчас в своем архиве.

"Министерством безопасности задержан автор "Курантов" (Игорь Ермаков, "Куранты", 24 ноября 1992 г).

"Химическое вооружение продолжается!" ("Независимая газета", 23 октября 1992 г.)

"МБРФ всерьёз беспокоится за химические секреты" (Дмитрий Фролов. "Независимая газета", 24 октября 1992 г).

"Защитит ли президент учёного" (Игорь Ермаков. "Куранты", №207(472), 29 октября 1992 г).

Заявление редактората газеты "Московские новости" от 1 ноября 1992 года ("МН", №44(639), 1 ноября 1992 г).

"Госложь, как тайна". (Виктор Лошак. "МН", №44, 1 ноября 1992 г).

"Сидеть по закону, которого нет - привилегия автора "МН" (Наталья Геворкян. "МН", № 44, 1 ноября 1992 г).

"Россия ничего не нарушала?" (Алексей Пушкин. "МН", № 44, 1 ноября 1992).

"Дело о разглашении гостайны" (Игорь Царёв. "Труд", № 164, 28 октября 1992 г).

"Дело химика". (Олег Утицын. "Коммерсант", № 39, 26 октября-1 ноября 1992 г).

"Тюрьмой стала Москва" (П.А.Кочкин."Экономика и мы",ноябрь 1992 г).
 "Гафу ит, Вил Мирзаянов!" (Прости нас, Вил Мирзаянов).(Равил Карамов. "Вақыт" (Башкортостан), №10, 1992 г).
 "Вилне коткарык" (Спасём Вила). (Фавзия Хайрутдинова. "Ватаным Татарстан", 6 декабря 1992 г).
 Wachen umstellen "Iswestija" (Suddeutsche Zeitung Nr.249 28.10.92)
 Eine neue Kaltperiode? (Suddeutsche Zeitung Nr.249,28.10.92)
 Rusland produceert nieuw en giftiger zenuwgas. (Sjifra Hersberg, Hella Rotenberg. "De Volksrant "N 20749, 24 October 1992).
 Russia Jails Scientist Over State Secrets.(Fred Hiatt. Washington Post. October 27,1992)
 RUSSIAN WHISTLE-BLOWER DENIED VISIT WITH LAWYER HE UNMASKED PLAN FOR CHEMICAL ARMS.(Will Englund. Baltimor morning Sun. October 29,1992).
 Russian nerve gas. (Amy Smithson. Baltimor morning Sun. October 30, 1992).
 RUSSIAN WHO EXPOSED CHEMICAL ARMS IS FREED FROM JAIL PENDING TRIAL. (Will Englund.Baltimor morning Sun.Nowember 3, 1992)

В середине ноября мне позвонил активист антиядерного движения "Невада-Семипалатинск" Владимир Якимец и сообщил, что эта организация готова оказать мне практическую помощь. Он также рассказал, что в США секретарь этого движения Гейл Колби начала активную работу в этом же направлении. Она с помощью электронной почты и факса поддерживала связь практически со всеми правозащитными организациями Запада, регулярно говорила по телефону и встречалась свлиательными американскими политическими деятелями, сенаторами, конгрессменами и правозащитными комитетами научных организаций.В этом трудном деле ей оказывала большую помощь Ирина Гольдман,которая прекрасно говорит по-русски.

Слева от меня Гейл Колби, справа – Ирина Гольдман. Февраль 1995 г.

Копии обращений политических деятелей и научных организаций Гейл пересылала в Москву и они оказывали мне неоценимую моральную поддержку. Невозможно выразить словами те чувства, которые я испытывал, когда в очередной раз узнавал, что за рубежом живо интересуются моим делом, сочувствуют и проводят различные акции в мою защиту.

Так я узнал об обращении Федерации Американских Ученых (ФАУ) к президенту России Б.Ельцину. Эта организация, созданная в 1945 году членами Манхэттенского проекта по разработке первой атомной бомбы, посвятила себя борьбе за мир и всеобщую

безопасность. Спонсорами организации являются около половины ныне здравствующих лауреатов Нобелевской премии (45 ученых). В своем первом обращении ФАУ просил президента России проявить великодушие и освободить меня из тюрьмы. Президент ФАУ доктор Джерми Стоун в своем письме к Ельцину от 30 октября 1992 года отмечал: "Многие наши ученые уверены в том, что доктор Мирзаянов действовал ответственно".

В специальном заявлении ФАУ от 5 декабря 1992 года, подписанном лауреатом нобелевской премии мира председателем Федерации Робертом Солоу, президентом Федерации доктором Джерми Стоуном, президентом Фонда Фрэнк фон Хиппелем и другими учеными отмечались «не подлежащие сомнению искренность, отвага и российский патриотизм, с которыми действовал д-р Мирзаянов для выполнения своей высокой гражданской ответственности путём публикации статьи о более разрушительных видах химических оружий». ФАУ писала о том, что свободная пресса в высшей мере важна для выражения свободной мысли. Американские ученые были уверены в том, что «доктор Мирзаянов действовал в традициях покойного академика Андрея Сахарова: в решимости защищать интересы людей, поставив их выше интересов военной бюрократии; в решимости выдвигать политические проблемы при отказе разглашать технических секреты; его решения говорить открыто вместо скрытого действия».

Заявление заканчивается выражением поддержки Мирзаянову в его предстоящей борьбе.

Я был потрясён, прочитав это заявление. Никогда не мог даже представить, что мои действия могут найти такой отклик. От природы я был всегда стеснительным в общении с людьми – таково было воспитание в моей семье, призывавшее к скромности. Я к этому всегда и стремился. Кроме того, во мне, как и в миллионах других обитателей СССР с молодых ногтей тоталитарным режимом был заложен внутренний принцип "не высовываться". Все эти факторы никогда не позволяли мне надеяться на то, что я буду признан как личность. То, что во мне происходило, прежде чем я написал те статьи, было очень глубоким внутренним процессом. Причем глубоким и личным настолько, что мне даже не приходило в голову посоветоваться по поводу моих действий. К сожалению, моя жена не была мне так духовно близка, чтобы попытаться понять мои действия.

...В середине декабря 1992 года стало известно, что в Москву приезжает известный учёный Фрэнк фон Хиппель, который хочет встретиться со мной.

В один из декабрьских вечеров мы встретились с Фрэнком в его номере гостиницы, расположенной на территории бывшей высшей партийной школы.

Мы беседовали около часа. Я чувствовал, что американский ученый пытается понять, что меня подтолкнуло на столь решительный шаг. Причем он делал это в высшей степени деликатно и я почувствовал большой интеллект в моём собеседнике. Я благодарен Фрэнку за его энергичную поддержку. Он, уже будучи советником президента США Б.Клинтона по научным вопросам, опубликовал статью обо мне под заголовком "Русский глашатай ожидает тюрьму" в февральском номере журнала "Бюллетень учёных-атомщиков" от 1993 года.

В конце беседы Фрэнк фон Хиппель передал мне набор выдержек сообщений американской печати о моём деле и письмо в мою поддержку президента Американского Химического Общества (АХО), лауреата Нобелевской премии Эрнста Элиеля Б.Ельцину.

Поддержка моих коллег из США была для меня весьма неожиданной и очень ценной. Я был чрезвычайно рад вниманию иностранных коллег и горжусь ею по сей день.

В письме Элиеля говорилось, что директорат АХО, объединяющего в своих рядах более чем 145 тысяч членов, просит его выразить серьёзную озабоченность по поводу судьбы своего коллеги Вила Мирзаянова. Многие химики уверены, что Мирзаянов действовал ответственно при раскрытии фактов, связанных с разработкой химического оружия. В заключение учёный просил Президента России проявить милосердие. Это письмо видного американского ученого не было последним. Элиел затем направил еще три послания Президенту России.

Позднее я узнаю, что комитет по правам человека при АХО во главе с энергичной и неутомимой профессором Зафрой Лерман и администратором АХО по международной деятельности Джоном Малином немедленно после моего ареста организовали широкую и мощную кампанию в мою поддержку.

Дело Мирзаянова стало предметом озабоченности также и ряда членов Европарламента. В письме на имя Генерального прокурора России В.Степанкова от 19 ноября 1992 года 24 депутата Европарламента, представляющие различные фракции из восьми стран, написали:

"Обращаемся к Вам с просьбой предпринять все от вас зависящее, чтобы освободить ученого, который имеет право предупреждать мировую общественность о разработках новых опасных видов химического оружия, оберегая тем самым мир от уничтожения".

Под обращением подписались Е.Квмстроп, К.Рот, Х.Брейер, У.Мейзел, Ф.Грэфе – депутаты от Германии, Б.Буасьер, М.-А.Ислер-Вэгэн, Ж.-П.Раффин, М. – М.Дэнгиран, Ж.Онеста, М.Симеони (Франция), П.Стаес, П.Ланной, В.Эрнст (Бельгия), А.Лэнгер, В.Беттини, Дж.Амендола, Е.Меландри (Италия), Э.Ньюмен и Моррис (Великобритания), Й.Версен (Дания), Н.Ван-Дейк (Нидерланды), К.Мартинс (Испания).

Но особенно трогательно было узнать об обращении моих земляков-татар из общества "Туган тел" ("Родная речь") к Президенту России, Генеральному прокурору, председателю Верховного Совета России и др., подписанном президентом общества Р.Галимовым, членами правления Н.Гариповым, Р.Медведевым и А.Мусиным, профессором А. Бургановым.

В обращении подчеркивается, что "будущие поколения человечества...будут благодарны ученым, мужественно выступившим в печати в защиту проекта Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении...". Обращение заканчивается с выражением уверенности в том, что "гуманизм и добропорядочность в среде руководства России восторжествуют, а член правления "Туган тел" В.С.Мирзаянов будет на свободе в ближайший день."

Было для меня большим сюрпризом поддержка со стороны демократических депутатов Верховного Совета России.Особенно энергично действовал заместитель комитета Верховного Совета по вопросам энергетики, природным ресурсам и экологии депутат В.Ф.Меньшиков. Он выступил на заседании Палаты республик, членом которой состоял, и призвал включить в повестку дня очередного заседания Верховного Совета Российской Федерации вопрос о незаконном аресте Мирзаянова. Председатель палаты Н.Т.Рябов поставил предложение на голосование и палата приняла решение о включении в повестку дня Верховного Совета РФ этого вопроса. По регламенту ВС РФ решение одной из палат с предложением об обсуждении какого-либо вопроса автоматически включало его в повестку дня заседания ВС РФ.

Однако 4 ноября 1992 года утром, получив повестку дня, Валерий Фёдорович не обнаружил в ней своего вопроса. Тогда он попросил слова по ведению заседания. Дальнейшее я цитирую по стенограмме, опубликованной под названием "Протокол одного заседания" в еженедельнике "Московские новости" от 15 ноября 1992 года. Председательствующий (Р.Хасбулатов): Так, депутат Меньшиков, о химическом оружии. Пожалуйста, третий микрофон, депутат Меньшиков.

Меньшиков В.Ф., Новолипецкий территориальный округ, Липецкая область: Уважаемый председатель, уважаемые коллеги. Я немножко не понимаю. Палата республик уже внесла вопрос, и там была достаточно аргументированная мотивировка, поэтому и голосование прошло. Сегодня заслушивание Генерального прокурора и министра экологии. Но я в двух словах напомним суть события. В "Московских новостях" появилась статья "Отравленная политика" – по проблемам химического оружия и того, я считаю, экологического преступления, которое произошло за предыдущие годы. В связи с этим, с этой статьей арестован доктор химических наук, один из авторов. Поэтому здесь вызов Степанкова, чтобы нам понять, что же происходит. Это что, раскрытие информации по экологии теперь даже если это было в военно-промышленном комплексе? Это что, преступление? Вот я хотел бы это знать, потому что наш закон открывает любую экологическую

информацию.

Второе. Министерство экологии: оно умеет реагировать на такие колоссальные события? И что у него, какой механизм в руках ?

Председательствующий: Я прошу прощения, но если мы по поводу каждой статьи и по поводу каждой телепередачи начнем затевать здесь дебаты, тогда мы ничего не примем. Так не лучше ли поручить Комитету по законодательству, охраны законности, экологии, Комитету по правам человека разобраться и доложить нам здесь. Пожалуйста, Вы настаиваете на голосовании?

Меньшиков В.Ф.: Да, я настаиваю на голосовании. Мы никогда ещё не слушали министра экологии.

Председательствующий: Всё, всё. Отключить микрофон. Раз сказано – зачем ещё раз пререкания? Я считаю, что надо дать поручение, а не затевать здесь дебаты. Результаты голосования: отклоняется.

Председательствующий: Конечно, а как же иначе. Ведь же есть повестка подготовленная. Так, всё. Следующий. Поручение мы даем. Я думаю, что все согласны? Прокурору, Комитету по законности, Комитету по экологии, рациональному использованию ресурсов – пожалуйста, разберитесь в этой ситуации. Пожалуйста, сообщите нам, есть ли необходимость вмешательства ВС в прояснение истины.

“Московские новости” писали, что на следующий день депутаты затратили немало времени на обсуждение своих бытовых вопросов. Уместно заметить, что в Сенате США вопрос о Мирзаянове поднимался три раза и сенаторы, будучи не менее заняты, чем профессор «марксистской политической экономии» господин Хасбулатов, не пожалели своего времени.

Наконец, 35 депутатов Верховного Совета обратились с официальным запросом Генеральному прокурору В.Г.Степанкову.

Уважаемый Валентин Георгиевич!

За публикацию статьи “Отравленная политика” в еженедельнике “Московские новости”, посвященной созданию бинарного оружия, арестован и обвинен в разглашении государственной тайны доктор химических наук Вил Мирзаянов.

Считаем, что в отсутствии закона о государственной тайны и действий секретных ведомственных инструкций, принятых ещё в период тоталитарного общества, такие действия исходят от руководства военно-химического комплекса и представляют не что иное, как расправу над людьми, предупреждающими общественность об опасности создания нового оружия массового уничтожения.

Прошу дать Вашу оценку обоснованности возбужденного дела и законности привлечения В.Мирзаянова к уголовной ответственности.

Прошу разъяснить Вашу официальную позицию к постановлению Комитета конституционного надзора ВС СССР об утрате действия неопубликованных закрытых ведомственных инструкций.

Запрос, кроме Валерия Меньшикова, подписали народные депутаты

Л.Пономарёв, Г.Задонский, В.Волков, Л.Гуревич, С.Засухин, Горелов, М.Салье, Н.Сурков, В.Уражцев, В.Шейнис, Н.Якименко, А.Копейка, В.Вермчук, Н.Вершинин, В.Комчатов, А.Шабад, М.Молоствов, С.Сироткин, В.Варов, С.Юшенков, Г.Якунин, А.Насохин, Ю.Лучинский, К.Евтушенко, С.Умецкая, Р.Гун, Б.Денисенко, Ю.Хрулёв, В.Варухин, Ю.Ельцов, С.Шестов, С.Ковалёв.

Вот каков был ответ Генпрокуратуры от 18 декабря 1992 года, подписанный заместителем Генерального прокурора И.С.Землянухиным:

Генеральной прокуратурой Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение по уголовному делу Мирзаянова В.С.

Основанием для возбуждения уголовного дела и привлечения Мирзаянова В.С. к уголовной ответственности явилось заключение постоянно-действующей технической комиссии Государственного Российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИОХТ) о том, что приведенные Мирзаяновым В.С. в еженедельной газете “Московские новости” № 38 от 20.09.92 г. данные, известные ему по роду его бывшей работы в ГРНИОХТ, относятся к

совершенно секретным сведениям, составляющим государственную тайну. Ответственность за разглашение указанных сведений предусмотрена уголовным законодательством. Мера пресечения в виде содержания под стражей избиралась в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом.

02.11.92 Мирзаянов из-под стражи освобождён.

В настоящее время следственное управление Министерства безопасности России, в производстве которого находится это уголовное дело, принимает меры к установлению всех обстоятельств происшедшего.

Мирзаянов В.С. привлечен к уголовной ответственности на основании статьи 75 УК РСФСР и в связи с действием Указа Президента Российской Федерации № 20 от 14.01.92 "О защите государственных секретов Российской Федерации", согласно которому впредь до издания новых законодательных актов, регламентирующих обеспечение государственных секретов Российской Федерации, следует руководствоваться ранее принятыми нормативными актами по этому вопросу. Нарушений законности при возбуждении данного дела не установлено.

После этого письма стало окончательно ясно: пока законодатели не примут закон о государственной тайне, власти по-прежнему будут обращаться с нами по правилам тоталитарного режима. Но я чувствовал, что уповать на этот закон тоже не приходится, поскольку Россия не привыкла жить по законам. Впрочем, что уж говорить о всей стране, если даже судьям и следователям этот обычай вовсе не знаком. Они признают лишь уголовный кодекс и многочисленные ведомственные акты.

Глава 15.

Следствию – бойкот

ЦК КПСС и химические вооружения

Несмотря на все, мой адвокат А.Аснис шел по четко намеченному пути. Последний включал попытку признания подзаконных актов – перечней секретов недействительными. Время работало на нас и мы были заинтересованы в том, чтобы процедура следствия максимально затянулась. Это было очень тяжело для меня, но, самое главное – я находился на свободе и эти тяготы, в конце концов, можно было вынести.

Но скоро у меня не выдержали нервы. Следователь просто игнорировал все наши ходатайства, направленные на полное и объективное расследование дела. Вначале на намеченном нами с адвокатом пути просматривались неплохие перспективы. Аснис вёл переговоры в Верховном Совете России с руководителями комитетов по правам человека и законодательству. Согласно процедуре, если два комитета принимали одинаковое решение по какой-либо проблеме, то оно становилось практически решением Верховного Совета. Комитет по правам человека принял решение о действенности Постановления комитета конституционного надзора СССР относительно неопубликованных подзаконных актов. Была у адвоката также договорённость с заместителем комитета по законодательству об аналогичном решении. Однако, вернувшийся из отпуска, председатель комитета профессор Минтюков не согласился на принятие такого решения. Его прежде всего заботила собственная карьера. В соответствии с планом защиты, я на допросе 1 декабря 1992 года, который продолжался всего 25 минут, опять повторил свой прежний тезис о том, что не в состоянии, пока не будут предоставлены для ознакомления перечни секретов, назвать моих кандидатов в эксперты. Я сообщил следователю, что снова обжалую его отказ в ознакомлении с этими нормативными актами. На всякий случай, следственное управление хотело окончательно убедиться в том, что факты о разработке ХО, приведенные мною в моих публикациях, соответствуют действительности. А создаваемая им экспертная комиссия затем уже должна была просто проштамповать его творение. Об этом свидетельствует следующая

переписка между следственным управлением МБ и ГСНИИОХТ. Кажется, что следствие не ведало, что творило. Чекисты просто не осознавали, что добиваются выдачи страшного секрета М.Горбачева, который обманул США, сначала подписав соглашение о прекращении разработок химического оружия, а затем тут же издав постановление начать разработку бинарного ХО.

Секретно

МБ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Следственное управление

Директору Государственного
российского НИИ органической
химии и технологии
Петрунину В.А.

12.11.92 № 6/2835

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР бывшего сотрудника ГРНИИОХТ Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в статье "Отравленная политика" (еженедельная газета "Московские новости" за 20 сентября 1992 года № 38) сведения о проведении в нашей стране научно-исследовательских работ в области химического оружия.

В связи с изложенным просим Вас проверить и сообщить, соответствуют ли действительности приведенные Мирзаяновым в статье сведения о том, что ГРНИИОХТ занимался указанными научными исследованиями.

В утвердительном случае, в соответствии с какими нормативными актами они проводились и из каких конкретно источников эти сведения стали известны Мирзаянову (ознакомление с документацией, участие в совещаниях и др.).

Просим также выслать в наш адрес личное дело и характеристику на Мирзаянова В.С.

Начальник отдела Управления
А.А.Шабунин

Верно. Старший следователь Следственного
управления МБ РФ
капитан юстиции

В.А.Шкарин

Ответ института не оставлял никаких сомнений в действительности моих утверждений. Здесь содержится также тайна из тайн - обоснование проведения научно-исследовательских работ по созданию ХО, санкционированное Михаилом Горбачевым. Я уже писал, что никогда и нигде в СССР не было официального подтверждения этого факта. По этой причине секретность ответного письма была повышена.

Совершенно секретно

Экз.1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ
И ТЕХНОЛОГИИ

Начальнику отдела следственного
управления Министерства безопас-
ности РФ т.Шабунину А.А.

г.Москва
24.11.92
№ 1846 сс

На Ваш запрос № 6\2835 от 12.11.92 г сообщаем, что сведения о проведении в ГРНИИОХТ научно-исследовательских работ по созданию химического оружия, приведенные бывшим сотрудником института В.С.Мирзаяновым в статье "Отравленная политика", соответствуют действительности.

Работы по созданию нового ОВ, о котором упомянуто в вышеназванной статье, а именно: "В Государственном союзном НИИ органической химии и технологии (ГСНИИОХТ) было создано новое ОВ. По своему коварству ("боевым характеристикам") оно значительно превзошло известный VX, поражение от него практически неизлечимо..." проводились ГРНИИОХТ во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 24 апреля 1977 г. № 3509-123.

Также соответствуют действительности и сведения о разработке ГРНИИОХТ бинарного оружия, приведенные Мирзаяновым в той же статье: "...на основе нового ОВ было разработано и собственное бинарное оружие". Работы по созданию бинарного оружия проводились ГРНИИОХТ в исполнение постановлений ЦК КПСС и Совета Министров от 31 декабря 1986 г № 1584-434, от 6 октября 1989 г.

№ 844 - 186 (!) (подчёркнуто мной - В.М.)

Указанные сведения стали известны Мирзаянову ввиду ознакомления его с секретной документацией, участия в закрытых совещаниях и т.д. в соответствии с его функциональными обязанностями сначала старшего научного сотрудника лаб.29, а с 1986 года начальника отраслевого отдела противодействия иностранным техническим разведкам.

Направляем Вам материалы личного дела Мирзаянова, в котором содержатся и его служебные характеристики.

Приложение: Личное дело В.С.Мирзаянова

№ 10650 на 131 л., несекретно, только в адрес.

Заместитель директора

А.В.Мартынов

Я бы предложил каждому, кто свято верит в соблюдение СССР и Россией Вайомингских договорённостей, взглянуть на этот документ и убедиться в том, что руководящая верхушка страны, проводя переговоры, одновременно приняла решение о развёртывании работ по разработке бинарного ХО. Конечно, после таких постановлений правительства директор ГСНИИОХТ Петрунин наставлял коллектив института, что "природа империализма не изменилась и наш долг продолжать "ковать" оружие".

В связи с этим весьма любопытно утверждение Горбачёва, которое он повторил в очередной раз в телевизионном интервью корреспонденту Би-би-си Марку Урбану (было показано в Англии 16 января 1996 года). Лауреат нобелевской премии мира, без тени сущения настаивал, что никаких испытаний и разработок ХО в 1990-91 годах не было. Правда, при этом он добавил: "возможно, там военные чистили какие-то свои хвосты..."

К сожалению, они не "хвосты" чистили, а продолжали выполнять подписанное самим же Михаилом Горбачевым постановление ЦК КПСС и Совета Министров № 844 - 186 от 6 октября 1989 года.

Не думаю, что первый и последний президент в апреле 1991 года СССР наградил Ленинской премией верхушку ВХК за "очистку хвостов".

К сожалению, следствие не удовлетворило наше ходатайство об ознакомлении нас с постановлением о присуждении этой премии. Там, безусловно, должно содержаться указание, какие именно заслуги исполнителей воли "партии и правительства" столь высоко оценил. Но поезд ещё не ушёл...

Бойкот предвзятости

По-видимому, Шкарин понял, что никакой новой информации от меня более не сможет получить. Поэтому почти полтора месяца он не вызывал меня на

допросы, целиком переключившись на добывание "изобличающих" фактов от других лиц и подтверждения своей версии экспертной комиссией.

24 ноября 1992 года капитан Шкарин вызвал на допрос сотрудницу института Н.М.Годжелло. Результаты допроса были неутешительны для следователя. Я позволю себе привести некоторые выдержки из протокола допроса, говорящие в пользу моего утверждения.

"С Мирзаяновым Вилом Султановичом я знакома последние двадцать лет по работе в ГСНИИОХТ. Взаимоотношения между нами носили чисто рабочий характер. Каких-либо взаимных претензий и личных счетов между нами не было и нет... Мирзаянов производил впечатление квалифицированного специалиста, ответственно относящегося к выполнению порученных заданий. Он проявлял активность при обсуждении научно-технических вопросов на учёном совете и его секциях. Его выступления часто носили критический характер... Вне работы я никаких отношений с Мирзаяновым не поддерживала, хотя и проживаем мы в одном доме. Мы иногда эпизодически встречаемся возле дома, как соседи. Осенью 1991 года я прочитала в газете "Куранты" статью Мирзаянова "Инверсия"...

В сентябре 1992 года я прочитала в газете "Известия" статью Литовкина о проблемах уничтожения отравляющих веществ. Эта статья вызвала у меня раздражение, поскольку она не отражала реального положения в области состояния разработок предполагаемых методов уничтожения отравляющих веществ, и носила популистский характер...

При случайной встрече возле дома с Мирзаяновым я также выразила мнение об этой статье... Мирзаянов ответил: "Мы уже готовим опровержение"...

Я считаю, что Мирзаянов, опубликовав сведения о создании нового отравляющего вещества и разработке бинарного оружия и его испытании, не разгласил государственную тайну, поскольку им не указаны класс соединения, его химическая формула, метод его получения, технология и аппаратное оформление процессов его получения, а также исходные продукты для получения этого вещества. По моему мнению, государственную тайну составляют конкретные сведения, разглашение которых позволит другому государству создать такое же вещество. Я думаю, что Мирзаянов опубликовал эту статью, руководствуясь благими желаниями исключить возможность гонки в области создания химических вооружений".

Неутешительным для следователя Шкарина оказался и допрос моего бывшего подчиненного, прослужившего долгие годы в научно-исследовательском институте КГБ подполковника Соколова:

"Наш отдел занимался разработкой методик контроля и контролем наличия конечных веществ в сточных водах, воздухе и твердых отходах, в ходе производства научных исследований по созданию химического оружия в институте, а также при производстве отравляющих веществ на предприятия... Мирзаянов В.С. являлся научным руководителем разработок этих методик и, естественно, обладал информацией о проводившихся в институте исследовательских работах с отравляющими веществами, секретность которых должны были обеспечить разработанные нами методики. Пробы воды, воздуха и твердых отходов для исследования мы брали как на территории института, так и на Волгоградском ПО "Химпром", где производились разработанные в институте вещества. Мирзаянов лично выезжал в Волгоград для внедрения своих методик, поэтому хорошо знал место производства отравляющих веществ..."

Даже находясь под следствием, я не собирался прекращать свою деятельность, направленную против химического оружия. Я уже писал выше об Андрее Железнякове, который дал интервью газете "Балтимор Сан" по моей просьбе. Он также согласился встретиться с корреспондентом журнала "Новое время" Олегом Вишняковым.

Результатом этой встречи стало интервью, опубликованное в этом журнале (№ 47, ноябрь 1992 г) под названием "Я делал бинарную бомбу". В "Новом мире" № 50 от декабря 1992 года была опубликовано моё новое интервью под названием "Испытание химического оружия: легкомыслие или преступление".

Здесь я поднял вопрос об опасности испытания химического оружия на открытом полигоне, поскольку остатки отравляющих веществ, адсорбировавшись на частицах пыли, переносятся на большие расстояния и могут причинить ущерб здоровью людей.

В сложившихся обстоятельствах я решил, что должен предпринять нечто экстраординарное для того, чтобы на уровне властей России попытаться исправить положение вещей, возникшее в связи с официальным обманом в виде вышеупомянутого постановления о лицензировании прекурсоров ОВ для вывоза из страны. Поэтому решил написать подробное письмо Б.Ельцину по этой проблеме.

В конце декабря 1992 года я сдал своё письмо в экспедицию канцелярии президента. Через несколько дней стало известно, что моё письмо направлено советнику президента по вопросам обороны генералу Д.Волкогову.

К сожалению, несмотря на мои неоднократные звонки помощнику известного военного историка, я так и не получил ответа на своё письмо. Генерал, по-видимому, из-за своей тяжелой болезни, от которой он скончался в 1995 году, не смог найти время для встречи со мной.

12 января 1993 года я опять был вызван к следователю. Здесь, как я и предполагал, следователь познакомил меня и Асниса с пачкой постановлений-отказов на все наши ходатайства. Они были составлены по шаблону и открыто демонстрировали высокомерие и пренебрежение по отношению ко мне и моему адвокату. Да, внешне все было правильно: я участвовал в допросах и составлял многочисленные ходатайства, подписывал протоколы. Создавалось впечатление, что следствие идёт и протекает по вполне законному руслу. Но в этом и заключалась цель следователя – он хотел бесшумно и спокойно оформить обвинительное заключение. Разумеется, меня это никак не устраивало. Ещё до начала допроса я предупредил Асниса: если следователь снова будет демонстрировать мне кипы отказов в удовлетворении наших ходатайств, то я прекращаю давать показания и подписывать протоколы допросов.

Мой адвокат сказал, что всё это может осложнить защиту, но он уважает любое моё решение и поэтому не возражает.

Так и случилось. Когда мы прибыли на очередной допрос 12 января 1993 года, следователь, как я и ожидал, ознакомил нас с отказами на все наши ходатайства. Тогда я написал заявление о том, что в знак протеста произвола следствия, чинимого по отношению ко мне в виде систематического нарушения моих прав на защиту, отказываюсь от участия на допросах. Также добавил, что на вызовы в Лефортовский следственный отдел обязуюсь являться аккуратно.

Следователь произвёл следственный эксперимент, попросив ответить на вопрос о бумагах, изъятых во время обыска в моей квартире. Разумеется, я отвечать не стал и следователь зафиксировал это формально, составив протокол.

Такая же сцена повторилась 13 и 14 января. Возможно, Шкарин таким образом провоцировал меня на более резкие формы протеста. Если бы я отказался явиться на допрос в следственное управление, он с удовольствием бы меня арестовал и продолжал бы “лепить” дело, не опасаясь, что его действия будут преданы гласности. Однако, я не стал подыгрывать ушлому капитану.

Теперь все следственные действия следователь проводил с моим адвокатом. Шкарин познакомил нас с постановлением о назначении экспертизы. Поскольку Генштаб Вооруженных сил отказал следствию в проведении у себя экспертизы, Шкарин, введя новых лиц в экспертную комиссию, решил выполнить эту работу в Лефортово. После долгих мытарств следствие все же удовлетворило просьбу адвоката и ввело в состав экспертной комиссии генерал-майора запаса, бывшего командира в/ч 64518, руководителя специального подразделения Министерства обороны СССР В.Смирницкого, занимавшегося вопросами специального оружия, и полковника запаса, кандидата технических наук, главного специалиста Министерства обороны СССР по специальному оружию, советника советской делегации на советско-американских переговорах о запрещении ХО В.Чугунова.

Я, к сожалению, не был знаком с этими людьми, хотя и слышал о них во время работы в ГСНИИОХТ. Но я полностью доверял своему адвокату и не сомневался в том, что Смирницкий и Чугунов должны оказаться порядочными и честными экспертами.

Итоги их работы показали, что два этих военных полностью оправдали наши

надежды, основательно расшатав подготовленное следствием "решение" экспертной комиссии. Мне затем пришлось впервые встретиться на судебном процессе с генералом Смирницким и полковником Чугуновым. Оба произвели на меня глубокое впечатление квалифицированностью и логичностью своих показаний, в корне отличавшимися от решения экспертной комиссии.

Человек из Вольска

Баталии в кабинете следователя в Лефортово совпали со временем подписания в январе 1993 года в Париже конвенции по запрещению ХО. Тогда я резко выступил против подписания этой конвенции, видя в ней отрицательные моменты, которые могли быть использованы противниками химического разоружения. Прежде всего, я никак не мог уловить логику в том, что в конвенции используется совершенно непонятный термин "запрещение разработки ХО". Но в то же время разрешалось проводить научно-исследовательские работы в этой области. Все мои попытки получить разумный ответ на вопрос, где находится четкая грань между этими понятиями, были безрезультатными. Более того, на сегодняшней ступени развития науки не было необходимости разрабатывать технологию опасного производства ОВ. Теперь ХО может существовать преимущественно в виде бинарного оружия, компоненты которого сами по себе могут быть нетоксичными. Также может не потребоваться опасное и дорогостоящее испытание бинарного оружия. Всё это может быть выполнено в лабораторном помещении, где нетрудно смоделировать практически любые климатические условия. Вышеупомянутое постановление Правительства России 508-РП о лицензировании прекурсоров ХО в сочетании с этими вопросами без ответов усугубляло мои опасения. Текст конвенции явно содержал слабые места, которые могли быть использованы нечестными генералами в своих целях. Стараясь объяснить эти подвохи, таящиеся в конвенции, я выступал с многочисленными интервью различным органам печати, радио и телевидения. Практически никто не пытался опровергнуть мои доводы. Российские власти и специалисты по ХО хранили глубокое молчание и никак не комментировали мои выступления. Я не получил никакого ответа и со стороны иностранных специалистов.

И все же я продолжал объяснять, что такая конвенция – далеко не лучший инструмент в борьбе против ХО. Поэтому я в своих выступлениях по французскому телевидению, радиостанции "Эхо Москвы" и др., резко критикуя конвенцию, выступал против её подписания. В одиночестве я оставался недолго. Я приобрёл неожиданного союзника в лице старшего инженера Вольского филиала ГСНИИОХТ Владимира Углева, который в то время ещё являлся и депутатом Вольского городского совета. Отвечая за вопросы экологии в своем горсовете, он выступал против деятельности военных химиков, практиковавших многочисленные подрывы химических снарядов на военном полигоне, которые несли угрозу безопасности и здоровью населения. К тому же, оказалось, что он продолжительное время работал с автором веществ А-230 и А-232 Петром Кирпичёвым.

При первой встрече в начале января 1993 года Владимир произвёл на меня хорошее впечатление своей решительностью бороться против ХО и против варварского уничтожения его запасов на Шиханском военном полигоне.

По нескольким репликам по поводу новых разработок я понял, что передо мной квалифицированный собеседник, хорошо разбирающийся в вопросах синтеза и испытания новых ОВ. Он был полностью в курсе событий, которые развернулись по поводу передачи авторства П.Кирпичёва на изобретение вещества А-232 бывшим директором ГСНИИОХТ И.Мартыновым своему сыну Борису Мартынову.

Мне безусловно импонировало и то, что он без сомнений был готов поддержать меня. Это было чрезвычайно важно в то время, поскольку и у нас в стране, и в США тогда мало кто верил в существование тайной программы разработки и испытания нового поколения ХО. Однако, наряду с такими положительными впечатлениями я также слушал тревожное для меня признание Владимира о том, что он в своё время был завербован КГБ для присмотра над Петром Кирпичёвым, его научным

руководителем. По его рассказу, он обо всём этом поставил в известность самого П.Кирпичёва, мотивировав своё согласие быть доносителем тем, что, в противном случае, на его месте мог бы быть другой, кого они не знали. Святая навивность! Ведь КГБ дублировало своих осведомителей, чтобы исключить саму возможность "монополизации" источников информации. Однако я не могу судить строго тех, кто соглашался быть осведомителем, поскольку роль КГБ была всесильна. Донительство было повальным явлением и мало кто мог устоять перед предложением "стать полезным для Родины". Подозрительность практически парализует любое общение и любую дискуссию, включая научную. Я по мере возможности всегда старался избегать всяческих подозрений, в том числе и в отношении малознакомых мне людей. Но временами мне казалось, что в моём окружении всегда находятся по меньшей мере несколько осведомителей. Иногда мне удавалось получать неопровержимые доказательства своих предположений, но я всегда себя вынуждал не отдаваться чувству мести. К сожалению, это мне не всегда удавалось и на этой почве возникали конфликты. Я попросил Углева быть предельно осторожным в своих отношениях с Фёдоровым. Как я понял, Фёдоров основной задачей в отношениях со мной и Углем видит получение любой информации, которую он затем использует для написания своих статей, выдавая себя за крупного специалиста по ХО. Это было более чем провокацией в то время, когда мы с адвокатом изо всех сил доказывали, что я никаких государственных секретов, связанных с технической стороной проблемы ХО, не разглашал.

Яркой иллюстрацией к сказанному является публикация Л.Фёдорова в журнале "Химия и жизнь" (№ 7, 1993 г), где он нарочито небрежно, выдавая себя за крупнейшего специалиста в области ХО, лихо расписывает формулу вещества "33" и принцип бинарного оружия на его основе.

Разумеется, для КГБ вопрос, кто является настоящим поставщиком этой информации, не являлся большой тайной. Поэтому скоро Саратовский отдел ФСК начало расследование случая разглашения государственной тайны Углем.

У редакции «Московские новости». Февраль 1994 г. В центре – В. Углев.

До этого В.Углев дал своё знаменитое "Интервью с петлёй на шее", опубликованное в шестом номере журнала "Новое время". Здесь он, подтвердив мою версию о токсичности новых ОВ, рассказывает историю их создания в Вольском филиале ГСНИИОХТ. Он сообщил, что прекурсоры этих веществ не вошли в списки контролируемых соединений конвенции по ХО. Более того, он утверждал, что партия компонентов бинарного оружия складирована на секретной базе в Брянской области. Углев разделял мои опасения, заключавшиеся в том, что компоненты бинарного оружия на основе нового вещества могут быть замаскированы под вид гражданской продукции, что затруднит международный контроль. Напомнив о пресловутом списке прекурсоров, утвержденных в качестве запрещенных для вывоза из страны, корреспондент Олег Вишняков спрашивал:

– Но ведь советники президента (речь, по всей видимости опять идёт о А.Кунцевиче – В.М.), готовившие этот список, не могли не знать, что он не полон. Неужели сознательно пошли на обман?

На это В.Углев реагировал в интервью очень решительно:

– У меня нет другого ответа на этот вопрос. Эти люди, по-моему, могли руководствоваться двумя мотивами: возможность беспрепятственно продавать стратегические химикаты и технологии в страны типа Ирака, Ливии или Северной Кореи (напомню, ни одна из этих стран не присоединилась к Женевской конвенции) и лично обогатиться, либо – что более вероятно – элементарно “подставить” президента накануне подписания конвенции и тем самым затормозить процесс химического разоружения. Я также не исключаю возможности сговора российских и американских военных химиков с целью помешать разрядке...

...Вы поймите, ни Кунцевичу, ни Петрунину, ни их американским “коллегам” химическое разоружение не нужно.”

Я совершенно не сомневаюсь в искренности изложенной здесь позиции Углева. Он придерживался её всегда, когда давал интервью органам печати. Для меня было чрезвычайно важно, что ещё один человек из военно-химического комплекса так искренне борется против ХО, не боясь преследований.

Между нами установились неплохие отношения и мы встречались во время его приездов в Москву. Во время этих встреч (они происходили на моей квартире) мы открыто обсуждали проблемы, связанные с запрещением разработки и производства ХО и уничтожением его запасов. При этом я был уверен в том, что наши беседы записываются КГБ, так как мне были знакомы его методы слежки. Однако это меня не пугало, поскольку никаких секретов мы не обсуждали.

Владимир, мужественный и смелый человек, действовал без оглядки на возникающую опасность. Его движущей силой в то время являлась непреклонная уверенность в необходимости действий для блага людей. К сожалению, его склонность к неразборчивой гибкости, исходящая, по-видимому, из неудовлетворенного самолюбия, порой была разрушительной для него самого.

Далее я ещё остановлюсь на его безответственной акции во время суда надо мной в феврале 1994 года.

В январе-феврале 1996 года я случайно узнал о участии Углева в “деле Кунцевича”. Еще в конце марта 1994 года могущественный генерал попал под следствие по обвинению в краже и отправки прекурсоров ХО в Сирию. Как ни странно, Углев через год решил поддержать обвиняемого. Разузнав об этом, я решил удостовериться в этом от него самого. Мне удалось дозвониться в его московскую квартиру. Владимир с торжественной интонацией спросил, знаю ли я, с кем он сегодня так близко и подробно беседовал у себя дома.

– С самим генералом Кунцевичем! – сообщил он тут же несколько нетвердым голосом. Я понял, что Углев удостоился “чести” провести время за бутылкой с бывшим боссом военной химии.

– Теперь я уверен, что Кунцевич стал жертвой интриги других генералов – противников конвенции, – продолжал Углев и спросил, не возражаю ли против того, чтобы адвокат Аснис взялся за защиту обиженного генерала.

Я ответил, что Аснис человек независимый и вряд ли нуждается в моем согласии на какую-либо деятельность. Тогда Углев довольным тоном добавил:

– Права человека надо защищать даже тогда, когда они нарушены у генерала.

Уверен, что при нашем разговоре присутствовал ещё не успевший уехать от Углева Кунцевич. Да-а, генерал прямо-таки ошастливил своим визитом бывшего старшего инженера! Углеву такая “честь” во время работы в Шиханах не могла даже присниться.

Что же касается Александра Асниса, то он отличается своими демократическими взглядами и пользуется большим уважением в широких кругах демократической общественности России. К тому же, как выяснилось позднее, он был занят более благородным делом – защитой бывшего Генерального прокурора Ильюшенко, которого попытались сделать козлом отпущения в постигшем Россию всеобщем обвале коррупции

властвующих структур. Одним из пунктов обвинения, предъявленного к бывшему Генпрокурору, являлось "незаконное оправдание В.Мирзаянова"...

Мой рассказ об Углеве был бы неполон, если бы я не остановился ещё на двух моментах. После первых интервью Владимира вызвали на допрос в КГБ.

Следователь, по его словам, интересовался с его связями с Фёдоровым, связями с журналистами. Затем следователь успокоил Углева сообщением, что уголовное дело на него не заведено. Приехав через некоторое время в Москву, Владимир позвонил мне и мы договорились с ним встретиться на станции метро. Я напрасно прождал Владимира полтора часа и сильно был обеспокоен. Начал было подозревать, что произошло плохое. Придя домой, я стал звонить по всевозможным адресам, где Владимир, по моим прикидкам, мог остановиться, но его нигде не удалось обнаружить.

Поздно вечером дозвонился до него и узнал причину его неявки на свидание со мной. Оказывается, он и Фёдоров поехали к модному тогда адвокату, чтобы тот взялся защищать Владимира. Они долго не могли попасть на прием у знаменитости. Когда спросил, почему же при этом я должен был ждать так долго и с большим беспокойством. Его ответ был предельно откровенен. "Не мог же я из-за свидания с тобой пропустить встречу с таким важным адвокатом", – сказал он совершенно спокойно. Я был просто потрясён таким цинизмом и уже плохо понимал его дальнейший рассказ о том, что адвокат отказался вести дело. Дело не стоило свечки. Почему? Да просто потому, что никакого "дела" на самом деле не было. Ну, так и не завел его КГБ, несмотря на страстное желание Углева и его "советника" Фёдорова стать героями-мучениками.

После этого случая я никак не мог справиться с моим разочарованием и резко охладел к Владимиру. Хотя, кто знает, может, на его взгляд, я неисправимый консерватор и недостаточно "гибок". Когда Углев в своих интервью и рассказах подчёркивал, что является соавтором новых ОВ, меня не покидала мысль, мягко говоря, о неточности этого утверждения. Я знаю, как при оформлении авторских свидетельств настоящий автор изобретения обычно включает в заявку ещё других лиц, в особенности, своих помощников, роль которых в изобретении не столь значительна, чтобы их считать соавторами. Объяснялось это тем, что автору всегда бывало приятно поддерживать морально и в случае внедрения изобретения и материально своих сотрудников, даже если они были соавторами лишь формально. Те, конечно, об этом знали и никогда не пытались изображать из себя истинного автора. Так уж повелось в науке, что генератором идеи является, в большинстве случаев, один человек и он ведёт всё это дело, а остальные помогают, как могут. В конце концов, это не так уж плохо: как говорится, каждому своё.

Мне стало известно, что Кирпичёв публично отчитал Углева, обвинив в нескромности. По-видимому, все это в сумме и стало причиной того, что я, сколько себя не уговаривал, так и не смог поехать в Шиханы для поддержки Владимира Углева на выборах 1994 года в Государственную Думу.

...В середине января 1993 года состоялись слушания в комитете по экологии Верховного Совета России по проблеме уничтожения запасов химического оружия. Они проходили в здании Белого Дома на Краснопресненской набережной, который меньше чем через год будет расстрелян танками, чтобы выбить засевших там путчистов во главе с авантюристами вице-президентом России Руцким и председателем Верховного Совета «политэкономистом» Хасбулатовым.

Я пришел на слушания по приглашению заместителя председателя комитета

В.Меньщикова, с которым у меня затем установились хорошие отношения.

Перед заседанием Л.Фёдоров, который, судя по всему, был здесь своим человеком, сказал мне, чтобы я не выступал на заседании, поскольку-де это отнимет время и не даст возможности выступить людям с мест. Меня такая просьба немного покорило, поскольку сам Фёдоров собирался выступить с довольно продолжительным сообщением. Впрочем, я и без того практически всё время был занят беседами с журналистами, которых собралось довольно много, и все они хотели непременно знать моё мнение по вопросам уничтожения запасов химического оружия. Здесь же я познакомился с многими активистами экологического движения, которые были

озабочены предстоящим уничтожением ХО без должной подготовки и наличия безопасных технологий. Среди них выделялся своей колоритной бородой Владимир Петренко. Он, как оказалось, служил в войсковой части 61469 в Шиханах. Здесь молодого офицера, в числе других, привлекли к работам по испытанию ХО в качестве подопытного кролика. Войсковой части эти эксперименты обошлись весьма дешево: подопытному офицеру выписали ничтожную премию. Зато самому Петренко его патриотический порыв обошелся практически полной потерей здоровья. По этой причине он и был комиссован. Его попытки добиться хоть какой-то компенсации закончились тем, что против него было начато следствие по обвинению в клевете на начальство войсковой части. Долгое время он не мог получать даже своей небольшой пенсии по инвалидности. А попытки обратиться к общественности обошлись бывшему офицеру ещё дороже: его жену уволили с работы в той же войсковой части, а семью стали выселять из квартиры в Шиханах. Со временем "дело" Петренко получило большую огласку, а сам офицер посвятил все свои оставшиеся силы на борьбу против варварского уничтожения ХО на полигоне войсковой части.

С докладом выступил генерал Кунцевич. Он привел данные по предстоящим затратам, которые было необходимо запланировать Верховному Совету для соблюдения графика выполнения уничтожения запасов ХО в России. Суммы были внушительными, при этом особенно фантастичными были планируемые расходы по проверке выполнения конвенции. При нищете российского государства они выглядели просто издевательски. Каждый понимал, что нищая Россия – это не США, где специалисты привыкли и не к таким цифрам. Кроме того, из доклада генерала Кунцевича следовало, что самой программы процесса уничтожения пока нет, и в скором времени не предвидится. Вместо этого генерал излагал некую концепцию. Точно так же он поступит и через год, представляя всю ту же концепцию. Только это ему и оставалось, когда не было ни технологий уничтожения, ни методов контроля, и главное, попросту не было и предвиделось никаких денег. Вместо них намекалось на какие-то туманные обещания западных стран о помощи. Но и тут плутоватый Кунцевич всё сам же и испортил. На Западе не могли не обратить внимание на лицемерную политику генерала и его начальников.

В общем, все официальные докладчики выглядели весьма бледно и кроме обещаний "будет сделано", они не могли привести других аргументов в пользу своих прожектов. Масла в огонь добавили критические выступления активистов экологического движения из регионов, где располагались склады запасов ХО, которые говорили о неудовлетворительном хранении, о варварских методах уничтожения, угрожающие безопасности и здоровью населения. Активисты из Новочебоксарска, например, критиковали проект ВХК по уничтожению запасов ХО на химическом комбинате, который ранее выпускал ОВ. Близость комбината к населенным кварталам города и так уже причиной разрушающегося здоровья местных жителей, а генералы хотели продолжать отравление людей и при уничтожении запасов ХО. Даже по чисто психологическим причинам люди и слышать не хотели о том, что рядом с их домами будут уничтожаться ОВ. Но такие мысли как-то не пришли в головы функционеров из комитета по конвенциональным проблемам. К сожалению, в составе этого комитета не было тогда и нет сегодня специалистов, способных провести подобный анализ. Завершил "разгром" Лев Фёдоров, заявивший, что уничтожение запасов ХО нельзя производить до тех пор, пока не будет определено и подсчитано, сколько и где произведено, взорвано, закопано и затоплено. Я был согласен с тем, что необходимо провести полную инвентаризацию произведенного и исчезнувшего ХО. Однако, поиск старого оружия и уничтожение запасов ХО на складах можно и нужно делать отдельно, независимо друг от друга, поскольку технологически они не связаны.

Несмотря на продолжающееся следствия и нескончаемые допросы, я старался по мере своих сил и возможностей участвовать и в различных общественных мероприятиях. В частности, побывал на конференции «КГБ вчера, сегодня и завтра», организованной Сергеем Григорьянцем. Участники конференции, среди которых было много бывших диссидентов, прошедших все ужасы советских лагерей, тепло приветствовали меня и всячески выражали поддержку в моём противостоянии с КГБ. Разумеется, я был

чрезвычайно рад тому, что эти люди признали меня "своим".

Как татары стали "врагами демократии"

В 1992 году в российской печати и телевидении развернулась ожесточенная кампания против намерения Татарстана провести референдум о независимости республики. В то время перед нацией впервые за многие столетия рабства забрезжила перспектива свободы. И это внушало оптимизм многим представителям нашего народа. К концу XX века татарская нация находилась в тяжелейшем состоянии. Деградация народа была вызвана не только ленинской национальной политикой, как утверждали "демократы", списывая все грехи на 70 лет коммунистического правления. В основном проблемы татарской нации были плодом имперской политики, направленной на русификацию своих колоний и беспощадное разграбление их национальных ресурсов. Коммунистическим лидерам СССР удалось использовать ООН для защиты целостности империи, в то время как демагогически добиваясь лишения колоний их западных партнеров (Англия, Франция, Бельгия и др.). При этом был изобретен некий тезис о том, что, мол, колониями являются только те территории (завоеванные), которые находятся за океаном. Частичный распад Российской империи под названием СССР в 1991 году и побег из нее даже «братьев-славян» (Белорусия, Украина), граничащих с метрополией, за одну ночь разбили все их демагогические доводы на международной арене. Однако, этот распад не решил основной проблемы России – деколонизации тех колоний, которые не сумели в свое время получить у метрополии грамоту «союзных республик». Отметим, что отсутствие этой грамоты закономерно для сохранения колониального режима не более чем вышеупомянутый тезис о «заокеанности» колоний. Пробудившееся в результате краха тоталитарного режима национальное самосознание толкало татар к завоеванию элементарных свобод, которые, в основном, сводились к праву самостоятельно решать как им жить в своей республике. Часть лидеров возникшего ВТОЦ (Всетатарского общественного центра) высказывались за полную самостоятельность Татарстана вплоть до отделения от России. Но геополитическое положение Татарстана, окруженного областями, населёнными преимущественно русскими населением, не оставляло места иллюзиям. В тоже время статус независимости могло служить основой для построения новых союзных отношений с Россией, для того, чтобы попытаться найти совместно с другим освобожденными народами империи коренное решение проблемы экономической и политической целостности страны на основе федерации или конфедерации, построенной по принципу снизу вверх. Референдум о независимости имел, с моей точки зрения, в большей степени символический характер. Мне достоверно известно, что при этом никто в Татарстане не помышлял об организации каких-либо вооружённых групп для попытки силового решения проблемы. Но какой же поднялся шум в средствах массовой информации по этому поводу! Все газеты и демократического, и прокоммунистического толка были единодушны в нагнетании антитатарской истерии. Я не мог избавиться от впечатления, что все эти действия хорошо скоординированы, особенно с учетом того, в чьих руках в России находятся т.н. свободные средства массовой информации. Мои знакомые, весьма образованные и демократически настроенные люди, выражали свое удивление "наглостью" и «черной неблагодарностью» татар. Стоило больших трудов объяснить этим людям элементарные истины. Тем не менее референдум прошёл и его результаты вызвали ликование среди татарского народа... И на этом всё и закончилось. Хотя потом правительства Татарстана и России вели переговоры по заключению некоего договора, это уже не могло изменить суть вещей. Разве только одно. До этого Татарстан был единственной среди завоеванных русскими территорий, который не имел договора о добровольном присоединении к Российской империи. По-видимому, даже для царских сановников казалось верхом лицемерия делать вид, что Татарстан, как другие резне колонии, добровольно вошёл в состав империи. Рана, напоминающая о массовой резне татар после взятия Казани, устроенной русскими войсками Ивана Грозного в 1552 году, остается неизлечимой и по сей день. После переговоров с Москвой между канцеляриями Президента РФ и Татарстана был подписан необязательный с

юридической точки зрения договор о взаимоотношениях, который послужил скорее для «спуска пара», т.е. для успокоения татарского населения и таким образом для сохранения колониального статуса Татарстана.

По приглашению ВТОЦ я в марте 1993 года участвовал в съезде этой организации. Для этого мне пришлось обратиться с письменным заявлением к своему следователю, чтобы тот разрешил мне поехать в Казань, поскольку я всё ещё находился под подпиской о невыезде. Шкарин даже обрадовался такому повороту событий, поскольку до этого, на основании своего отказа участвовать в следствии, я всячески игнорировал его, отказываясь даже подписывать какие-либо бумаги. К сожалению, я скоро обнаружил, что в Казани многие находятся под влиянием своих коммунистических руководителей. Для них существовал лишь один враг – Президент Б.Ельцин, который должен был быть свален любой ценой. Ведь никто иной, как он, предложил взять татарам столько независимости, «сколько они могут проглотить», т.е. освоить. Убежден, что Б.Ельцин, как прирожденный политик, знал, что империя, являясь неустойчивой формой правления колониями, не только экономически, но и политически изжила себя и поэтому требуется новая федеративная система, учитывающая стремление народов колоний на независимость. Неудивительно, почему после такого предложения наместник империи, бывший первый секретарь обкома КПСС, президент Татарстана Шаймиев рьяно взялся участвовать в большевистском путче августа 1991 года. Татарский народ, как всегда, идя на поводу своих недалёковидных и наивных активистов-идеалистов, спас неудачливого путчиста от участи быть сокамерниками главара КГБ Крючкова, премьер-министра СССР Павлова и др. в тюрьме «Матросская Тишина».

И что власть имущие в Казани взяли из предложенной Б.Ельцином свободы? Разве что «рыночную» возможность бесконтрольно грабить свой собственный народ и, выметив остатки системы демократических выборов, обеспечить себе бессрочное правление. В остальном их не хватило даже на переименование названия своих улиц и городов, все еще носящих имена большевистских палачей. В центре Казани все еще «красуется» любимое ими бронзовое чучело Ленина. Это г.Шаймиев, президент Татарстана, дал указание народным депутатам от Татарстана типа Р.Мухамадиева блокироваться в Верховном Совете России с экстремистами типа Руцкого, Хасбулатова, Бабурина, отпетыми врагами демократического развития России. Поэтому я в своем выступлении напомнил моим слушателям об этом факте. Съезд встретил моё обращение долгой овацией.

После этого мне долго пришлось успокаивать корреспондента радиостанции Би-би-си, спросившего, не боюсь ли я, что мой авторитет будет использован татарскими националистами и сепаратистами не во благо народа. Я ответил, что хорошо знаю свой народ, который отличается исключительным трудолюбием и первым делом, где бы он не поселялся, начинает дело со стройки дома и бани, но никогда не приобретает оружия, даже если кто-то пытается угрожать его жизни. Но это не значит, что татары трусливы. По количеству обладателей высшей награды за героизм в Великой Отечественной войне – звания Героя Советского Союза – татары находятся на одном из первых мест среди народов СССР. Я также выразил уверенность в том, что после приобретения истинной независимости татарский народ будет жить в настоящей дружбе с русским народом.

...Не прошло и двух лет после этих событий, как разразилась новая русско-чеченская война.

Я глубоко осуждаю любую войну, считая, что нет так называемых войн во имя блага, нет войн ни освободительных, ни приносящих "цивилизацию". Я против решения любого вопроса военной силой, с чьей бы стороны инициатива не исходила, поскольку в конечном счете гибнут не в чем не повинные люди, мнения которых никто и никогда не спрашивает. По этой причине я даже теоретически не могу себе представить войну моего народа с русскими. Оба народа всё ещё пребывают в рабстве и нищете, освобождение от которого по одиночке просто невозможно: настолько они отстали от других цивилизованных народов. Любой возможный конфликт ведет их только назад, что, в свою очередь, грозит им естественным увяданием

и, в конечном счёте, исчезновением с исторической сцены, как это произошло со многими другими народами...

Однако, как всё переменялось в поведении демократической общественности и прессы, когда о самостоятельности заявила Чеченская республика! Никто и не думал осуждать (ещё задолго до вооружённого конфликта) сепаратистские демарши генерала Д.Дудаева. Теперь я убежден, что выступление лидера чеченцев являлось концентрированным выражением воли колониальных народов Российской империи против дальнейшего сохранения их невольного статуса на исходе 20 века, но в форме экстремизма. Такая "терпимость" сама по себе была, возможно, не совсем плохим явлением, поскольку она могла говорить о созревших демократических воззрениях нашей общественности. Однако, никто ни в прессе, ни в Верховном Совете не думал выступать против колониальной сущности России, за ее скорейшую деколонизацию и начала переговоров со всеми колониями. Зато буквально все стали на борьбу против русско-чеченской войны, но на стороне Дудаева... Нашлись даже отдельные деятели- "демократы", которые сидели в осажденном дворце мятежного генерала, из которого прицельный огонь уничтожал молодых российских солдат. Политические дивиденды из этой борьбы извлекали все, даже коммунисты, среди которых немало тех, кто отличается своими прямо-таки фашистскими взглядами на нерусское население. Я почему-то думаю, что большинство из тех, кто осуждает эту бессмысленную взаимоистребительную войну, искренни. Но не могу понять, откуда же берется двойной стандарт по отношению к разным народам. Выходит, что татарский народ, даже если он проводит мирный референдум, он уже враг. Как это он посмел, тогда как он "давил нас 400 с лишним лет". А вот другой, с точки зрения "демократов", "свой" народ, который, вовлечен безответственными политиками в вооруженную авантюру, прав и его, видите ли, надо защищать. К великому моему сожалению, мне ничего не остается, как только думать об истоках такого двойного стандарта. Я предполагаю, что это явление вызвано ущербным рабским мышлением, подсознательно допускающим существование общего врага - татарина... Да еще тем, что русская нация, которая согласилась на потерю «Киевской Руси» в виде Украины, никак не хочет понимать, что Казань, т.е. Татарстан, имеет точно такие же права быть хозяином в своей республике, как и он сам в Москве. А пока менталитет равноправия не распространяется дальше, чем давать право татарину-хирургу делать операцию на сердце президента России и обеспечивать нефтью Черноморский Флот... Не думаю, что случайно ни один татарин не был в течение 400 лет премьер-министром, министром иностранных дел, министром внутренних или других важных дел России. В то же время на этих постах во множестве побывали и пребывают евреи, украинцы и другие национальности. Что, у русского народа нет врага злее татарина?

Так что колониальный статус моего народа налицо и сегодня, также как и вчера. Пока мой народ не справится со своей вечной привычкой давать рули управления наследникам небезызвестного в истории предательства татар Шейх-Гали и сам не возьмется за дело, особых перспектив ухода от своего рабства не наблюдается. Что касается чеченского конфликта, то всем тем демократам, кто выступал против татарского референдума, остается лишь мечтать проводить его в Ичкерии. Однако, кажется, что такой поезд давно уже ушел и чеченский народ, в противоположность, нашему с его промосковской верхушкой, не поддастся на такой обман.

Находка чекистов

Между тем, Шкарин трудился вовсю, чтобы довести до логического конца свои усилия по составлению обвинительного заключения. Работала экспертная комиссия, да и в ГСНИИОХТ раздобыли дополнительный материал, якобы, доказывающий мою причастность к теме по разработке бинарного оружия. Шкарин поспешил в ГСНИИОХТ для производства так называемого личного осмотра, о чем он с удовольствием составил протокол. Он был уверен, что фортуна на этот раз ему улыбнулась...

Секретно

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

г.Москва 24 февраля 1993 года

Старший следователь Следственного управления Министерства безопасности Российской Федерации капитан юстиции Шкарин, в присутствии заместителя директора Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) по науке Кузнецова Николая Александровича и понятых: Лисицыной Валентины Ивановны, проживающей по адресу: г.Москва, ул.Озерная, дом 38 и Михайловской Галины Вячеславовны, проживающей по адресу: г.Москва, ул.Магнитогорская, дом 27, кв.43, руководствуясь требованиями статей 141, 178, 179 и 182 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в помещении 1 отдела ГРНИИОХТ произвёл осмотр дела № 73-3. Перечисленным лицам разъяснено предусмотренное статьями 169 УПК РСФСР право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления, подлежащие занесению в протокол.

.....КузнецовЛисицынаМихайловская
Понятым Лисицыной В.И. и Михайловской Г.В. разъяснена также предусмотренная ст.13 УПК РСФСР обязанность удостоверить факт, содержание и результат осмотра.
..... /Лисицына//Михайловская/

Осмотр начат в 10 часов 35 минут.

ОСМОТРОМ УСТАНОВЛЕНО:

Дело № 73-3, инвентарный № 6291, в одном томе на 260 пронумерованных листах в обложке из картона темно-синего цвета. В данном деле на листах 160-165 имеется документ, озаглавленный "Техническое задание на составную часть опытно-конструкторской работы "вещество "А-232" на основе системы компонентов" и шифр "Новичок-5", гриф "Совершенно секретно", номер 2187 сс/хф. Настоящий документ содержит 9 пунктов. (Далее перечисляются эти пункты). Далее:

В нижней части последнего листа настоящего документа имеется подпись и дата 20.04.90 г., исполненные красителем синего цвета.

В ходе осмотра Кузнецов Н.А. пояснил, что упомянутое в техническом задании вещество "А-232" является новым созданным в ГРНИИОХТ отравляющим веществом в бинарном варианте, а вещество "А-208" - известное отравляющее вещество типа VX; войсковая часть 36382 дислоцируется на химическом полигоне в районе г.Нукус; подпись и дата 20.04.90 г. исполнены Мирзаяновым Вилом Султановичем и означает, что Мирзаянов, как начальник отдела противодействия иностранным техническим разведкам, ответственный за разработку раздела, касающегося требований по обеспечению сохранности государственной и военной тайны, ознакомился с настоящим техническим заданием и согласен с указанными в нем требованиями по обеспечению сохранности государственной и военной тайны при выполнении опытно-конструкторской работы с новым отравляющим веществом.

ГСНИИОХТ, разумеется, немедленно переслал документ чекистам. Однако следователь распорядился этими бумагами весьма безответственно, приложив его к моему делу, что означало его будущее полное рассекречивание документа. Впрочем, Шкарин даже в кошмарном сне не смог предположить, что я отважусь на то, чтобы переписывать в том числе и этот совершенно секретный материал. Он не оставляет никаких сомнений относительно лжи, содержащейся в утверждениях Михаила Горбачева о том, что-де военные только "чистили хвосты".

Шкарин тщательно подготовился к допросу, намереваясь предъявить мне все эти документы, которые бы доказали мою информированность о проведении работ по созданию бинарного оружия. Поэтому он вызвал меня на допрос 25 марта 1993 года и предъявил "Техническое задание". Я по-прежнему придерживался тактики отказа от участия в допросах и не стал знакомиться с документом. Но сразу всё понял. Всё соответствовало действительности. На документе была моя виза. Я вспомнил, что

мне его в свое время принёс старший научный сотрудник А.Савкин и попросил завизировать. Я не отказался, хотя к этим работам не был допущен. Шкарин несмотря на все свои предыдущие усилия, не мог найти список сотрудников, допущенных к теме бинарного оружия, в котором содежалась бы моя фамилия. Списки-то существовали, но ни в одном не было моей фамилии. И вот теперь капитан в какой-то мере был удовлетворён, хотя в то же время понимал, что в найденной бумаге содержится очень мало сведений, позволяющих говорить о моем участии в этих работах. В документе всё было настолько туманно, что его смысл мог понять лишь сведущий человек. В этой бумаге даже не было слова "бинарное оружие", не говоря уже о его компонентах.

ТЕХЗАДАНИЕ НА БИНАР

Совершенно секретно

Экз. № 2

Серия «Ф»

По п.4.7 Перечня

СОГЛАСОВАНО

Утверждаю

Начальник 4984 ВП МО

Е.А.Умблия

«27»апреля 1990 г

Директор ГСНИИОХТ

В.А.Петрунин

«04» 05 1990 г

СОГЛАСОВАНО

СОГЛАСОВАНО

с замечаниями исх.

с замечаниями исх.

1244-60/хф 2Т-575 сс

1244-60/хф-2Т-575 сс

Начальник 458 ВП МО

Генеральный директор

Н.Г.Рагулин

НПО «Базальт»

«16» 05 1990

А.С.Обухов

«16» 05 1990 г

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

НА СОСТАВНУЮ ЧАСТЬ ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКОЙ РАБОТЫ

«Вещество «А- 232» НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ КОМПОНЕНТОВ

Шифр «Новичок-5»

«Разработка, изготовление и поставка корпусов

специзделий (макетов) взрывного принципа

действия для полевых испытаний системы

компонентов вещества «А-232»

2187 сс/хф

- 2 -

1. НАИМЕНОВАНИЕ, ШИФР И ОБОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЧАСТИ ОКР
Составная часть ОКР «Вещество «А-232» на основе системы компонентов, шифр «Новичок-5», «Разработка, изготовление и поставка корпусов специзделий (макетов) взрывного действия для полевых испытаний системы компонентов вещества «А-232» выполняется на основании постановления инстанций № 844-186 от 06.10.89 г и тактико-технического задания на ОКР

(исх. № 0076 хф от 07.12.89 в/ч 64518) (Управление начальника химвойск - В.М.)

2. ЦЕЛЬ ВЫПОЛНЕНИЯ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОКР

Обеспечение полевых испытаний системы компонентов вещества «А-232» корпусами специзделий (макетов) взрывного действия

3. ЗАДАЧИ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОКР

3.1. Изготовить и поставить макеты взрывного действия для проведения полевых испытаний системы компонентов вещества «А-232» в сравнении с веществом «А-208».

3.2. Принять участие в полевых испытаниях в в/ч 26382.

4. ТРЕБОВАНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОКР

4.1. В результате выполнения работы должны быть изготовлены в требуемом количестве макеты взрывного действия, необходимые комплектующие узлы для проведения полевых испытаний, а также представлена техническая документация на них.

4.2. Баллоны под систему компонентов вещества «А-232» и под вещество «А-208» должны быть поставлены к месту снаряжения, а корпуса и комплектующие узлы - к месту проведения испытаний.

4.3. Работоспособность механизма смещения и функционирования макетов должны быть подтверждены заключением НПО «Базальт» по результатам испытаний.

- Испытания проводятся в имитационном снаряжении в интервале температур минус 30 градусов плюс 50 градусов по Цельсию с использованием имитаторов, применявшихся НПО «Базальт» при отработке макетов черт.243.5.586.087 и черт.243.5.585.820 в 1988 г.г. -И-3-6 (БК)

Выражение «корпуса специзделий (макетов)» далее по тексту - макеты.

-3-

4.4. Изготовление, поставка макетов с комплектующими узлами и участие в полевых испытаниях осуществляется по договору с ГСНИИОХТ.

4.5. В месячный срок после согласования настоящего ТЗ НПО «Базальт» составляет и согласовывает с ГСНИИОХТ проект плана-графика проведения работ.

5. ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

5.1. Должно быть изготовлено 285 шт макетов взрывного принципа действия в том числе:

макеты черт. 243.5.586.087-02	- 133 шт
макеты черт. 243.5.586.087-12	- 82 шт
макеты черт. 243.5.585.820-02	- 50 шт
макеты черт. 243.5.585.820-12	- 20 шт

Макеты должны иметь необходимые комплектующие элементы в соответствии с чертежами на каждый тип макета, включая датчики давления, температуры, пробоотборники, стравливающие клапаны.

5.2. Должно быть разработана и изготовлена в необходимом количестве тара для транспортировки снаряженных баллонов под комплекты и комплектующих элементов и корпусов макетов всех типов.

Тара должна обеспечить сохранность матчасти при транспортировании железнодорожным транспортом на расстояние до 4000 км и автомобильным транспортом на расстояние до 1000 км.

5.3. Макеты должны нормально функционировать в диапазоне температур минус 30 градусов плюс 50 градусов по Цельсию.

5.4. Необходимые данные по компонентам, их массе (массе реакц. смеси) в одном макете, параметры реакции и конечному веществу, выдаются ГСНИИОХТ по запросу НПО «Базальт».

5.5. Для сборки снаряженных макетов необходимо предоставить в в/ч 26382 техническое описание макетов с инструкцией по сборке и эксплуатации.

5.6. Макеты должны комплектоваться приспособлениями для сборки в полевых условиях.

2187 сс/хф

-4-

6. ЭТАП РАБОТЫ

6.1. Предоставление технической документации на макеты в адреса ГСНИИОХТ, ВФ ГСНИИОХТ и в/ч 26382 в объеме, достаточном для снаряжения, сборки, эксплуатации, проведения полевых испытаний.

Срок ИИИ квартал 1990 г

6.2. Изготовление 44 шт макетов, в том числе

макетов черт. 243.5.586.0870-2 - 32 шт

макетов черт. 242.5.585.820-02 - 8 шт

макетов черт. 243.5.585.820-12 - 4 шт

Поставка баллонов всех типов макетов

в адрес ВФ ГСНИИОХТ, поставка комплектующих элементов и корпусов макетов в адрес в/ч 26382.

Срок ИВ квартал 1990 г.

6.3. Участие в полевых испытаниях в соответствии с Программой.

Срок 1 квартал 1991 г - 11 квартал 1992 г.

6.4. Изготовление 241 шт макетов, в том числе

макетов черт. 243.5.586.087-02 - 101 шт

макетов черт. 243.5.586.087-12 - 82 шт

макетов черт. 243.5.585.820-02 - 42 шт

макетов черт. 243.5.585.820-12 - 16 шт

Поставка баллонов всех типов макетов

в адрес ВФ ГСНИИОХТ, поставка комплектующих элементов и корпусов макетов в адрес в/ч 26382

Срок май 1991 г

6.5. Обобщение результатов работ. Представление ГСНИИОХТ отчета по итогам составной части ОКР.

Срок сентябрь 1991 г

6.6. Приемка составной части ОКР

Срок октябрь 1992 г

2187 сс/хф

-5-

7. ТРЕБОВАНИЯ К РАЗРАБОТКЕ ДОКУМЕНТАЦИИ

7.1 В ходе выполнения работы в адрес ГСНИИОХТ, ВФ ГСНИИОХТ, в/ч 26382 на все типы макетов и комплектующих элементов должна быть представлена техническая документация в объеме, достаточном для снаряжения макетов в заводских условиях, сборки и проведения полевых испытаний макетов в полевых условиях:

протоколы испытаний и заключение о работоспособности макетов - в адрес ГСНИИОХТ.

чертежи на макеты - в адреса ГСНИИОХТ, ВФ ГСНИИОХТ, в/ч 26382.

техническое описание макетов с инструкцией по сборке и эксплуатации - в адреса ГСНИИОХТ, ВФ ГСНИИОХТ, в/ч 26382.

7.2 Отчет по итогам работы должен быть выпущен в четырех экземплярах в соответствии с требованиями ГОСТ В15.110-81

и содержать:

конструктивные схемы макетов.

основные параметры макетов.

результаты испытаний работоспособности макетов.

8. ПОРЯДОК ПРИЕМКИ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОКР

8.1. Рассмотрение и приемка составной части ОКР осуществляется в соответствии с требованиями ГОСТ В15.204-79.

9. ТРЕБОВАНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ ТАЙНЫ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОКР

9.1. Требования по обеспечению режима секретности

9.1.1. Целью и задачей по обеспечению режима секретности

является скрытие от противника и посторонних лиц, в том числе и от работающих на предприятии, факт проведения, целей и задач работы.

9.1.2. Обеспечение режима секретности осуществляется в соответствии с Инструкцией 0126-87. Положением по проблеме «Фолиант», другими нормативными документами.

9.1.3. Защище специальными организационно-режимными средствами подлежат следующие сведения:

2187 сс/хф

факт проведения составной части ОКР по системам компонентов, в том числе и на конкретном предприятии.

цель и задачи составной части ОКР

состав системы компонентов.

сведения о веществах.

результаты испытаний.

9.1.4. Допуск к настоящему ТЗ должен быть строго ограничен осуществляться в соответствии с действующей на предприятии разрешительной системой (по разрешительным спискам).

9.1.5. Степень секретности конкретных сведений:

тема в целом - сов.секретно, серия «Ф».

факт проведения ОКР по системам компонентов,

в том числе на конкретном предприятии -

сов.секретно, серия «Ф».

истинное наименование веществ «А-232»,

«А-208» - сов.секретно, серия «Ф».

истинное наименование вещества «А-255» -

сов.секретно, серия «Ф».

факт ведения работ с веществами «А-232», «А-208» и «А-255»

их физико-химические и токсикологические характеристики -

сов.секретно, серия «Ф».

неснаряженные макеты, баллоны - несекретно.

образцы имитаторов для оценки работоспособности макетов -

несекретно.

макет в снаряжении имитатором после проведения опытов

на полигонах промышленности и МО - несекретно.

Степень секретности остальных сведений и материалов

определяется в соответствии с действующими перечнями.

9.1.6. Работа по теме проводится под легендой «Отработка макетов боеприпасов дымового действия».

9.2. Требования по ПД ИТР.

9.2.1. Требования по ПД ИТР на этапах изготовления, оценки работоспособности в имитационном снаряжении и поставки макетов не предъявляются.

9.2.2. Настоящая ОКР государственной регистрации не подлежит.

Начальник лаборатории Н.П.Федоров

Старший научный сотрудник А.А.Савкин

Научный сотрудник Н.Н.Андреев

Визы(подписи)

Мосякин	Мирзаянов
23.4.90	19.04.90 20.04.90 г

Видимо, не помог в попытке доказать моё прямое участие в работах по теме разработки бинарного оружия и повторный допрос моего бывшего заместителя В.Соколова. Поэтому следователь вынужден оформлять протокол его допроса так, как будто его интересовала информированность Мирзаянова в токсических свойствах веществ. Это было просто смешно, поскольку у следователя и так было более чем достаточно информации о том, что я знал свойства всех новых и старых ОВ. Но чекист не был бы чекистом, если бы не держал любого читающего этот документ за дурака...

Экспертная комиссия : Мирзаянов писал правду и поэтому виновен

На следующий допрос я был вызван 12 апреля 1993 года. Здесь меня и моего адвоката ожидал сюрприз в виде результатов экспертной комиссии и перечней секретов. В этот день я не был готов изменить свою тактику поведения на допросах, о чем свидетельствует следующий отрывок из протокола допроса, который подписать я также отказался. Однако по совету моего адвоката А.Асниса я затем изменил свое решение, поскольку мы всё же частично добились своей цели. Во-

первых, экспертная комиссия оказалась расколотой в своем решении и там уважаемые и авторитетные специалисты генерал Смирницкий и полковник Н.И.Чугунов не согласились с "мнением" остальных членов, которое полностью совпало с решением технической комиссии ГСНИИОХТ. Во-вторых, следствие впервые, наконец, предоставило для ознакомления все перечни секретов, которых мы так долго добивались. Правда, затем следователь Шкарин, в нарушение всех норм УПК, не включит эти материалы в моё дело и я не смогу из-за этого их переписать и придать огласке. Но всё же я успею сделать необходимые выписки относительно сути государственной тайны в области научно-исследовательских разработок вооружений. Поэтому на следующем допросе, состоявшемся 14 апреля 1993 года, я работал вовсю, читал внимательно и выписывал интересные для меня моменты. Здесь же я, по совету адвоката, сделал ходатайство о направлении запроса по разъяснению терминов, использованных в перечнях для трактовки ХО. Напомню, что во всех перечнях сведений, составляющих государственную тайну, не содержится ни слова о ХО, о его разработке и испытании. Вместо этого эксперты и следствие применяли общие термины, такие, например, как "боеприпасы", взятые из этих перечней. В точности так же обстояло дело и с понятием "целевой программы" по разработке вооружений, сведения из которой я якобы разгласил. По этим причинам я настаивал на своих доводах на допросе 15 апреля 1993 года. В частности, на трафаретный вопрос следователя, что я "имею пояснить относительно материалов, с которыми был ознакомлен", я заявил:

– Ознакомившись с предъявленными мне заключениями и перечнями сведений, составляющих государственную тайну, я заявляю ходатайство о необходимости уточнения вопроса о том, направлены ли все представленные мне перечни и, в частности, пункты, на которые ссылаются эксперты в своем заключении, на защиту информации о научных исследованиях в области разработки химического оружия в нашей стране, так как в текстах перечней терминов "химические вооружения", "химическое оружие" или "химические боевые отравляющие вещества" не содержатся. В перечне Минхимпрома упоминаются лишь термины "модельные ОВ вероятного противника", "объекты уничтожения химического оружия" и "средства химической защиты". Кроме этого, я прошу допросить эксперта Чугунова Н.И. по вопросу о том, что, с точки зрения предъявляемых требований, подпадает под понятие "целевая программа научных исследований", и можно ли говорить о том, что я разгласил достигнутые результаты какой-либо конкретной программы научных исследований. Я также прошу допросить экспертов, подписавших общее заключение о соответствии их выводов точной формулировке пункта 56 Временного перечня сведений, составляющих государственную тайну. Считаю необходимым заявить, что перечень Минхимпрома с 1 января 1993 года утратил свою силу, поскольку в соответствии с пунктом 1 данного перечня он основан на утратившем с 1 января 1993 года Перечне сведений, составляющих государственную тайну, 1980 года.

Следует отметить, что с 1 января в России был введен новый перечень сведений, составляющих государственную тайну, практически повторяющий старый и поэтому там также отсутствуют какие-либо указания относительно ХО.

Вот некоторые отрывки из решения экспертной комиссии, которая вымучивало своё "мнение", используя пункты перечней секретов, которые даже отдалённо не относятся к моему делу.

Совершенно
секретно
экз.№ 1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

г.Москва

"16" марта 1993 г

Комиссия экспертов в составе председателя – начальника отдела Государственного института технологии органического синтеза Кармишина Юрия Михайловича, членов комиссии: кандидата химических наук, заместителя директора по науке Государственного института технологии органического синтеза Бальченко Рима Кузьмича, главного специалиста акционерного общества "Тяжоргсинтез" Кочеткова Анатолия Михайловича, ведущего специалиста акционерного общества "Тяжоргсинтез" Габова Игоря Михайловича, кандидата химических наук, начальника лаборатории Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) Кузнецова Бориса Алексеевича, кандидата физико-математических наук, бывшего старшего научного сотрудника ГРНИИОХТ Космынина Бориса Петровича, кандидата технических наук, военного инженера – химика начальника управления в/ч 61469 полковника Климентьева Юрия Алексеевича, заместителя командира в/ч 61469 по режиму секретности и специальной связи подполковника Печененко Николая Григорьевича, инженера-химика, руководителя представительства Министерства обороны РФ в Комитете промышленной политики Смирницкого Вадима Васильевича, кандидата технических наук, инженера-химика, полковника запаса Чугунова Николая Иосифовича и начальника отдела в/ч 52688 полковника Кордюкова Аркадия Егоровича на основании постановления от 11 января 1993 года старшего следователя Следственного управления МБ РФ капитана юстиции Шкарина В.А. произвели экспертизу по определению достоверности и степени секретности сведений по уголовному делу № 62 и в соответствии со статьей 191 УПК РСФСР составила настоящее заключение. В распоряжение экспертов были представлены следующие материалы в световоскопиях:

Далее перечисляются мои рукописи и опубликованные статьи. Но добавлены:
– статья "Бинарная бомба взорвалась", опубликованная в журнале "Новое время" №44 за октябрь 1992 года;

– статья "Мы вели химическую войну на собственной территории", опубликованной в газете "Независимая газета" № 210 от 30 октября 1992 года.

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

а) какие конкретно сведения об исследованиях и мероприятиях в области разработки химического вооружения раскрыты Мирзаяновым в публикациях и интервью;

б) соответствуют ли по объёму и характеру сведения о разработках химического оружия, содержащихся: (перечисляются мои рукописи и статьи – В.М.).

в) соответствуют ли действительности сведения об исследованиях и мероприятиях в области разработки химического вооружения, приведенные Мирзаяновым в статьях, интервью и рукописных материалах? В утвердительном случае, какова степень секретности этих сведений? Составляют ли они государственную или служебную тайну?

г) наступили ли в результате действий Мирзаянова какие-либо негативные последствия? Если да, то какие конкретно?

.....

КОМИССИЕЙ УСТАНОВЛЕНО:

1. В текстах исследуемых документов содержатся сведения о создании в нашей стране нового отравляющего вещества Указанные сведения соответствуют действительности (подчеркнуто мной – В.М.). В ГСНИИОХТ (в настоящее время ГРНИИОХТ) на самом деле синтезировано, изучено и испытано новое химическое соединение, значительно превосходящее VX (отравляющее вещество, состоящее на вооружении армии США) по комплексу боевых характеристик, в том числе по затруднительности лечения. По имеющимся данным, на вооружении армий стран, располагающих химическим оружием, аналогов вышеупомянутого вещества не имеется (подчеркнуто мной – В.М.)

Эти сведения в 1992 году и в настоящее время ... являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

2. В текстах исследуемых документов содержатся сведения о направленности и результатах целевой программы в области создания химического оружия... Указанные сведения соответствуют действительности. В ГСНИИОХТ разработаны опытные образцы бинарного оружия на основе нового ОВ, которые успешно прошли полигонные испытания. По имеющимся данным, иностранные державы ранее указанными сведениями не располагали. (Подчёркнуто мною – В.М.) .

В приведенной информации (п.п.2.1 – 2.6) изложены сведения о направленности и результатах перспективных, проводимых в интересах обороны страны прикладных научно-исследовательских работ по созданию бинарного оружия.

Эти сведения в 1992 году и в настоящее время ...являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

3. Комиссия не располагает сведениями (документами) о наступлении в настоящее время в результате действий Мирзаянова каких-либо негативных последствий.

В Ы В О Д Ы:

В результате проведенных экспертных исследований комиссия пришла к следующим выводам:

В приведенных в исследовательской части данного заключения выдержках из рукописных материалов, публикаций и интервью содержатся сведения о:

1. Новейшем достижении в области науки и техники (результаты научных исследований в интересах обороны страны), позволяющем повысить возможности существующего вооружения (боеприпасов) .

Эти сведения в 1992 году и в настоящее время ...являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

2. Направленности и результатах перспективных, проводимых в интересах обороны страны прикладных научно-исследовательских работ по созданию бинарного оружия.

Эти сведения в 1992 году и в настоящее время ...являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

Далее следуют подписи экспертов.

Такое заключение для меня не было неожиданностью, поскольку, как я уже писал, большинство членов экспертной комиссии состояло из представителей военно-химического комплекса. Эти люди действовали скорее, исходя из своих служебных обязанностей, чем из чувства гражданского долга. Доказательством этому служит отказ экспертов генерала В.В.Смирницкого и полковника Н.И.Чугунова подписать данное заключение. Каждый из них написал свое собственное заключение, в которых они отрицали факт разглашения мной государственной тайны. Смысл их заключений сводится к фразе: "Если указанные сведения соответствуют действительности, то государственную или служебную тайну они составлять не могут, так как в них не содержатся конкретные данные о структуре нового отравляющего вещества, и их разглашение вследствие этого не может оказать отрицательного воздействия на качественное состояние военно-экономического потенциала страны или повлечь другие тяжкие последствия для обороноспособности, государственной безопасности страны или нанести серьезный ущерб политическим интересам государства или причинить иной ущерб государственным интересам". (Из заключения Н.Чугунова) .

Генерал В.Смирницкий в своих выводах подчеркнул, что

а) сведения о новом синтезированном отравляющем веществе не раскрывают :

- его наименование (условное или химическое) ;
- физико-химические свойства, являющиеся неременной характеристикой любого синтезированного продукта;
- наименование и количественные соотношения компонентов бинарной системы, без чего понятие "Бинарная бомба" теряет смысл;
- данные, для каких типов боеприпасов предназначено новое ОВ;
- информацию, принято ли на вооружение новое ОВ или нет.

В.Шкарин попытался умалить значение заключений этих уважаемых ветеранов химических войск, устроив дополнительные допросы по "выяснению" их и без того

очевидных позиций. Но они не изменили своего решения, что явилось, конечно, большим ударом для тщательно состряпанного "заключения" следственного управления. Кроме уже приведенных выше ляпсусов с произвольной трактовкой терминов в перечнях секретов, где не содержалось даже самого словосочетания «химическое оружие», авторы заключения, говоря о целевой программе проведения научных исследований, попросту позабыли, что кто-то может поинтересоваться этой "целевой программой". Мы написали ходатайство приобщить ее к моему делу и показать, какое именно место из этой программы было мной разглашено. Я был уверен, что такой "целевой программы" по разработке ХО не было и нет. Меня моя интуиция не подвела. Хотя Шкарин, как обычно, не удовлетворил наше ходатайство, уже потом, при чтении дела я убедился, что я был абсолютно прав. Об этом свидетельствует переписка следственного управления с ГСНИИОХТ.

Совершенно секретно

Экз. № 2

Директору Государственного российского
НИИ органической химии и технологии
Петрунину В.А.

22.04.93 6/001580

.....

111024г. Москва, шоссе
Энтузиастов, 23

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении Мирзаянова Вила Султановича, разгласившего в 1992 году в средствах массовой информации сведения о результатах проводившихся в ГРНИИОХТ научных исследований по созданию новых отравляющих веществ и разработке на его основе бинарного оружия.

В связи с изложенным просим Вас сообщить, проводились ли исследования по созданию отравляющего вещества "А-232" в рамках какой-либо конкретной целевой программы, если да, то являются ли получение нового ОВ и создание на его основе бинарной системы результатами научных исследований, проводившихся в рамках этой программы. Проводятся ли данные исследования в настоящее время, если прекращены, то когда и на основании какого нормативного акта?

Просим также проверить, имеет ли указанная программа научных исследований и опытно-конструкторских работ по упомянутому выше отравляющему веществу ГОСТ и в утвердительном случае сообщить его нам.

Начальник отдела управления

А.А.Шабунин

Ответ, как и следовало ожидать, был просто потрясающий. Мифической целевой программы, к несчастью заказчиков моего дела, не было. Мне и многим ученым ГСНИИОХТ известно, что любая программа, тем более целевая, не "задается" постановлениями свыше. Она должна составляться исполнителем, то есть самим ГСНИИОХТ. Но там слышать не слышали о какой-либо целевой программе, поскольку этот термин явно был предназначен для каких-то других исследований, но никак не для химических.

Вот поэтому ответ ГСНИИОХТ так беспомощен. Впрочем, судите сами.

Совершенно секретно
Экз. № 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ
И ТЕХНОЛОГИИ

Начальнику отдела
Следственного управления Министерства
Безопасности Российской Федерации
Шабунину А.А.

На № 6/001580 от 22.04.1993 г.

На Ваш запрос сообщаем, что исследования по созданию отравляющего вещества "А-232" проводились в рамках целевой программы (где номер, дата составления и утверждения? Кто составил, с кем согласовано и кем утверждено? - В.М.), заданной Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31.01.83 г № 103-43 и объявленной Приказом Министерства химической промышленности СССР № 131-27 от 25.03.83 г.

Исследования по созданию на основе вещества "А-232" бинарной системы осуществлялись в рамках целевой программы (опять: где номер документа и другие данные? - В.М.), заданной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 06.10.89 г №844-186 и объявленным приказом Министерства химической промышленности СССР № 22-2 от 09.11.89 г.

Получение и всестороннее обследование нового ОВ и создание на его основе бинарной ситемы явились результатами научных исследований, проводившихся в рамках указанной программы.

В настоящее время данные исследования завершены. Вообще все НИОКР по разработке химического оружия (работы по проблеме "Фолиант") прекращены с 01.01.93 г. на основании Постановления Российской Федерации то 24.07.92 г № 518-33, объявленного Приказом Министерства промышленности Российской Федерации № Д/12-11 от 18.09.92 г. Этим же приказом всем участникам упомянутых работ предписывалось принять меры к защите государственных секретов проблемы "Фолиант".

Указанные выше целевые прогаммы включают в себя, как правило, несколько научно-исследовательских (НИР) и опытно-конструкторских (ОКР) работ. На каждую отдельную работу из числа включенных в программу, Министерством обороны разрабатывается тактико-техническое задание, составляемое в соответствии с ГОСТ В 15.101-79 для НИР или с ГОСТ В 15.201-83 для ОКР.

зам.Директора

Н.А.Кузнецов

357 с 2 экз.
Бл.406, л.19-21
Мартынов
27.04.93
Аймалетдинова

Чекист Мартынов пытался по договоренности с чекистом Шкарином создать видимость существования некой целевой программы, не приводя никаких ее исходных данных. Не смешно ли, когда он приводит все эти данные для постановлений ЦК и Совета Министров, министерства химической промышленности, а вот для "целевой программы" таковых нет, поскольку не было ее до сих пор и нет теперь. Итак, получается совсем не густо. Целевой программы нет и поэтому отсутствовал и соответствующий ГОСТ (Государственный стандарт). В постановлениях и приказах такая программа никак не может быть задана, ибо само слово "программа" означает четко определенные шаги процесса разработки оружия.

Зато имеются тактико-технические задания, на которые есть и ГОСТы, но это, конечно, совсем не то, в чем нуждается капитан В.Шкарин. Получалось совсем как в известном анекдоте.

На одном из необитаемых островов жило племя во главе с их всесильным вождем. Когда на острове кончилась всякая еда, вождь собрал своих соплеменников. Он сообщил им, что имеются у него два известия, которые он должен им доложить. Первое, неприятное, заключается в том, что на острове более нет никакой еды. Второе, приятное известие, заключается в том, что на острове имеется целая гора дерьма...

К тому времени Шкарин знал точно: поскольку я не был включен в списки допущенных лиц по теме бинарного оружия, то и не мог быть знаком с "заданиями", на которые ссылался с подачи зам.директора по режиму майора КГБ А.Мартынова его коллега Н.Кузнецов. Естественно, по этой же причине я не мог быть знаком с результатами этих работ, оформленными в виде официальных отчетов.

Несколько утешил следователя ответ на его запрос в Генеральный штаб. Считаю своим долгом отметить, что как запрос, так и ответ являются в высшей степени провокационными. Составители нового перечня секретов и его толкователи полагали, что разработка химического оружия будет продолжаться и впредь. Несмотря на то, что к сентябрю 1992 года, когда был составлен новый перечень и в нем отсутствовал термин "химическое оружие", международная конвенция по запрету разработки ХО была уже парафирована и одним из основных участников этого договора была Россия. Но участники переписки надеялись на секретность и были уверены, что их тайна никогда не станет достоянием гласности.

Секретно

экз. № 2

Начальнику Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской
Федерации генерал-полковнику

22.04.93 6/01584 Колесникову М.П.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении Мирзаянова В.С., разгласившего в средствах массовой информации сведения о научных исследованиях в области химического оружия. В связи с возникшей необходимостью просим сообщить :

1. Направлен ли Временный перечень сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный постановлением правительства Российской Федерации от 18 сентября 1993 года № 733-55, как в целом, так и пункт 56 данного перечня, в частности, на защиту информации о научных исследованиях в области разработки химического оружия в нашей стране. Охватывает ли понятие "боеприпасы", указанные в подпункте "в" пункта 1 Перечня, боеприпасы, снаряженные химическими боевыми отравляющими веществами.
2. Направлен ли перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 3 декабря 1980 г № 1121-387, как в целом, так и абзац 2 пункта 83 и пункт 85 в частности, на защиту информации о научных исследованиях в области разработки химического оружия в нашей стране. Охватывает ли понятие "боеприпасы", указанные в абзаце 1 пункта 2 названного Перечня, боеприпасы, снаряженные химическими боевыми отравляющими веществами.

Начальник Управления
генерал-майор

С.Д.Балашов

Ответ Генерального штаба не оставляет сомнений насчет истинных намерений авторов составителей нового перечня секретов.

Герб РСФСР

Секретно
экз. № 1ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОСЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Начальнику Следственного Управления
Министерства Безопасности
Российской Федерации
генерал-майору
Балашову С.Д."12" мая 1993 г
№ 317/5/0 397
на № 6/01584

Ваше письмо в отношении пояснения пунктов Перечней сведений, составляющих государственную тайну, рассмотрено. Пункт 56 Временного перечня сведений, составляющих государственную тайну, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации 18 сентября 1992 года № 733-55 предусматривает определение степени секретности сведений о целевых программах, научно-исследовательских решениях или достигнутых результатах научных исследований и опытно-конструкторских работ в интересах обороны и безопасности страны, в том числе и разработки вооружения. Понятие "боеприпасы" включает в себя различные виды боеприпасов, в том числе снаряженные химическими боевыми отравляющими веществами. Кроме этого на защиту информации о научных исследованиях, в том числе о качественно новом уровне возможностей вооружения и военной техники, направлены пункты 54, 55, 61 и 63 указанного Временного перечня. При определении степени секретности сведений в области научных исследований, в том числе по разработке вооружения, к Перечню главнейших сведений, составляющих государственную тайну, утвержденному постановлением Совета Министров СССР 3 декабря 1980 года № 1121-387 и, в частности, к абзацу 2 пункта 83, пункту 85 данного Перечня, представлялось целесообразным применять пояснения изложенные выше. Для более подробного толкования терминов и понятий, изложенных в Перечне главнейших сведений, составляющих государственную тайну 1980 года необходимо обратиться к его разработчикам (МБ РФ).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
полковник Г.Фуныгин

Правительство России спешит на помощь КГБ

По-видимому, для проведения закрытого судебного процесса юридических "доказательств" моей виновности, с точки зрения следствия было предостаточно. Но, с другой стороны, все перечни секретов не имели даже косвенного упоминания о разработке ХО, и это невозможно было более игнорировать. Генерал С.Балашов и его подчиненные понимали, что в случае повторения моих действий другим специалистом, они фактически не имеют юридической базы для проведения законных расследований. Поэтому генерал-чекист Демин инициировал срочное принятие поправки к существующему Временному перечню секретов...

Совет Министров- Правительство
Российской ФедерацииСовершенно
секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от "30" марта 1993 г № 256-16

г.Москва

О внесении изменений и дополнений во Временный перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Совет Министров – Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Внести во Временный перечень сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 18 сентября 1992 г № 733 – 55, следующие изменения и дополнения :

а) подпункт "а" пункта 1 изложить в следующей редакции:

"а) ядерных боеприпасов, ракет стратегического назначения, пусковых установок для них, космических аппаратов военного назначения, ракет-носителей для них, средств противоракетной, противокосмической обороны, оружия на новых физических или иных принципах или специальных средств защиты от него, вооружения с ядерными энергетическими установками, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, боевых глубоководных технических средств, стратегической авиации, а также основных комплектующих изделий к нему – в целом по Российской Федерации, республик в её составе, министерству, ведомству, особорежимному или особоважному предприятию"; – Особой важности

б) раздел IX "Разные сведения" дополнить пунктом 122 следующего содержания :

"122. Сведения, раскрывающие содержание ранее осуществлявшихся работ в области химического или биологического оружия либо существо этих работ, достигнутые при этом результаты, а также сведения по рецептурам, технологии производства или снаряжению изделий". – Совершенно секретно

Министерству обороны Российской Федерации довести в установленном порядке до министерств и ведомств Российской Федерации, органов исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы, Санкт-Петербурга указанные изменения и дополнения.

2. Руководителям министерств и ведомств Российской Федерации учесть дополнения и изменения, предусмотренные настоящим постановлением, при разработке ведомственных временных перечней сведений, подлежащих засекречиванию.

Министерству обороны Российской Федерации и министерству безопасности Российской Федерации оказать необходимую помощь в этой работе.

Председатель Совета Министров –
Правительства Российской Федерации
В.Черномырдин

Это был уже совсем другой разговор. Всё-таки настоящий документ, где впервые в истории России юридически признается сам факт разработки химического оружия, наконец, издан. Без преувеличения могу сказать, появился он благодаря мне.

Не исключено, что после этого постановления мои коллеги-специалисты по ХО, наконец, получили возможность обращаться в правительственные инстанции для повышения их пенсий до уровня работников, занятых на работах с особо опасными и вредными условиями труда. Однако, они не знают о существовании этого документа. Еще по этой причине я разглашаю этот документ. Разумеется, составленный КГБ документ был направлен не на упомянутые благие цели, а на обвинение меня задним

числом, создавая юридическую базу для доказательства моей вины. На это сразу обратили внимания все правозащитные организации США после того, как я в числе прочих выписок из моего дела переправил и это "Постановление" моему другу Гейл Колби.

"Эксперты" В.Кузнецов, А.Кочетков и другие начали вовсю оперировать этим постановлением во время их дополнительных допросов в следственном управлении. И тогда не осталось никаких сомнений о том, как и зачем появился этот поспешно принятый правительственный документ.

У следствия не было чёткого юридического обоснования моего обвинения и оно пыталось компенсировать этот пробел наличием якобы большого ущерба, причиненного государственным интересам моими публикациями. Дело в том, что в перечне главнейших сведений, составляющих государственную тайну, содержалось определение секретности. Здесь секретными считаются сведения, утеря которых связано с нанесением ущерба обороноспособности, государственным, военным, политическим и иным интересам страны. По этой причине следствие обратилось к ряду ведомств с соответствующими запросами.

Секретно

Экз. № 2

6 /01341/5.04.93

Начальнику Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-полковнику Колесникову М.П.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется дело по обвинению бывшего сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) Мирзаянова Вила Султановича в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР.

В ходе расследования установлено, что Мирзаянов в 1992 г разгласил в средствах массовой информации составляющие государственную тайну сведения о создании в ГРНИИОХТ по заказу Министерства обороны нового отравляющего вещества и разработке на его основе бинарной системы. На основании изложенного прошу сообщить, располагает ли Генеральный штаб ВС РФ данными о наступлении каких-либо негативных последствий для обороноспособности России в результате указанных действий Мирзаянова.

Начальник управления
генерал- майор

С.Д.Балашов

Ответ военных не оставлял даже тени сомнений в их отношении к моим акциям.

Секретно

Экз. № 1

Генштаб
Вооруженных сил
Российской Федерации

Начальнику следственного управления
Министерства безопасности Российской
Федерации генерал-майору С.Д.Балашову

29 апреля 1993 года
№ 312/10/053

На исх. № 6 01341 от 5.4.93 г

Ваше обращение с просьбой предоставить данные о наступлении каких-либо негативных последствий для обороноспособности России в результате разглашения В.Мирзаяновым сведений, составляющих государственную тайну, Министерством обороны рассмотрено.

В публикациях и интервью В.Мирзаянова раскрыта информация о результатах наших исследований и разработок в области химического оружия, которые в настоящее время не запрещены ни одним из действующих международных соглашений. Кроме того, в публикациях В.Мирзаянова изложена информация в такой степени подробности, которая не предусмотрена ни многосторонней Конвенцией о запрещении химического оружия, ни двусторонними соглашениями в области химического оружия между Россией и США. После вступления в силу указанных выше международных соглашений каждое государство-участник обязано будет сообщить только "местонахождение, характер и общую сферу деятельности" объектов по разработке. Таким образом, ни одна из других стран, которые вели (и пока, в отсутствие международных запретов, продолжают вести) разработку новых видов химического оружия не будут объявлять каких-либо подробных данных о результатах своих исследований и разработок в этой области, в том числе наименований конкретных веществ и их свойств по результатам проведенных испытаний.

В.Мирзаяновым раньше положенного времени опубликована информация об объектах по разработке химического оружия и характере их деятельности (в других странах это до настоящего времени хранится в секрете и решается вопрос, какие объекты "преимущественно" занимались разработкой и должны быть объявлены после вступления конвенции в силу), а также раскрыта информация в той степени подробности, которая не предусмотрена объявлениями по конвенции – сравнительные характеристики токсических и боевых свойств разрабатывавшихся образцов, места их разработки, наработки опытных партий и испытаний, *условные наименования этих новых веществ и программы разработок в целом.* (курсив мой – В.М.). Опубликованные сведения вызвали негативную реакцию США в ходе двусторонних переговоров по запрещению химического оружия в Женеве. Это подтверждается обвинениями американской делегации в адрес России в том, что она на первом этапе Вайомингского меморандума по химическому оружию не представила информацию о якобы разработанных, произведенных и накопленных в значительном количестве отравляющих веществ (ОВ), указанных в публикациях В.Мирзаянова, хотя в запасах таких ОВ нет. На этих же переговорах американской стороной (со ссылкой на указанные публикации В.Мирзаянова) предприняты действия по внесению дополнительных обязательств, направленных на одностороннее раскрытие Россией результатов своих исследований и разработок в области химического оружия. Кроме того, указанные публикации создали предпосылки для того, чтобы подобные требования были выдвинуты к России в рамках многосторонней Конвенции, в то время как другие страны, сохраняющие подобную информацию в секрете, объявят после вступления конвенции в силу только самые общие данные в отношении характера их деятельности по разработке химоружия. Данными публикациями России нанесен реальный политический ущерб, подорван её авторитет на международной арене. Создано ложное впечатление о якобы несоблюдении Россией существующих обязательств в области запрещения химического оружия. Таким образом публикациями В.Мирзаянова в настоящее время нанесен военный ущерб путем одностороннего раскрытия информации о результатах наших исследований и разработок в области химического оружия в той степени подробности, которая не предусмотрена для других стран в рамках будущих объявлений после вступления в силу Конвенции о запрещении химического оружия и других международных соглашений в этой области. Кроме того, созданы предпосылки для предъявления требований к России со стороны других стран по объявлению ею в одностороннем порядке, после вступления в силу Конвенции, ещё более подробной информации о полных наименованиях и детальных свойствах разрабатывавшихся образцов, что может быть использовано государствами

"третьего мира" в своих целях, а это будет способствовать распространению химического оружия.

Начальник Генерального штаба
генерал-полковник

М. Колесников

Это документ стал красноречивым свидетельством того, как своеобразно понимает наше военное руководство Конвенцию по запрещению химического оружия. Может, мне непонятен генеральский стиль изложения целей Конвенции – я думал даже так! Но тем не менее меня не покидала мысль: наши военные уверены, что запрет разработки химического оружия не подлежит контролю. Не только для них, но и, как они выражаются, других стран, которые занимались этой самой разработкой. Не знаю, кто как считает, но я думаю, что это более чем тревожно. Однако, меня несколько успокаивает мысль, что я в значительной степени помешал осуществиться такому извращению ещё не ратифицированной и не вступившей в силу Конвенции. Попытка Колесникова осуществить свой генеральский вклад в существо моего обвинения оказалась не столь плодотворна, как саморазоблачения относительно истолкования Конвенции.

Следствие спрашивает генерала, не нанес ли В.Мирзаянов ущерб обороноспособности России, забота о чем и есть первейшая обязанность начальника Генерального штаба. Но генерал в ответ толкует о политике и каком-то странном "военном ущербе", при этом не расшифровывая из чего именно он состоит. Воистину, ему толкуют про Фому, а он в ответ все про Ерёму... Конечно не от хорошей жизни приходится прикидываться несмышлёнышем, но что поделаешь, если тебя жжёт огонь ненависти к еретику в лице проклятого татарина, и хочется непременно подкинуть в костёр кэзэбешной инквизиции свою персональную хворостинку... Генерал откровенно лжет, когда обвиняет меня, что я разгласил «...условные наименования этих новых веществ и программ разработок в целом.» Я постарался привести в моей книге все тексты всех моих статей для того, чтобы читатель сам смог судить о том, что я писал. Он легко может убедиться в том, что там нет и в помине никаких «условных наименований» и тем более «программ разработок в целом». Да, в книге в дальнейшем можно найти все эти вещи и больше. Однако, они появились после того, как следователь КГБ капитан Шкарин включил их в мое уголовное дело. Я, как обвиняемый, имел полное законное право на их переписку и их использование для своей защиты, как гласит уголовно-процессуальный кодекс.

Не отставал от генерала Колесникова и министр В.Иванов, отвечающий за химическую промышленность, следовательно, и за разработку ХО. Только вот следственное управление Министерства безопасности продемонстрировало полное неуважение к чиновнику, отправив ему копию своего письма в Генеральный штаб, дабы не мелочиться и не тратить попусту чернила...Чтобы всякий сверчок знал свой шесток.

Секретно
Экз. № 2

Председателю комитета по химической
и нефтехимической промышленности РФ
Иванову В.П.

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело по обвинению бывшего сотрудника Государственного русского научно-исследовательского института органического синтеза и технологии (ГРНИИОХТ) Мирзаянова Вила Султановича в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР. В ходе расследования установлено, что Мирзаянов в 1992 г разгласил в средствах массовой информации составляющие государственную тайну сведения о создании в ГРНИИОХТ по заказу Министерства обороны нового отравляющего вещества и разработке на его основе бинарной системы.

На основании вышеизложенного прошу сообщить располагает ли Генеральный штаб ВС РФ о наступлении каких-либо негативных последствий для обороноспособности России (подчеркнуто мной - В.М.) в результате указанных действий Мирзаянова.

Начальник управления
генерал- майор

С.Д.Балашов

Не думаю, что ляпсус КГБ не заметили чиновники в Комитете по химической и нефтехимической промышленности. Разумеется, заметили. Но "вежливость" здешней публики была такова, что, как говорят, плюнешь ему в морду, а он целоваться лезет...

Секретно
экз. № 1

Комитет Российской
Федерации по химической
и нефтехимической промыш-
ленности
10185
Центр, ул.Мясницкая, 20

Начальнику следственного
управления Министерства
безопасности Российской
Федерации С.Д.Балашову

От 13.04.93 № 629 с на 6/01342 от 05.04.93

По оценке специалистов Комитета публикациями Мирзаянова В.С. в средствах массовой информации химической и нефтехимической промышленности наряду с разглашением совершенно секретной информации, нанесен также моральный и экономический ущерб. Это выражается в том, что частью мировой и российской общественности ставится под сомнение факт прекращения производства химического оружия в России, объявленного правительством страны в 1987 г. В связи с дезинформацией населения регионов страны, где размещены объекты, ранее производившие химическое оружие, вокруг указанных предприятий создается напряженная обстановка, приведшая, в частности, к отклонению предложения о размещении объекта уничтожения химического оружия на базе Чебоксарского ПО "Химпром". В результате этого поставлены под угрозу срыва выполнение международных договоренностей России об уничтожении запасов химического оружия, а также произойдет резкое удорожание программы уничтожения химического оружия в связи с невозможностью использования для этих целей ЧПО "Химпром".
Что касается оценки негативных последствий для обороноспособности России, этот вопрос находится за пределами компетенции Росхимнефтепрома. (подчеркнуто мной - В.М.)

Председатель

В.П.Иванов

По стилю ответа узнаю его автора – члена экспертной комиссии по моему делу, главного специалиста ПО "Оргсинтез" А.Кочеткова. Он возвеличивает меня необыкновенно и я благодарен ему за такую честь. Действительно, если мои публикации приостановили безумную идею уничтожить ХО на Чебоксарском химическом комбинате, расположенном вблизи густонаселенного района города, то мне только из-за одного этого стоило начать все мои публикации. Согласно независимым медицинским исследованиям, в результате действия производства вещества "33" здоровью населения был нанесен непоправимый ущерб. По числу тяжелых генетических недугов среди новорожденных этот район держит печальное первое место в Чувашии. Огромное количество аномалий наблюдалась и у взрослого населения. ...Следственное управление КГБ писало всем, кому только могло. Направили запрос даже в министерство иностранных дел.

Секретно
Экз.№ 2

Заместителю министра
иностраннх дел
Российской Федерации
Берденникову Г.В.

6/01343/ 5.04.93

Следственным управлением Министерства безопасности Российской Федерации расследуется уголовное дело по обвинению бывшего сотрудника Государственного российского научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) Мирзаянова Вила Султановича в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР. В ходе следствия установлено, что Мирзаянов в 1992 году разгласил в средствах массовой информации составляющие государственную тайну сведения о создании в ГРНИИОХТ нового отравляющего вещества и разработке на его основе бинарной системы. На основании изложенного прошу сообщить располагает ли МИД России данными о наступлении каких-либо негативных последствий для политических или иных интересов Российской Федерации в результате указанных действий Мирзаянова.

Начальник управления

С.Д.Балашов

Ответ МИД ставит всё на своё место, точно указав адрес зачинщика дела Мирзаянова, начавшего весь этот скандал и привлекшего внимание мировой общественности на опасные действия ВХК России.

Секретно.Экз.№ 1

Министерство
иностраннх дел
Российской Федерации
121200 ,г.Москва Г-200
Смоленско-Сенная площадь
дом 32/34 Телефон 244-16-06
11.05.93 № 61/дрк

Начальнику следственного управления
Министерства безопасности РФ
С.Д.Балашову

На 6/01343 от 5.04.93

В связи с Вашим запросом по делу В.С.Мирзаянова МИД РФ может сообщить следующее. В настоящее время не представляется возможным определить, что же получило больший резонанс в стране и за рубежом – публикации В.С.Мирзаянова или факт возбуждения против него уголовного дела по обвинению в раскрытии государственной

тайны, так как именно последнее было воспринято как подтверждение информации, содержащейся в этих публикациях.

МИД РФ не располагает сведениями о том, насколько опубликованная информация соответствует действительному положению дел и какова степень ущерба интересам нашей безопасности вследствие раскрытия данных о разработке бинарного химоружия. Можно, тем не менее, констатировать, что кампания в российских и зарубежных СМИ, развернувшаяся в связи с делом В.С.Мирзаянова, послужила основанием для выражения со стороны США соответствующих озабоченностей в наш адрес и запросов о предоставлении информации для разъяснения ситуации. Имело место также обращение по этому вопросу Национальной академии наук США лично к Президенту РФ. Однако серьезных осложнений в наших отношениях с США и другими странами пока не наблюдалось. В ходе российско-американской встречи на высшем уровне в Ванкувере был отмечен прогресс, достигнутый на двусторонних переговорах между Россией и США о запрещении химоружия.

С уважением
заместитель министра

Г.Берденников

Верхом высокомерного отношения КГБ к иностранным журналистам был вызов Уильяма Энглунда на допрос в Лефортово. Утешением журналисту разве-что может послужить личное знакомство с этим зловещим заведением, где нашли печальный конец тысячи жертв большевистского террора.

Дополнительно были допрошены также мои бывшие сотрудники В.Б.Форов и Е.Рискаль. Они ничего полезного для следствия не сообщили, да и не могли сообщить. Скорее это была попытка собрать на меня хоть какой-то компромат, чтобы впоследствии создать негативное впечатление обо мне, как о личности, у моих будущих судей. В этом отношении преуспел мой бывший начальник А.Береснев. Да и он больше напирал на то, что я очень много знал и поэтому мог разглашать.

13 мая 1993 года я был вызван на последний допрос, на котором присутствовал старший прокурор Управления генеральной прокуратуры Буйолов.

Здесь меня и моего адвоката следователь познакомил с постановлением о снятии с меня обвинения в "части разглашения сведений о системе организации перспективных прикладных научно-исследовательских работ, проводимых в интересах обороны страны, и о связи по кооперации конкретных разработчиков и изготовителей химического оружия...".

Видимо, этот пункт был, даже с точки зрения следствия, слишком уж нелепым во времена, когда и без моего участия на страницах различных газет информации на эти темы было предостаточно. Однако все обвинения, которые я изложил выше и которые, как и следовало ожидать, услужливо проштамповала экспертная комиссия, остались в силе. Они были оформлены в виде нового обвинения. Допрос же, последовавший после того, как меня ознакомили с этим новым обвинением, по-видимому, имел в большей степени формальное значение. Что, однако, не мешало следователю гнуть свою линию и ставить ставшие уже трафаретными вопросы, как то:

Вопрос (из протокола допроса от 13 мая 1993 года - В.М.): Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: **Нет, виновным в предъявленном обвинении я себя не признаю полностью.** (выделено и подчеркнуто мною - В.М.)

Вопрос: Какие пояснения Вы можете дать по предъявленному обвинению ?

Ответ: Предъявленное мне сегодня обвинение полностью является копией прежнего и я его квалифицирую, как политическую провокацию, которую исполняют Генеральная прокуратура, Министерство безопасности России в целях дискредитации демократических преобразований в нашей стране. Это есть попытка в моем лице запугать демократически настроенных ученых. Предъявленное обвинение является преступным по отношению к стране, заключившей конвенцию о запрещении химического

оружия. Это есть попытка подорвать доверие всего мирового сообщества к внешней политике России. Считаю, что формула обвинения ни по форме, ни по существу не соответствует действующему на данный момент Временному перечню сведений, составляющих государственную тайну, что дискредитирует данное уголовное дело. Никаких пояснений по предъявленному обвинению я давать не буду.

Следователь в этот день решил оформить ещё один протокол допроса, выполняя какой-то свой план. Его интересовало моё отношение к ответу Генерального штаба. В частности, то как я отношусь к утверждению, что термин "боеприпасы" охватывает и химическое оружие. Задавал он вопрос также и относительно моего мнения о дополнительных разъяснениях "экспертов" Габова и Кочеткова. Вот мой ответ на эти вопросы.

"С представленными протоколами допросов экспертов и письмом я ознакомился и заявляю, что по существу эксперты не ответили на поставленный мною вопрос, поскольку ни один из них не сослался на конкретную целевую программу, результаты выполнения которой, якобы, я разгласил. Пусть каждый из них предъявит мне конкретную программу и укажет на полную идентичность содержащихся в моей статье утверждений с формулировкой результатов упомянутой программы. Тогда буду считать работу экспертов добросовестной. В противном случае вынужден считать заключение экспертов тенденциозным и недобросовестным. На основании этого прошу провести дополнительную экспертизу. Ответ заместителя начальника 8 Управления Генштаба Г.Фуныгина считаю некомпетентным и дискредитирующим политику нашей страны после заключения Конвенции о запрещении химического оружия. Ибо этот ответ означает, что новый перечень, принятый 1 января 1993 года, предусматривает охрану секретов в области разработки и испытания химического оружия.

На основании этого прошу запросить правительство Российской Федерации, которое издало дополнение к упомянутому Перечню, с целью защиты секретных сведений в области химического оружия № 256 – 16 от 30 марта 1993 года, дать ответ на возбужденное мною ранее ходатайство о том, какие пункты всех трёх перечней защищают разработку и испытание химического оружия.

Конечно же, следствие отклонило и это ходатайство, поскольку и так было очевидно, что издание упомянутого дополнения правительства яснее ясного подтверждало отсутствие в упомянутых перечнях чего-либо конкретного насчет химического оружия. Поэтому полностью отсутствовала элементарная юридическая база для обвинения. Это, разумеется, не было бедой одного капитана Шкарина. Это было плодом ханжеской политики правящей верхушки СССР, которая даже в самых наисекретнейших перечнях не хотела признаваться в ведении разработки и производства ХО.

Впрочем, я не думал и не думаю, что все это не понимало следствие. Разумеется, понимало. Но для них важно было формально оформить обвинение, а черновую работу должны были выполнить судьи, прошедшие в своей жизни многократные проверки на надежность различными райкомами и горкомами КПСС. Они всегда знали свое дело и, в подавляющем большинстве своем верно служили и служат делу ленинской партии, если даже она формально уже не существует и не контролирует их работу. Но убеждения многих из них остаются такими прочными, что судебная реформа в России реально вряд ли является перспективой обозреваемого будущего.

Забегая немного вперед хотел бы объяснить подчеркивание в выдержке из протокола допроса, где в ответ на вопрос следователя, я ответил, что не признаю себя виновным. Точно так я ответил и на допросе 30 октября 1992 г. Однако, когда я прибыл в США и через несколько лет обнаружил переводы этих протоколов на английский, выполненные Андреем Арнольдом по заказу моего друга Гейл Колби, меня как будто ударило электрическим током. Там мой ответ на вопрос следователя в обоих протоколах был переведен как «Признаю себя виновным частично». Такой перевод был использован для освещения моего дела в средствах массовой информации США. Выводы может делать сам читатель. Однако для меня факт, что кое-какие люди в США были более чем не довольны дерзким татаринном, налицо.

Глава 16

Реванш коммунистов

Мне предстояло день за днём знакомиться с моим делом и постараться выписать оттуда всё, что могло быть использовано для разоблачения методов работы чекистов. Кроме того, в деле накопилось достаточно материала для того, чтобы понять планы верхушки ВХК относительно выполнения Конвенции по запрету ХО. Я верил, что придет день и я смогу все это выставить для всеобщего ознакомления. Конечно, у меня не было никакой уверенности в том, что предстоящий суд не отправит меня на долгие годы в тюрьму. Однако, это для меня было уже не так важно на фоне того, что я получал возможность опубликовать секреты ВХК и КГБ. Поэтому я полностью сосредоточился на нудном выписывании этих длинных материалов с шифром "Секретно" и "Совершенно секретно" прямо на глазах следователя Шкарина. Он был бессилён и ему ничего не оставалось кроме как смириться с моей дерзостью. Впрочем, я не совсем был уверен в том, что КГБ может простить мой поступок. Тем не менее, я решился, а это уже означало, что я выполняю свое решение во что бы то не стало. После долгого и утомительного переписывания дела в следственном управлении я отправлялся к себе домой, на квартиру в жилом массиве "Ивановское". В то лето моя семья находилась в селе Барановское под Москвой. До глубокой ночи я перепечатывал на машинке переписанные из дела листы. Я был совершенно один и абсолютно доступен для тех, кто намеревался бы меня убить. Как не странно, страх меня совершенно покинул, и я относился к любому развороту событий спокойно. На всякий случай, я старался хорошо припрятать напечатанные тексты и по мере возможности отправлял их по факсу московской организации Гринпис в Принстон (США), моему другу Гейлу Колби. В тот момент положение в России было весьма напряженным. Вовсю шла борьба между сторонниками демократии и коммунистами, подставными фигурами которых тогда выступали председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов и вице-президент А.Руцкой. Последний был бывшим летчиком, получившим звание героя в Афганистане за подвиги, которые состояли в том, что он был сбит три раза и столько же раз попадал в плен. Каждый раз Руцкого меняли на оружие, которым затем моджахеды уничтожали наших солдат. Этот герой ещё в самом начале своей политической карьеры, когда он выставил свою кандидатуру на Съезд народных депутатов СССР, успел продемонстрировать неприкрытое презрение к народу. На митинге около одного из кинотеатров Москвы, когда настала его черед говорить, он бросил реплику своим приближенным: "Теперь я немного скажу этому быдлу!" Руцкой не заметил, что микрофон оказался включённым и все люди прекрасно слышали, как оценивал их этот авантюрист. В результате, "борец" за счастье народа с треском провалился на выборах. К сожалению, люди затем поверили (это случилось уже не в Москве, а в родных краях, где его мать бойко торговала пивом), что "афганец" стал реформатором и избрали его депутатом на свою голову. Руцкой сумел "объегорить" не только своих друзей депутатов-коммунистов, но даже добродушного Б.Ельцина, став после выборов 1991 года вице-президентом России. И вот к весне 1992 года коммунисты решили, что настал их час и решительно пошли в наступление против сторонников демократии и рыночных реформ в России. Когда я слушал бессвязные истерические выпады усатого летчика против реформ, меня не покидала мысль, что теперь и в России появился свой "бесноватый". Ежедневные показы по телевидению другого демагога, специалиста по марксизму, Р.Хасбулатова, неестественный блеск глаз которого выдавали в нем любителя наркотиков, вызывали отвращение и великую тревогу. Я видел, что для этого человека не существует никаких моральных барьеров и он может, глядя в телекамеру, уверять, что является более русским, нежели любой другой русский, да вот ему немного мешает то, что по паспорту чеченец. Он так и напрашивался на оскорбительный для любого нерусского гражданина России комплимент: "Да, что Вы, Руслан Иванович! Вы совершенно не похожи на нацмена". К сожалению, все большевики, как и фашисты, на одно лицо – они "интернациональны".

После речей оголтелых "коммуняк" на душе становилось тяжело – я отчетливо видел, что они готовят новую гражданскую войну. В такое время мне было как-то неудобно отвлекать людей на решение моих проблем. Да, невольно моё дело сыграло против сторонников Б.Ельцина, поскольку многие видели в нем не происки КГБ, а просчеты современных реформаторов. Честно говоря, если уж я не связывал свою дальнейшую судьбу с благоразумием тогдашней власти, то приход к ней коммунистов тем более не сулил мне ничего хорошего. Если при Ельцине ещё теплилась надежда, что под давлением мировой общественности, государственных деятелей демократических стран, власти в России могут прислушаться к здравому смыслу и уступить, то возвращение большевиков недвусмысленно означало для меня перспективу долголетней отсидки в тюрьме. По мере своих возможностей я старался помочь демократическим силам выстоять в этой жестокой борьбе, подчеркивая в своих многочисленных интервью и статьях, опубликованных в то время в Москве, Башкортостане и Татарстане, что борьба против химического оружия может быть успешной только при условии развития демократии в нашей стране.

Весной 1993 года должен был состояться референдум по вопросу доверия населения курсу демократических и экономических реформ. В это время широкий размах приобрело движение различных экологических организаций в Удмуртии, Чувашии и Саратовской области против планируемого варварского уничтожения запасов ХО, находящихся на территории этих регионов. Местное население было сильно встревожено такой перспективой и видело в этом нежелание тогдашних властей считаться с интересами рядовых людей. Политика конвенционального комитета при Президенте России по проблемам биологического и химического оружия была провокационной и играла на руку коммунистам. В этих условиях было бы чрезвычайно полезно со всех точек зрения с треском снять одиозного генерала Кунцевича с поста председателя этого комитета. Тогда бы население вышеназванных регионов могло бы склониться к голосованию в пользу политики Президента, поскольку в таком жесте видело бы предзнаменование безопасного уничтожения запасов ХО. Эту мысль я высказал лидерам демократов в Верховном Совете России С.Юшенкову и В.Меньшикову.

К сожалению, эти деятели не сумели или не захотели действовать решительно. Так же закончилась и моя инициатива по возобновлению воскресных татарских концертов из Казани, транслируемых на коротких волнах. Дело в том, что в 1989 году правительство СССР решило использовать многочисленные станции по глушению иностранных "голосов", которые остались без дела с наступлением эры гласности, для развития культурных связей между народами. Так были начаты регулярные трансляции концертов татарской музыки по выходным дням. Татарская диаспора, проживающая в Москве, наконец, получила возможность приобщиться к родной музыке. Но то было время, когда руководство СССР было заинтересовано в улаживании дел на переговорах по заключению договора с Татарстаном, справедливо требующим таких же прав для себя, которые в то время имели так называемые союзные республики.

С распадом СССР и превращением России в суверенное государство, дела по предоставлению Татарстану самостоятельно решать свои дела и иметь реальную государственность вроде бы пошли ещё лучше. А вот что случилось потом, когда Татарстан решился провести у себя референдум по вопросу о суверенитете, я уже писал. Тогда демократы всех мастей, коммунисты и национал-шовинисты выступили единым лагерем против этой "дерзости" татар. Шельмованию моего народа на страницах печати, по радио и телевидению не было предела. В апреле 1993 года, после долгих раздумий я позвонил секретарю М.Полторанина, который тогда возглавлял комитет по радио и телевидению. Я кратко объяснил цель своего предполагаемого визита и просил уделить мне 10 минут для изложения моих планов. Мой план заключался в том, чтобы известные татарские демократически настроенные ученые, общественные деятели и писатели выступили бы по радио и телевидению с призывом голосовать на предстоящем референдуме за политику Б.Ельцина. А для этого необходимо было проявить жест доброй воли: в знак готовности к сотрудничеству возобновить прерванные передачи татарских концертов по выходным дням. Секретарь М.Полторанина ответил, что шеф очень занят и мне следует

позвонить по этому поводу к его заместителю С.Юшенкову. Тот согласился на встречу и в назначенное время я пришел. Ранее я уже имел краткую встречу с Юшенковым для изложения моей позиции по отношению к ХО и поэтому мне не было нужды рассказывать о себе. Я кратко изложил мою идею по решению вопроса об уничтожении запасов химического оружия. С моей точки зрения, Президент должен был сделать специальное заявление по этому поводу. Идея вызвала интерес у С.Юшенкова и он обещал немедленно о ней поговорить с руководителем аппарата Президента С.Филатовым. С.Юшенков также взялся помочь реализовать идею передач на татарском языке и сразу же позвонил нескольким руководителям редакций на телевидении и радио. Насколько я понял, те пообещали помочь и просили меня звонить. Однако в России без прямого приказа положительный результат любого дела труднодостижим...

Жалею, что не был настойчив и не попросил С.Юшенкова применить именно эту форму. В результате получился лишь так называемый "футбол", когда тебя с твоей инициативой начинают пасовать, как мяч, а ты только успеваешь отскакивать. Но я решил попытаться сделать хотя бы минимум и звонил без конца по данным мне С.Юшенковым телефонам, хозяева которых без конца находились или "в отъезде", или "на совещании". В конце концов, мое терпение кончилось. К счастью, моя идея насчет заявления Президента России по химическому оружию, как мне сообщил на другой же день Юшенков, получила одобрение С.Филатова. Для реализации идеи я должен был встретиться с советником Президента по экологии А.Яблоковым. С ним я встречался ещё в январе 1993 года в его огромном кабинете, находящемся на третьем этаже кремлёвского дворца, громадные окна которого выходили на площадь собора Ивана Великого, где выставлена не произведшая ни одного выстрела царь-пушка.

Узнав о причине моего звонка, академик согласился переговорить со мной немедленно. На другой же день я встретился с ним и изложил мой проект заявления Президента России по уничтожению запасов химического оружия. Алексей Владимирович согласился с моей идеей и дал ряд советов для дальнейшего развития моего проекта. Днем следующего дня я принёс А.Яблокову переработанный вариант заявления Президента. Через три дня А.Яблоков позвонил мне домой и сказал, что ему удалось создать компромиссный вариант Заявления и получить визы всех соответствующих служб, включая комитет по конвенциональным проблемам, и что Президент вот-вот должен его подписать.

После подписания Заявления 21 апреля 1993 года (за пять дней до референдума) А.Яблоков ещё раз позвонил мне и я, приехав к нему в Кремль, получил копии этого Заявления. Вот его текст, который и по настоящее время имеет фундаментальное значение при решении проблем, связанных с уничтожением запасов ХО в России.

С О О Б Щ Е Н И Е

ПРЕСС-СЛУЖБЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Распространяем текст заявления Президента Российской Федерации
Б.Н.Ельцина по проблеме химического оружия.

Заявление Президента Российской Федерации по проблеме уничтожения химического оружия

В последние месяцы общественность ряда регионов встревожена проблемой уничтожения химического оружия.

За предыдущие десятилетия в России произведено и накоплено десятки тысяч тонн боевых отравляющих веществ. Изменился мир, изменилось положение России в мире, мы не собираемся ни на кого нападать. Пришло время избавляться от химического

оружия – прошлого, которое досталось нам в наследство. Это не только мнение России, но и общее мнение ста тридцати восьми стран, подписавших в этом году в Париже Конвенцию по запрещению химического оружия.

Мы должны начать уничтожение химического оружия, исходя из требований не только международной, но и национальной безопасности: так как снаряды и емкости постепенно приходят в негодность и бесконечно хранить его нельзя. Это оружие производилось на протяжении многих лет на нескольких заводах. Процесс уничтожения будет сложным и его осуществление потребует немало времени. Но начинать надо. В настоящее время готовится Государственная программа по уничтожению химического оружия. Она будет основываться на следующих принципах :

1. Безусловное обеспечение безопасности для жизни и здоровья населения, а также для состояния окружающей природной среды;
2. Безусловное выполнение всех требований по социальной защите населения, проживающего в зоне влияния предприятий по уничтожению химического оружия;
3. Применение новейших технологий, позволяющих свести к минимуму риск и получить в результате уничтожения, в тех случаях, когда это возможно дорогостоящие химические вещества.
4. Сведения к минимуму объема перевозок отравляющих веществ по территории России.

Работы по уничтожению химического оружия будут начаты только после положительного заключения государственной экологической экспертизы по Программе в целом и по каждому объекту. В такой экспертизе обязательно примут участие не только ученые и специалисты, но и представители общественных и, в том числе, экологических организаций, как общероссийских, так и региональных.

Я обращаюсь к органам исполнительной власти Удмуртии, Чувашии, Саратовской области с просьбой активно подключиться к разработке этой Программы, определению приоритетов и условий подготовки и проведению работ по уничтожению химического оружия. Такое участие поможет превратить этот неизбежный для России шаг в мощный рычаг социально-экономического развития значительных территорий страны, при строгом обеспечении гарантий безопасности населения. Значительная часть средств по указанной программе будет направлена на решение региональных проблем охраны здоровья населения, охраны материнства и детства, строительства жилья, объектов соцкультбыта, дорог и другой инфраструктуры.

Горы теперь бесполезного и опасного химического оружия – тяжелое наследие нашего прошлого. От него Россия должна избавиться в интересах собственной безопасности, в интересах безопасности всего мира.

Б.Ельцин

20 апреля 1993 г

Зимой 1993 года А.Яблоков подал в отставку с поста советника Президента по экологии и его служба, куда теперь входил и В.Меньшиков, стала структурным звеном в Совете Безопасности при Президенте России.

В апреле 1993 года Гейл Колби сообщила, что мне присуждена премия фонда Кавалло за проявление отваги в деле защиты интересов человека и его безопасности.

Вручение этой премии должно было состояться в начале июня 1993 года. Разумеется, я был чрезвычайно рад этой награде и тому, что совершенно незнакомые мне люди думают обо мне и заботятся. Что и говорить, сумма в три тысячи долларов для моей семьи в то время означало в буквальном смысле спасение, поскольку практически я не имел тогда никакого заработка и моя семья жила на помощь, предоставляемую норвежской благотворительной организацией. Мне самому нечего было и думать о поездке за океан для получения награды. Поэтому скоро пришло приглашение на имя моей супруги Нурии, которая должна была ехать вместо меня в США и получить награду.

Несмотря на все наши усилия, приложенные к оформлению заграничного паспорта, его

так и не удалось получить ко времени, чтобы успеть приехать в США на церемонию вручения награды.

Летом 1993 года произошло ещё одно событие, оставившее во мне неизгладимое впечатление. В конце мая позвонил известный журналист, бывший депутат Съезда народных представителей СССР А.Емельяненко и сообщил, что в Москву приезжает известный американский правозащитник Дэн Эллсберг и он хотел бы встретиться со мной. Разумеется, я без колебаний согласился на встречу.

Мы встретились вечером 1 июня 1993 г. в небольшой гостинице, расположенной на Арбате. Легендарный американец оказался на удивление скромным и живым человеком. Слегка согбенный, подобно всем обладателям большого роста, и худощавый, с густыми седыми волосами и голубыми глазами, он производил впечатление университетского профессора по точным наукам и трудно было представить, что такой человек мог проявить образец гражданского героизма. Но такое впечатление исчезало, как только он начинал говорить. А после того, как он начал спрашивать, я уже невольно приходил к заключению, что за такими простыми чертами внешности скрывается громадная воля и интеллект, которые сразу вовлекают собеседника в русло темы разговора. Однако, при этом он абсолютно не обнаруживал каких-либо черт одержимости, напоминающих склонность к фанатизму. Мы проговорили несколько часов и я почувствовал, что в лице Дэна имею собеседника, который полностью понимает меня и разделяет мои взгляды.

Встреча оказала на меня благотворное влияние в то время, когда меня впереди ждала полная неизвестность насчет исхода моего дела. Мне стало как-то легко и свободно. Если мой собеседник не побоялся стоять лицом к лицу с угрозой быть запертым в тюрьму на 99 лет и действовал во имя блага людей, то какие-то 5 лет, на которые меня могли посадить, казались мелочью.

Мы еще раз встретились с Дэном на пресс-конференции с участием российских и иностранных корреспондентов, где ответили на многочисленные вопросы.

К сожалению, я располагаю лишь несколькими сообщениями об этой пресс-конференции.

В одной из них корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс Венди Слоун в статье "Эллсберг поддерживает российского химика" (The Moscow Tribune, June 2, 1993) написал, что Дэниел Эллсберг предупредил общественность о том, что приговор по делу Мирзаянова может стать опасным прецедентом. Кратко изложив суть моего дела, далее журналист цитирует Д.Эллсберга:

"Когда я прочитал, что д-р Мирзаянов предпочитает находиться в тюрьме, чем участвовать в обмане российской общественности, то почувствовал, что хочу его поддержать". В статье "Эллсберг обнимает российского химика, который раскрыл сведения о секретном нервно-паралитическом ОВ" (The Baltimore Sun) У.Энглунд поместил отчет о пресс-конференции и рассказал о нашей встрече. При этом он написал о своих интересных наблюдениях. "Два человека, которые встретились в понедельник вечером, представляли собой некоторый контраст по отношению друг к другу. Седовласый доктор Эллсберг, которому теперь 62, был полон уверенности человека, который успешно противостоял ярости администрации Никсона и затем пошел строить карьеру в качестве антиядерного активиста.

Доктор Мирзаянов, 57 лет, был твердым, но спокойным. Его плечи слегка свисли. Он был выброшен со своей работы и месяцами подвергался расследованию для суда, который еще ему предстоит. Однако он выглядел боевитым и нераскаившимся". Далее Энглунд излагает состояние расследования по моему делу и напоминает о том, что правительство России даже издало специальное постановление с тем, чтобы осудить меня. По словам журналиста, Д.Эллсберг сказал: "Счастье и честь для России иметь гражданина, подобного доктору Мирзаянову". Думаю, что это более чем преувеличение. Однако, при этом не скрою, что мне чрезвычайно приятна такая оценка столь великого человека как Дэн Эллсберг.

Справа налево: Р. Сагдиев и Д. Эллесберг. Вашингтон, февраль 1995 г.

Тем временем Лев Федоров получил паспорт и съездил в США на церемонию награждения меня премией Фонда Кавалло. Хотя я уже был знаком с протоколами его допроса и добровольной сдачи чекистам моих рукописей, решил не демонстрировать моё презрение к нему. Я подумал: пусть себе ездит и эксплуатирует моё дело. Как знать, может быть, со временем его замучает совесть... Увы, я был слишком наивен.

22 мая 1993 года я встретился с помощником Президента по внешнеполитическим вопросам Д.Рюриковым. Встреча должна была состояться ещё накануне, однако из-за неожиданного вызова Рюрикова к Президенту, я не смог дожидаться его возвращения, поскольку спешил на встречу с активистами Гринпис Уильямом Крейгом и Сибиа Хоакинс.

Рюриков прямо и откровенно объяснил цель своей встречи со мной. Он собирался ехать в США и там ему могли быть заданы вопросы, касающиеся моего дела. Вот он и решил получить информацию с первых рук.

Я изложил помощнику Президента мою позицию по вопросам химического оружия, подчеркнув неблагоприятную роль верхушки ВХК и конвенционального комитета во главе с А.Кунцевичем, которые обманым путем заставили подписать Президента нечестное постановление правительства от сентября 1992 года относительно лицензирования прекурсоров ХО. Д.Б.Рюриков слушал меня, задавал вопросы и не пытался вступать со мной в какую-либо дискуссию. Мы беседовали около 40 минут, и в конце беседы я попросил помощника Президента помочь с получением паспорта для Нурии. Помощник Президента обещал содействие и затем всячески старался помочь. Однако то ли царившая в то время неразбериха в ОВИР (орган, ведающий выдачей иностранных паспортов), то ли нежелание чиновников помочь известному "смутьяну", не дали результатов. Так я лишний раз убедился, что не всё в России поддается управлению.

Лето пролетело без особых событий. На выходные дни я ездил к моим детям в Барановское, а остальные дни сидел в следственном управлении и переписывал мое уже пятитомное дело. Ночами перепечатывал и отсылал эти материалы в США Гейл Колби. После ознакомления с протоколами допроса и обыска Л.Федорова она была чрезвычайно встревожена, поскольку, с её точки зрения, мой соавтор мог действовать в последующем против меня. Я полагал, что Федоров не решится на такое, поскольку для него это означало бы окончательное падение в глазах всей общественности. Не знаю, каким образом и какое давление было оказано на моего соавтора, но в конце августа он решил написать заявление на имя следственного управления с отказом от своих показаний.

В начале сентября 1993 года в Москву приехала координатор международного движения по моей защите Гейл Колби. Полнеющая женщина средних лет с вьющимися каштановыми волосами и с большими карими глазами на красивом овальном лице, произвела на меня сильное впечатление своей энергией и американской деловитостью. Было немного непривычно, что она была одета уж слишком просто – это никак не вязалось с моим представлением об американских женщинах. Выяснилось, что она неплохо знала русский, однако стесняясь своего произношения и постоянно возникающих затруднений с бесконечными согласованиями чисел, родов, падежей и т.п. Мы зашли в кафе на старом Арбате и долго беседовали о моем деле и всевозможных вариантах его развития. Гейл опять выразила свою озабоченность поведением Федорова и его возможным негативным поведением на предстоящем судебном процессе. Я поспешил успокоить её, поскольку был уверен, что мой соавтор уже исчерпал свой потенциал и ему не было смысла действовать открыто против меня. А для суда, с моей точки зрения, нужны будут открытые показания. Кроме того, Гейл привезла подборку статей о моем деле и повторное приглашение на имя Нурии посетить США для получения премии фонда Кавалло. В конце сентября Нурия отправилась в США и на обратном пути должна была остановиться на несколько дней в Германии по приглашению организации "Ученые за глобальную ответственность". Руководители этой организации О.Мейснер и Р.Браун к тому времени организовали кампанию по моей защите и начали оказывать некоторую материальную помощь моей семье.

...К концу сентября политическая обстановка обострилась до предела. Коммунистическая оппозиция перешла к привычным для неё методам массовых беспорядков и откровенно стала организовывать параллельные властные структуры. А.Руцкой и Р.Хасбулатов, заседавшие в здании парламента, стали создавать вооруженные отряды по примеру большевиков 1917 года. Один из организаторов моего дела шеф КГБ Баранников стал "министром внутренних дел" и организовал отряды боевиков из преступных элементов. Наконец, в начале октября, когда А.Руцкой провозгласил себя "президентом" России и откровенно призывал "громить" власть, Ельцин, наконец, решил принять решительные меры против мятежников. В это время я с двумя детьми сидел в своей квартире и все происходящее наблюдал по телевизору. Не стану рассказывать известные всему миру сцены расстрела "Белого дома" и пленения бунтовщиков, которые наблюдали миллионы телезрителей благодаря мужественным операторам американской телекомпании CNN.

Я остро переживал за судьбу демократии в нашей стране и был бесконечно рад поражению преступных авантюристов. Но мне, как и миллионам другим, не могло придти даже в голову, что не пройдет и года, как эти же люди опять начнут свою антинародную деятельность, пользуясь гуманностью нынешнего режима. А в конце концов тот же Руцкой стал даже губернатором...

Впрочем, я не испытывал никакой радости, когда преступников направили в печально знаменитую Лефортовскую тюрьму. Скоро я увидел своими глазами (в это время продолжал знакомиться с "делом"), какие строгие меры были предприняты в следственном управлении для усиления охраны. Около часового, который проверял документы вызванных в следственное управление лиц, сидели двое военных, вооруженных ручными пулемётами. Было общеизвестно, что в следственном управлении не хватало следователей для ведения дел по мятежу. Я спросил капитана Шкарина, не ведет ли он параллельно с моим еще и дело мятежников. Он ответил, что нет.

В скором времени телевидение стало широко освещать ведение дела мятежников. Оказалось, что в противоположность обычным заключенным, этим господам были сделаны сильные поблажки. Им немедленно был разрешен доступ их адвокатов. Они стали получать свежие газеты и продуктовые передачи и многое другое. Все это резко контрастировало с суровым режимом по отношению к обычным обитателям Лефортова, например, ко мне и моим сокамерникам. Просидев там 11 дней, я так и не увидел своего адвоката. Более того, он даже не был допущен к моему делу. Но теперь здесь можно было наблюдать совершенно иную картину. Так, когда один из неистовых депутатов только намеревался(?) объявить по поводу своего

ареста голодовку, то об этом уже знала вся страна. По телевизору показывали, как его жена со слезами на глазах артистически расписывала ухудшение состояния здоровья своего мужа-мятежника. А уж про усатого генерала-летчика газеты писали не иначе, как про узника, который-де вот-вот может умереть от отчаяния и тоски. Как мне рассказывал один из моих хорошо информированных знакомых, у многих из этих "бывших" приступ психопатологии был вызван простым отсутствием водки в рационе их питания: настолько они к ней привыкли во время усердного "служения" народу России с обильными пьяными кутежами в Белом доме. Уверен, что и это "лишение" было временной мерой, поскольку арестанты и тюремщики на этот раз были, как говорят, одного поля ягоды и не могли допустить, чтобы их друзья так тяжело "страдали". Я ещё остановлюсь на этой теме при описании моего повторного заключения в тюрьме "Матросская тишина", одно только упоминание о которой у многих россиян вызывает дрожь – настолько она славится свои бесчеловечными режимом. Интуитивно я чувствовал, что, несмотря на все протесты и письма, мое дело будет двигаться без изменений, поскольку старая система правосудия и следствия в России и сейчас практически представляют собой государство в государстве. Была надежда на то, что вынесенная на референдум проект новой Конституции России устранил всякую почву под моим делом. Статья 15 пункт 3 здесь прямо провозглашала "Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения". Это был прямо-таки гимн во славу свободного человека. Мне казалось, что оставалось лишь немного подождать и после принятия новой Конституции Генеральная прокуратура вынуждена будет признать мое дело прекращенным за отсутствием состава преступления. К тому были и другие предпосылки. Во-первых, Закон о государственной тайне, принятый в последние дни своего существования Верховным Советом России, требовал, чтобы все перечни сведений, составляющих государственную тайну, были утверждены Президентом России. Закон также отменял многочисленные ведомственные перечни. Во-вторых, после разгона Верховного Совета Генеральный прокурор России В.Степанков, ставший к тому времени пешкой в руках главарей октябрьского путча, наконец, был смещен со своего поста. На его место был назначен А.Казанник, известный своими демократическими взглядами и честностью. Он в 1989 году без колебания отдал свое место в бывшем Верховном Совете СССР лидеру оппозиции, будущему Президенту России Б.Ельцину. В душе я был уверен, что о моём деле, конечно же, известно А.Казаннику и он сам лично отменит его, как только обвинительное заключение поступит в Генеральную прокуратуру. Разумеется, как учёный, привыкший оперировать фактами, я понимал, что стопроцентной вероятности такого исхода нет. Но всё же казалось, что иной исход моего дела был бы неестественен с учетом сложившейся к тому времени политической обстановки.

Меня тогда сильно беспокоил текст конвенции по запрещению химического оружия и возможности её обхода. Признаюсь, я сильно нервничал по этому поводу и мне казалось, что если мое дело приобрело известность в связи с нарушением основных прав человека, то существо моих публичных выступлений не получило адекватного отклика. Я подумывал о таком варианте своего очередного выступления в печати с тем, чтобы попытаться ещё раз обратить внимание специалистов на Западе на проблему ХО. Теперь знаю, как я был наивен.

Глава 17

КГБ готовит закрытый суд

После ноябрьских праздников я вновь был вызван в следственное управление. Здесь мне предстояло подписать заявление о том, что ознакомлен с делом в полном объеме. Уходя из управления, я распрощался со следователем Шкариным (к тому времени ему присвоили звание майора), впервые подав ему руку. Я даже сказал ему,

что он не самый плохой следователь, поскольку мне не пришлось услышать от него никаких оскорбительных слов и попыток провоцировать меня на какие-либо безответственные действия. Майор выглядел довольным, а я пытался представить его разочарованный вид, когда Генеральный прокурор не подпишет под его работой и с треском её отменит.

Когда в конце ноября 1993 года мне позвонил А.Аснис и сказал, чтобы я с ним пошел в управление Генеральной прокуратуры на Кузнецком мосту, то я подумал, что пришел долгожданный конец моих мытарств. Я был уверен, что нас вызывают, не иначе как для вручения постановления о прекращении моего дела. Мы встретились у метро "Кузнецкий мост" и быстро дошли до Генеральной прокуратуры. Я заметил, что вид у моего адвоката был отнюдь не торжествующий. Но он всегда был серьезным, и его лицо редко выражало какие-либо эмоции. Зайдя в вестибюль красивого здания, А.Аснис позвонил по внутреннему телефону. Скоро из верхнего этажа спустился прокурор Буйолов. Мы поздоровились и он вручил мне многостраничный текст обвинительного заключения. Тут до меня дошло, что мое дело никто не прекращал и маховик машины КГБ, запущенной еще самим Лениным, непреклонно продолжает вращаться. Однако у меня не было времени на дальнейшие размышления, поскольку В.Буйолов настоятельно повторял свою просьбу расписаться в получении документа. Сделал я это машинально, поскольку, не скрою, был буквально шокирован происшедшим. На улице я быстро пришел в себя и уже внимательно слушал моего адвоката, который рассказывал сценарий предстоящих событий. Моё дело будет направлено для слушания на закрытом заседании в Верховный суд России и суд, по-видимому не начнется ранее чем в предстоящем году. Суд будет состоять из судьи и двух заседателей или из трех независимых судей, в зависимости от того, на каком варианте мы остановимся. Я был потрясен услышанным. "Как, в наше время, когда закрытые суды отменены, они опять возвращаются к прошлому?" – вопрошал я. Аснис мне объяснил, что, действительно, закрытые суды отменены, но остались закрытые слушания дела. Разница лишь в том, что первое заседание и последнее, когда будут оглашать приговор, могут быть открытыми. Я здесь сказал адвокату, что в таком деле участвовать не буду. Он мне объяснил, что в таком случае буду арестован и суд будет таким же закрытым. Внимательное изучение обвинительного заключения привело меня к выводу, что суд должен быть простой формальностью, поскольку ему был заготовлен готовый штамп в виде перечней государственных секретов и заключения так называемой экспертизы. Роль суда заключалась лишь в том, чтобы определить срок заключения, исходя из статьи 75 Уголовного кодекса.

Скоро я получил копию письма Верховного суда в Генеральную прокуратуру, из которого следовало, что моё дело должно рассматриваться в Московском городском суде. 6 декабря 1993 года А.Аснис сообщил, что он встретился с судьей Николаем Сазоновым, который будет рассматривать мое дело. Он произвёл на Асниса неплохое впечатление. Судья сообщил адвокату, что он пока сильно занят, но несмотря на это, намерен ознакомиться с делом до Нового года, после чего и назначит дату начала суда. Я подумал: вот она накатанная дорожка, по которой катится мое дело, и попробуй-ка остановить его. Ведь все, кто мог бы это сделать, будут ссылаться на букву закона и посоветуют недовольным бороться за изменение законодательства, а не сетовать на исполнителей. Я был уверен, что сам должен предпринять что-то экстраординарное, чтобы попытаться уйти с этой дорожки, где меня непременно должен был раздавить наезжающий на меня танк советского правосудия. Вести, поступающие из США, говорили о том, что мое дело начинает беспокоить многих влиятельных общественных и государственных деятелей этой страны. Об этом свидетельствовало, в частности, письмо известного сенатора от штата Нью-Джерси Билла Брэдли к Полномочному послу и специальному советнику по вопросам новых независимых государств Стробиу Тэлботту. В письме говорится:

"Дорогой Стробиу!

Я пишу по поводу дела Вила Мирзаянова, российского химика, обвиненного в разглашении государственных секретов за раскрытие существования российского секретного производства химического оружия. Я озабочен сообщениями, что доктор

Мирзаянов, в нарушение статьи 66 российского уголовного кодекса, обвиняется в соответствии с неопубликованным перечнем государственных секретов, принятым после публикации статей доктора Мирзаянова в "Московских новостях". Я также озабочен тем, что он не был допущен к ряду доказательств следствия, некоторые из которых могли быть сфальсифицированы. Также важно, чтобы суд над доктором Мирзаяновым был открыт для общественности в соответствии с российским законом. Утверждения доктора Мирзаянова также имеют важные указания относительно приверженности России к её обязательствам по химическому оружию. Важно, чтобы администрация проследила изложенную доктором Мирзаяновым информацию. Я бы просил Вас поднять эти проблемы перед правительством России на высшем уровне. Это важно для разработки демократических институтов России, чтобы она уважала человеческие и законные права таких людей, как доктор Мирзаянов. Я ожидаю Вашего незамедлительного отклика.

Искренне,
Билл Брэдли

Вот письмо председателя подкомитета Конгресса по законодательству и национальной безопасности Джона Конейрса к государственному секретарю США.

Дорогой господин секретарь!

Я пишу сегодня по поводу доктора Вила Мирзаянова, бывшего исследователя Государственного союзного научно-исследовательского института органической химии и технологии в Москве, России, который был арестован в октябре 1992 года и обвинен в разглашении государственных секретов. Доктор Мирзаянов недавно получил специальную награду фонда Кавалло за моральную отвагу и его дело стало предметом озабоченности многочисленных комитетов по правам человека. Арест доктора Мирзаянова был вызван его статьей в соавторстве, в которой обсуждался секретный институт по исследованию и разработке нового поколения мощных бинарных токсических химических вооружений и опасность для населения из-за утечки токсичных химических веществ из института в окружающую среду. Озабоченный тем, что работа института создает опасность для здоровья населения Москвы, доктор Мирзаянов смело раскрыл, что открытый призыв российского правительства к ликвидации химических вооружений был обманом, поскольку в то же время секретно была фондирована работа по исследованию нового химического оружия.

Я встревожен насчет обвинений против доктора Мирзаянова – первого человека, обвиняемого за нарушение секретных законов коммунистической эры со времени августовского путча 1991 года – и действиями администрации Ельцина. Как Вы знаете, советский закон по государственным секретам стал недействительным после того, как Россия стала независимым государством. Кроме того, выяснилось, что российские секретные службы продолжают подавлять публичные обсуждения жизненно важных аспектов политики государства. Таким образом, арест доктора Мирзаянова, очевидно, служит как предостережение другим реформистски настроенным индивидуалам, которые возможно хотели бы испытать недавно установленные "демократические права" для свободы выражения мнений. Кроме того, задержание доктора Мирзаянова без доступа к нему адвоката и ограничения, установленные по его доступу к материалам обвинения, нарушают международно принятые стандарты ведения судебного процесса. Преследование доктора Мирзаянова ставит в прямое противоречие приверженность администрации Клинтона по упрочению усилий по демократизации в бывшем Советском Союзе. Я уверен, что Вы разделяете мою глубокую озабоченность по поводу обращения с этим отважным учёным и я призываю Вас лично обратиться о его освобождении.

Как оставшаяся в одиночестве супердержава и ведущий оплот демократии в мире, Соединенные Штаты находятся в уникальной ситуации по своей влиятельности. Времени остается не так уж много, если учесть, что суд над доктором Мирзаяновым, по-видимому, начнется в ноябре. Ваши сотрудники могут контактировать с мисс Рэнди Катсоянисом по телефону 225-5147 по поводу

планируемого брифинга в Государственном департаменте о планах по помощи доктору Мирзаянову.

Я признателен за Ваше внимание к этому жизненно важному делу.

Искренне,
 Джон Конейрс, младший.
 Председатель Подкомитета по законодательству и
 национальной безопасности

Влиятельный сенатор из штата Нью-Йорк Д.П.Монихэн также обратился с письмом к государственному секретарю. До этого он на заседании сената сделал специальное сообщение о моём деле.

Привожу также текст письма сенатора Монихэна от 23 декабря 1993 года.

"Дорогой Крис!

Я пишу для выражения моей глубокой озабоченности относительно доктора Вила Мирзаянова, российского химика, который был арестован за публикацию статьи в "Московских новостях" о том, что, якобы, Советский Союз разработал, и что Россия в последующем испытала новый класс фосфоорганических отравляющих веществ для использования в качестве химического оружия, которое является высокотоксичным и парализует нервную систему, проникая через кожу или лёгкие. На этот случай обратил моё внимание выдающийся журналист и мой друг в течение 30 лет, Дэвид Вайс, который в прошлом месяце встретился с Мирзаяновым в Москве при поиске материалов для документальной телепрограммы FRONTLINE. В статье от 16 сентября 1992 года доктор Мирзаянов утверждал, что между 1987 и 1991 в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии в Москве годами разработано новое отравляющее вещество, известное как "Новичок". Доктор Мирзаянов также утверждал, что новое отравляющее вещество доведено до уровня химического оружия и оно испытано в 1992 году. Недавние статьи Владимира Углева, старшего научного сотрудника института, подтвердили сообщение доктора Мирзаянова.

Из-за своей статьи доктор Мирзаянов был арестован 22 октября 1992 года. Затем он был освобождён и ожидает суда по обвинению о разглашении государственных секретов. Однако, я информирован о том, что его работа по созданию оружия не была засекречена. В особенности, я понимаю это так в свете того, что 30 марта 1993 года Совет Министров за подписью премьер-министра Виктора Черномырдина издало постановление о засекречивании всех прежних работ по химическому и биологическому оружию. Этот случай частично беспокоит потому, что администрация недавно направила Конвенцию по химическому оружию в комитет сената по иностранным делам для ратификации. Соглашение по этому договору было достигнуто 3 сентября 1992 года, то есть меньше чем за две недели до публикации статьи доктора Мирзаянова. Его разоблачения серьёзны. Если это правда, то Россия, возможно, неискренне вела переговоры и подписала соглашение по химическим вооружениям, которое не запрещает её недавно разработанное оружие, поскольку оно не входит в контрольный список, согласно приложения к конвенции.

Перед тем, как конвенция по химическому оружию будет обсуждаться комитетом, я думаю, что было бы целесообразно для администрации выработать свою четко известную нам позицию по этой проблеме и сообщить обо всех усилиях, предпринятых ею, как по случаю доктора Мирзаянова, так и более широко относительно серьёзных утверждений по поводу российской программы химического вооружения. В частности, было бы важно знать, на какой юридической базе Соединенные Штаты или мировое сообщество могли бы действовать по поводу этой проблемы в случае, если утверждения доктора Мирзаянова окажутся соответствующими действительности.

В январе президент Клинтон будет встречаться с президентом Ельциным. Не думаете ли Вы, что в это время было бы целесообразным поднять эту проблему? Я ожидаю услышать Ваше мнение.

Искренне,
Дэниел Пэтрик Мойнихэн

От имени крупнейшего объединения учёных Германии и западных стран "Международный союз инженеров и ученых за глобальную ответственность" (INES) профессор Свободного университета Берлина доктор Вольфганг Хиршвальд обратился с открытым письмом на имя Генерального директора ЮНЕСКО Фредрико Майору по поводу предстоящего суда.

"Дорогой господин Майор!

По поручению Германской Инициативы Учёных "Ответственность за мир" я хотел бы информировать вас о ситуации с российским коллегой. Это химик доктор Вил Мирзаянов, который работал в Государственном исследовательском центре органической химии и технологии (ГСНИИОХТ) в Москве до января прошлого года. Доктор Мирзаянов информировал в 1991 году мэра Москвы и затем в 1992 году российскую общественность (через журнал "Московские новости") об исследовании и разработке высокотоксичных бинарных химических вооружений (от 8 до 10 раз токсичнее чем нервно-паралитический агент VX США!) в его институте и об испытании этих вооружений в двух испытательных районах (Саратов и Узбекистан). Доктор Мирзаянов также указал в своей публикации, что определенное количество этого супер-яда хранится в его институте, создавая большую опасность для окружающей среды и для жителей Москвы.

В октябре 1992 года доктор Мирзаянов был арестован российским министерством безопасности (бывший КГБ), содержался в Лефортовской тюрьме Москвы в течение 11 дней и всё это время подвергался допросам. 1 ноября 1992 года доктор Мирзаянов был освобождён из Лефортовской тюрьмы, однако, поскольку он должен был сообщать о себе в Министерство Безопасности часто, ему не позволялось покидать Москву, было возбуждено уголовное дело против него – он обвинялся в "разглашении государственных секретов" – и он с тех пор подвергался к допросам ежедневно. В конце января прошлого года доктор Мирзаянов был уволен со своей работы из московского института.

По-видимому, суд начнётся в декабре 1993 или в январе 1994 года. Это будет, наиболее вероятно, закрытый суд. Однако ещё более жестоким является факт, что суд и обвинение будут основываться на декрете, изданном 30 марта 1993 года, то есть спустя пять месяцев после того, как было начато расследование!

Это находится в противоречии с любыми юридическими процедурами в демократических странах. Из обоих фактов следует ожидать, что суд не будет справедливым и законным, основанным на принципах Декларации Объединенных Наций. Итак, мы просим ЮНЕСКО и его комиссию по правам человека послать протест российскому правительству и Генеральному прокурору России господину Алексею Казаннику относительно процедур и просить их аннулировать суд полностью. Далее мы хотим подчеркнуть, что доктор Мирзаянов не опубликовал ни химических или технических деталей относительно состава новых химических вооружений, ни деталей процесса производства. Он не разгласил государственных секретов! С точки зрения Конвенции по химическому оружию, подписанной в Париже в январе 1993 года доктор Мирзаянов информировал международную общественность о том, что в Москве всё ещё продолжается исследование по супер-токсичным бинарным химическим вооружениям (эти факты отрицались российским правительством) и что, как химическое оружие, так и его прекурсоры не включены ни в один из списков для контроля, приложенных к конечному тексту Конвенции по химическому оружию, также как они не включены в список химических товаров, запрещенных для экспорта из России (он опять-таки не дал никаких химических или технических деталей!).

Исходя из этих фактов, возникает вопрос о степени серьёзности намерений российского правительства выполнять Конвенцию по химическому оружию и возникают два опасных момента международного масштаба и важности:

- 1) возможность обхода Конвенции по химическому оружию,
- 2) повышенная вероятность распространения химического оружия.

Мы, около одной тысячи учёных Инициативы в Германии и более сотни тысяч международных коллег из Международного Союза Инженеров и Учёных за Глобальную Ответственность (INES), глубоко обеспокоены насчёт вышеизложенной ситуации. Мы твердо убеждены, что доктор Мирзаянов действовал в высшей степени ответственно и в полном соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО по тюрмам его дело представляет жестокое нарушение прав человека.

Итак, мы вновь просим Вас изучить развитие событий и вмешаться в пользу доктора Мирзаянова и с целью консолидации Конвенции по химическому оружию.

Спасибо !

Искренне,

профессор д-р Вольфганг Хиршвальд".

Ряд научных организаций США написали обращения на имя Президента России и Генерального прокурора с просьбой о прекращении моего дела. Привожу некоторые из этих документов, свидетельствующих о высоком уровне солидарности ученых в деле защиты прав их коллег высказываться по жизненно важным проблемам мира. Вот обращение Нью-Йоркской Академии Наук от 25 августа 1993 года.

"Президенту Борису Н.Ельцину

Кремль

Москва, Россия

Дорогой господин президент,

По поручению 39 тысяч членов Академии мы выражаем нашу озабоченность по поводу химика Вила Мирзаянова, который обвиняется в якобы разглашении информации о "совершенно секретных исследованиях в интересах обороны страны" (разработка бинарного оружия). Обвинения были инициированы в результате статьи в соавторстве с доктором Л.Фёдоровым в "Московских новостях" от 16 сентября 1992 года о продолжающейся программе разработки химических вооружений и о её угрожающей опасности для окружающей среды. Обвинение, сообщается, основано на новом перечне "государственных секретов", принятом 30 марта 1993 года и подписанном премьер-министром Черномырдином. Этот новый перечень включает химические вооружения, которые первоначально не были классифицированы подобным образом, и были предприняты усилия использовать этот перечень, как имеющим обратную силу, для этого дела. Таким образом, представляется, что его обвинители пытаются сделать действия нашего коллеги незаконными в виду обратной силы.

Мы призываем Вас вмешаться с тем, чтобы обвинения против доктора Мирзаянова были сняты и ему возвращены его дипломы для продолжения профессиональной работы так, чтобы он мог опять вложить свой вклад в улучшение условий жизни людей.

Скорое окончание этого дела могло бы рассматриваться как вклад в улучшение в международных и внутренних взаимоотношений. Взаимное доверие между США и Россией и возрастающая открытость станут существенной частью процесса разоружения и контроля.

Спасибо за Ваше внимание к этому делу.

Искренне,

Доктор Сайрил Харрис

Копии : Генеральному прокурору России В.Г.Степанкову, Председателю комитета по правам человека доктору Сергею Ковалёву".

Нью-Йоркская Академия Наук, членом которой я стал в сентябре 1993 года, прилагала все усилия для того, чтобы печать США более активно освещала моё дело. Пример этому - письма президента Академии, лауреата Нобелевской

премии Джошуа Ледерберга к исполнительному директору газеты "Нью -Йорк Таймс" Макс Фрэнкелю.

"Дорогой господин Фрэнкел,

Майкл Гордон в своей статье от 1 декабря кратко упомянул арест российских ученых, которые утверждали, что Россия разработала новый класс смертельных отравляющих веществ нервно-паралитического действия. Я хотел бы обратить Ваше внимание на важность дела одного из этих учёных доктора Вила Мирзаянова, химика, который был арестован в октябре 1992 года за якобы раскрытие государственных секретов. В это время не существовало никакого российского закона, который бы относился к его делу. Не было законового основания и для следствия: секретное постановление, которое классифицирует все прежние работы по химическому и биологическому оружию как государственные секреты, было принято Советом Министров 30 марта 1993 года. Постановление предназначено для его использования в расследовании дела задним числом и 25 ноября 1993 года дело для слушания передано в Верховный Суд России. Поскольку сомнительно, что Мирзаянов раскрыл какие-либо государственные секреты путём простого упоминания этой программы и тем более, что неопубликованные законные нормативы не имеют законной силы, было бы в высшей степени разумно, чтобы дело было скорейшим образом прекращено Генеральной прокуратурой или судьёй, назначенным по этому делу Верховным Судом. Иначе, мы должны заключить, что Мирзаянов говорил правду и был создан целый класс смертельных бинарных химических вооружений и что правительство России возвращается к старой советской практике преследования учёных-диссидентов.

С искренним уважением

Д-р Джошуа Ледерберг

Президент Нью-Йоркской Академии Наук

Профессор университета Рокфеллера".

Влиятельный комитет ученых США, в рядах которого числятся всемирно известные люди, внимательно следил за развитием моего дела и делал неоднократные демарши перед российскими властями по этому поводу. Накануне приближающегося суда комитет обратился с письмами на имя Президента России В.Ельцина и Генерального прокурора А.Казанника. Привожу текст письма к В.Ельцину от 25 октября 1993 года.

"Дорогой господин Президент!

Озабоченные сообщением, что химик Вил Мирзаянов всё ещё ожидает суда по обвинению разглашения государственных секретов, мы ещё раз обращаемся к Вам вмешаться для возможного прекращения его дела. Как мы утверждали в письме на Ваше имя от 16 июля, обвинения против Мирзаянова основываются на на новом перечне государственных секретов, принятых Советом Министров 30 марта 1993 года. Этот перечень включает химические вооружения, первоначально не квалифицированные таким образом. Однако, инкриминируемое преступление Мирзаянова проистекает из его в соавторстве статьи, на шесть месяцев ранее опубликованной в "Московских новостях" от 16 сентября 1992 года - речь в ней идет о его озабоченности продолжающейся программой создания химических вооружений и связанной с этим опасности к окружающей среде. Очевидно, это постановление предназначено, как имеющее обратную силу, для дела Мирзаянова. Мы твердо уверены в том, что положительное решение этого дела является решающим для развития демократического общества, для достижения которого Вы трудитесь. По этой причине мы настоятельно обращаемся к Вам с просьбой предпринять меры для безотлагательного прекращения этого дела.

С наилучшими пожеланиями успеха по установлению демократии в Российской Федерации и внесению вклада в дело мира во всем мире.

Искренне Ваши

Сопредседатель Джоел Л.Лейбовиц

Сопредседатель Паул Г. Плотиц

Прозвучал также голос в мою защиту Фонда Андрея Сахарова (США) в виде заявления от 15 сентября 1993 года. Напомню, что в фонд входят в качестве его членов, среди известных общественных и политических деятелей, многие личности, составляющие гордость мировой культуры и науки.

"24 января начнется суд над доктором Мирзаяновым в Москве. Как и в дискредитировавшей себя старой практике, суд будет закрытым без доступа туда независимых наблюдателей. Доктора Мирзаянова будут судить за раскрытие информации об опасных видах химического оружия. Обвинения против него основаны на законе, подписанном задним числом, и кажется, что он был специально создан для этой цели. Эти и другие чрезвычайно сомнительные решения следствия должны быть достаточными для прекращения дела по процедурным причинам. Однако сюда вовлечены также важные принципы прав человека. Доктор Мирзаянов следовал своей совести при обнаружении важной информации. Он не преследовал личной выгоды. Информация, которую он выпустил о химических вооружениях, возможно, нанесла ущерб государству или, по меньшей мере, имиджу высоких государственных чиновников. Его действия не были незаконными в то время (отсюда применение закона, имеющего обратную силу), но они действительно выдвигали узел вопросов для публичного обсуждения в России. Если Россия должна стать открытым демократическим обществом, то здесь будут и другие примеры, когда народ будет иметь законный интерес в открытом обсуждении проблем. Если доктор Мирзаянов будет осуждён, то не будет ли это означать, что каждый раз, когда государственные службы найдут неудобной постановку некоторых вопросов, будут приняты законы, чтобы задним числом наказать по ним распространителей информации?

Кажется, что намерением известных сил, проталкивающих следствие доктора Мирзаянова является запугивание общественности и возможных будущих инакомыслящих. Эти силы в российских "силовых министерствах" боятся, что они, возможно, будут вынуждены изменить свою практику более открытыми формами, свойственными демократическому обществу и, следовательно, уступить свои старые привилегии, которые им были позволены в прошлом, во времена Советского Союза. Во многих отношениях дело доктора Мирзаянова является пробой способности "старой гвардии" задержать демократизацию российского общества и его институтов. Фонд Андрея Сахарова (США) надеется, что узаконенный интерес государства в защите своих секретов не будет использован как упрощение подавления свободы информации, которая является важнейшей в развитии российской демократии. Мы обращаемся к суду и призываем его действовать как действительно независимая ветвь российского государства и не уступать давлению. Мы надеемся, что доктор Мирзаянов будет освобождён от всех обвинений".

...В это время наша печать практически перестала освещать мое дело, поскольку в России и без этого было слишком много сенсаций. Выборы в Государственную Думу, референдум по новой Конституции и ежедневные шоу по всем каналам телевидения о "страданиях" главарей мятежников в казематах Лефортово, с подробностями о том, что Р.Хасбулатов стал бледнеть, а Руцкой вовсе и сбрил усы и собирается писать мемуары, были в центре внимания прессы. Но счастливым исключением было выступление газеты "Московские новости", где уже в первом номере была напечатана заявка известных всему миру общественных деятелей России Сергея Алексеева, Георгия Арбатова, Юрия Афанасьева, Виталия Гольданского, Татьяны Заславской, Льва Карпинского, Виктора Лошака, Александра Пумпянского и Григория Явлинского. Обращение было напечатано под заголовком "Мирзаянова будут судить тайно".

"В Москве начинается закрытый судебный процесс над учёным-химиком Вилом Мирзаяновым. В вину ему ставится разглашение в средствах массовой информации (в

частности, в "МН" и журнале "Новое время") государственных тайн, связанных с созданием в бывшем СССР нового вида химического оружия.

Все время следствия велась борьба за прекращение преследования В.Мирзаянова, рассказавшего в печати вовсе не о технологических или иных секретах нового оружия, а том, какую опасность миру несет применение двойных стандартов в деле его создания, которое продолжалось и после широковещательных заявлений советских и российских политиков о прекращении работ в этой сфере.

Подписание Россией в январе 1993 года Международной конвенции, которая запрещает разработку, производство, хранение и использование химического оружия, казалось бы, должно автоматически снять обвинения, в основе которых лежат подзаконные акты и ведомственные нормативы, принятые в иные времена. Но этого не произошло. В заявлении Президента Российской Федерации от 20 апреля 1993 года говорится:

"Горы теперь бесполезного и опасного химического оружия – тяжкое наследие нашего прошлого". Но за что же тогда будут судить Вила Мирзаянова?

Горечь и недоумение вызывают не только сам факт подобного судебного процесса, но и закрытый характер его проведения в стране, утверждающей принципы демократии.

Надуманность обвинения, секретность суда – все это символы ушедшей эпохи.

Молчание в этой ситуации означает солидаризацию с беззаконием. Мы требуем прекращения преследования Вила Мирзаянова. Со стороны Генеральной прокуратуры было бы естественным отказаться от обвинения, поставив тем самым точку в нечестной игре тех кругов, которые и сегодня тоскуют по своему былому всемогуществу".

4 января 1994 года председатель комитета конгресса США по государственным операциям Джон Конйерс сделал специальное (второе по счету) заявление.

"Я глубоко озабочен сообщениями, что российское правительство намерено провести закрытый суд на этой неделе по делу доктора Вила Мирзаянова.

Доктор Мирзаянов был исследователем в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии в России, и был арестован за разглашение государственных секретов. Его арест был вызван его статьёй в соавторстве, в которой было раскрыто, что публичный призыв российского правительства к уничтожению химического оружия был обманом, поскольку одновременно секретно фондировалось исследование по разработке новых химических вооружений. Недавно он получил специальную награду отличия за моральную отвагу Фонда Кавалло.

Секретные судебные процедуры совершенно несовместимы с открытым демократическим обществом, которое, по заявлению России, она строит. Продолжение закрытых и секретных судов в России является весьма тревожным, в особенности, накануне предстоящей встречи в верхах. В самом деле, подобный суд над Мирзаяновым представляет собой сильный контраст на фоне наиболее важной цели приближающейся встречи на верхах – укрепление российских демократических институтов.

Я попросил Государственного секретаря Кристофера персонально обратиться по поводу освобождения д-ра Мирзаянова. Глашатаи гласности с обеих сторон теперь исчезнувшего железного занавеса заслуживают защиты, а не преследования. Я знаю, что администрация Клинтона разделяет мою озабоченность и работает над тем, чтобы увидеть торжество справедливости по делу Мирзаянова".

Сообщение о предстоящем начале процесса надо мной со ссылкой на Ассошиэйтед Пресс поместила газета "Вашингтон Пост" от 6 января 1994 года. В этот же день была опубликована статья Дитмара Остермана

"Российские центры вооружений разработали высокотоксичное химическое оружие" в газете "Hannoversche Allgemeine Zeitung", в которой в подробностях освещается подоплёка моего дела. Итоги работы экспертной комиссии по делу, а также более 50 совершенно секретных документов, приобщенных к делу, пишет Д.Остерман, ясно показывают соответствие действительности утверждения ученого о разработке нового высокотоксичного химического оружия. Касаясь предстоящего

процесса, журналист сообщал о протестах против него зарубежных и российских ученых, среди которых есть также и немецкое объединение естествоиспытателей под названием "Ответственность за мир". Газета также сообщает о заявлении общественных деятелей России по поводу предстоящего процесса, напечатанном в газете "Московские новости", среди авторов которого числятся видный экономист и политик-реформатор Григорий Явлинский и соавтор новой российской Конституции Сергей Алексеев.

Другая немецкая газета "Frankfurter Rundschau" 3 января 1994 года опубликовала открытое письмо немецкого объединения ученых "Ответственность за мир" министру иностранных дел Германии Клаусу Кинкелю.

...Ещё до Нового года я получил повестку в Московский городской суд, в которой мне предписывалось в качестве подсудимого явиться для слушания дела 6 января 1994 года к 11 часам 30 мин. Однако, слушание дела не могло быть начато, поскольку там не мог присутствовать мой адвокат А.Аснис, который в середине декабря попал в автомобильную аварию и получил серьёзное сотрясение мозга. В начале года Аснис всё ещё пребывал на больничном, хотя уже находился у себя дома. По телефону он давал мне советы по поводу моего поведения на суде и просил, чтобы я выступил с ходатайством о перенесении дела на более поздний срок в связи с его болезнью.

Утром 6 января ко мне приехали корреспондент Национального радио США Кэтлин Хант, которая постоянно освещала моё дело в течение всего его развития, в сопровождении Андрея Миронова и сотрудник татарской редакции радиостанции "Свобода" Назифа Каримова. На троллейбусе мы отправились до станции метро "Новогиреевская" и оттуда быстро добрались до станции "Комсомольская". По пути я прочитал статью Сергея Мостовщикова "Химия и жизнь" в "Известиях".

Журналист дал подробный анализ прошедшего следствия, его несостоятельность, что и сделало, с его точки зрения, дело закрытым. Судья Николай Сазонов отказался комментировать предстоящий процесс, сообщив только, что он будет проходить за закрытыми дверями. Удивление журналиста вызвал тот факт, что пока ни один из шести свидетелей, проходящих по делу, не получил повестки с вызовом в суд. Он также сделал предположение, что из-за болезни защитника процесс будет затянут. Дальше он писал о том, что сложившаяся ситуация Мирзаянову внушает опасения. Если Министерство безопасности с завидным упорством довело-таки дело до суда и сумело засекретить его заседания, то не составит особого труда объявить, что нашлись некие обстоятельства, достаточные для заключения Мирзаянова в тюрьму (от двух до пяти лет).

На станции метро "Комсомольская" мы поднялись на одноименную площадь и пешком пошли на Каланчёвскую улицу, где в доме 43 располагался тогда Московский городской суд.

Было морозное, после оттепели, утро и мы шли местами по неубранному снегу, местами по льду, ежеминутно рискуя растянуться перед петляющим среди сугробов городским транспортом. Несколько падений обошлось без травм, и мы благополучно добрались до дверей мрачного грязновато-желтого трёхэтажного дома правосудия. Хотя ещё до начала суда было целых полчаса, на улице собралось довольно много репортеров с телекамерами, фотоаппаратами и микрофонами. Среди присутствовавших выделялась своей телегеничной внешностью руководитель "Демократического Союза" известная всей стране своими отважными акциями против большевистского тоталитаризма Валерия Новодворская. Она до этого написала несколько высокохудожественных очерков о моём деле, один из которых я, по её просьбе, передал следователю Шкарину, который знал её как бывшего узника Лефортово. Как я не старался, все равно мне не хватило времени, чтобы ответить на все вопросы корреспондентов. Они, в основном, сводились к тому, как я настроен, какие имею прогнозы насчет исхода дела и как я чувствую себя в преддверии закрытого суда. Несмотря на большие сомнения и связанные с ними переживания, я был настроен решительно и не испытывал какого-либо страха или чувства сожаления. Я понимал, что на мне лежит большая моральная ответственность и мне нельзя было дать на суде слабину. Иначе своим поведением я мог бы нанести ущерб памяти

многих тысяч борцов против фашистско-коммунистического режима. Кроме корреспондентов, здесь было также довольно много простых граждан, бывших ветеранов-диссидентов, отбывших сроки в большевистских лагерях. Они подходили ко мне и, пожав руку, просили быть уверенным в их поддержке. Это было чрезвычайно трогательно, и я буду им благодарен до конца моих дней за те теплые слова. Тем временем уже пора было пройти в здание суда и подняться на второй этаж в комнату 30, где у дверей стояли два милиционера. Здесь под непрерывные вспышки фотоаппаратов и стрекот телекамер я предъявил повестку и милиционер прошел с ней в комнату. Оттуда он вернулся с девушкой, секретарем суда. Она, удостоверившись в моей личности по предъявленному паспорту, открыла дверь и я вошёл в комнату. С левой стороны возвышались места для судьи и двух заседателей. Напротив находились скамейки в два ряда для обвиняемых. Я прошёл на переднюю скамейку на место в её середине. Сел и стал ожидать появления судьи. У стола недалеко от кресла одного из заседателей сидел мужчина средних лет. Я про себя решил, что это прокурор. Больше в комнате никого не было. Ровно в 11 часов 30 минут раздался голос зашедшей в комнату девушки-секретаря: "Встать, суд идёт!" Тут же в комнате появились судья и два заседателя, мужчина и женщина. Судья, коренастый мужчина средних лет, имел хорошо уложенные черные волнистые волосы и лицо с претензией на интеллигентность. Последнее, однако, никак не сочеталось с плохо скрытым выражением самоуверенности, под которыми угадывались коварство и хитрость. Судья объявил о начале слушания моего дела, добавив, что заседание будет вести он, Николай Сазонов и назвал ещё двух заседателей. Здесь я вспомнил, что последних в народе зовут "кивалы", поскольку они всегда кивали головой в знак неопровержимого согласия. Тон речи судьи не был категоричным, я бы сказал, что он даже содержал интонации участника научного диспута. Именно в таком ключе он начал свой допрос о моём происхождении, годе рождения, образовании и пр., что, по-видимому, было тривиальным введением в дальнейшее действие суда. Я отвечал, стараясь не производить впечатления заискивающего обвиняемого, но в то же время стремясь быть достаточно корректным. Судья спросил, кто будет защищать меня в ходе процесса. Я ответил и одновременно обратился с просьбой отложить суд на две недели для того, чтобы дождаться выздоровления моего адвоката. Тут слово взял прокурор, который заявил, что он здесь представляет Московскую городскую прокуратуру, однако к процессу готовился другой прокурор Л.Панкратов, который в настоящее время болен простудным заболеванием. В связи с тем, что последний знакомился с моим делом по поручению городского прокурора и его замена может занять продолжительное время, он также просил суд отложить слушание до выздоровления государственного обвинителя. Здесь судья спросил меня, в каком составе суда я бы желал проведение слушания. Я ответил, что просил бы суд слушать дело в составе трёх независимых судей. В этом было что-то необычно и мне казалось, что трое судей могут иметь различные мнения, что представлялось в конечном счете более выигрышным для меня. После этого суд удалился на короткое совещание. Появившийся в сопровождении "кивал" судья зачитал решение об удовлетворении просьбы провести слушание в составе трёх независимых судей и перенести срок следующего заседания суда на 24 января 1994 года. На этом всё и завершилось в тот день. Помню, после закрытия заседания многочисленные корреспонденты, зайдя в судебную комнату (охрана ушла по указанию судьи), брали интервью у судьи Сазонова и он отвечал на их вопросы с видимым удовольствием. На вопрос одного из корреспондентов, я ответил, что не собираюсь оставаться простым статистом в процессе и меня абсолютно не удовлетворяет слушание дела за закрытыми дверями, поскольку это создает прецедент для потенциальных диссидентов, несогласных с нынешней властью. Однако, при этом я ещё не представлял, что именно я мог бы сделать для этого. О начавшемся процессе сообщили радиостанции "Маяк", "Эхо Москвы", "Молодёжный канал" и телевизионные каналы "НТВ" и второй всероссийский. В ряде газет сообщения публиковались в течение недели после начала суда. Так, в "Известиях" от 13 января 1994 года С.Мостовщиков опубликовал статью "Вила Мирзаянова будут судить трое судей вместо одного". По словам журналиста,

Л.Фёдоров сообщил газете о том, что, якобы, в США известен секрет нового отравляющего вещества России. Но, как всегда он это делал, без всякой ссылки на какой-либо первоисточник, но на всякий случай страхуясь оговоркой, что это может быть и не совсем так.

В статье С.Копцова "Контрразведчика судят тайно", опубликованной газете "Иностранец" от 12 января 1994 года, приведена довольно детальная информация о подоплёке процесса. Здесь также было сказано, что копии материалов моего дела пересланы мной в США и Германию. Помимо сообщений информационных агентств западных стран о начале суда надо мной, ряд газет США, Германии начали публиковать регулярные отчеты о развитии событий вокруг моего дела. В частности, такие статьи печатала в газете "Лос-Анжелес таймс" симпатичная Сони Эфрон и в газете "Москоу таймс" Александр Гордеев. Особый интерес по этому поводу представляют статьи известного знатока КГБ Майкла Уоллера, который подробно исследовал проблему разработки новых видов химического оружия в России и был знаком с рядом её участников. В этом отношении примечательна его статья, опубликованная в газете "Индианополис Стар" от 13 января 1994 года. Немецкий журналист Ульрих Гейден откликнулся большой статьей о моем деле и начале суда надо мной в газете Tageszeitung от 7 января 1994 года. Разумеется, такие выступления не могли проигнорировать власть имущие в США. К тому же активно информировали обо всём американскую общественность и конгрессменов мои ангелы-хранители Гейл Колби и Ирина Гольдман. Гейл вечером того же дня, когда начался процесс, позвонила мне и спросила, не должна ли она приехать в Москву и постараться сделать все возможное для моей защиты. Я ответил, что она сделает это гораздо действеннее, находясь в США, и просил её не приезжать. Она согласилась с моими доводами. В скором времени её работа инициировала повышение активности научных организаций по моей защите. Почти каждый день перед предстоявшим 24 января судом я получал по факсу всё новые и новые заявления в свою защиту. Если до 6 января 1994 года у некоторых людей еще были сомнения в возможности закрытого процесса, то после начала суда, когда пресса воочию убедились в том, что старая судебная система пребывает в полном здравии и намерена, как и прежде, не обращать внимания на какие-либо протесты против закрытого слушания. Тут уже многие как у нас в стране, так и за рубежом всерьёз насторожились, чувствуя, что события развиваются по печально известным сценариям советского времени. Об этом свидетельствуют письма на имя властей в России.

Письмо Американской Ассоциации за прогресс в науке (AAAS)
Генеральному прокурору России от 13 января 1994 года.

"Дорогой Генеральный прокурор Казанник:

Мы знаем, что суд над доктором Вилом Мирзаяновым по уголовному обвинению за разглашение государственных секретов намечен на 24 января 1994 года. Мы понимаем, что была дана установка делать этот процесс закрытым для общественности. В качестве крупнейшей научной организации в Соединенных Штатах, в рядах которой числится 138 тысяч индивидуальных членов и 296 ассоциированных научных групп, Американская ассоциация за прогресс в науке (AAAS) желает выразить серьёзную озабоченность по поводу обвинений против доктора Мирзаянова и настоятельно просит Вас допустить иностранных наблюдателей на его суд.

Наша озабоченность основана на факте, что доктор Мирзаянов при информации общественности о разработке химических вооружений, их хранения и утечки в московский регион действовал как учёный, исходя из своей профессиональной и этической ответственности, и находился под защитой стандартов международных договоров относительно прав человека и регулирования производства химических вооружений. Согласно статей многочисленных международных инструментов, в которых участвует Россия, включая Конвенцию по запрету производства и хранению бактериологического и токсинного оружия, декларации по запрету химических

вооружений и двустороннего договора между Соединенными Штатами и СССР по уничтожению и производству химических вооружений, производство и хранение химических отравляющих веществ, о котором идет речь, может быть нарушением международного закона. Этот факт и весьма реальная опасность для окружающей среды и здоровья людей, вызванные производством и хранением химических отравляющих веществ в Москве определенно вынудили доктора Мирзаянова дать публичную информацию, которой он располагал по этой проблеме, в соответствии с его этической и профессиональной ответственностью. Россия также связана многочисленными договорами по правам человека, требования которых могут быть применимы к делу Мирзаянова, включая иммунитет против превентивного ареста и следствия и гарантии в справедливом и открытом судебном разбирательстве, согласно статей 9 и 10 Всеобщей Декларации по правам человека и статьей 9-10 Международной конвенции по гражданским и политическим правам. Тот факт, что, к счастью, Россия и нации Запада не находятся более в состоянии "холодной войны", добавляет мощный аргумент, почему "государственные секреты" не могут быть приложимы для этого дела. Устройство закрытого уголовного суда над доктором Мирзаяновым лишь увеличивает озабоченность тем, что международные стандарты по правам человека и справедливости должным образом не соблюдаются. Уголовное расследование и организация закрытого суда несовместимы с новым духом открытости и сотрудничества между двумя нашими странами, что демонстрируется визитом Президента Клинтона в Россию на этой неделе. Ничего не было бы более подходящего для завершения этого визита и сердечных встреч Президентов Клинтона и Ельцина, которые сейчас проходят, чем допуск наблюдателей США в суд или даже снятие всех обвинений против доктора Мирзаянова. В последние годы Россия сделала существенный шаг вперед по освобождению политических заключенных и прекращению практики закрытых судов. Преследование Мирзаянова и секретный суд являются несчастьем и весьма удивительным откатом к прошлой практике тоталитарного режима.

Мы были бы благодарны любым усилиям и помощи, которые Вы смогли бы предпринять для того, чтобы это обращение стало предметом внимания судей и следователей открытого суда по делу Мирзаянова, согласно Всеобщей Декларации и Конвенции по гражданским и политическим правам. Пожалуйста, дайте нам знать как можно быстрее, если будет решено суд открытым для иностранных наблюдателей, для того, чтобы мы смогли сделать необходимые приготовления для визита представителя.

Искренне,
С.К.Гонсалес, Председатель Комитета AAAS
по Свободе
Науки и Ответственности"

14 января Федерация Американских Ученых (FAS) направила письмо Генеральному прокурору России Алексею Казаннику. В нем говорится:

"Дорогой Господин :

Как показывает прилагаемая к письму резолюция, Федерация Американских Ученых, основанная в 1945 году учёными-атомщиками Манхэттенского проекта, озабочены делом Мирзаянова в течение более чем года. Мы обращаемся к Вам, чтобы иметь гарантии, что он получит справедливое судебное разбирательство. Наше письмо вызвано известием, что суд будет закрытым. Мы знаем о том, что закон, по которому его будут судить, не существовал в то время, когда якобы совершилось проступок.

Дело Мирзаянова теперь имеет большую известность в Американском научном обществе и обсуждается на высочайшем уровне наших двух государств. По этим причинам мы надеемся, что оно может быть решено путём, который устроит всех заинтересованные стороны.

Благодарим Вас заранее за любую помощь или совет, который Вы можете дать Мирзаянову или нам.

Искренне,
Джерми Дж.Стоун,
Президент".

Письмо Национальной Академии Наук на имя Президента России
Б.Ельцина от 19 января 1994 года.

"Ваше Превосходительство:

Мы пишем по поручению Комитета по правам человека Национальной Академии Наук США, глубоко озабоченного по поводу судьбы научного коллеги Вила Мирзаянова, российского химика, который, судя по сообщениям, будет подвергнут судебному разбирательству 24 января 1994 года на закрытом слушании в Московском городском суде. Доктор Мирзаянов обвиняется в разглашении государственных секретов путем публичных заявлений о продолжающихся исследованиях и разработке химических вооружений в России.

В соответствии с информацией, имеющейся у комитета, доктор Мирзаянов раскрыл только ту часть информации о химических вооружениях, которая не касается технических моментов, и он предпринял эти действия для того, чтобы поставить в известность народ России и другие народы об очевидной опасности. Комитет также понимает, что раскрытие информации об исследованиях и разработке химических вооружений не было незаконным в то время, когда доктор Мирзаянов делал свои публичные заявления. Российская Федерация добавила исследование и разработку химических вооружений в свой неопубликованный перечень государственных секретов 30 марта 1993 года – спустя более чем пять месяцев после обвинения доктора Мирзаянова. Новая Конституция России не разрешает использовать законы задним числом.

Мы обращаемся к правительству России с просьбой снять все обвинения против доктора Мирзаянова, поскольку они прямо нарушают Конституцию России.

Если обвинения не будут сняты, мы ожидали бы, что правительство России обеспечит доктору Мирзаянову справедливое судебное разбирательство и просили бы его делать открытым в соответствии с Всеобщей Декларацией прав человека ООН. Доктор Мирзаянов действовал согласно своей совести и в соответствии с этим он должен быть оправдан на основании его права на свободу слова и неразглашения им информации, официально признанной государственным секретом.

Искренне,
Брюс Альбертс
Президент

Джеймс Б.Вайгнггарде
Секретарь по иностранным делам"

Вот и заявление Нью-Йоркской Академии Наук.

Заявление Нью-Йоркской Академии Наук
от 20 января 1994 года

Нью-Йоркская Академия Наук получила известие о том, что доктор Вил Мирзаянов предстанет перед судом за действия, находящихся под защитой международных соглашений и этических стандартов научной ответственности.

Мы просим снять обвинения против доктора Мирзаянова и разрешить доступ иностранным наблюдателям в суд 24 января 1994 года.

Свобода учёных привлекать внимание мира к возможным преступлениям некоторых лиц их правительства является элементарной частью научной свободы. Оскорбление этой свободы также является принижением основ доверия в искренности в их международных отношениях.

Джошуа Ледерберг, Ph.D.

Президент Нью-Йоркской Академии Наук"

К вниманию: Алексея Казанника
Генерального прокурора Российской Республики
Кузнецкий мост, 13
Москва, Россия

Влиятельный комитет озабоченных учёных США ещё раз обратился к Генеральному прокурору России Алексею Казаннику.

Дорогой господин:

Как организация, посвятившая себя защите и развитию прав человека и научной свободы коллег во всем мире, мы встревожены известием о том, что 24 января запланировано закрытое судебное разбирательство по делу химика Вила Мирзаянова.

Мы просим Вас сделать всё, что в Ваших силах, для предотвращения этого. Закрытый суд является лишь одним из компонентов несправедливости, исходящей из факта, что дело было расследовано на основе нового перечня государственных секретов, которому была придана обратная сила. Если закрытый суд состоится, то можно предположить, что Россия действительно создала новую группу бинарных химических вооружений. Поэтому мы настоятельнейшим образом просим Вас остановить это преследование, чтобы не пало подозрение на продекларированное Вашей страной намерение объединиться с другими нациями в запрете на разработку химического вооружения.

Искренне Ваши

Сопредседатель Джоел Л. Лейбовиц
Сопредседатель Паул. Г. Плотц"

В тот же день этот комитет обратился с аналогичным письмом на имя Президента Академии Наук России Юрия Осипова. Но мне кажется, что это было уже похоже на попытку метать бисер перед известными существами. Люди, состоящие на государственной службе, то есть чиновники из Российской АН, даже палец и палец не ударили для того, чтобы вмешаться в моё дело. Впрочем, были счастливые исключения в лице известных академиков, о которых я уже писал выше и которыми я искренне горжусь.

В связи с этим привожу текст обращения крупного учёного-физика академика Р. Сагдиева, бывшего вице-президента АН СССР и депутата съезда народных депутатов СССР, который вместе с А. Сахаровым и Б. Ельциным участвовал в создании первого в истории СССР оппозиционного депутатского объединения.

"Генеральному Прокурору России
г-ну Алексею Казаннику
(копия Президенту АН России
академику Юрию Осипову)

Уважаемый Генеральный Прокурор, к Вам обращается Ваш коллега по съезду народных депутатов бывшего СССР. Для меня одним из самых ярких эпизодов того времени был и остается Ваш благородный поступок, позволивший Борису Николаевичу Ельцину в те трудные времена возглавить демократов в Верховном Совете.

Сейчас, когда, казалось бы, демократия победила, необходимо Ваше срочное вмешательство в совершенно ином деле, в судебном процессе над учёным-химиком Вилем Мирзаяновым. Я не берусь вдаваться в детали обвинения, выдвинутого против Мирзаянова, якобы нарушившего режим секретности. Если мы сумели покончить с холодной войной и приступить к полному уничтожению химического оружия, какие же ещё секреты нужно скрывать от мировой общественности? Сам факт продолжения разработок новых видов отравляющих веществ? В глазах мирового общественного мнения процесс над Мирзаяновым может нанести лишь непоправимый моральный

ущерб политике российского руководства, да и всему делу мира. Это не вина, а трагедия целого поколения ученых и инженеров, вынужденного растратить свой талант на создание оружия массового уничтожения. Голос Мирзаянова – голос совести целого поколения – должен быть поддержан, а не задушен.

Академик Роальд Сагдиев,
Мэрилендский Университет, США"

Представляет большой интерес обращение комитета юристов по правам человека США к президенту России.

"Дорогой Президент Ельцин,
Начало суда над доктором Вилом Мирзаяновым, бывшим исследователем Государственного института органической химии и технологии, намечен на 24 января. Комитет юристов по правам человека озабочен условиями и процедурой приближающегося судебного разбирательства. Во-первых, согласно полученной нами информации арест Мирзаянова был вызван его статьей в соавторстве, которая допускала, что правительство России продолжает фондировать исследование в области химических вооружений. Господина Мирзаянова будут судить за раскрытие информации о производстве российских химических вооружений. Эти обвинения основаны на законе, который не существовал в то время, когда он писал свою статью. Он обвиняется за нарушение постановления № 256-16 от 30 марта 1993 года. Этим документом Совет Министров произвел изменения во "Временном перечне сведений, относящихся к государственным секретам", принятом постановлением правительства Российской Федерации № 733-55 от 18 сентября 1992 года. Следовательно, закон используется задним числом, отказывая господину Мирзаянову в его основном праве быть предупрежденным и информированным об обвинениях против него. Статьей 15 Международной Конвенции по гражданским и политическим правам, подписанной также и Россией, утверждается, что никто не может быть виновным в уголовном преступлении за действие или бездействие, которые не подпадают под уголовное преступление согласно национального или международных законов на то время, когда оно было совершено. Постфактум расследование также запрещено статьей 15 Конституции России. В её пункте 3 говорится: "Неопубликованные законы не применяются." Дополнительно пункт 1 статьи 54 новой Конституции утверждает: "Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет." Мы обеспокоены известием о намерении российского правительства сделать суд закрытым для всех наблюдателей. Секретные разбирательства существенным образом несовместимы с открытым демократическим обществом, которое, по-видимому, Россия намерена построить. Поэтому мы просим правительство России разрешить допуск в суд независимым российским и иностранным наблюдателям. Дело Мирзаянова является важной пробой приверженности правительства России уважать права человека и построить только законные институты. Мы обращаемся к Вам, чтобы суды действовали как независимая ветвь государства в соответствии с правами закона и были свободны от давления правительства.

Искренне,
Майкл Познер
Исполнительный директор"

Как это видно из текстов, авторы обращения хорошо были осведомлены о постановлениях правительства России, касающихся перечней государственных секретов. Это произошло благодаря Гейл Колби, которая постаралась распространить мои выписки из уголовного дела среди всех, кто мог бы выступить в мою защиту. И

эта работа дала свои плоды. 21 января 1994 года к Генеральному прокурору России А.Казаннику обратилась американская организация "Физики за общественную ответственность". Обращение подписал Дэниел Эллсберг.

"Дорогой Генеральный Прокурор,

Я знаю, что начало закрытого судебного разбирательства над доктором Вилом Мирзаяновым намечено на понедельник, 24 января в Московском городском суде. Во время моего визита в прошлом году, я был счастлив встретиться с доктором Мирзаяновым и мы имели несколько долгих бесед. Во время нашего знакомства я был чрезвычайно впечатлен его искренностью, прямоотой и его сильной любовью к своей стране. В нем не было никакого эгоизма, только глубокий патриотизм Мирзаянова и его действительная озабоченность по поводу здоровья москвичей, что послужило толчком к его действиям с тем, чтобы попытаться привлечь внимание и исправить опасную для окружающей среды практику его института и военно-химического комплекса. Я лично чувствовал сильную общую связь с этим отважным человеком, узнавая, что его мотивы были теми же самыми, которые подвигли меня опубликовать материалы Пентагона. К счастью для всех нас, мы живем в другое время, в начале периода завершившейся холодной войны. Однако, мы должны признать, что в то время, как мы куем соглашения по контролю за вооружениями, имеющие любой реальный смысл, важно, чтобы они были контролируемы гражданами. В сталинские времена доктор Мирзаянов был бы объявлен врагом государства. Теперь он должен быть признан пионером создания новой, необходимой международной нормы гражданской ответственности, человеком, находящимся на переднем крае реформ и демократии в Вашей стране. Принуждение к молчанию Мирзаянова и других, подобных ему, не поможет Вашей стране решать проблемы защиты окружающей среды или снизить угрозу, представляемую химическими отравлениями, которые могут произойти в любое время. Принуждение их к молчанию приведет к уменьшению доверия мира к объявленным Россией намерениям выполнять международные договоренности. И это же станет причиной снижения уровня доверия граждан России к способности их правительства исправлять ошибки прошлого или быть честным по отношению к ним. Один из Ваших официальных представителей заметил некоторым людям нашей страны, что суд над Мирзаяновым является мелочью, имеющей малое значение. Я, напротив, думаю, Вы убедитесь, что дело Мирзаянова представляет для нас большую важность в свете того, что мы более всего ценим и почитаем в нашей культуре – свободы слова. Ученый имеет право и должен нести ответственности за предоставление людям информации для предотвращения большей опасности, ведь он – официальное лицо, которое признает верность Конституции и человек, который раскрывает коррупцию и некомпетентность сильных мира сего. Дело Мирзаянова является лакмусовой бумажкой для возникающей демократии России. Он является личностью в традициях Андрея Сахарова, человека, который преследовался при прежнем режиме, а ныне по праву почитаем повсеместно. Я призываю Вас использовать Вашу власть для немедленного прекращения этого дела. Имеется много положений новой Конституции России, которые могут быть основой для прекращения дела. Более того, я бы просил Вас поручить Вашему оффису интенсивное расследование по поводу разоблачений доктора Мирзаянова и других осекретной программе химических вооружений и небезопасной практике в военной химии.

С уважением,

Дэниел Эллсберг"

Не менее легендарный человек, которого по праву зовут "китайским Сахаровым", известный китайский ученый Фанг-Ли-Жи от имени Американского Физического Общества подписал письмо на имя Президента России от 24 января 1994 года. Будучи одним из лидеров демократического движения в Китае, ученый участвовал в известных событиях на площади Тяньанмэнь в 1989 году, за что его собирались арестовать китайские военные. Его спасло посольство США в Пекине, которое дало ученому убежище в своем здании. В течение нескольких лет китайские власти не разрешали выезд Фанг-Ли-Жи из страны. Однако под давлением мировой общественности они были вынуждены уступить и позволить ему эмигрировать в США.

Теперь он работает в одном из американских университетов и активно участвует в защите прав ученых во всем мире.

"Дорогой Президент Ельцин!

Комитет по интернациональной свободе ученых Американского Физического Общества, в рядах которого состоят 43 000 членов, призван наблюдать ситуацию с правами физиков и других ученых во всем мире и оказывать им необходимую помощь. Наше внимание привлечено тем, что в отношении российского химика, который опубликовал информацию с озабоченностью о производстве нервно-паралитических отравляющих веществ в Москве, будет проведено судебное разбирательство по уголовному обвинению на основе газетной публикации. Далее, нам стало ясно, что судебное разбирательство не будет открытым для иностранных наблюдателей. Тревожно, что доктор Мирзаянов привлекается к суду за действие, которое соответствует по меньшей мере двум международным соглашениям, подписантом которых является Российская Федерация, как то: Конвенция по химическому разоружению и Декларация по запрету химических вооружений, оба из которых запрещают производство химических вооружений. Мы просим о том, чтобы суд над доктором Мирзаяновым был открытым для международных наблюдателей и чтобы обвинения против него были прекращены. Благодарим за внимание к этому делу. Мы ждем Вашего ответа. Искренне Ваш,
Фанг-Ли-Жи
Председатель Комитета по интернациональной свободе ученых".

Время, остававшееся до начала следующего заседания суда, летело стремительно. Ежедневно раздавалось несколько звонков по телефону с просьбой об интервью, выступлении по радио и просто комментариев по поводу предстоящего суда. Я не помню, чтобы я кому-то отказал в такой просьбе. Несмотря на большую нервную нагрузку, я встречался с журналистами и помогали мне наиболее точно сформулировать мои представления о проблеме запрета химического оружия, определить возможные, с моей точки зрения, попытки обхода Конвенции по химическому оружию. Ещё до начала суда я получил из США статью Ричарда Селтцера, опубликованную в журнале "Chemical and Engineering News" от 24 января 1994 года под названием "Учёные США протестуют против суда над российским химиком". В ней говорилось следующее:
"Российские планы устройства закрытого суда на этой неделе над химиком Вилом Мирзаяновым вызвали в США бурю протестов. Мирзаянов, который ожидает суда 24 января, обвиняется в разглашении государственных секретов. О его аресте за публикацию статьи в сентябре 1992 года журнал сообщал в своем выпуске от 21 июня 1993 года. Свои протесты российским лидерам послали Американское Химическое Общество, Национальная Академия Наук (NAS), Американская Ассоциация за прогресс в науке (AAAS), Нью-Йоркская Академия Наук, Федерация Американских Ученых и Комитет Озабоченных Ученых. Обращения были посланы такими организациями по защите прав человека, как Хельсинкская организация по наблюдению за правами человека и Фондом Андрея Сахарова и политическими лидерами. Администрация Клинтона неоднократно через дипломатические каналы выражала свою озабоченность".
Далее журналист, сделав обзор посланий, тексты которых я привел выше, заключает свою статью словами директора программы по защите прав человека Нью-Йоркской Академии Наук Светланы Костик-Стоун о том, что ученые в России должны иметь такие же права говорить, как и их коллеги в США. Это дело является тестом открытости нового режима. Если он действует так же, как и старый, то, стало быть, страна движется в обратном направлении...
За это время я впервые подробно ознакомился с целым пакетом международных актов по правам человека и досконально проштудировал новую Конституцию России. Бог ты мой! В этих бумагах все говорило о том, что никаких юридических оснований

для судебного преследования не было. Я уже писал о том, что ни в одном из перечней, на основании которых проводилось следствие, химических отравляющих вещества, химическое оружие не упоминались ни единым словом. И в новой, демократической России должна была сохраняться такая же ситуация. Новый перечень сведений, составляющих государственную тайну, принятый постановлением Совета Министров № 733-55 от 18 сентября 1992 года, был введен в действие с 1 января 1993 года и принципиально не отличался от документа-предшественника. Но такой традиции в этой области, как оказалось, помешали мои действия. Как результат, секретным постановлением № 256-55 Совета Министров от 30 марта 1993 года были приняты поправки к этому документу. Здесь вещи назывались своими именами, прямо и понятно, как и пристало серьезному юридическому документу. Хотя следователь Шкарин прямо не приводил в обвинительном заключении эти поправки, как основание для моего судебного разбирательства, сам факт включения этого постановления в уголовное дело, имел целью его использование судом.

Но даже при этом, оставался открытым вопрос: могут ли как прежние перечни, так и новый перечень секретов с поправками быть использованы судом? Ведь они, для того, чтобы вступить в законную силу, должны были быть опубликованы. Таково было требование новой Конституции. При одной только мысли обо всём этом я буквально воспламенялся от возмущения. Получалось, что чекисты и суд хотели на моем примере провести показательный урок на тему: "Вы пишете и принимаете разные ваши конституции, а мы обойдёмся без них и будем судить вас по нашим прежним правилам". Но ведь кто-то должен был попытаться разорвать этот бесконечный порочный круг. Но кто же? Мы привыкли ждать, что кто-то другой сделает это для нас. Он, этот мифический "другой", возможно, умнее нас, самоотверженнее, не имеет детей, старых родителей...

Медленно, но верно во мне созревала решимость действовать. Я ни с кем не делился моими ещё смутными и не созревшими еще планами. К сожалению, у меня тогда не было тогда близкого человека, с которым я бы мог обсудить и взвесить свои намерения. Как будет реагировать общественность, простые люди, если я брошу вызов существующей системе советского правосудия - этого я не знал.

Тем временем мой адвокат А.Аснис быстро поправлялся и мы часто говорили с ним по телефону. Скоро он начал свою работу во всю силу. Он намеревался ходатайствовать перед судом о назначении новой экспертизы, и ему необходимо было искать новых кандидатов в эксперты. Ряд известных ученых соглашались на эту роль, но при этом выставляли условие, чтобы на них не был оформлен допуск к секретным работам. В статье Л.Никитинского "Тайна государственной тайны", опубликованной в газете "Известия" от 22 января 1994 года, была остро и подробно изложена суть моего дела, показана полная его несостоятельность с точки зрения правовых норм. Тем не менее, как писал журналист, не нашлось ни одной инстанции в стране, которая прекратила бы дело, инспирированное Министерством Безопасности, которое было к тому времени преобразовано в новое ведомство с вывеской "Федеральная Служба Контрразведки" (ФСК). Журналист сообщал, что мой адвокат намерен просить приобщить к делу перечни сведений, составляющих государственную тайну. Напомню, что следствие категорически отказалось это делать, поскольку в этом случае я бы эти перечни переписал и обнародовал. Тогда каждый мог бы сам убедиться во лжи, к которой прибегли следователи и верхушка ВХК для того, чтобы прикрыть бесстыдное лицемерие. Даже пользуясь микроскопом, было бы невозможно в этих творениях чиновников найти намёк на химическое оружие или отравляющие вещества. Поэтому, конечно, было очень любопытно узнать, как поступит суд, удовлетворит ли он ходатайство адвоката или же послушно пойдет по дорожке, проторенной чекистами. В душе у меня теплилась совсем крошечная надежда, что судьи могут пойти по независимому пути, доказав тем самым, что в России возрождается сила закона.

...Тем временем, в стране и мире, казалось, всё шло своим чередом. Состоялся долгожданный визит Президента Клинтона в Москву. Государственная Дума, где теперь преобладали жириновцы и коммунисты, объявила амнистию зачинщикам и участникам кровавого мятежа, на совести которых были сотни жертв. Даже депутаты-

демократы буквально рыдали у микрофона, демагогически призывая остановить "деление на красных и белых". В переводе на нормальный язык это был призыв к объединению порядочных людей с преступниками. Социальная демагогия не знала таких вершин даже при коммунистическом режиме. Новый Генеральный прокурор полностью был переключен на решение этой "всенародной задачи". Ясно, что было не до меня...

Глава 18

Суд и тюрьма Прокурор Панкратов и судьи

24 января 1993 года настал день суда. Он должен был начинаться в 10 час 30 мин. На этот раз сопровождающих не было и я добрался до суда в одиночестве. Однако, перед зданием суда было оживленно, там было довольно много корреспондентов и телевизионщиков, как наших, так и иностранных. Адвокат Аснис уже отвечал на их вопросы. Здесь же была Валерия Новодворская со своими ребятами из "Демократического союза". Мы тепло поздоровались и позировали перед фотокорреспондентами. Я сказал журналистам, что сегодня наступил день испытания новой Конституции, которая создавалась с таким трудом и на которую многие у нас и в мире возлагают большие надежды. У дверей зала суда стояли два милиционера. Мы прошли в комнату и сели на свои места: я на скамейку подсудимых, Аснис – на адвокатское место недалеко от меня. На месте прокурора сидел пожилой, пенсионного возраста, с редкими седыми волосами мужчина без левой руки, одетый в прокурорскую форму – явно инвалид Отечественной войны, о чем свидетельствовали наградные планки. Вскоре мы услышали: "Встать, суд идёт!" В дверях появились судья Николай Сазонов, светловолосая женщина и высокий мощный мужчина, согнувшийся под тяжестью семи толстых фолиантов, которые он нес подмышкой. Я удивился, недоумевая, почему же вместо знакомых мне пяти томов вдруг стало семь. Сообразил быстро: следователь постарался придать делу вес, добавив в него ещё два тома. Судья Сазонов объявил о начале суда по рассмотрению уголовного дела В.Мирзаянова в составе Николая Сазонова, Ларичевой В.В., Юдина В.Г. при секретаре Панкратовой Т.В. с участием прокурора Панкратова Л.С. и адвоката Асниса А.Я.

Когда судья спросил, имею ли какие-либо вопросы или ходатайства суду, я встал и произнёс подготовленную речь с изложением моих ходатайств. Я заявил, что следствие проведено с обвинительным уклоном и явно тенденциозно, с целью во что бы то ни стало, посадить обвиняемого в тюрьму и тем самым запугать возможных оппонентов верхушки военно-химического комплекса. Для этого были использованы ведомственные перечни сведений, составляющих государственную тайну и так называемый Главный перечень государственных секретов. Они являются секретными и не приобщены к моему делу, так что у меня и у моего адвоката нет никакой возможности их оспаривать. Но главное заключается, в том, что эти нормативные акты не опубликованы. А это является прямым нарушением пункта 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации, где дается четкое определение: "Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения".

Моё первое ходатайство заключалось в том, чтобы суд признал указанные нормативные акты-секретные перечни сведений, составляющих государственную тайну, недействительными на этом основании. Кроме того, я просил отменить закрытое судебное слушание по моему делу, поскольку это противоречило статье 14 Всеобщей Декларации о правах человека и статьям 9-10 Международной Конвенции по гражданским и политическим правам. Несмотря на неоднократные мои и моего адвоката А.Асниса ходатайства перед следствием о предоставлении нам той самой целевой программы исследований в интересах обороны страны и её результатов,

которые я якобы разгласил, до сегодняшнего дня этого сделано не было. Я просил суд удовлетворить мою повторную просьбу о предоставлении этой программы, чтобы, наконец, выяснить, что же именно я оттуда разгласил. Кроме того, поскольку созданная следствием экспертная комиссия в большинстве своем состояла из представителей заинтересованной стороны, я просил суд назначить новую, на этот раз независимую экспертизу. Произнося речь, по старой привычке лектора я старался следить за реакцией аудитории. На лице судьи Сазонова было написано глубокое безразличие с примесью неприкрытого презрения. Он явно считал, что я говорю всё это в пропагандистских целях, как какой-нибудь демагог, привыкший говорить независимо от состава слушателей. Юдин всем своим видом демонстрировал великодушие и снисходительность физически крупного человека к какому-нибудь тщедушному мужчине. Лицо Ларичевой открыто выражало явное неодобрение: посмотрим, мол, как ты запоешь, когда мы тебе влечем срок на полную катушку. Красноречивее всех было лицо прокурора. Оно открыто выражало возмущение тем, что в зале правосудия, да еще в его, прокурора, присутствии, кто-то осмеливается бросить вызов системе, которая только и делает, что защищает граждан от преступных деяний. "Здесь командуем мы и ты сильно пожалеешь о своем красноречии!" – восклицало лицо прокурора.

Судья затем дал слово моему защитнику. А.Аснис настаивал на назначении новой экспертизы, поскольку прежняя, с его точки зрения, не исследовала техническую сторону дела. Поскольку заключение этой комиссии легло в основу обвинения, то защитник просил суд отправить дело в Генеральную прокуратуру для производства дополнительного расследования. Он также ходатайствовал о вызове в суд в качестве свидетелей защиты экспертов генерала В.Смирницкого и полковника Н.Чугунова. Речь моего адвоката была предельно четко аргументирована различными статьями из уголовно-процессуального кодекса и разъяснениями научно исследовательского института судебных экспертиз, выполненными по просьбе моего адвоката.

Речь А.Асниса судьи и прокурор слушали с демонстративным пренебрежением, благо, в комнате не было аудитории. Однако, привыкший к такого рода сценам, мой адвокат нисколько не смутился. Слово взял прокурор. В противовес речи Асниса, в его словах логика полностью отсутствовала. Невооруженным было видно, что он не читал дело, и не имел понятия о каких-либо законах по охране государственной тайны, перечнях секретов и др. Впрочем, судите сами.

«Товарищи судьи! – начал прокурор. – Конечным моментом ходатайства как подсудимого, так его адвоката является просьба возратить настоящее уголовное дело на дополнительное расследование. Ими дается оценка всему следственному материалу, особо заостряется внимание на заключении экспертизы. Это, мол, некачественно, то некачественно. Посему нет, мол, предмета разговора», – недовольно ворчал ветеран войны, якобы цитируя нас. "Обвинителю представляется, – с пафосом произнёс он, – что такая постановка вопроса порочна. Мы находимся только на предварительной стадии судебного разбирательства. Мы не можем дать объективного доказательства. Наша задача заключается в том, чтобы оценить все в процессе".

Со слов прокурора, все ходатайства о конституционности, экспертизах – как бы не моего ума это дело. Далее он исполнял свою привычную, абсолютно не касающуюся моего дела универсальную мелодию, которая, по-видимому, служила ему всегда неплохо. "Подсудимый и адвокат идут с опережением графика (?! – ВМ.). Мы не слушали экспертизу. Пригласили мы экспертов? Нет. Как же можно с опережением, как же можно говорить? – бессвязно продолжал ворчать прокурор. – Не вижу каких-либо моментов, которые позволили бы утверждать, что предварительным следствием нарушены глобальные принципы предварительного следствия. Давайте пойдем дальше!" Для него не существовало никаких наших аргументов. "Целевые программы и Мирзаянов, – ужасался обвинитель, – по меньшей мере это нескромно". Я понял, что передо мной простой солдафон, малообразованный и поэтому опасный. Дальше он коснулся уже более близкой ему материи. Это касалось многочисленных корреспондентов и публики, собравшейся в коридоре перед комнатой суда. Всё это ему решительно не нравилось. "Как же это можно, что они так свободно и без

разрешения могут фотографировать, даже выражать своё возмущение?" – вопрошал прокурор. Тем не менее, ход его мыслей был яснее ясного. Прокурор, очевидно, полагал, что подсудимый тоже находится под "чуждым" влиянием, если он так запросто болтает про Конституцию, демократию и ООН. Поэтому он решил решительно пресечь любые мои и А.Асниса попытки подвергнуть сомнению действия МБР, Генеральной прокуратуры и суда. "Я понимаю, чем это вызвано – в прессе, за пределами зала. Я наблюдал прессистов(??- В.М.)-демократов, которые везде ходят и ищут нарушение законов в прокуратуре, МБР и суде. Нет этого – и точка! Мы боремся с преступностью, защищаем население". Далее он перешел к раздаче указаний: "Президент должен утверждать перечни, как того требует "Закон о гостайне" и это – функции президента по закону. Он также должен определить перечень должностных лиц, которые должны думать обо всем этом. Но могу сказать, что этот закон повторил практически все то, что было до октября 1992 года". Это было директива для судей, чтобы они не ломали свои головы над какими-то вопросами насчет законности и незаконности. Завершил он свою путаную речь весьма категорически: "Существует Россия, нет Союза. Президент сказал, что для России тоже важна тайна, как и для СССР. Я имею в виду его Указ с 1992 года. Вот из этого исходить, от этого танцевать. Ни одно из ходатайств не может быть удовлетворено, кроме двух свидетелей. Я на данной стадии процесса не вижу (?? – В.М.)".

Неожиданностей никаких не произошло. Всё было до предела знакомо, как если бы я всю свою жизнь только и делал, что судился и слушал прокурора. Я всем телом почувствовал, что гроздь гнева не только созрели, но и душат меня, разрывая моё сердце. Здесь судья объявил перерыв и мы вышли в коридор. Нас встретили многочисленные корреспонденты с градом вопросов, на которые отвечал мой защитник. Я, по-видимому, растратил слишком много энергии в зале суда, и не мог адекватно отвечать на вопросы. Меня в этот момент заботила только мысль о том, что я должен непременно ответить на все, что произошло в зале суда. Очевидно, поэтому я не был внимателен к журналистам и Валерии Новодворской, которые подошли ко мне. Другое дело А.Аснис. Он, как всегда, был хладнокровен и четок. От него исходил едкий сарказм по отношению к происходящему. Но когда ко мне подошёл В.Углев с бледным лицом, и заявил нервным голосом, что готов разгласить формулы веществ А-230 и А-232, если "эти скоты" не отменят процесс, я быстро пришел в себя. Нет, я никогда не был разгласителем государственной тайны и всячески старался избегать обвинения по этому поводу. Но чтобы разгласить действительно секретные сведения? Нет, для меня это было категорически неприемлемо. Я тут же сказал Углеву, что никогда не смогу согласиться с таким выступлением. Ведь с самого начала всеми силами я старался показать, что можно говорить о проблемах, не разглашая существа дела. Но я видел, что не убедил моего собеседника. Он был настроен решительно, и я попросил, чтобы все свои действия он осуществлял без ссылки на меня. Не потому, что я боялся последствий – по моему убеждению, это был бы нечестный шаг.

Я постарался выйти на улицу, чтобы наедине с самим собой подумать о том, что же мне предпринять сегодня, чтобы попытаться предотвратить надвигающийся на меня танк советского "правосудия". Но снова раздался голос секретаря, извещавшего, что перерыв закончился и суд продолжается. Заходя в зал суда, я услышал возглас Валерии Новодворской: "Слушай, прокурор, скольких ты отправил на смертную казнь?" Возможно, это был самый страшный вопрос для обвинителей, и Валерия об этом знала. Я был полностью уверен, что все наши ходатайства суд отклонит, и не ошибся. Все шло в точности так, как предлагал прокурор. Секретарь суда начала заунывным тоном читать обвинительное заключение. Хотя до этого неоднократно изучал этот документ, здесь мне послышались в нем совершенно другие, угрожающие интонации. Прокурор сидел при этом с безразличным видом. Изредка, когда он правой рукой листал моё дело, пустой левой рукав френча вздрагивал. Н.Сазонов воплощал абсолютное безразличие к чтению. В.Юдин внимательно читал газету "Московские новости" с моей статьей. Но вот судья В.Ларина не могла сдерживать эмоций, время от времени покачивая головой, что явно выражало: "Ай-яй –яй! Как

же это можно дойти до жизни такой?" После оглашения обвинительного заключения Н.Сазонов объявил перерыв на обед до 14 часов 30 минут. В коридоре суда людей было мало. Почти все журналисты разошлись, не рассчитывая более на сенсацию. Впрочем, меня всё же попросили дать интервью для радио "Молодёжный канал" и для какой-то иностранной газеты. Я поговорил с журналистами и затем пошёл вместе с А.Аснисом на улицу, поискать что-либо перекусить.

Есть не хотелось, и я удовлетворился лишь стаканом томатного сока в близлежащем продовольственном магазине. Здесь я неожиданно понял, что моё решение созрело и теперь я буду действовать без колебаний, поскольку у меня не осталось никаких иллюзий. Пусть судьи и прокурор не думают, что я покорно буду ждать их заранее готового решения. Я решил, что не буду добровольно участвовать в их позорной игре, где они демонстративно топчут Конституцию страны. По сути дела, они сами были преступниками, если вот так открыто рвали на кусочки Основной Закон России, за который уже успело пролиться много крови на улицах Москвы во время октябрьских событий 1993 года.

Нужно было положить конец открытому пренебрежению законом в зале суда. Хорошо, пусть Конституция СССР была демагогическим документом, но каждый в нашей стране тогда знал, что всё это пустые слова. Но сейчас, когда мы начали создавать законы не для пропагандистских целей, а для самой жизни, меня, ученого, убежденного демократа делали подопытным кроликом. На моем примере высмеивали всё, за что я боролся, и это было уже выше моих сил. А ведь я имел двух несовершеннолетних сыновей, кормить которых и воспитывать, кроме меня, было некому. При этих мыслях на мои глаза навернулись слёзы и я остановился, чтобы унять мое непослушное сердце, которое колотилось со страшной силой. Мне все же удалось собраться и унять боль, усиленно давя на мизинец левой руки, как это рекомендуют опытные врачи.

Когда я встретился с Аснисом, который, по-видимому, где-то пообедав, спешил к зданию Мосгорсуда, я уже был спокоен. Я подумал, что адвокат попытается отговорить меня от моего решения, но я буду непреклонен. Я рассказал ему о моём решении и добавил, что оно окончательное. А.Аснис видел, что я безмерно страдаю и поэтому не стал докучать излишними вопросами. Может быть, он на основе своей удивительной чуткости понял, что его клиент непреклонен. Он лишь сказал, что уважает мою позицию, хотя и не разделяет ее. Добавил, что конечное решение за мной и его долг действовать согласно моему мнению. Это было полное одиночество. Возможно, моё решение было сумасшедшим и я почувствовал свою полную оторванность от окружающего мира. К счастью, силы не оставили меня и я пытался даже улыбаться, когда входил в комнату суда.

Появившиеся судьи возвратили меня к реальной жизни. Сазонов спросил, есть ли у кого вопросы по ведению суда. Я встал и сказал, что прошу слова для заявления. Н.Сазонов снисходительно произнёс: "Пожалуйста!" Я не готовил письменного заявления, решив, что справлюсь и без этого. Свою короткую речь-заявление я запомнил на всю жизнь. Я говорил, полностью контролируя свою речь и сдерживая нахлынувшие эмоции:

– Господа судьи и господин прокурор!

Вы сегодня отклонили все мои и моего адвоката ходатайства. Вы отклонили даже просьбу рассмотреть неконституционность секретных перечней сведений, составляющих государственную тайну. Я простой гражданин, который всю жизнь соблюдал законы и жил честно. Но сегодня вы вовлекаете меня в процесс, который имеет только одно название – беззаконие. То, что вы отклонили, явно демонстрирует открытое пренебрежение Основному Закону Российской Федерации – Конституции. Можно было спорить, насколько она хороша или плоха до референдума и её подписания Президентом России. Но сегодня вы открыто игнорируете Конституцию, показывая, что ваши коммунистические убеждения превыше всего. В сложившейся ситуации я не могу быть соучастником преступного деяния, которые, вы, вкупе с прокурором, обязанным надзирать выполнение законов Российской Федерации, совершаете. Поэтому я отказываюсь добровольно участвовать в этом преступном процессе, дабы не стать его соучастником и заявляю, что не буду являться на его

заседания. Судья Ларина всем своим видом говорила, что она вот-вот взорвется от переполнившего ее гнева. Прокурор исходил ненавистью ко мне. Будь его воля, он немедленно расстрелял бы меня на месте. Сазонов же был невозмутим. Однако нашел в себе силы саркастическим тоном спросить: "Это всё?" Я ответил, что всё. Тут он объявил, что прерывает заседание и просит меня подписать повестку в суд. Секретарь немедленно заполнила бланк повестки и я расписался в её получении. Всё стало предельно просто. Если я не появлюсь на заседании суда 25 января 1994 года, то буду приведен туда силой, то есть арестован. Если, конечно, не скроюсь. Но такой мысли я даже не допускал. Моё заявление стало сенсацией среди журналистов, которые в небольшом количестве ещё дожидались окончания судебного заседания. Они спрашивали, знаю ли я о последствиях моего решения. Адвокат Аснис был несколько расстроен и, кажется, ещё думал, что форма моего неучастия в суде могла бы быть другой, например, простым отказом отвечать на вопросы. Нет, я решил твёрдо не являться в суд добровольно, о чем и сказал репортерам. Вечером дома я отвечал на звонки журналистов из различных изданий о своем решении. Я подчеркивал, что мое решение не является неуважением к суду, как институту правосудия. Оно является вынужденным, поскольку я более не располагаю возможностями защищать себя, как гражданина перед людьми, которые открыто попирают Основной Закон страны – её Конституцию. При этом я ссылался на решение судьи в США, который, обнаружив нарушение Конституции во время следствия по делу Д.Элсберга, немедленно прекратил его. Вот как уважают судьи Основной Закон страны в США, и вот как должно быть и у нас, в России, строящей демократическое общество, пытался объяснять я.

В тот же вечер мне позвонил Аснис, и сказал, что 26 января состоится пресс-конференция с нашим участием в доме Российско-Американского информационного пресс-центра в Хлебном переулке. О подробностях предстоящей встречи с журналистами я узнал, позвонив Ниму Науму, работавшим помощником Алексея Симонова, который должен был председательствовать. Я понял, что это, возможно, моя последняя встреча с прессой и поэтому решил, что мне надо не быть арестованным до неё.

Арест

Вечер и ночь я провел у себя дома. 25 января, встав рано утром, поспешил в газетный киоск за свежими газетами. Но, к сожалению, не обнаружил в них сообщений о начавшемся процессе. Но на мое дело откликнулся хорошей статьей Фред Хайятт в "Вашингтон Пост" от 25 января 1994 года под названием "Российский суд открывает беспрецедентное секретное слушание". Журналист сообщал о начале закрытого суда по моему делу и кратко излагал его подоплёку, которая, по его мнению, вызывает озабоченность в США, как регресс демократии в России. После того, как судья отклонил обращение Мирзаянова о нарушении судом Конституции России, Мирзаянов, по словам Ф.Хайятта со ссылкой на адвоката, отказался отвечать на вопросы. Прокурор Леонид Панкратов, по мнению журналиста, удивил многих своим появлением в суде в военной форме в погонах с тремя звёздочками и уклонился от ответов на вопросы корреспондентов. Когда активисты по правам человека ожидали его в коридоре суда для ответа на их вопросы, то Панкратов, по свидетельству журналиста, кратко бросил: "Уходите с дороги. Держите свои глупости при себе". Далее Ф.Хайятт сообщал, что члены конгресса, включая сенатора Д.Монихэна и члена палаты представителей Дж.Конйерса обратились в администрацию Клинтона с тем, чтобы это дело стало предметом двусторонних переговоров. Затем журналист излагал позицию А.Асниса, который подчеркнул, что в деле отсутствуют ряд документов, которые сильно затрудняют задачу защиты. Мирзаянов сказал, продолжает журналист, что суд нарушает новую Конституцию России, которая утверждает, что неопубликованные законы не имеют юридической силы. Аснис сказал, что уверен, что американский журналист Уилл Энглунд из газеты "Балтимор Сан" будет вызван в суд для дачи показаний. Энглунд, по сообщению Ф.Хайятта, озабочен возможностью дачи показаний за закрытыми дверями,

поскольку его прежние ответы были искажены с целью обвинения Мирзаянова. В частности, он несколько раз настаивал на том, что Мирзаянов не раскрыл ему никаких технических секретов. А это как раз и отсутствует в обвинении. После завтрака я погулял около дома с моим младшим сыном Султаном. Он

Март 1994 г. Моя жена Нурия и дети. Справа Искандар, слева Султан.

приболел и не ходил в детский сад. Тут мне позвонил А.Аснис и рассказал о заседании суда, которое было кратким из-за моей неявки. Судья вынес решение судьи о моем принудительном приводе на судебное заседание. Мы с Аснисом договорились о встрече вечером этого же дня в здании юридической консультации. Однако, наша встреча могла и не состояться. Около 5 часов вечера, когда я уже собирался ехать к моему адвокату, в дверях раздался звонок. Я посмотрел в глазок и увидел перед дверью двух омоновцев, вооруженных автоматами. Милиционеры сказали, что они из 139 отделения милиции г.Москвы. Дверь я открыл без дальнейших вопросов, поскольку внутренне понимал безвыходность ситуации и был готов к такому исходу. Войдя в квартиру, один из этих дюжих парней сказал, чтобы я готовился проследовать в отделение милиции и показал бумагу – распоряжение Московского городского суда о принудительном приводе меня в зал № 30 к 10 часам 30 минут 26 января 1994 года. Я начал было одеваться, но тут в дело вмешалась моя супруга Нурия. Она потребовала бумагу и воскликнула: "Здесь сказано доставить к 10 часам 30 минут 26 января в зал суда, а не в отделение милиции. Какое число сегодня и какое теперь время?! Нет, здесь явное нарушение распоряжения и своеволие!" Тут и до меня дошло, что мне предстоит провести ночь в отделении милиции, в какой-нибудь перенаселенной, вонючей и грязной клетке без еды и питьевой воды. Поэтому тут же воскликнул: "Ребята! Вас подставляют и все спросят о законности вашей акции! Кроме того, у меня есть сомнения насчет ваших личностей. Почему у вас нет письменного распоряжения вашего начальника?" Тень сомнения немедленно легла на усатое и круглое румяное лицо омоновца. Он пошел к телефону на кухне и позвонил своему начальнику, объяснив наши претензии. Он также добавил, что я требую письменного распоряжения начальника отделения милиции. Видимо, начальник также начал сомневаться в своих действиях и дал отбой. Омоновец кивнул своему напарнику: "Пошли!" Я получил передышку для обдумывания сложившейся ситуации. Я понимал, что буду арестован в любом случае. Но я же пообещал приехать на пресс-конференцию и не должен был сорвать ее. Тут же я принял решение немедленно уехать из дома к моему адвокату, а там будет видно. Обо всем этом очень красочно написал Сергей Мостовщиков в вечернем выпуске газеты "Известия" от 26 января 1994 года. По его словам, милиция в 6.15 и в 8 утра следующего дня приходила в

квартиру, однако не могла меня найти. Приехав к 6 часам вечера в юридическую консультацию, я не застал там Асниса. Секретарь попросила меня подождать. Наконец, около 7 часов приехал мой адвокат и рассказал свои новости. Во-первых, суд в буквальном смысле слова был шокирован моим решением. Во-вторых, Аснис встретился с генеральным прокурором А.Казанником. Тот предупредил адвоката, что такая встреча Генпрокурора с защитником во время процесса является экстраординарной. Поэтому А.Аснис попросил меня никому не рассказывать о его встрече. Я выполнил своё обещание и пишу об этом только сейчас. Аснис сказал, что видел на столе Генерального прокурора моё дело. А.Казанник был озабочен моим делом, с которым, он до этого не знакомился. Он обещал скорейшим образом изучить его для того, чтобы сказать что-либо конкретное. Выходя из кабинета Казанника, в приемной Аснис увидел прокурора Панкрата, который находился там, по мнению моего адвоката, отнюдь не случайно. Всё это обнадеживало, однако, ничего конкретного пока не было. Я решил оставаться до конца твердым и последовательным в своем решении. Я должен был действовать таким образом, чтобы не уронить свою честь и усилить нажим на власть имущих для отмены моего дела. А.Аснис ещё раз попросил меня всё взвесить и обдумать. Но я уже принял решение и отступать не собирался. Мы договорились встретиться на пресс-конференции, если к тому времени я не буду арестован. Из юридической консультации я позвонил моей дочери Елене и сказал, что приеду к ней на Ленинский проспект и переночую в её квартире. На всякий случай я дал телефон Елены моему адвокату, чтобы он смог сообщить его заинтересованным журналистам и другим, кого знал хорошо. Конечно, я знал, что телефон прослушивается чекистами, но был уверен, что они будут сотрудничать с милицией только в исключительных случаях, например, при попытке бегства или чего-либо подобного.

Рано утром на Ленинском проспекте уже начались звонки репортёров с просьбой дать интервью. Разумеется, я дал согласие и скоро некоторые из них прибыли на квартиру моей дочери.

Американская журналистка Кэтлин Хант спросила, что я чувствую перед арестом. Я сказал, что это мне напоминает минуты ожидания перед хирургической операцией. В Хлебный переулок я поехал вместе с моим зятем, бизнесменом Олегом Орловым и двумя его здоровыми помощниками. Мы опасались провокаций и в этой ситуации осторожность не была излишней. Приехав на место на час раньше назначенного времени, я встретился с А.Аснисом. Он в этот день уже побывал в суде, принявшем свое решение по моему поведению. Он рассказал мне о произошедшем там. Вот как описывал это С.Мостовщиков в "Известиях" от 27 января 1994 года. По словам журналиста, на суде было заметно, что произошли значительные положительные перемены. В частности, когда обсуждался вопрос об аресте ученого и последующей доставке его на процесс силой, прокурор Панкратов, давно настаивавший на этой мере, круто изменил свой курс и больше не поддержал эту идею. Ссылаясь на московского правозащитника Андрея Миронова Мостовщиков писал, что такая метаморфоза с прокурором произошла потому, что о процессе детально был проинформирован Генеральный прокурор России Алексей Казанник. Журналист считал, что сведения о сомнительном качестве компромата, собранного на Мирзаянова бывшим МБ, не доходили до Казанника и блокировались его подчиненными. Сложно сказать, иронизировал С.Мостовщиков, каким образом можно находиться в неведении о деле, о котором пишут все газеты страны. Но тем не менее это так и даже суд находится в состоянии смятения. Об этом, по мнению журналиста, свидетельствует факт, что очередное заседание назначено лишь на 3 февраля. От себя хочется добавить, что опытный судья Н.Сазонов рассчитывал, что обвиняемый, пробыв в тюрьме более чем неделю, станет "разумным".

Пресс-конференция в Российско-Американском информационном пресс-центре была многолюдной и в зале не было свободных мест. Представители различных информационных агентств, радио и телевидения, а также многочисленных газет непрерывно задавали вопросы и снимали. Председательствовал Алексей Симонов. Кажется, всё было до предела ясно: закрытый суд надо мной является сегодня вызовом новой Конституции страны и складывающемуся демократическому обществу.

Драматизм пресс-конференции придало сообщение моего адвоката о том, что сегодня судья Сазонов постановил арестовать меня за неуважение суду. Он также не исключил вероятности того, что арест может произойти прямо при выходе на улицу из этого здания. Думаю, это было маловероятно, поскольку омоновцы очень уж не любят, когда их снимают.

После пресс-конференции я поехал домой к себе. Пусть уж берут дома, решил я. Зять со своими ребятами доставил меня на улицу Сталеваров 4, к подъезду моей квартиры.

“Матросская тишина”

Дома я выспался и был спокоен. Жена страдала от приступа своей привычной мигрени, так что мне пришлось вместо завтрака удовлетвориться просто чаем. Старший сын Искандар рано утром ушёл в свою школу, а младший – Султан остался дома. Я по привычке пошёл на улицу, в газетный киоск. Газеты почитал на скамейке около дома и пошёл в квартиру, намереваясь позвонить кому-либо из знакомых. Время тянулось томительно долго, и никто не приходил меня арестовывать. Почитал детские сказки Султану, после чего он начал рисовать свои гоночные машины и космические корабли... Нурия всё продолжала лежать с завязанной белым платком головой.

Вот тут, около полудня и раздался звонок в дверь. Всё теперь было уже привычным, ордер на арест, приказ приготовиться к следованию в тюрьму. В какую, милиционеры не знали. Им было известно лишь, что только, что я должен быть доставлен в злополучное 139 отделение милиции, которое находится совсем близко от моего дома. Только вот было страшно стыдно перед Султаном, поскольку он нагляделся телевизионных фильмов с арестами различных преступников-бандитов. Если уж арестовывают его отца, то здесь тоже что-то было плохо. Как говорят в России, за хорошие дела в тюрьму не сажают. Об этом знает, благодаря телевидению, каждый ребёнок. Мой сын, конечно же, не был исключением. Он с ужасом наблюдал за здоровыми молодцами с автоматами, которые должны были увести его отца. Неплохо бы взять с собой что-нибудь из белья и одежды, подумал я машинально, но невыносимая мысль о том, что я сейчас калечу психику своего ребёнка, делала моё дальнейшее пребывание на его глазах совершенно неприемлемой жестокостью. Я быстро надел лыжный свитер, осеннее пальто, лыжную шапку, старые зимние ботинки, внутри которых уже давно не было никакого намёка на первоначальный утеплитель. “Руки!” – приказал омоновец. Я не понял. Но когда омоновец угрожающе гаркнул ещё раз и я ясно увидел в его глазах решение свалить меня сокрушительным ударом, меня осенило: он хотел надеть на меня наручники. Я послушно повиновался. Широко открытые глаза сына выражали ужас и из них текли слёзы. Он плакал беззвучно, как это делают старики...

После этого он страдал нервным тиком, и вылечить его не смог ни один из детских врачей – профессоров. Не помогла даже “заговоренная вода”, которую Нурия доставала за круглую сумму у врачей-лечителей. По ночам в своей кровати он бросал своё маленькое исхудавшее тело из стороны в сторону, ударяясь о стену, и умолял в отчаянии: “Мама, это не моё тело, оно прыгает, помоги, пожалуйста, мне!” Наконец, справившись со своей мигренью, встала жена, чтобы затворить дверь за нами. Я решительно отправился к дверям, стараясь более не смотреть на Султана. У меня даже не осталось сил сказать ему “прости”. Наверное, я тоже плакал, но без слёз и всхлипов. Когда мы спустились по лестнице, один милиционер с автоматом шёл спереди, другой – сзади.

На улице нас ожидал небольшой «черный воронок». Я машинально посмотрел наверх, в окно кухни моей квартиры на четвертом этаже. Там было видно личико моего Султана. Я быстро отвернулся, не в силах помахать на прощание. Издалека за происходящим наблюдали многочисленные жители моего дома.

Ладно, хоть при посадке в автомобиль мне не стали гнуть голову, как это делают полицейские в США.

Во дворе 139 отделения милиции автомобиль остановился и мне приказали выйти. Дальше меня повели по коридору первого этажа, где пахло мочой и крысами, к дежурному по отделению, сидящему за зарешеченным окном. Сопровождавший меня омоновец отдал офицеру какие-то бумаги, после чего открыл дверь в комнату, отгороженную от коридора стеклянными квадратами, покрашенными белой масляной краской.

В комнате находился нестарого вида пьяный человек, который плакал и говорил, что он бывший хоккеист К. Я с трудом узнал в нем знаменитого спортсмена, который в свое время очень неплохо играл в известной профсоюзной команде. Затем он долгое время был хоккейным рефери. Но крутые повороты в судьбе спортсмена окончательно сломали его. Видно было, что он глубокий алкоголик, хотя ещё на его внешности еще сохранились черты, свидетельствующие, что он не рядовой гражданин. Одежда на нем была явно иностранного происхождения и весьма качественная, которую вот так запросто не купишь, да и курил он американский "Кэмэл". Скоро кто-то из родственников спортсмена приехал в отделение и забрал его с собой. Я остался в одиночестве. Было слышно, как дежурный звонил кому-то и справлялся, куда деть "этого Мирзаянова". Но тюремная машина работала медленно и никто не торопился "устроить" меня. Время тянулось долго и томительно, никто не предлагал ни пойти попить, ни сходить в туалет. Так прошло около пяти часов, пока, наконец, открывший дверь в камеру офицер не скомандовал: "Руки!" Очередное надевание наручников свидетельствовало о том, что меня должны повезти в тюрьму. Я даже не спросил, в какую именно. Какая разница, если от меня это уже не зависело. Долго плутав по Москве, машина остановилась где-то около лесного массива у красного здания и один из сопровождающих пошел к нему. Скоро он пришёл обратно и что-то объяснил шофёру. Я понял, что ни сопровождающие, ни шофёр не знали дороги. Наконец, машина остановилась у какой-то арки с большими воротами, покрытыми железом. Проехав несколько десятков метров машина опять остановилась, и мне приказали выйти из машины. Мы очутились у дверей, обитых железом. Где-то беспрерывно и громко кричали, будто на стройплощадке. Но здесь кричали тревожно и что-то перечисляли, то ли имена, то ли фамилии. У стен зданий валялся строительный мусор и еще какой-то хлам. Омоновец открыл дверь и предъявил бумагу стоявшему внутри часовому. Мы прошли по коридору несколько метров и я увидел плохо освещённый деревянный барьер, за которым сидело множество мужчин, одетых в грязную военную форму. Стоял сизый табачный дым и пахло смесью перегара и водки.

Потолок был неопределенного цвета, напоминающего, что он, возможно, когда-то был белым. Стены, были когда-то окрашены в зеленый цвет, но на них почти не осталось краски и повсюду виднелась желтоватая известка полуразрушившейся штукатурки. Да и на сохранившейся поверхности чернились огромные пятна плесневых грибков. В тусклом свете блестели пьяные глаза. До меня дошло, что я нахожусь в знаменитой тюрьме с лирическим названием "Матросская тишина" или на официальном языке - "Следственный изолятор ИЗ-48/1".

Омоновец отдал дежурному бумаги, после чего освободил мои руки от наручников. Мне приказали следовать дальше по коридору в сопровождении прапорщика. Тот завел меня в камеру, где уже находилось несколько человек, приказал раздеться и отдать всю одежду в окошко, за которым сидело несколько охранников. Я понял, что это делается для обыска. На мне одежды было мало, и я ничего с собой не взял. Это было большой оплошностью для любого будущего обитателя "Матросской тишины". Я быстро разделся и отдал одежду и обувь в окошко. Скоро мне вернули всё, за исключением шарфа, ремня и ключей от квартиры. Я оделся. Было холодно, сильно воняло потом и нечистотами.

Скоро нас перевели в другую камеру размером около 20 квадратных метров. Здесь стекла окна за железной решеткой были почти полностью разбиты, около стен были установлены несколько скамеек, наглухо прибитых к черному от спекшейся грязи бетонному полу. Около двери на некотором возвышении было расположено отхожее место. В камере находилось несколько человек, которые сидели на полу и оживленно беседовали. Они даже не обратили никакого внимания на мое "здравствуйте". Я

присел на одну из скамеек и стал ждать, что меня скоро уведут в другую камеру. Поскольку часы у меня отняли ещё в 139 отделении милиции, было трудно определиться, сколько же сейчас времени.

А в камеру прибывало все больше и больше народу. Скоро от этого стало теплее, хотя духота возрастала неимоверно. Через некоторое время кого только не было в камере! Около меня на полу сидел небольшого роста китаец, который не знал ни слова по-русски. Тем не менее вертлявый курносый парень громко пытался ему что-то объяснять на русском, коверкая слова на "китайский" манер. Недалеко лежал молодой кореец. Непрерывно, протискиваясь через тела стоящих, сидящих и лежащих арестантов, носился с опухшей рукой, стонущий от боли молодой кавказец. По виду все арестанты были молодого возраста, в основном, 20-35 лет.

На полу около моего сиденья скоро расположились трое и оживленно обсуждали свои истории с убийствами, в которых-де они не виноваты.

– Да не мог я не пристукнуть их, сволочей, – говорил один из них. – Ну, пусть это не впервой, ну и что? За прежнее-то я отсидел. Ну, дай мне отсидеть и теперь. Ведь это я сделал, сам знаешь, не по воле, так получилось. Что-то не нормально с нервами, с головой.

Другой собеседник, в свою очередь, приводил примеры своих убийств, которые-де сущий пустяк по сравнению с тем, как это сделал Стёпа.

– Ты знаешь, о ком я говорю, – добавил он и с завистью заключил: – А вот Стёпа выкрутился, ушёл от вышки, поскольку признали его ненормальным.

Хотя я и не старался слушать эти душераздирающие признания, но деваться было некуда, поскольку успел понять, что если встану со своего места, то лишусь его насовсем.

Скоро в камере стало так тесно, что ходить или лежать было уже просто физически невозможно. Я понял, что среди нас много таких, кого пригнали в Москву для прохождения судебно-психиатрической экспертизы. Эти люди делились опытом, как пройти ее успешно, чтобы избежать расстрела. Несмотря на тесноту, какие-то молодые люди расселись кругом, вытащили из своих объемистых сумок несколько пачек чая, которые тотчас высыпали в большую кружку. Один из них мимо человеческих тел продвинулся к отхожему месту. Там не было сливного бачка, вода просто непрерывно протекала по трубопроводу в унитаз. Молодого арестанта это совершенно не смутило, он подставил свою жестяную кружку к выходному отверстию трубопровода и привычным движением зачерпнул грязной воды. Тем временем другой парень рвал на полоски своё полотенце и скручивал из обрывков длинные жгуты. Тут же в кружку с чаем налили унитазной воды и подожгли жгут. Поднялся страшный дым, который нещадно ел глаза. В камере стало совсем нечем дышать. "Как хорошо, что стекло в окне разбито", – подумал я.

Скоро в кружке затрещала и забулькало, вода прыжками устремлялась ввысь, переливаясь через край и обжигая руку державшего ее заключенного. Ребята возбуждённо восклицали: "Вот он, родной!" Сквозь гарь и дым я учуял необычный запах, напоминающий крепкий чай. Они дали немного постоять содержимому кружки, предварительно обмотав её полотенцем, после чего разлили по кружкам и медленно крошечными глотками, долго держа во рту, стали пить. Я понял, что это и есть знаменитый "чефирь".

Скоро глаза ребят заблестели, послышался смех и они начали рассказывать, перебивая друг друга, о своих победах над девчонками. По всему было видно, что им нипочем вся эта тюрьма, необыкновенно душная и тесная камера, незнакомые люди вокруг. Один из них полуобернувшись в мою сторону, воскликнул:

– Вот это да! Отец, ты что здесь делаешь? В твоём возрасте люди не ходят по тюрьмам!

Я виновато попытался объяснить суть моего дела. Ребята заинтересовались, что-то, видимо, припоминая. Один из них пробормотал, что слышал о каком-то химике.

– Ну, тогда это совсем не порядок! – заключил он. Дверь в нашу камеру открылась и там появился пожилой лысоватый человек крепкого телосложения. Ему сразу уступили место на скамейке, оказывая всяческие знаки внимания. Видя моё удивление, мой

сосед объяснил, что это есть знаменитый Николай К., который просидел в тюрьмах 29 лет. Сейчас он "пришёл" в тюрьму после нескольких лет жизни на воле, к которой он так и не смог приспособиться. В очередной пьяной ссоре убил ножом свою сожительницу, которая имела также немало "ходов" в тюрьмы. Когда Николай безразличным взглядом посмотрел на меня, то я закрыл глаза от ужаса, не в силах отвернуться от его взора. Мне показалось, что он понял, кто я такой, и, конечно же, определил наметанным глазом, что я первоходок и притом интеллигент. Поэтому он и не считал нужным скрывать свое презрение. Наслушавшись о лютых преступниках, которые издеваются над интеллигентами в тюрьмах, я сидел в ожидании чего-то страшного для себя и всё ждал, когда же они начнут меня испытывать и бить. А время медленно тянулось, нестерпимо хотелось пить. Я не двигался со своего места. Ноги мои давно уже затекли и я всячески старался массировать их. Всё же пришлось встать и попробовать потоптаться на месте. Это немного помогло, но в результате я лишился своего места. Я подумал, что, в конце концов, люди же вокруг стоят, не падают и я как-нибудь справлюсь с этим испытанием. Кто-то всё же пронёс часы и сказал своему соседу, что время 3 часа ночи. Я ужаснулся, что ещё так рано и еще долго придется ждать распределения по камерам, где можно будет получить кровать и хотя бы немного отдохнуть. А вот большинство арестантов вокруг спали, кто сидя на полу, кто растянувшись на нем, а кто и стоя. Поскольку в камере электрический свет поддерживался на всю свою мощь, было чрезвычайно трудно определить течение времени. Ночью лишь более отчетливо стали слышны голоса со двора. Мне объяснили, что это переговариваются между собой камеры, сообщая о последних тюремных новостях: кто, в какую камеру и когда поступил, есть ли там ненадёжные люди или, наоборот, "авторитеты". Об этом мне подробно затем расскажет Алексей Костин, успевший за время своего четырёхлетнего (предварительного!) заключения в "Матросской тишине" познакомиться с тюремным бытом во всех мелочах.

Наконец, наступил момент, когда дверь в камеру открылась и на пороге появились охранники, вид которых был весьма устрашающим. В руках они держали дубинки и готовые наручники. Глаза того, кто зашёл первым, были красными и они вместе с его небритой физиономией красноречиво свидетельствовали, что их обладатель ещё не успел очухаться от вчерашнего пьянства.

"Встать!", – гаркнул он, хотя мы все без исключения уже были на ногах, как только услышали, что открывается железный засов двери. Мучившийся рукой кавказец был ближе всех к двери. Он только собрался о чем-то спросить, как в тот же миг дубинка с сокрушительной силой опустилась на его голову. Тот беззвучно рухнул на бетонный пол. "Сволочи, бандиты, твою туда мать, всех перестреляю, ложись!" – закричал охранник, входя в раж и хватаясь за ручку своего пистолета-автомата. У меня не осталось никаких сомнений в том, что он сейчас же откроет огонь из своего оружия. Мы все мгновенно легли, отчасти друг на друга, поскольку места на полу для всех не хватило. "Ублюдки! Живите пока", – наконец, смягчился красноглазый, наслаждаясь нашим беспрекословным повиновением. Выдержав несколько минут паузы, он повернулся и отворил дверь. Вместе с ним вышли и остальные охранники. Дверь захлопнулась, гроза пока миновала и так называемый утренний обход окончен. На полу у двери стонал кавказец. Один из арестантов старался остановить кровь, которая сочилась темной струйкой из-под смолисто-черных волос несчастного.

Через час дверь опять открылась и там в сопровождении конвойного появились люди, одетые в грязно-белого цвета халаты. Один из них оповестил: «Завтрак!». Началась раздача перловой каши в алюминиевые тарелки. Принесли и воду. Дождавшись своей очереди, я напился воды и получил тарелку каши. Ложек не дали, по-видимому, полагая, что порядочный арестант приносит её с собой. Один из заключенных, видя, что я стою в нерешительности, предложил мне свою ложку. Я с благодарностью взял её и попробовал немного поесть. Каша была отвратительно невкусной, её попросту невозможно было есть. Тут увидел, что многие, вытащив из своих сумок маргарин или приправу, кидают ее в тарелки, чтобы превратить это месиво в что-то съедобное. Поскольку у меня ничего такого не было, то после нескольких ложек

поспешил вернуть тарелку обратно раздатчикам. Захотелось в отхожее место. Однако, предупрежденный о том, что никто, даже больной не имеет право садиться на это место до тех пор, пока последний человек в камере не закончит свой завтрак, я стойко терпел. Я сделал это лишь тогда, когда один из убийц со вкусом закончил трапезу. Он был последним препятствием на моем пути к отхожему месту. Теперь я уже не чувствовал такого стыда, который мне пришлось испытать в камере 81 лефортовской тюрьмы в октябре 1992 года. Я горько подумал: "Прогрессирую". Народ в камере оживился, опять пошли разговоры и "чефирь". Но это продолжалось недолго. По-видимому, всё же камеру нужно было освободить для вновь прибывающих. Здесь уже было около 50 человек (на 20 квадратных метров!) Партиями по 10 человек нас стали отбирать из камеры и направлять на медицинский осмотр. Я попал в третью партию. По грязному коридору мы двинулись по направлению проходной, через которую я прошёл вчера. Мы зашли в боковой коридор, где за столом расположился человек в белом халате и рядом с ним на стуле развалился охранник с автоматом на шее и дубинкой в правой руке. Однако нам велели пройти дальше в темную комнату, где предстояло раздеться и затем по очереди идти на осмотр. Здесь было сыро и холодно. Нас вызывали по команде: "Следующий!" Наконец, подошла моя очередь. Я прошёл к человеку в белом халате, около которого суеился ещё другой, менее важного вида мужчина в белом, как я понял, санитар.

– Ну, что, бандит, как здоровье? – обратился ко мне доктор.

– Никакой я не бандит, а ученый – химик, – максимально вежливо ответил я.

– Что-о-о?! Молчать, паршивая собака! – раздалась команда и я ощутил, как меня ткнули в спину дубинкой. Хотя было не сильно больно, но достаточно для того, чтобы я мгновенно «поумнел». Здесь говорят только для того, чтобы раз и навсегда дать тебе установку: ты никто и отныне твоя обязанность только повиноваться и подобострастно соглашаться, чтобы не получить сокрушительный удар по голове дубинкой. Я повернулся к охраннику, глаза которого горели гневом.

– Запомни, ты, ублюдок, раз и навсегда: сюда порядочные люди не ходят. Поэтому ты для меня бандит, как и все остальные, суки паршивые! – наставлял тюремщик. Нет, после такого урока было бессмысленно реагировать по-человечески на что-либо. И когда санитар вонзил мне в вену иглу подозрительно нечистого шприца для отбора крови, очевидно, для проверки на СПИД, я лишь ужаснулся, но уже ничего не сказал. Доктор спросил с ухмылкой:

– Есть жалобы?

Я кивнул:

– Нет.

– Следующий! – крикнул санитар.

Затем нас отправили на процедуру снятия отпечатков пальцев и фотографирование. Я был одним из последних на эту процедуру. Она была знакома мне ещё по Лефортовской тюрьме. Между пустыми большими комнатами тюрьмы КГБ и тесной камерой "Матросской тишины" для снятия отпечатков пальцев и фотографирования был резкий контраст.

Время уже было около двух дня, когда мы опять все собрались в камере ожидания. Отсюда нас всех повели по грязному коридору и лестнице на второй этаж в баню. Повсюду валялась газетная и обёрточная бумага, картофельные очистки, куски штукатурки, смешанные с битым стеклом. На втором этаже было сыро и зябко. Откуда-то шел пар, были слышны женские голоса. "Бывалые" тут же объяснили: ждём, пока помоются бабы.

Наконец, мы все разделись. На большинстве тел были неповторимые образцы тюремной татуировки. Я силой заставил себя не глядеть на эти художества. Хотя было очень любопытно, я не имел уверенности, что такое занятие является безопасным.

Бетонный пол до ужаса был холодным. Стоять там можно было лишь в обуви. Пришлось порядочно попрыгать, чтобы не заоченеть окончательно.

Баня представляла собой просторную камеру с многочисленными патрубками установленными на потолке. Вода из них лилась струйкой непрерывно.

Предварительно всем раздали по кусочку темного дезинфицирующего мыла, но не дали

никаких мочалок. Не было и полотенец. Я вспомнил детские годы, когда мы, мальчишки, после весеннего купания в холодной Белой отчаянно дрожали и у нас зуб на зуб не попадал. Однако, спустя некоторое время мы опять лезли в воду, чтобы затем похвастаться перед другими ребятами количеством своих вхождений в воду после схода льда на реке.

Многие арестанты стояли на газетах, которых они прихватили с собой. Что ж, опыт – вещь великая, свидетельствующая о том, что повсюду есть выход. Натянув на свои мокрые тела одежду, мы уже были готовы к следующим тюремным процедурам. Нас повели опять на первый этаж и завели в извилистый коридор. Здесь мы должны были отвечать на ряд вопросов, после чего уже направляли в камеры. Женщина, сидящая за окошком спросила год моего рождения и другие автобиографические данные, какое я имею образование, по какой статье уголовного кодекса арестован и т.д. Когда я сказал, что являюсь доктором химических наук, она внимательно посмотрела на меня и что-то отметила в своих бумагах. Затем нам выдали так называемые спальные принадлежности и посуду. Всё это мы получали в двух окошечках тесного закутка на втором этаже. Очередь у окошек была большой и она никак не двигалась. Дело в том, что большинство из арестантов уже успели познакомиться с друг другом и держались вместе, составляя будущий сплоченный коллектив камеры, куда они должны были идти. Один из них, заняв очередь, не пускал к окошку других до тех пор, пока не проходили все члены его команды. Я спокойно стоял и ожидал, пока все не получат свои матрасы, одеяла, кружки, ложки и тарелку. Но лишь потом понял, что допустил непоправимую оплошность – мне выдали лишь оставшиеся к тому времени алюминиевые тарелку и ложку. Ни подушки, ни матраса и одеяла не осталось...

Одним из последних повели меня в камеру на третьем этаже. Когда дверь отворилась, я увидел там нескольких человек, которые уже встали (таковы правила при открытии двери и вхождения туда начальства) и с любопытством разглядывали меня. В середине камеры на длинном столе работал включенный малоформатный телевизор. По бокам камеры стояли двухэтажные железные кровати, еще одна располагалась около раковины для умывания. Я быстро сосчитал, что я здесь восьмой. Но постелей было всего четыре. Было странно, что один из матрасов лежал на полу почти у дверей, напротив туалета. По виду стоящего у этого матраса молодого блондина с синими глазами понял, что он и является владельцем этого места. Я удивился, однако ни о чем не спросил, поскольку уже усёк, что излишнее любопытство здесь не в ходу. Затем, уже будучи переведенным в другую половину тюрьмы с улучшенным бытом (там было не так тесно и на всех кроватях были матрасы), я узнал, что этот блондин был так называемым опущенным, то есть отосланным сокамерниками жить на полу у дверей педерастом. Все семь заключенных меня признали.

– Так это, значит, вы Вил Мирзаянов! Это сюрприз для нас. Мы тут уже несколько раз смотрели по телику о вас, знаем даже, что вы арестованы. Мы думали, что вас направят куда-нибудь в Лефортово, а вы тут вместе с нами, рядовыми уголовниками, – говорил мужчина за сорок с неестественно почерневшим лицом и с темными глазами, края которых были затянуты красновато-желтыми кругами. Мы познакомились. Все обитатели попросили меня чувствовать себя непринужденно и, если я в чем-нибудь нуждаюсь, сказать об этом. Они потом постараются сделать все, чтобы мне помочь. Поскольку у меня с собой не было ничего, они попросили пользоваться зубной пастой, мылом и безопасной бритвой. У них была присланная их родственниками еда, которую они предложили мне. Сразу вслед за моим приходом в камеру принесли еду, состоящую из каши, смешанной с остатками немисливо вонючей рыбы, хлеба и мутноватой горячей воды, обозначавшей чай. У моих сокамерников имелась сухая приправа, после добавки которой каша не воняла так отвратительно. После ужина у меня не осталось никаких сил и моей мечтой был лишь сон. Мне предложили лечь на кровать, где был матрас. Но было мне было ужасно неудобно лишать кого-либо возможности спать и я отказался. Подумал, что подложу под себя моё старое демисезонное пальто и этого будет вполне достаточно. От чрезмерной усталости и переживаний я долго не мог уснуть. К тому же, кровать, представлявшая собой железный прямоугольник, на котором крест-накрест были

приварены полоски толстого железного листа, была ужасно неудобной для сна. Эти полосы были расположены так редко, что впивались в тело, причиняя физическую боль. Пальто никак не спасало от этой пытки. Сокамерники непрерывно курили и оттого держали форточку все время открытой. Из-за этого было зябко и шумно – стоял постоянный гул от переклички камер. Тюремная почта работала, не зная сна. Скоро я увидел, как мои соседи, что-то написав, завернули письмо в полиэтиленовую плёнку. Края получившегося рулончика подержали на огне от спичек – получилась запаянная капсула. Ее привязали к бечёвке, конец которой они прикрепили к чему-то в камере. Затем смуглолицый арестант Виктор Н. (я уже знал всех по именам), высунул руку через железную решётку ограждения форточки и, выкрикнув адрес, кинул письмо вверх. Оттуда тут же раздался одобрителный возглас, означавший, что послание дошло до адресата или до одного из пересыльных пунктов тюремной почты. Всё это было для меня ново и совершенно не похоже на порядки в лефортовской тюрьме.

Я все же уснул, но ненадолго. Проснулся от холода и от боли во все теле из-за этих проклятых железных полосок. Заметив мои страдания, мои сокамерники сказали, что я могу лечь на место кого-либо из них, где был матрас. Я так и сделал, но позднее. А пока приближалось время подъема и завтрака. Пахло густым чаем. Оказалось мои сокамерники сварили добрую порцию чефира, который тут же предложили мне. Любопытство взяло верх и я попробовал этого зелья. Однако, при этом я не почувствовал эйфории, которая наступает после стакана вина или рюмки водки. Хотя что-то в чефире было. Усиливалось сердцебиение, светлее становилось в голове, но так же бывало со мной и после нормального чаепития. Я подумал, что на меня этот арестантский напиток не действует так же, как, скажем, диэтиловый эфир, поскольку длительное занятие с химическими материалами ослабляет реакцию организма на эти вещества. Тем не менее, для поддержки компании я несколько раз присоединялся к питью чефира моими сокамерниками. Хлебнув этого напитка, они возбуждались и начинали горячо обсуждать свои истории и строить различные догадки насчет своего будущего расследования и суда. Оказалось, что смуглолицый Виктор Н. – новоявленный бизнесмен, промышленявший скупкой партий столярных инструментов из Эстонии в обмен на поставку туда различных дефицитных товаров, которые, в основном, производились военно-промышленным комплексом России. Я вспомнил, что эти инструменты пользовались большим спросом, в особенности, в сельской местности. Я и сам несколько раз покупал их по просьбе моих деревенских знакомых. По российским меркам, бизнес Виктора процветал и он его разворачивал все шире и шире. Дома был достаток, он купил машину, дачу, прилично одел и обул своих детей. В него влюбилась симпатичная студентка, завязался любовный роман и он полностью взял на себя все житейские заботы молодой бедной девушки, хотя при этом не собирался рвать отношений со своей женой. Однако его завистливые конкуренты не простили ему его успех, и жестоко обошлись с ним. В один из вечеров, когда ехал на машине со своей любовницей, его остановила милиция, которая устроила обыск и нашла в машине пистолет. Его арестовали и обвинили в незаконном хранении оружия. Виктор настаивал на том, что пистолет он нашёл накануне на дороге и вёз его для сдачи в милицию. Уловка, разумеется, была стандартной, но у Виктора не было другого выхода и он продолжал настаивать на своей версии. Дело осложнялось тем, что он арестовывался ещё лет десять тому назад и этот факт существенно снижал доверие к его аргументам. "Рецидив" калечил судьбу ему подобных людей, поскольку при любом сомнительном случае они автоматически становились кандидатами на арест. И это особенно наглядно было видно в судьбе другого моего сокамерника 25-тилетнего Володи К. Выпив изрядную порцию чефира, выставив вперед свою по-солдатски стриженную голову на длинной шее и с трудом ворочая своими большими синими глазами, он порывисто носился по камере и отчаянно сокрушался о своей несчастной судьбе. "Вот уже четырнадцать лет я хожу по тюрьмам, и нет никому до меня дела!" – восклицал он. Сирота (мать разошлась с его отцом и вышла замуж за другого человека), воспитываемый в доме своей старой бабушки в одном из сибирских городов, уже в 10 лет он вместе с другими несмышлёнышами украл велосипед, но при попытке продать его был пойман.

Из всей группы малолетних злоумышленников в детскую колонию отправили только его, поскольку вступить за Владимира было некому. Так и началась его нескончаемая дорога по многочисленным тюрьмам и исправительным лагерям. Как только он отбывал свой срок заключения и приезжал к своей бабушке, за любое происшествие, связанное с нарушением закона в его районе, милиция без особых колебаний арестовывала именно его. По её мнению, раз он был судим, то всегда являлся потенциальным преступником. Не мне судить, возможно, что-то здесь было и так. Последний пятилетний срок за кражу Володя отбыл год тому назад, но вот уже более полугода сидел в московской тюрьме.

На этот раз он с другом из своего сибирского городка направлялся в Одессу. Они остановились для пересадки в другой поезд. Времени до Одесского поезда было много и они стали развлекаться питьем водки с различными молодыми москвичами. Дело кончилось тем, что он решил поехать по приглашению одного из своих собутыльников в Перово (один из наиболее криминальных районов Москвы). Вышла ссора и они подрались. Собутыльник прибежавшему на шум милиционеру рассказал, что Володя его ограбил. Их забрали в милицию, но там остался только Володя. Милиционеры, увидев на нем татуировку, сразу поняли, кто стоит перед ними. Справка из центрального компьютера Министерства внутренних дел подтвердила, что гость является неоднократно судимым лицом. Теперь не шатко и не валко шло следствие и совершенно не было известно, когда оно завершится. Так что Володе К. предстояло ещё сидеть до суда годы и годы, как это часто бывает в переполненных московских тюрьмах. Такая тактика дает милиции и следствию возможность делать этих "рецидивистов" более стоворчивыми. Посидев несколько лет в ужасных условиях "Матросской тишины", они готовы были взять на себя любые преступления, в том числе и те, которые правоохранительные органы не могли раскрыть. Чтобы выполнить отчетность, следователи предлагали этим арестантам признаться, что именно они их совершили. Тем уже все было глубоко безразлично: лишь бы скорее состоялся суд, который отправил бы их в зону, где режим посвободнее, да и привычнее для них. В этой связи достаточно вспомнить, что после нашумевшего убийства известного православного священника Александра Меня более сотни арестантов в различных тюрьмах взяли на себя это преступление. Что я мог посоветовать Володе? Разве что быть терпеливым и ждать. Ещё я попросил его письменно изложить свою историю, надеясь, что кто-либо из моих знакомых журналистов заинтересуется его судьбой и напишет о нем. Я имел в виду американскую журналистку Кэтлин Хант. Однако, как ни берёт я записку с историей Володи, все же не сумел вынести её из "Матросской тишины". На последнем обыске этот маленький рулончик бумаги выпал из внутренней стороны моих трусов, когда стражник исследовал их швы. Он буквально сиял в предвкушении, что проявленное им усердие будет сполна вознаграждено. Ещё один мой сокамерник Юрий Б. работал "на воле" шофёром грузовика, перевозящего различные промышленные товары (одежду, обувь и др.). В одну из поездок сразу после выезда из территории склада его арестовала милиция, поскольку накладные на груз оказались фальшивыми и не соответствовали грузу, который он вывозил. Он сидел уже второй год. Юрий также имел повторную "ходку" и отнюдь не выглядел пессимистом.

Когда он сказал, что жил в поселке под Мытищами, то я рассказал ему о сокамернике по Лефортовской тюрьме Александре Явицком, который так хорошо мне помог своими советами.

– Ах этот негодяй Саша! Я его знаю. Он из моего поселка, но более не жилец на этом свете. Обманул всех, кто ему отдал мешки долларов. Никто из ребят, вывезших валюту из Шереметьево, так и не увидел в обмен никаких советских денег, – сообщил мой сокамерник.

"Кто знает, где правда среди этих людей. Однако, мир становится тесен во всех смслах, если ты начинаешь ходить по тюрьмам", – подумал я тогда.

Соседи по камере относились ко мне с уважением. Совершенно не оправдались слухи о том, что "первоходок" в тюрьме обязательно подвергаются различным оскорбительным испытаниям. Чем дольше я находился в камере, тем больше приходило какое-то необыкновенное успокоение. Нет, мои сокамерники не были зверьми,

готовыми растерзать меня. Более того, им совершенно не были чужды все те чувства и переживания, свойственные обычному человеку "на воле". Мне подумалось, что, возможно, все мы так или иначе всегда жили и живем не в реальном мире, а в искусственном, изобретенном специально для нас – "совков". В нем – особые порядки лагерной жизни, когда мы говорим одно, а подразумеваем другое, выступаем на бесконечных собраниях, славя какого-то бородатого Маркса, хитроватого лысого и узкоглазого мужика с кличкой "Ленин", как будто срисованного прямо с лица жителя из деревни Маядык, что находится по соседству с моим родным Старым Кангышем. И ведь никто из нас, каким бы умным и воспитанным он не был, никогда не спрашивал, для чего нужна вся эта ложь. Но большинство понимало, что все это чушь собачья. После очередного собрания или "научного" семинара по изучению "трудов" этих "классиков", получив очередную порцию "коммунистического воспитания", люди отправлялись в ближайшую столовую, где под закуску из кислой капусты украдкой (могла застукать милиция и отправить в участок и ещё хуже – сообщить по месту работы) разбавляли вонючий технический этиловый спирт водой из-под крана и быстренько выпивали свой стакан, чтобы на часа два-три перенестись в другой, в более приятный виртуальный мир...

Приходя домой, брали в руки транзисторный радиоприемник, чтобы послушать "вражий голоса", которые рассказывали нам что-то из происходящего в действительном, реальном мире. Радио сообщало о событиях из нашей жизни и мы ему верили, но, тем не менее казалось, что это происходило не у нас. Мои сокамерники были из той же советской жизни, но координаты этой жизни у них были несколько сдвинуты. Но не более того. Я окончательно решил, что "Матросская тишина" это еще один неотъемлемый атрибут нашей привычной совковой жизни. Как бы ни были ужасны здешние охранники, способные на самом деле убить кого угодно, но не они управляли внутренней жизнью тюрьмы. Она управлялась самими же заключенными, которые ради выживания разработали свои железные законы, исходя из своих представлений о справедливости.

"Черт знает что происходит на этом свете" – подумал я, когда услышал в исполнении моих сокамерников изложение основ этого закона. Они в точности до запятой совпадали с "заветами коммунизма". Речь шла все о том же братстве, единении неимущих и т.д. Но от коммунистической демагогии тюремные нравы отличались тем, что не только провозглашались, но неуклонно реализовывались. Мне объяснили, что в тюрьме никто никого не тронет даже пальцем. Если же тронет, то должен держать ответ, то есть должен "объяснить" свой поступок. Но если он не "объяснит" и выяснится, что была совершена несправедливость, то виновный заслужит всеобщее презрение и полную обструкцию. И такое отношение будет сопровождать его весь период заключения. Не поможет и отправка в "зону", поскольку туда тоже придет "почта" и его изоляция будет продолжаться до тех пор, пока он не раскается и не попросит прощения у обиженного. Мои соседи объяснили, что кража в тюрьме карается очень строго. Нет, за это не бьют, но об этом станет ясно всем обитателям тюрьмы и вор получит свое клеймо навсегда. Он будет изолирован, непременно будет спать на полу у дверей и никто не будет вступать с ним ни в какой контакт.

Я спросил, кто же руководит всем этим процессом тюремного самоуправления и правда ли, что самые отъявленные преступники, которые, насколько мне было известно, называются ворами в законе, являются их лидерами. Мне объяснили, что здесь дело обстоит не так. Руководят самоуправлением действительно силой авторитета, который необходимо заслужить в глазах заключенных своим умом, умением разъяснять арестантам их проблемы и давать дельные советы. Но если ты всего лишь демагог и шарлатан, то это очень скоро выяснится и ты тоже можешь оказаться в изоляции. Иногда некоторые заключенные при вхождении в тюрьму объявляют, что являются "авторитетами", что не соответствует действительности. Обитатели тюрьмы быстро наводят справку (недаром работает беспрерывно тюремная почта) и соответственно выясняют свои взаимоотношения с новоявленными "лидерами". Сокатерники рассказали мне, что в связи с ужесточением режима тюрьмы, когда ни за что, ни про что охрана избивает заключенных до полусмерти,

по тюрьме прошло распоряжение, ни в коем случае не поддаваться на провокации и не пытаться вступаться за избиваемого. Охранники только и ждали такого случая, чтобы открыть огонь и свалить все те безобразия, которые они творят в тюрьме, на самих же заключенных. Мне показалось, что мои соседи были правы. Нет, я не собираюсь петь дифирамбы арестантам, тем более, что многие из них действительно являются преступниками, которые никогда не вернутся к нормальной жизни, поскольку они не представляют себе, как можно существовать без грабежа и воровства ради веселых празднеств и кутежей в многочисленных ресторанах, с последующим возвращением в холодные и темные камеры. Впрочем, как мне объяснили, туда возвращаются только те, кто не сумели стать умными и богатыми настолько, чтобы исключить саму возможность ареста и следствия. Но если такой человек попадал в тюрьму, то и здесь деньги делали его жизнь не столь тягостной. У него была всегда выпивка, хорошая закуска и даже женщины...

Я подумал, что всё это скорее из области воровского хвастовства и усомнился в словах арестантов. Они заверили меня, что в тюрьме, как и "на воле" всё продается и всё покупается, только стоит немного дороже, поскольку тот, кто все "это" обеспечивает, должен взять ещё за повышенный риск. Мне даже расписали некоторые варианты осуществления этой "райской" жизни, о которых я всё же не хочу писать. Дело не в моих эмоциях, а в том, что всё это правда. Преступники, сидящие в креслах власти, сошлись с преступниками, управляющими воровским миром. И это закономерно, поскольку преступная коммунистическая власть по самой своей природе не может жить иначе. По-видимому, нам ещё предстоит пройти долгий путь очищения в ходе подлинной демократизации страны и изменения отравленного коммунизмом менталитета самого общества.

...После обеда дверь в камеру открылась и появившийся там стражник скомандовал: "Мирзаянов, приготовиться к выходу!" Это означало, что меня вызывают к моему адвокату. Поплутав по многочисленным коридорам, конвойный привел меня в комнату, где находились наглухо прикрепленные к полу стол и два стула. За столом сидел мой адвокат Александр Аснис. Он не смог скрыть своего смущения, когда увидел меня таким усталым и измученным. Я, признаться, тоже пришёл в немалое волнение при виде моего адвоката, мне было чрезвычайно радостно, что он нашёл меня в этой ужасной тюрьме. Усилиями воли уняв нахлынувшие чувства, я стал отвечать на его вопросы. Естественно, Аснис интересовался моим нынешним положением и был глубоко разочарован тем, что меня содержат в таких жутких условиях. Я успокоил моего адвоката тем, что нахожусь не в самых худших условиях, хотя у меня нет матраса и ушёл-то я из дому как неопытный "первоходок", без теплой одежды, без мыла, зубной пасты, чая и прочих необходимых вещей. Я рассказал ему о камерах, где, по словам моих соседей, на 30 квадратных метрах содержатся от 70 до 120 человек. Несмотря на постоянно открытую форточку и окна на двери, там по-просту не хватает воздуха. Чтобы прикурить сигарету, люди идут к дверному окну – только там спичка не гаснет от недостатка кислорода...Независимо от времени года обитатели камер раздеты до трусов, поскольку на них одежда всегда мокрая от постоянно выделяющегося пота и высокой влажности. Летом из-за жары все это многократно усиливается и большинство людей просто лежат на бетонном полу в состоянии прострации. Временами полотенце, повешенное на стене, колышется...от вшей, которые размножаются в таких количествах, что обитатели камеры, в конце концов, перестают бороться с ними. Спят заключенные в этих камерах в четыре смены, поскольку не хватает ни мест, ни матрасов и подушек. Оказалось, что мой адвокат знает обо всем этом, поскольку часто имеет дело с заключенными, которые находятся в таких камерах. Я утверждал, что нахожусь в "привилегированной" камере и можно считать, что мне даже повезло.

Мой адвокат рассказал о том, что происходит "на воле". Мой арест вызвал бурю протестов в стране и за рубежом. Несколько раз звонили Гейл Колби и Ирина Гольдман, они рассказали о предпринятых в США усилиях по моему освобождению. Аснис принес два номера газеты "Известия" со статьями о моём деле. Адвокат звонил также моей жене и узнал, что там все в порядке и дети здоровы.

Следующее заседание суда была назначено на 4 февраля 1994 года. Александр Аснис спрашивал, не стоит ли ходатайствовать в суд о моем освобождении из тюрьмы. Я ответил, что не намерен никого просить об этом, тем более судью, который является отпетым лицемером.

На этом свидание закончилось и мы попрощались до заседания суда. Конвойный повел меня в мою камеру, как я заметил, уже другим путём. Своеобразная, но наивная тактика тюремщиков.

Я пришел в камеру и рассказал о моем свидании. Скоро принесли кашу и хлеб, и мы начали ужинать. По каналу НТВ Татьяна Митькова сообщила, что Вил Мирзаянов, наконец, обнаружен в тюрьме "Матросская тишина" сидящим в камере с уголовными преступниками-убийцами. Я ужаснулся. Ведь я рассказал адвокату о своей первой ночи в тесной накопительной камере с такими людьми. Но, видимо, пока мой рассказ дошел до диктора НТВ, он претерпел такую своеобразную эволюцию. Но мои соседи не оскорбились и не стали требовать у меня объяснений, хотя, разумеется, догадались, что источником информации для такого сообщения являюсь я сам. Мне стало стыдно и я сказал сокамерникам, что очень сожалею о словах Митковой. Они меня начали успокаивать и сказали, что завтра же меня переведут в другую половину "Матросской тишины", где сидят, как они выразились, "политические".

Но следующий день был воскресеньем и вряд ли можно было надеяться, что кто-то здесь займется мои устройством. Так оно и получилось. Тем временем продолжалась наша обычная арестантская жизнь с долгим лежанием на кровати в глубоких и нескончаемых раздумьях, прерываемых печальными душеизлияниями.

Здесь я должен немного остановиться на откликах печати на мой арест. Телеграфные агентства Рейтер, Франс-пресс, Ассошиэйтед-пресс и другие уже 27 января передали сообщения о моем аресте. Они подчеркивали политическую подоплеку дела, вызвавшую широкий протест в общественных и научных кругах различных стран.

29 января 1994 года "Известия" опубликовали две статьи о моём деле:

одна была редакционной, а другую написал Сергей Мостовщиков под названием "Ученый Вил Мирзаянов посажен властями в одну камеру с уголовниками".

В первой статье "Дело Мирзаянова: глупость властей или утверждение деспотической власти" была сделана попытка дать оценку моему делу с точки зрения общеполитического развития в России. Говорилось, что всем давно ясно, что под этим делом нет никакой почвы. Далее газета писала, что эта машина крутится для самого Мирзаянова отнюдь не на холостом ходу, поскольку он теперь сидит в тюрьме. Однако, если суд формально и прав в аресте ученого, здесь имеется нравственно-правовая истина: кто только правосуден – тот жесток. Судьи не могут не понимать всю нелепость не только своих действий, но и "дела Мирзаянова" как такового. Затем газета анализировала возможные ответы на вопрос, почему "дело" продолжается и приходила к выводу, что идет утверждение деспотической власти и деспотизм утверждается на абсурде, каковым является "дело Мирзаянова". Несмотря на тревогу, которую бьет пресса, власти это не слышат и продолжают "дело", бросая вызов всему обществу. По этой причине прессе предстоит найти того, кто стоит за этим. Однако, газета выражала сомнение, что таковой найдется. Но тогда окажется оправданным предположение о сползании власти к деспотизму.

Сергей Мостовщиков в начале своей статьи признается, его предположения о том, что Вил Мирзаянов будет посажен в следственный изолятор в Лефортово или направлен в более или менее привелегированное СИЗО № 4, где в свое время содержались члены ГКЧП, не оправдались. Далее он писал, что как первый, так и четвертый московские изоляторы, относящиеся к системе МВД, находятся в одном здании с названием "Матросская тишина", но расположены на разных этажах.

Здесь я должен заметить, что это не совсем точно, поскольку СИЗО № 4 – это совершенно другое здание, лишь общающееся с моим местом пребывания через переход. Но вернемся к статье.

"Разница этих двух вариантов тюремной тишины составляет такую же пропасть, какая существует между матросом и членом политбюро ЦК КПСС, писал Мостовщиков. Если в четвертом СИЗО до сих пор можно встретить заключенных, владеющих несколькими

иностранными языками, то о тишине № 1 даже убийцы вспоминают с содроганием. В это одно из самых антигуманных заведений страны подследственные уголовники набиты до предела. В камерах, рассчитанных на 30 заключенных содержится, как правило, более ста человек, ожидающих приговора суда за убийства, изнасилования, жестокие избиения, вооруженные грабежи и прозаические кражи. О качестве еды и гуманном отношении администрации к местному контингенту говорить не приходится. Вил Мирзаянов и его адвокат вряд ли могли предполагать, что после отказа ученого являться на заседания Мосгорсуда по делу о публикации в "Московских новостях" один из ее соавторов окажется именно в СИЗО № 1. В октябре 1992 года, после его первого ареста, Вил Мирзаянов провел 12 дней в Лефортово, куда его поместило бывшее Министерство безопасности. Эта тюрьма, пожалуй, может претендовать на звание лучшего не столь отдаленного места в стране. Человек, виноватый лишь в том, что он опубликовал в газете статью о нарушении военно-промышленным комплексом России международных договоренностей и продолжении разработки в стране сверхмощного химического оружия, вправе был бы рассчитывать на джентльменское отношение к нему государства, решившего выяснить с ним свои отношения. Однако Родина приравняла ученого к убийце. Таким образом, до следующего заседания Мосгорсуда, назначенного на 3 февраля, Вил Мирзаянов вполне может быть морально сломлен и унижен в тюрьме. Александр Аснис рассчитывает хоть как-то повлиять на душевное состояние своего клиента, регулярно встречаясь с ним в следственном изоляторе. Однако, по словам защитника, добиться свидания с заключенным непросто, поскольку в "Матросской тишине" сохранялась, пожалуй, единственная многочасовая очередь в Москве – очередь адвокатов за получением встречи с подзащитным..."

Не могу не привести ещё одну статью С.Мостовщикова в "Известиях" от 1 февраля 1994 года под названием "Вил Мирзаянов сидит в камере с семьёй уголовников и четырьмя матрацами", поскольку она, по-видимому, точно передает впечатление моего адвоката от встречи со мной. Сообщив, что администрация тюрьмы "Матросская тишина" поместила ученого Вила Мирзаянова в камеру, где содержатся семь человек, журналист далее описывал встречу адвоката со своим подзащитным: "Выяснив, что Вил Мирзаянов после его ареста 27 января отправлен в тюрьму "Матросская тишина", утром 28 января А.Аснис связался с тюрьмой по телефону. Но это ему не принесло особо радостных результатов, поскольку было сообщено: таковой в списках заведения не значится. Зная, что процедура оформления заключенных занимает у отечественной системы лишения свободы до суток времени, защитник лично отправился на поиски клиента. Ко второй половине дня его удалось обнаружить и, выстояв очередь, получить свидание. По словам Александра Асниса, ученый выглядел, мягко говоря, уставшим. Ночь он провел стоя в маленькой комнате в коллективе по меньшей мере ещё пятидесяти человек, ожидавших исполнения формальности регистрации и определения номера камеры, где Родина подготовила им возмездие в виде содержания под стражей. Судя по всему, администрация "Матросской тишины", наслышанная о шумном деле химика, обвиняемого в том, что он написал и опубликовал в газете статью, отнеслась к нему достаточно гуманно. Учитывая, что в камерах, рассчитанных на 30 человек, тут, как правило, содержатся по 100 и более заключенных, Вилу Мирзаянову вышла очевидная поправка: его определили в помещение всего с семьёй уголовниками, на которых, впрочем, приходится четыре матраца. В связи с очевидной нехваткой спальных мест в камере установлена очередь из желающих отдохнуть. К моменту встречи с адвокатом очередь Вила Мирзаянова еще не подошла. Кроме того, как говорит Александр Аснис, его клиент, решивший спорить с властями и отказавшийся посещать заседания Мосгорсуда по своему делу, оказался совершенно не готов к своему аресту. У него нет с собой не то что зубной щетки и полотенца, но даже кружки, тарелки и ложки, которыми тюрьма не балует своих постояльцев. Разумеется, все это ученому может передать его жена, но для того, чтобы просунуть в тюремное окошечко хоть что-нибудь для своего родственника, оставшимся на свободе необходимо занимать очередь с ночи, чтобы ко второй половине наступившего дня передача была у них принята. Встретившись со своим

клиентом, Александр Аснис сказал ему, что 3 февраля на очередном заседании Мосгорсуда поднимет вопрос о необходимости изменения меры пресечения. Но суд на это пойдет только в том случае, если Вил Мирзаянов пообещает являться в присутствие. Однако на это химик ответил, что не может добровольно принимать участие в закрытом процессе, нарушающем Конституцию его страны. Ученый, во-первых, не считает себя виновным, а во-вторых, уверен, что не может обвиняться в суде на основе секретных документов, что запрещает делать Основной Закон России. Поэтому он предпочитает сидеть в тюрьме и появляться в суде только насильно. Трудно сказать, изменит ли свою точку зрения ученый. Его адвокат надеется переубедить своего клиента. Насколько он будет удачлив, мы, вероятно, сможем убедиться 3 февраля".

Пожалуй, моя встреча с адвокатом настроила его не лучшим образом и он информировал о моем печальном положении и иностранных журналистов. Об этом свидетельствует также статья C.Scott в "Moscow times" от 1 февраля 1994 года. Журналист сообщал, что, согласно рассказу активиста по защите прав человека А.Миронова, жестокие условия заключения Мирзаянова выбраны специально для его унижения. Представитель Московского управления милиции Владимир Вершков подтвердил, что Мирзаянов содержится в камере для 6-8 человек, но отрицал любое плохое обращение с ним и говорил об отсутствии жалоб химика на этот счет. Далее журналист кратко останавливался на моем деле и о его незаконности. Он также сообщал о заявлении либерального объединения "Выбор России" на пресс-конференции, состоявшейся в понедельник (31 января) по поводу дела Мирзаянова, в котором сказано, что партия "надеется, что Московский суд за возможно кратчайшее время завершит слушание дела Мирзаянова в строгом соответствии с конституцией и законом".

Далее C.Scott отмечал, что представитель "Выбора России" Николай Воронцов, зачитавший заявление, сказал, что закон, на основании которого Мирзаянов обвиняется, "не существовал ранее и не существует теперь". Статья заканчивается информацией о том, что правозащитная организация Helsinki Human Watch опубликовала заявление, в котором суд против Мирзаянова квалифицируется как фундаментально несправедливый, а само дело "нарушающим не только Конституцию России, но и основы прав человека".

Под заголовком "Арестован россиянин, раскрывший сведения о химических вооружениях" газета "Нью-Йорк таймс" 28 января 1994 года опубликовала сообщение от 27 января из Москвы. В нем говорится:

"Как сообщила жена российского химика, который написал о московской программе химических вооружений и отказался давать показания перед судом по обвинению о разглашении государственных секретов, сегодня арестован. Суд над Вилом С.Мирзаяновым находится под внимательным наблюдением международных научных и правозащитных организаций. Суд является закрытым потому, что доказательства следствия основаны на приблизительно 50 секретных и совершенно секретных документах и, согласно слов адвоката, зависят от экспертных показаний, "представляющих интересы военно-промышленного комплекса". Доктор Мирзаянов сказал, что он ожидал ареста. "Я ожидаю прихода милиции", - сказал он, когда мы позвонили ему в среду ночью. - Я готов".

Его жена Нурия Мирзаянова сказала, что он был взят милицией из их квартиры вечером.

Ученый впервые был отправлен в тюрьму в октябре 1992 года после публикации статьи, которую он вместе с другим ученым опубликовал в еженедельнике "Московские новости". В ней сообщалось, что Россия испытывала химические вооружения, несмотря на три подписанных ею соглашения, запрещающих это. Такими соглашениями являются Конвенция по запрещению разработки, производства и накопления бактериологического и токсинного оружия, которая было заключена в Париже в 1992 году и подписана 150 странами; Декларацией по запрещению химических вооружений и американско-советским соглашением по уничтожению и непроизводству химических вооружений. После 11 дней заключения в Лефортовской тюрьме и допросов, устроенных сотрудниками Министерства Безопасности, он был

освобожден под домашний арест до суда. Если доктор Мирзаянов будет найден виновным в разглашении государственных секретов в своей статье, то может быть приговорен к сроку тюремного заключения от трёх до восьми лет. Защитники доктора Мирзаянова сказали, что правительство России добавило пункт о химическом оружии к неопубликованному перечню секретов после того, как он был арестован первый раз. "Формулировка обвинения была такой, что я разгласил "научные достижения, достигнутые в интересах обороны страны", - сказал доктор Мирзаянов в среду. - Мы сказали, что собираемся уничтожить наши химические вооружения, однако до сих пор используем эту лицемерную фразу "в интересах обороны страны". Оборона против кого?" Доктор Мирзаянов впервые написал об этом в 1991 году в газете "Куранты" и затем был уволен из исследовательского института, где он работал. "Я решил сделать ещё одну попытку в сентябре 1992 года информировать общественность о таком лицемерии военно-промышленного комплекса, который накануне подписания конвенции по запрету химических вооружений разрабатывает новый тип химического оружия, от пяти до восьми раз более сильного, чем все известные до сих пор", - сказал он.

Статья "Отравленная политика", которую доктор Мирзаянов написал с другим химиком Львом Фёдоровым, была опубликована в "Московских новостях" в сентябре 1992 года.

Суд, начавшийся 6 января, вызвал протесты научных организаций.

В письме на имя Генерального прокурора России Алексея Казанника Американская Ассоциация за прогресс в науке сказала, что возможные нарушения договоренностей и "реальные опасности для здоровья людей и окружающей среды, вызванные производством и хранением этих химических отравляющих веществ около Москвы вынудили доктора Мирзаянова информировать общественность доступным ему образом". ...Мой арест вызвал буквально бурю протеста среди многочисленных научных и правозащитных организаций.

С резким протестом по поводу моего ареста выступила 18 января 1994 года научная организация Германии "Ответственность за мир. Инициатива ученых-естествоиспытателей". Она обвинила власти России в возврате к старой практике показательных процессов тоталитарного режима и призвала немедленно прекратить этот позорный процесс над ученым, который выступил, руководствуясь своей совестью и во имя людей на Земле. Ученые также призвали общественность перестать молчать. Организация упрекала министра иностранных дел Германии Кинкеля, к которому организация обращалась по поводу Мирзаянова, но он, тем не менее, хранил молчание.

В заявлении подчеркивалось, что организация повторно направила письмо министру иностранных дел, чтобы он лично обратился к властям в России.

Президент Нью-Йоркской Академии Наук Джошуа Ледерберг направил факс на имя помощника президента России по национальной безопасности

Ю.Батурина. В нем говорилось:

"Нью-Йоркская Академия Наук получила подтверждение, что доктор Вил Мирзаянов находится в максимально строгой тюрьме "Матросская тишина", где он будет оставаться до четверга, 3 февраля, на которое назначено возобновление слушания его дела.

Мы обращаемся к правительству России с просьбой снять обвинения против доктора Мирзаянова, поскольку они находятся в очевидном противоречии с Конституцией России. Свобода ученых обратить внимание на преступления лиц их правительств является элементом научной свободы. Нарушение этой свободы размывает также основы уверенности в доверии к правительствам в их международных отношениях".

Кроме того, решительный протест против действий властей России в отношении меня выразили в своих письмах на имя Президента Б.Ельцина, Генерального прокурора А.Казанника, помощника президента по вопросам национальной безопасности

Ю.Батурина Комитет озабоченных ученых США, Американская Ассоциация за прогресс в науке, Союз советов по защите советских евреев, международная организация по защите прав человека "Helsinki Human Watch" и другие.

Многие из этих организаций одновременно направили письма на имя посла США в России Т.Пикеринга с просьбой о личном вмешательстве в дело. 1 февраля 1994 года известный сенатор из штата Нью-Джерси Билл Брэдли обратился к Ю.Батурину:

"Я пишу для выражения моей озабоченности по поводу суда над доктором Мирзаяновым, который обвиняется в разглашении государственных секретов. Я озабочен тем, что доктор Мирзаянов обвиняется в соответствии с неопубликованным перечнем государственных секретов, принятых после совершения предполагаемого нарушения. Относительно этого я хотел бы отметить, что новая конституция Российской Федерации запрещает использование законов для их обратного действия. Я также озабочен тем, что суд не является открытым в соответствии с законом России.

Я был сильным сторонником преобразования России в государство, управляемое законами. В соответствии с моим пониманием дела доктор Мирзаянов не находится под соответствующей защитой закона и поэтому должен быть освобожден скорейшим образом".

Такая волна возмущения действиями властей России не могла не затронуть и властные структуры США. Об этом говорит выдержка из ответа на вопрос одного из корреспондентов посла Соединенных Штатов в Москве Томаса Пикеринга во время пресс-конференции в Российско-Американском центре 28 января 1994 года.

" - Как мы находим в Соединенных Штатах, ВХК - огромный комплекс, наносящий ущерб окружающей среде, и чрезвычайно дорогой процесс. И ясно, что сотрудничество обеих стран будет важным, если мы собираемся достигнуть целей договора.

- С уважением к Вилу Мирзаянову, хочу сказать, что мы проявляем к его делу большой интерес. Я обсудил это много раз с представителями властей Российской Федерации. Нам кажется более чем странным, что кто-то мог быть преследоваться за то, что говорил правду о действиях, которые противоречат обязательствам перед с иностранным государством. Мы продолжаем следить за этим делом с большим интересом наблюдать результаты юридического процесса, который, как было сказано недавно, обещает быть долгим".

Международный Научный Фонд 29 января 1994 года опубликовал заявление для печати: "Международный научный фонд выражает свою серьезную озабоченность преследованием ученого-химика Вила Мирзаянова. Дело Мирзаянова напоминает преследование инакомыслящих в прошлые времена, которые, как мы надеялись, стали частью истории. По мнению основателя Фонда Джорджа Сороса и Правления Фонда подобные инциденты могут поставить под удар дело международного сотрудничества и программу западной помощи российской науке.

На этом фоне было два момента, которые контрастировали с этими заявлениями и были связаны с выступлением представителей моих оппонентов и Владимира Углева. Мои оппоненты поспешили сгладить отрицательное впечатление в мире, связанное с моим арестом. Каждый мог спросить: как же так, химическое оружие уже запрещено и имеется международная договоренность о его уничтожении, а человека, борющегося против него, судят и бросают в тюрьму?

Андрей Ваганов и Родион Николаев 27 января 1994 года опубликовали в "Независимой газете" интервью с начальником отдела информации Конвекционального комитета по проблемам биологического и химического оружия полковником Александром Горбовским. Интервью полностью носит характер рекламы плана о намерениях, и стремится, в конце концов, создать впечатление, что их комитет, который представляет собой филиал Управления Химических Войск (УНХВ), только и делает, что денно и нощно занимается проблемами химического разоружения. Здесь нет ни слова по существу моих обвинений. Более того, в интервью есть и зловещее утверждение, что даже подписанная Конвенция по химическому оружию не запрещает делать то, против чего протестует Мирзаянов.

Очень интересное утверждение накануне ратификационного процесса - пусть, мол, законодатели в обоих полушариях света знают, какой сюрприз им приготовили разработчики договора. Мирзаянов, который дал подписку не разглашать, но всё же разгласил, по мнению химического полковника, должен быть наказан. А то, что

такая расписка не имеет никакой юридической силы, его не волнует. Впрочем, я им не судья, да и что толку роптать на волков: такова их природа.

А вот, что касается моего соавтора Л.Федорова, то А.Горбовский выложил весь компромат на него. Здесь он первый же ход сделал меченой козырной картой.

Как видно из интервью, Горбовский невольно выдал свой секрет о том, что внимательно читал показания моего соавтора, которые тот дал следователю КГБ. В конечном счете, ничего удивительного в этом нет, поскольку только наивный может сомневаться в том, что контора полковника и КГБ относятся к различным профилям. Впрочем, приведу выдержку из этого интервью. "Что касается Федорова, то он сам заявляет, что нигде, никогда не читал секретных документов, не давал никаких подписок. (Абсолютно уверен, что для такого утверждения полковник должен был как минимум ознакомиться с протоколом допроса Л.Федорова, поскольку тот никогда публично так не говорил – В.М.)

В этой связи невольно возникает вопрос: что же представляет собой Федоров как специалист? И вот мнения о нем ученых, которые хорошо знают его прошлую деятельность. Высшее образование Лев Федоров получил на химическом факультете МГУ, будучи парторгом курса со всеми вытекающими отсюда в то время привилегиями в учебе. Затем аспирантура и защита кандидатской диссертации, но через некоторое время выяснилось, что результаты работы не подтверждаются. Его научный руководитель имел из-за этого крупные неприятности. Первая защита докторской диссертации Федоровым, которая происходила на Ученом совете Института элементоорганических соединений им.А.Н.Несмеянова, провалилась совсем по простой причине – плагиат. Научные положения, которые автор выдавал за свои, оказались заимствованными из работ отечественных и зарубежных ученых.

Несколько лет назад, не добившись особых успехов, Лев Федоров вдруг резко заинтересовался диоксинами (хлорсодержащие органические соединения, являющиеся побочным продуктом некоторых химических производственных процессов и представляющие определенную опасность для человека). Не имея в то время собственных научно-практических работ по этой проблеме, Федоров развил, однако, бурную деятельность в этой области. Ошибочно приняв его за специалиста по диоксинам, научная общественность города Уфы в 1992 году пригласила Федорова для участия в разработке республиканской программы по оценке загрязнения диоксинами окружающей среды. Но странно, этот специалист не внес ни одного значимого предложения и после первого же заседания от участия в комиссии отказался. Несомненно, такая важная область, как проблема химического разоружения не должна комментироваться такими некомпетентными людьми, как Лев Федоров".

...Как говорится, комментарии здесь излишни. Когда Л.Федоров прибыл в США (после публикации этой статьи) и хорошо знающие его люди просили его подать в суд на А.Горбовского за клевету, то он отказался наотрез, оставив у них мрачные подозрения: а вдруг химический полковник попал в точку?

Другая статья А.Ваганова, опубликованная в "Независимой газете" 28 января 1994 года под названием "Терроризм, это ещё не химический, но уже химический шантаж", которую А.Аснис принес мне в "Матросскую тишину", в буквальном смысле потрясла меня. Ни мой отказ поддерживать авантюру, ни решительное предупреждение моего адвоката не предпринимать неразумных действий не остановили В.Углева. Это потрясающе компрометировало всех, кто выступал против химического оружия. В начале своей статьи Ваганов сообщал, что Владимир Углев, научный сотрудник Шиханского филиала ГосНИИ органической химии и технологии, требует личной встречи с президентом России, чтобы высказать ему "точку зрения ученых на методы уничтожения химического оружия и сообщить ему об опасности утечки новейших типов химического оружия в третьи страны". В случае отказа президента Углев обещал: "4 февраля после полудня, я обращусь в средства массовой информации, российские и иностранные, и представлю данные по новому виду советского химического оружия, одним из разработчиков которого являюсь. Я хочу сказать о его химических формулах, о его химических наименованиях, о некоторых методах его получения, о боевом применении и сырье". Далее А.Ваганов сообщал, что это заявление было сделано по телевидению. Он также писал, что адвокат Аснис на вопрос

корреспондента "Независимой газеты" ответил, что если В.Углев это он сделает, то будет арестован.

Далее автор напоминал, что Вил Мирзаянов на пресс-конференции 26 января несколько раз подчеркивал: "В моих статьях вы не найдете никаких формул, никаких свойств нового химического оружия". Журналист затем, ссылаясь на конфиденциальный источник, называл В.Углева "не первым, и даже не вторым лицом в разработках химического оружия". Тем не менее, Владимир действительно обладал информацией. По-видимому, зная об этом и судя по виду В.Углева на телеэкране, автор статьи выражает уверенность в том, что тот способен разгласить всё то, что обещал. Уже по телевизору я узнал, что Углева принял помощник по вопросам национальной безопасности Батулин. Не знаю, о чем они говорили, но у меня создалось впечатление, что Владимир был более чем удовлетворен уже одним тем, что на его долю выпала честь побывать в Кремле. Жаль, что все эти его авантюрные выходы представлялись им как его решительные действия в мою защиту.

Из других сообщений печати мне хотелось бы особо отметить информацию Л.Плотникова и Н.Городецкой о пресс-конференции объединения "Выбор России", напечатанную в газете "Сегодня" от 2 февраля 1994 года. Там говорилось, что председатель подкомитета Государственной Думы Николай Воронцов выразил своё удивление позицией "поживем и увидим", занятой научной общественностью России по отношению к "делу Мирзаянова" и её бездействием для реабилитации ученого. Обращаясь к участникам пресс-конференции, Воронцов напомнил о деле академика Жореса Медведева, который 30 лет тому назад был заключен в психиатрическую больницу за критику "научной теории" Лысенко и тогда президент Академии Наук СССР Мстислав Келдыш стал на защиту Медведева. Фракция "Выбор России" в Государственной Думе приняла заявление, в котором рассматривала расследование в отношении ученого Мирзаянова после принятия новой Конституции как "антиконституционное действие". Фракция выражала надежду, что суд по делу Мирзаянова вынесет оправдательный приговор.

Агентство Франс-пресс 2 февраля 1994 года со ссылкой на ИТАР-ТАСС сообщило о призыве вдовы Андрея Сахарова сделать суд над Мирзаяновым открытым. Елена Боннэр сказала, что законные права Мирзаянова были нарушены назначением закрытого процесса. Боннэр также осудила так называемое "невмешательство" Академии Наук России и ее уклонение от защиты Мирзаянова. Она сказала, что дважды звонила президенту Академии с призывом вмешаться, и от этих бесед у неё осталось впечатление, что организация "унаследовала позициюкоторая напоминает позу советской Академии Наук во время преследования Андрея Сахарова".

Боннэр также выразила мнение, что закрытыми должны быть только те заседания суда, на которых будут названы химические формулы отравляющих веществ или места расположения заводов, производящих их. Затем Е.Боннэр подчеркнула, что данный случай – это пример нарушения законных гарантий, и если власти не признаются в этом, то это означает, что права человека в России ничего не значат. Она затем рекомендовала: "Страны, подписавшие вместе с Россией соглашение по химическим вооружениям, должны поднять вопрос о контроле за уничтожением этих вооружений, поскольку эта проблема является предметом озабоченности не только активистов движения за права человека, но и всего мира".

30 января было воскресным днем. Действительно никто не спешил переводить меня куда-либо. Время снова проходило в бесконечных разговорах, которые прерывались просмотром теленовостей. На этот раз я согласился выпасть по очереди на матрасе и, кажется, сильно выгадал. Наконец, мне удалось выпасть, и утром 31 января тюремная жизнь показалась уже не такой невыносимой. После завтрака окошко в двери открылось и я услышал команду: "Мирзаянов, с вещами на выход!" Это означало, что мне на сборы дается пять минут. Все мои сокамерники единогласно решили, что меня переводят в другую половину "Матросской тишины". Скоро дверь камеры отворилась и появившийся конвойный приказал следовать за ним. Изрядно поплутав по многочисленным коридорам и переходам, в конце концов, мы оказались в совершенно в другом здании, где конвоир сдал меня местным охранникам. Один из них приказал мне следовать за ним. Мы поднялись на третий этаж здания, где

находились небольшие камеры ожидания. Здесь он остановил меня и приказал полностью раздеться. Я подчинился. Охранник стал просматривать всю мою одежду, особенно исследуя все швы. Кроме каких-то обрывков бумаги в моих карманах уже ничего не было, письмо Виктора К. я всё же успел ловко утаить.

Удовлетворившись проделанным, стражник запер меня в небольшой холодной камере.

Продержав здесь более часа, меня повели в душевую. Я мылся с удовольствием, используя свою майку в качестве мочалки. Таким образом я ее заодно как бы постирал. После этого меня опять повели в холодную камеру ожидания.

Наконец, дверь открылась и мне приказали в помещение, где пахло какими-то химическими веществами. Оказалось, что мне здесь меня снова будут фотографировать и снимут отпечатки пальцев. Я попытался объяснить, что уже прошёл эту процедуру. Но фотограф в форме прапорщика улыбнулся и сказал, что выполняет здесь только распоряжения своих начальников. Одновременно он намекнул, что узнал во мне того, о ком в последние дни шумят в газетах и по телевидению.

Он жаловался, что каждый в это трудное время зарабатывает свой хлеб как может, а я в знак согласия я кивал головой. Кажется, фотограф остался чрезвычайно удовлетворенным моей понятливостью. Затем меня повели на пятый этаж. Там я оказался в коротком коридоре, где с двух сторон располагались камеры. У одной из них мы остановились и он открыл дверь. В камере стоял симпатичный рослый молодой парень с интеллигентным лицом. Оно было слешка желтоватым, что свидетельствовало о том, что заключенный давно не видел солнца и свежего воздуха.

В камере было четыре кровати, три из которых пустовали. Мы познакомились. Молодого человека звали Алексей Костин. Он меня достаточно хорошо знал обо мне из газет и телевидения.

Я занял место у зарешеченного окна, напротив кровати Алексея. Между нашими кроватями стоял стол со скамьями, наглухо прикрепленными к бетонному полу. Камера была свежеекрашенной и чистой. Стены были отделаны шероховатой бетонной покрытием для гашения звука. У двери за невысоким бетонным барьером был унитаз и раковина для умывания. В середине камеры у стола находился холодильник, а на нем небольшой телевизор. У каждой кровати стояла небольшая тумбочка для нижнего белья и туалетных принадлежностей. Были матрацы и небольшие, черного цвета подушки. Действительно, обстановка здесь была намного лучше, чем в камере, из которой меня сюда привели. Мысленно я поблагодарил своего адвоката за то, что он добился моего перевода сюда. Скоро Алексей рассказал о своем деле. В ожидании суда он сидел он уже четвертый. Он прошел почти все камеры "Матросской тишины", как в этой, так и другой половине тюрьмы. За то, что не соглашался сотрудничать со следователями, его бросали и в страшные камеры, где было набито 120 человек, и туда, где сидели отъявленные убийцами-маньяками типа Чикатило. А проходил он по делу первого в СССР совместного советско-американского предприятия в Петербурге, где работал начальником отдела кадров. Когда все руководство этого предприятия обвинили в слишком "больших заработках" по сравнению советскими чиновниками, то всем удалось выкрутиться, а в качестве жертвы сдали Алексея. Из него выбивали признания в несовершеннолетних преступлениях и всеми неправдами продлевали сроки следствия. Но сломать Алексея так и не удавалось. Он уже философски относился к своему тепершнему положению и был спокоен, говоря, что если его будущий суд и даст ему срок, то время отсидки в "Матросской тишине" будет зачтено, и тогда ему, по-видимому, останется сидеть после приговора "всего" три года. Так и случилось. Летом 1994 года его приговорили к семи годам заключения. Сделано это было несмотря на то, что все свидетели обвинения в суде отказались от своих показаний, которые они дали под угрозой ареста.

Происходил Костин из семьи высокопоставленных военных (его отец в свое время был заместителем начальника Бакинского мореходного училища) и чувствовалось, что молодой человек получил хорошее воспитание. Алексей закончил Ленинградский университет, хорошо разбирался в музыке, живописи и много читал. Меня удивило то, что в свои 27 лет он успел много прочитать из классической литературы и неплохо знал труды известных русских и западных философов. Кроме того, Алексей

прекрасно рисовал. Позднее он нарисовал также мой карандашный портрет, который умело спрятал. Алексей рассказал, что он в свое время он рисовал известных членов ГКЧП (главарей путча против Президента России Б.Ельцина в августе 1991 года). В этой камере он тогда сидел вместе с бывшими председателем Верховного Совета СССР А.Лукьяновым, начальником охраны Президента СССР М.Горбачева Плехановым и премьер-министром СССР Павловым, на кровати которого мне предстояло теперь лежать. Было любопытно знать, как сидели путчисты. Алексей рассказал, что главари ГКЧП находились в хороших условиях и под постоянным медицинским контролем. Еду им доставляли из близлежащего кафе. Конечно, заодно такая же поблажка вышла и для самого Алексея.

Бывший премьер Павлов, который даже во время своего ареста был вдрызг пьян, продолжал свое любимое занятие и здесь. Адвокат приносил ему водку и коньяк, а арестант Павлов, спрятав бутылки под одеждой, проносил в камеру. Думаю, что охрана на это просто закрывала глаза. По чьему-то приказу, конечно.

По рассказу Алексея, порой в камере разгорались политические споры, например, об истинном лице главаря коммунистов Ленина. Бывший старший телохранитель М.Горбачева Плеханов от этого приходил в весьма экзальтированное состояние, плакал и просил не оскорблять память "вождя". Откуда же мог взяться такой ортодокс в наши дни? Плеханов был сравнительно молод. Он ещё в пионерском возрасте, на одной из московских улиц заметил у какого-то иностранца висевший под незастегнутым пальто фотоаппарат. Юный ленинец немедленно побежал к дежурившему недалеко милиционеру. Вблизи находился какой-то секретный институт и иностранец был арестован. Что затем стало с иностранцем, неизвестно. Но чекистская карьера будущего хранителя тела последнего Генсека началась в этот момент. Сначала его определили в школу юного чекиста, где Плеханов изучал любимое радиodelo и другие нужные для будущей профессии предметы. Затем он удачно попался в глаза будущему главе КГБ Крючкову, который затем шефствовал над ним, продвигая его по служебной лестнице, приведшей в конце концов к важной должности у тела самого Горбачева. То, что в решительный момент он предал это тело, неудивительно, поскольку был обучен служить не столько телу, а сколько своему хозяину Крючкову.

Насчет присхождения холодильника Алексей рассказал, что его предприятие бесплатно поставило их для тюрьмы целых 15 штук и за это один из них разрешили держать его камере. Алексей, в основном, питался за счет передач, которые приносили его родственники. Передачи разрешались только один раз в месяц и не должны были превышать семи килограммов. Опытный Алексей просил своих родственников приносить, в основном, сухие продукты и концентраты. Они были не так уж вкусны, но во стократ лучше еды, которой кормила тюрьма. До сих пор остается загадкой, почему в нищей России, которая не может не только содержать арестантов, но даже прилично кормить свою армию, не разрешается принимать продовольственные посылки в достаточных размерах.

День этот ещё ознаменовался другой приятной новостью. К вечеру принесли посылку от моей жены и дочери Лены, которые простояли целый день и только к закрытию службы передачи смогли отдать её в заветное окошечко. Это было большой удачей, поскольку, как мне объяснил Алексей, в следующем месяце я имею право получить ещё одну посылку, но не ранее чем через 15 дней после предыдущей. Охранник, который принес посылку, объяснил, что он мне передает только одно одноразовое безопасное лезвие для бритья, а другие он будет давать мне по мере сдачи использованных. Причем для этого необходимо было моё письменное заявление на имя начальника тюрьмы. Ну что ж, дела складывались не так уж и плохо. Хороший сосед, в камере хватает воздуха, я имею свою постель и могу спать, холодильник, телевизор и газета "Известия" вдобавок, существенно приподняли мое настроение. Никаких переговоров через форточки и передачи тюремной почты в этой части "Матросской тишины" не было. Я решил, что, по-видимому, здесь имеются другие каналы для общения. Мой сокамерник сказал, что здешнее начальство часто использует тактику давления на заключенных, отправляя их в первую половину тюрьмы, в камеры, где содержатся сто более арестантов. Да, при такой угрозе

вряд ли захочешь откровенно устанавливать связь с другими камерами. Но время от времени я все же слышал, как кто-то стучит по отопительной батарее, на что иногда отзывался и мой сосед. К сожалению, в этой азбуке я мало что понимал. Другой приятной новостью была утренняя прогулка. Для этого мы в сопровождении охранника поднимались на крышу тюрьмы, где находились изолированные друг от друга прогулочные площадки. В щель между бетонными плитами можно было видеть вдали автомобильные дороги, по которым было нетрудно сориентироваться относительно нашего местоположения.

Прогулка бодрила и, если не лениться, можно было, благодаря физическим упражнениям, сохранить неплохую форму. Алексей усиленно занимался, выделявая какие-то приемы из каратэ. Оказалось, что он был неплохим спортсменом и имел мастерский разряд, что его несколько раз выручало здесь. Несмотря на установленные самими арестантами законы, время от времени находились такие, кто был не прочь продемонстрировать свою физическую силу. По рассказу Алексея, он вынужден был дважды проучить таких громил. Понятно, что после таких уроков наступало умиротворение и сам Алексей более не становился объектом пробы силы. Его уважали, тем более это было в духе неписанного тюремного закона. Внешне спокойный, мой сокамерник тосковал по своей малолетней дочери и жене, фотографии которых часто и подолгу разглядывал.

2 февраля приехал мой адвокат. Он уже по моему виду понял, что мое положение улучшилось, а я выразил ему горячую благодарность за его хлопоты. Мы с ним беседовали о предстоящем заседании суда, которое должно было состояться

3 февраля. Аснис снова спрашивал моего разрешения обратиться с ходатайством о моем освобождении из тюрьмы. Как ему по секрету сообщила известная журналистка из "Московских новостей" Н.Геворкян, председатель Мосгорсуда З.Коренева недоумевала, восклицая: "Что же он это делает?"

По словам моего защитника, многие журналисты и демократически настроенные юристы не одобряют мои действия, демонстрирующие открытое неуважение к суду. Поэтому он просил меня взвесить все и придти к разумному решению, тем более, как он считал, эффект, на который я рассчитывал, достигнут. К сожалению, я не мог пойти на такой шаг. Судьи не должны были почувствовать, что я начал ломаться и переменил свое мнение о них. В тюрьме тяжело, но несравненно будет тяжелее потом, когда они меня запрячут в нее на долгие годы. Мы расстались с Аснисом до встречи 3 января в суде. Однако произошедшие затем события изменили наши планы.

В подземелье

3 января 1994 года сразу после завтрака мне приказали приготовиться для поездки в суд. После обыска и долгого ожидания меня посадили в крытую машину, очень похожую на хлебовозку. В фургоне этого автомобиля с двух сторон, разделенные друг от друга узким коридором, находились железные клетки. Меня ввели в одну из них. Едва протиснувшись спиной вперед, я сел на железное сиденье. Оно было страшно холодным и я вынужден был немедленно встать, полусогнувшись, поскольку голова упиралась в потолок клетки. Еще при выходе из двери тюрьмы я почувствовал, что день стоит необыкновенно холодный. Затем мне говорили, что утром температура было около минус 28 градусов по Цельсию. Простояв около 20 минут, машина тронулась. За это время я уже успел окончательно замерзнуть. Поскольку вся клетка была выполнена из листового железа, в мое тело от стен и пола проникал жуткий холод. Вязаные шерстяные носки на ногах несколько не спасали. Я пытался делать какие-либо движения и это немного помогало, но ненадолго. В такой ситуации могли помочь только валенки, тулуп и рукавицы на меху, в которые был одет охранник, сидящий со своим автоматом около входной двери.

Наша машина куда-то заезжала и заполнялась новыми пассажирами. Я догадался, что мы ездим по тюрьмам Москвы и собираем заключенных для транспортировки в суды. Наконец, настал наш черед и мы приблизились к Каланчевской улице, недалеко от Казанского вокзала, где тогда располагался Московский городской суд. К тому времени у меня осталось единственное желание: поскорее оказаться где угодно, но в тепле, ибо я околел окончательно. Автомобиль сделал резкий поворот налево и остановился. Я услышал многочисленные голоса. Люди кричали: "Мирзаянов – гордость России! Позор коммунистическим насильникам! Свободу Мирзаянову!" В дверь машины были видны люди, держащие в руках плакаты.

Я не смог прочитать их, но на одном из плакатов всё же увидел свою фамилию. Один из охранников истерично заорал во всю глотку: "Уберите фотоаппараты! Уберите, кому говорят, иначе я их разобью!" Судя по возгласам, народу там собралось достаточно много и никто уступать не собирался. Повидимому, многие охранники скрывали, где они на самом деле работают и не желали, чтобы их узнали затем по опубликованным в газетах фотографиям и в передачах по телевидению. Были также и более веские причины, о чем расскажу чуть позднее. Прошло что-то около пяти минут и конвойные не решались меня выгружать. Наконец, старший из них скомандовал: "Закрывай дверь, поехали!"

Я понял, что меня должны взять обратно в тюрьму. Автомобиль, проплутав где-то, круто повернул в обратном направлении. Я понял, что охрана решила обмануть встречающих меня и мы опять едем в суд. Действительно, скоро мы заехали в задний двор суда. Здесь не было слышно прежнего шума людей. Трюк охраны удался. Мне велели выйти из клетки и сразу надели наручники. Лестницы для спуска на землю не было. С наручниками и окончательно переставшими слушаться от мороза ногами было невероятно сложно спуститься с метровой высоты на скользкий лёд, который лежал на дворе здания суда. Я упал, ударившись правым боком и головой. Встал и меня тут же потащили в дверь, которая вела в подвальное помещения под зданием. Там, где лестница делала поворот, стоял автоматчик и свирепо разглагольствовал меня. Прошли по коридору, где располагалось помещение конвоя. В открытую дверь было видно, как капитан в грязной форме с красной повязкой на руке говорил по телефону, а несколько военных сидели на диване и курили. Мне приказали повернуться к стене и стоять. Подошедший офицер гаркнул: «Фамилия?» Я ответил. Подошедший вместе с ним прапорщик снял наручники и скомандовал: "Пошли!" Пройдя немного по коридору с многочисленными облезлыми серыми дверьми, я очутился в клетушке ожидания московского городского суда. Здесь тоже было холодно, но не так, как это было в железной клетке автомобиля. Я первым делом снял с ног ботинки и начал подпрыгивать, чтобы поскорее согреться. Скоро я почувствовал жгучий жар в ногах. По опыту студенческих лет в Москве, когда зимой я ежедневно путешествовал в холодных трамваях в институт и обратно в общежитие, помнил, что это хороший знак – все же не отморозил ноги. Проходила и непрерывная дрожь в теле, перестали стучать зубы. Кто-то посмотрел в глазок двери и что-то произнес. Я увидел, что это юный солдат, который спрашивал: "Шмаль не нужен?". Я ничего не понял, но на всякий случай ответил: "Нет". И тут же добавил: "Хочу в уборную". Но солдат отошёл и я услышал, как он снова задал свой странный вопрос кому-то еще. Солдат скоро вернулся и, открыв дверь, велел следовать за ним. Перед открытыми дверьми, откуда шла характерная вонь общественного сортира, стоял часовой, который тотчас дал знак, чтобы я направился во внутрь этого темного и неопишимо грязного помещения. По выходе из сортира солдат повел меня к штабу, где подошедший офицер велел стать лицом к стене и надел на меня наручники. Затем, в сопровождении четырех конвойных, я отправился куда-то вверх. Два молодых солдата держали меня за руки выше наручников, а прапорщики шли спереди и сзади меня.

Когда мы дошли по коридору первого этажа до широкой парадной лестницы, ведущей на второй этаж, я увидел там большую толпу людей с плакатами, фоторепортеров, телевизионщиков и журналистов, с некоторыми из которых я уже не раз встречался. Люди кричали: "Позор! Свободу Мирзаянову!", "Мирзаянов, мы с вами!", "Почему вы не боретесь с бандитами?" На середине лестницы, оглушенные возгласами

демонстрантов и ослепленные бесконечными фотовспышками конвойные, остановились в замешательстве. Оба молодых солдата буквально вцепились в мои руки, причиняя сильную боль. Я не сдержался и сказал одному из них: "Сопляк, перестань жать мне руку, иначе я съезжу тебе по морде!" Конечно, сделать я этого никак не смог бы. Тут же появилось ещё несколько военных, очевидно, вызванных на подмогу. Меня потащили по лестнице вниз в знакомый подвал. Заперли в прежнюю клетку и я ещё долго слышал, как конвойные материли и проклинали демонстрантов. Порция брани досталась и мне. Мне оставалось только сидеть и ждать, что же произойдет дальше. Но ничего уже не происходило и я просто сидел на холодном каменном полу, поскольку сидеть в клетке было не на чем. Время от времени я вставал и пробовал разминать затекшие ноги. Время тянулось ужасно медленно и я окончательно потерял его счет. Хотелось пить, но я приказал себе терпеть. О еде я старался и не думать, поскольку, как я понимал, здесь не поят и не кормят. Временам в подвале устанавливалась тишина и я слышал где-то далеко радио, по сигналам которого я вычислил, что время уже 4 часа дня. Следовательно, сидел в клетке уже более четырёх часов.

Наконец, я услышал голос из клетки напротив: "Откуда, из какой тюрьмы и по какой статье?" Я начал было отвечать, но тут же раздался приказ: "Молчать!" Тут конвойный открыл дверь моей клетки и скомандовал "На выход!" Дальше он меня повел по знакомому коридору к стене напротив штаба, где уже стояло более десяти человек. Нас попарно стали заковывать в наручники и всех затем соединять в общую цепь. Цепью же и повели по коридору и затем вверх во двор суда, где нас ожидала знакомая арестантская машина. Был седьмой час вечера.

Выяснилось, что машину подавали для перевозки только по окончании последнего судебного заседания. Все арестанты должны были ждать этого момента.

Прежде чем посадить в машину, с нас сняли наручники и мы неловко по одному взбирались на высокую платформу автомобиля. А там нас опять заперли в клетки. К вечеру мороз усилился и я опять стал мёрзнуть. После разгрузки заключенных в многочисленных тюрьмах столицы в машине стало совсем тихо. Когда автомобиль остановился перед воротами и затем заехал во двор, я догадался, что это, наконец, моя "Матросская тишина" и скоро я буду в тепле. Через щель в двери я рассмотрел, что в машине сидел молодой солдат в тулупе, черных валенках, меховой шапке с опущенными ушами. Его руки в больших меховых рукавицах лежали на автомате. Время тянулось неистерпимо долго. Казалось, что обо мне просто позабыли. Проклятый мороз тем временем пробрал меня до самого сердца. Меня охватила паника: ведь я могу так нелепо отдать концы! Я стал стучать в дверь, напоминая о своем существовании. Солдат гаркнул: "Ну, ты, молчать! Иначе попробуешь карцера!". Но все же даже этот кошмар имел свой конец. Я услышал голоса и дверь машины открыли и тут же открыли дверь моей клетки. В полузабытьи спустился с машины и в такой же прострации шагнул затем по коридорам тюрьмы.

Когда мы окончательно остановились, я долго не мог опознать знакомое место для обыска. Здесь тоже было холодно и я не переставал дрожать, стуча зубами, которые не на шутку разболелись. Мои десны всегда начинали воспаляться, когда я схватывал простуду. Конвойный приказал раздеться. Я старался делать это по-скорее, рассчитывая ускорить мою доставку в камеру. Но тюремщик прощупывал все швы моей одежды нарочито не спеша. Я в это время становился на мои ботинки, чтобы хоть как-то продержаться в этом морозильнике. Оделся я, кажется, быстро, несмотря на то, что руки и ноги абсолютно отказывались меня слушать. Только после того, как я опять оказался в тесной камере ожидания, где имелась едва теплая батарея отопления, я вспомнил арестанта, который в первую ночь в "Матросской тишине" сказал, что в мои годы по тюрьмам не ходят. Возможно, он был прав – не всякий, даже молодой арестант, может выдержать такие жестокие испытания. Поэтому неудивительно, что часть арестантов в обмен на какие-то облегчения идет на сотрудничество с тюремщиками, становясь информаторами и даже провокаторами. Но во многих случаях их разоблачают. Тогда тюремщики их прячут в

одинокках. "Стукачи" после суда и получения соответствующего срока отбывания в лагерях, отказываются ехать туда, поскольку их могут убить даже во время пересылки. Тогда тюремщики делают из них прислугу для выполнения чёрной работы на кухне, доставки еды в камеры и т.д.

Когда меня, наконец, доставили в камеру, было уже около 9 часов вечера. Алексей, увидев мое состояние, сразу понял в чем дело и быстро приготовил чай с помощью электрокипятильника. После нескольких кружек чая я немного пришел в себя. В том, что со мной так обращались, мой сосед не видел ничего особенного. Оказывается, это и есть один из приемов психологической обработки заключенного. Он посоветовал мне в следующий раз взять с собой газеты, чтобы подстелить под ноги.

Пожалуй, для более объективного рассказа пора обратиться к газетам, которые писали на следующий день о произошедшем случае в суде.

Вот как описывает это событие корреспондент газеты "Куранты" В.Назаров в статье "Глупость, что шло в мешке. От прессы не утаишь. Маневры на Каланчёвской", опубликованной 4 февраля 1994 года. "Продолжение слушания "дела" Мирзаянова назначено было на 10.30. Многоопытные журналисты – российские и зарубежные – прибыли за час-полтора. Всем хотелось запечатлеть на пленку момент "выгрузки" Вила Султановича из "воронка". Или хотя бы конвоирование его по коридорам дома "третьей власти". Вот и все, на что мы могли рассчитывать: процесс-то предусмотрительно "закрыли", чтобы не узнал враг военной нашей тайны...

А вот "воронок" – довольно обшарпанный грузовик – въезжает в ворота на Каланчёвке. Маневры для охраны начались неудачно: не успели и ахнуть, как двор заполонили репортеры – человек 20-25. Автоматчики потоптались-потоптались, пока не последовала команда старшего: "Полный назад". Машина, как нам сказали, вернулась в тюрьму, а мы стали ждать... Инженер, один из авторов злосчастного этого химического оружия, Владимир Углев говорит мне: "Мирзаянов опередил меня. Я тоже хотел обнародовать наши достижения в разработке химических видов оружия. И гласно заявляю: я готов обнародовать даже химические формулы. Хотя это прямая дорога в тюрьму". Тем временем маневры на Каланчёвке продолжались. Вновь приехал "воронка", Мирзаянова "выгрузили", препроводили в помещение для подсудимых. В коридор суда высыпали солдаты с автоматами, дубинками. Ощерилась огромная овчарка... Вывели, наконец, Мирзаянова, проделали с ним менее половины пути к залу заседания и ...вернулись назад. Напугались, видимо, кинофотоаппаратуры. Вообще-то вели себя охранники вполне демократично: не стреляли, никого дубинкой по башке не огрели, собака никого не покусала. Суд перенесен на сегодня. Возможно, вместо взвода солдат охраны сегодня прибудет рота. А почему бы не организовать в системе МВД специальное подразделение по охране и конвоированию людей типа Мирзаянова?"

Светлана Ганнушкина в газете "Экспресс хроника" от 4 февраля 1994 года написала следующее. "...В 10.00 около здания суда началась демонстрация правозащитных организаций с плакатами, содержащими требования соблюдать конституцию, освободить подсудимого и не допустить возврата к прошлому. К 10 часам собралось 40-50 представителей прессы и правозащитников, ожидавших, когда привезут подсудимого. Милицейская машина прибыла, но Вил Мирзаянова из нее не вывели. Постояв некоторое время около здания суда, автомобиль с подсудимым развернулся и уехал. Через час машина вернулась, еще через полчаса по лестнице здания суда забегало около 50 вооруженных охранников, которые оттеснили ожидающих на 2-й и 4-й этажи и образовали коридор от двери здания до зала заседаний. По рации передавались приказы и выяснялась обстановка. Однако Вил Мирзаянова снова не провели в зал. Вышедший к ожидающим адвокат Мирзаянова Александр Аснис сказал, что, по мнению суда, толпа "представляет опасность для конвоя". Какую именно опасность могут представлять собой вооруженные видеокамерами, фотоаппаратами и плакатами люди для тех, у кого в руках автоматы, Аснису сказано не было. После предпринятой журналистами попытки проникнуть за информацией в зал заседаний к ним вышел прокурор, который сказал дословно следующее: "Сначала надо набраться культуры, а потом задавать вопросы. Понятно?" Журналисты и правозащитники,

которыми все было "понято", отправились бродить по коридорам суда, обсуждая дело Вила Мирзаянова и публикации по этому поводу. И тут сильно досталось "Экспресс-Хронике" за статью Натальи Хмелик "У нас героем становится ..." ("Экспресс-Хроника" № 2/336 от 13 января 1994 года): "Разве время сейчас попрекать ученого Вила Мирзаянова его прошлым, связанным с разработкой отравляющих веществ?", "Кто может судить другого за то, что истина пришла к нему поздно?", "Только единицы из нас не ответственны так или иначе за наше общее прошлое и настоящее". Что же до "претензий" Вила Мирзаянова на роль "героя", как пишет Наталья Хмелик, то героем его делают власти, нарушая конституцию, закон и организуя вокруг процесса костюмированное шоу. После суда было распространено совместное заявление правозащитной секции "Мемориала" и Фонда гласности. В этом заявлении процесс характеризуется как политический и нарушающий требования конституции, содержится требование прекратить преследование Вила Мирзаянова.

Объективности ради привожу отклик на события, сделанный Натальей Хмелик в том же номере газеты, тем более там содержатся новые сведения о развитии событий вокруг моего дела.

"...Очевидно, что уголовное дело против Вила Мирзаянова возбуждено с явными нарушениями действующей конституции. Его судят фактически не за нарушение закона, а за нарушение должностных инструкций, не опубликованных в открытой печати, не известных широкой общественности, а значит – не имеющих с точки зрения конституции законной силы. Здесь, кажется, все согласны с Александром Аснисом, адвокатом Мирзаянова. Однако требования, чтобы президент вмешался и прекратил уголовное преследование Мирзаянова, тоже незаконны. По существу, представители общественных организаций требуют, чтобы президент применил печально известное "телефонное право" и оказал давление на суд. Наверное, пока шло следствие, у президента была возможность обратиться к Генеральному прокурору с тем, чтобы дело Мирзаянова было изучено максимально внимательно. Скорее всего внимательное изучение того дела привело бы к его прекращению, так как Мирзаянов, по существу говоря, не обнаружил никакой секретной информации. После вынесения обвинительного приговора, если Мирзаянов будет осужден, президент своей властью может его помиловать, так как осуждение Мирзаянова будет противоречить конституции. Но сейчас, пока идет суд, президент вряд ли может сделать для освобождения Мирзаянова что-нибудь такое, что было бы в рамках закона".

Получается, что авторы обращений к президенту готовы выступать за правовое государство, в котором исполнительная власть не может влиять на судебную только в тех случаях, когда их отношение к подсудимому совпадает с отношением суда. Смее не согласиться с умозаключением автора. Журналист вначале утверждает, что мое дело возбуждено в нарушение действующей Конституции, а затем настаивает на том, что, если такое нарушение делается судом, то президент не имеет право вмешиваться. Тогда позволительно спросить: кто же нас будет защищать от произвола, связанного с прямым нарушением Конституции и как понимать тогда роль президента как гаранта Конституции? Что, для исправления положения необходимо обращаться в ООН? Или мне нужно ждать, когда президент, может быть, амнистирует меня? Не нужно забывать при этом, что Россия ещё только пытается устанавливать законы для защиты человека от произвола власти. Все же продолжу цитирование статьи Н.Хмелик.

"...Во всех остальных случаях они забывают о правовом государстве и требуют нарушения закона (о нарушении какого закона может идти речь, если попирается Основной закон страны! – В.М.) во имя справедливости. Подобные выступления можно понять, если вспомнить, что авторы обращений получили воспитание в те времена, когда на приговор суда можно было повлиять телефонным звонком или начальственной командой. Было бы идеализмом считать, что люди, считающие что сегодня ничего подобного не происходит. Происходит, конечно. Но странно, что люди, считающие себя демократами, требуют подобных нарушений и полагают, что можно нарушать закон во имя демократии".

Я прошу прощения у читателя за то, что должен комментировать юридический изыск автора. Нет, никогда в прошлые времена "телефонного права" ни один из таких инакомыслящих, как я, не был подобным образом освобожден из тюрьмы или от преследования. Наоборот, без суда и следствия их сажали в тюрьмы, расстреливали, ссылали, как в случае с великим Андреем Сахаровым, даже без определения срока. Если таких диссидентов, как Буковский и Щаранский, меняли на иностранного коммунистического вожака или американского разведчика, то весь мир и бог тому свидетель: не от "хорошей" жизни были вынуждены это делать генсеки КПСС. Пойти на это их вынуждало возмущение всего цивилизованного мира, но никак не практика "телефонного права". Спрашивается, может ли существовать суд без Основного Закона – Конституции и соблюдающий лишь формальное право, которое отсылает к тем же "должностным инструкциям"? Ведь тот, кто хоть немного читал текст Конституции, несомненно поймет всю абсурдность автора статьи, которая, хочется думать, возникла от неверной предпосылки.

"...29 января ученый –химик Владимир Углев встретился с советником президента по вопросам национальной безопасности Батуриным. После этой встречи Углев сообщил журналистам, что говорил с Батуриным о деле Мирзаянова и Батурин обещал вмешаться и сделать все возможное, чтобы дело это было прекращено. Каким будет вмешательство? Как оценивает свои возможности президентский советник Батурин? Верно ли он их оценивает? Думаю, ответы на все эти вопросы мы получим довольно скоро. Пока же ясно лишь одно – высшие должностные лица в России так же, как и представители демократической общественности, не видят ничего странного во вмешательстве в судебный процесс. Народ и партия по-прежнему едины. Вероятно, это тоже издержки советского воспитания".

Позднее В.Углев на пресс-конференции 4 февраля 1994 года заявил, что он решил не разглашать информацию о новом отравляющем веществе. Свое решение он обосновал тем, что власти услышали его голос, о чем он убедился после встречи с Ю.Батуриным. В дополнение, он сказал также, что боится, что формула и другие подробности о новом ОВ могут позволить некоторым странам организовать его неконтролируемое производство. Что ж, для постижения такой великой истины непременно стоило встретиться с помощником президента!

Агентство Рейтер со ссылкой на ТАСС 4 февраля 1994 года сообщило, что российские власти якобы готовы прекратить суд над Мирзаяновым. ТАСС, по сообщению агентства Рейтер, цитировал слова помощника по национальной безопасности Ю.Батурина о том, что согласно новой Конституции России каждый "имеет право свободно искать, получать, передавать, накапливать и распространять любую информацию любым законным путём". Принятие Конституции на референдуме в декабре прошлого года, по словам Ю.Батурина, могло бы быть истолковано как "изменившееся обстоятельство" и основа для прекращения дела. Об этом свидетельствует сообщение из Москвы, полученное Гейл Колби непосредственно из телеграфного агентства 4 февраля 1994 года:

"Вил Мирзаянов, ученый-химик, обвиняемый в разглашении государственной тайны, начал сегодня давать показания в московском суде. Как стало известно корреспонденту ИТАР-ТАСС из близких к президенту России источников, Борис Ельцин склоняется к признанию процесса над ученым неконституционным, и как гарант Конституции может в ближайшее время повлиять на прекращение дела в отношении Мирзаянова.

Аналогичная информация появилась в "Независимой газете" от 4 февраля 1994 года. Газета сообщила, что советник президента по национальной безопасности Ю.Батурин детально проинформировал Бориса Ельцина о процессе над Мирзаяновым и президент адекватно реагировал, сказав, что расследование является неконституционным. 4 февраля 1994 года Olivia Ward в канадской газете The Toronto Star и Ann Mc Elvoy в Гонконгской газете South China Morning Post поместили обширные статьи с подробной информацией о моем процессе.

...Мне кажется, что за рубежом, в частности, в США, многие наблюдатели правильно поняли существо моего дела и подоплеку закрытого суда. Их настроение выражала

редакционная статья под названием "Россия на суде" влиятельнейшей газеты The Wall Street Journal от 4 февраля 1994 года. В ней говорится:

"Российский ученый по имени Вил Мирзаянов завтра идет в суд в Москве по обвинению о разглашении "государственной тайны" в статье в "Московских новостях" о новом смертельном химическом оружии с названием "Новичок".

В общем виде это будет судом бывшего ученого-специалиста по оружию, пораженного своей совестью. В более высоком смысле это будет ответом на вопрос, окончила ли новая конституция России её пребывание в полицейском государстве или она является не более чем клочком бумаги. В конечном счете, суд прольет свет на то, намерена ли новая Россия быть такой же, как и старый Советский Союз, не верной по отношению к международным договорам по разоружению. Советы вралі бесстыдно для маскировки своих договорных нарушений. Если Россия намерена делать то же самое, то, чем быстрее мир узнает об этом, тем скорее могут пойти на убыль симпатии к обращениям России о международном понимании и помощи. Газета сыграла ключевую роль многие годы в разоблачении советской лжи о тайной разработке химического и биологического оружия. Журналист William Kuzewich углубился в эту тему еще в 80-ые годы после того, как племена хмонга, бежавшие из Лаоса, сообщили, что авиация их коммунистического правительства отравила деревни распылением "желтого дождя". Бывший руководитель бюро Journal Moscow Петр Гумбел сообщил в марте прошлого года о том, что российские и американские исследователи окончательно подтвердили, что советские власти многократно лгали о взрыве в Свердловске в 1979 году. Взрыв случился на военном заводе и подтвердил проведение экспериментов в нарушение международной конвенции по биологическому оружию от 1972 года. Во время расследования этого случая Гумбел и его источники подверглись травле со стороны КГБ.

Как писал Майкл Уоллер в статье, помещенной рядом с редакционной, «теперь травле подвергается господин Мирзаянов. Обвинение, что он раскрыл "государственную тайну", не могло быть расследовано ни по одному пункту закона. Джошуа Ледерберг из Нью-Йоркской Академии Наук заметил в письме в New York Times в декабре, что следствие было основано на секретном постановлении Совета Министров, изданном спустя шесть после появления статьи в "Московских новостях". Секретный закон достаточно плох, но применение его как имеющего обратную силу, ужасно. Более того, запрещен доступ в суд международным наблюдателям, точно так, как в старые времена, когда такие вещи совершались "спокойно". Мы можем понять, почему статья в "Московских новостях" была столь болезненной для властей. То, о чем писал Мирзаянов, может являться новым российским нарушением международных договоренностей. В письме Борису Ельцину на прошлой неделе Fang Lizhi из комитета по международной свободе ученых Американского Физического общества заявил, что российского ученого судят за "действия, соответствующие по меньшей мере двум международным договорам, подписанным Российской Федерацией – Конвенции по химическому разоружению и Декларации по запрещению химического оружия". Он просил российского президента снять все обвинения. Сенатор Билл Брэдли просил в октябре Стрובה Тэлботта из администрации Клинтона поставить этот вопрос перед русскими, но видимых результатов нет. Разумеется, можно спорить о том, что Россия, как и любая другая страна, имеет право охранять военные секреты. Однако, разработка химического и биологического оружия (ХБО) лежит вне этой области. Любой военный эксперт знает, что ХБО является наступательным, а не оборонительным. Имеется широкий международный консенсус, записанный в нескольких договорах о запрете этих вооружений.

В настоящее время доверие к Борису Ельцину является жизненно важным для взаимоотношений России с Западом. Но в России не все так просто. Например, Владимир Жириновский угрожает уничтожить любого, кто не согласен с ним и с его товарищами-люмпенами. Его братание с убийцами боснийских сербов в Белграде заполонило все последние новости в прессе. Растут подозрения о том, что Ельцин не контролирует КГБ и эта организация все еще распоряжается Россией и её соседями. Если это так, то Ельцин и Россия явно имеют дело с большой проблемой.

Хорошим способом решения проблемы было бы распоряжение об освобождении Мирзаянова и расследование обстоятельств его ареста и преследования. Мир сильно нуждается в доказательствах, что Россия не соскальзывает обратно к её отвратительным старым временам".

В статье Майкла Уоллера, озаглавленной "Суды над новым российским диссидентом" в том же номере The Wall Street Journal подчеркивается, что сейчас происходит испытание новой российской конституции и намерений уважать обязательства Москвы по обмену информацией по программе химических вооружений и уничтожению её запасов. Обращение Мирзаянова к прессе задело чувствительный нерв, поскольку программы по разработке химического и биологического оружия все ещё остаются закрытыми.

Напомним, что следствие по делу Мирзаянова началось до принятия новой Конституции, М.Уоллер считает, что суд в настоящее время не уважает права, которые этот документ устанавливает. Суд отклонил все ходатайства защиты, включая просьбы по вызову независимых экспертов и разрешению присутствовать на слушании дела международным наблюдателям. Далее журналист останавливается на моих утверждениях о нарушении статьи 20 уголовного кодекса о всестороннем, полном и объективном расследовании дела, а также пункта Конституции, касающегося обязательности публикации законов. Журналист предупреждал: если Мирзаянов будет осужден, то следующим перед судом должен будет предстать В.Углев. Затем М.Уоллер подробно рассказывал об Андрее Железнякове, его работе над темой "Новичок" и смертельном отравлении новым ОВ. Далее журналист объяснял, почему власти России были так сильно огорчены действиями Мирзаянова, который якобы разгласил "результаты целевой программы секретного оружия". Причина, по его мнению, была в том, что, помимо вынужденного включения "Новичка" в перечень контролируемых веществ Конвенции по химическому оружию и остановки программы его разработки, возникала угроза, что Россия не получит от Запада сотен миллионов долларов помощи, которую ей обещали. Журналист приводил моё мнение о том, что западная помощь бесполезна. "Наши генералы кричат, что Россия без помощи не справится с уничтожением своих запасов химического оружия и мы нуждаемся в по меньшей мере в 600 миллионах долларов. Они хотят получить эту сумму через Ельцина из США и использовать её для избавления от старого оружия и продолжения разработки бинарного оружия", - цитировал он мое интервью "Московским новостям". По мнению М.Уоллера, А.Железняков согласился с этим. Перед своей смертью он говорил журналу "Новое время": "Нельзя доверять генералам уничтожение химического оружия. Деньги, полученные от американцев для этой цели, определенно будут направлены на разработку новых и более сильных отравляющих веществ".

Газеты Татарстана и Башкортостана тоже широко откликнулись на мой арест и начавшийся суд. Вот только заголовки некоторых статей.

"Восхищаюсь.Горжусь.Защищаю.(Сборник некоторых писем)". "Молодёжь

Татарстана", № 21,15 февраля 1994 года.

"За то, что сказал правду".Ф.Хайрутдинова."Арские вести",2 февраля 1994 года.

"Держись,Мирзаянов!" Ф.Хайрутдинова."Ватаным Татарстан",№ 22-23,4 февраля 1994 года.

Один из талантливейших татарских поэтов Мударис Аглям рядом с этой статьей на первой странице газеты и моим фотопортретом поместил свои стихи, посвященные мне. На другой странице была опубликована телеграмма Роальда Сагдиева на имя Генерального прокурора России А.Казанника, текст которой я привел выше.

"Вил Мирзаянов всё ещё сидит в тюрьме".Р.Галикаева."Кызыл тан"(Башкортстан), № 34, 19 февраля 1994 года.

3 февраля 1994 года газета "Кызыл Тан" (Башкортстан) напечатала текст телеграммы участников пленума Татарского общественного центра, собрания общественности города Уфы и районов республики на имя Президента России Б.Ельцина и Генерального прокурора А.Казанника с требованием о прекращении дела Мирзаянова и немедленного его освобождения из тюрьмы.

...Моей судьбой были озабочены и государственные мужи США, о чем говорит следующий отрывок из протокола заседаний сената (Congressional Record - Senate. February 1, 1994. S.S. 543 - 544.) Под заголовком "Российский ученый и соблюдение закона в суде в Москве" помещена стенограмма выступления сенатора Де Кончини.

" De Concini. Господин председатель, сегодня я хотел бы обратить внимание моих коллег на закрытый суд, открывшийся в прошлый понедельник, 24 января в Москве. Идет слушание дела российский ученого по имени Вил Мирзаянов по обвинению о раскрытии государственных секретов. Как председатель комитета сената по делам разведки, я наиболее основательно уверен, что нация имеет право хранить определенные секреты, относящиеся к национальной безопасности. Однако, посмотрите на детали этого дела.

Доктор Мирзаянов является московским ученым-химиком, который в 1992 году на основе своей работы в секретной лаборатории в Москве раскрыл в российской и западной прессе, что Россия продолжает испытание химических вооружений, несмотря на подписанное ею международное соглашение, запрещающее такого рода испытания. Впоследствии доктор Мирзаянов был арестован и в октябре 1992 года недолго содержался в заключении. Затем он находился под домашним арестом до 24 января 1994 года, когда был созван суд над ним.

То, что доктор Мирзаянов сделал, разгневало влиятельных членов российского военно-промышленного комплекса, хотя это, очевидно, не было незаконным согласно законодательству России в то время. Поэтому власти склонили подписать премьер-министра Черномырдина секретное постановление, имеющие обратную силу, чтобы сделать утверждения Мирзаянова преступными. Трудно поверить, что правительство, могло бы сделать граждан ответственными за нарушение постановления, которое открыто не было опубликовано. Между прочим, новая Конституция России совершенно чувствительно запрещает использование секретных постановлений в качестве основы для уголовных обвинений. Активисты движения за права человека и члены научной общественности встали на защиту доктора Мирзаянова и по поводу законности его суда, и по существу заявлений доктора Мирзаянова о том, что Россия продолжает испытание химического оружия. Доктор Джошуа Ледерберг, президент Нью-Йоркской Академии Наук, призвал к снятию обвинений против доктора Мирзаянова. "Иначе, - заметил он, - мы должны заключить, что Мирзаянов говорил правду и был разработан целый класс смертельных бинарных вооружений и что Правительство России возвращается к старой советской практике преследования инакомыслящих ученых". Я хотел бы отметить, что уважаемый российский ученый и академик Роальд Сагдиев написал, что "процесс над Мирзаяновым может нанести лишь непоправимый моральный ущерб политике российского руководства, да и всему делу мира". Администрация также внимательно следит за этим делом. Посол Пикеринг в Москве назвал "более чем странным, что кто-то мог быть подвергнут преследованиям за то, что говорит правду о деятельности, которая противоречит договорным обязательствам с иностранным государством". Я бы сказал, что это, мягко говоря, заставляет обмыслить природу договорных обязательств.

Суд над Мирзаяновым - это больше, чем судьба одного человека. Это плохое предзнаменование дальнейшего направления, по которому пойдет Россия в период после "холодной войны". Кто же теперь во главе здесь? Граждане, действующие по закону или военно-промышленный комплекс, который может вытащить из шляпы секретные правила, когда это ему необходимо?

Я надеюсь, что добрая воля и соблюдение закона будут преобладать в Москве. Многие совестливые россияне в правительстве и за его пределами ищут правосудия для доктора Мирзаянова. Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе, председателем которой я имею честь быть, торжественно решила присоединить свой голос к этим усилиям. Вместе с сопредседателем конгрессменом Steny Hoyer я написал послу Лукину и попросил его сообщить о нашей озабоченности процессом Мирзаянова Президенту Ельцину. Я надеюсь, что и другие присоединятся к нам."

Прервав обзор печати, вернусь к событиям следующего дня после неудачной попытки доставить меня в зал суда. 5 февраля 1994 года после завтрака меня опять повели уже по привычному маршруту на место обыска и ожидания перед отправкой в московский городской суд. На этот раз я взял с собой газеты, которые накопились у Алексея, для того, чтобы подстелить под ноги в клетке тюремного автомобиля. Они были очень кстати, поскольку утро было опять морозным.

На этот раз меня выгрузили почти без происшествий. Выйдя машины, я увидел нескольких фотокорреспондентов, висевших на заборе. Конвойные бросились их отгонять, но опытные, ловкие ребята непрерывно фотографировали и лишь после того, как на них замахнулись дубинками, соскочили с забора.

Меня снова долго держали в знакомой клетке подвала Мосгорсуда. Затем сразу шесть конвойных в сопровождении двух огромных овчарок повели меня в наручниках наверх. Когда мы поднялись в цокольный этаж, я увидел за железной решеткой в конце коридора много людей, которые непрерывно фотографировали и снимали на телевидение. Тут же громко залаяли собаки. Я, подняв руки в наручниках, пытался поприветствовать их. Однако, конвойные тут же потащили меня в ближайшую дверь, одновременно стараясь спрятать свои лица от фотокамер.

Мы вошли в большой холодный зал с заиндивевшими окнами. Сбоку стояла клетка для опасных преступников, придававшая и без того мрачному интерьеру зала устрашающий вид.

Впереди на возвышении находились места для судей. Недалеко от них сидел в пальто мой защитник Аснис, слева – прокурор Панкратов с посиневшим от холода лицом, одетый в свою неизменную синюю форму с погонами. Конвойные завели меня в клетку, сняли наручники и с грохотом заперли дверь на замок. В зале остались два солдата и офицер, который сел у дверей в зал. Ко мне подошел Аснис и рассказал о делах в моей семье и о том, какие усилия он предпринимает. Судья не разрешил свидание моей жене, что, конечно, было демонстрацией мести. Я снова категорически отказался хотаиствовать перед судом об освобождении из тюрьмы, но согласился с намерением адвоката принести два ходатайства об отводе нынешнего состава суда и об открытом рассмотрении моего дела.

Скоро раздалась команда секретаря суда: "Встать, суд идет!" Из двери за возвышением появились судьи во главе с Сазоновым. Все они были одеты в пальто. Председательствующий Н.Сазонов приказал сесть и тут же возмущенно крикнул конвойному офицеру: "Что же вы так его заперли? Немедленно освободите!"

Меня выпустили из клетки и посадили на первый ряд лицом к судьям. По бокам, плотно прижавшись ко мне, сели два молодых солдата.

Судья участливо спросил, не имею ли я каких-либо жалоб по своему содержанию. Я бодро ответил, что всё обстоит отлично, но я по-прежнему отказываюсь сотрудничать с судом, который не уважает Конституцию собственной страны. Тут прокурор Л.Панкратов начал жаловаться на несправедливость, вынуждающая его пребывать в холодном зале, где температура едва достигает 10 градусов, всего лишь в мундире, тогда как остальные участники сидят в пальто...

Аснис взял слово и зачитал свои ходатайства, после чего Н.Сазонов объявил, что суд удаляется на совещание. Я едва не расхохотался, увидев как В.Юдин, опять согнувшись, потащил все семь томов моего дела с собой обратно. По-видимому, ему была дана установка не расставаться ни на миг с моим делом, на котором был грозный гриф "совершенно секретно". Мне это напомнило сцены из фильмов времен моего детства, когда после разгрома немцами советской военной части, оставшаяся в живых горстка раненых и обессиленных солдат, едва ползет по земле, но тащит с собой войсковое знамя.

Судье было невдомёк, что буквально в нескольких метрах от него сидел мой адвокат, у которого на столе была почти полная копия дела. В этот и все последующие дни я боролся с искушением сделать заявление с просьбой, чтобы судья В.Юдин так не надрывался, таская тяжелый груз, поскольку копия моего дела доступна для всех желающих. Один экземпляр находился на столе моего адвоката, а другой – в США, у моего друга Гейл Колби. Не знаю почему, но мне было искренне

жаль разочаровывать этих людей. Уверен, что моё дело не рассекречено и по сей день, все еще являясь государственной тайной...

После небольшого перерыва судьи вновь заняли свои места и Сазонов прочитал решение суда об отклонении ходатайств моего адвоката. Затем он, объявив о продолжении слушания дела, нудно и протяжно начал читать протоколы моего допроса. Из его рта непрерывно шел пар, отчего создавалось впечатление, будто внутри судьи находится кастрюля и там что-то кипит и варится.

Время тянулось медленно. Иногда я пытался наблюдать за реакцией судей, прокурора и адвоката. Но для них все это было привычным делом и никто не слушал чтение Сазонова. Оба моих солдата, тесно прижавшись ко мне, словно котят к своей матери, мирно спали. Тот, что сидел справа, временами начинал даже храпеть. Офицер у двери тоже спал, но время от времени открывал глаза, чтобы кинуть взгляд на своих солдат. Но те находились к командиру боком и немного спереди и поэтому он довольствовался лишь тем, что солдаты были тут, рядом с подсудимым. Казалось, что военные, как и кошки, большую часть жизни проводят в постоянном сне. Неожиданно я спросил самого себя: "Сколько же дней я буду слушать всю эту галиматью?" Тут еще как по заказу, судья Сазонов, читая протокол моего очередного допроса, не смог произнести какой-то элементарный химический термин. И я поднял руку и поправил его. Судья тут же спросил меня:

– Быть может, вы всё же поможете нам и ускорите слушание? В конце концов, все мы находимся в затруднительном положении.

– Хорошо, – ответил я. – Однако я должен сперва сделать своё заявление о том, почему я обратился к прессе и опубликовал свои статьи о химическом оружии. Судья согласился. В течение 5–7 минут я изложил моё заявление, рассказав мотивы моего поступка и предупредив судей о том, что они, как все граждане, а также их дети, одинаковы беззащитны перед этим оружием массового поражения. В сложившейся международной ситуации ХО представляет большую опасность для нашей страны, поскольку его разработка, производство и испытание наносят вред здоровью населения не только сегодня, но и угрожают непредсказуемыми последствиями для будущих поколений.

Судьи не проявили никаких эмоций. Им все, что я говорил, было глубоко безразлично. Затем они начали задавать вопросы по отдельным эпизодам моего дела. Я отвечал честно и без всякой тревоги за то, что мои показания могут быть истолкованы мне же во вред. Через некоторое время Н.Сазонов объявил перерыв. Меня снова повели в подвал. Там я просидел до конца обеденного перерыва (о еде для меня не было даже речи), после чего мы отправились по знакомому маршруту в угрюмый холодный зал суда.

Свидетели "топят" дело

Оказалось, что в этот день были вызваны для дачи показаний свидетели: мой бывший подчиненный А.Рыскаль и обозреватель газеты "Московские новости" Л.Никишин. Но Рыскаль оказался в отъезде за пределами Москвы и даже родственники не знали, когда он вернется. Я уверен, что он попросту струсил. Его отсутствие расстраивало планы тех, кто рассчитывал на "обличительные" показания моего бывшего сотрудника, низкой квалификацией и ленью которого я был очень недоволен. А вот вызванный в суд Л.Никишин приехал и был готов предстать перед судом для дачи показаний.

Страдающий от своего избыточного веса и сильной одышки, Леонард старался быть спокойным, однако, некоторое волнение порой все же давало себя знать. Он рассказал о своем знакомстве со Львом Федоровым и о том, как у него появилась рукопись статьи, получившей название "Отравленная политика". Все его показания полностью совпадали с показаниями, зафиксированными в протоколе его же допроса в Лефортово. Как было там сказано, Мирзаянов не был ознакомлен с окончательным текстом. Накануне печати статьи Леонард прочитал мне подготовленный к печати текст статьи по телефону и я с ним согласился. Никишин

затем заявил, что как во время работы над статьей в 1992 году, так и сейчас он не нашел и не находит в ней никаких государственных секретов. Прокурор и судьи задали ему еще несколько формальных вопросов и журналист был отпущен. Наконец, судья Сазонов объявил об окончании сегодняшнего заседания. Бедный Юдин снова с мученическим видом потащил с собой тяжеленные тома, а меня повели обратно в успешную статью привычной клетку в подвале. Оттуда я отправился в тюрьму.

Там меня ожидала новость. К нам переселили нового заключенного. Он был средних лет, коренаст, со слегка смуглым, усталым, но приятным лицом. Черные волосы и такого же цвета брови над черными глазами выдавали в нем нерусского. Мы познакомились. Он был татарин, его звали Равиль Ситдилов. Он рассказал, как попал сюда и я вспомнил, как в одной из московских газет рассказывалось об аресте одного из высокопоставленных работников Государственного Банка России. Ситдилова обвиняли в незаконных операциях с фальшивыми авизо. Мошенники, в особенности, из кавказских республик, брали в своих республиканских банках за взятки негарантированные чеки на громадные суммы и затем обналичивали их в российских банках. Это была своего рода кавказская финансовая война против России. Утверждают, что Чечня закупила на эти деньги в самой же России горы современного оружия. По сведениям печати, фальшивые авизо к 1992 году нанесли ущерб казне в размере около половины всего бюджета России. Но эти бумаги использовались мошенниками и в советское время. И вот теперь требовалось найти крайнего. Для этого "бдительные" чекисты и выбрали начальника операционного управления Центрального банка России. Естественно, не без рекомендации высокопоставленных чиновников.

Как всегда, прямых доказательств причастности Равиля Ситдилова к этим мошенничествам не было, поскольку сама банковская система страны была жутко архаичной. Ведь это же было смешно: человек с "авизо" приходил в любой банк и брал там миллионные суммы, а проверить покрываемость этих денег из-за технической отсталости России было невозможно. Мошенник мог взять авизо, скажем, где-то на Камчатке, а реализовать их в Москве или Петербурге. А на то, чтобы связаться с камчатским банком, уходило несколько недель.

В США, если человек берет наличными в банке более трёх тысяч долларов, он тотчас же становится объектом наблюдения ФБР. Даже несмотря на то, что электронная система в считанные секунды позволяет проверить кредитоспособность любого клиента в любом штате страны.

Равиль сидел уже восемь месяцев. "Улики" были простые: следователи допытывались, откуда у него автомобиль "Москвич", два телевизора, холодильник и дачный участок?! Причем во время ареста эти "предметы роскоши" были изъяты.

Равиль Ситдилов отсидит в "Матросской тишине" три с половиной года и лишь после этого будет осужден судом на тюремное заключение сроком в 7 лет. Основным доказательством его вины было письменное показание свидетеля, который вскоре после своего показания эмигрировал в Израиль. Тем не менее, именно данное показание сыграло свою роковую роль.

Между разговорами я увидел по телевизору репортаж канала НТВ из московского суда о событиях вокруг моего дела. Телевизионщикам удалось заснять меня через решётку, когда я в окружении собак и конвойных шёл в зал суда. Миткова также сообщила о заявлении президента Ельцина, сказавшего, что "в деле Мирзаянова сделан "перегиб", однако, вмешательства в дело суда или давления на него, по его мнению, быть не должно. Затем на экране появился телегеничный адвокат Аснис и рассказал о некоторых деталях процесса, в частности, о том, что я начал давать показания.

Субботу и воскресенье я провел перед экраном телевизора. Благо, теперь у нас их было два, поскольку Равиль принес также свой переносной аппарат. Субботние газеты публиковали материалы о процессе, основанные на информации, которую давал мой защитник между перерывами заседания суда.

“Куранты” от 5 февраля 1994 года поместили сообщение своего корреспондента В.Назарова “За закрытыми дверями...”, сопровождаемую фотоснимком моих конвойных. Журналист с большим сарказмом повествовал сцены доставки меня в суд:

«Видимо,учтя стратегические и тактические просчеты предыдущего дня,штаб по конвоированию Мирзаянова и сокрытию его от кинофотообъективов решил действовать не числом,а умением. "Всего-то пять-шесть автоматчиков "опекали" журналистскую братию, а Вила Султановича никуда не конвоировали: суд начался в комнате,что находится рядом с помещением для подсудимых. Таким образом, закрытыми оказались не только двери зала заседания, но и двери "предбанника". Журналисты от отчаяния стали переводить пленку на плакаты правозащитников, среди которых выделялся самый остроумный, принадлежащий Валерии Новодворской: "Гостайны – в массы!" "Известия" от 5 февраля 1994 года, которую мы в тот же день получили в тюремную камеру, опубликовали статью С.Мостовщикова "Дело Вила Мирзаянова: все-таки пошел процесс". Журналист, ссылаясь на А.Асниса, написал, что я начал давать показания, которые ранее добровольно отказывался делать, "объяснив это тем, что процесс, как бы то ни было, необходим ему, чтобы отстоять право человека говорить правду о нарушении его страной международных договоренностей и тайном производстве ею опаснейшего химического оружия". Аснис сообщил "Известиям", что его клиент просил не заявлять в суде ходатайство об освобождении его из-под стражи, поскольку он принципиально не желает добровольно посещать мероприятия по антиконституционному обвинению его в преступлении, не значащемся ни в одном открыто опубликованном законном акте.

Газета «The Moscow Times» в этот день поместила статью собственного корреспондента Александра Гордеева “Кремль видит, что суд над химиком имеет изъян”. Упомянув со ссылкой на телепрограмму новостей “Сегодня” о позиции советника по национальной безопасности президента России Ю.Батурина о том, что суд является неконституционным и что Ельцин согласен с этим мнением, Гордеев сообщал, что Кремль в то же время не будет оказывать на суд давление. Защитник Мирзаянова Аснис, по словам журналиста, приветствовал критику суда Ельциным, но сказал,что тот не имеет законного права повлиять на происходящий процесс. "По закону только суд может решать, продолжать ли процесс или нет. Однако, имеется шанс, что могут послушать мнение президента", – заключил адвокат. А.Гордеев писал и об Углеве, который на пресс-конференции сообщил о своей встрече с Батуриным. Углев заявил, что отменяет срок своего ультиматума, поскольку встреча с помощником президента породила у него надежду. "Это дело тянется два года, так что мы можем подождать месяц-два и посмотреть, что затем случится", – сказал Углев журналистам. В.Углев затем рассказал о том, что российские военные тайно в больших количествах уничтожают химические вооружения, которые не были объявлены перед подписанием Конвенции, запрещающей химическое оружие. Несовершенная процедура уничтожения этих вооружений, по словам Углева, представляло собой большую опасность для окружающей среды и здоровья людей. Углев оценивал новое поколение ОВ как гораздо более токсичное, чем те вещества, что вошли в международные соглашения.

...Следующее заседание суда состоялось 8 февраля. На него были вызваны в качестве свидетелей со стороны защиты эксперты по моему делу генерал В.Смирницкий и полковник Н.Чугунов, продолжительное время работавший в составе советской делегации на переговорах по химическому оружию в Женеве. Оба они, напомним, отказались подписать заключение, подготовленное следственным управлением и ГСНИИОХТ, и отдельно изложили свои особые мнения, четко указав, что никаких сведений, составляющих государственную тайну, в статьях В.Мирзаянова разглашено не было. С моей точки зрения, оба эксперта защиты выступили убедительно и доступно. Они ещё раз показали всю абсурдность обвинения, поскольку по их мнению, никаких технических или химических сведений о новом оружии мной разглашено не было.

Судья спросил, может ли кто-либо по данным, сообщенным в печати Мирзаяновым, воспроизвести новое химическое оружие. Оба эксперта ответили отрицательно. Прокурор так сильно хотел все же услышать хоть что-нибудь отрицательное

из уст экспертов, что даже спросил, могли ли мои статьи побудить иностранные разведки к активизации их деятельности по добыванию таких сведений. Смирницкий совершенно спокойно ответил Панкратову, что ответ на этот вопрос находится за пределами компетенции специалиста по химическому оружию. Панкратов также поинтересовался, какой ущерб обороноспособности нанесли опубликованные Мирзаяновым сведения. Генерал снова был лаконичен: "Никакого ущерба они не могли нанести". "А вот скажите, опубликование в открытой печати условных названий и шифров новых отравляющих веществ, с вашей точки зрения, не является ли разглашением сведений, составляющих государственную тайну?" – не унимался прокурор. Генерал сказал, что это, безусловно, недопустимо.

Тут я замечу, что никогда не употреблял никаких терминов, обозначающих коды или шифры научно-исследовательских тем и химических соединений. Они стали известны миру, благодаря А.Железнякову и В.Углеву. Таких терминов, как читатель может сам убедиться, в моих статьях по-просту не содержится. Однако, я не стал вносить ясность в этот вопрос, поскольку, как мне показалось, что любое такое действие могло быть расстолковано как попытка оправдаться. Когда полковнику Чугунову задали вопрос, как бы он мог классифицировать сведения, опубликованные в печати Мирзаяновым, он ответил, что здесь имеется повод для административных мер воздействия за нарушение должностных инструкций и не более. Он считал, что в связи с подписанием Конвенции по химическому оружию вся эта проблема по разглашению, возникшая вокруг статей Мирзаянова, уже не имеет никакого смысла, включая и нарушение упомянутых инструкций.

Признаться, Чугунова и Смирницкого я увидел впервые здесь, в зале суда. До этого я с ними знаком не был. Они произвели на меня большое впечатление как уровнем своих познаний, так и умением достойно излагать свою точку зрения. Возможно, в Академии химической защиты учились не только ортодоксы, но и люди с самостоятельным мышлением...

Полной противоположностью им был вызванный прокурором Б.Кузнецов, который буквально наизусть выучил текст своих показаний, записанных капитаном Шкариным в протоколе его допроса в Лефортово и слово в слово воспроизводил их теперь в суде. У меня появилось подозрение, что этот протокол был заготовлен заранее в ГСНИИОХТ более грамотными людьми, поскольку уровень знаний Кузнецова и удивительное косноязычие давали сильный повод для таких сомнений. Отвечал он на вопросы прямолинейно и ужасно тупо, как будто был одним из сержантов сверхсрочной службы из тюрьмы "Матросская тишина".

На этот день был вызван и американский журналист Уильям Энглунд. Однако, по словам судьи Сазонова, он не прибыл в суд, поскольку находился в долгосрочной командировке. Это было, мягко говоря, не совсем точно. Александр Гордеев в газете The Moscow Times от 9 февраля 1994 года ссылаясь на слова Энглунда о том, что он не уклонился бы от дачи показаний, если бы судебный процесс был открытым. Кроме того, У.Энглунд, который подвергался допросу в министерстве безопасности в апреле 1994 года, сказал: "Смысл свободной прессы заключается в создании атмосферы доверия и я чувствую, что если посещу закрытый процесс, то это будет изменой такому доверию". Сославшись на свой опыт допросов в следственном управлении, американец сказал, что он воздерживается от дачи показаний, поскольку его слова могут быть искажены. "Я многократно подчеркивал, что Мирзаянов не давал мне никаких формул химических агентов, однако, это было исключено из протокола допроса", – сказал американский журналист Александру Гордееву.

На этом суд прервал свою работу до 10 февраля. Когда конвойные ставили нас лицом к стене, чтобы надеть наручники и связывать попарно, рядом со мной оказался заключенный около сорока лет с интеллигентным лицом. Он непрерывно чесался, давя вшей пальцами за воротником своей рубашки. Поздоровавшись, он представился как Н.Кольцов, бывший председатель одного из первых кооперативов в СССР на Севере. Кольцов был арестован ещё в 1989 году и суд над ним и его товарищами начинался только теперь. Из-за недостатка времени он не успел рассказать мне о своем деле. Но я успел узнать, что он сидит в "Матросской тишине" в одной из тех самых камер

где вместо положенных по тюремным нормам 35 человек содержатся 120. Меня охватил ужас, когда я увидел на нем вошь – свидетельство печальной славы камер "Матросской тишины". Мы снова встретились с Кольцовым уже через несколько дней и смогли поговорить о его деле.

Вечером в камере я прочитал статью Валерия Руднева "По делу Вила Мирзаянова должен быть вынесен приговор", опубликованную в "Известиях" от 9 февраля 1994 года. Я несколько раз встречался с этим юристом-журналистом, и, читая его публикации, убедился в его высокой профессиональной эрудиции. Поэтому для меня было чрезвычайно ценно то, что он написал. Журналист статью начал с того, что суд надо мной может закончиться без приговора, поскольку здесь может быть применена статья 6 Уголовно-процессуального кодекса. Смысл ее состоял в том, что даже при виновности подсудимого обстоятельства могли складываться таким образом, что вели дело к закрытию. Такое решение двусмысленно, считал автор, и настаивал на том, чтобы суд все же вынес свой вердикт.

Однако, уже в корне не доверяя суду, который из всех сил толкал дело к несправедливому приговору, я надеялся, что генеральная прокуратура прекратит дело, как возбужденное на незаконной основе.

...Судебное заседание 10 февраля 1994 года началось с сюрприза, который подготовил для меня прокурор Панкратов. Он сказал, что на процесс им вызван директор ГСНИИОХТ Виктор Петрунин. А судья, в свою очередь, сообщил, что им вызваны в качестве свидетелей Л.Федоров и А.Миронов.

Начали с Петрунина. Войдя в зал и увидев, в какой обстановке я сижу здесь, он не смог скрыть своего смущения. Но все же он взял себя в руки и даже поздоровался со мной, направляясь для дачи показаний. Не знаю, что было тому причиной – то ли смятение, то ли привычное лицемерие, но Петрунин начал свои показания... с хвalebной тирады по моему адресу. Сказал, что знает меня более 25 лет, как способного ученого, сообщил, что сам мне всячески помогал, был официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации и дал положительный отзыв, а затем назначил меня на пост начальника отдела противодействия иностранным техническим разведкам. Петрунин сказал суду, что не имел и не имеет личных претензий ко мне. Если не считать статей, в которых я разгласил так много секретов, что нанес тем самым непоправимый ущерб обороноспособности страны.

Колоссальные материальные затраты и труд многих тысяч ученых, инженеров и рабочих стали бесполезными из-за статей Мирзаянова, сокрушался Петрунин.

На вопрос прокурора, каковы были последствия статей обвиняемого для режима хранения государственных секретов, Петрунин патетически восклицал:

– Товарищ прокурор! Мы до статей Мирзаянова не знали больших забот по режиму и было все спокойно. Никто не интересовался нашим институтом. А вот теперь мы не знаем что и делать: нас буквально осадили разведслужбы иностранных государств! А вы сами знаете, какая может возникнуть опасность для всех, если наши новые разработки попадут в руки разных там хусейнов!

Я сразу представил себе живую картинку, которую рисовал Петрунин для судей: высокие бетонные заборы с колючей проволокой, на которые лезут жуликоватого вида очкастые шпионы для того, чтобы проникнуть в здания, начиненные разными пробирками и светящимися электронными приборами и хотят выкрасть секреты любимой Родины... Совсем как в советском кино с нашими славными разведчиками и наглыми шпионами империалистических стран.

Заканчивая давать показания, Петрунин вспотел, его лицо стало красным, несмотря на трескучий холод в зале. На вопросы он отвечал подобострастно, демонстрируя свою полнейшую лояльность непрерывными поклонами в сторону судьи, и явно опасался, что того и гляди, как сейчас ему самому прикажут сесть рядом со мной на скамью подсудимых. От перестарания он, казалось, еще более уменьшился в своем без того небольшом росте. Мне искренне стало его жалко.

Наверное, не в силах преодолеть пережитое потрясение, судья Сазонов объявил перерыв, до прихода свидетеля Федорова.

В перерыве ко мне подошел Аснис, он был раздосадован.

– Не понимаю, почему прокурор тянет, – сказал адвокат. – Ведь ему дано указание о прекращении процесса.

Меня, разумеется, это сообщение сильно взволновало, но я, стараясь не воспламенять себя надеждами раньше времени (кто знает, ведь могут и передумать!), ответил, что если уж этому служаке дали "установку", то он ее непременно выполнит.

Следующим давал показания мой соавтор Лев Федоров. Ещё до его прихода я попросил моего адвоката не реагировать на его показания и не задавать Федорову никаких вопросов. Мне было противно присутствие этого трусливого "специалиста" по химическому оружию. Пусть себе говорит, что угодно и сколько угодно, пока его не остановят, – подумал я тогда.

В выступлении Федорова было чрезвычайно много лжи и чванства. Для начала он зачем-то решил поделиться подробностями своей славной биографии, как с отличием закончил МГУ, как быстро защитил кандидатскую диссертацию, а потом успешно справился и с докторской. Федоров вызывающе заявил, что все статьи написал он, а Вил Мирзаянов лишь подписался под ними. Затем он в крайне высокомерных тонах стал распространяться по поводу своей работы над книгой по химическим вооружениям, не преминув отметить, что этот процесс очень сложен, и небрежно бросил: "Вы, конечно, этого не представляете". При этих словах Сазонов не смог удержаться и выплеснул переполнившее его возмущение: "Бог ты мой! Немного, но знаю, сам пишу".

Позднее я узнал, что Сазонов выпустил несколько книг по юриспруденции.

Льву Федорову задали вопрос, откуда у него, никогда не работавшего в области ХО, появились такие подробные сведения о новых ОВ и бинарном оружии. Он без всякого смущения заметил, что всё это он вычитал в иностранной печати! Рты выдавших виды судей и прокурора саркастически искривились, настолько нелепо было это утверждение. Оно прямо говорило, что Федоров считает их круглыми идиотами. Тут судья Сазонов решил, наконец, поставить свидетеля на место:

– Не могли ли вы, свидетель Федоров, сообщить нам, в каком именно органе печати и когда эти сведения были опубликованы? А то мы тоже смогли бы все это почитать. Нет, Федоров сейчас точно сказать этого не может, но, по его мнению, такие сведения могли быть опубликованы во многих источниках, например, в материалах СИПРИ (Стокгольмский международный исследовательский института мира). Но судья Сазонов не унимался, поскольку его самолюбие как автора печатных трудов Федоров задел не на шутку:

– Скажите нам точно, в каком году это издание было опубликовано с такими сведениями? Однако, я вас ещё раз предупреждаю, что согласно статьи 181 Уголовного кодекса РСФСР дача ложных показаний свидетелем карается сроком тюремного заключения до 2 лет.

Этих слова сбили со Льва всю спесь, он поник – тюрьма в его грандиозные планы никак не входила. Он принялся жалко и витиевато объяснять, что не может это припомнить, да, мол, нет в этом большой нужды. И так, дескать, можно было догадаться: например, американцы открыто писали о том, что ими разработано бинарное оружие. А наши ведь всегда отвечали на такие вещи зеркально, воспроизводя те же виды вооружений.

Тут Сазонов решил нанести последний удар по Федорову и ядовито спросил, почему же тот не отвечал подобным образом следователю во время его допроса в следственном управлении.

– Вот, передо мной протокол допроса, согласно которого вы утверждали, что все сведения о разработке химического оружия предоставил обвиняемый, а вы занимались лишь их литературной обработкой, – нажимал судья. – Более того, вы показали, что сведения о новом химическом оружии во время вашей и обвиняемого встречи с американским корреспондентом У.Энглундом сообщил Мирзаянов.

Федоров совсем стушевался и ответил, что отказался от своих прежних показаний. А судья тут же спросил, какими причинами объясняется отказ. Лев тут напустил туману, объясняя, что был неопытным, испугался ворвавшихся к нему рано утром чекистов.

После этих его слов я ощутил острое чувство брезгливости к Федорову, который лжесвидетельствовал уже во второй раз. Но я-то знал истинную причину его отказа от показаний: он сделал это лишь после того, как я распространил копию его протокола допроса, свидетельствовавшего о его поведении! Но я далек от мысли, что мой бывший соавтор не давал себе отчета своим словам. Я понял однозначно: он всеми силами старался внушить (разумеется, не судьям!), что Вил Мирзаянов вовсе не тот, за кого себя выдает. Лев хотел посеять семена сомнения и заставить всех сомневаться во мне. Видимо, после этого он хотел поделиться содержанием своих показаний с публикой в которая будет восхищаться тем, как храбро и беззаветно он взял на себя ответственность, чтобы "защитить" меня. По-видимому, думая об этом, я невольно сморщился и покачал головой. Судья, заметив это, немедленно спросил: – Что с вами, обвиняемый? Вам плохо?

Я ответил:

– Нет, нормально, но все это ужасно отвратительно. Я был бы благодарен, если бы вы могли избавить меня от этого в высшей степени мерзкого зрелища.

– У вас есть комментарии или замечания, дополнения? – с готовностью спросил он. Он явно хотел, чтобы между мной и Федоровым завязалась словесная баталия. Но это было бы для меня ещё более отвратительным. Я ответил, что у меня нет желания вступать в споры со свидетелем и поэтому вопросов нет ни у меня, ни у моего адвоката.

Как ни странно, судья проявил ко мне снисхождение и прекратил допрос Льва Федорова.

Выйдя из зала суда, Федоров, как ни в чем не бывало, скажет корреспондентам, что дал показания, которые могут переломить весь ход слушания...

Следующим давал показания Андрей Миронов, который был переводчиком во время моего интервью У.Энглунду, опубликованного 16 сентября 1992 года в газете "Балтимор Сан". Миронов в качестве переводчика сопровождал Энглунда и во время допроса в следственном управлении МБ РФ. Так что Миронов был в курсе всех событий. Правда, многоопытный бывший диссидент, просидевший много лет в советской тюрьме, после допроса У.Энглунда дал промашку. Американец отказался подписать протокол допроса, но ушлый Шкарин сумел заполучить подпись А.Миронова под протоколом допроса. Подпись свидетельствовала, что все показания его американского друга переведены в точном соответствии с оригиналом. Это дало возможность следствию обходиться без подписи самого У.Энглунда, поскольку тот мог не подписать протокол, выполненный на языке, которого он не знал. По-видимому, именно по этим соображениям Миронов в самом начале своих показаний и заявил, что отказывается от своей подписи, которая как бы дезавуировала отказ самого журналиста. Он настоятельно подчеркивал, что во время интервью Мирзаянов не дал Энглунду никакой технической или иной детализирующей информации во время своего заявления о новых разработках. Затем Андрей стал рассказывать, что сведения о факте разработки новых химических вооружений стали известны американскому журналисту также из других источников. Он не стал называть их информации, сославшись на закон о средствах массовой информации России. Уверен, он при этом имел в виду интервью с Андреем Железняковым.

В это время я увидел, как прокурор Панкратов стал что-то усиленно записывать. Андрей затем вступил в легкий спор с судьями, отвечая на их вопросы и в конце концов заявил, что считает преследование Мирзаянова и устройства незаконного закрытого суда над ним незаконным. По лицам судей было видно, что они явно настроены недружелюбно по отношению к Миронову. Но их лица выражали и некоторое смятение. Что-то было не так, как они задумали.

Прокурор Панкратов бракует работу чекистов
Судьи прекращают процесс.

После того, как ушел Миронов, слово взял прокурор. Суд идет достаточно долго, однако, в деле обнаруживаются новые обстоятельства, сказал он. У экспертов вышло явное разногласие и поэтому невозможно однозначно опираться на их заключение.

Более того, сегодня во ходе дачи показаний Мироновым выяснилось, что средства массовой информации как в России, так и за рубежом пользовались информацией, полученной также и из других источников. Поэтому возникли большие сомнения в том, что суд сможет опираясь лишь на материал, предоставленный следствием, разобраться во всех этих противоречиях объективно и беспристрастно. Далее прокурор с пафосом заключил, что у него сложилось мнение о недостаточности проведенного предварительного следствия. А посему он вынужден просить суд прекратить исследование дела и направить его для повторного расследования с назначением новой экспертной комиссии и с привлечением новых свидетелей, в особенности, по части утверждений свидетеля А.Миронова.

Что ж, старый служака красиво и эффектно оформил порученное ему Генеральным прокурором Алексеем Казанником задание. Выяснилось, что когда ему приказывают сверху, то и он тоже может проявить и объективность, и использовать все те ляпы, которые допустил следователь Шкарин, лепя мое дело.

Слушая речь прокурора, я внимательно следил за реакцией судей. Никто из них не скрывал своего смутения, они были в шоке от заявления прокурора. Я видел также, как реагировал на речь прокурора адвокат. Кажется, даже он, обычно невозмутимый и не проявляющий своих эмоций, торжествовал, слегка улыбаясь и поглядывая в мою сторону. Конечно, я понимал, какой гигантский труд Асниса был за этой речью прокурора и восхищался талантом адвоката. Он сумел облечь в такую юридическую форму все то, что выражалось в многочисленных акциях общественности в мою защиту. И это мнение, в свою очередь, состоялось благодаря ему, Аснису. Это он давал многочисленные интервью иностранным и отечественным корреспондентам, не жалея на это ни сил, ни времени. Мои ангелы-хранители из США Гейл Колби и Ирина Гольдман – организаторы и координаторы движения в мою защиту-непрерывно звонили ему в любое время, чтобы получить информацию о ходе моего дела и просили совета для дальнейших своих действий. Аснис всегда был предельно четок и лаконичен. А ведь он работал всего лишь за символическую плату из "Московских новостей". Едва прокурор завершил свою ошеломительную речь, судья объявил слушание закрытым. Следующее заседание суда должно было состояться 11 февраля. Перед тем, как меня должны были уводить конвойные, ко мне подошёл мой адвокат и сказал, что одновременно с письменным ходатайством прокурора об отправлении дела на дополнительное расследование он подаст свое ходатайство об освобождении меня из тюрьмы. Я согласился. По дороге из суда мне уже было не так холодно. Я даже начал воображать, как завтра же меня освободят и я выйду к многочисленным журналистам, освещавшим мой процесс и к людям, приехавшим болеть за меня, и скажу им свое теплые слова благодарности. Однако, мой жизненный опыт ученого-экспериментатора научил меня не настраиваться преждевременно на победу. Нередко причиной разочарований становились какие-либо непредвиденные обстоятельства. Вернувшись в камеру, я рассказал сокамерникам о событиях в суде без особого воодушевления, и это не было искусственной сдержанностью.

В газете "Известия" от 10 февраля, которую принесли в камеру, была напечатана статья Валерия Якова "Дело Мирзаянова продолжает вызывать протесты". Статья была чрезвычайно трогательной, поскольку содержала обзор писем, поступивших в редакцию по поводу моего дела.

"Судебное разбирательство по делу Вила Мирзаянова о разглашении им "военно-химической тайны" Родины продолжается. И своим мнением за закрытыми дверями делятся с судом официальные эксперты. Тем временем неофициально за ходом этого дела наблюдают многие ученые в разных странах мира, имеющие немалое представление не только о химических тайнах, но и правах человека. Так же, как и представители прессы, эти независимые и неофициальные эксперты в зал судебного заседания не допущены и вынуждены следить за ходом процесса по газетным публикациям. Тем не менее, многозначительная закрытость процесса не мешает им иметь свое мнение о деле, которое они стремятся донести до народа более цивилизованными методами. В частности, обращением в нашу газету, которая хоть и стремится избегать публикаций коллективных писем и обращений, но иногда все же делает это.

Но этот раз в "Известия" по факсу поступил голос американского народа, озабоченного судьбой Мирзаянова. Этот голос был озвучен американской правозащитной организацией "Хельсинки Уотч", основанной в 1978 году для контроля за соблюдением положений хельсинкских соглашений-75 в США и за рубежом. Эта организация убеждена, что уголовное дело против Вила Мирзаянова несправедливо по существу и что оно противоречит не только Конституции России, но и международным стандартам, зафиксированным в подписанных Россией международных документах по правам человека. В письмах, направленных этой организацией президенту Б.Ельцину, генеральному прокурору А.Казаннику и помощнику президента по национальной безопасности Ю.Батурину, "Хельсинки Уотч" призывает снять все обвинения против Мирзаянова.

Так же категорична и группа российских ученых (20 профессоров, докторов и кандидатов), которые хоть и не обратились к президенту, но подписали заявление, гласящее: "Мы рассматриваем судебное преследование В.Мирзаянова как незаконную попытку ВПК скрыть свои антигуманные действия". А три академика РАН С.Залыгин, В.Маслов и Б.Соколов в своем протесте привели и логические обоснования. Они лаконичны и убедительны, заявляя: первое-секреты любой технической проблемы – это конкретные формулы и, чертежи, схемы и другие технические показатели. Ничего этого Мирзаянов не открывал. Второе – рассматривая дело о раскрытии госсекрета, суд тем самым подтверждает, что Мирзаянов говорит правду и изложенные им факты действительно скрывались от общества. Третье – давая подписку о неразглашении, ученые и специалисты связывают себя определенным обстоятельством, но они должны быть от него освобождены, если дело касается таких принципиальных вопросов, как экологические нарушения, связанные с жизнью и здоровьем людей. Так, игры в гостайны во время чернобыльской трагедии обернулись непоправимой бедой для тысяч и тысяч ни в чем не повинных граждан. Причем за те игры никто не ответил.

Мы привели лишь часть почты, поступившей в "Известия" в эти дни в связи с делом, и намеренно воздерживаемся от комментариев. Отношение граждан, в том числе и ученых, к самому делу и к химическим тайнам Родины настолько очевидно, что добавить к этому просто нечего".

Убийца Кошелев и биологическое оружие

Утром 11 февраля меня снова доставили привычным образом в подвал суда. Однако, после того, как меня привели в зал суда А.Аснис сообщил, что сегодня слушания дела не состоится: судья Сазонов то ли заболел, то ли занят другим, более важным делом. Следующее слушание было назначено на понедельник 14 февраля 1994 года. Я был сильно огорчен, но всячески старался успокоить себя. Когда меня привели обратно в подвал и сняли наручники, то на вопрос из какой я клетки, указал на близлежащую, откуда разносились голоса арестантов. Это была не моя клетка, но мне захотелось повидать тюремный народ. Я вошел в узкую длинную камеру, где курили и оживленно беседовали на арестантские темы несколько молодых людей в возрасте до 25 лет. Из разговоров понял, что один из них – член люберецкой банды, совершившей дерзкое убийство нескольких человек. Там же находился и москвич, недавно демобилизованный солдат, который, убегая от преследования, застрелил нескольких милиционеров. Я только слушал и ни о чем не спрашивал. Наконец, один из молодых арестантов заинтересовался моей персоной и спросил:

– Кто ты есть, отец, и за что сидишь?

Я постарался кратко объяснить ему. Но его нисколько не тронул мой рассказ.

– Ну, хорошо, – сказал он снисходительно. – Вот ты, доктор наук, сколько получал? Небось, 500–600 рублей, – тут же отвечал он за меня. Я подтвердил, что он близок к точному ответу.

– А ты знаешь, я с моими бабами за один вечер спускал в ресторане намного больше, чем ты получал за несколько месяцев, – похвастался он. – Не бойся, я

тоже работал, только ты сидел в своей лаборатории, а я был санитаром, чистил общество от тех, кто обирает народ, – философствовал молодой арестант. По всему было видно, что он даже сам не верил в то, что говорит.

В тюрьме я заметил, что все арестанты, как один, твердят о своей невинности, всячески обосновывая свои преступления некими самодельными идеологемами.

Как в мире все обстоит просто и одинаково: так поступают все, от фашистов и коммунистов до богоискателей и убийц. Но что я мог сказать, например, этому молодому здоровому парню с осолопевшими, будто пьяными глазами? Он возмущенно говорил, что все в суде врут, в том числе пострадавший.

– Представляешь, пострадавший говорит, что деньги и ценности я забрал у него сам, без его позволения. Но это же чистое вранье. Он же мне отдал их сам добровольно, – сокрушался бандит. Затем с ухмылкой добавил:

– Как не отдашь, если я его продержал полчаса подвешенным к потолку вниз головой.

Тут к дверям камеры подошёл солдат и молодые люди бросились к нему. Я слышал, как они стали торговаться насчёт "шмали", как выяснилось, марихуаны. Нешадно матерились, приговаривая, что эти сволочи совсем потеряли совесть и всю обдирают их. Однако, деньги всё же нашлись и покупка состоялась. Зельё было затарено в спичечные коробки. Арестант, который не имел достаточно денег на "шмаль", быстренько нацарапал записку и попросил конвойного передать её женщине в зале суда, описав ее приметы. Она должна была передать деньги. Удивительно, но факт: к нашей камере через некоторое время подошёл уже другой солдат, который передал просителю и "шмаль", и оставшиеся деньги. Было ясно, что солдаты являются лишь исполнителями, а руководили "бизнесом" офицеры и прапорщики, те самые, что неистово не хотели, чтобы их фотографировали журналисты. Как только солдат отошёл, все дружно закурили. Дали покурить и молодому убийце милиционеров, который до этого, уставившись в точку на потолке, упорно молчал, напряженно размышляя что-то о своем. Наконец, марихуана подействовала на него расслабляюще и он начал рассказывать мне свою ужасную историю.

Звали его Александр Кошелев. Родом он был из Москвы, жил до службы в армии недалеко от Таганки. В восемнадцать лет его забрали на военную службу и направили в одну из секретнейших частей, занимающихся биологическим оружием, на острове Возрождение Аральского моря. Как я понял, там находилось производство и полигон испытания биологического оружия. Командиром части был полковник Заритовский. Кошелев прослужил там с 1990 по 1992 год. Он и его товарищи охраняли там какие-то непонятные ему склады, а также многочисленные клетки с обезьянами, находящиеся за высоким заграждением из колючей проволоки.

На острове проводились опыты над этими животными, в них впрыскивали шприцем какие-то жидкости. Люди, которые это делали, были одеты в резиновые защитные костюмы и противогазы, несмотря на страшную жару.

Условия службы были суровыми. Оторванность от материка, от людей и сильная жара делали жизнь солдат невыносимо тяжелыми. К тому же, сержанты и солдаты со стажем практиковали жестокую "дедовщину", избивая новобранцев за малейшее, по их мнению, непослушание и недостаточное проявление уважения к их прихотям.

Однажды летом 1992 года в части объявили тревогу: несколько обезьян, непостижимым для начальства образом сбежали из своих клеток. На их поиск и отстрел были брошены все наличные силы, поскольку животные, зараженные доселе неизвестной болезнью, представляли большую опасность. Мой собеседник с волнением в голосе заметил, что эти обезьяны были очень похожи на затравленных людей и ему стало очень горько, когда он застрелил забежавшую в камыш бедолагу.

Демобилизовался он из службы два года тому назад, но жизнь не заладилась.

– Не понимаю, откуда у меня взялась такая жестокость. Никогда даже не подозревал, что я такой, – сетовал он. Несмотря на нечеловеческие побои со стороны мстящих ему за убийство их коллеги милиционеров, парень выглядел ещё достаточно сильным – ведь ему было всего 23 года.

Я посоветовал ему рассказать своему адвокату о тяжелой службе на полигоне испытания биологического оружия. Быть может, один из мотивов его преступлений –

непоправимый психологический шок, полученный на этой проклятой службе. Услышав рассказ Кошелева, я ещё раз получил дополнительный аргумент своему недоверию к военным, которые, несмотря на многократные клятвы о том, что страна прекратила производство и испытание биологического оружия, продолжали своё грязное дело, обманывая не только мировую общественность, но и президента России. Поэтому, говорил я себе, мой долг – довести начатое мной дело до конца, чтобы химическое оружие уже не под каким видом не производилось и не разрабатывалось.

Тем временем остальные арестанты набивали папиросы марихуаной особым способом, чтобы тюремная охрана при обыске не обнаружила наркотик. Однако, лишь один прием давал гарантию, что приобретенное зелье благополучно минует все проверки. Один из арестантов запаковал марихуану в полиэтиленовую пленку, затем огнём спички запаял все края, сделав таким образом капсулу. Чтобы не раздражать без нужды "кайфующих", я наблюдал за их манипуляциями лишь краешком глаза следя за их действиями. Тем не менее я увидел, как обладатель самодельной капсулы с зельем вставил её в свой задний проход. Я был просто потрясен такой дикостью. Видимо, заметив это, молодой человек сказал, что сегодня у них в камере у одного из "корешей" день рождения и они должны его непременно отпраздновать. А без "шмали" какой же это праздник?

Скоро нас повели к тюремному автомобилю для развозки по тюрьмам Москвы. Настроение у меня было приподнятое, поскольку уже в понедельник я должен был оказаться на свободе. Но разговоры юных арестантов в машине снова заставили загрустить.

– Серый, а мне дали всего 8 лет. Как здорово я этих судей облапошил. Как ты? – был слышен голос из клетки. "Серый" отвечал, что у него дело идет наверное на "условку" (условный срок).

– У них нет ничего, чтобы на меня повесить, – хвастался он.

Тот, кого приговорили к восьми годам, заметил, что его сестре будет уже 18 лет, и, наверное, она уже выйдет замуж, когда он выйдет на волю.

– А мне тогда стукнет уже 30 лет, – с грустью заключил он. "Серый" стал успокаивать его, сказав, что главное – выйти на зону, а там, мол, люди и "житуха".

Выходные дни тянулись непомерно медленно. Не помогал даже телевизор, по которому непрерывно передавали репортажи с зимних олимпийских игр.

Хотя я и был почти уверен, что в понедельник меня освободят, как об этом мне говорили также мои сокамерники, однако, допускал, что напоследок судьи постараются отомстить мне, задержав до окончания повторного следствия в тюрьме. Недобрым признаком был отказ судьи Сазонова моей жене в свидании со мной. Причем он даже не счел необходимым объяснить причину своего решения.

...Утром 14 февраля 1994 года после открытия заседания суда, как и ожидалось, слово взял прокурор Панкратов. Он прочитал своё заявление, практически полностью повторяющее его речь на прошлом заседании. Невооруженным глазом было видно, как судьи нервничали, поскольку отказ от обвинения недвусмысленно означал, что они не сумели придать своим действиям даже видимость беспристрастности и объективности. И вот сегодня по указанию Генерального прокурора недавний их союзник, государственный обвинитель, объявлял о несостоятельности обвинения, закамouflировав это необходимостью отправить дело на дополнительное расследование. Судьи явно не были готовы к такому кульбиту с его стороны и оказались в весьма щекотливом положении.

После прокурора с ходатайством о моем освобождении из тюрьмы выступил А.Аснис. Судья тут же объявил о перерыве на время совещания суда по сделанным заявлениям. Через 40 минут судьи вернулись и Сазонов прочитал решение суда.

Дело № 4/94

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

14 февраля 1994 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе:

Председательствующего члена Мосгорсуда Сазонова Н.А., членов судебной коллегии Ларичевой В.В., Юдина В.Г., при секретаре Панкратовой Т.В., с участием прокурора Панкратова Л.С. и адвоката Асниса А.Я., расследовав в закрытом судебном заседании дело по обвинению Мирзаянова Вила Султановича в преступлении, предусмотренном ст. 75 ч.1 УК РСФСР,

У С Т А Н О В И Л А

Представителем государственного обвинения прокурором Панкратовым Л.С. заявлено ходатайство о возвращении настоящего уголовного дела для дополнительного расследования в связи с неполнотой произведенного предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании.

Обстоятельства заявленного ходатайства изложены в письменном виде и прилагаются. Выслушав мнение участников процесса и обсудив заявленное ходатайство, судебная коллегия соглашается с доводами прокурора о направлении настоящего уголовного дела по обвинению Мирзаянова В.С. для производства дополнительного расследования, в ходе которого необходимо провести следующие действия:

1. Установить наличие документов режимного характера, подтверждающих осведомленность Мирзаянова В.С. в новейших научных разработках химического оружия.
2. В связи с показаниями в судебном заседании свидетеля Миронова А.Н., проверить версию о получении сведений, опубликованных в газете "Балтимор Сан " 16 октября 1992 г. в статье "Бывший советский ученый говорит...", корреспондентом данной газеты Уильямом Энглундом из других источников, помимо Мирзаянова В.С.
3. По мнению судебной коллегии в ходе дополнительного расследования следует провести повторную экспертизу по определению достоверности и степени секретности сведений, сообщенных Мирзаяновым В.С., поскольку экспертами дано противоречивое заключение.

Судебная коллегия не находит оснований для изменения Мирзаянову В.С. меры пресечения.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст.ст. 261, 258, п.1 ст. УПК РСФСР, судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А

Уголовное дело по обвинению Мирзаянова В.С. по ст.75 ч.1 УК РСФСР направить для производства дополнительного расследования Генеральному прокурору РФ.

Мерой пресечения Мирзаянову В.С. оставить содержание под стражей.

Определение может быть опротестовано прокурором в установленном законом порядке.

Подлинное за надлежащими подписями.

Печать Член Московского
городского суда
Секретарь

Сазонов
Панкратова

Всё в решении было понятно и ясно: я о с т а ю с ь в т ю р ь м е. Вот только до какого времени, ещё не было ясно. Я был разочарован и не очень хорошо собирался. Однако, пытался убедить себя в том, что одержана безусловно крупная, пусть и не окончательная победа. Я верил, что в ходе дополнительного расследования, которое уже должна была провести Генеральная прокуратура, а не КГБ, будет установлена полная несостоятельность обвинения.

Конечно, я огорчился, что я должен буду находиться в тюрьме. Но в то же время я верил в то, что нажим мировой общественности не позволит держать меня в заключении так долго и безосновательно.

Внешне я был абсолютно спокоен и даже постарался успокоить подошедшего ко мне адвоката, который уже не мог скрыть своего разочарования. Видимо, ему дорого стоило напряжение последних дней, когда он трудился не покладая рук, прилагая все свои усилия для благополучного исхода моего дела. Но нам не пришлось поговорить, на меня уже надевали наручники для того, чтобы увести из зала суда. ...По сообщению корреспондента Ассошиэйтед-пресс из Москвы С.Шаргородского, вышедший из зала суда А.Аснис, рассказав о том, что суд решил направить мое дело на дополнительное расследование, не смог скрыть своего разочарования из-за одновременного решения отклонить его ходатайство об освобождении меня из тюрьмы. "Я поражен. Я просто не могу найти слов для выражения моего разочарования этим решением", – заявил он.

Аснис также сказал, по словам корреспондента, что дополнительное расследование, возможно, займет не меньше месяца и выразил мнение, что Генеральный прокурор может решить вопрос об освобождении Мирзаянова.

"В конечном счете он не должен быть в тюрьме, однако, все будет зависеть от следователя", – добавил он.

В подвале Мосгорсуда я решил опять схитрить и сказал, что я из многоместной камеры. Там всё же быстрее проходит время, да и можно было пообщаться с незнакомыми людьми. Ко мне присоединился уже знакомый мне кооператор Кольцов и поведал свою историю.

Его кооператив взял государственный кредит на закупку необходимого оборудования для своей деятельности. Деньги пришли раньше, чем закончились переговоры по закупке оборудования. За это время кооператоры решили, не теряя времени, "прокрутить" эти деньги и закупили импортные компьютеры, которые намеревались с выгодно перепродать. Словом, это была обычная коммерция. Но кооператоров обвинили в нецелевом использовании полученного кредита и, хотя оставалось еще целых три месяца до окончания срока возврата полученной суммы, самих коммерсантов и их имущество арестовали. В результате, деньги государству уже никто вернуть не смог, а компьютеры бесследно исчезли. Судебный процесс над Кольцовым и его товарищами начался лишь спустя четыре с лишним года. К этому времени не было уже ни СССР, ни идиотских законов, запрещающих предпринимательскую деятельность. Но зато судьи были прежние, "совковые".

Уже в конце 1994 года суд вынужден был ограничиться условным наказанием Н.Кольцова, освободив, наконец, его из заключения. Бывший кооператор развернул кампанию по освобождению таких же пребывающих в застенках советского правосудия "хозяйственников".

Через два дня меня посетил адвокат Аснис. Он рассказал о моем статусе. Оказывается, пока решение суда не будет оформлено должным образом и доставлено специальной почтой в Генеральную прокуратуру, я нахожусь в распоряжении суда. Иными словами, я всё ещё являюсь пленником мстительного судьи Николая Сазонова. А вот когда мое дело вместе с решением суда поступит в Генеральную прокуратуру и оттуда – извещение в тюрьму об этом, то тогда превращусь в пленника прокуратуры и уже она будет вольна решать мою судьбу. Аснис был уверен в том, что как только это произойдет, я буду немедленно освобожден. Оставалось только ждать. И это меня сильно обрадовало, поскольку я верил, что А.Казанник сразу же освободит меня. В хорошем настроении попрощался с адвокатом, унося от него кипу газет с материалами о моем деле.

Я настроил себя на то, что меня, возможно, освободят только к концу следующей недели. К счастью, освобождение пришло раньше.

Во вторник, 22 октября, когда мы готовились к обеду и варили себе еду из концентратов, в окошке двери камеры появилась голова и по установленному правилу спросила:

– Кто будет Мирзаянов?

– Я – Мирзаянов! – крикнул я.

Голова огрызнулась:

– Тихо! С вещами приготовиться к выходу!

Собрался я быстро, и стал прощаться со своими товарищами по камере. Мне было и радостно оттого, что я ухожу из этой проклятой тюрьмы, и немного грустно оттого, что мои сокамерники остаются здесь.

Через минут 15 дверь в камеру отворилась и конвойный приказал следовать за ним. Мы пошли по знакомому маршруту на место обыска. Там меня опять заперли в одиночную камеру и я ждал, кажется, целую вечность возвращения конвойного. Он пришел через несколько часов и приказал раздеться, после чего стал внимательно изучать все мое имущество и все извилины моего тела. Ничего подозрительного он там не обнаружил. В тетради у меня были записаны телефоны родных моих сокамерников, но в виде степеней членов математического уравнения. И моя хитрость осталась незамеченной. Но после этого конвойный опять продержал меня в одиночке более часа.

Наконец, он вернулся и сообщил, что часть моих вещей, которая хранилась в кладовой тюрьмы, получить ему не удалось, поскольку кладовщик уже закончил свою работу и ушел домой. Тем не менее, он повел меня к начальнику тюрьмы А.Подрезу. В просторном кабинете за длинным столом сидел молодой, энергичного вида человек. По словам обитателей тюрьмы, он унаследовал свой пост от отца и им очень дорожил. Я сразу решил, что он похож на типичного секретаря райкома комсомола. Такой же холерный, упитанный и довольный собой, поскольку его дорога в будущее проста и светла: если он не пойдет дальше по партийной лестнице, то станет крупным начальником по части торговли или образования. Или, может быть даже будет представлять за границей страну Советов и "отстаивать интересы пролетариата" во всем мире за настоящую валюту.

А.Подрез показал решение Генерального прокурора о моем освобождении и попросил расписаться, что я с ним ознакомлен. Я сие выполнил немедленно. Затем начальник тюрьмы спросил меня, не имею ли я каких-либо жалоб или просьбы. Я ответил, что, поскольку мне сегодня не удалось получить мои вещи из кладовой, то я не имею средств на дорогу и поэтому прошу одолжить денег на метро. Билет на метро тогда стоил 50 рублей. А.Подрез дал мне эти деньги и я пообещал вернуть их завтра же. Я выполнил свое обещание и на следующий день сдал 50 рублей в окошко передачи тюрьмы с надписью "Для передачи начальнику тюрьмы". Как не странно, но деньги приняли без всяких вопросов.

Дома меня уже ждали, поскольку А.Аснис заранее оповестил об этом мою жену.

Как я потом узнал, он провел буквально штурмовую операцию по моему освобождению. Как только мое дело вместе с официальным решением суда поступило в Генеральную прокуратуру, по настоянию адвоката постановление о моем освобождении специальным курьером был доставлено на дачу к приболевшему Алексею Казаннику. Тот подписал постановление и затем оно было незамедлительно переправлено в тюрьму.

Первым делом после освобождения из тюрьмы я начал звонить во всевозможные организации и рассказывать о ужасном положении арестованных в "Матросской тишине". Я связался с представительством "Красного креста" в Москве и ко мне приехали его сотрудники, которым я подробно рассказал об этой тюрьме. Выяснилось, что они уже наслышаны обо всем этом. Более того, даже посетили тюрьму, однако, их усилия пока не увенчались каким-либо положительным результатом.

Я звонил также лорду Н.Бетцелу, который проявляет большую активность в деле защиты прав человека в комиссии по правам человека в Европарламенте. Наконец, я решил направить обстоятельное письмо с описанием нечеловеческих условий в тюрьме "Матросская тишина" председателю организации "Красный Крест" господину Саморугу в Женеву.

Ведущие российские газеты опубликовали интервью со мной на эту тему.

В "Московских новостях" от 27 февраля 1994 года под заголовком "В тюрьме нет ни эллинов, ни иудеев", в "Голосе" от 7 марта 1994 года - "В "Матросской тишине" тюремщики избивают людей до полусмерти. Вил Мирзаянов открывает секреты следственного изолятора № 1", и в "Общей газете" от 4 марта 1994 года - "Вил Мирзаянов: Общение с тюрьмой приближает к истине" была нарисована правдивая картина бедственного положения заключенных.

Кроме того, несколько иностранных газет также посвятили специальные статьи этой теме. Так, Адам Таннер в статье "Химик называет тюрьму гитлеровщиной", опубликованной The Moscow Times 24 февраля 1994 года, остановился на античеловеческих условиях "Матросской тишины".

Влиятельная французская газета Le Monde от 30 апреля 1994 года поместила статью своего корреспондента в Москве Marie Jégo "Des prisons russes toujours soviétiques", подробно описав современное состояние тюрем и заключенных, основанное на интервью со мной.

К сожалению, сам я не смог написать на эту тему. Однако, думаю, что мои личные описания могли быть не настолько эффектны, как это сделали журналисты. К тому же, многие могли предположить, что я не в состоянии объективно оценивать обстановку в тюрьме, поскольку только что оттуда вышел. Кроме того, летом 1994 года я выступил на эту тему в Общественной Палате при Президенте Российской Федерации в Кремле.

В своей речи я сказал, что отношение государства к заключенным является недопустимо жестоким и характеризует его в этом отношении как средневековой режим. "Однако, не надо забывать, что любой из сидящих здесь в силу непредсказуемых обстоятельств нашей жизни в один прекрасный день может очутиться там и сильно пожалеет, что в свое время был таким бесчувственным и безответственным перед страданиями людей. Ведь недаром говорится, что "от сумы и тюрьмы не зарекайся", - сказал я тогда и заключил своё выступление пожеланием, чтобы каждый министр внутренних дел перед вступлением в должность провел бы хотя бы один день в тюрьме. Но здесь публика возразила, что в этом случае претендент наверняка уже министром не станет.

Моё выступление произвело большое впечатление на членов Палаты. Я благодарен председательствовавшему А.Собчаку, который предоставил мне возможность для выступления. Он участливо спросил меня: «Надеюсь, они оставили вас в покое?» Не уверен, что именно мои действия оказали такое воздействие на управление лагерями МВД России, но через год после всех этих событий изоляторы № 1 и № 4 (более свободный) были объединены, что, возможно, несколько улучшило быт заключенных. Но, боюсь, что в питании и отношении к арестантам со стороны тюремщиков коренных изменений не произошло. По крайней мере, я получил известие о том, что мой сокамерник Равиль Ситдилов неоднократно избивался там уже после того, как я был освобожден. Затем мой соплеменник был переведен в Бутырскую тюрьму. По словам самих заключенных, условия там были несколько лучше и тамошних арестантов не так сильно ограничивали в продовольственных передачах их родственников.

Глава 19

ОПРАВДАНИЕ

Решение Генерального прокурора

Несмотря на освобождение, в моем деле ещё не было полной ясности. Генеральный прокурор России Алексей Казанник буквально после моего освобождения ушел в отставку. Согласно специальному решению Государственной Думы он санкционировал освобождение участников октябрьского бунта 1993 года.

Многие в Кремле хотели, чтобы А.Казанник не подчинился этому решению и продемонстрировал "революционную сознательность". Но, как исключительно честный человек, Казанник не мог пойти на это, хотя, я уверен, он не питал никаких симпатий к мятежникам.

На место А.Казанника президент назначил А.Ильюшенко, работавшего до этого в правовом управлении при Президенте России. А.Аснис готовился к процедуре дополнительного расследования. Он также вел активную работу по полному прекращению моего дела. Откровенно говоря, я не был в курсе всех его действий в

этом направлении. Думаю, было оправдано, что мой адвокат осторожничал и не спешил мне рассказывать обо всех деталях его усилий.

Во-первых, он, конечно же, знал, что мои телефонные разговоры могли подслушиваться также, как и разговоры при встречах со мной. Во-вторых, журналисты могли выудить информацию прежде времени, что могло осложнить работу моего адвоката. Ни тогда, ни потом, уже после завершения дела, я не спрашивал А.Асниса о деталях его действий.

Поэтому, когда в 11 часов 35 мин (так записано в моем дневнике) позвонил корреспондент ИНТЕРФАКС Петр Мукшин и сообщил, что только что получил из Генеральной прокуратуры факс с сообщением о прекращении моего дела, это было большим и приятным для меня сюрпризом.

Скоро мне позвонил Аснис и попросил меня приехать в Генпрокуратуру на Пушкинскую улицу, для того, чтобы получить постановление о прекращении моего дела "за отсутствием состава преступления".

Что и говорить, я был взволнован этим звонком безмерно. Собравшись за несколько минут, я помчался на троллейбусную остановку. Через час я уже был на месте. Там нас ждала толпа теле-, фоторепортеров и журналистов, которые просили отвечать на их вопросы. Отвечал в основном мой адвокат. Он действительно теперь был главным действующим лицом и журналисты получали от него исчерпывающие объяснения.

Получив пропуски, мы прошли к начальнику управления Баранову. Баранов разговаривал со мной очень вежливо и сказал, что высоко ценит мои убеждения, согласно которым я действовал в рамках закона и не раскрыл никаких секретов. "А вот Углев напугал нас", - добавил он.

Я расписался в получении постановления Генерального прокурора по моему делу и мы попрощались с Барановым. Однако, как показали дальнейшие события, ненадолго. Но об этом немного позднее. А пока я приведу полный текст постановления.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е о прекращении уголовного дела

г. Москва "11" марта 1994 г

И.о. генерального прокурора Российской Федерации Ильющенко А.Н., рассмотрев материалы уголовного дела № 62-92, поступившего из Московского городского суда для производства дополнительного расследования,

у с т а н о в и л :

Мирзаянов В.С. с 1965 года по январь 1992 года занимал различные научные должности в Государственном российском НИИ органической химии и технологии (ГРНИОХТ), а с 1986 по 1990 г.г. - начальника отраслевого отдела противодействия иностранным техническим разведкам. По роду своей производственной деятельности он был осведомлен о системе организации, основных направлениях и некоторых результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области разработки химического оружия.

После увольнения из института в январе 1992 г. по сокращению штатов, Мирзаянов предпринял попытки обратить внимание общественности на возможную экологическую опасность при использовании отравляющих веществ. С этой целью он подготовил материалы для опубликования и дал интервью различным средствам массовой информации о проблемах разработки в России токсичных веществ.

Как следует из материалов уголовного дела, 16 сентября 1992 г. в еженедельной газете "Московские новости" № 38 и американской газете "Балтимор сан", а также журнале "Новое время" № 44 за октябрь 1992 г. опубликованы статьи и интервью Мирзаянова "Отравленная политика", "Бывший советский ученый говорит, что режим Горбачева в 1991 г. создал новое ОВ нервно-паралитического действия" и "Бинарная бомба взорвалась", в которых сообщалось о

создании в бывшем Советском Союзе нового отравляющего вещества и разработке на его основе бинарного оружия.

Эти статьи послужили основанием для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР.

В ходе предварительного и судебного следствия Мирзаянов не признал себя виновным в разглашении государственной тайны и пояснил, что имел намерение только в общих чертах сообщить об угрозе и возможных последствиях создания химического оружия.

По заключению экспертов-специалистов от 16.03.93, данному на предварительном следствии, содержащиеся в опубликованных статьях сведения являются государственной тайной в соответствии с "Перечнем главнейших сведений, составляющих государственную тайну", утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 03.12.80 № 1121-387.

Вместе с тем, в ходе повторной экспертизы в суде специалисты Смирницкий В.В. и Чугунов Н.И. пояснили, что анализ нормативных документов позволил более полно ответить на исследуемые вопросы. По мнению этих экспертов, ни одна из публикаций на основании материалов и интервью Мирзаянова не содержала конкретные сведения, составляющие государственную тайну. Понятия и термины: химическое оружие, отравляющие вещества, бинарное оружие, их разработка и производство исключены из перечня государственных секретов в 1984 году. В публикациях не раскрываются конкретные новейшие достижения в этой области науки и техники, не приводятся фактические данные результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, полевых испытаний образцов химического вооружения, сведения о которых, согласно вышеуказанного "Перечня ...", действительно являются государственной тайной.

Таким образом, Мирзаянов, являясь носителем секретной информации, не разгласил конкретные сведения, составляющие государственную тайну и не может нести уголовную ответственность по ч.1 ст.75 УК РСФСР.

Более того, в соответствии со ст. 15 и 29 Конституции России неопубликованные нормативные акты, к числу которых относится "Перечень ..." и отсутствие федерального закона "О перечне сведений, составляющих государственную тайну", исключает правовую основу возможной уголовной ответственности Мирзаянова по факту сообщения информации о разработке нового химического оружия.

При таких обстоятельствах определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 14.02.94 о возвращении настоящего уголовного дела для производства дополнительного расследования не влечет необходимости выполнения иных следственных действий, поскольку отсутствие оснований привлечения Мирзаянова В.С. к уголовной ответственности с достаточной полнотой установлено предварительным и судебным расследованием.

На основании изложенного, руководствуясь п.2 ст.5, ч.1 ст. 208 и ст.209 УПК РСФСР,

п о с т а н о в и л :

1. Уголовное дело по обвинению Мирзаянова Вила Султановича, 9 марта 1935 года рождения, в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.75 УК РСФСР производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, о чем уведомить заинтересованных лиц.
2. Меру пресечения в виде подписки о невыезде, избранную 2 ноября 1992 г Калининским районным народным судом г. Москвы, отменить.
3. Паспорт на имя Мирзаянова В.С. вернуть ему по принадлежности.

И.о. Генерального прокурора
Российской Федерации

А.Н.Ильюшенко

Тут я понял, что новый Генеральный прокурор является отважным человеком, который не побоялся пойти против мощных властных структур в виде Федеральной службы контразведки (незадолго до этого КГБ в очередной раз сменил вывеску), министерства обороны и др. Кто мог подумать тогда, что через полтора года он будет смещен с должности и арестован. Его обвинят в грехах, не совершенных им, в том числе и в якобы незаконном прекращении моего дела. Символично, что его также защищал мой адвокат Александр Аснис. С огромными трудностями, после нескольких лет сидения в лефортовской тюрьме, он был оправдан. Однако, вернемся к событиям, произошедшим в марте 1994 года.

Прекращение моего дела, хотя и ожидалось, стало сенсацией не только для меня. Поэтому телеграфные агентства и газеты широко сообщали об этом случае.

Газета "Известия" 12 марта 1994 года поместила статью Сергея Мостовщикова, озаглавленную "Дело Мирзаянова" прекращено за отсутствием состава преступления". В ней автор пытается найти ответ на вопрос, почему же на Мирзаянова напустились те, кто был ответственен за разработку химического оружия. Он в связи с этим приводит свидетельство анонимного, но компетентного источника, который предположил, что эти лица были озабочены тем, что в свое время обманым путем получили премии за якобы разработку сверхмощного оружия.

Выше я уже писал о такой вероятности. Однако, поскольку я сам участвовал в испытаниях нового отравляющего вещества, то не могу согласиться с таким мнением. Возможно, источник имел в виду не новое вещество, а бинарное оружие на основе вещества "33". В этом случае я не могу так однозначно оспаривать его мнение или соглашаться с ним, поскольку я не принимал участия в его разработке. Статья заканчивается предупреждением: "В общем, конечно, теперь его следует поздравить с тем, что для него вся эта история закончилась благополучно. Неизвестно только, следует ли поздравлять с этим всех нас, поскольку нет решительно никаких гарантий, что завтра к любому из нас не придут и не попросят на выход с вещами. А какое уж через год утром 11 марта будет настроение у и.о. Генерального прокурора России Ильющенко, сами понимаете, неизвестно (курсив мой -В.М.)". В свете вышесказанного об аресте А.Ильющенко, а также последовавшего затем ареста борца против радиоактивного заражения А.Никитина, которому инкриминировалась измена Родине, предсказания С.Мостовщикова, к сожалению, оказались в полном смысле пророческими.

Под заголовком "Следствие закончено - забудьте, господин Мирзаянов?!"

"Куранты " опубликовали 12 марта 1994 года статью В.Назарова. Журналист писал, что не ожидает аплодисментов "мудрому решению", поскольку слишком тяжелы впечатления от преследования ученого. Он также приводит мое мнение о возможности моей амнистии: "Я не Руцкой, не Хасбулатов, амнистию бы не принял. Знаете, я все время ждал, что хоть кто-нибудь из этой шайки откажется от амнистии. Хотя бы из чувства собственного достоинства. Где там... Удивили и думцы: столько крови пролито - и никто не ответит. А тюрьмы переполнены людьми, которым и не снились столь чудовищные преступления."

"Московские новости " от 13 марта 1994 года опубликовали редакционную статью, сопровождаемую моим фото в кругу семьи, под заголовком "Химия и жизнь Мирзаянова ". Напомнив, что мое дело продолжалось полтора года, газета писала, что оно объединило ученых многих стран, правозащитников и демократическую прессу. Однако, почему-то те, кто ежедневно бьется в истерической защите "народных интересов", ни словом не обмолвились не только о деле, но и об антинародности производства, испытания, бесконтрольного уничтожения химического оружия. Статья заканчивается вопросом: "Наконец, кто стимулировал позорное дело Мирзаянова, кто сделал страну и ее правосудие посмешищем перед мировым сообществом?"

Прекращение моего дела стало причиной приятного для меня эпизода на заседании сената США (Congressional Record. Proceedings and debates of the 103 congress, first session. Vol.140, No28. Washington, Tuesday, March 15, 1994.)

Мистер Мойнихэн: Госпожа Председатель, 11 марта были получены хорошие

новости из Москвы. Сняты все обвинения против отважного российского ученого доктора Вила Мирзаянова, который два года тому назад в статье в "Московских новостях" раскрыл, что Советский Союз тайно разработал мощное бинарное оружие нервно-паралитического действия. За это доктор Мирзаянов был дважды заключен в тюрьму и над ним состоялся судебный процесс.

Дэвид Вайс, обративший моё внимание на это дело, является известным и уважаемым автором, который много писал об опасности чрезмерной секретности и об операциях разведывательных служб. Мистер Вайс длительное время разговаривал с доктором Мирзаяновым в Москве в ноябре прошлого года. После своего возвращения он связался со мной. Я был горд присоединить свой голос к голосу многих научных и правозащитных организаций, которые работали по освобождению доктора Мирзаянова. В частности, я хотел бы отметить усилия двух людей, Гейл М. Колби и Ирины Гольдман.

Как отметил мистер Вайс, хотя доктор Мирзаянов более не ожидает уголовного преследования, тем не менее, остаются важные вопросы о намерениях России в области производства нервно-паралитических отравляющих веществ. Это дело особенно беспокоит, поскольку было достигнуто соглашение относительно конвенции по химическому оружию в Женеве меньше чем за две недели перед публикацией статьи доктора Мирзаянова. В своей статье Дэвид Вайс написал, что доктора Мирзаянова заставило выступить его чувство долга. Мы можем делать не меньше.

Я верю, что эти вопросы будут тщательно рассмотрены нашим правительством и сенатом, поскольку предполагается ратификация конвенции по химическому оружию. Госпожа председатель, в то же время я прошу, чтобы было дано распоряжение для напечатания статьи Дэвида Вайса в протоколах в следующем виде:

Из New York Times, March 12, 1994

"Новичок" в суде

Дэвид Вайс

"Вашингтон. Вчера в Москве главный прокурор России отменил все обвинения против Вила Мирзаянова, химика, который был отправлен в тюрьму за разоблачение, что Советы тайно разработали бинарное отравляющее вещество нервно-паралитического действия, носящее кодовое название "Новичок", которое от 8 до 10 раз сильнее любого подобного вещества в арсенале Америки.

За выступление Мирзаянов дважды заключался в тюрьму и был отправлен в суд за якобы разглашение государственных секретов.

Впервые он был арестован 22 октября 1992 года КГБ за информацию об разработке "Новичка" в статье в "Московских новостях". Хотя он был освобожден через 11 дней, мистер Мирзаянов был уволен с работы и он и его жена и два малолетних детей должны были существовать на маленькие пожертвования правозащитных организаций. Когда начался его закрытый судебный процесс в январе, он опять был отправлен в тюрьму за отказ участвовать, как он заявил, в неконституционном процессе. Конституция запрещает преследование любого человека за нарушение тайных законов – а именно такое обвинение было против мистера Мирзаянова. Каждая страна имеет право защищать свои военные секреты. Однако, в то время, когда мистер Мирзаянов был арестован, химические вооружения не находились в перечне "государственных секретов", возможно, потому, что правительство не хотело рекламировать, что имеет их. Премьер-министр Виктор С. Черномырдин исправил это упущение в марте прошлого года, когда он добавил в перечень химические вооружения задним числом.

В ноябре я провел более 10 часов с мистером Мирзаяновым, мужчиной с мягкими чертами характера и седыми волосами, которому пошёл на этой неделе 59-ый год. Из наших бесед стало ясно, что его дело является откатом к стилю советского правосудия, связанного с большими проблемами чем права человека. Мистер Мирзаянов приподнял занавес над вопросом великой стратегической важности: жизни миллионов людей находятся в опасности.

Нервно-паралитические газы, впервые разработанные нацистами во время второй мировой войны, являются ужасающими. Ничтожная капля на коже или втянутая вовнутрь дыханием приводит к смерти за одну-две минуты. Газы – неправильное название, поскольку они являются в действительности жидкостями, приведенными в тонкий туман – они блокируют энзимы, которые контролируют нервные рецепторы головного мозга. Жертвы, как объяснил один американский эксперт, “забывают дышать”.

В сентябре 1992 года в Женеве была подготовлена конвенция по химическому оружию. Она была подписана 156 странами, включая Соединенные Штаты и Россию, хотя ни одна из последних не ратифицировала её. Конвенция запрещает разработку, производство и хранение химического оружия. Подписавшие стороны согласились дать перечень химических вооружений, которыми они обладают, и уничтожить их. До тех пор, пока мистер Мирзаянов не выступил, никто не знал, что Советы разработали “Новичок”. Высказываясь о процессе над Мирзаяновым, посол Пикеринг сказал в Москве, что “для нас кажется странным, что кто-то может преследоваться за высказывание правды о деятельности, которая противоречит договорному обязательству с иностранным государством”.

Мистер Мирзаянов рассказал мне, что запасы химического оружия России, насчитывающие около 60 000 тонн, «достаточны для убийства десятков миллионов людей». Поскольку “Новичок” не был произведен в больших количествах, сказал он, русские имеют его достаточно для убийства нескольких сотен тысяч людей. Хотя это будет обозначать уничтожение среднего города, сказал он, здесь будут также скрытые жертвы: “мутации в следующем или будущих поколениях”.

Он также озабочен и другим нервно-паралитическом отравляющем веществом, которое русские называют веществом “33”. Он сомневается, что, несмотря на женеvскую конвенцию, русские не намерены скрыть его существование или его формулу также, как и “Новичок”.

К концу наших разговоров я спросил мистера Мирзаянова, почему он решил выступить публично и рискнул быть отправленным в тюрьму. “Так случилось, что я был втянут в преступную деятельность, – сказал он. – Мой моральный долг заставил меня выступить”.

Соединенные Штаты могут сделать не меньше; они должны продолжать оказывать давление на Москву, чтобы она раскрыла и уничтожила свой арсенал нервно-паралитических отравляющих веществ”.

Ряд других центральных изданий США, среди которых “Вашингтон Пост”, “Крисчен Сайенс Монитор”, Chemical and Engineering News и другие также посвятили свои статьи прекращению моего дела.

В те дни мне буквально не хватало времени, чтобы принимать журналистов для дачи интервью и ответа на телефонные звонки. Поздравляли не только известные люди, но и те, кого я не знал до этого.

Из Принстона позвонила Гейл Колби и сообщила, что мне присуждена почетная премия имени Гейнса Пейгельса Нью-Йоркской Академии Наук, как отличившемуся в борьбе по защите прав человека. Этом подтвердил также звонок с поздравлениями от самого президента Академии, лауреата нобелевской премии профессора Д.Ледерберга. Почетную премию мне вручал в гостинице “Радиссон-Славянская”, что находится рядом с Киевским вокзалом Москвы, известный филантроп-миллиардер Джордж Сорос и лауреат нобелевской премии Джеймс Уотсон. На церемонии вручения награды, присутствовали в основном американцы, сопровождающие Д.Сороса в его поездке по России.

Я выступаю в Думе...

В эти же дни мне позвонили из Государственной Думы и попросили присутствовать на совместном заседании комитетов по международным делам, по экологии, обороне, безопасности, промышленному строительству, транспорту и энергетике, по бюджету,

налогам, банкам и финансам. Мероприятие было посвящено обсуждению ратификации конвенции по химическому оружию и уничтожению его запасов. Скоро я получил и официальное приглашение, подписанное заместителем председателя комитета по международным делам Очировой.

К сожалению, после освобождения из тюрьмы меня стала мучать простуда, осложненная ангиной. К тому же, в тюрьме я окончательно лишился моих зубов и мне приходилось весьма туго при встречах с журналистами. Тем не менее, я не мог отказать депутатам во встрече, которая должна была состояться 24 марта 1994 года.

Я отправился на слушания, имея повышенную температуру. Поэтому попросил ответственного за организацию слушаний со стороны Комитета по иностранным делам К.Купреева, чтобы мне предоставили слово сразу после докладчика.

С докладом выступил генерал А.Кунцевич. В его выступлении ничего конкретного не было: проекты о намерениях и реклама успешной работы комитета по конвенциональным проблемам при президенте России, который сам же генерал-академик и возглавлял. Он напирал на отсутствие должного финансирования работ по созданию безопасных технологий и решение вопроса видел в сохранении Новочебоксарского комбината, который по его мнению, мог бы быть использован для уничтожения запасов ХО. Одновременно он давал понять, что с его помощью можно будет надеяться на финансирование этих работ на средства, предоставляемые Западом. Однако, все это были лишь слова, без всяких документальных подтверждений или даже ссылок на протоколы проведенных им якобы успешных переговоров. Ссылка на его встречу с тогдашним Генеральным секретарем НАТО Манфредом, который как будто бы пообещал, что эта организация может на цели уничтожения запасов ХО в России выделить 10 миллиардов долларов, была слишком неправдоподобной. Кто хоть немного представляет себе, то такое НАТО, тот знает, что эта организация не располагает функциями выделения кому-либо денег. Более того, бюджет организации составляется из взносов членов НАТО с четким распределением по статьям расходов. В общем, генерал свел все свое выступление к привычной хлестаковщине, действуя по принципу: чем больше обмана, тем больше доверия.

Я начал свое выступление с того, что поблагодарил организаторов этих слушаний за предоставление мне возможности обратиться к моим оппонентам без наручников и не в зале закрытого суда. Эти мои слова, коенчно же, были обращены к сидящим в первом ряду зала директору ГСНИОХТ В.Петрунину и генералу А.Кунцевичу. Затем я произнес свою заранее подготовленную речь, текст которой привожу ниже.

"Представленная на ратификацию Конвенция преследует высокие гуманные цели, которые изложены в ее преамбуле. Мне кажется, что сегодня предметом обсуждения является поиск ответов на вопросы :

1. Насколько провозглашенные цели могут быть достигнуты в результате реализации конвенции?
2. Не является ли конвенция лишь идеальным документом, не учитывающим реалии сегодняшнего дня и тем более перспективу?
3. Насколько конвенция соответствует национальным интересам РФ?
4. Соответствует ли экономическим и иным возможностям страны взятые обязательства по части уничтожения запасов ХО и контроля за процессом химического разоружения?

Следует отметить, что безусловно уничтожение под строгим международным контролем ХО, запрет на его разработку, производство и накопление служат провозглашенным целям. Однако, вся конвенция, которая является, казалось бы, средством достижения провозглашенных целей, обращена в прошлое. Она как бы останавливает текущее время и фиксирует сегодняшнее, тем не менее, мнимое положение вещей в этой весьма опасной области вооружений. Некий стоп-флоу. Она поэтому может быть обойдена, как уже сейчас видно, несколькими способами, один из которых я изложу ниже.

Поэтому ответ на первый из поставленных вопросов таков: конвенция не гарантирует нам достижение тех высоких целей, которые она провозглашает. Вот мои сомнения, на которые я не смог найти ответа, изучив текст конвенции.

Во-первых, найдется ли сегодня кто-нибудь, кто четко ответит на вопрос, что такое разработка ХО и какая разница между научно-исследовательской работой по поиску новейших видов ОВ и этой самой "разработкой"?

Считаю, что здесь заложена большая мина, которая может сработать в будущем. Ведь проведение научно-исследовательских работ в области поиска новых ОВ может включить весь комплекс работ по созданию ХО, то есть по его разработке (оценка токсичности, эффективности и отработка технологии получения, например, в бинарном варианте).

Во-вторых, какой смысл в составлении списков веществ, которые включают лишь уже известные виды химических соединений и не включают те самые новые ОВ, о которых я писал. Мне представляется, что, поскольку конвенция, в основном, составлялась в период стабильного противоборства между СССР и США, то ее основные участники заранее полагали, что новые виды ХО следует скрыть. Если это так (что это так, сегодня никто уже не сомневается, поскольку экспертная комиссия по моему делу, состоящая из представителей военно-химического комплекса, официально признала соответствие истине моих утверждений), то возникает вопрос: зачем нам нужна такая конвенция, которая не служит достижению ее цели?

Я не политик, однако, как специалист, уверен, что этот прискорбный факт не служит национальным интересам Российской Федерации.

В-третьих, если учесть обстоятельство, что после того, как будет синтезировано новейшее ОВ, отныне для его трансформации в ХО уже не требуется организация высокоопасного и трудноскрываемого от международного контроля производства, не нужно так же, как раньше, его накопление и хранение, то становится со всей очевидностью ясным, что пробел в конвенции приобретает опасный и зловещий оборот. Вот, пожалуйста, к вашему вниманию один из вариантов обхода конвенции. Отрабатывается бинарный или другой многокомпонентный способ получения вновь синтезированного ОВ. После этого разрабатывается, испытывается, регистрируется в законном порядке очередной сельскохозяйственный препарат-пестицид. Какая-либо фирма подражается на выпуск этого нужного препарата и организывает его производство. Ни руководители фирмы, ни работники этого производства не знают, что один из полупродуктов этого препарата является прекурсором, то есть компонентом бинарного оружия на основе вышеупомянутого новейшего ОВ. Разумеется, вполне возможны и другие более изощренные варианты этого поистине дьявольского оружия. Таким образом, можно констатировать, что конвенция не учитывает ни реалии сегодняшнего дня, ни перспективу.

Если учесть то обстоятельство, что, как в СССР, так и в США за многие годы гонки химических вооружений были специально синтезированы и обследованы тысячи высокотоксичных химических соединений и среди них безусловно были так называемые перспективные ОВ, но их дальнейшее доведение до ХО было приостановлено иногда лишь по причине их недостаточной устойчивости, легкой гидролизуемости, трудностей по отработке технологических процессов их производства, хранения и др., то сейчас в связи с последними достижениями в области новейших химических технологий, а именно бинарного или многокомпонентного способа получения оружия прямо в снаряде, летящем в цель, этот накопленный научно-технический потенциал становится громадной неконтролируемой опасностью. Конвенция это обстоятельство не учитывает.

Я не хочу здесь никого запугивать, но могу с большой долей вероятности утверждать, что указанный потенциал в принципе позволит создать безопасные для применяющего портативные виды бинарного оружия, например, для террористических целей. Я не хочу даже говорить о возможности создания ХО, способного пробивать шихту противогаза, что может быть настоящей трагедией, последствия которой трудно и представить. Какой же можно найти выход из создавшего положения, есть ли он?

По моему глубокому убеждению, выход есть, но я бы предложил его искать путем создания независимой международной экспертной комиссии под патронажем Государственной Думы и Сената Соединенных Штатов специально для выработки

вариантов решения этой проблемы. Со своей стороны рискнул бы предложить свою помощь в организации с нашей стороны этой комиссии и участия в ее работе. И еще. Поскольку конвенция не может сегодня воспрепятствовать возможному распространению новейших видов ХО, я бы квалифицировал ее в этой части как документ, не соответствующий национальным интересам Российской Федерации. Теперь относительно четвертого вопроса, касающегося уничтожения запасов ХО. Согласно конвенции, мы обязаны уничтожить наши запасы в 40 тысяч тонн за 10 лет. По оценке американских специалистов, при наличии у них более или менее отработанной технологии на основе сжигания, для чего они уже истратили около 2,5 миллиардов долларов, им необходимо еще около 9 миллиардов долларов для уничтожения запасов, составляющих около 30 тысяч тонн. В случае, если экологическое движение и население территорий США, где будут вестись уничтожение, не согласится на использование технологии, основанной на сжигании и поэтому потребует разработки новой технологии, то экспертная оценка затрат достигает 15 миллиардов долларов.

Каково же положение у нас?

Мы к сожалению, можем констатировать, что находимся лишь на предварительной стадии решения проблемы и такого масштаба затраты вряд ли реальны даже для предварительного обсуждения. Можем также сказать, что на сегодня мы не имеем ни одной технологии, соответствующей современным требованиям личной, экологической и социальной безопасности. Здесь проблема гораздо более серьезная, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что при разработке ХО и его производстве мы руководствовались расчетными предельно-допустимыми нормами по содержанию ОВ в воздухе производственных помещений и лабораторий, которые были получены, исходя из вероятности прямого действия этих веществ на человеческий организм без учета их долговременного, то есть отложенного на некоторое пока неизвестное нам время воздействия. Таков был наш научно-технический уровень понимания того объекта, который мы создавали. Вынужден признаться, что даже для соблюдения указанных норм у нас никогда не было ни приборов, ни методов для постоянного контроля. Что ж, ради державы, строящей коммунизм, мы не жалели ни себя, ни людей. Но теперь мы не можем не обратить внимание на следующий аспект проблемы. Еще в 1956 году английские ученые супруги Ауэрбах однозначно доказали, что широко известное отравляющее вещество кожно-нарывного действия иприт, которого в СССР было произведено несколько сотен тысяч тонн, обладает сильными мутагенными свойствами и поэтому даже в малейших концентрациях ничуть не безопаснее. Воздействие иприта в малых концентрациях выявить невозможно, но оно неотвратимо проявится позднее на человеке, подвергшемся действию малой дозы, и если не на нем, то на последующих поколениях в виде генетического сдвига. К сожалению, есть все основания полагать, что такими свойствами обладают также и другие, в частности, фосфорорганические ОВ нервно-паралитического действия. В связи с этим требования к технологии уничтожения и к их остаточным количествам в объектах окружающей среды приобретают совершенно иные уровни. Но ведь теперь прежняя проблема с отсутствием методов аналитического контроля и соответствующей аппаратуры приобретает решающее значение. Спрашивается, как можно начинать разрабатывать технологию, а затем строить производство по уничтожению ХО, если мы не располагаем необходимой измерительной аппаратурой? Как специалист в области физико-химического анализа, смею утверждать, что такой аппаратуры нет пока и за рубежом. В связи с этим возникает большие сомнения о качестве и американской технологии.

Я, как гражданин Российской Федерации, безусловно за то, чтобы уничтожить ХО и притом сделать это как можно быстрее. Но как специалист, не могу не понимать, что Российская Федерация ни в следующем году, ни через год - я бы сказал, в обозреваемом будущем - не в состоянии начать процесс безопасного уничтожения запасов ХО из-за отсутствия соответствующих методов контроля, безопасной технологии и непосильных финансовых затрат. В этой части в конвенцию должны быть в приемлемой форме внесены соответствующие поправки. График уничтожения ХО мы сможем соблюдать лишь ценой ничем не оправданных человеческих и материальных

жертв, последствия которых трудно представить. По мои оценкам, срок уничтожения запасов ХО в России должен быть не менее 25–30 лет. Поэтому сегодня речь может идти лишь о разработке мероприятий, связанных с безопасным хранением, методов контроля и технологии уничтожения. Будут найдены решения этих проблем, тогда можно будет приступить и к самому процессу уничтожения, если, разумеется, будет найдено полное взаимопонимание с населением территорий, прилегающих к местам расположения установок по уничтожению. Но это уже особая проблема, на решение которой в США понадобилось около 15 лет, но консенсус был найден.

Заканчивая, я не могу не затронуть еще одну на мой взгляд важную проблему. Она касается судьбы произведенного в России ХО. По подсчетам, которые можно сделать по книге "Химическое оружие в России", вышедшей в 1993 году в США (она написана на основе показаний советских военнопленных в Германии) у нас химического оружия произведено около 400 тысяч тонн. Это за время, начиная с конца 20-х годов. К уничтожению мы предъявили 40 тысяч тонн. Следовательно, мы совершенно не знаем о судьбе остальных, по крайней мере, 360 тысяч тонн ХО. По непроверенным данным, часть оружия затоплена в Белом море и Тихом Океане. Часть оружия в свое время, возможно, была вывезено на обеспечение прикрытия советско-китайской границы в период обострения наших отношений с Китаем. Но вопрос открытый и судьба этого оружия вовсе не предмет исторического изыска, это, можно сказать, наша будущая судьба. Вполне вероятно, что такое громадное количество отравы действительно затоплено, захоронено, варварски уничтожено таким образом, что оно представляет большую для нас опасность, чем задержка с выполнением графика выполнения Парижской Конвенции. Ведь никто сегодня не может гарантировать, что это оружие не продолжает отравлять население страны, угрожая его выживанию. Поэтому имеет смысл наши дела в области химического разоружения начинать с простой инвентаризации – ревизии с целью получения ответа на вопрос, где сколько произведено, где и сколько уничтожено, захоронено, затоплено и, может быть, позабыто. Мы сможем более или менее успокоиться лишь тогда, когда получим материальный баланс, которому поверит страна. Иначе, какой же смысл, если мы ценой огромных жертв выполним график Парижской Конвенции и уничтожим те 40 тысяч тонн отравы, которая просто-напросто оружием-то для обороны страны никогда не являлась в прошлом, тем более не является таковым сегодня, а взамен не получим никакой безопасности для своего существования?

В связи с этим предлагаю создать комиссию Думы с привлечением независимых экспертов и самыми широкими полномочиями, которые позволят выбить из соответствующих структур власти необходимы данные для проведения инвентаризации произведенного ХО в России и разработки мероприятий по оценке уровня безопасности исчезнувшей его части".

После моего выступления последовали вопросы: как я отношусь к тому, что вот-вот потекут боеприпасы с ХО, поскольку исчерпывается их срок хранения? Почему же я якобы сообщил о наших новых разработках, а вот, мол, американцы этого не сделали? Из-за болезни и естественного напряжения во время моего выступления я почувствовал себя изможденным, но выйдя из зала, все же нашел в себе силы дать интервью нескольким иностранным телекомпаниям с изложением основных моментов моего выступления.

Должен признаться, что моё выступление не понравилось практически никому: ни коммуно-националистам, ни демократам. Глубоко были разочарованы также мои защитники из Соединенных Штатов. Получалось, как будто бы я в силу личных обид или под влиянием неизвестных лиц, стал объектом манипуляций против химического разоружения. О таких обидных для меня предположениях сообщили в телефонном разговоре из США Гейл Колби и Ирина Гольдман. Однако, я не собирался менять свое мнение, которое сложилось не в один день.

Я много размышлял о проблемах, которые изложил выше и пытался получить у кого-либо из моих знакомых внятный ответ, но никто так и не смог оспорить мою позиции. Кроме загадочных и туманных обещаний генерала Кунцевича, у правительства решительно ничего не было в активе.

Надо быть полностью оторванным от реалий жизни идеалистом, чтобы рассчитывать на то, что американцы выделяют свои миллиарды для решения этой проблемы. Тем более в обстановке, когда наши генералы хотели их попросту надуть. Об этом я говорил 27 марта в интервью, данному корреспонденту Итерфакса Петру Мукшину. Такой же позиции я придерживался и в разговоре с Майклом Уоллером 13 апреля, когда мы встречались на квартире моего бывшего сотрудника Елены Шевченко с ним и врачом Евгением Ведерниковым. Медик в свое время лечил Андрея Железнякова, получившего сильное отравление веществом А-232.

Дело в том, что Игорь, муж Елены, отравился во время своих золотых дел (он художник – ювелир) и проходил курс лечения у Ведерникова. Тот рассказал ему о случае с Андреем. Скоро Игорь и Евгений стали хорошими друзьями. Об этом мне рассказала в свое время сама Лена. И когда американский журналист заинтересовался случаем поражения Андрея Железнякова, то я попросил Лену устроить встречу с врачом.

М.Уоллер попросил меня изложить мои взгляды в специальной статье для The Wall Street Journal и пообещал помочь с её публикацией. Я согласился и очень скоро написал статью, которая была опубликована в газете 25 апреля 1994 года под названием "Свобода для разработки химического оружия".

13 апреля 1994 года я получил известие из США, что ряд видных американских ученых-экспертов по химическому и биологическому оружию собираются в поездку по России.

Через неделю я встретился с ними: профессорами Д.Ледербергом, М.Мейзельсоном и другими в гостинице "Рэдиссон – Славянская". Переводил доктор А.Щелоков. За ланчем я изложил свою позицию по отношению к конвенции и новым российским разработкам. Доктор Ледерберг старался меня просто понять и задавал свои вопросы именно в таком ключе. А вот Мейзельсон энергично возражал, утверждая, что все эти вопросы предусмотрены в тексте конвенции и поэтому здесь практически нет проблемы.

Исходя из его речей, получалось, что я едва ли не понапрасну поднял шум! Но у меня-то перед глазами стояли списки контролируемых веществ, среди которых отсутствовали как прекурсоры, так и сами вещества А-230 и А-232. Поэтому я упорно отстаивал свою точку зрения и сказал американцам, что, с моей точки зрения, в сложившейся ситуации ратификация конвенции не представляется возможной как в Государственной Думе, так и в сенате США.

Возможно, я слишком много брал на себя. Такая мысль временами читалась в глазах моих собеседников. Конечно, для многих я был просто одним из возмутителей спокойствия, от которых обычно отмахиваются: куда, мол, ты лезешь, кто тебя, несмышленье, просил?

Я вовсе не Дон-Кихот и понимал свое положение. Но чувство моей ответственности за происходящее, которое диктовалось мне моей совестью, давало возможность видеть ситуацию более обостренно. И общее, и личное переплелись так сильно, что у меня порой не хватало сил отвлечься от этих мыслей хотя бы на какое-то время. Поэтому, как бы это не было наивно с моей стороны, я предложил разработать проект совместного заявления правительств США и России, касающиеся своих новых разработок. Тогда они, с моей точки зрения, вполне смогли бы обойтись без разглашения секретов своих разработок с тем, чтобы они не стали предметом для возможного воспроизводства безответственными режимами. В этом заявлении специально могло бы быть указано, что после ратификации конвенции стороны предложат в приемлемом для них порядке эти разработки включить в число контролируемых веществ конвенции. Тогда, возможно, были бы сняты возражения законодателей насчет новых разработок в области ХО как в США, так и в России. Мы договорились, что я пришлю в США мой проект. Я выполнил свое обещание. Но я так и не дождался какой-либо реакции на свое предложение, тем самым убедившись, что собеседники восприняли меня за наивного мечтателя.

...До описанной встречи с учеными США произошло ещё одно весьма важное событие. 7 апреля 1994 года неожиданно для многих был уволен со своего поста председатель комитета по конвенциональным проблемам при президенте России генерал-лейтенант

А.Кунцевич. В сообщении об этом говорилось весьма тумано и неопределенно. На конференции "КГБ вчера, сегодня и завтра", проходившей в здании союза писателей России в середине апреля, её организатор С.Григорьянц показал мне опубликованное в газетах интервью с шефом ФСК Степашиным, где он в числе своих успехов называл и отставку Кунцевича. Многие в это время склонны были предполагать, что на его отставку повлиял исход моего дела. Но сам я сомневался, что отставка Кунцевича как-то связана со мной. Скорее, дело тут все же было во внутренней грызне среди генералов.

Позже выяснилось, что генерал обвинялся в организации кражи прекурсора ХО и отправки его в Сирию. Очень жаль, что в это дело оказались замешанными ряд сотрудников ГСНИИОХТ, в том числе профессор Г.Дрозд.

В конце концов следствие не смогло собрать достаточных улик для передачи дело в суд и дело было прекращено. Но Кунцевич находил время для того, чтобы сводить счеты со мной и провоцировал чекистов на дальнейшее расследование моего дела. Так, в телеинтервью с Натальей Косинец, подготовившей большой телерепортаж под названием "Шиханский узел", Кунцевич давал наказ суду: "Суд должен, кроме общих фраз, выяснить, не передал ли Мирзаянов действительно настоящую информацию куда-либо".

Это было еще до суда надо мной. А вот в осеннем номере 1996 года журнала "Химическое оружие и проблемы его уничтожения" генерал продолжил эту тему. «И Лев Фёдоров, и тот же Вил Мирзаянов заявляют, что американцы знают все, и даже больше, чем российские генералы. По-видимому, американские спецслужбы получили эту информацию". Кого генерал считал информатором, я думаю, понятно. Лукавый Кунцевич, по его же словам, предложил американцам обменяться "информацией о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах". Но те не клянули на его наживку. И очень хорошо сделали. По-видимому, мои призывы не доверять нашим продажным генералам были все же услышаны. Но, несмотря на это, Кунцевич настаивал, что "Новичок" – это не более чем научно-исследовательская работа. Но это была чистейшая дезинформация. Я уже писал, что вещество А-230 прошло успешные испытания на Нукусском полигоне и было принято в качестве вооружения Советской Армии. И я не слышал, чтобы генерал опровергал мои утверждения.

Я борюсь за загранпаспорт

Сразу же после прекращения моего дела подал заявление на получение загранпаспорта. К тому времени я получил два приглашения на международные конференции по вопросам экологии и ответственности ученых, которые должны были состояться в июне в Берлине и Дортмунде. Разумеется, я знал, что мне откажут в выдаче паспорта. Однако, я чувствовал в себе силы бороться за него, поскольку речь шла не только обо мне, о моей поездке за рубеж, а о принципиальном решении вопроса для моих коллег, которые были ущемлены в своих основных гражданских правах. Поскольку мы в свое время работали с секретами, то нас считали потенциальными разглашателями того, что было уже запрещено конвенцией по ХО. Тем не менее, некоторые мои коллеги, пользуясь своей изобретательностью и предприимчивостью, уже благополучно уехали в Израиль и США. Но из принципиальных и этических соображений я не хотел пользоваться такими способами.

Шло время, однако, ответ из ОВИР так и не приходил. Для себя я наметил контрольный срок: если до 20 мая 1994 года я не получу положительный ответ, то начну действовать.

В конце апреля-начале мая по приглашению моих друзей из татарского культурного центра Башкортостана съездил в Уфу и к моей матери в деревню Старый Кангыш. Вечером 27 апреля 1994 года во дворце культуры, находящемся около универмага "Уфа", состоялась встреча с моими земляками.

Организаторы моей поездки, в особенности, Кифая Фазлутдинова, сделали все, чтобы эта встреча прошла успешно. Никогда не забуду теплых выступлений моих бывших учителей, видных писателей, среди которых был и мой земляк из Дюртюли Вил Казыханов. Очень трогали слова простых людей, которые рассказывали, как

переживали за меня и сочувствовали моей неравной, но справедливой борьбе против химического оружия.

Нет, люди в Башкортостане вовсе не были забытыми провинциалами, занятыми лишь своими повседневными заботами. Их тоже волновала политика и проблемы выживания человека на земле! В зале было около 500 человек и они все живо и тепло воспринимали выступающих. Значит, на свете все же есть проблемы, разрешение которых объединяет простых людей.

В этом я ещё раз убедился уже в своей родной деревне, где по инициативе Вила Казыханова, председателя сельсовета и некоторых других активистов прошла встреча со мной. Здесь также, как и в Уфе, было удивительно тепло и душевно. В Москве я даже представить не мог, что простые люди так высоко ценят мой поступок. О столь высокой награде от тех, кто меня знал много лет, а иные с самого детства, я мог разве только мечтать.

...В эти же дни я серьёзно задумался над итогами моего дела и пришел к выводу, что КГБ (тогда он носил название ФСК), дирекция ГСНИИОХТ и Генеральная прокуратура, которые сфабриковали мое дело и преследовали меня в течение двух лет, должны были ответить за это морально и материально.

Я поделился этой мыслью с моим адвокатом А.Аснисом и он одобрил мою инициативу, пообещав обязательно участвовать в таком процессе. Но при этом он меня предупредил, что в советском законодательстве, которым все еще пользуются суды, чрезвычайно мало ясных положений в пользу пострадавшего от незаконного преследования следственными органами и прокуратурой. Имеющиеся пункты гражданского кодекса скорее формальны. Тем не менее, я решил действовать, пользуясь хотя бы этими призрачными положениями. Денег на оплату адвоката у меня не было и я мог разве что пообещать выделить их из возможного выигрыша дела. Однако, А.Аснис согласился бесокрыстно поддержать меня и написал юридически обоснованное заявление по иску.

С этим заявлением, которое затем будут просить у меня в качестве образца десятки людей, 12 мая 1994 года направился в Московский городской суд. Он к тому времени уже помещался в новом здании по Богородскому валу, а остановка транспорта около него носила претенциозное название "Дом правосудия".

Посетителей в этот день принимал заместитель председателя суда Н.Романенко. Он начисто отверг мой иск и сказал, что мне надо подать заявление о возбуждении уголовного дела по поводу неправильных действий следственных органов на основе какого-то указа от 1981 года. Затем посоветовал по всем вопросам обратиться в районный суд, поскольку-де горсуд может рассматривать вопросы только после него. 16 мая я отправился в Перовский народный районный суд. Там мой иск приняли и попросили позвонить через день.

Событие широко освещалось телеграфными агентствами, и в моей квартире вновь часто стал звонить телефон. Журналистов интересовали подробности моих походов по приемным судов.

Через день я позвонил в Перовский районный суд и узнал, что моему делу присвоен номер 766 и его будет вести сам председатель суда Н.Воробьев.

Ещё 13 мая я позвонил в районный ОВИР, но там никакого ответа на мое заявление все еще не было. Видя тщетность моих усилий, я решил прибегнуть к последнему, как мне показалось, решительному шагу. В своё время Углев дал мне телефон помощника президента по национальной безопасности Батурина и порекомендовал мне его как человека весьма решительного и готового помочь. В последнее время Батурин был наделен президентом особыми полномочиями по надзору за силовыми структурами. Поэтому я решил воспользоваться этим обстоятельством и 30 мая позвонил ему в Кремль. Трубку взял его помощник Юдин. Я изложил мою просьбу. Помощник сказал, что не видит проблем с получением паспорта. Действительно, один телефонный звонок Ю.Батурина в ОВИР может мгновенно решить вопрос. Тут неожиданно подключился к разговору сам Батурин, которому я повторил мою просьбу и кратко рассказал, что на конгрессе INES в Германии хочу предложить участникам принять обращение к правительствам западных стран о финансовой помощи для безопасного уничтожения запасов ХО.

– Вот, вы, Вил Султанович, зашли бы к нам и рассказали об этом, – сказал помощник президента так просто и подкупающе, как будто речь шла о приглашении на чай к своему старому приятелю. Я подумал, как хорошо, когда политики такого ранга доступно разговаривают с простым человеком. Мы договорились встретиться с ним в его кабинете 31 мая в 12 часов дня.

На следующий день я, получив пропуск, прошёл в Кремль. В начале поговорил с Юдиным, уже знакомым мне по телефону помощником Батурина. Он живо интересовался моим проектом и был в курсе проблемы уничтожения ХО. Юдин четко понимал, что у России нет денег на это, и вряд ли они появятся в ближайшем будущем. Тут у него появилась идея о проекте заявления президента о том, что пока не будут разработаны, испытаны и сертифицированы международно признанными экспертами безопасные технологии, независимо от сроков, предписанных конвенцией, Россия не будет приступать к процессу уничтожения ХО. Это давало возможность приступить к процедуре ратификации конвенции по запрету ХО. Я напомнил ему также о моем предложении о совместном заявлении правительств России и США по новым разработкам в области ХО, которые бы сняли вопросы, возникшие в связи с моими выступлениями. Здесь нас позвали к Ю.Батурину.

Мы познакомились. Он оказался сипатичным, средних лет человеком, в темных очках. Вид у него был усталый. Мы вдвоем с Юдиным рассказали ему о наших вариантах выхода из сложившейся ситуации по ратификации конвенции. Я видел, что наши подходы вызвали у Батурина интерес. Он заметил, что сейчас дело осложнилось из-за увольнения генерала А.Кунцевича с поста председателя комитета по конвенциональным проблемам. Я в ответ сказал, что могу порекомендовать на этот пост толкового и авторитетного ученого Ю.Гололобова, работающего заместителем директора Института элементоорганических соединений АН России. Лишь в конце разговора я сказал о предмете моей просьбы, подчеркнув, что осуществление намеченного проекта во многом зависит от моей поездки в Германию.

Здесь картина нашей беседы резко изменилась. Ах, как не любят начальники, когда их о чем-либо просят! Батурин засуетился и, словно рядовой домоуправ, стал приговаривать:

– Что же тут делать? У человека горит заграничная поездка, а у него ещё нет даже паспорта. Может быть, позвонить в ГСНИИОХТ и попросить там пересмотреть их решение?

– На это они не пойдут, – сказал я. – Единственная надежда только в том, если вы обратитесь непосредственно в ФСК или ОВИР, чтобы они выдали паспорт. Нет, Батурин даже слышать не хотел о подобном шаге с его стороны, поскольку, как я понял по его глубоко страдающему лицу, подобная решительность была бы для него слишком смелым поступком. Мне стало ясно, что он страшно боится какого-либо конкретного действия, которое может как-то отразиться на его карьере. Он-то знал о пружинах власти в Кремле больше, чем мы, простые граждане!

– Не могу же ломать закон через колено. Какой бы он ни был, надо его выполнять, – принялся оправдываться Батурин. Затем встал, стараясь казаться вежливым, пробормотал, что был рад познакомиться со мной.

– До свидания, – смог я лишь выдавить в ответ.

Не сдержав своего разочарования, я сказал в приемной женщинам-секретарям:

– Бедная Россия, что же делают с ней её правители, когда они не имеют власти, а тшятся это скрывать. Ведь правит-то всё тот же КГБ! Но здесь меня опять позвал Юдин и пообещал чем-нибудь помочь. Я понимал, что это лишь попытка успокоить меня: ни он, ни его шеф ровным счетом ничего не могли сделать. Ведь даже в СССР находились люди, когда они брали на себя ответственность и разрешали во многих случаях поездку за границу гораздо большим секретноносителям, чем я. И все же через несколько дней, еще надеясь на что-то, я позвонил помощнику Ю.Батурина. Однако Юдин ответил, что отказали мне в паспорте правильно и что скоро я получу и сам официальный отказ.

Эта история затем в подробностях была опубликована в статье Л.Никишина в "Общей газете" от 24 июня под заголовком "Произвол: дело Мирзаянова: второе чтение".

Статья вызвала недовольство редактора газеты А.Яковлева и Л.Никишин вынужден был уйти из газеты.

4 июня 1994 года мне позвонили из районного ОВИР, и пригласили прибыть туда. Когда я приехал, мне вручили официальное решение об отказе в иностранном паспорте. Оно было кратким:

"Сообщаю, что Ваше заявление рассмотрено.

В выдаче загранпаспорта Вам отказано на основании Закона СССР "О порядке выезда из СССР и въезда в СССР" от 20.05.1991 года (статья 7 п.1 - оведомленность в сведениях, составляющих государственную тайну)".

Подписался под отказом начальник районного ОВИР А.Маркин. Так я узнал, что мои конституционные права регулируются дополнительно законом СССР, хотя ещё только в феврале Президент России в своем выступлении подчеркнул, что Конституция является законом прямого действия. Статья 27 этой Конституции гарантировала мне свободный выезд из страны...

Мне захотелось узнать, кто именно стоит за этим решением по отказу. Я направился на прием к Маркину. Он мне показал бумагу, подписанную начальником ФСК по г.Москва и Московской области бывшим горным инженером Севастьяновым. Ещё совсем недавно этот человек числился среди демократов и был назначен на этот пост по рекомендации Гавриила Попова! Когда в 1993 году начался октябрьский путч в Москве, Севастьянов настолько перепугался, что панически стал призывать всех демократов немедленно ехать в аэропорты для бегства (без иностранных, между прочим, паспортов!). Теперь он, стало быть, пришел в себя и благополучно продолжал дело ЧК. Хотя, как знать, может быть, он там работал всю свою сознательную жизнь.

Мне оставалось лишь обжаловать это решение в городском ОВИР. Однако в отрицательном исходе такого шага я был уверен и поэтому сделал это лишь тогда, когда мне нужно было обратиться в суд по поводу незаконных действий ОВИР. А пока я решил позвонить заместителю начальника отдела министерства иностранных дел по правам человека Т.Рамишвили, с которым мы познакомились на прощальном вечере, устроенном по случаю отъезда Рашель Денбер из московского отделения Helsinki Human Rights Watch. Тогда Рамишвили обещал мне помочь. К сожалению, мои дальнейшие звонки ни к чему хорошему не привели: то ли он на самом деле ничем не мог мне помочь, то ли просто не захотел "возиться" с моим делом. Но, наконец, Рамишвили позвонил мне сам и попросил написать заявление на имя председателя межведомственной комиссии при Совете Министров, заместителю министра иностранных дел С.Лаврова с просьбой рассмотреть мою просьбу о выдаче иностранного паспорта. Я сразу же отвез соответствующие документы и заявление в комиссию, которая располагалась на Воздвиженке, 9. Там меня обрадовали известием, что разбор заявлений происходит один раз в месяц и, возможно, очередь до меня дойдет где-то осенью. Тут я окончательно понял, что мне теперь никак не попасть в Германию. Но решил пойти на принцип.

Таким образом, в то время я вынужден был сражаться на два фронта без особых надежд на какой-либо успех. Меня немного обнадежила моя встреча с Рейнер Браун из INES (Германия) - организации, которая пригласила меня на свой конгресс в Дортмунде. По его словам, мне обещали помочь весьма ответственные люди, включая министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля. В результате, мне несколько раз звонили из посольства Германии в Москве.

24 мая 1994 года позвонили из Перовского районного суда и просили приехать к его председателю. В назначенный час я приехал. В кабинете председателя сидели пожилой мужчина и судья Николай Воробьев. Он был примерно моего возраста, подтянутый, обладающий привлекательными чертами лица. Усы придавали ему вид решительного человека. Воробьев объяснил свое желание меня повидать простым человеческим любопытством. Сказал, что мой поступок вызвал у него интерес и он внимательно следил за развитием событий. Мы разговорились.

Воробьев долгое время работал в прокуратуре, однако из-за разногласий с начальством вынужден был уйти в суд. Это случилось на Севере, где, по его словам, людям больше свойственно чувство справедливости, чем в других краях. Поэтому, он "уважает уральца, который может и "врезать" стакан водки, но справедливости у него не отнимешь". Несмотря на его, уральца, (я уже понял, что речь идет о Ельцине) недостатки, Воробьев очень надеялся на него. Он кратко обрисовал обстановку в судах, которые раньше были практически на содержании у правительства и полностью зависели от прокуратуры. Сейчас положение начинает выправляться, но условия работы судей очень плохие.

Тут я понял, что рассказывая мне обо всем этом, судья старается прощупать меня как человека и личность. Я не стал уходить от этого разговора, всячески поддерживая его. Притом совершенно нельзя было понять, как судья относится к моему иску. Более того, он даже предупредил меня, что у него нет никакого мнения об этом документе. "Всё будет зависеть от слушания иска и ответной стороны", - заключил он на прощание. Затем неожиданно спросил, не записал ли я наш разговор на плёнку. Я засмеялся и, открыв свой портфель, показал всё его содержимое. Судья сказал, что сейчас он отправляется в очередной отпуск, однако, не желая затягивать рассмотрение иска, готов в начале июня специально придти на работу и провести слушание. "Пусть это будет 8 июня", - уточнил он и попросил не рассказывать о нашей встрече никому, включая моего адвоката. Я так и сделал, пишу об этом через много лет, надеясь, что Николай Кириллович великодушно простит меня за то, что я не удержался перед читателем рассказать ему более подробно о ходе этого поистине беспрецедентного суда и исторического решения по нему.

Но до слушания иска ещё предстояло дойти, что в нашей жизни бывает не так легко осуществить по самым тривиальным причинам. Поскольку на почту было мало надежды, что она оперативно сработает в деле рассылки повесток с вызовым ответчиков в суд, то выходило, что я сам и должен был этим заниматься. Психологически мне было чрезвычайно трудно ехать в ГСНИИОХТ, однако я переборол свои эмоции, поскольку понимал, что эту неприятную работу я не могу поручить кому-либо другому. Приехав на станцию метро "Авиамоторная" и поднявшись на улицу, я стал одного за другим встречать людей, с которыми работал многие годы. Я старался не смотреть в их сторону, но абсолютно все вежливо здоровались со мной, хотя предпочитало не подходить ко мне близко. Так продолжалось, пока я не дошел до здания института.

Почта ГСНИИОХТ находится на первом этаже и туда доступ свободен. Заходя в здание, вы попадаете в большой вестибюль, где стоят несколько часовых, выдающих пропуска работникам института. Здесь, как всегда, было много народу. Многие подходили ко мне и спрашивали о моем здоровье. А несколько человек даже поинтересовались, действительно ли я собираюсь вернуться в институт в качестве директора. В тон им я ответил, что на самом деле намерен занять пост, оставленный Кунцевичем. При этом я добавил, что подаю иск к директору Петрунину. Затем прошел на почту института и вручил сидевшей там секретарше повестку в суд. Она прочитала бумагу и, не скрывая своего удивления, позвонила секретарю директора. Та пришла немедленно и, получив повестку, расписалась на обратной стороне копии повестки.

Обратно на станцию метро я шел уже раскованно. На мосту перед станцией встретился с профессором И.Васильевым. Его вид поразил меня: бывший неоднократный чемпион страны по ручному мячу, долгие годы отличавшийся своей неумной энергией, он сегодня выглядел беспомощным стариком - инвалидом. Левую руку он держал в согнутом виде и говорил с трудом.

Я узнал, что он недавно перенёс инсульт. Поздоровавшись, И.Васильев начал жаловаться на публикацию Л.Фёдорова, обвинившего его в смерти Андрея Железнякова. Было искренне жаль моего коллегу, с которым меня связывали долгие годы совместной работы, временами непростых и полных разочарования отношений. Но при этом нельзя было отказать ему в его ярком таланте: он был способен на

неординарные решения самих сложных проблем. Это, естественно, вызывало зависть со стороны многих функционеров, включая его начальников. Не от хорошей жизни Игорь Алесандрович шёл на всякого рода сомнительные дела вроде написания диссертаций для заместителей директоров и иных начальников.

К тому же, он пренебрегал правилами техники безопасности, безрассудно отдаваясь работе и желая по-скорее получить результат. Такое пренебрежение и обернулось для самого Игоря таким катастрофическим образом. На прощание он с грустью сказал, что скоро В.Петрунин выставит его из института как ненужный хлам...

Самой трудной задачей для меня было доставить повестку в суд в Федеральную службу контрразведки. Но я вспомнил, что в конце Кузнецкого моста, недалеко от многочисленных книжных магазинов, висела вывеска о том, что здесь принимаются заявления граждан Комитетом государственной безопасности. После выхода из станции метро "Кузнецкий мост" я напрямик туда и направился. Старую вывеску еще не успели заменить на современную, там так и значилось – КГБ.

Зайдя в приемную, я обратился к дежурному. Он в ответ вызвал другого офицера. Тот, повертев в руках повестку, посоветовал мне пойти в подъезд (напротив музея В.Маяковского) зловещего здания КГБ, перед которым раньше стоял железобетонный Феликс Дзержинский, сваленный впоследствии толпой разгневанных защитников Белого Дома в августе 1991 года.

Здесь я очень долго простоял в очереди в окошко для приема корреспонденций. Как дошла моя очередь, оно внезапно закрылось. Появилось объявление о перерыве на целых два часа. Когда же в установленное время я пришёл к заветному окошку, выяснилось, что там принимают корреспонденции от организаций и учреждений, но не от частных граждан. Я пытался доказать, что суд, в конце концов, тоже является учреждением, но желаемого впечатления это не произвело.

Дежурный офицер уже был встревожен моей активностью. Наконец, внимательно изучив мою повестку, он посоветовал идти обратно в "приемную граждан". Мне ничего не оставлось, как последовать совету.

В "приемной граждан и заявлений" дежурный офицер терпеливо втолковывал мне, что я явился совсем не по адресу и должен идти обратно туда, откуда только что пришёл. Терпение мое лопнуло и я начал громко возмущаться, потребовал, чтобы офицер вызвал своего начальника. Как ни странно, это подействовало. Пришедший начальник в гражданской форме стал объяснять, что такого рода делами занимается другое управление и он совершенно не понимает, как вообще граждане могут жаловаться на КГБ. Тут меня осенило. Здесь, в небольшом вестибюле, около часового стоял большой почтовый ящик для "писем и заявлений граждан".

– Есть ли гарантия, что если я опущу повестку в этот ящик, то она дойдет до адресата? – спросил я.

Начальник усмехнулся и сказал с гордостью:

– Обязательно!

Я тут же бросил в ящик злосчастную повестку.

КГБ и ГСНИИОХТ не оставили во мне сил на поездку в Генеральную прокуратуру и я решил поехать туда на следующий день.

В знакомой уже проходной, охраняемой военными, мне объяснили, что я должен проследовать в приемную Генеральной прокуратуры со стороны Тверской улицы. Немного поплутав, я все же нашел нужный мне подъезд и обратился к симпатичной девушке в окошке для приема корреспонденций. Девушка посоветовала обратиться к дежурному сотруднику по телефону. Я позвонил и объяснил, что послан районным судом для вручения повестки.

– Нарочный, что ли? – спросил женский голос. У меня невольно сорвалось:

– Да, конечно, в таком роде.

Было стыдно оттого, что буду немедленно разоблачен, поскольку в то время многие узнавали даже на улице. Принимавшая меня юрист, пожилая женщина с седыми волосами, взяла повестку и немедленно расписалась.

– Так, значит, вы и есть Вил Мирзаянов? – узнала она меня. Я кивнул, сказав, что приходится выполнять не совсем привычную работу. Объяснил, что в суде требуют гарантию вручения повестки и поскольку им часто приходится откладывать слушания

по исковым заявлениям из-за отсутствия ответчиков, то забота об их присутствии полностью ложится на истцов. На прощание женщина спросила о моем адвокате.

– Я знала его отца, – сказала она многозначительно.

Предстоящий суд по моему иску широко освещался в печати. С.Мостовщиков в "Известиях" от 3 июня 1994 года в статье "С 8 июня Вил Мирзаянов будет доказывать властям, что они оскорбили его на сумму в 40 миллионов рублей" хорошо передал мотивы моих действий. Журналист подчеркнул, что оскорбление личности властями в России происходило и происходит ежедневно. Но мы к этому так привыкли, что сама мысль отомщения является чем-то исключительным.

Мой иск преследовал цель наказать власти за безответственные действия перед личностью, чтобы впредь КГБ, прокуратура и чиновники от науки не могли бездумно творить произвол и хотя бы немного подумали о вероятных последствиях своих действий.

Я благодарен автору за то, что статья помогла привлечь внимание общественности к моему иску и в день суда собралось много корреспондентов перед зданием Перовского районного суда.

8 июня утром я в сопровождении Нурии, младшего сына Султана (его не с кем было оставить), а также писателя из Башкортостана Вила Казыханова с его женой Фаузией добрались до здания суда, находившегося недалеко от железнодорожной станции "Перово".

Тут же подкатил черный лимузин с охраной. Из него вышел знакомый мне начальник управления Генеральной прокуратуры Л.Баранов. На его лице я не видел какого-либо упрека. Я облегченно вздохнул, когда мой адвокат поздоровался с мужчиной средних лет, который оказался его знакомым юристом и представлял на суде ФСК. Звали его Ю.Костанов. Значит, повестка, опущенная мной в почтовый ящик в приемной КГБ, дошла до адресата. С представителем ГСНИИОХТ М.Ефимовым я успел познакомиться во время предварительного собеседования сторон. Он произвел на меня впечатление отставного военного, который подвизался на юридических услугах.

Когда начался суд, в одном из заседателей я узнал человека, который молчаливо сидел в комнате судьи Н.Воробьева в первый день моей встречи с ним.

Не буду описывать ход слушания. Там было много чисто юридических споров и попыток со стороны опытных юристов, представляющих ответчиков, прекратить слушание, не приступая к делу. Однако, судья Н.Воробьев решительно пресек эти поползновения.

Вначале слово было предоставлено мне, как истцу. Я, по-видимому, выбрал правильную тактику, не читая составленное адвокатом заявление, а произнося эмоциональную речь против КГБ и прокуратуры, которые вместо защиты гражданина во имя мнимых интересов государства, по существу, продолжали практику подавления его интересов, принося в жертву личные свободы и безопасность.

Перечислив все пережитое мной и моими детьми за время моего преследования, я патетически спрашивал, когда же будет положен конец этой безответственной политике. Тут же я отвечал себе, что этого не произойдет до тех пор, пока эти органы не будут нести персональную и коллективную ответственность за свои действия. А она может быть эффективной лишь в результате судебного решения на основе закона, позволяющего возмещать убыток за перенесенные страдания не иначе как рублём.

– Эти господа воспринимают действительность только тогда, когда она грозит их карманам, – заключил я.

В моей речи были более эмоциональные моменты, когда описывал сцену моего ареста на глазах малолетнего сына и картины бесчеловечного обращения с заключенными в тюрьме "Матросская тишина".

Я видел, что у нескольких людей моя речь вызвала слёзы на глазах и даже послышались резкие слова в адрес КГБ.

Судья был вынужден призвать к сохранению порядка в зале.

Речь моего адвоката была посвящена к юридическому обоснованию иска. Мне кажется, что она произвела хорошее впечатление не только на публику, но и на заседателей.

Затем выступил представитель ФСК Ю.Костанов. Он полностью открещивался от МБ, говоря, что теперь ФСК не имеет даже следственного управления и все следователи переданы в Генеральную прокуратуру. Мы тогда не знали, что эти следователи стали "дознавателями" и чекистское следственное управление стало называться управлением дознания. Но трюк сработал.

Представитель Генеральной прокуратуры, по-видимому, был просто не готов к слушанию. Его выступление произвело удручающее впечатление.

Представитель ГСНИИОХТ М.Ефимов оставил еще более тягостное впечатление, усиленное своей откровенной некомпетентностью. Мне казалось, что он даже не понимал элементарных вещей из тех законов, которые даже я, не юрист, к тому времени успел прочитать. Наверное, ответчики были слишком самонадеянны, им в голову не приходило, что суд может пойти против так называемых интересов государства. По-видимому, из-за этого лица моих ответчиков выражали спокойную Уверенность и тогда, когда мы вышли на перерыв. А.Аснис высказался о возможности половинчатого решения, которое бы устроило всех.

Однако, когда мы расселись перед появлением судьи и заседателей, все присутствующие в зале замерли в ожидании чего-то необычного. Так и произошло - когда судья кратко сообщил о решении суд частично удовлетворить иск, в зале раздались бурные аплодисменты. Все бросились поздравлять меня и адвоката Асниса. Я и сам не верил в реальность происходящего!

Дело было, конечно, не в деньгах. Каждый присутствующий в зале понимал, что произошло нечто экстраординарное. Все были единодушны в том, что они переживают поистине исторический момент. Такое чувство единения я испытывал лишь на митингах 1989 года, организованных в Москве движением "Демократическая Россия", когда сотни тысяч людей в едином порыве скандировали "Ельцин! Ельцин! Ельцин!" и беззаветно верили, что они способны сломать ненавистный строй большевистской тирании.

Решение суда звучало как гимн человеку. Вот его постановляющая часть.

Р Е Ш Е Н И Е

Именем РФ 08 июня 1994 г. Перовский межмуниципальный (районный) суд г.Москвы в составе: председательствующего н/с Воробьева Н.К., народных заседателей Коровина В.И. и Калининой Л.И., адвоката Асниса А.Я., при секретаре Дударевой Н.В., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-2646 / 4-94 по иску МИРЗАЯНОВА Вила Султановича к Федеральной службе контрразведки Российской Федерации, Генеральной Прокуратуре Российской Федерации и Государственному российскому НИИ органической химии и технологии (ГРНИИОХТ) о возмещении морального вреда, суд

Р Е Ш И Л :

Исковые требования Мирзаянова Вила Султановича удовлетворить частично.

Взыскать в пользу Мирзаянова Вила Султановича с Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в счет возмещения морального вреда в денежной форме в сумме 20.000.000 рублей (двадцать миллионов рублей), с Государственного Российского НИИ органической химии и технологии в сумме 10.000.000 (десять миллионов рублей). В иске Мирзаянова В.С. к Федеральной службе контрразведки Российской Федерации о возмещении морального вреда - ОТКАЗАТЬ.

Решение может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 дней.

Народный судья	(Воробьев Н.К.)
Народные заседатели	(подписи).

Официальное решение получил через несколько дней. А в день его вынесения никто толком и не думал о юридических тонкостях, которые легли в основу этого документа. Я и мои сторонники были сильно воодушевлены и нам казалось, что начинается чуть ли новая эра в демократизации судов. Даже представитель ФСК Ю.Костанов, поздравляя моего адвоката, говорил, что это решение безусловно заставит следователей задуматься о своей ответственности.

Не могу сказать, что деньги мне не были нужны и я боролся только за принципиальное решение суда. Конечно же, я отчаянно нуждался в них, но знал также, что в России не всегда можно получить даже зарплату. Даже в минуты торжества по поводу решения суда я не мог представить, что когда-либо получу присужденные деньги. Тем более, мой адвокат тут же сообщил, что представители Генеральной прокуратуры и ГРНИИОХТ собираются обжаловать решение суда. Пусть, подумал я, отменят решение, однако они никогда уже более не смогут заделать брешь, которую мы пробили в тоталитарной системе: ведь это было уже второе положительное решение суда за два последних года в пользу человека, которого хотели представить как государственного преступника. По существу, за мной не стояло какое-либо организованное движение или организация и я не был высокопоставленным партийным или государственным функционером. Тогда мне казалось, что даже в недрах судебной системы зреют ростки будущего и в необходимых случаях там находятся достаточно смелые и честные люди, которые могут начать неизбежные перемены.

Жаль, что их очень мало и, по-видимому, они ещё не в состоянии инициировать демократические реформы. В этом мне очень скоро пришлось убедиться.

Печать живо освещала сенсационную новость из Перовского райнарсуда. Вот заголовки некоторых статей.

Владимир Назаров: "Подробности: процесс о сорока миллионах". "Куранты", 9 июня 1994 года.

Алексей Соковнин: "Вил Мирзаянов выиграл иск у Генпрокуратуры: Ученый отсудил 30 миллионов рублей. "Коммерсант - Daily", 9 июня 1994 года. The Baltimor Sun 9 июня 1994 года опубликовала статью У.Энглунда "Russian whistle - blower wins harassment suit", которая сопровождалась моим фото. Корреспондент, сообщив сенсационную новость, ещё раз рассказал о моем деле и моем оправдании, коснувшись и проблемы, связанной с отказом мне в выдаче загранпаспорта. В газете Washington Post от 9 июня 1994 года Fred Hiatt в статье "Russian Court Rules Against Government" написал, ссылаясь на моего адвоката А.Асниса, что впервые в истории современной России суд компенсировал ущерб, понесенный гражданином из-за неправомерных действий государства. Журналист, впрочем, предупреждал, что решение одного судьи является небольшим признаком прогресса и не означает крушения тоталитарных традиций. В конце своей статьи он тоже сообщил о запрете на мою поездку за рубеж, в частности, в США и Германию.

В это время на фронте борьбы за получение иностранного паспорта установилась полная ясность. В паспорте мне было отказано официально. Межведомственная комиссия должна была рассмотреть мою жалобу лишь осенью. Однако, вдохновленный решением Перовского нарсуда в мою пользу, я решил испробовать свои силы и на этом поприще. Толчком этому послужил звонок известного диссидента, бывшего капитана саратовской милиции И.Лькова. Он встал против практики использования уголовников в качестве осведомителей, подсылаемых к заключенным с целью получения информации для следователей. Такая "методика" позволяла манипулировать осведомителями, которые в своих корыстных интересах, часто совпадающих с целями следователей, обеспечивали милицию "нужной информацией", оговаривая людей и делая их жертвами предвзятого следствия. Честность капитана была воспринята как дерзость - как так, кто разрешил посягнуть на цеховые интересы чиновников министерства внутренних дел! Скоро Лькова обвинили в разглашении государственной тайны и против него было начато следствие. Однако, несмотря на неоднократные избиения и

провокации, Лыков оказался человеком не робкого десятка. Он боролся против преследования в различных судах, дойдя до Верховного Суда России, который и признал увольнение и судебное преследование капитана незаконным и обязал восстановить его на работе с выплатой компенсации за вынужденный прогул. Более того, Лыков на законных основаниях добился выдачи ему своего "дела" с грифом "секретно". Его история разворачивалась практически одновременно с моей, однако осталась в тени и печать практически не освещала её. И напрасно, поскольку в России, и тем более МВД не так уж много таких мужественных людей. Лыков защищал себя сам, поскольку был юристом и теперь кратко пытался меня проконсультировать по телефону по моему предстоящему обращению в суд с жалобой на ОВИР. При этом он дал мне ссылки на новые юридические определения Верховного Суда России, изложенных в Постановлениях №10 и 11 от 21 декабря 1993 года Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Почитав эти документы, я понял, что после моего обращения в суд, тот немедленно решит вопрос в мою пользу: настолько ясно и однозначно трактовались там мои права. Например, там говорилось: "В суд, в частности, могут быть обжалованы... отказ в выдаче визы на выезд за границу..." Или "Жалоба на отказ в разрешении на выезд из Российской Федерации по тому основанию, что заявитель осведомлен о сведениях, составляющих государственную тайну, подается соответственно в Верховный Суд республики в составе Российской Федерации, краевой, областной, городской суд ..." (Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 1994 год). Однако, для обращения в суд мне необходимо было ещё раз обратиться с жалобой в вышестоящий орган – в московский городской ОВИР. Мне хотелось и по поводу выдачи паспорта добиться такого удебного решения, которое бы открыло двери для всех людей, работавших с секретами. Получив ответа из московского ОВИР, я немедленно написал жалобу в Московский городской суд и отвез её туда сам, не доверившись почте.

Я с самого начала не особенно верил в возможность заграничной поездки, но было обидно, что я, как и многие люди в этой стране, по-прежнему бесправен и никакие референдумы и новая Конституция не меняют ничего в нашем положении. Именно поэтому на международной конференции о роли средств массовой информации в деле демократизации, созданной по инициативе Совета Европы и многих западноевропейских общественно-политических организаций, на секции по правам человека я резко выступил против приема в Совет России. По моему мнению, гражданин в России почти на каждом шагу сталкивается с прямыми нарушениями своих прав, гарантированных в Конституции. Поэтому необходимо создать общественный трибунал по защите Конституции в России от самих же властей.

Меня поддержал известный публицист и общественный деятель А.Симонов. Однако, большинство собравшихся людей смотрели на наши выступления как на экстремистские и не захотели принимать никаких поправок в проект резолюции, одобряющей принятие России в Совет Европы. Большинство решило, что лучше "обхаживать" Россию, чем протестовать против нарушений прав человека в ней. Ну что ж, Бог им судья. ...Настоящим бальзамом на душу было для меня сообщение со ссылкой на ДПА, переданное в программе "Вести" вечером 23 июня. Объединение свободных профсоюзов Германии направило заявление на имя министра иностранных дел Клауса Кинкеля, чтобы тот предпринял меры в отношении властей в России, ущемляющих мои гражданские права и свободы.

В этот же день в газете The New York Times была опубликована статья Майкла Гордона "США говорят, что Россия скрывает усилия по разработке смертельно-ядовитого отравляющего вещества". По словам Гордона, накануне дебатов в сенате США по вопросу о ратификации конвенции по запрету химического оружия, официальные лица в Вашингтоне были озабочены отказом России от готовившегося задолго до этого обмена данными в области разработки химического оружия. По его мнению, американская разведка давно пришла к выводу, что русские работали над созданием бинарного оружия. Косаясь моего дела, автор писал, что Вашингтон протестовал против ареста Мризянова и поэтому российские власти прекратили дело против него. Некоторые официальные лица администрации, продолжал М.Гордон,

выразили скептицизм насчет тревожных заявлений Мирзаянова, однако американские официальные лица уверены в том, что его заявления о попытке России разработать бинарное оружие заслуживают доверия.

Журналист писал и о проблеме обмена данными в области разработки химического оружия, который предусматривался согласно договора о взаимопонимании в 1989 году. Очевидно, автор имел в виду Вайомингское соглашение.

Пробел в области данных по бинарному оружию, по словам представителя администрации, могли использовать критики конвенции как предлог, что ее выполнение невозможно проконтролировать.

Публикация статьи М.Гордона совпала с визитом премьер-министра России В.Черномырдина в США. Последний высокомерно отмахнулся от вопросов, изложенных в статье. Но в результате вышел конфуз, который описал собственный корреспондент "Известий" в США Владимир Надеин. Позволю привести часть его сообщения по этому поводу.

"Неловкость возникла только один раз. В четверг с утра весь политический Вашингтон обсуждал статью в "Нью-Йорк таймс" о том, что российское правительство якобы не представляет полные данные о работе над химическим оружием, то есть продолжается совершенствование бинарных газов, и что разоблачения Мирзаянова, ученого-химика, которого с такой потрясающей неуклюжестью российские власти пытались засадить в тюрьму, подтверждаются и другими источниками по линии ЦРУ и военных ведомств.

...Хотя сомнения среди конгрессменов велики, большинство, кажется, склонится к ратификации, если Россия будет откровеннее и честнее в предоставлении информации.

То ли Черномырдину не доложили помощники, то ли он не обратил внимания (мало ли чего пишут в газетах? – по милой московской привычке подумал он), но только в ответ его на пресс-конференции прозвучал отрывисто, но неубедительно: мол, все это чепуха, идущая от полного незнания. Может, оно, конечно, и так. А может, и нет. В Америке как-то так привыкли, что если "Нью – Йорк таймс", ЦРУ и министерство обороны что-то утверждают, то опровергать это лучше менее эмоционально, но более доказательно. Вице-президент Гор поспешил на помощь коллеге- сопредседателю, предположив, что в Москве, в отличие от Вашингтона, у больших руководителей нет времени с утра читать газеты."

Здесь я впервые засомневался в том, что по вопросу ратификации следует придерживаться моей отрицательной позиции. Получалось, что я играю роль ингибитора (тормозящего агента) в химическом разоружении. Но ведь в то же время самые реакционные генералы ВХК поддерживали конвенцию, считая ей выгодной для себя, подтверждая тем самым лишний раз подтверждал свое двурушничество. Если бы я точно не знал, что они с самого начала никакой конвенции соблюдать не намеревались, то мне было бы легче "перестроиться", взвесив все "за" и "против". Однако, скоро мне предстояло переломить самого себя. Но об этом чуть ниже.

Решение межведомственной комиссии

А пока я был почти полностью поглощен судебными делами.

8 июля в Московском городском суде под председательством судьи Г.Гуляевой состоялось слушание апелляции. На этот раз интересы Генеральной прокуратуры представлял свои молодой и агрессивный Владимир Зимин, явно относящийся к категории юристов, для которых все средства хороши, если они ведут к результату. Думаю, что такие "законники" и вернут страну назад, к советским временам. Несмотря на свою молодость, он представлял собой настоящий реликт коммунистической эпохи.

Для Зимина и подобных ему людей сам факт посещения иностранного посольства или написания туда письма человеком, работавшим когда-то с секретами, являлся чудовищным преступлением. В то же время молодой юрист соглашался: да, действительно, Мирзаянов понес незаслуженные физические и моральные страдания и

он должен получить за это компенсацию. Но, со слов Зимина, выплатить деньги должно было государство. А в бюджете Генпрокуратуры, мол, даже не предусмотрены расходы на такого рода компенсации. И если суд обяжет прокуратуру выплатить деньги, то тогда, согласно демагогической логике Зимина, ей придется делать это за счет сокращения своего персонала: прокуроров, следователей, которые день и ночь трудятся на фронте борьбы с преступностью. Зимин даже "подкрепил" свои слова письмом начальника финансового управления Генеральной прокуратуры Н.Хапсирокова, где тот сообщал, что его ведомство «не считает возможной оплату по обязательствам, возникающим из причинения вреда, и не производит выплат по долгам, ранее возникшим по этим основаниям у бывшего МБ РФ и бывшего КГБ СССР», поскольку Генеральная прокуратура не является правопреемником этих организаций. Зимин тем самым как бы утверждал: Мирзаянов своим иском играет на руку преступникам и вставляет палки в колеса правоохранительных органов.

Затем молодой представитель Генпрокуратуры выложил второй свой козырь. Имеется, мол, положение о порядке возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда от 18 апреля 1981 года (!) и инструкция по применению этого положения от 2 января 1982 года, согласно которым государство и возмещает причиненный вред. Однако, в соответствии со ст.131 Основ гражданского законодательства РФ возмещение вреда предусматривает наличие вины должностных лиц – ответчиков. "Имеется ли у кого-либо выговор или предупреждение в Генеральной Прокуратуре?" – спрашивал Зимин. И тут же торжественно отвечал сам себе: "Нет, не имеется!" Согласно его словам, мне было необходимо сначала добиться, чтобы Генеральный прокурор наказал своих заместителей.

И.о. Генерального прокурора А.Н.Ильющенко при всем своем желании не мог делать этого теперь. Так получилось, что он, приступив к своим обязанностям, сразу уволил обоих заместителей Генерального прокурора, которые санкционировали мое дело и затем подписали обвинительное заключение.

Судья Гуляева вынесла определение об отмене решения Перовского райнарсуда о выплате мне компенсации и направления иска на повторное слушание туда же, но с другим составом суда. Основание решения практически дословно повторяло доводы Зимина. Когда я позднее получил письменное определение суда, то окончательно убедился в том, что его настоящим автором является молодой напористый представитель Генпрокуратуры.

При выходе из зала суда представитель ФСК Ю.Костандов сказал мне сочувственным тоном, что пройдут ещё десятилетия и сменится несколько поколений судей, прежде чем суды в России станут самостоятельными и смогут выносить положительные решения по искам такого рода. «Поверьте мне, проработавшему адвокатом более 20 лет и хорошо знающему судей», – добавил он.

Я не очень расстроился, поскольку внутренне был готов к такому повороту событий. Мой адвокат А.Аснис выразился более определенно, сказав, что после решения Перовского нарсуда сотни людей по всей России направили иски в суды с требованием возмещения морального ущерба и, конечно же, высокие судебные инстанции решили пресечь эти попытки на корню. Собственно, именно по этой причине и было вынесено сегодняшнее решение московского городского суда. По этому поводу газета "Московский комсомолец" 10 июля 1994 года ехидно заметила: "... Если выплатить деньги ученому – придется выплачивать всем остальным. Прокуратура может разориться. А им еще с преступностью бороться ". Мне кажется, что я сделал большую ошибку, решив отправиться в Перовский народный суд 17 августа 1994 года на повторное слушание моего Иска. К тому времени было уже яснее ясного, что судебные власти не допустят более "крамольного" решения о выплате мне компенсации. Мне по-человечески было жаль тратить время моего адвоката на пустое дело. К тому же, как уже говорилось выше, я не был в состоянии оплачивать его работу. Поэтому в суд решил отправиться в одиночестве.

Там полностью повторилось то, что произошло в московском городском

суде. Судья Надежда Валуева решила устроить к тому же закрытое слушание. Я не стал протестовать, поскольку в суд из публики никто так и не пришел. Затем Валуева вынесла решение, которое было копией определения московского городского суда...

Борясь с самим собой, я все же заставил себя написать заявление о пересмотре этого решения в Мосгорсуд. Я хотел довести это дело до рассмотрения в Верховном суде. Но судебные власти, разумеется, прекрасно поняли мою цель и преднамеренно затягивали оформление официальных решений судов. Наконец, мои ответчики придумали новый маневр. В сентябре ГРНИИОХТ, который к тому времени снова сменил вывеску, вернув привычную старую аббревиатуру ГСНИИОХТ, уже сам подал на меня судебный иск! Институт хотел, чтобы я возместил моральный ущерб, который он якобы понес в результате моих действий. Это был «ход конем». Таким образом «почтовый ящик» не давал мне возможности обратиться в Верховный Суд, поскольку там не взялись бы за мое заявление, пока не будет рассмотрен встречный иск. К тому времени мне, откровенно говоря, уже порядком надоели все эти судебные разбирательства. Кроме бесцельной траты сил, они ничего с собой не несли. Но в двадцатых числах августа мне позвонили из межведомственной комиссии и предупредили, что мое заявление по поводу паспорта будет рассматриваться на заседании, которое состоится 30 августа 1994 года. В день заседания я приехал вместе с младшим сыном Султаном на Воздвиженку, 9, где находится один из департаментов министерства иностранных дел.

Комиссия должна была рассмотреть в этот раз заявления около 10 человек. Среди ожидавших я обнаружил начальника отдела режима ГСНИИОХТ Германа Мосягина, который, как я понял, представлял администрацию. Это был щупленький и невзрачный человечек средних лет с вечно блуждающими глазами на маслянистом лице, на котором было написано извечное «чего изволите-с?». Мосягин был выпускником Военной Академии химической защиты, изгнанным из нескольких лабораторий института за профнепригодность.

Он сыграл в моем деле заметную роль, поскольку был среди тех, кто подписал решение технической комиссии ГСНИИОХТ, положившее начало преследованию меня чекистами. Затем Мосягин был понятным во время намеченного, но не состоявшего обыска на квартире Льва Федорова.

В коридорах департамента МИДа я увидел и представителя комитета отказников. У него был список приглашенных на заседание комиссии. Найдя там мою фамилию, представитель посоветовал мне быть на комиссии хладнокровным и потерпеть ради получения паспорта.

Во второй половине дня очередь, наконец, дошла и до меня. Я вошел в зал, где за большим четырехугольным столом сидело семь человек. С краю примостился Мосягин. Председательствовал директор департамента по гуманитарному сотрудничеству бывший диссидент Вячеслав Бахмин. Председатель комиссии С.Лавров к тому времени был назначен постоянным представителем России в ООН и уехал в США. По правую руку от В.Бахмина сидел также известный диссидент Сергей Ковалев, который являлся помощником президента России по правам человека. Из остальных я узнал только А.Себенцова, который в свое время был избран в Съезд народных представителей СССР от Перовского округа и там поддерживал демократически настроенных депутатов. Теперь он работал первым заместителем руководителя аппарата Совета Министров. Были здесь представители ФСК, Генштаба, иммиграционной службы и правового отдела при президенте России.

Мосягин в своей жалобной речи говорил, что Мирзаянов очень сильно информирован и его поездка за границу представляет большой риск для национальной безопасности Российской Федерации и т.д. Но его спич прервал Ковалев:

– Помилуйте, о чем вы говорите, когда подписана конвенция по запрету химического оружия и всякая деятельность с его разработкой должна быть прекращена? Так это или не так?

Г.Мосягин скис и стал невнятно бормотать, что, мол, так-то оно так, а всё таки...

Но здесь ему на помощь поспешил бывший депутат-демократ Себенцов и задал вопрос:

– Каков срок давности секретности в Вашем институте после увольнения оттуда?
За меня ответил Мосягин:

– Пять лет, а Вил Султанович был уволен три года тому назад.

Но тут уже я не сдержался и отметил, что продолжение старой практики запрета на выезд за границу в сложившейся ситуации ставит Россию перед всем миром в двусмысленное положение. Невольно возникает вопрос: а готова ли страна вообще соблюдать конвенцию?

...Через час и сорок минут меня вновь вызвали в зал заседания и Бахмин сообщил, что комиссия, рассмотрев мое заявление, решила выдать мне иностранный паспорт. Он добавил, что после получения официального решения, которое будет мне переслано по почте, через месяц можно обратиться в ОВИР о выдаче паспорта. Внешне не подавая вида, я был буквально оглушен услышанным. Казалось, что произошла ошибка и ее могут тут же запросто исправить. Но, вспомнив, что там сидели уважаемые и известные люди, я быстро успокоился. На душе было радостно не только за себя, но и за моих коллег, которые могут также как я решить проблему выдачи паспорта с помощью этой комиссии.

Так и случилось. Кто бы из бывших работников ГСНИИОХТ не обратился в межведомственную комиссию после меня, все получали желанный документ. Скоро я получил официальное решение межведомственной комиссии, подписанное ответственным секретарем послом по особым поручениям Лапиным. Дальше все было уже без всяких проволочек и я вскоре стал обладателем загранпаспорта.

В начале февраля 1995 года мне предстояла поездка в США по приглашению Американской ассоциации за прогресс в науке (AAAS). Это был своего рода тест, позволявший окончательно выяснить, насколько я свободен и выпустят ли меня власти из страны.

Я втягиваюсь в политику

К середине лета ни моральных, ни физических сил у меня уже не оставалось. Мне необходимо было немедленно сменить образ жизни и найти работу.

В это время мне позвонила известная поэтесса Марина Кудимова и просила от имени Марины Салье приехать в Гуманитарный университет на круглый стол, устраиваемый рядом демократических организаций. Я охотно согласился.

Гуманитарный университет располагается в огромном массиве зданий бывшей Высшей партийной школы ЦК КПСС, в которой ковалась советская номенклатура. Помню, после падения режима Горбачева между лидерами «демократов» развернулись ожесточенные баталии вокруг таких «крепостей» – лакомых кусочков стоимостью в сотни миллионов долларов.

Поговаривают, что за право обладания некоторыми из таких объектов иные известные лидеры даже согласились добровольно уйти с политической сцены. Мне трудно судить, насколько обоснованы такие заявления. Однако, когда один из ярких лидеров межрегиональной группы депутатов бывшего Съезда народных представителей СССР Ю.Афанасьев внезапно прекратил всякую политическую деятельность и стал хозяином бывшего коммунистического дворца, я уже не исключал возможность такого прагматизма.

«Круглый стол», однако, ничем мне не запомнился. Это был всё тот же разговор на тему «хорошо бы нам всем объединиться и чтобы я стал руководителем этого объединения». Но зато на этом мероприятии я познакомился с профессором Олегом Новиковым, возглавлявшим тогда антимонопольный комитет Москвы. Он кратко рассказал о своих планах и попросил приехать к нему в ближайшее время.

28 июля мы встретились с ним в антимонопольном комитете, который располагается недалеко от Кремля по ул.Татьяны Макаровой. Мы обсуждали возможность моего участия в объединении демократических сил, которые к тому времени были сильно расколоты. Сторонники движения «Демократическая Россия» потерпели поражение на выборах в Госдуму. В этой ситуации, по нашему мнению, необходимо было создать общую платформу, имеющую конкретные и достижимые в ближайшем будущем цели по политическим, экономическим и национальным вопросам. Готовность участвовать в

разработке такой программы и участвовать в будущем политическом объединении изъявили ряд небольших ассоциаций и движений. Их палитра была весьма широкой: от Донского казачества до Союза композиторов России.

Олег Новиков, бывший проректор Московского Государственного университета и ученый-экономист, имеющий дар лектора, способного доступно объяснять сложные экономические проблемы, умел заечь многих своими идеями. Но его способности практически не были востребованы в то время. Не могу точно сказать, в чем заключалась проблема. Возможно, что в России время талантливых людей ещё не пришло. К сожалению, стране по прежнему требуются личности, которые обещают решить все проблемы одним махом. Мало кого интересует научно обоснованная программа действий выхода из кризиса, зато артистически поданное обещание завтра же улучшить жизнь или обеспечить ежедневной бесплатной бутылкой водки, на людей действует неотразимо. Кто знает, быть может, это идет от русского "авось" и сказки об Иванушке-дурачке. Для меня лично не вызывает сомнений лишь одно: у большинства людей в России отсутствует прагматизм. Этот естественный человеческий инстинкт подавили и вытравили у народа многовековое крепостничество и коммунистическое общежитие. И поэтому мы с самого начала были обречены на неуспех. Месяцами создавая научно обоснованную программу с массой оригинальных решений, мы не осознавали, что люди её никогда не будут читать или слушать. Разумеется, тот, кто не понимает этих особенностей психологии собственного народа, обречен на провал. Он был неминуем и для нашего объединения, зарегистрированного в министерстве юстиции как Федеральное Демократическое Движение. Впрочем, я несколько забежал вперед.

В первый же день моей встречи с Новиковым я был вдохновлен его интересными идеями и тут же решил активно работать над их реализацией. Кроме того, Новиков предложил мне работать в созданном им Фонде защиты интересов потребителей в качестве заместителя генерального директора по научным вопросам. Скоро он меня познакомил с генеральным директором Н.Акинниным, который своей манерой держаться сильно напоминал офицера КГБ. Оказалось, что он до недавнего времени работал в торговых представительствах СССР в Португалии и ряде латиноамериканских стран. Эти представительства, как правило, служили всего лишь крышей для советской разведки.

В связи с либерализацией импорта продовольственных товаров, на прилавки Москвы и других городов в буквальном смысле хлынул поток всевозможных продуктов. Недавно пустовавшие магазины были полны продовольствия и это, безусловно, облегчило жизнь людей. Хотя, значительная часть этих товаров была не по карману большинству населения.

В условиях этого изобилия возрастала роль государственных организаций, контролирующих качество товаров. Однако, судя по поступающим жалобам в разные государственные органы, случаи отравления людей недоброкачественной продукцией были отнюдь не редким явлением. Государственные инспекции то и дело обнаруживали на прилавках просроченные и потерявшие товарное качество продукты. По этой причине возникла необходимость не только государственного, но и общественного контроля за потоком заморских товаров.

За рубежом достаточно давно и весьма эффективно работают общественные организации по защите интересов потребителей.

В то время в Москве также действовало несколько организаций с аналогичной задачей, однако, они технически были очень слабы. Поэтому Новиков решил создать новый фонд, который бы имел в своем составе квалифицированных экспертов товароведов и центр технической экспертизы, обладающий правом выдачи сертификата качества продовольственной продукции. Мой опыт работы по определению микроконцентраций веществ в различных средах, приобретенный за годы работы в ГСНИИОХТ, позволял надеяться, что я смогу справиться с организацией и проведением технических анализов продуктов на их соответствие требованиям госстандартов.

Среди учредителей Фонда были весьма мощные структуры, такие как крупнейший

автокомбинат, который контролировал более 60 процентов бензоколонок Москве, Московский городской банк и центр по сертификации продовольственных товаров Госстандарта «Ростест» и др. Казалось, что создание нашего центра по сертификации, оборудованного современным аналитическими приборами, несмотря на их высокую стоимость – вполне реальное дело. Я наивно полагал, что наши мощные учредители смогут нас обеспечить необходимыми финансами и поэтому легко согласился на предложение Новикова занять должность заместителя генерального директора фонда, который располагался в нескольких комнатах антимонопольного комитета.

В начале по предложению директора Н.Аккинина я присутствовал при его переговорах с учеными-экологами, которые буквально валом валили из различных институтов. Вынашивались очень интересные проекты по использованию безотходных технологий, по защите природных ресурсов Московской области, для реализации которых требовались «всего лишь» деньги. Но уверенное поведение моего начальника во время этих переговоров не оставляло никаких сомнений в том, что необходимые денежные средства найдутся, и те проекты, которые он выберет, обязательно будут претворены в жизнь. Меня, правда, при этом несколько смущало то, что у фонда не было средств даже на зарплату его сотрудников. Но, поскольку я не мог считать себя компетентным в финансовых вопросах, то мне оставалось лишь полагаться на опыт президента нашего фонда Новикова и директора Аккинина. Однако скоро меня постигло полнейшее разочарование. Мои шефы объяснили, что они будут добывать средства через добровольную экспертизу ввозимых в страну товаров, которую Фонд будет осуществлять, выдавая желающим бизнесменам добровольный сертификат качества, который-де, будет огромной рекламой его товаров. В тоже время, разумеется, бизнесмен должен был иметь обязательный сертификат качества товара на соответствие его требованиям ГОСТ. В общем, схема была слишком уж замысловатой. Но в то время в России практически не было никакой конкуренции и люди брали товар лишь потому, что другого просто не было. И как при этом можно было заставить бизнесмена обращаться к нам ещё и за каким-то дополнительным, добровольным, сертификатом? Но я не верил, что лишь такие наивные надежды лежат в основе нашего проекта.

И я стал думать над тем, чтобы наш будущий центр получил лицензию на обязательную сертификацию товаров. Тогда бы мы могли надеяться, что на заработанные средства сможем проводить и анализы сомнительных товаров, образцы которых приносили бы наши покупатели. Но даже сам намек на мою инициативу был встречен Аккининым в штыки. Тогда я и вовсе перестал понимать, каковы же истинные планы руководства фонда.

Тут я все же решил изучить опыт работы других центров обязательной сертификации продовольственных товаров.

Когда я приехал в центр по сертификации «Ростест», созданного при Российском комитете по стандартизации и метрологии, то меня удивили толпы представителей фирм, занятых поставкой продовольственных товаров. Они сами привозили образцы своих товаров для проведения химических и биохимических анализов. Но это было вопиющим нарушением всех норм отбора представительных проб для анализа, поскольку его должны проводить специалисты по особым правилам. Кроме того, такая практика была прямым нарушением юридических норм, поскольку сами заинтересованные люди не должны были привозить образцы товаров. Директор центра, бывший партийный функционер Б.Мигачев, с ходу забраковал мою идею о создании при нашем фонде центра по обязательной сертификации. «Нет, нет, – говорил он. – Ваш фонд должен заниматься только необязательной сертификацией. Мы и создали его для этого». Его мнение было важным, поскольку он являлся одним из учредителей фонда и представлял интересы Росстандарта, который давал лицензию на право проведения работ по сертификации товаров. Я поспешил заверить Мигачева в том, что фронт работ по сертификации очень широк, поставщики товаров неделями ждут результатов анализов и выдачи сертификата, неся большие убытки. В этой ситуации всем работы хватит и наш центр не будет конкурентом «Ростеста». Но мой собеседник, не скрывая своего сарказма, отмахнулся от моих доводов и остался при

своем мнении. Неохотно, но все же он дал согласие на мое посещение лабораторий центра, направив меня к своему заместителю по научной части И.Машковцу. Игорь Константинович оказался весьма сведущим в области химических анализов и сертификации. Он подробно рассказал об особенностях их работы и затем показал несколько лабораторий по анализу продуктов. На мой взгляд работа по биохимическим анализам была поставлена неплохо, имелось неплохое оборудование. Так же обстояло дело с определением остатков тяжелых металлов. Но когда мы перешли в лабораторию химических и хроматографических анализов, я понял, что здесь дела обстоят ниже удовлетворительного уровня. О специалистах я судить не мог, но большинство анализов проводилось на отсталом техническом уровне. Центр не имел даже элементарного хроматомасс-спектрометра, без которого практически невозможна идентификация обнаруженных в пробах продуктов примесей. Хроматограф, который якобы был предназначен для обнаружения хлорсодержащих пестицидов, был покрыт толстым слоем пыли. Не оставалось сомнений, что на нем попросту не работают. Но даже если на нем и пытались бы определять эти примеси, то идентифицировать их более или менее надежно не представлялось никакой возможности. Однако еще более разочаровало меня то, что количество выдаваемых сертификатов (а, следовательно, и проведенных анализов) превышало по меньшей мере в три раза мощность центра, если бы даже он работал круглые сутки.. И все же я решил продолжать мои посещения центров по сертификации, полагая, что "Ростест" является исключением.

Побывав ещё в трех центрах, я окончательно понял, что более или менее удовлетворительно проводятся биохимические анализы, которые не требуют дорогостоящего оборудования и больших затрат на реактивы. А все остальные анализы, в основном, проводились формально.

Мое открытие меня ошеломило, и я не мог найти ответа на вопрос, как можно выйти из создавшейся ситуации. К своему удивлению, я выяснил, что оплата за проводимую сертификацию относительно низка и едва покрывает расходы на проведение анализов. Наконец, в одном из центров по сертификации, организованном при Всероссийском центре стандартизации и сертификации сырья, материалов и веществ (ВНИЦСМВ) его начальник разъяснил мне суть их работы. Оказывается, после того, как представитель поставщика привозит пробы в центр для анализа, он тотчас без проведения каких-либо анализов получает временный сертификат качества, который позволяет его фирме вывезти товары с таможни. В соответствии с этой процедурой (разумеется, незаконной), фирма добровольно обязуется не торговать своим товаром до тех пор, пока не получит настоящий сертификат. Но никто и никогда даже не пытался испытать данное "честное слово". Главное, фирма заплатила за проведение сертификации, а там, как говорится, ищи ветра в поле... Мой собеседник рассказал, что представители фирмы зачастую так и не приходят за получением настоящего сертификата. А зачем, когда товары уже находятся на прилавках? Так какой же был смысл тратить на приобретение дорогостоящего аналитического оборудования и реактивов? Налицо был негласный сговор между контролирующими органами и подконтрольными фирмами, что, собственно говоря, не было чем-то исключительным для России.

А то, что в результате здоровье людей подвергалось опасности, никого не интересовало. Более того, скоро я убедился, что даже в этом кое у кого был свой корыстный интерес.

Мне предстояло решить вопрос о принятии в состав фонда лаборатории по определению качества бензина и дизельного топлива автокомбината, который также являлся одним из соучредителей фонда. Договорившись с руководством комбината о встрече, я приехал и познакомился с его лабораторией.

Впечатление было тягостным. По сути дела, лаборатории как таковой не было, если не считать кое-какого допотопного оборудования. Даже покрытые пылью аналитические весы были старого, давно уже вышедшего из употребления образца. Так называемая подвижная лаборатория автокомбината состояла из автомобиля и находящегося там примитивного прибора для определения утечки природного газа, который используется для контроля исправности газопроводов. Прибор реагирует на

углеводородные газы, не позволяя делать какую-либо их идентификацию. Кроме того, на этом приборе невозможно делать какие-либо количественные измерения. Однако с помощью этого примитивнейшего прибора работники автокомбината «проверяли» экологическую обстановку около бензоколонок.

Мне стало ясно, что наличие лаборатории является простой формальностью. Тем не менее, она имела лицензию на производство анализов, выданную тем же Ростестом. Руководство автокомбината понимало, что контролировать свои бензоколонки своей же лабораторией не совсем правильно и поэтому в лице нашего фонда она хотело найти «крышу», которая бы показывала, что анализы проводит якобы независимая организация. Я понял, что проводимые анализы являются, по существу, очковитательством, и фонд не может без коренной перестройки работы лаборатории комбината принять ее на свой баланс. Я изложил свои соображения письменно, предложив купить современное аналитическое оборудование и нанять квалифицированный персонал.

Обо всех своих открытиях я рассказал Новикову, подчеркнув, что кругом действует самая настоящая, проверенная практикой система коррупции. Я предложил свой план действий, который, по моему мнению, мог бы несколько изменить существующее положение. Олег Иванович, в основном, одобрил его. Но мой план подразумевал и перестройку работы самого фонда. Мне показалось, что все это нам вполне по силам и мы решили действовать.

Я дал интервью корреспонденту газеты «Московская правда» И.Глану, подробно рассказав о том печальном положении, которое сложилось в области контроля качества продовольственных товаров в Москве. Интервью под названием «Химическое оружие ...на обеденном столе» было опубликовано 28 октября 1994 года.

Я начал действовать и в Московской городской Думе. Там встретился со своим бывшим коллегой из ГСНИИОХТ А.Макаровым, который к тому времени стал депутатом. С его помощью я познакомился с руководителем соответствующего комитета, который контролировал потребительский рынок.

Встретили меня там хорошо и скоро предоставили возможность выступить на заседании комитета. Я рассказал о моих открытиях на фронте сертификации продовольственных товаров и ответил на многочисленные вопросы депутатов, которые были весьма озабочены моим сообщением. Депутатами заинтересовались, и это обнадеживало. Я даже подумал, возможно, депутаты согласятся с моим предложением о создании в составе нашего фонда центра арбитражной сертификации продовольственных товаров для контроля как самих товаров, так и выдаваемых на них сертификатов другими центрами по обязательной сертификации. Комитет Думы решил созвать расширенное заседание с участием всех заинтересованных сторон. В середине октября такое заседание состоялось. Там присутствовали все лица, ответственные за контроль продовольственных товаров, включая представителей мэрии и Росстандарта. Все эти господа, без исключения, говорили о моей неопытности и о том, что на самом деле ими ведется жесткий контроль всего продовольствия, поступающего на прилавки города. И если имеются какие-то погрешности, то они связаны, скорее, с организационными недостатками, которые де скоро будут устранены. Они забраковали мои предложения, отмечая, что их реализация приведет ни много ни мало к продовольственному голоду, поскольку бизнесмены не потерпят убытков и вовсе бросят снабжать город продуктами, поскольку дело якобы станет неприбыльным.

– Здесь не всё так однозначно, как с химическим оружием, – «остроумно» заключил один из таких боссов, намекая на мои прежние выступления.

Я не ожидал такого цинизма и отсутствия всякой ответственности перед законом и перед людьми. Чиновники не боялись никого и действовали дерзко, заявляя прямо, что ничего менять не намерены. Депутаты городской Думы стушевались и никак не проявляли своей боевитости, которую они демонстрировали на выборах и при моем выступлении. Никто из них не захотел выступить ни «за», ни «против». Наконец, приняли какое-то промежуточное решение с призывом к дальнейшему улучшению контроля за качеством поставляемых в город товаров.

После этого я уже не сомневался, что мое предложение о включении в бюджет следующего года затрат на создание вышеназванного центра ожидает такой же бесславный конец.

Наконец, состоялось расширенное заседание правления нашего фонда, где директор автокомбината Монахов и представитель «Ростеста» выступили с критикой моих действий, которые, якобы, приводят только к ненужной конфронтации. Хотя президент фонда Новиков поддержал мои действия, другой мой шеф, директор фонда Аккинин был на стороне моих оппонентов, призывая заниматься лишь необязательной сертификацией. Все это было странно и подозрительно. Зачем нужно было заниматься тем, что не давало решительно никакой выгоды и ничего не меняло в самой системе защиты интересов потребителей? Один из выступивших даже предупредил, что центр, который Мирзаянов намеревается открыть, не просуществует и дня, поскольку его немедленно взорвут.

Скоро стало все понемногу проясняться. Оказалось, что наш директор снял все наши деньги со счета, который находился в пресловутом Московском городском банке. Бывший торговый представитель СССР за рубежом Н.Аккинин, который время от времени лечился от каких-то своих болезней в госпитале КГБ, "загнал" все деньги в фирму, занимающуюся импортом товаров из Турции... А через год я прочитаю в газете "Нью-Йорк таймс", что директор Московского городского банка А.Долгов загадочным образом исчез, но вместе с ним исчезли все вклады на счету банка, объявленного впоследствии банкротом. Газета также сообщала, что молодого бывшего директора банка (ему было около 25 лет) видели где-то в Сиэттле, что находится на севере восточного побережья США.

Так я понял, что мои попытки организовать контроль качества продовольственных товаров в Москве потерпели крах. Причем это занятие было не менее опасным, чем борьба против химического оружия.

Моя неудачная деятельность по защите интересов потребителей по времени совпала с действиями (к сожалению, столь же неудачными) на политическом поприще. Здесь я хотел бы рассказать о моих двух поездках.

В один из дней мне позвонила судья Перовского районного суда Н.Валуева и сообщила, что ей позвонили из фракции Жириновского в Государственной Думе и просили дать мой домашний телефон.

Встревоженная тем, что в суд в качестве группы моей поддержки могут явиться представители этой крикливой националистической группы в Госдуме, судья просила моего согласия дать им мой номер. Я ответил согласием.

Скоро мне позвонил человек по фамилии Дабагян, который назвался политическим советником В.Жириновского. Армен Багратович сообщил, что точно по такому обвинению, которое было в свое время предъявлено мне, в Москве арестован человек из Армении и насильно силами ФСК и армянской госбезопасности депортирован в Ереван. Дабагян просил меня о встрече, чтобы рассказать об этом подробно. Мы договорились встретиться в моем служебном кабинете фонда защиты интересов потребителей по ул.Татьяны Макаровой. Я вспомнил, что ещё в мае этого года на конференции "КГБ вчера, сегодня и завтра" С.Григорьянц кратко сообщил об этом случае.

На другой день ко мне приехали А.Дабагян и адвокат С. Политический советник В.Жириновского оказался симпатичным человеком средних лет. Он сразу же меня предупредил, что разговаривает со мной не как человек из Госдумы, а лицо, заинтересованное в судьбе невинно арестованного российскими властями Авакяна, которого теперь обвиняют в разглашении государственной тайны. Авакян в течение нескольких лет работал в качестве помощника министра внутренних дел и советника по национальной безопасности президента Армении А.Манучаряна. Последний, не согласившись с авторитарным курсом, проводимым президентом Армении Петросяном и назвав его противоречащим национальным интересам Армении, подал в отставку. После этого перед людьми бывшими близкими к экс-министру, замаячили невеселые перспективы. Помощник опального министра Ван Авакян срочно улетел в служебную командировку в Болгарию. Но перед отлетом он попросил свою жену припрятать в своей квартире две дискеты со служебной информацией. Сразу же после этого в

квартире устроили обыск и нашли эти дискеты. Пробыв в Болгарии два месяца и безмерно соскучившись по своей жене и 10-ти летней дочери (их сторожили и, разумеется, не могло быть и речи о возможности их отъезда из Еревана), Ван Авакян решил вернуться на Родину. Но в московском аэропорту его задержали чекисты и сдали армянским силам безопасности. Те, в нарушение всех существующих международных законов, посадили Авакяна в самолет и доставили в Ереван. Скоро должен был начаться судебный процесс в Верховном Суде Армении по тому же уголовному кодексу и по тем же перечням секретов бывшего СССР, которыми пользовались мои преследователи в России.

Президент Армении провозгласил, что все законы СССР по уголовному праву и государственным секретам остаются в силе. Мои собеседники просили моей помощи в спасении Вана Авакяна от неминуемой расправы. Я согласился предпринять все, что в моих силах. Пообещал предоставить копии всех материалов моего дела и съездить на суд в Армению.

29 сентября 1994 года Дабагян на своей машине доставил меня и моего спутника из общества "Мемориал" Николая Калинин в аэропорт Внуково. Там мы сели в самолет Москва-Ереван и через несколько часов приземлились в аэропорту Еревана.

Несмотря на осень, стояла теплая погода и повсюду было много фруктов и зелени. Правда, среди этого великолепия виднелись обезображенные деревья в парках и аллеях. Их срубили, чтобы топить дома в морозную зиму. Республика в результате войны в Карабахе фактически оказалась в изоляции: было прервано железнодорожное сообщение с Россией, не работал газопровод, к тому же в результате протестов экологов была закрыта Армянская атомная электростанция – основной поставщик электроэнергии в Армении. Правители Армении, пришедшие на волне патриотизма и идеи объединения Карабаха с Арменией, оказались не в силах решить самые насущные проблемы обеспечения людей теплом, электричеством и работой. Численность населения катастрофически таяла из-за бегства людей в Россию, где можно было найти хоть какую-то работу и крышу над головой.

Усилиями России в какой-то мере удалось остановить войну, законсервировав до лучших времен решение проблем, в связи которыми возник сам конфликт. Наконец, республика получила возможность сосредоточить свои усилия на развитии свободного рынка и демократизации общества. Вот тут-то и раскололся союз между президентом Петросяном и его давнишними сторонниками, которые, в основном, выступали за сближение с Россией. Однако, президент Петросян решил использовать возникшие разногласия для устранения своих вчерашних друзей. При этом он опирался на людей с криминальным уклоном, которые скоро стали ближайшими помощниками.

Люди на улицах Еревана были приветливы и учтивы, однако, на их лицах невооруженным глазом была видна тяжесть забот, которые легли на их плечи по вине правителей. Метро работало лишь в определенные часы и с большими перерывами между поездами. На улицах полностью были отключены светофоры регулирования уличного движения. В дома свет также подавался с большими перерывами и лишь в определенные часы. Люди пользовались керосинками и автомобильными аккумуляторами, запасались на зиму дровами, которые стоили огромных денег. Природа, к счастью, не признающая никаких земных правителей, щедро одарила людей своими дарами в виде винограда, фруктов, овощей и всевозможной зелени, что было большим подспорьем в борьбе за выживание. К сожалению, из-за отсутствия железнодорожного сообщения с Россией армянские фрукты более не доставлялись на знаменитые московские рынки, и больше не были источником доходов армян. Как я понял сразу же после приезда, Вана Авакяна защищала практически вся оппозиция. Было очень трогательно, когда многие люди, знавшие меня по газетным снимкам и телевизионным передачам из Москвы, подходили и спрашивали, на самом ли деле я тот самый Мирзаянов, за которого они так сильно переживали. Многие спрашивали, кто я по национальности. Узнав, что я татарин, они все равно до конца этому не верили. Многие даже говорили, что в моей фамилии есть что-то армянское. Видя, что их устраивает эта версия, я и не спорил. Моих многочисленных собеседников очень обрадовало сообщение, что я приехал защищать Вана Авакяна. Мне

окончательно стало ясно, что я имею дело с людьми, очень похожими на тех людей в России, которые защищали меня.

На следующий день организаторы поездки устроили пресс-конференцию, на которой я ответил на многочисленные вопросы корреспондентов армянских и российских СМИ. Мы еще до этого успели создать международный комитет по защите Вана Авакяна. Его сопредседателями стали депутат Верховного Совета Армении А.Аршакян и я. Мы здесь же огласили заявление, в котором обращались к мировой общественности, призывая возвысить свой голос против несправедливого преследования Вана Авакяна по политическим мотивам. Его подписали многие общественные организации и видные деятели. Однако, мой спутник из Москвы Н.Калинкин отказался его подписать, сославшись на то, что теперь "Мемориал" решает такие вопросы коллективно, а на это нужно-де время. Тем самым он невольно выдал внутренний кризис этой организации. Это произвело на всех собравшихся тяжелое впечатление. Пришлось дезавуировать все остальные подписи, оставив лишь подписи сопредседателей комитета по защите Вана Авакяна.

В дальнейшем представитель "Мемориала" упорно что-то записывал в свой блокнот, отказываясь выступать или высказывать свое мнение.

Я на пресс-конференции подчеркнул, что те самые законы СССР, по которым обвиняется Ван Авакян, на самом деле потеряли свою силу по решению Комитета конституционного надзора, возглавляемого С.Алексеевым. Президент Петросян, равно как и президент Ельцин, не имел права восстанавливать то, что было отменено еще режимом Горбачева.

На третий день моего пребывания в Ереване мы пошли в Верховный суд, где должно было начаться слушание дела В.Авакяна. Заседание было открытым, и зал был полностью заполнен народом. Когда ввели В.Авакяна, он, молча, движением скованных наручниками рук, поздоровался с публикой и поклонился в мою сторону, давая понять, что узнал меня.

Зал буквально кипел от негодования после оглашения обвинительного заключения. Оно было на армянском языке, и мне его переводили мои новые друзья. Судья неожиданно прекратил заседание и приказал увести обвиняемого. После долгих попыток что-либо узнать, наконец, нам объяснили, что следующие заседания суда будут закрытыми. Правда, сделали исключение для официального общественного защитника Грайра с выдающейся бородой. Он затем информировал общественность о происходящих в закрытом суде событиях.

Вернувшись в Москву, я устроил пресс-конференцию в Российско-американском информационном центре. Она вызвала некоторый интерес со стороны российских журналистов. К сожалению, иностранных корреспондентов дело Вана Авакяна не заинтересовало и они не пришли.

Я был глубоко благодарен С.Григорьянцу, который приехал на пресс-конференцию и практически вел её, несмотря на болезнь, вызванную жестоким избиением неизвестными лицами. Видимо, для тех, кто слишком тесно был связан с КГБ, невыносима была активная деятельность известного диссидента против этой зловещей организации. Через некоторое время неизвестными был убит сын Григорьянца, и вряд ли это можно было рассматривать как случайное событие в длинной цепи преследований этого мужественного человека, прошедшего более десяти лет в лагерях ГУЛАГа.

Увы, нам не удалось отстоять Вана Авакяна. Он был осужден на семь лет тюремного заключения. Судья в ответ на ходатайство объявить перечни секретов СССР недействительными на основании решения Комитета конституционного надзора СССР заявил, что эти документы не связаны с правами человека...

Что тут скажешь? Все судьи бывшего СССР прошли в свое время отбор через сито райкомов, горкомов и ЦК компартии, и Армения не была исключением. Они все так же обеспечивали власть новым рулевым, прикрывающимся демагогическими лозунгами о патриотизме и демократическом обществе.

Я еще пытался бороться за Авакяна в комиссии по правам человека Общественной палаты при президенте России, членом которой в то время являлся. Комиссию возглавлял М.Арутюнов, заместитель С.Ковалева на посту помощника президента по

правам человека. Среди членов комиссии были известные диссиденты и просто любители поговорить на разные темы. Они и говорили часами, но ничего конкретного не решали. Решения комиссии имели чисто рекомендательный характера и были удивительно поверхностными. По этой причине работа комиссии не вызвала интереса ни у общественности, ни у прессы. Когда я попросил комиссию возвысить голос в защиту Вана Авакяна, то председатель сильно перепугался: не будет ли само обсуждение этого вопроса вмешательством во внутренние дела дружественной Армении? Но когда я все же выступил, ряд членов комиссии поддержали меня и попросили подготовить решение по обсуждаемому вопросу. Такое решение мной уже было заранее подготовлено, но председатель комиссии настоял на том, чтобы я его перед обсуждением согласовал с ним и известным публицистом О.Чайковской, которая пишет статьи на темы прав человека. Я тут же отдал им свой проект и на следующем заседании вновь поднял вопрос о В.Авакяне.

Не хочется писать о всех отговорках уважаемых людей, но они ни в какую не соглашались даже на намек, что мы осуждаем действия властей Армении и вообще не хотели принять никакого заявления. Я не выдержал и вышел из себя. Даже пригрозил проинформировать прессу о том, как беспринципно ведет себя комиссия и рассказать, что они хотят заболтать проблему защиты прав человека общими рассуждениями на эту тему. В итоге, комиссия решила еще раз поручить мне подготовить проект решения и согласовать его с М.Арутюновым. Мне пришлось целую неделю "висеть" на телефоне, чтобы встретиться с заместителем защитника прав человека в России.

Окончательно выхлостив весь смысл заявления, М.Арутюнов, явно воюя с самим собой, в конце недели все же поставил свою подпись под заявлением в защиту Авакяна. После этого я прекратил свои посещения заседаний комиссии, проходящие в бывшем здании ЦК КПСС на Новой площади.

Уничтожим старое химическое оружие?

В начале октября 1994 года позвонил В.Петренко и сообщил, что в середине месяца должно состояться заседание комитета обороны Государственной Думы по вопросу о ратификации конвенции по запрещению ХО. Председателем комитета был тогда С.Юшенков. Я тотчас связался с его помощником М.Ненашевым, знакомым мне ещё со времен апрельского референдума 1993 года. Он сказал, что заседание комитета состоится 11 октября и будет закрытым, однако, он постарается обеспечить там моё присутствие.

11 октября 1994 года, я, перепутав время начала заседания комитета по обороне Госдумы, опоздал и попал в зал уже во время выступления полковника Генштаба, который излагал позицию ведомства о конвенции. Полковник говорил о тех положениях конвенции, которые, с его точки зрения, ущемляют национальные интересы России. В частности, он был против запрета испытаний и разработки ХО. В заключение он сказал, что Генеральный штаб не может рекомендовать конвенцию по запрещению ХО для ратификации без внесения в нее поправок. Здесь я понял, что в позиции российских военных произошли изменения, и отнюдь не в пользу ратификации конвенции. Возможно, они были вызваны усилением среди высшего руководства Армии крайне консервативных и националистических сил. Тут я подумал, что оказался практически в одной упряжке с этими господами, которые не заинтересованы в запрещении ХО. "Вот, наконец, я получил хороший урок", - подумалось мне тогда. Все остальные выступления (слово дали представителям НПО "Базальт", ГСНИИОХТ, комитета по конвенциональным проблемам и др.) были посвящены проблемам разработки безопасных технологий уничтожения запасов ХО, их хранения и финансирования этих работ. Из выступлений следовало, что финансирование работ по разработке технологий уничтожения ведется на крайне низком уровне, некоторые изделия, содержащие ОВ, практически исчерпали свой срок хранения, что делает их опасными для безопасности людей и окружающей среды. Генеральный директор НПО "Базальт" назвал упомогачительную цифру - с его слов, в процессе ликвидации

запасов ХО предстояло уничтожить 4 миллиона боеприпасов (снарядов, ракет, бомб и др.). Что и говорить, работа предстояла огромная.

Но одновременно возникал вопрос: каким образом удастся контролировать сохранность столь многочисленных боеприпасов? Возможен ли практически повседневный контроль в условиях, когда нет даже электронного учета всех этих изделий?

В начале ноября я получил решение комитета по обороне по вопросу о ратификации конвенции. Оно, в основном, было посвящено решению проблем уничтожения запасов химического оружия. Рекомендации комитета ратифицировать конвенцию не было. И это отражало внутреннюю борьбу, происходившую при составлении текста решения. Разумеется, в этом деле не удалось обойтись без участия сторонников Генштаба. Это, собственно, и следовало из преамбулы решения, где было записано:

"... Химическое разоружение в полной мере отвечает национальным интересам России, поскольку предусматривает уничтожение накопленных старых и устаревающих запасов химического оружия (подчеркнуто мной – В.М.), представляющих реальную угрозу для населения и окружающей среды. Уничтожение химического оружия не повлияет на национальную безопасность и не отразится на обороноспособности страны. Ратификацию Конвенции следует рассматривать как составляющую часть процесса разоружения в целом".

Причем речь здесь шла не о полном и всеобъемлющем уничтожении всех видов ХО, а только его старых видов. По мнению большинства комитета, в этом случае национальная безопасность не должна была пострадать. В свете этого становится понятной позиция военных, которые не хотят отказываться от новых разработок. Прочитав это решение, я понял, что моя позиция по ратификации конвенции более не может совпадать с позицией российских генералов, которые всегда своеобразно толкуют "национальные интересы", понимая в них прежде всего свою личную выгоду. Пусть даже текст конвенции страдает действительными пробелами, но тем не менее этот документ является началом процесса, который непременно должен быть продолжен. И если я добавлю свой голос к позиции наших «красных генералов», то невольно превращусь в их союзника. Тогда будет логично спросить, за что же я боролся?

Так, сама жизнь заставила меня изменить мое мнение о конвенции и я в какой-то мере даже благодарен полковнику из Генштаба, который по-военному прямо выразился против самого смысла этого документа.

Тем временем О.Новиков полностью был поглощен делами по созданию Федеративно-демократического движения России. Он намеревался с его помощью участвовать в предстоящих в 1995 году выборах в Государственную Думу и постараться восполнить тот вакуум, который возник за счет провала демократов на предыдущих выборах. На очередном заседании представителей различных движений и общественных организаций, которые должны были войти в будущую партию или движение, были избраны сопредседатели организационного комитета. Одним из них стал я.

Поскольку на референдуме по доверию президенту России, состоявшегося в апреле 1993 года, Донское казачество поддержало Б.Ельцина, то бывший координатор этой кампании О.Новиков полагал, что нам следует привлечь это движение на свою сторону. На самом деле казачье движение было расколото на соперничающие между собой фракции со своими атаманами, каждый из которых провозглашал себя единственным защитником и организатором казаков.

Мало кто в нашем оргкомитете представлял саму суть казачьего движения. Однако, из истории России нам было известно, что казачество использовалось царями для защиты и расширения их владений. Потомки беглых крепостных крестьян из России и Украины, со временем образовали преимущественно на южных окраинах империи устойчивые анклавы, которые пользовались значительными привилегиями в обмен на обязательство поставлять в армию свои воинские подразделения, которые были хорошо обучены и экипированы. Привилегии состояли, в основном, в казачьем самоуправлении и освобождении от налогов. Царское правительство широко использовало казачье войско для подавления всякого рода восстаний, движений или просто даже мирных акций российского общества.

Придя к власти, большевики ликвидировали любые виды автономии в жизни страны, независимо оттого, касались ли они студенческой жизни, религии или просто союза ремесленников. Естественно, не миновала чаша сия и казачество, которое в большинстве своем не восприняло социальную демагогию равенства пропойц и бездельников с глубоко верующим трудовым землепашцем-казаком и потому боролось против "красной чумы".

Последствия этой борьбы известны – существованию казачества со всеми его традициями пришел конец.

И вот теперь в условиях развивающейся в России демократии наиболее активные лидеры казаков вынашивали различные планы возрождения казачества. Сделать это было невероятно трудно, поскольку на землях бывшего казачества были созданы колхозы и совхозы, и мало кто толком помнит казачьи традиции и обычаи. К тому же, за годы советской власти на этих землях оказалось много людей, не имеющих к казачеству никакого отношения. Одним из лидеров казаков был Виктор Ратеев, капитан в отставке. Часть записавшихся в донские казаки провозгласила его атаманом Донского казачества. Одновременно таким же атаманом провозгласил себя другой офицер в отставке, бывший начальник одного из автогаражей ЦК КПСС в Москве. Если первый тянулся по своим взглядам к демократическим силам России, в которых он видел неплохую опору в достижении своих целей, то второй попросту являлся коммунистическим ставленником в казачьем движении.

Ратеев постоянно держал в Москве своего представителя В.Камшилова, которого вместе с его атаманом я впервые встретил на заседании Общественной палаты в Кремле летом 1994 года. Оба были декоративно одеты в форму казачьего генерала-атамана и есаула.

Камшилов регулярно стал посещать заседания нашего оргкомитета, не высказываясь ни по одному из обсуждаемых вопросов. Мне казалось, что он от этого несколько не страдал, поскольку охотников поговорить хватало, как всегда и без него. Однако я убежден, что его кажущееся безразличие не было вызвано неподготовленностью. Хотя время у меня тогда было весьма напряженным в связи с неурядицами в Фонде защиты интересов потребителей, я не смог отказать О.Новикову в просьбе съездить в Новочеркасск на учредительный съезд Донского казачества. К тому же, мне было весьма любопытно посетить город, в котором я побывал 35 лет тому назад на студенческой практике.

С тех пор произошло многое, в том числе страшные события, связанные с кровавым подавлением забастовки рабочих на паровозостроительном заводе в 1961 году. Совершенно мирная демонстрация забастовавших рабочих, которые протестовали против снижения заработной платы, была тогда расстреляна солдатами Кавказского военного округа по приказу Н.С.Хрущева. Было убито несколько сотен ничем не повинных людей. Многие были отправлены в ГУЛАГ. И вот совсем недавно, президент России, наконец, своим указом снял судимость с оставшихся в живых жертв кровавой большевистской резни.

Кроме меня, ещё на съезд ехал от нашего Федеративно-демократического движения Самил Ахильгов, бывший диссидент, ингуш, который в свое время преследовался за антисоветскую пропаганду. По словам самого Самила, участие в его освобождении, по его словам, принимал А.Сахаров.

Летели мы на специальном военном самолете, выделенном казакам подмосковным аэродромом на станции Чкаловская. Я понял, что на высшем военном уровне есть люди, поддерживающие В.Ратеева. В самолете я встретился с летевшим также на казачий съезд известным диссидентом Львом Убожко, с которым познакомился во время одной из телевизионных передач, посвященных государственной тайне. Тогда он подарил мне свою книгу с весьма пикантным названием "Моя борьба", которая рассказывала о необычной судьбе молодого рабочего, боровшегося против коммунизма.

Убожко в этой неравной борьбе пришлось испытать все ужасы марксистского фашизма, начиная с психиатрических тюрем-больниц, жестоких избиений и пыток, кончая самыми изощренными провокациями, устраиваемыми советскими учителями немецких гестаповцев. Они никак не могли понять, что толкнуло представителя класса-

гегемона на путь борьбы с режимом, который провозгласил себя властью, действовавшей, якобы от его же, гегемона, имени. Однако, необыкновенно крепкий дух Убожко сломать чекистам так и не удалось. Он совершал дерзкие побегі с мест заключения. Они всегда заканчивались его поимкой. В перерывах между следующими заключениями Л.Убожко непрерывно учился, став, наконец, крестом в своем родном городе Екатеринбург. Убожко, будучи непримиримым врагом тоталитарного режима, все ещё продолжал бороться с бывшими партийными функционерами, которые и теперь находились у власти в России. Сразу после съезда в Новочеркасске он должен быть ехать в Екатеринбург, чтобы защитить в суде журналиста, преследуемого за критику местной власти.

По-моему, Л.Убожко переоценивал свои возможности, вынашивая планы баллотироваться в кандидаты в президенты.

На казачий съезд собралось довольно много народу. Все были в военной форме казачьего образца, давали приказания, четко рапортовали и т.д. От всей этой бутафории у меня возникло ощущение, будто я нахожусь в театре, поскольку за всем этим не было решительно ничего реального: ни военных частей, ни школ или казачьей администрации. Мне сразу стало не по себе, когда я узнал, что некоторые казаки успели участвовать в кровавых межэтнических конфликтах в Молдове, Боснии и этим откровенно хвастались. Видимо, православно-шовинистические настроения у казачества сохранились и кое-кто умело использовал их. О каких-либо демократических веяниях в той среде не приходилось и говорить. По крайней мере, от тех, кто собрался на этот съезд, я не услышал никаких демократических идей. Я понял, что сделал большую ошибку, согласившись приехать сюда. И совсем перестал сомневаться в этом, когда Убожко, обратившись с приветственной речью, начал критиковать коммунистическое прошлое России. Его грубо прерывали, говоря, что здесь они не намерены «заниматься политикой» и, если ему, мол, больше не о чем толковать, то пусть прекращает свою речь.

Глубоко потрясенный таким «приемом», Лев, сойдя с трибуны, долго и безадресно возмущался.

После него выступил я. Моя речь была краткой, я приветствовал съезд и выражал надежду, что казачество вместе с демократическими силами в лице нашего Федеративно-демократического движения будет бороться за счастливое будущее народов России. Когда я сошел со сцены и направлялся на свое место, меня остановили сидевшие поблизости к президиуму пожилые люди в форме генералов Советской Армии. Один из них обратился ко мне:

– Вы сказали очень хорошо. У меня есть только просьба к вашему Володе Жириновскому. Передайте ему: мы одобряем все, что он говорит. Только пусть он будет поосторожнее и повременит со своим призывом мыть солдатские сапоги в Индийском океане... Я просто потерял дар речи. Слово побитый, вышел из зала и вечером того же дня на поезде отправился в Москву. Это был уже второй случай, когда я шел на компромисс с тем, что было мне совершенно не по душе.

...До этого случая я ещё успел побывать в гуще предвыборных событий. В середине октября предстояли дополнительные выборы депутата Госдумы по Мытищинскому округу. Наш оргкомитет по настоятельной просьбе Новикова решил выдвинуть меня кандидатом в депутаты. Хотя мне совершенно не хотелось участвовать в этом деле, однако, во имя укрепления нашего будущего объединения, я, скрепя сердце, согласился. Все заботы, связанные со сбором подписей избирателей, мои товарищи брали на себя. Думаю, что они собрали бы необходимые три тысячи подписей. Но меня все же выручил случай. Дело в том, что известный своей политической активностью бывший комсомольский функционер и успевший стать бывшим председателем московской торгово-сырьевой биржи Константин Боровой, участвуя в нескольких выборах, неизменно терпел поражение. На этот раз он опять выдвинул свою кандидатуру. Однако, среди прочих не особенно сильных кандидатов появился председатель “МММ” Мавроди. Было ясно, что этот мошенник попросту будет покупать на корню всех, от кого зависели голоса избирателей. В течение нескольких дней пресса сделала из него героя-мученика, которому власти не дали времени сделать

всех вкладчиков богатыми и счастливыми. Герой-мошенник прямо из тюрьмы заявил о своем намерении стать депутатом Госдумы. Почему бы нет, когда сами обманутые вкладчики и даже ряд известных ученых-экономистов открыто встали на защиту афериста?

Когда меня пригласили на конференцию "Финансовые события в России и что случилось с "МММ", устроенную 25 октября 1994 года в Российском Гуманитарном университете, я пошел туда исключительно потому, что надеялся, что ее организаторы во главе с известным экономистом Л.Пияшевой, по крайней мере дадут научный анализ аферы. Но не тут-то было. Оказалось, конференция собралась для того, чтобы "научно" оправдать право "пирамиды" на жизнь. Без тени смущения один из экономистов-математиков привел многочисленные уравнения, доказывающие, что криминальная схема вполне законна и может дать большую пользу как вкладчикам, так и всему обществу. Присутствие на конференции известного харьковского экономиста И.Бирмана, ныне проживающего в США, давало особый козырь защитникам "пирамиды". Как жаль, что в то время я еще не знал о запрете подобного жульничества в США!

Вернусь, однако, к выборам. Боровой позвонил нам с просьбой снять мою кандидатуру в его пользу. Я ответил согласием, надеясь, что он сможет остановить Мавроди. Затем на пресс-конференции мы подчеркнули важность объединения демократических сил на реальном примере, каковым было снятие моей кандидатуры. После этого мне стали звонить по телефону избиратели из Мытищи. Звонившие говорили, что я смог бы выиграть эти выборы, а теперь, мол, у них нет выбора, поскольку все остальные кандидаты – нечестные люди.

Мавроди легко выиграл выборы, пообещав превратить Мытищи в цветущий город, а всех жителей сделать богатыми. Ну, кто в России может устоять против этого? Впрочем, жители Мытищи могли потом успокоить себя тем, что на этот раз Мавроди отнял у них только голоса, а кровные копейки они успели отдать ему раньше... Так, на каждом шагу на политической и общественной ниве я терпел поражение. Было ясно, что мне «мешает» отсутствие "гибкости", которая позволяет многим идти на компромиссы, если они даже в корне противоречат их убеждениям. Без этого, к сожалению, не может состояться политик или удачный общественный деятель в современной России.

Теперь я связывал свои надежды с предстоящей поездкой в США. В России же для меня осталось лишь прошлое со всеми моими горестями и мимолетными радостями, а настоящее представляло собой только поле из разбитых горшков...

Глава 20

Прощай, Россия!

Мое открытие Америки

Хотя все документы для поездки в США были в надлежащем порядке, до самого последнего момента я не был уверен, что не найдется какая-либо новая причина, чтобы не выпустить меня за пределы страны. 11 февраля 1995 года в аэропорту Шереметьево офицер-пограничник, повертев в своих руках мой паспорт, приказал отойти в сторону и ждать. Он вызвал другого офицера, по-видимому, своего начальника. Вместе они стали что-то делать на своем компьютере и переговариваться по телефону. Я оставался спокойным, поскольку внутренне был

готов к отказу в разрешении на посадку в самолет. В ожидании прошли 40 минут, показавшиеся вечностью. Затем меня подозвал пограничник и спросил, с какой целью я еду в США и собираюсь ли там оставаться навсегда. Я объяснил цель моей поездки и сказал, что пока никто мне не предложил остаться в США и поэтому не могу ответить на его вопрос.

Офицер смотрел на меня таким взглядом недоверия, будто я должен был немедленно признаться в задуманном преступлении. «Ты, вша! От меня зависит, пущать тебя или нет, – говорил взгляд пограничника. – Говори, заискивай, что ты молчишь?» Наконец, пограничник достал какую-то бумагу, что-то там отметил и медленно протянул мне мой паспорт. «Можете идти», – добавил он.

Я пересек красную линию на полу у будки пограничников, обозначающую, что за ней начинается другая территория...

В США мое пребывание было расписано по часам, но, к счастью, там были не только деловые встречи. С помощью моих друзей я смог познакомиться с некоторыми примечательными местами страны. Впечатления были с самого начала потрясающими. С тех пор прошло несколько лет и я уже постоянно проживаю в этой стране, однако, все еще испытываю те же чувства. Восхитила прежде всего устроенность и прилаженность всего ландшафта, так умело сочетающего в себе природный пейзаж лугов, полей и лесов с городами. На втором месте стоят, пожалуй, дороги. Думаю, что это большое достижение США. Когда ты видишь ровные и оборудованные всеми современными техническими средствами скоростные автотрассы, по которым в одном направлении движется на огромной скорости непрерывный поток красивых разноцветных автомобилей в четыре, а то и в шесть рядов, то это не может оставлять равнодушным даже самого ярого антиурбаниста.

Я бы отметил и систему магазинов, как продовольственных, так и промтоварных. В какое бы место США ты не отправился, ты встретишь там точно такие же магазины, как и в крупном городе, с тем же изобилием товаров. Возможно, поэтому для американца ничего не стоит переехать в любой штат США, где нет вопросов, связанных с так называемым бытом. Американца главным образом интересует лишь наличие рабочего места или возможности разворачивания собственного бизнеса. Понятно, почему среднестатистический американец отличается большой подвижностью, меняя за свою жизнь место жительства семь и более раз.

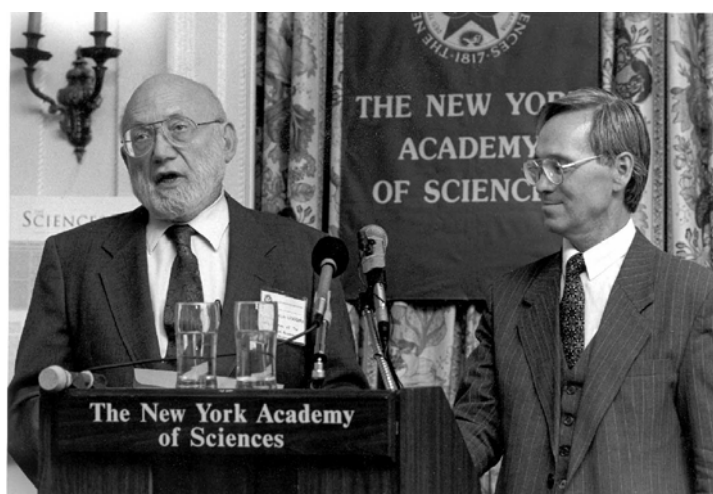
Для меня большой и приятной неожиданностью было знакомство с Нью-Йорком. Как и все наши люди, я был воспитан на советской пропаганде, что этот город приводит человека в ужас со своими небоскребами, представляющими собой бесцветные монолиты из бетона и стекла, являющие собой классический образец «каменных мешков», в которых вынуждены прозябать потерявшие веру в светлое будущее американцы. Действительно, Нью-Йорк потрясает, потрясает красотой, которая создана человеческим гением. Для меня эти чудесные творения современной архитектуры являют собой истинную поэзию, сотворенную из бетона и стекла. Все эти красоты, все более приумножаются, поскольку этому народу удалось устоять против чумы XX века – коммунизма и фашизма. Хорошо, что есть страна, благодаря которой мир избежал неминуемой катастрофы – всеобщей победы большевизма. В связи с этим хотел бы сказать, что современные демократы в России лукавят, когда возражают против вступления восточноевропейских стран в НАТО, утверждая, что это будет стимулировать коммунистические и националистические силы в стране. Думаю, что на самом деле, в их подсознании сидит настоящий великорусский шовинизм, который мешает им понять, что другие народы имеют точно такое же право, как и русские, самостоятельно определять меры своей безопасности. В особенности, с учетом их горького опыта общения с ними. Русским, в конце концов, не мешало бы больше заниматься обустройством собственной страны и налаживанием действительно равноправных отношений с покоренными ими народами, чем вмешиваться в дела соседей.

Буквально на другой день после моего прибытия в Принстон, где я остановился, мы отправились в Нью-Йорк для участия на двух встречах в Нью-Йоркской Академии Наук. Я с большим волнением вошел в здание Академии, членами которой были Эйнштейн, А.Сахаров и другие выдающиеся ученые XX века. Я был безмерно счастлив

познакомиться с людьми, которые много времени и сил потратили, чтобы вызволить меня из лап всесильного КГБ.

С президентом Академии Дж.Ледербергом я уже был знаком ещё с апреля 1994 года, когда встречался с учеными из США в отеле "Рэдиссон-Славянская" в Москве. Трудно было поверить, что красивая и хрупкая Светлана Костик-Стоун, председатель секции Академии по правам человека, несла столь большую нагрузку, беззаветно отдавая себя защите преследуемых ученых во всем мире. Десятки писем и телеграмм с обращениями Академии, выполненные ею только по моему делу, являются лучшими свидетелями ее самоотверженной деятельности.

На собраниях, организованных по поводу встречи со мной, с теплыми словами приветствия выступили президент Академии лауреат нобелевской премии Дж.Ледерберг, председатель Академии Р.Николс, вновь избранный президент Американского химического общества профессор Р.Бреслоу и другие, фамилий которых, к сожалению, я не запомнил. Их речи, полные самых высоких похвал и благодарности в мой адрес, были настолько эмоциональны, что мне стоило больших усилий сдержать набежавшие на глаза слезы...

Президент Нью-Йоркской Академии Наук Дж. Ледерберг.

Все было, как во сне, – так выразилась при встрече со мной корреспондент Национального радио США в Москве Кэтлин Хант. По ее словам, она никак не могла поверить в реальность происходящего. Еще только три года тому назад никто даже в самых смелых прогнозах не смог бы предположить, что тогдашний узник Лефортовской тюрьмы, которому было запрещено не только думать о посещении других стран, но и посещать места, где бывают иностранцы, сможет приехать в Соединенные Штаты и услышать в свой адрес столько лестных слов из уст прославленных ученых. Не могу не сказать доброго слова по адресу представителя России в ООН С.Лаврова, который своим присутствием на этом собрании четко обозначил ту позицию, которую занимают российские дипломаты по отношению к правам человека.

На обоих собраниях зал Академии был полон и присутствующая публика проявила неподдельный интерес ко мне и к моему поступку, засыпав меня многочисленными вопросами, на которые я отвечал с немалым воодушевлением.

В своем ответном выступлении, кроме выражения благодарности организаторам этой встречи и лицам, которые организовали и осуществили эффективные мероприятия в мою защиту, я огласил заявление о моей поддержке конвенции по химическому оружию.

15 февраля прошла незабываемая встреча в Комитете озабоченных ученых, который ведет активную работу по защите прав ученых во всем мире. Он также энергично вел мою защиту путем посылки многочисленных протестов и обращений на имя Президента и Генерального прокурора России.

Я был счастлив лично поблагодарить руководителей комитета всемерно известного математика Дж.Лейбовца и Дороти Хирш. Кроме того, здесь я впервые познакомился с М.Кавалло, молодым и симпатичным бизнесменом, который основал свой фонд для поощрения людей, пожертвовавших своим личным благополучием ради торжества правды и устранения несправедливости, обмана и злоупотреблений.

Пожалуй, кульминационным моментом моей поездки было участие на конференции Американской Ассоциации за прогресс в науке (AAAS), состоявшейся с 16 по 21 февраля 1995 года. Конференция проходила в одном из красивейших отелей Атланты под названием "Мариотт". Несмотря на середину февраля, в этом живописном городе, где на следующий год должны были состояться олимпийские игры, уже была весна. Деревья и лужайки были покрыты зеленью. А внутри гостиницы, по-видимому, никогда не бывает перемен года: экзотические тропические деревья утопают в цветах, создавая естественный компонент современного интерьера, где господствующим является торжество пространства. Устремляющиеся ввысь под громадный стеклянный купол здания прозрачные скоростные лифты, обрамленные разноцветными гирляндами ламп иллюминации, придают всему этому совершенно фантастический вид ...

В гостинице находятся многочисленные залы разной вместимости, оборудованные специально для проведения конференций. Американцы, надо сказать, проводят их с любовью и блеском. Там нет нерешенных проблем, каждый обеспечен всеми необходимыми оборудованием для общения с выступающими ораторами. Если у тебя возникла необходимость что-либо напечатать и затем размножить, то рядом находятся залы с многочисленными компьютерами и ксероксами. О средствах связи даже и не стоит говорить, их огромное множество. Конференции сопровождаются многочисленными приемами и банкетам, которые, как мне показалось, являются продолжением самих официальных мероприятий. Говорят американцы на конференциях и собраниях весьма искусно, мастерски пользуясь современными техническими средствами подачи информации. По-видимому, такое искусство основано на традиции: они любят выступать, задавать вопросы, участвуя в самых разных мероприятиях. Если американец в письмах весьма лаконичен и краток, то в выступлениях он не упускает никаких вводных слов, точек и запятых. Так, что сказка о том, что американец предельно сух и деловит, никак не соответствует действительности. Он совершенно не чужд эмоций и любит производить впечатление. Также как и в России, некоторые ораторы могут говорить до тех пор, пока их не остановит председательствующий. На вопросы в США отвечают подробно и обстоятельно, затрачивая на это иногда больше времени, чем на само выступление.

Американская Ассоциация за прогресс в науке (ААПН), основанная 150 лет тому назад, является одним из крупнейших научно-технических объединений, насчитывающим в своих рядах более 140 тысяч индивидуальных членов и 296 ассоциированных групп. На ее ежегодных конференциях обсуждаются самые различные научные проблемы, от межзвездной астрофизики и до со свободы творчества, воспитания и обучения молодого поколения. ААПН имеет в своем составе отдел международного сотрудничества, который включает также и секцию по защите прав ученых. Кроме ведения огромного объема работы в этом направлении, отдел ежегодно представляет кандидатов в число награждаемых ученых за выдающиеся достижения в различных областях науки и отстаивание научной свободы и ответственности. По предложению этой секции соответствующая награда за 1994 год была присуждена и мне. Награды лауреатам ААПН вручал её президент известный биохимик доктор Айяла в одном из банкетных залов отеля.

В памятной медали награды говорится: "Награда ААПН 1995 года за научную свободу и ответственность дана Вилу Султановичу Мирзаянову за его прямоту, как ученого, силу характера и исключительного личного мужества, которые были направлены на поддержание здоровья, безопасности и благосостояния российского народа и всего человечества".

На конференции мне пришлось выступить дважды. Первый раз на пресс-конференции с участием многочисленных корреспондентов, а второй раз на заседании секции по правам человека Американского химического общества, проводимом в рамках конференции. При этом необходимо отметить волнующие встречи с председателем секции профессором Зафра Лерман, которая много сил приложила к моей защите. Это чрезвычайно энергичная и симпатичная женщина, отличается большой активностью в деле защиты ученых, преследуемых за свои убеждения во многих странах. Такую работу она успешно сочетает с преподаванием химии и физики в одном из чикагских колледжей по разработанному ею новаторскому методу.

Кроме того, комитет по научным и правозащитным программам ААПН, Американское химическое общество, Американское физическое общество, Картеровский центр университета Имори и Комитет озабоченных ученых 17 февраля 1995 года в отеле "Хаятт" устроили прием в честь меня и китайского физика Янг-Жунь-Тао. Незадолго до этого китайский ученый был освобожден из тюрьмы за его борьбу против тоталитаризма и не успел прибыть в США.

Следующим пунктом моего расписания были встречи в Вашингтоне. Столица Соединенных Штатов очень красива и монументальна. Здесь почти каждое здание представляет собой архитектурное совершенство. Создается впечатление, что все эти красивейшие архитектурные ансамбли создавались согласно строгим законам гармонии – настолько они соответствуют друг другу. По-видимому, это идет из истинного и глубокого патриотизма американцев, влюбленных в свою страну и в свой город. Думаю, что их невозможно подбить на строительство какого-то ультрасовременного строения рядом с чудесными зданиями, построенными в прошлом веке. А ведь именно так часто бывает в России. В этом смысле американцы обладают достаточным консерватизмом, что проявляется и при строительстве ими собственных домов, которые, как правило, возводятся в пригородных районах городов.

В Вашингтоне мои встречи были организованы Стимсонским центром, ведущим исследования в важнейших областях внешней политики, связанной с разоружением, разработкой рекомендаций для стратегических и тактических подходов по отдельным

регионам мира. Центр основан в 1989 году и носит свое название в честь выдающегося политического деятеля Генри Стимсона, занимавшего посты государственного секретаря и министра обороны при различных президентах США. Центр публикует результаты своих исследований в различных сборниках, в числе авторов которых можно встретить известных специалистов из России. Одной из тем исследований центра является также химическое разоружение. Он открыто поддерживал и продвигал ратификацию конвенции по запрещению химического оружия, как безальтернативного инструмента этого процесса. Президенту центра М.Крепон и старший научному сотруднику Эми Смитсон потратили много времени и сил, чтобы мои встречи были продуктивны.

Кроме встреч в агентстве США по разоружению и отделе госдепартамента по правам человека, где я излагал свой взгляд на проблемы, связанные с конвенцией, мне предстояло встретиться с председателем комитета по обороне Сената США Турмондом. До этого я беседовал с помощниками некоторых сенаторов – членов комитетов по обороне и иностранным делам. Это были молодые женщины и мужчины, многие из которых свободно говорили и даже шутили по-русски. Помощник одного из сенаторов-демократов (по-моему, сенатора Нанна) отрекомендовался как «меньшевик». Я пожелал молодому человеку, чтобы ему никогда не пришлось разделить судьбу русских меньшевиков, которые поголовно были истреблены. В Америке и «большевики», и «меньшевики» были очень вежливыми и сохраняли такт даже в тех случаях, когда были убеждены, что я не прав. На этом фоне несколько выделялась напористостью Моника Чавес, помощник сенатора Хелмса.

Встреча с сенатором Турмондом происходила в зале Сената, где обычно заседает комитет по обороне. Сенатор, несмотря на свои 92 года, был энергичен и внимателен. Оказалось, что он очень любит наблюдать за собеседником, даже если тот говорит на другом языке. В знак уважения он усадил меня и переводчицу Марину Четверикову рядом с собой по разные стороны от себя на председательском месте. Вначале сенатор Турмонд высказал несколько слов восхищения моими действиями. «Наша встреча здесь, – сказал он далее, – является выражением такого уважения». По просьбе сенатора Турмонда я в течение пяти минут изложил ему и другим сенаторам, сидевшим за круглым столом, свою позицию по отношению к конвенции по химическому оружию, особо отметив, что без ее ратификации Россия будет оставаться непрозрачной по этому виду вооружений.

Сенатор спросил меня о судьбе новых разработок России в области химического оружия, которые были предметом моих публикаций. В ответ я сказал, что эти вопросы могут быть и должны быть решены в рамках двусторонних переговоров, не затрагивая самого текста конвенции. Однако, после вступления конвенции в силу вполне вероятен контроль и по новым разработкам. Здесь, продолжал я, нет особых проблем, поскольку Россия еще не наладила массовый выпуск нового оружия. Задача состоит в том, чтобы предотвратить саму потенциальную возможность производства и накопления нового оружия под видом сельскохозяйственных препаратов. Тут вмешалась помощница сенатора, спросив, как же можно контролировать новое оружие, если оно не включено в перечень контролируемых веществ. По существу, она повторяла мои прежние доводы против конвенции, которые я до этого неоднократно излагал в средствах массовой информации.

Я ответил, что в принципе, перечень контролируемых веществ конвенции перекрывает и новое оружие. Здесь, повернувшись назад, я увидел взволнованное и бледное лицо Моника Чавес. Она меня теснила:

– Но ведь вы говорили раньше, что новое вещество не включено в этот список, а теперь настаиваете на обратном?

Я объяснил, что здесь нет противоречия, поскольку в принципе перечень перекрывает и этот класс соединений. Проблема в том, чтобы вещество стало известным США в результате переговоров, после чего его можно уверенно контролировать.

– В конце концов, мои и Углева выступления сделали политически невозможным и невыгодным правительству России хранить его секрет. Дело только за дипломатами, – заключил я.

Вечером этого дня состоялся прием в мою честь, который Совет объединений евреев (The Union of Councils) устроил в одном из красивейших залов старой крепости, что находится в центре Вашингтона.

Здесь я впервые встретился с академиком Роальдом Сагдиевым, узбекским диссидентом А.Пулатовым. В числе приглашенных были знаменитый американский правозащитник Дэн Эллесберг, знакомый мне по московской встрече писатель Дэвид Вайсс с сыном, работающим помощником сенатора Монихэна, известный биохимик Валерий Сойфер и представители русского отдела госдепа.

Оказалось, что председатель Совета объединений Нафталин хорошо знает Россию и информирован о моем деле. Я был безмерно рад возможности поблагодарить людей за их бесценную помощь мне.

К сожалению, время моего пребывания в США пролетело очень быстро. Мне было очень грустно от мысли, что я должен снова возвращаться в Москву, где для меня уже все было немило.

В то же время я знал, что скоро приеду в США навсегда. Дело в том, что мой друг Гейл Колби быстро поняла мое нынешнее положение и дальнейшую полную его бесперспективность как для меня самого, так и для моих детей. Она пригласила меня в США, где я мог бы рассчитывать на постоянное место жительства. Я согласился без колебаний.

...26 марта 1995 года я окончательно прибыл в США. В моем возрасте не так-то было просто адаптироваться к новой жизни. Я даже не был обучен водить автомобиль. Однако, многое здесь зависит от тебя и от твоей энергии, чтобы преодолеть эти трудности. Даже языковой барьер не так серьезен, если ты стараешься общаться больше с американцами, чем с русскоязычными эмигрантами.

Сенаторы встревожены

Перед моим окончательным отъездом из Москвы произошли трагические события в Японии. Главари религиозной секты «Аум синрике» отравили заринотом тысячи людей в Токийском метро. Более десяти пострадавших тут же скончались.

Корреспондентов международных агентств интересовало наличие российского следа в этом преступлении. Такой след мог быть вполне. Я уже писал выше, как надоедал нам, узникам Лефортовской тюрьмы, своими нудными и бессмысленными выступлениями по радио главарь секты Асахара.

Он также имел тесные связи с крупными генералами российской армии и с даже некоторыми министрами. Если Асахара смог легко приобрести современный военный вертолет в России, то также без труда он мог бы достать здесь и ОВ.

Согласно опубликованным в печати сведениям, главари секты решили производить зарин кустарным способом в Японии. По крайней мере на сегодня нет сведений о том, что они где-то купили ОВ. Но нет и гарантий, что в действительности этого не случилось. Кто немного представляет состояние складов с запасами ХО в России, тот без труда сможет допустить реальную вероятность такого события. Ведь в коррумпированной армии продавались совершенно новые типы вооружений. Газеты писали, что чеченские повстанцы вооружены самым современным российским оружием, привезенным даже из Забайкальского военного округа.

До сих пор нам везло – повстанцам просто не понадобилось ХО. У меня, да и у многих моих коллег нет никакого сомнения в том, что если бы они захотели его применить, то особых проблем у них бы не возникло. Примерно такие же свои взгляды я излагал в своих ответах на вопросы репортеров по проблеме хранения запасов ХО в России.

В начале декабря 1996 года из Японии пришло известие, что в ходе расследования дела «Аум синрике» была найдена бутылка, заполненная газом VX. Это был уже

очень серьезный симптом того, что на этот раз ОВ имеет зарубежное происхождение, поскольку получить этого химический агент в кустарных условиях секта никак не могла.

Японские события серьезно встревожили общественность и законодателей в США и они решили провести специальные слушания по этому поводу в подкомитете Сената по расследованиям.

В сентябре 1995 года ко мне обратились помощники сенатора Нанна с просьбой выступить на предстоящих слушаниях в подкомитете сената США по расследованиям. Сенатор-демократ Нанн являлся членом подкомитета и вместе с с сенатором-республиканцем Лугаром организовал предстоящие слушания. Я согласился, поскольку был уверен, что проблема хранения запасов ХО отныне является не только заботой России, но и западных стран, в том числе и США. Здесь требуется сотрудничество двух стран, которое должно быть направлено на повышение уровня безопасности хранения.

Слушания состоялись 31 октября и 1 ноября 1995 года в зале подкомитета по расследованиям. Я не присутствовал при выступлении всех участников слушания. Однако, и из того, что удалось услышать, выяснились ошеломляющие факты деятельности секты «Аум синрикэ». Она была мощнейшей организацией, владеющей имуществом и деньгами приблизительно в 1 миллиард долларов. Секта приобрела радиоактивные материалы, химические вещества-полупродукты для синтеза ОВ, создала широкую сеть своих организаций по всему миру. Филиал был создан и в США. Некоторые члены американского филиала дали показания на заседании подкомитета. Для того, чтобы их обезопасить от возможной мести со стороны главарей секты, этих свидетелей во время их показаний отгородили от публики в зале ширмой. Я наблюдал тщетные попытки фоторепортеров сфотографировать хотя бы их макушки голов.

Я выступил 1 ноября, принеся традиционную присягу о том, что обязуюсь говорить правду и только правду, повторяя эти слова с поднятой правой рукой вслед за сенатором Нанном. Полный текст моего выступления опубликован в протоколах Сената США 101-го созыва.

Затем следовали вопросы сенаторов, на которые я отвечал с известной долей осторожности, дабы не усложнить ситуацию во время предстоящих в Сенате дебатов по ратификации конвенции по химоружию ("Слушания в постоянном подкомитете комитета по государственным делам Сената Соединенных Штатов. Сто первый Конгресс. Первая сессия. Часть 1. 31 октября и 1 ноября 1995 года").

«Сенатор Нанн. Доктор Мирзаянов, не могли бы вы рассказать нам о деле генерала Кунцевича, который был бывшим членом комитета президента Ельцина по химическому оружию и который, как я понимаю, недавно был обвинен в краже химического оружия для Ближнего Востока? Могли ли бы рассказать, что вы знаете об этом?

Доктор Мирзаянов. Я могу сказать, что 4 апреля 1994 года КГБ начал следствие по делу генерала Кунцевича и группы исследователей, включая Петрунина, директора ГосНИИОХТ, и Дрозда. 6 апреля генерал уже был смещен со своей должности, однако проблема заключается в том, что все люди были привлечены в качестве свидетелей. Следствие особенно сосредоточилось на Дрозде, утверждая, что им вместе с оборудованием также был отправлен в Сирию прекурсор химического оружия.

По моему мнению, возможно, что частично обвинение правильно, однако в то же время оно является политической игрой. В последнее время начальники генерала Кунцевича не были довольны тем, как ведет дело генерал Кунцевич. Это особенно касается генералов Петрова и его заместителя генерала Евстафьева, по мнению которых, Кунцевич слишком много внимания

уделял процессу уничтожения химического оружия и недостаточно заботился о сохранении потенциала России. Я думаю, что генерал Кунцевич не является худшим из генералов химических войск, однако он в значительной мере не искренен. Он не является личностью, которой можно доверять. Думаю, что следствие знает уже достаточно, чтобы сурово расправиться с Кунцевичем. Однако, не следует думать, что генерал Кунцевич действовал самостоятельно. Не может быть никакого сомнения в том, что действовал он полностью с согласия своих начальников. В частности,

сотрудничество с Сирией не было инициативой Кунцевича. Однако ему было поручено работать по этому делу. Все это позволяет предполагать, что кто-то решил пожертвовать генералом ради политических целей.

Сенатор Нанн. Позвольте спросить вас, если я могу, поскольку я должен этим затем оперировать. Некоторые люди, включая тех, кто в Конгрессе, будут ссылаться на этот пример с высокопоставленным лицом, старшим генералом, обвиняемым теперь в продаже вооружений, говоря, что все это является свидетельством, что мы не можем вступить в соглашение по химическому оружию с Россией и с другими странами из-за наличия коррупции и из-за такого примера провала в доверии. Как вы могли бы ответить на это?

Доктор Мирзаянов. Я бы ответил, что действительно все генералы, кто инициировал это дело, являются сильными противниками химического разоружения. Однако конвенция по химическому оружию является продуктом 20-летней трудной работы многих исследователей, политиков различных стран. Так, любой отрицательный импульс, любое отрицательное действие против ратификации могло бы привести лишь к еще меньшей прозрачности относительно химических вооружений России и мы бы возвратились к исходной точке».

Посчитав, что мой ответ недостаточно убедителен, ко мне на помощь поспешил М.Мооди, президент института по контролю биологических и химических вооружений, который выступил здесь с показаниями сразу после меня. С марта 1990 по январь 1993 года он работал помощником директора по многосторонним делам Агентства по контролю за вооружениями и разоружению США (АКВР), а также участвовал в переговорах в Женеве по разработке конвенции о химическом оружии.

«Мооди. Господин председатель, могу ли я дать некоторый комментарий на ваш вопрос?

Сенатор Нанн. Конечно.

Два беглых замечания. Первое. Одна из причин, которыми некоторые сенаторы озабочены относительно роли Кунцевича в ратифицируемой Конвенции заключается в том, что они рассматривают его как ключевого участника переговоров поэтому договору. Когда я был в АКВР, мое бюро было ответственно за руководство переговорами со стороны агентства. По этой причине я должен был весьма пристально следить за переговорами и провел некоторое время в Женеве на этих переговорах. По моей памяти, по памяти некоторых людей в делегации США, а также по словам главы Российской делегации на переговорах, генерал Кунцевич лишь один раз приезжал в Женеву на один-два дня, но никогда не сидел за столом переговоров. Второе. Я хотел бы отметить, что до тех пор, пока КХО не вступит в силу, здесь нет никакого международного закона против торговли этими материалами. Единственным международным юридическим документом по химическому оружию является Женевский протокол от 1925 года, запрещающий его применение. Все остальные аспекты, связанные с производством, разработкой, исследовательской работой, торговлей, не подлежат запрету. Таким образом, если он нарушил что-либо, то он нарушил внутренний закон России и, как известно, КХО предусматривает ряд мер по укреплению этой области.

Сенатор Нанн. Спасибо.

Мой последний вопрос, доктор Мирзаянов. Известно ли вам, что когда-либо Советским правительством химическое оружие отправлялось на Ближний Восток?

Доктор Мирзаянов. Да, я знаю о свидетельстве полковника, который сам участвовал в транспортировке химического оружия на Ближний Восток из бывшего СССР.

Сенатор Нанн. Какая страна? В какую страну пошло это оружие?

Доктор Мирзаянов. Он не сказал об этом. Он не назвал страну, однако мы можем догадаться, в какую. Он сказал, что оружие было поставлено не только для одной определенной страны, но включая, конечно, Сирию.

Сенатор Нанн. Было ли это во время Советского Союза или такая отправка продолжалась и в России?

Доктор Мирзаянов. Нет, это имело место в советское время и этот полковник был готов публично об этом заявить, однако, это могло быть опасным для него самого.

Сенатор Нанн. Заявил ли он это публично?

Доктор Мирзаянов. Нет, он этого не сделал. Он не заявил об этом публично, поскольку современные российских законы и отсутствие ратифицированной Конвенции по химическому оружию не вдохновляют людей идти на публичные заявления с такими разоблачениями.

Сенатор Нанн. Благодарю Вас.

Сенатор Коэн?

Сенатор Коэн (нынешний министр обороны США– В.М.). Спасибо, сенатор Нанн.

Доктор Мирзаянов, здесь имеются несколько иронических моментов к тому, о чем вы свидетельствовали сегодня здесь. Номер один из них то, что вы указывали, что химические вооружения, разработанные советскими и российскими правительствами в России, хорошо загерметизированы и поэтому весьма безопасны. Можно надеяться, что мастерство, которое было приложено к области вооружения России, превосходит таковое в коммерческом секторе, каковым является Чернобыль. Предположим, что это на самом деле так. Система защиты этих загерметизированных вооружений всегда была адекватна защищаемому персоналу. Вы имели большой вооруженный персонал, который был предназначен для защиты, чтобы они не были украдены или использованы для других целей. Теперь мы имеем ситуацию, когда такой персонал более не имеется или в большинстве случаев он коррумпирован теми, кто ищет пути продажи некоторых из этих материалов, или теми, кто связан с организованной преступностью.

Мы здесь сегодня не слышали ничего о роли организованных преступных банд России. Мы слышали от другого лица свидетельство о том, что там имеется более чем 5 500 банд, орудующих в России или даже в самой Москве. Они успешно проникли путем коррупции в среду как военных, так и правительственных чиновников. Никто из наших свидетелей не посвятил свои выступления этой проблеме и, возможно, вы могли бы, исходя из вашего опыта, просветить нас о том, старается ли активно организованная преступность искать доступ к такого рода материалам .

Доктор Мирзаянов. (Перевод с русского). Я хотел бы сказать, что совершенно согласен с вами, что химическое оружие в России стоит перед большой опасностью разворывания, как со стороны защищающего персонала, так и со стороны организованной преступности. Мне кажется, что мы должны быть очень счастливы, что такая кража еще не произошла. Нам еще везло, что никто не заказал такое мероприятие. Думаю, что если бы кто-нибудь по-серьезному захотел получить в свои руки химическое оружие, то здесь для него особых проблем не возникло.

Сенатор Коэн. Могли ли бы вы рассказать нам о том, намеревались или нет россияне нарушать конвенцию по химическому оружию после ее ратификации?

Другими словами, были ли предприняты шаги для того, чтобы тайно нарушать договор после того, как он был бы ратифицирован ?

Доктор Мирзаянов. По моему мнению, конвенция по химическому оружию сформулирована таким образом, что могут быть предотвращены любые нарушения. Я указывал в своих статьях, что списки химических соединений, которые подлежат контролю, не включают некоторые вновь разработанные отравляющие вещества. Эта была моей особой заботой и поэтому я обратился к общественности перед тем, как был начат процесс ратификации. Однако, после опубликования моих статей и после многочисленных консультаций с моими коллегами- учеными я пришел к выводу, что все типы отравляющих веществ могут контролироваться согласно процедуре конвенции по химическому оружию.

Сенатор Коэн. Позвольте мне здесь выразить мое личное мнение на этот счет. Я думаю, что не может быть спроектировано ни одно соглашение, которое не может быть обойдено какой-либо страной, если она намерена это сделать. Это моя личная убежденность, что правительство России предприняло шаги для дальнейшего обхода конвенции по химическому оружию, как это произошло по отношению к конвенции по биологическому оружию.

Это моя личная оценка. Это не говорит, что мы не должны иметь такого рода конвенции, однако дело в том, что мы должны иметь того, кому адресовать эти

вопросы. Я знаю, что сенатор Нанн весьма озабочен побыстрее продвигаться, однако, позвольте мне сделать пару беглых замечаний. Я думаю, что в вашем заявлении, доктор Лейтенберг, вы указали на проблему третьих стран, говоря, что они подтвердили термины по наступательным исследованиям и демонтажу экспериментальным технологическим линиям для производства ОВ и т.д. Это, возможно, правильно, однако, на деле мы знаем, что русские годами лгали насчет Красноярска. Помните это? Мы настаивали, что они соорудили станцию наведения межконтинентальных ракет в нарушение соглашения по ним. Они говорили, что нет, мы строим здание для слежения за спутниками. Это заняло годы давления до тех пор, пока, в конце концов, они не уступили и признались, что они фактически строили здание в нарушение соглашения. Они лгали годами. Горбачев, архитектор гласности, годами лгал об их деятельности по биологическому оружию. Наконец, когда президент Ельцин приехал в Соединенные Штаты, он согласился с тем, что они в самом деле имели программу по биологическому оружию.

Так, за нами имеется история. Вопрос заключается в том, почему мы теперь должны им верить? Я бы напомнил, что сказал президент Рейган. Мы должны доверять, но проверять. Таким образом, процесс режима проверки должен быть более обширным и более интенсивным, чтобы мы могли чаще проверять...»

Трудно согласиться с доводами М.Мооди относительно роли А.Кунцевича в Женевских переговорах. По-видимому, я также в своих ответах был недостаточно адекватен. К сожалению, генерал А.Кунцевич являлся ключевым лицом в определении стратегии и тактики переговоров и насчет этого у меня никогда не было сомнений, поскольку во время моей работы мне приходилось получать об этом соответствующую информацию, в том числе и от самих экспертов на переговорах. А то, что он был лишь один раз в Женеве, ничего не значит. Цель генерала для меня и моих коллег в ГСНИИОХТ всегда была ясной: уничтожить старое химическое оружие, сохранив все новые разработки и, главное, потенциал военно-химического комплекса. Насколько ему это удалось отразить в тексте конвенции, частично я уже постарался рассказать выше.

Вместо заключения.

Судьба распорядилась так, чтобы я от имени многих ученых, которые посвятили свою жизнь созданию химического оружия, выступил за его окончательное уничтожение и запрет навсегда любых исследовательских работ в области разработки ОВ. Таким образом я признавал свою долю вины перед человечеством и пытался искупить ее. Конечно, я и мои коллеги могли бы оправдываться, как это делали до нас многие специалисты по созданию оружия массового поражения, тем, что мы это делали в силу необходимости или в худшем случае, творили, не ведая о последствиях, просто зарабатывая себе на жизнь. В последнем случае мы уподоблялись бы производителям и торговцам наркотиков, калечащих жизни людей ради денег. Хотя корни вооружения лежат в области пещерного менталитета человечества, который пока невозможно переделать, однако последние шаги в области борьбы против оружия массового поражения дают основание надеяться на прогресс. Конечно же, это происходит не само по себе, а под давлением наиболее прогрессивной и ответственной части людей, которая упорно работает ради будущего человечества. Не буду перечислять достигнутые успехи. Их гораздо меньше, чем необходимо для того, чтобы быть спокойным за будущее жизни на земле. Однако, теперь, после запрета на испытания ядерного оружия, на очереди стоит полный запрет этого оружия. Я знаю здесь, в США, много людей, которые уже активно ведут борьбу за это. Пусть это лишь начало долгого пути, но человечество на него уже встало.

В области химического разоружения дела обстоят одновременно и проще, и сложнее. Причины такой двойственности я постарался объяснить в этой книге.

Я убежден, что в любом случае необходимо начинать с практической реализации конвенции по запрету ХО. Сама жизнь заставит в случае необходимости вносить коррективы в этот важный процесс. Мне кажется, этап жизни под лозунгом «все или

ничего», мы уже давно прошли. Теперь нам просто необходима достаточная смелость для первых шагов.

Я счастлив, что внес свой посильный вклад в это дело. Без преувеличения можно утверждать, что отныне в области химического разоружения отсутствуют неоткрытые континенты или таинственные острова с опасными рифами.

Слово теперь – за политиками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава		страница
Глава 1	Откуда взялся этот Мирзаянов ?	1
Глава 2	Я учусь	13
	Доведет ли язык до Киева ?	13
	В Москве	16
Глава 3	Я становлюсь человеком «ящика»	25
Глава 4	Химическая карьера	30
Глава 5	Рядом с оружием дьявола	36
	«Несуществующие ученые»	36
	Партия наш рулевой	38
	Новочебоксарская фабрика смерти	44
	Кто ковал меч империи ?	45
	Тайны «ящика» изнутри	56
	Зелье А-230	61
	«Супермен» Мартынов	67
	Волга – великая химическая река	71
	«Открытие Богомазова»	73
Глава 6	Борцы со шпионами	86
	Женевские переговоры	86
Глава 7	Муки прозрения	95
Глава 8	Партийный билет – на стол	105
Глава 9	Я нарушаю тишину	109
	Инверсия	110
	«Охота на ведьм» в ГРНИИОХТ	112
Глава 10	Вызов отравленной политике	117
Глава 11	Месть и закон	123
	Чекисты готовят компромат	123
	За мной «пришли»	124
	В Лефортово	125
	Падение Федорова	129
	Я «переезжаю»	137
	Сокамерники – адвокаты	138
	Обвинение готово	144
Глава 12	Крах плана КГБ	151
	Суд освобождает меня из тюрьмы	152
	КГБ против Асниса	154
	Генералы «промывают» мозги	156
	КГБ терпит поражение. Аснис назначен моим адвокатом	157
Глава 13	Капитан Шкарин «лепит дело»	160
	Экспертная комиссия	161
Глава 14	Я не один	170
Глава 15	Следствию – бойкот	175
	ЦК КПСС и химические вооружения	175
	Бойкот предвзятости	172
	Человек из Вольска	175

	Как татары стали «врагами демократии»	179
	Находка чекистов	182
	Правительство России спешит на помощь КГБ	190
Глава 16	Реванш коммунистов	209
Глава 17	КГБ готовит закрытый суд	216
Глава 18	Суд и тюрьма	235
	Прокурор Панкратов и судьи	224
	Арест	229
	«Матросская тишина»	231
	В подземелье	250
	Свидетели «топят» дело	260
	Прокурор Панкратов бракует работу чекистов	267
	Судьи прекращают процесс	267
Глава 19	Оправдание	285
	Решение Генерального прокурора	274
	Я выступаю в Думе...	280
	Я борюсь за загранпаспорт	285
	Решение межведомственной комиссии	295
	Я втягиваюсь в политику	298
	Уничтожим старое химическое оружие	306
Глава 20	Прощай, Россия	321
	Мое открытие Америки	
	Сенаторы встревожены	
	Вместо заключения	